

Древности Боспора

30

Москва
2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

30

МОСКВА
2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

*Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского*

Том 30

Редакционный совет:

член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков* (председатель);
проф., д. и. н. *М. Г. Абрамзон*; проф. *Д. Браунд* (Великобритания);
д-р *П. Дюпон* (Франция); проф., д. и. н. *А. В. Подосинов*;
проф., д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*; к. и. н. *В. П. Толстиков*;
проф., д. и. н. *В. П. Яйленко*

МОСКВА, 2025

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Работа по организации и редакционной подготовке издания осуществлена в рамках проекта:
**«Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира
и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций»**
(№ НИОКТР 122011200269-4)

Редакционная коллегия

д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)

д. и. н. В. Д. Кузнецов; д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты

д. и. н. С. Ю. Внуков

к. и. н. В. А. Гаилов

*Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН*

Д73 **Древности** Боспора. Том 30. – М., 2025. 520 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-468-5

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям на стыке смежных исторических дисциплин.

Для археологов, историков, краеведов.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-468-5
ISSN 2686-6870
DOI: 10.25681/IARAS.2025.978-5-94375-468-5

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2025
© Редколлегия, 2025
© Авторы статей, 2025

В 2025 году свой юбилей отмечают наши коллеги
и друзья, – **Владимир Петрович Толстиков** и **Николай**
Игоревич Сударев, – каждый из которых внес большой вклад
в изучение древностей Боспора.

Этим знаменательным событиям
посвящается очередной том ДБ

Редколлегия

Путь воина...

18 сентября 2025 г. исполняется 80 лет выдающемуся отечественному антиковеду, заведующему Отделом искусства и археологии Античного мира Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, кандидату исторических наук, начальнику Боспорской (Пантикапейской) археологической экспедиции, заслуженному деятелю искусств Российской Федерации, члену-корреспонденту Германского археологического института, человеку-легенде – *Владимиру Петровичу Толстикову*.

Владимир Петрович родился в год Великой победы в Москве в семье военных. Несколько послевоенных лет он со своей семьей провел в Берлине. В 1964–1967 гг. сам Владимир Петрович проходил срочную службу в рядах Вооруженных сил. По всей видимости, эти факты его биографии оказали определенное влияние и на выбор В.П. Толстиковым в будущем некоторых приоритетных тем его научных исследований, так же как и на выбор пути, что привел его на *татами*, где он постигал премудрости восточных единоборств, достиг на этом поприще впечатляющих успехов, которые позволили ему выработать железный характер и мудрый взгляд на окружающий мир и людей...

С детских лет Владимир Толстиков интересовался античной историей и археологией, посещал археологический кружок в Историческом музее. Эти увлечения закономерно привели его на истфак МГУ им. М. В. Ломоносова, куда он поступил на обучение после службы в Армии. Владимир Петрович – выпускник кафедры археологии. Его преподавателями были такие корифеи отечественной истории и археологии, как А. В. Арциховский, Б. Н. Граков, В. Л. Янин, Б. А. Рыбаков, Г. А. Федорова-Давыдов, Л. Р. Кызласов, И. В. Яценко, А. Ч. Козаржевский, А. Г. Бокщанин, В. И. Кузищин и другие. Дипломную работу Владимир Петрович выполнял под руководством доктора искусствоведения, профессора В. Д. Блаватского, оказавшего заметное влияние на начинающего свой путь в профессии антиковеда.

С конца 1960-х годов Владимир Петрович – участник ряда античных экспедиций, и прежде всего – Пантикапейской, которой руководила И. Д. Марченко.

В 1973 г. В. П. Толстиков пришел на работу в ГМИИ им. А. С. Пушкина, в котором он работает по сей день, с 1985 г. бессменно возглавляя Отдел искусства и археологии Античного мира.

В 1982 г. Владимир Петрович блестяще защитил кандидатскую диссертацию «Фортификация античного Боспора», которая до настоящего времени остается важнейшим исследованием по этой теме. Эта высоко оцененная научным сообществом работа послужила фундаментом для дальнейшей разработки юбиларом военной тематики в рамках истории и археологии Боспора, реализованной им в ряде статей и обобщающих очерков. Так, в фундаментальном издании «Античное наследие Кубани» им (в соавторе с А. К. Нефедкиным) написан раздел «Армия. Вооружение. Фортификация»; соответствующие разделы подготовлены Владимиром Петровичем к публикации в академическом 20-томном издании «История России с древнейших времен». Несомненно, В. П. Толстиков является непререкаемым авторитетом в этой области знаний об античных древностях Боспора и Северного Причерноморья в целом.

Но, пожалуй, важнейшим делом в жизни Владимира Петровича стало исследование Пантикапея, а точнее – раскопки акрополя столицы Боспорского царства на вершине горы Митридат в Керчи. Боспорская, а ныне – Пантикапейская экспедиция ГМИИ им. А. С. Пушкина, которую он возглавляет уже почти столетия, приняв руководство в 1977 г., стала его любимым детищем. Увлеченность и полная отдача работе позволила Владимиру Петровичу сделать множество научных открытий. Древнейшие на Боспоре каменные дома, многокамерные комплексы позднеархаического времени и дворец Спартокидов, оборонительные стены и башни различных периодов, храм Афродиты и Диониса и городские улицы, цистерны и водостоки, уникальная конструкция из амфор на склоне акрополя и участок раннесредневекового некрополя и многое другое было открыто нашим юбиларом. В результате работ Владимира Петровича было доказано, что Керчь – это древнейший город на территории нашей страны. Но и это далеко не всё... Все, кто посещает Керчь сегодня, могут увидеть остатки древнего Пантикапея – в той или иной степени, но всегда заботливо реконструированные по его рекомендациям и под его непосредственным руководством древние архитектурные сооружения.

Весьма значительным достижением Владимира Петровича на археологическом поприще стала разработка им дробной периодизации строительных периодов жизни акрополя Пантикапея, подкрепленная глубоким анализом всей совокупности источников. Перед нами открывается не только история развития крупнейшего античного городского центра на юге России, но и своего рода эталонная хронологическая шкала, отражающая важнейшие вехи истории Боспорского царства и всего Северного Причерноморья. В последние годы В. П. Толстиков большое внимание уделяет исследованию сакральной жизни древней столицы, в особенности – вопросам реконструкции центрального на вершине её акрополя храма Аполлона. Тщательнейший высокопрофессиональный анализ разрозненных ордерных деталей позволил убедительно воссоздать облик этого величественного сооружения.

Десять лет назад, в посвящённом его 70-летию сборнике научных трудов «С Митридата дует ветер», был опубликован список печатных работ нашего юбилара. За прошед-

шие десять лет этот список заметно пополнился, в том числе – коллективной монографией, посвященной архаическому Пантикапею.

Уникальные находки, обнаруженные Владимиром Петровичем, по праву занимают достойное место в экспозициях Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Как настоящий музейщик, В.П. Толстиков всегда стремится представить найденные им античные памятники в максимально выгодном свете, привлечь внимание не только специалистов, но людей далеких от археологии. Он всегда открыт к использованию самых прогрессивных реставрационных методов, как, например, в случае с уникальной терракотовой ванной VI в. до н. э., воссозданной реставраторами под его руководством, и украшающей ныне постоянную экспозицию ГМИИ им. А.С. Пушкина. Нельзя не упомянуть замечательную выставку «Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства», на которой впервые были представлены новые уникальные материалы из раскопок последних лет. Каталог этой выставки стал, можно сказать, бестселлером! Владимир Петрович хранит не только материалы из раскопок Пантикапея. Под его кураторством находится и так называемый спецфонд музея. Многолетняя работа с этими замечательными экспонатами привела к выставке «Сокровища Трои», ставшей настоящей сенсацией в научном мире.

Одним из важнейших качеств юбиляра является щедрое желание и умение передавать знания, готовить кадры молодых археологов-антиковедов на таком сложнейшем во всех отношениях памятнике, как акрополь Пантикапея. Владимир Петрович всегда открыт для начинающих коллег и всяких научных дискуссий. Он может часами рассказывать об античном Боспоре, греческой фортификации и архитектуре, как, впрочем, – и о восточных единоборствах. Чего стоят его воспоминания о десятках выдающихся исследователей, с которыми ему довелось встречаться и работать. Через школу Боспорской экспедиции – школу В.П. Толстикова – прошли многие известные ныне специалисты – историки и археологи, работающие в Академии наук, музеях и университетах России, Украины, Германии, Франции, Швейцарии...

Имя Владимира Петровича хорошо известно специалистам и за рубежом. Он участвовал в работе нескольких международных конференций и выставок. Особо хочется отметить его роль как одного из соавторов грандиозного выставочного проекта «Европа без границ», три выставки которого, посвященные эпохе Мерovingов, бронзовому и железному векам, экспонировались на крупнейших музейных площадках Москвы и Санкт-Петербурга.

Владимир Петрович еще и замечательный художник, архитектор, талантливый спортсмен, тренер и преподаватель. Многие годы он вел школу спортивных единоборств, а также занятия в археологическом кружке для школьников в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Внешне суровый и неприступный, он – настоящий надёжный друг, мудрый наставник, открытый и душевный человек. Его жизненный путь – достойный пример для тех, кто пойдет за нами.

Пожелаем юбиляру здоровья, сил, бодрости духа и еще многих-многих сезонов на акрополе древней столицы Боспора, где все мы так привыкли видеть его!

Друзья и коллеги

Вы не поверите, но...

60 лет назад, 1 апреля 1965 г. в г. Люксембург (Великое Герцогство Люксембург) в семье дипломатов действительно родился наш юбиляр – *Николай Игоревич Сударев*. Детские же свои годы он провел в Риме, где его родители продолжили службу. И лишь затем в Москву...

Самый день ли его рождения (международный день смеха и шуток), или благоприятный климат Апеннинского п-ова, населенного легкомысленными итальянцами, оказали такое влияние, но добрый нрав и природная веселость стали «визитной карточкой» Николая Сударева. Неслучайно в археологическом кружке во Дворце пионеров на Ленинских горах, – который вел первый в области археологии наставник нашего юбиляра, Б.Г. Петерс, – с легкой руки одного из кружковцев Николай получил характерное прозвище – «Коровьев». Не столько, видимо, потому, что, так же как известный герой романа М. А. Булгакова, был худощав и появился как-то в надтреснувших очках, сколько в силу того, что очень был склонен, как и тот, пошутить по любому поводу. (Станным образом, значительное время в детстве было проведено им на Патриарших, на которых, в ближайшем доме, со львами, проживала тогда его бабушка...)

Впервые в археологической экспедиции в Восточном Крыму Николай Игоревич (тогда еще и потом долгие годы – просто Коля) оказался в далеком уже 1980 г., еще будучи школьником. А затем на протяжении многих лет (исключая разве годы службы в Армии) практически каждый год он участвует в полевых изысканиях в разных районах европейской части нашей страны (в Крыму, в Краснодарском крае, Молдавской ССР, Дагестанской АССР, в Брянской, Калужской, Смоленской, Новгородской, Тверской, Курской, Воронежской областях), выполняя обязанности простого сотрудника, заместителя начальника или начальника отрядов (экспедиций).

В Институте археологии Н. И. Сударев оказался в 1982 г., навсегда связав с ним свою судьбу. Ради этого, отучившись три курса на дневном отделении исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, он в 1986 г. поступает на работу в Дагестанскую экспедицию Института. Проведя первые свои полевые исследования по собственному Открытому листу и сдав Отчет, Николай идет служить в Армию (осень 1986 – декабрь 1988 г.), а вернувшись получает «заветную» штатную должность – рабочего хоз. части. После этого он восстанавливается в МГУ и продолжает обучение, но уже на вечернем отделении, специализируясь по кафедре археологии и получив диплом в 1991 г.

Продолжил свое образование в аспирантуре ИА РАН (научный руководитель – Г. А. Кошеленко, но наряду с ним, в числе своих учителей сам юбиляр всегда называет Н. П. Сорокину). Итогом стала блестяще защищенная в 2005 г. кандидатская диссертация «Грунтовые некрополи Боспорских городов VI–II вв. до н. э., как исторический источник». Долгие годы «погребальная» тематика оставалась главной (хотя и не единственной) в научном творчестве Николая Игоревича. В этой области он добился больших успехов, став одним из самых, если не самым авторитетным специалистом. Прежде всего потому, что в своей работе он не замкнулся в тесных региональных рамках, а опирался на знание погребальных памятников всего Средиземноморья. Его работы во многом имеют новаторский характер. Они позволили преодолеть своего рода «прокрустово ложе», отказавшись от рассмотрения погребальных памятников (в данном случае Боспора) исключительно в рамках старой историографической парадигмы «греки – варвары». Он наглядно показал, что эти памятники – значительно более разноплановый и весьма информативный источник.

В последние четверть века фокус научного внимания Николая Игоревича сместился к «азиатскому» берегу Киммерийского Боспора: от Фонталовского п-ова, через Фанагорию – и далее, через черноморское русло Кубани (Гипаниса) в Синдику, не минуя, конечно, и Горгиппию. Здесь он проводил собственные разведки и стационарные раскопки на разных памятниках. Благодаря открытости характера и природному дружелюбию, он наладил научные контакты и добрые товарищеские отношения практически со всеми местными исследователями. Н. И. Сударев зачастую выступает в роли признанного и постоянного куратора большинства, и не только академических, экспедиций. И такой профессиональный контроль и квалифицированный совет представителя ИА РАН на месте подчас дорогого стоит. Не случайно именно нашему юбиляру, как человеку наиболее информированному, ОПИ ИА РАН не редко доверяет рецензирование многих полевых отчетов о работах, проведенных «в области его ответственности».

Такими путями к Н. И. Судареву стекается практически вся новейшая научная информация о древностях Азиатского Боспора. И благодаря этому существенно расширился круг его собственных профессиональных интересов. Он плодотворно работает над проблемами ранней истории и археологии Таманского п-ова и Нижнего Прикубанья, уделяя в первую очередь внимание контактам эллинов и местных варваров накануне Великой греческой колонизации и в первые столетия после основания колоний. Разумеется, новый археологический материал стимулирует к пересмотру некоторых старых концепций. И Николай Игоревич делает это как всегда увлеченно, с вдохновением. Разумеется, в интерпретации новых источников всегда есть место для дискуссии.

И очень отраднo, что юбиляр не только щедро делится с коллегами новой информацией, но всегда открыт для обсуждения новых идей и позитивной критики.

Особенно хочется отметить ту роль, которую играет Николай Игоревич в научной обработке и публикации уникальных материалов сравнительно недавно раскопанного некрополя поселения Волна 1 на юго-западе Таманского п-ова. Воистину характер, масштабы и сохранность этого замечательного памятника стали подарком для нашего юбиляра, который позволил ему в полной мере реализовать накопленные за десятилетия знания, раскрыть свой научный потенциал исследователя. Уже опубликовано два тома материалов с самым непосредственным его участием. Но точка не поставлена. Продолжение следует.

Мы начали приветственное слово другу, отметив его легкий нрав и неумную склонность к шутке. Действительно, говоря о нем, невольно ощущаешь на лице легкую улыбку. Но все-таки нельзя не сказать и о том, что Николай (которого практически все его друзья и знакомые, – несмотря на уже вполне зрелый возраст, – все ж таки зовут Колей) – надежный и верный друг. Пусть это звучит банально, но для тех, кому довелось вместе с ним пережить нелегкие времена и обстоятельства, поймут нас. Впрочем, и в самых добрых обстоятельствах, например в туристических путешествиях по Италии или Сицилии (которые Николай не только любит с детства, но глубоко знает), он всегда незаменим...

Итак, с днем рождения, Коля!

Друзья и коллеги

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бейлин Д. В., Куликов А. В., Рукавишникова И. В.</i>	
К археологической карте Керченского полуострова	
1. Древние поселения в районе села Бондаренково (Булганак)	15
<i>Бехтер А. П.</i>	
Эпиграфические материалы из раскопок поселения Стрелка 2	
в 2012–2016 гг.	40
<i>Бонин А. В.</i>	
Новый винодельческий комплекс на Ильичевском поселении	48
<i>Винокуров Н. И.</i>	
Гробница 20/2023 и яма с менгирами погребально-жертвенного комплекса	
IV в. н.э. южного теменоса городища Артезиан	62
<i>Гаврилов А. В.</i>	
Находки бронзовых перстней с инталиями на поселениях хоры	
Феодосии	94
<i>Егорова Т. В., Ильяшенко С. М.</i>	
Новые данные о «Западном пригороде» Танаиса	124
<i>Журавлев Д. В., Фирсов К. Б., Шлотцауер У.</i>	
Поселение Стрелка 2: результаты исследований 2012–2016 гг.	149
<i>Завойкин А. А.</i>	
Синды, Семибратние курганы и Лабрис (историографические	
реликты и новые открытия)	180
<i>Захаренков Н. В., Хрищановский В. А.</i>	
Погребальные и ритуальные комплексы на валу № 1	
в юго-западном предместье Китея	213
<i>Зубарев В. Г., Маркова К. О.</i>	
Склеп № 25 некрополя городища «Белинское»	229
<i>Коваленко С. А.</i>	
О монетной чеканке Боспора на рубеже эр	243
<i>Ковальчук А. В.</i>	
Косские клейма с сельских поселений Крымского Приазовья	266
<i>Кононов В. Ю., Кононова С. А.</i>	
Курганная группа на юго-западной окраине мкрн. «Солдатская слободка»	
в г. Керчь (предварительный обзор по итогам раскопок 2022 г.)	289
<i>Ломтадзе Г. А., Ольховский С. В.</i>	
Амфорная тара второй половины VI – V вв. до н.э.	
из подводных раскопок у мыса Ак Бурун	323
<i>Масленников А. А.</i>	
Античная поселенческая терминология и некоторые	
археологические реалии Боспора	332

Саблин М. В.	
Фауна поселения Стрелка 2	349
Савостина Е. А.	
Вглядываясь в детали... К изучению шедевров торевтики из северочерноморских курганов: традиции и стратегии	354
Сазанов А. В.	
«Pontic red slip wares» form 1: типология и хронология	364
Сапрыкин С. Ю., Винокуров Н. И.	
Стол-трапеца и греческие надписи из поселения Артезиан на Европейском Боспоре	391
Суриков И. Е.	
Что писали (и чего не писали) некоторые ахеменидские подданные о позднеархаическом и раннеклассическом Боспоре	422
Трейстер М. Ю., Сударев Н. И.	
Серебряные спиралевидные украшения Азиатского Боспора	436
Шелов-Коведяев Ф. В.	
De titulis Bosporanis et viciniis IX	464
Яйленко В. П.	
Согдийские фактории раннесредневекового Боспора как часть великого согдийского торгового пути по данным топонимики и письменных источников (и отдельно об острове Тамань)	484
Сокращения	514
Правила и рекомендации по оформлению рукописей	517

Д. В. Бейлин*, А. В. Куликов*, И. В. Рукавишников**

(* Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь;

** Институт археологии РАН, г. Москва)

К археологической карте Керченского полуострова 1. Древние поселения в районе села Бондаренково (Булганак)

Село Бондаренково (бывш. Булганак) расположено в северо-восточной части Керченского полуострова в 5 км к северо-северо-востоку от г. Керчи между деревней Войково (бывш. Катерлез) и поселком Аджимушкой. В центральной части села протекает речка Восточный Булганак, впадающая в Керченскую бухту в районе рыбоконсервного завода. Ширина его поймы местами достигает 60 м. В западной части расположен ныне не эксплуатируемый Булганакский карьер. В 1,5 км к северу от села находится Булганакское сопочное поле, известное своими активными грязевыми вулканами. Обширные территории проявления грязевого вулканизма, пересеченная местность и сильно засоленные почвы малопригодны для ведения сельского хозяйства. С северо-востока, востока и запада от села в широтном направлении простирается цепочка мшанково-рифовых скалистых гряд, вершины которых имеют высотные отметки от 70 до 131 м над уровнем моря.

Первые сведения (1840–1841 гг.) о раскопках курганов в районе с. Бондаренково и близ пос. Аджимушкой относятся к деятельности чиновников министерства внутренних дел А. Б. Ашика и Д. В. Карейши¹ [Марти 1926, 31, 57]². В 1882 г. Н. П. Кондаков проводил раскопки кургана на вершине горы Хрони близ села Баксы (совр. Глазовка), а затем раскопал крайний западный из трех курганов, на скалистой гряде, протянувшейся от села Бондаренково к поселку Аджимушкой³.

¹ В 1835 г. А. Б. Ашиком здесь были обнаружены плитовые гробницы, в одной из которых найдена погребальная урна с «золотой повязкой с изображением похищения Кору и поисков Деметры, две серьги, золотой браслет и кольцо».

² В районе села Бондаренково в основном к востоку и северо-востоку известно несколько некрополей с плитовыми могилами. Об одном из них близ современного карьера по добычи строительного камня сообщал В. В. Веселов [Веселов 1959, 241–242].

³ Отчет ОАК за 1882–1888 гг., VIII. Дав краткую характеристику своим раскопкам, Н. П. Кондаков отмечал: «Большие курганы этого хребта служили уже, правда, предметом поисков со стороны дирекции Керченского музея во времена управления им покойным Ашиком, но не могут считаться вполне исследованными; разграбление же их должно быть затруднено каменными завалами, составляющими особенность курганов этой

Несмотря на то, что в первой половине XX в. в северо-восточной части Керченского полуострова был проведен ряд археологических исследований, носивших характер разведок⁴, об окрестностях села Булганак никакой информации вплоть до систематических осмотров В. В. Веселовым не имелось. Эти сведения побудили в 1958 г. сотрудников музея В. Э. Кунина и С. А. Семенова повторно посетить окрестности села Бондаренково для детального ознакомления с памятниками. Соответствующие результаты (семь выявленных древних поселений) были опубликованы ими в 1962 г. [Семенов, Кунин 1962, 259–261]. Возвращаясь к В. В. Веселову, отметим, что его разведки в северо-восточной части Керченского полуострова с 1949 по 1964 гг. отличались удивительной системностью и строгим документированием [Веселов 2005, 8]. Некоторые итоги своих исследований В. В. Веселов в 1949–1954 гг. и 1956–1960 гг. опубликовал в статьях [Веселов 1952, 227–237; 1957, 35–39; 1959, 227–244], а также в заметках на страницах газет городов Керчи, Феодосии, Ялты, поселка Ленино. Общие же результаты многолетних работ этого выдающегося энтузиаста от археологии увидели свет лишь много лет спустя [Веселов 2005]. В немалой степени на труды В. В. Веселова опиралась в своих изысканиях, в том числе и в данном районе п-ова, И. Т. Кругликова. В частности, тут ею упомянуты два поселения: Бондаренково I и Бондаренково VII [Кругликова 1975, 259, 262]. Местоположение некоторых из перечисленных ими памятников в настоящий момент определить весьма проблематично. Напомним, что Василий Васильевич Веселов использовал для привязки выявленных им объектов, как правило, знакомые ему ориентиры. Так, в районе бывш. села Булганак им обнаружено 19 археологических объектов: поселения – 12; некрополи – 2; скопления керамики – 4, а также участки «мощеной дороги».

В последующие годы научные разведки на северо-востоке п-ова, в том числе в районе села Бондаренково преимущественно носили эпизодический характер. Эта территория в разное время посещалась такими исследователями как: С. А. Шестаков, О. Д. Чевелев, А. А. Масленников, А. Е. Кислый, О. П. Бабич, Б. И. Бабич, В. Н. Зинько, Н. Ф. Федосеев, Т. Н. Смекалова, А. Л. Ермолин, П. Г. Столярченко, А. М. Михайлов, А. В. Шарапа, В. Ю. Кононов, С. Г. Бочаров, А. Ю. Монаев, А. А. Стоянова и авторы данной публикации [Бейлин, Куликов, Бейлина 2010; 2011; 2012а, б; Бейлин 2013, Бейлин;

цепи. К сожалению, исследование большого кургана – крайнего к западу из трех стоящих рядом, – привело лишь к открытию большой каменной гробницы, совершенно разоренной».

Среди местного населения эта гряда называется «Трехгорка». В настоящее время поверхность самого крайнего западного кургана из этой группы, изобилует обломками белого крупнозернистого мрамора. В начале 2000-х группой керченских кладоискателей в насыпи кургана были обнаружены фрагменты чернофигурной панафинейской амфоры с изображением двух обращенных лицами друг к другу обнаженных мужчин (борцов?). По другим сведениям, кладоискателями на кургане были обнаружены две ножки-опоры известнякового жертвенного стола в виде стилизованных львиных лап.

⁴ Первые археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова в 1925 г. были проведены директором Керченского музея К. Э. Гриневичем [Гриневич 1927, 47–52]. В 1936 г. археологические разведки в этом районе осуществил В. Ф. Гайдукевич. В частности, им было обследовано античное городище в районе бывшей деревни Джанкой, античный колодец в с. Аджимушкай, поселение на мысе Змеиный и окрестности городища Мирмекий [Гайдукевич 1941а, 261–265]. В 1941 г. он опубликовал материалы раскопок А. Е. Люценко на Темир-горе, на западном склоне которой в 1870 г. тем была открыта так называемая «villa rustica» [Гайдукевич 1941б, 45–60]. Не исключено, что разведки в районе села Булганак проводились и в довоенные годы, однако информацией о них мы не располагаем.

Рис. 1. Археологические памятники села Бондаренково и ближайшей округи на топографической карте. 1 – Бондаренково I, 2 – Бондаренково II, 3 – Бондаренково III, 4 – Бондаренково IV, 5 – Бондаренково V, 6 – Бондаренково VI, 7 – Бондаренково VII, 8 – Бондаренково VIII, 9 – Бондаренково IX, 10 – Бондаренково X, 11 – Бондаренково XI, 12 – Бондаренково XII, 13 – Бондаренково XIII, 14 – Бондаренково XIV, 15 – Бондаренково-Восточное I, 16 – Бондаренково-Восточное II, 17 – могильник Бондаренково-Восточное III

Пономарев 2013; Пономарев, Никитаев, Курч, Бейлин 2013; Бейлин 2014; Рукавишникова, Бейлин 2019; Бейлин, Рукавишникова 2019; Рукавишникова, Бейлин, Супренков, Свиридов 2021; Бейлин, Морозов, Рукавишникова и др. 2021; Бейлин, Рукавишникова 2024]. Очень востребованная работа по составлению археологической карты Восточного Крыма была проделана С.Л. Смекаловым.

Ниже мы приведём характеристику основным и наиболее примечательным из местных античных и не только памятников, в том числе тем, на некоторых удалось провести археологические раскопки и шурфовки. Их нумерация может отчасти не совпадать с той, что была предложена И.Т. Кругликовой и В.В. Веселовым, ввиду чего мы составили таблицу соответствующих «соответствий» (см. ниже).

Поселение Бондаренково I (рис. 1. 1; 2. 1). Впервые выявлено в декабре 1952 г. В.В. Веселовым и обозначено в «Сводной ведомости...» под № 63 [Веселов 1959, 241; 2005, 25, 114]. Этот же археологический памятник (Бондаренково VI) указан в монографии И.Т. Кругликовой под № 46 [Кругликова 1975, 253–255, 258, рис. 100–102]. Поселение

Рис. 2. Археологические памятники на аэрофотоснимке села Бондаренково (Булганак) (Luftwaffe 1941 г.). 1 – Бондаренково I, 2 – Бондаренково II, 3 – Бондаренково III, 5 – Бондаренково V, 7 – Бондаренково VII, 8 – Бондаренково VIII, 11 – Бондаренково XI, 13 – Бондаренково XIII, 14 – Бондаренково XIV

расположено в 5.45 км к северу (2.82°) от центра г. Керчь и в 0.65 км к СЗ (277°) от центра села Бондаренково⁵.

Территория локализована в пределах современного кладбища этого села и западнее – в границах пустыря между ним и грунтовой дорогой, ведущей в открытый карьер по добыче камня. В насыпях могил и обнажениях грунта фиксируется золистый культурный слой, насыщенный керамикой, створками мидий и костями животных. Находки представлены многочисленными фрагментами амфор средиземноморских и причерноморских центров производства, столовой и кухонной керамики V – первой половины III в. до н. э. Рельеф памятника весьма схож с территориями, примыкающими к селу с востока (поселение Бондаренково-Восточное I). С севера поселение было защищено от ветров небольшим, но весьма выразительным скалистым кряжем широтной ориентации с наивысшей точкой 101.6. В настоящее время он частично засыпан отвалами карьера, который уничтожил и значительную часть площади поселения.

⁵ Центром села Бондаренково мы будем считать обелиск погибшим в годы Великой Отечественной войны жителям села (GPS-координаты: N 45,400940°; E 36,486305°), а центром города Керчь – стелу с «Золотым грифоном», установленную в 2000 г. по проекту Н. Ф. Федосеева у здания Главпочтамта (ул. Ленина 45/1) (GPS-координаты: N 45,352756°; E 36,474513°).

В южном откосе этого кряжа фиксируется культурный слой мощностью до 0.6 м. Таким образом, южную границу встречаемости археологического материала можно условно провести в районе двух курганов, расположенных в 150 м к юго-западу от въезда на территорию современного кладбища. Восточной границей распространения культурного слоя поселения можно считать территорию вскрыши карьера в 100–150 м к востоку от ограды кладбища.

В своих сообщениях В. В. Веселов указывает, что следы культурного слоя, насыщенного многочисленными обломками кровельной черепицы, пифосов, амфор и прочей посуды, отмечались в районе здания карьероуправления «Керчьметалургстроя», что в 300 м к СЗ от выявленных нами признаков поселения. Справедливым будет предположение о существовании здесь крупной поселенческой структуры с гораздо большей территорией, чем известные нам отдельные сельскохозяйственные усадьбы. Однако неоднократные и разновременные осмотры не выявил на дневной поверхности остатков каменных построек или хотя бы развалов камня.

Итак, максимальная площадь этого поселения составляет порядка 6 га, но его «ядра» с учетом организации жилищно-хозяйственных комплексов и хозяйственной части, – вероятно, значительно меньше (от 1 до 3 га).

Поселение Бондаренково II (рис. 1. 2; 2. 2) локализовано на СЗ окраине, на вершине и склонах довольно высокого продолговатого холма на правом берегу речки Восточный Булганак в 0.75 км к СЗ (342°) от центра села, и в 6.1 км к северу (6.5°) от центра г. Керчь.

Выявлено В. В. Веселовым в июне 1954 г. и обозначено в «Сводной ведомости...» под № 62 [Веселов 2005, 25, 113]. На археологической карте И. Т. Кругликовой этот объект (Бондаренково I) указан, как № 41 [Кругликова 1975, 253–255, 258, рис. 100–102]. Краткое описание укрепленного поселения В. В. Веселов дал в статье, посвященной разведкам в восточной части Керченского полуострова [Веселов 1959, 241], а в своем письме директору Керченского музея Гусарову Ф. Т. (от 07.06.54 г.) и в подготовленных рукописных материалах «для составления археологической карты Керченского полуострова» (от 5.12.54 г.), исследователь представляет более полную информацию о поселении, дополняя её довольно подробным описанием подъемного археологического материала и сделал обоснованное предположение о его оборонительных функциях [Веселов, Сообщения...]. Бондаренковское укрепленное поселение неоднократно посещал вместе с А. А. Масленниковым О. Д. Чевелёв. Под названием Бондаренково (западное) оно фигурирует в соответствующей монографии [Масленников 1998, 178–179].

С севера и востока это городище огибают русло речки Восточный Булганак и его притоков. В 60-е годы прошлого столетия правая часть русла речки была запружена в месте небольшого глиняного карьера. Северная часть упомянутой возвышенности в настоящее время погребена под мощными тырсовыми отвалами карьера. На немецких аэрофотоснимках 1943 г. ещё отчетливо просматривается довольно крутой северный склон холма с небольшими всхолмлениями, являвшимися, вероятно, зольниками.

Западная и южная границы распространения культурного слоя определяются визуально по золистому грунту и подъемному материалу I–III вв. н. э. Южная часть поселения занимала первую и вторую надпойменные террасы; практически весь южный

склон и подошву холма, вплоть до неглубокой балки (совр. ул. Карьерная и Северо-Западная), пересекающей с ЮЗ на СВ скалистое плато и глубоко врезающейся в высокий правый берег речушки Восточный Булганак.

Таким образом, выходы культурного слоя фиксируются на южном, восточном, западном склонах данного холма, на его вершине, в северо-восточной скалистой части северного склона, а также в береговых обнажениях ручья и южнее, на территории приусадебных участков частных домов.

Южный и юго-восточный склоны холма как бы террасированы, а в обнажениях присутствует золистый грунт, насыщенный фрагментами керамики I в. до н. э. – I–III вв. н. э. Строительные остатки зафиксированы на южном склоне и в пределах террас в виде развалов камня.

Следы грабительских ям отмечены по всей площади этого поселения, особенно на склонах холма. Подъемный материал может суммарно датироваться в только что указанных пределах. Но встречаются и единичные керамические находки IV–III вв. до н. э., в том числе в 200–250 м от подножья южного склона. В западной части поселения вблизи частного дома грабителями открыта зерновая яма, стенки которой обложены хорошо обработанными камнями, а устье перекрыто культурным слоем толщиной не менее 0.6 м, в котором обнаружены фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор II в. н. э., боспорских амфор II–III вв. н. э., красноглиняных амфор, краснолаковой и лепной посуды того же времени. Более ранний материал представлен фрагментами широкогорлых светлоглиняных амфор второй половины I в. до н. э. – первой половины I в. н. э.

В 2011 г. нами было заложено два разведочных шурфа: на террасе ЮЗ склона (№ 1) и у скальных выходов на вершине возвышенности (№ 2).

Первый был разбит в 10–12 м от только что упомянутой ямы⁶. Стратиграфия в нём представлена тремя основными слоями, находки из которых датируются второй половиной I в. до н. э. – первой половиной III в. н. э.⁷ Открыта хозяйственная яма колоколовидной формы, заполненная золой, печиной и затечным грунтом, насыщенным створками мидий. Отсюда происходят многочисленные обломки пифосов, корчаг, лутериев, амфор, красноглиняных кувшинов и мисок, краснолаковой посуды I–II вв. н. э., лепной керамики, костей животных (коза, свинья и пр.) и рыб (в т. ч. осетровые). Яму можно датировать серединой I в. до н. э. – первой третью II в. н. э.

Второй шурф глубиной 0.6 м был разбит на верхнем плато возвышенности у скальных выходов со следами подтёсок и частичной обработки. Почвенный слой, из которого происходят фрагменты боспорских и красноглиняных амфор типа «мирмекийских» II–III вв. н. э., светлоглиняных южнопонтйских, колхидских амфор и амфор

⁶ Западнее шурфа расположены остатки мельницы конца XIX – первой половины XX вв., с большим нижним жерновом.

⁷ Фрагменты южнопонтйских керамид, красноглиняных и коричневоглиняных пифосов и корчаг, южнопонтйских лутериев, светлоглиняных остронозных амфор I в. до н. э. – I в. н. э., светлоглиняных и красноглиняных амфор с воронковидным горлом I–II вв. н. э., светлоглиняных узкогорлых амфор конца I–II вв. н. э., розовоглиняных боспорских амфор II–III вв. н. э., красноглиняных амфор с крупным рифлением по корпусу II–III вв. н. э. Среди столовых сосудов преобладают фрагменты красноглиняных, оранжевоглиняных, бежевоглиняных, сероглиняных кувшинов и мисок, краснолаковых тарелок, кубков, кувшинов I–II вв. н. э., стенками красноглиняных кастрюль и лепных сосудов.

с воронковидным горлом I в. до н. э. – II в. н. э., здесь достаточно тонок. Он перекрывает часть каменной кладки, уцелевшей в высоту всего на 0.25 м.

Очевидно, на вершине холма располагался комплекс построек, образовывавших цитадель данного поселения [Бейлин 2013]. Ниже по склонам на террасах находились другие жилые и хозяйственные строения. У подножья восточного склона находится колодец, к которому по южному и восточному склону ведет наклонный пандус с укрепленной камнем внешней (южной) подпорной стенкой. Он и на сегодняшний день является ближайшим из известных источников водоснабжения крепости и, возможно, не единственным⁸.

Площадь распространения культурного слоя поселения в целом: до 8 га.

3. Поселение Бондаренково III (рис. 1. 3; 2. 3) находится в СЗ части современного села, на высоком левом берегу всё той же речушки, на вершине обрамленного скальными выходами холма, в месте слияния нескольких обводненных балок (ручьев) с основным руслом; в 0.38 км к СЗ (341°) от центра села Бондаренково и в 5.78 км к СВС (7.96°) от центра г. Керчь. Этот холм представляет собой природный скальный массив с искусственными верхней и нижней террасами на западном и южном склонах. На нижней – шириной от 20 до 40 м расположены остатки разобранных на камень усадеб новейшего времени. Здесь же проходит грунтовая дорога. С западной стороны холма наличествуют скальные обнажения со следами добычи камня. Юго-восточная часть скального массива рассечена глубокими трещинами, заметны здесь и подтёски. К северо-восточному склону холма примыкают приусадебные участки частных домовладений.

Это поселение не было, видимо, известно И. Т. Кругликовой и В. В. Веселову. О. Д. Чевелёв и А. А. Масленников, напротив, хорошо знали о нём (Бондаренково – восточное) [Масленников 1998, 178–179]. Нас с этим памятником познакомил керченский краевед Б. И. Бабич в конце 90-х гг. прошлого столетия. Археологические разведки с шурфровкой проводились здесь авторами в 2010 г., а в 2011–2012 гг. на вершине скалистого холма был заложен раскоп площадью 160 кв. м [Бейлин, Куликов, Бейлина 2011; 2012б; Бейлин 2013; Бейлин 2014].

В итоге, можно предположить, что тут стояло нечто вроде обособленной укрепленной «усадьбы» [Масленников 1997, 65–66; 1998, 179]. Основная постройка (башня, форт?) размером примерно 15×17 м и толщиной стен 1.5–2 м была обнесена каменной оградой. Блок жилых и хозяйственных помещений имел мощный плитами внутренний дворик. Вход в виде наклонного пологого пандуса длиной около 20 м и шириной до 1.5 м вёл с южной стороны холма. Следов тотальных разрушений тут не выявлено, но в какой-то момент постройки были разобраны, а строительный материал башни, в виде крупных хорошо обработанных квадров, использовали для возведения построек укрепленного поселения Бондаренково II, располагавшегося на противоположном берегу упомянутой неоднократно речушки.

Мощность культурных напластований (четыре слоя и два жилых горизонта) на этом поселении составила от 0.2 м до 1.6 м. Горизонт 1 (первый строительный период – рубеж II–I – конец 60-х годов I в. до н. э.) связан с возведением первых укреплений и иных строений внутри них. Восточная часть комплекса была разделена на два

⁸ Этот колодец или источник впервые обозначен как «Фонтан» на военно-топографической карте Полуострова Крыма генерал-майора Мухина от 1817 г.

помещения. В северо-восточном – был устроен полуподвал, куда вел особый проход. Юго-восточное помещение (внутренний двор) имело мощение. Здесь же располагался основной вход в усадьбу. В южной (хозяйственной) части застройки имелись очаги и найдены: большой точильный камень, фрагмент зернотерки, несколько амфорных развалов и медные пантикапейские монеты второй половины II в. до н. э. – начала I в. до н. э., а также монета Амиса (90–80 гг. I в. до н. э.).

Горизонт 2 – второй строительный период (60–50-е годы I в. до н. э. – последняя треть или даже начало первой четверти I в. н. э.) отмечен перепланировкой внутреннего пространства усадьбы (в стратиграфии прослеживается золистая прослойка, разделяющая два жилых горизонта). Здесь, примечателен керамический комплекс, рассчитанный в углу хозяйственного двора при входе в усадьбу. Он представлен остродонной красноглиняной амфорой с обколотым горлом и отбитыми ручками, лежавшей поверх краснолаковой тарелки, помещенной в лепную сковороду и медной монетой Асандра с титулом архонта (50–48 гг. до н. э. по В. А. Анохину) [Бейлин 2013; Бейлин 2014].

4. Поселение Бондаренково IV (рис. 1. 4) находится северо-восточнее села, в 1.77 км к СВ (58.34°) от его центра, в 6.75 км к СВ (21.12°) от центра г. Керчь. В 3.2 км к востоку, в прямой видимости от Темир-Горы.

Выявлено после распашки по плотной концентрации подъемного археологического материала в седловине между двух водораздельных кряжей к СВ от северной части села. С севера ограничено скалистым кряжем с наивысшей отметкой 126.9, а с юга – скалистой грядой с вершиной, отмеченной на картах, как высота 132.4. Дневная поверхность имеет выраженный уклон к западу. Через седловину в том же направлении проходит неглубокий водосборный овражек. Признаков хорошо сохранившихся строительных остатков визуальными разведками не выявлено.

Находки представлены фрагментами мендеевских, фасосских, хиосских амфор IV в. до н. э., гераклейских и синопских амфор IV–III вв. до н. э., обломками красноглиняных и сероглиняных столовых сосудов. Более поздний материал – обломки светлоглиняных узкогорлых амфор II в. н. э., красноглиняных и розовоглиняных амфор (боспорские) II–III вв. н. э. Площадь распространения подъемного материала составляет порядка 1.5 га.

Встречены и обломки лепных сосудов эпохи бронзы, которые можно отнести к кругу Каменской культуры Восточного Крыма.

5. Поселение Бондаренково V (рис. 1. 5; 2. 5) выявлено в 2010 г. в центральной части села, на незастроенной территории южнее ул. Школьная, между ул. Северная и ул. Пионерской. Расположено на левом берегу речки Восточный Булганак в 0.3–0.35 км к СВ (37°) от центра села и в 5.72 км к СВ (11.15°) от центра г. Керчь.

Культурный слой был обнаружен в результате осмотра траншеи, проходящей вдоль грунтовой дороги ул. Северная от центра села на Св. Его наибольшая мощность (не менее 0.6 м) зафиксирована в месте пересечения водовода (N 45.40310°; E 036.48866°) и траншеи магистрального коллектора очистных сооружений. Он (слой) представляет собой рыхлый суглинистый грунт, насыщенный золой многочисленными археологическими находками. Наличие последнего отмечено в радиусе 50–100 м.

Территория поселения была активно застроена в конце XIX – середине XX в., а южная часть перекрыта отвалами карьеров.

Среди подъёмного материала отметим обломки боспорской черепицы, фрагменты красноглиняных и синопских амфор IV–III вв. до н. э., стенки чернолаковых сосудов IV в. до н. э. и лепной посуды. Это позволяет в целом датировать поселение (усадебу?) площадью около 0.5–1 га в пределах указанных столетий.

6. Могильник (некрополь) Бондаренково VI (рис. 1. 6) расположен на гребне скалистого кряжа с наивысшей отметкой 126.9 к СВ от северо-восточной окраины всё того же села, в 1.95 км к СВ (54.1°) от его центра и в 6.97 км к СВ (21.04°) от центра г. Керчь. В 0.22 км к ЮЗ (205°) от могильника находится поселение Бондаренково IV.

По указанной вершине в направлении восток-запад тянутся курганные насыпи. Здесь же вдоль северного склона гряды проходят заплывшие линии окопов времен ВОВ разрытых мародёрами. Между курганами в перекопах траншей попадают хорошо обработанные известняковые плиты прямоугольных очертаний и их обломки, являющиеся фрагментами конструкций погребальных сооружений (плитовые могилы). Фиксируются и многочисленные фрагменты гераклеиских, синопских, средиземноморских амфор IV–III вв. до н. э., простой и чернолаковой посуды, обломки боспорской кровельной черепицы.

В восточной части могильника в грабительских ямах и их отвалах обнаружены фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор II вв. н. э. [Шелов 1978, 18]. Возможно, этот участок использовался для погребений и в первые века н. э.

В центре одной из разрытых грабителями курганных насыпей был найден край и стенка лепного горшка со слегка подлощенной поверхностью, что характерного для сосудов сабагиновской культуры XV–XII вв. до н. э. Вероятней всего, центральное или одно из (впускных?) захоронений кургана относилось к эпохе бронзы. Возможно, некоторые насыпи также изначально были сооружены ранее античного времени. Общую площадь могильника установить невозможно, однако логично будет размещать его в северо-восточной части гребня скалистого кряжа.

7. Поселение Бондаренково VII (рис. 1. 7; 2. 7) находится в районе восточного комплекса провалов подземных галерей каменоломен в 0.74 км к ВСВ (81°) от центра села и в 5,73 км к СВ (16,83°) от центра г. Керчь⁹. Выявлено разведками В. В. Веселова в апреле 1962 г. и обозначено в «Сводной таблице...» под номером 509 [Веселов 2005, 159].

Территория поселения имеет южную экспозицию. Подъёмный материал обнаружен на площади до 4–5 га. Наибольшая плотность находок отмечается в пределах провалов и на прилегающей к ним территории, где вскрышными работами срезан почвенный слой с культурными напластованиями. Наиболее выразительны и информативны срезы культурного слоя, образовавшиеся в результате провалов и проседания грунта в районе каменоломен. Он содержит археологический материал IV–III вв. до н. э., а его мощность местами достигает 0.8–1.3 м¹⁰.

При обследовании провалов каменоломен обнаружено около десятка хозяйственных ям двух типов, вырубленных в плотном и трещиноватом скальном монолите.

⁹ Северней поселения в 30–40-х годах XX века располагались помещение управления керченской тюрьмы и небольшие бараки для временного размещения заключенных, которые работали на разработке камня.

¹⁰ В восточной части села, вне зоны провалов, на гораздо большей территории обнаружена керамика того же времени (IV–III вв. до н. э.). Доступ к провалам с поверхности местами затруднён, так как потолок штолен расположен на глубине от 0.4 м до 2 м.

Тип 1 – ямы грушевидной и колоколовидной в разрезе формы, оштукатуренные изнутри водоупорным известковым раствором белого цвета. Таких выявлено две. Возможно, они представляют собой водонакопительные резервуары. Их объем составляет не менее 18–22 куб м. В грунте заполнения встречались фрагменты профильных частей хиосских, синопских, гераклейских, книдских амфор IV–III вв. до н. э.¹¹

Тип 2 – ямы практически аналогичной формы, но не оштукатуренные (вероятно, зерновые). Их горловины зачастую оформлены каменной кладкой. В настоящее время выявлено 8 таких ям¹². Одна из них (№ 6) была нами зачищена в 2011 г. в северной части провалов у заброшенного карьера. Обвалом уничтожена её южная часть. Горловина диаметром 0.56 м зафиксирована на глубине 1.1 м. Глубина же ямы составила 2.5–2.7 м. Её заполнял суглинистый грунт, содержащий разноразмерный бутовый камень. В придонной части расчищены два женских скелета [Пономарев, Никитаев, Курч, Бейлин 2013], а в каменном завале над ними зафиксированы скелеты, как минимум, шести собак. Здесь же обнаружены фрагменты амфор Фасоса, Синопы, Гераклеи Понтийской, а также хиосских, книдских, самосских, пепаретских, колхидских и столовой посуды (в основном кувшины) IV–III вв. до н. э.¹³ Особо отметим ионийскую чашу конца VI – начала V в. до н. э. и фрагменты семи терракотовых протом Деметры. На дне ямы лежал небольшой

¹¹ **Яма 2** (N 45.40216; E 36.49607) выявлена в северной части провалов каменоломен. Сохранилась её верхняя часть. Галерея каменоломни прорезала восточную и нижнюю части, а северная обрушилась при раслоении и обвале мягких известняковых «коржей». Яма уцелела на глубину до 2.5 м. Диаметр средней части – около 4–4.5 м. Стенки оштукатурены известковым раствором толщиной от 2 до 3.5 см.

Яма 7 (N 45.40216; E 36.49607) расчищена в восточной части провалов. Фиксировалась с уровня дневной поверхности и из галереи каменоломни. Диаметр горловины 1 м. Нижняя часть срезана штольной каменоломни. Глубина 4.8 м. Диаметр средней части 4.5 м, дна – 3 м. Объем ямы составляет не менее 20 м³. Стенки оштукатурены известковым раствором толщиной от 2 до 3.5 см, лучше сохранившимся в придонной её части.

¹² **Яма 1** (N 45.40216; E 36.49607) выявлена в северной части провалов. Обвалом разрушена северо-восточная часть и дно. Горловина не фиксируется. Верх ямы прослежен на глубине 0.65 м от дневной поверхности. Размеры верхней части ямы 0.75 м, а нижней – не менее 1.6–1.7 м. Сохранившаяся глубина 2 м. Заполнена суглинистым грунтом, содержащим бутовый камень. Керамика из обвалов заполнения: фрагменты гераклейских и синопских амфор, красноглиняных кувшинов и лепной посуды IV–III вв. до н. э.

Яма 3 (N 45.40210; E 36.49616) расчищена в северной части провалов. Обвалом разрушена южная часть. Горловина диаметром 0.6 м фиксируется на глубине 1.35 м. Сохранившаяся глубина 1 м. Нижняя часть ямы расширяется и засыпана в результате просадки скалы. Археологического материала обнаружено не было.

Яма 4 (N 45.40198; E 36.49620) выявлена в центральной части провалов. Обвалом разрушена восточная часть. Горловина ямы фиксируется на глубине 1.2 м от дневной поверхности. Диаметр верхней части 0.7 м, а сохранившаяся глубина – не менее 2.8 м. Диаметр дна – 1.6 м. Заполнена суглинистым грунтом с бутовым камнем. В нём найдены фрагменты красноглиняных, гераклейских и синопских амфор, столовых и лепных сосудов IV–III вв. до н. э.

Яма 5 (N 45.40240; E 36.49623) выявлена в северной части провалов. Полностью разрушена её восточная часть. Горловина фиксируется на глубине 0.8 м от дневной поверхности. Диаметр верхней части 0.7 м. Глубина не менее 2.5 м. Заполнена суглинистым грунтом с мелким бутовым камнем. Глубокая осыпь и обвал не позволили собрать подъемный материал.

Яма 8 (N 45.40242; E 36.49624) зачищена там же. Разрушена её ЮВ часть. Горловина фиксируется на глубине 0.3 м от дневной поверхности. Её диаметр 0.7 м. Глубина – не менее 1.6 м. Практически полностью уничтожена провалом.

¹³ Среди фрагментов синопских амфор выделяется обломок стенки с нанесённым красной краской дипинто в виде буквы «Н», обломок ручки с трёхстрочным клеймом в прямоугольной рамке: [ΜΙΚΟΥ]; ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ; ΠΥΘΕΙΔΩΝΙ[ΟΥ(Σ)], эмблема виноградная гроздь, цветок граната. На фрагменте горла и плечика красноглиняной амфоры неустановленного центра производства, внешняя поверхность которой покрыта бежевым ангобом, нанесено граффито в виде трёхстрочной (?) надписи: 1) нижняя гаста буквы «Е»; 2) СТА[...]; 3) ΛΕΥ[...]. Помимо этого, найден фрагмент каменного топора из твердой породы зеленовато-серого цвета, а также кремневый отщеп.

алтарь кубической формы с профилированным основанием и карнизом с невысоким бортиком по периметру верхней плоскости, изготовленный из плотного известняка. Подобные алтари бытовали очень долго: от IV в. до н. э. до II–III вв. н. э., однако в нашем случае мы можем уверенно датировать его IV–III вв. до н. э. Судя по размерам, он вполне мог служить домашним алтарем, а серия протом может указывать на то, что «домашнее» святилище было посвящено именно этой богине [Бейлин, Пономарев 2013].

В северном борту одного из крупных провалов на глубине от 0.3 м до 0.9 м от современной дневной поверхности был выявлен угол помещения: части двух кладок, которые сохранились на высоту 1–2 рядов камней (0.3–0.35 м). Их основанием служила щебнистая подсыпка толщиной 0.25 м.

8. Поселение Бондаренково VIII (рис. 1. 8; 2. 8) находится в центральной части села, в районе ул. Школьная и несколько южнее, в 0.43 км к СВ (59°) от центра села и в 5.73 км к СВ (13°) от центра г. Керчь.

Оно занимало верхнюю часть пологого южного склона. Южная граница поселения фиксируется по локальным скоплениям керамики, обнаруженным у грунтовых дорог и скальных выходов. Северная часть его расположена на вершине скалистого склона в районе ул. Школьная. В микрорельефе выделяются курганообразные возвышенности – тырсово-каменные отвалы каменоломен. Культурные слои в южной части поселения практически полностью уничтожены карьером. В северной – на землях приусадебных участков в районе ул. Школьная они представляют собой зolistый грунт с обломками створок мидий и мелкими фрагментами костей животных. Восточную границу поселения установить сложно в виду того, что единичные находки встречаются практически повсеместно, но скоплений не образуют. Западная граница фиксируется в районе бывшей школы, исключительно у грунтовых дорог, так как остальная территория перекрыта мощным слоем строительных остатков XX в.

Подъемный материал представлен профильными фрагментами и стенками синопских, гераклеиских, книдских, хиосских амфор IV–III вв. до н. э., чернолаковых и простых красноглиняных сосудов (мисок и кувшинов) того же времени. В районе ул. Школьная и южнее были обнаружены и стенки лепных сосудов эпохи бронзы¹⁴, а также кремниевый обломок наконечника дротика, скребки и сегменты орудий с односторонней и двусторонней ретушью.

Предварительно площадь поселения или усадьбы можно определить в 1 га, а «пятно» распространения археологического материала фиксируется на площади до 2 га. Позволим себе предположить, что выделенные нами поселения Бондаренково V, Бондаренково VII и Бондаренково VIII представляют собой единую поселенческую и хозяйственную структуру.

9. Некрополь Бондаренково IX (рис. 1. 9; 2. 9) выявлен в результате осмотра провалов входов в штольни каменоломен и расположен на левом берегу речки Восточный Булганак 0.23 км к северу (5.12°) от центра села и в 5.67 км к СВ (9.56°) от центра г. Керчь. В 0.18 км к северу (3.6°) от некрополя расположено поселение Бондаренково III.

¹⁴ Черепок плотный, глина не имеет примеси крупных фракций толченой ракушки, ее цвет варьируется от черного до светло-серого. Зачастую внешняя поверхность имеет оранжевый или бежевый оттенок (ангоб), а внутренняя – носит следы заглаживания (расчесов).

Участок некрополя открыл ещё В. В. Веселов летом 1957 г. и в «Сводной ведомости...» он значится под № 69 [Веселов 2005, 26, 114]. Территория некрополя имеет общий уклон к югу. В микрорельефе читаются следы заплывших ям и две курганообразные насыпи высотой 0.3–0.4–1.5 м. У восточной полы одной из них подобран фрагмент нижний части половецкого изваяния, изготовленного из плотного известняка. Юго-восточный участок скального массива, на котором расположен некрополь, находится под современной частной застройкой и приусадебными участками. В СЗ же его части обнаружена частично сохранившаяся могила, высеченная в скальном массиве. Она представляет собой прямоугольную в плане и трапециевидную в разрезе яму длиной 2.4 м и шириной 0.64–0.7 м. Её глубина 1.18 м. Ориентирована в направлении С-Ю. Стенки могилы и дно тщательно обработаны. Южная и восточная стенки, а также южная часть дна разрушены. Могила перекрыта пятью обработанными плитами, сохранившимися *in situ*. Их размеры 0,65×0,45×0,15–0,2 м. В земляных осыпях под могилой, а также в грунтово-каменной забутовке над плитами перекрытия обнаружены обломки тулова красноглиняной амфоры (Книд?) и стенка синопской амфоры. Предварительно, погребение можно отнести ко второй половине IV – первой половине III в. до н. э.¹⁵ Предполагаемая площадь этого некрополя 1–1.5 га.

Некрополь Бондаренково X (рис. 1. 10) расположен на правом берегу речки Восточный Булганак на территории заброшенных карьеров по добыче камня. Границы его установить сложно. Мы можем руководствоваться только краткой информацией В. В. Веселова [Веселов, 1959, 242; 2005, 26], в том числе и «сообщениями» директору Керченского музея Ф. Т. Гусарову¹⁶. Основным ориентиром и топографической привязкой для В. В. Веселова служило «служебное здание каменного карьера», принадлежавшего тресту «Керчьметаллургстрою». Фундаменты его обозначены на топографических картах 50-х гг. XX ст. и сейчас локализуются достаточно точно. Именно этот ориентир мы используем для топографической привязки некрополя. Таким образом, он локализуется в 0.8 км к СЗ (293°) от центра села и в 5.69 км к северу (1.78°) от центра г. Керчь. Территория некрополя попадает в границы поселения Бондаренково I, а в 0.67 км к СВ (53.23°) расположено укрепленное поселение Бондаренково II. О его границах мы можем судить лишь из отрывочных сообщений, в том числе и от местных жителей, в разное время работавших на карьере¹⁷. Несомненно, этот некрополь

¹⁵ Подобные конструкции могил хорошо известны в северо-восточной части Керченского полуострова: на горе Хрони и в районе села Глазовка (Баксы), некрополь городища Парфений (?), некрополь на территории Керченского металлургического комбината им. П. Л. Войкова, некрополь «Красная Керчь-2» и т. д. [Думберг 1901, 80–81; Гриневич 1927, 49; Веселов 1959, 232, 234; Капошина 1959; Чевелев 1994, 274; Бейлин, Рукавишникова, Волошинов 2021].

¹⁶ Директору Керченского музея тов. Гусарову Веселов В. В. Сообщение. Во время моего пребывания в больнице (операция), 20/VI с. г., со слов больного рабочего т. Лысенко, выяснилось, что, работая по распилке камня-ракушечника в карьере в районе Булганака, не так давно, он был свидетелем того, как тракторной лопатой из грунта два раза извлекались куски «глиняной посуды» с перетлелыми человеческими костями, один раз была выпахана почти целая «посудина» (амфора), которая потом была кем-то разбита. По всей вероятности, в районе карьера в Булганке был древний участок погребений. После окончательного выздоровления, постараюсь посетить это место для уточнения этого вопроса. 2/VII 51 г. Веселов В. В.

¹⁷ Один из местных жителей сообщил в 2012 г., что в начале 80-х гг. прошлого столетия, в процессе вскрыши нового участка карьера была найдена надгробная стела с несколькими фигурами в центральном углубленном поле лицевой части и надписью внизу. Но из-за конфликта, возникшего внутри коллектива рабочих, экс-

занимал довольно обширную территорию: в I–II в. н. э. восточную часть современно-го заброшенного карьера, а во II–III вв. один из его участков располагался несколько южнее – около крупного укрепленного поселения Бондаренково II.

11. Поселение Бондаренково XI (рис. 1. 11) находится в верхней части южного пологого склона локального водораздела в верховье глубокой балки, примыкающей с востока к руслу речки Восточный Булганак; фактически – у подножья холма, на котором находится городище Бондаренково II. Поселение локализуется на обрабатываемом поле, к югу от очистных сооружений в 1.43 км к СВ (18.51°) от центра села и в 6.87 км к СВ (11.68°) от центра г. Керчь¹⁸.

Вероятно, оно было обнаружено разведками С. А. Семенова и К. Э. Кунина в 1959 г. (№ 14) [Семенов, Кунин 1962, 260], а в монографии И. Т. Кругликовой обозначено под № 45 (Бондаренково V) [Кругликова 1975, 253, 259]. В кратком описании поселения указано, что «на площади в несколько га рассеяны сотни фрагментов амфор IV–III вв. до н. э. и немногочисленные обломки боспорских черепиц». В настоящее время такого обилия подъёмного материала нет. Но на обрабатываемом пахотном поле к западу от бетонной дороги, ведущей от села Бондаренково к городским очистным сооружениям, фиксируются локальные скопления бутовых камней, обломки амфор и лепной керамики. Однако выраженных признаков культурного слоя при осмотре не зафиксированы. Многолетней распашкой археологический материал здесь, скорее всего, перемещен на большую площадь, чем развалы камней. Стенки амфор и лепной керамики встречаются у юго-западной мысовой оконечности, образованной руслами обводненных балок, а также и к востоку от указанной выше бетонной дороги. Внешняя поверхность местных лепных сосудов эпохи финала средней бронзы имеет оранжевый закал, а внутренняя – носит следы «расчёсов». Невыразительные мелкие обломки кремня без следов обработки фиксируются на площади до 4–6 га. Кроме того, в большом количестве тут встречаются фрагменты амфорной тары Синопы, Хиоса, Фасоса и Гераклеи Понтийской IV–III вв. до н. э.

На этом археологическом объекте шурфовок не проводилось, поэтому более точно установить границы распространения культурного слоя нельзя.

Поселение (усадьба) Бондаренково XII (рис. 1. 12) выявлено авторами в 2012 г. Но, не исключено, что именно оно отмечено у В. В. Веселова под № 67 [Веселов 2005, 26, 114]. Расположено в 400 м к СЗ от поселения Бондаренково XI в 1.48 км к северу (1.74°) от центра села и в 6.91 км к СВ (8.04°) от центра г. Керчь.

Поселение занимает западную часть мыса, образованного разветвленной балочной сетью, питающей речку Восточный Булганак, и примыкающей с востока к её основному

каваторщик разбил надгробную плиту ковшом. Более детального описания стелы он дать не смог, но и этой информации вполне достаточно, чтобы датировать надгробие римским временем (не позднее II в. н. э.). Местные жители также сообщали, что в начале – середине 90-х годов, в период настоящего бума ограбления древних некрополей, грабители активно, но не продолжительно копали на пахотном поле в районе сохранившихся пятен курганов, южнее современного действующего кладбища и асфальтированной дороги в деревню Войково. Упоминались глубокие ямы «подвалы», выкопанные в суглинке, а из находок отмечалось наличие «небольших кувшинчиков и пробирок» из тонкого «лампочного» стекла. И хотя информация местных жителей не подтверждена археологически, нет никаких оснований ей не доверять.

¹⁸ Выявлено авторами в 2012 г.

руслу. В 0,7 км к северо-востоку находятся Бондаренковские канализационно-очистные сооружения. Восточную часть мыса пререзает траншея подводных коммуникаций глубиной 0,5–1,5 м. По ней прослежена стратиграфия почвенных отложений до материковых суглинков. Они маломощны, 0,1–0,15 м. При этом собственно культурный слой в виде золистого грунта прослеживается на площади до 0,1 га в вершинной части западной оконечности мыса. Здесь же выявляются локальные скопления камней, в том числе со следами частичной обработки. Некоторые камни фиксируются в линейной системе расположения, что может указывать на наличие остатков строительных остатков. Находки отсюда: фрагменты амфор Гераклеи Понтийской, Синопы, Книда IV–III вв. до н. э. и столовых сосудов (кувшинов и мисок). Возможно, здесь располагалась небольшая усадьба.

13. Поселение Бондаренково XIII (рис. 1. 13; 2. 13) локализовано в границах современного села в 0,37 км к СЗ (341,66°) от его центра и в 5,78 км к СВС (7,98°) от центра г. Керчь, на правом берегу речки Восточный Булганак. Впервые обнаружено В. В. Веселовым в августе 1960 г. и обозначено в «Сводной ведомости...» под № 302 [Веселов 2005, 27, 140]. Визуальные разведки проводились авторами в 2010–2012 гг.

Скальный выступ, на котором располагается поселение, находится в 420 м к северу (353°) от автомобильного моста и возвышается над руслом речки на 15–20 м. С севера и юга крутой берег речки рассечен двумя неглубокими балками. Они и образуют этот небольшой скалистый мыс с относительно плоской вершиной и крутыми склонами, на которых и у подножья мыса и с его напольной западной стороны отмечаются локальные пятна культурного слоя с керамикой и костями животных. На скальных выступах отчетливо видны подтёски, а его вершина имеет форму прямоугольного плато.

Культурный слой фиксируется также и на территории приусадебных участков частных домовладений, примыкающих к поселению с запада. В осыпях и обнажениях обнаружены стенки и профильные части амфор типа С I и С III [Внуков 2003, 28–96, 102–117], обломки южнопонтийских керамид, красноглиняных амфор I в. до н. э. – I в. н. э., краснолаковых кувшинов и мисок, лепной керамики рубежа эр и первых веков н. э., а также амфор более позднего периода (II–III в. н. э.). В. В. Веселовым здесь отмечались находки сероглиняных рельефных чаш с «... орнаментом в виде пирамидальных звездочек» [Веселов 2005, 27]. Фиксируются находки раннесредневековой и средневековой керамики.

Обнаруженная керамика I в. до н. э. – I в. н. э. синхронна комплексу археологического материала укрепленного поселения Бондаренково III, которое расположено на противоположном берегу Восточного Булганака, а также наиболее ранним находками (соответственно и слоям) укрепленного поселения Бондаренково II.¹⁹

Местоположение трех укрепленных поселений (Бондаренково II, Бондаренково III и Бондаренково XIII), сосуществовавших синхронно на столь близком расстоянии

¹⁹ Регулярно собирая информацию от местных жителей, мы не можем не отметить недавнее сообщение о том, что в районе частных участков № 6а, № 10 и № 8 по ул. Северо-Западная, примыкающих к поселению с запада, «любителями приборного поиска» был найден клад медных монет Пантикапея I в. до н. э. (монеты Махара и Фарнака и Асандра и Динамии), а также большое количество обломков терракотовых статуэток. Эта информация позволяет предположить, что либо на самом мысу, либо в его западной части, близ выходов скальных оснований, могло располагаться древнее святилище.

друг от друга (350–150–350 м соответственно), возможно не случайно и свидетельствует о повышенном внимании правителей Боспора к данной территории. Поселения контролировали её и коммуникации левого и правого берега реки Восточный Булганак, которая, помимо всего прочего, могла являться не только естественной водной преградой, но и элементом оборонительной системы ближайшей округи Пантикапея, усиливая тем самым, северный участок Тиритакского вала²⁰.

Территория распространения культурного слоя поселения составляет не менее 0,5 га, что характерно для укрепленных усадеб (башен, фортов?) I в. до н. э. – начала I в. н. э. известных на территории Европейского Боспора [Масленников, 1998, 178–179].

14. Поселение Бондаренково XIV (рис. 1. 14; 2. 14) локализовано на основании разведок и сообщений В. В. Веселова, С. А. Семенова и В. Э. Кунина. Летом 1957 г. в центральной части села Бондаренково, на правом берегу речки Восточный Булганак в 40 м к северу от моста через неё, в береговых откосах В. В. Веселовым были выявлены обнажения культурного слоя эллинистического, римского времени и эпохи раннего средневековья [Веселов 2005, 25–26]²¹. В «Сводной ведомости...» поселение значится под № 64. Вероятно, этот же памятник отмечен В. Э. Куниным и С. А. Семеновым (№ 10). Несмотря на то, что исследователями обозначена территория к югу от мостового переезда через речку, мы считаем вполне обоснованным видеть в их описании южную часть поселения № 64 по В. В. Веселову. Именно здесь, согласно данным С. А. Семенова и В. Э. Кунина, на местности отчетливо просматривается террасирование западного берега речки, где на площади 80×18 м ими был собран довольно представительный археологический материал IV–III вв. до н. э. Среди находок отмечены фрагменты амфор, ткацкие грузила, обломок ручки синопской амфоры с частью клейма, боспорская керамида с клеймом «ΒΑΣΗΛΙΚΗ», фрагменты чернолаковой посуды, часть терракотового карниза, обломок зернотерки, створки мидий. Особо отмечен фрагмент краснолакового сосуда с изображением «бородатого старика» [Семенов, Кунин 1962, 259–260].

Сохраняя порядок нашего описания локализации археологических объектов, поселение Бондаренково XIV расположено в центральной части села, на правом пологом террасированном берегу речки Восточный Булганак в 0,11 км к ЮЗ (251°) от его центра и в 5,38 км к СВ (8,71°) от центра г. Керчь.

В настоящее время доступной к исследованию остается лишь узкая полоса восточного участка территории поселения между правым берегом русла речки и восточной линией оград приусадебных участков частных домовладений по ул. Егорова. При осмотре этой территории нами собран немногочисленный археологический материал IV–III вв. н. э. и новейшего времени. Признаки же культурного слоя не были обнаружены ввиду практически сплошной свалки сухостоя, а местами и строительного мусора.

²⁰ Правый берег реки, вероятней всего, был укреплен еще одним поселением, отмеченным разведками конца 50-х годов прошлого столетия и расположенным у хутора Егорова в 2-х км южнее поселения Бондаренково II [Семенов, Кунин 1962, 261], однако, пока мы можем только подтвердить наличие археологического материала I–III вв. н. э. в границах поселка Егорова, но не видели признаков самого поселения.

²¹ На местности, описанной в дневниках В. В. Веселова и вполне узнаваемой в наши дни, отмеченные им развалы обработанного камня не зафиксированы. Керамика, обнаруженная исследователем, дает основание полагать, что этот объект археологии является многослойным, хотя мы пока и не можем говорить о непрерывном его существовании в указанных временных границах.

Вниз по течению Восточного Булганака расположена сезонно подтопляемая низина, что делает ее не очень привлекательной для обустройства жизненного пространства. Юго-восточная часть села (южнее ул. Бондаренко) находится под жилой застройкой и не доступна к исследованию и сбору подъемного материала. Далее, к востоку от Прифермерской улицы расположены обширные территории, бывшей молочно-товарной и свино-товарной ферм, которые сейчас находятся в частной собственности, а прилегающая к ним территория огорожена под выпас²².

Особого внимания в вопросе о топографии поселений и организации сельскохозяйственных территорий ближайшей округи Пантикапея в IV–III вв. до н. э., заслуживает поселение, расположенное восточнее села Бондаренково в обширной седловине обрамленной скальными хребтами, известными в Керчи как «Трёхгорка».

15. Поселение Бондаренково-Восточное I (рис. 1. 15; 3) локализуется в 1.66 км к ВЮВ (103.6°) от центра села и в 5.58 км к СВ (27°) от центра г. Керчь. Этот памятник хорошо известен местным любителям истории, краеведам и археологам [Бейлин, Ермолин, Масленников, Смекалов 2014, 44; Ермолин 2015, 27, 48; Бейлин, Морозов, Рукавишникова, Андрющенко, Воробьевский, Морозов 2021; Коробов 2022, 211]. Столь крупное и знаковое поселение не обошел вниманием ещё В. В. Веселов. Оно упомянуто в «Сводной ведомости...» под № 677, однако описания эти весьма скудны.

Итак, поселение расположено у подножья южного склона мшанково-рифовой гряды, протянувшейся в направлении запад-восток, на гребне которой находятся три кургана с абсолютными отметками 131.5 и 124.4. Восточная оконечность гряды, слегка развернутая к югу, образует сегмент полукольца, защищающего седловину от преобладающего северо-восточного ветра, что создаёт относительно мягкие условия микроклимата. Центральная часть долины практически пополам рассечена еще одним скалистым гребнем меридионального направления, южная часть которого развернута к юго-западу таким образом, что основные потоки холодного северо-западного ветра в этой микронеоне пересекаются.

Территория поселения представляет собой долину, имеющую уклон в южном направлении с несколькими крупными выходами скалы. С юго-востока расположены заброшенные штольни каменоломен и их грунтовые отвалы, в районе которых устроены свалки строительного мусора. Долину пересекает разветвленная сеть грунтовых дорог, в том числе соединяющих село Бондаренково и поселок Аджимушкай. В колеях дорог фиксируются развалы камней и иные остатки построек и скопления керамики преимущественно IV–III вв. до н. э.

Наиболее ярко следы древних строений прослеживаются в юго-западной части долины, ограниченной юго-западным отрогом скалистой гряды меридионального направления (рис. 3. 1). Здесь на площади около 1.5 га на поверхность выходят сохранившиеся камни стен как будто бы прямоугольных в плане «домов», ориентированных

²² Свободная от застройки и ограждений территория восточной части села неоднократно осматривалась авторами, однако ярких признаков наличия объектов археологии выявлено не было. Отсутствие упоминаний об обнаружении здесь керамики в разведках предшественников также может свидетельствовать о сельскохозяйственном назначении этой территории в античное время. Все это не исключает наличия тут поселения или стоянок эпохи камня или бронзы. В своих разведках мы еще не раз вернёмся к этой территории в процессе картографирования курганных насыпей.

Рис. 3. Поселение Бондаренково-Восточное I на аэрофотоснимке (Luftwaffe 1943 г.).
 1 – Основной юго-западный жилищно-хозяйственный комплекс построек поселения,
 2 – юго-восточный комплекс построек поселения, 3 – остатки монументального
 сооружения из квадров известняка с рустом, 4 – курган, раскопанный Н.П. Кондаковым
 в 1882 г., 5 – могильник Бондаренково-Восточное III, 6 – Бондаренково-Восточное II
 (эпоха бронзы)

углами по сторонам света. Основное ядро комплекса сооружений расположено на относительно ровном участке местности. В направлении СЗ-ЮВ расстояние между крайними строительными остатками составляет не менее 100–120 м, а в направлении СВ-ЮЗ – до 80 м. Далее к востоку следы сооружений прослежены лишь в виде невысоких валиков, но они имеют такую же пространственную ориентацию, как и остальные каменные стены. Южнее основного комплекса сооружений этого поселения находится зольник, разрушенный грабительскими перекопами, в отвалах которых встречается огромное количество обломков амфор, кровельной черепицы, столовой и кухонной посуды IV–III вв. до н. э. Несколько южнее зольника, в 130 м к ЗСЗ от крайнего западного входа в недавнюю подземную выработку, расположен колодец, вырубленный в толще известняка. В настоящее время он частично засыпан, а на топографической карте 1957 г. обозначен как сухой. Вполне возможно, что он был сооружен ещё в древности.

Северней вышеописанного расположена высокая терраса, примыкающая к скальному останцу. Здесь, на его вершине (высота 104 м) находятся остатки практически полностью уничтоженного монументального сооружения, от которого сохранился лишь небольшой участок южной стены. Она сложена из тщательно обработанных прямоугольных известняковых блоков размерами $0.7 \times 0.45 \times 0.45$ м, внешняя поверхность которых оформлена рустом (рис. 3. 3). Вопрос о функциональном назначении этого строения пока остается открытым.

Другой, небольшой по площади комплекс прямоугольных в плане строений прослежен в юго-восточной части поселения и непосредственно примыкает к юго-восточному углу его внешней ограды (рис. 3. 2), о которой речь пойдет ниже. Здесь прослеживается, как минимум, два-три прямоугольных в плане помещения. Расстояние между этими двумя комплексами построек составляет около 230 м.

Со всех сторон территорию поселения, равно как и весь южный склон долины, опоясывает каменная ограда, которая весьма отчетливо фиксируется не только в рельефе местности, но и на современных спутниковых и аэрофотосъемках. Общая длина прослеженных участков ограды составляет не менее 1720 м²³ (рис. 3). Трасса её восточного участка проходит по подошве юго-западного склона скалистой гряды (высота 112.4) в направлении ЮЗ–СВ (32°). Поднимаясь вверх по склону на протяжении до 400 м, она прослеживается в виде валообразной насыпи (шириной до трёх м) и выходящих на поверхность отдельных крупных камней и их скоплений. Наиболее четко прослеживается южный и северный отрезки трассы.

Далее, в верхней части склона, стена ограды поворачивает на СЗ (356°). Прослеженная её длинна в этом направлении составляет 186 м. Здесь трасса маркирована крупными камнями, в числе которых отметим большой, хорошо обработанный блок размером $1.3 \times 0.58 \times 0.37$ м, обнаруженный в грабительской яме. Северная оконечность стены примыкает к выходам скального основания гряды и в виде каменного развала прослеживается на 250 м в западном направлении. На этом участке стены расположены два из трёх крупных курганов (высота 123.2, 131.5)²⁴, вершины и склоны которых изрыты грабительскими ямами. Высота развала стены, в виде грунтово-каменного валика, колеблется здесь в пределах 0.5 м при ширине до двух-трех метров.

Сразу за вторым курганом стена резко поворачивает на ЮЗ (202°) и идет в этом направлении, строго следуя рельефу местности, который представляет собой южный отрог основного скального массива. Он разделяет обширную долину на две половины. Скаты хребта обращены к востоку и западу. Протяженность линии стены составляет здесь порядка 270–300 м. Южная оконечность её вплотную подходит к скальному массиву (высота 104.0) с упомянутым ранее участком кладки из рустованных блоков. Далее

²³ В северо-восточной части седловины, в границах периметра стен ограды поселения, на спутниковых снимках и аэрофотосъемке отчетливо видны 8 параллельных валообразных линий, пересекающих седловину в направлении СВ–ЮЗ и примыкающих к скальным грядам. Вероятней всего, здесь мы имеем дело не со следами древнего землеустройства, а с отдельными участками земельных наделов, нарезанных в XIX в. (участки № 278, 280 по 12 десятин каждый). Границы земельного размежевания Керчь-Еникальского градоначальства обозначены на карте 1857 г.

²⁴ Крайний западный курган раскапывался Н. П. Кондаковым в 1882 г. [ОАК 1882–1883, VIII–IX].

гребень скалистой гряды резко поворачивает к юго-западу (256°), а кладка ограды следует в южном направлении (204°) ещё, по крайней мере, на 215 м.

Южный участок периметра ограды поселения, по-видимому, не представляет собой сплошной ровной линии и прослежен в виде отдельных отрезков стен в виде развалов камней, что отчасти было связано с особенностями рельефа. Здесь основанием кладки ограды служил выход скалы. Общая протяженность южной стены поселения составила около 370 м. Следует также отметить, что по всей трассе этого сооружения встречаются обломки амфор и керамид V–III вв. до н. э.

В 2020 г. специалистами ООО «ВНИИСМИ» и сотрудниками ФГБУН «Институтом земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн имени Н. В. Пушкова РАН» проводились геофизические исследования по трассе ограды этого поселения. В отдельных местах авторами были сделаны контрольные археологические разрезы, подтвердившие наличие остатков стен и их ярко выраженных развалов.

Площадь распространения археологического материала и выходов культурного слоя, а также фиксируемые остатки строительных конструкций дают основания предположить, что площадь этого необычного поселения (лагеря? усадьбы?) составляет не менее 21,8 га. Учитывая, что следы культурного слоя и археологический материал фиксируются и за пределами видимой западной стены ограды, реальные его размеры могут быть даже больше.

Находки отсюда представлены достаточно широким спектром средиземноморских и причерноморских центров производства транспортной тары и столовой керамики IV–III вв. до н. э. Многочисленны и обломки боспорской кровельной черепицы, красноглиняных и южнопонтийских сосудов (пифосы, корчаги, лутерии). Наиболее ранняя керамика (амфоры) фиксируется в районе западной стены и относится к продукции Хиоса и эолийских центров V в. до н. э.

Всё вышесказанное, а также прямая визуальная связь с акрополем Пантикапея, могут свидетельствовать об особом назначении и высоком административно – территориальном статусе этого поселения, а, может быть, и высоком общественном положении его хозяина. Второго аналогичного в этих отношениях поселенческого объекта ни рядом, ни в ближайшей округе нам не известно.

За восточной стеной вышеописанной ограды, примерно в 250–500 м к востоку, по-видимому, располагался некрополь этого поселения (рис. 3. 5). Отдельные погребения были вскрыты тут линиями окопов на вершине скалистой гряды с отметкой 112.4. Наибольшая концентрация могил приходится на район перекрестка грунтовых дорог севернее кладбища пос. Аджимушкой, где сохранилась также и небольшая курганный группа.

16. Поселение Бондаренково-Восточное II (рис. 1. 16; 3. 6) находится в 1,6 км к ВЮВ (101°) от центра села и в 5,63 км к СВ (26,43°) от центра г. Керчь у подножья юго-западного отрога меридионально расположенного скального хребта, ограничивающего территорию поселения Бондаренково-Восточное I с запада.

Относительно ровный участок юго-восточного склона гряды хорошо защищен от холодных ветров. Современный рельеф местности представляет собой небольшую долину с локальными выходами скалы. С севера и запада территория поселения, маркированная подъемным материалом, ограничена скальным кряжем, а с востока – основным строительным комплексом поселения Бондаренково-Восточное I.

Южную часть поселения прорезают несколько грунтовых дорог. На уровне дневной поверхности в их колеях, а также на задернованных участках собран довольно представительный подъёмный материал. Это стенки и профильные части лепных сосудов эпохи средней бронзы, мелкие отщепы и обломки кремня. Внешняя сторона некоторых изделий орнаментирована горизонтальными и пересекающимися рельефными полосами, валиками, веревочным орнаментом. Площадь распространения керамики весьма значительна, не менее 1 га. Следов построек не зафиксировано. Предварительно это поселение (стоянку?) можно датировать II тыс. до н. э. и отнести к кругу памятников Каменской культуры Восточного Крыма.

Итак, нами рассмотрено 16 разновременных археологических объектов как в современных границах села Бондаренково, так и на прилегающих к нему территориях, которые в силу своего топографического и географического положения тяготеют к руслу речки Восточный Булганак и её весьма разветвленной балочной сети.

В целом, это пространство, было обжито с древнейших времен. И если вопрос о посещении Восточного Крыма охотниками и собирателями верхнего палеолита остаётся малоизученным [Гаврилов, Жилин 2018, 171–180], то об эпохе мезолита можно говорить более уверенно [Мацкевой 1977]. Впрочем, наиболее вероятное местонахождение соответствующей стоянки (мезолит и неолит) в самом селе в настоящее время застроено или повреждено перекопами новейшего времени²⁵.

Разведками зафиксировано несколько поселений (?) эпохи средней и поздней бронзы: Бондаренково IV, Бондаренково VIII, Бондаренково XI, Бондаренково-Восточное II. Вероятно, носители т.н. Каменской культуры эпохи средней бронзы [Кислый 2022] и более позднего периода, продолжали обитать здесь вплоть до эпохи финальной бронзы и раннего железного века. В этой связи нахождение артефактов догреческого автохтонного населения и предметов раннегреческого импорта в одном археологическом контексте и, может быть, не случайное наложение «пятен» ряда древних поселений – свидетельство контактов носителей двух местной и средиземноморской культур.

Топография варварских и антично-боспорских поселений весьма показательна: они расположены на периферии массива плодородных земель, что говорит о высокой ценности пашен и стремление отделить селитебные территории от сельскохозяйственных. В то же время прослеживается определённая иерархия античных поселений, которая приводит к выделению из общей массы неких «центров высших порядков иерархии» (Бондаренково I, Бондаренково VII, Бондаренково-Восточное I) и появлению сравнительно небольших по площади и мощности напластований объектов (усадеб? стоянок скотоводов?) (Бондаренково IV, Бондаренково XI, Бондаренково XII, Бондаренково XIV). Отметим, что именно этот, расположенный к югу (в сторону Керченской бухты) фонд пахотных земель в долине рек Восточный Булганак, Катерелез и речки

²⁵ Местным жителем села Бондаренково, краеведом и коллекционером, который предоставил ценнейшую информацию нашей экспедиции и позволил осмотреть свои находки, показал кремневый нуклеус, с которого скалывали длинные ножевидные пластины и несколько ретушированных орудий на обломках пластин. По его словам, находки были сделаны на берегах пересыхающего русла реки Восточный Булганак в самом центре села, в районе скального каньона и вниз по её течению.

«Московская» представлял наибольшую ценность среди сельскохозяйственных угодий северо-восточной оконечности Керченского полуострова.

К сожалению, сведений о некрополях поселений эпохи бронзы и раннего железного века пока явно недостаточно²⁶. Их поиск всегда проблематичен и является скорее делом случая (некрополь Бондаренково VI, IX, Бондаренково X).

Рубежным моментом в истории Боспорского государства становится вторая четверть III в. до н. э. На огромном пространстве от Присивашья и Феодосии до ближайших окрестностей Пантикапея прекращается жизнедеятельность сотен сельских поселений. Не избежали этой участи и античные памятники в окрестностях села Бондаренково²⁷.

Новый импульс территориальному возрождению Боспора придало его вхождение в состав Понтийской державы Митридата Евпатора в начале I в. до н. э. Массы войск, которые спешно комплектовались и перемещались из одного региона Понтийской державы в другой, приводили к созданию вне городских стен и на удалении от посёлков местных жителей укрепленных военных лагерей, системы дозорных и опорных пунктов. К середине столетия они слились в единую систему обороны Европейского Боспора, включавшую земляные оборонительные сооружения на границах, сеть сторожевых башен и фортов, мощные крепости, цепочки рокадных и радиальных дорог, связывающих воедино линии обороны со столичным центром – Пантикапеем²⁸.

В это время разрастается и перестраивается укрепленное поселение Бондаренково II, которое занимало господствующее над местностью положение и совместно с укрепленными поселениями у деревни Войково и Темир-Горой контролировало обширные территории Керченского полуострова к северу от Пантикапея. Анализ материалов с этого поселения говорит о том, что оно разделило судьбу многих крепостей Европейского Боспора, которые подверглись тотальным разрушениям во время так называемых «готских походов» второй половины III в. н. э.

Отметим, что находки позднеантичного и раннесредневекового времени в рассматриваемом районе практически не встречается. Незаселенными, вероятно, остались территории в долине речки Восточный Булганак и в салтово-маяцкое время²⁹.

Последующие, половецкие древности представлены пока только упомянутым обломком каменного изваяния.

²⁶ Удаление почвенного слоя при вскрышных работах карьеров и устройство на периферии разработок огромных отвалов – приводило к тотальному уничтожению или погребению под массами перемещенного грунта территорий древних некрополей.

²⁷ Вместе с тем, нельзя сказать, что богатые земельные и водные ресурсы района современных сел Войково, Бондаренково, Аджимушкай и Глазовка не использовались в эллинистическое время (вторая половина III и практически весь II в. до н. э.).

²⁸ В ближайшей округе к северу, северо-востоку и востоку от Пантикапея появился ряд крепостей: Ак-Бурун II (Гермисий), Золотой Курган, Городище 11 км, Октябрьское III (Биели-Оба), Войково I (г. Высокая в деревне Войково), Войково VIII (выс. 93), Бондаренково II, Бондаренково III, Бондаренково XIII, Темир-Гора, поселение в деревне Глазовка у горы Хрони, а также поселение на Змеином мысе, в посёлке Капканы, у деревни Каменка, поселение у крепости Еникале). Своего максимального развития система обороны Европейского Боспора достигла к началу I в. н. э. Но и период со второй половины II по первую четверть III в. н. э. характеризуются интенсивным фортификационным строительством, которое развернулось ввиду нарастающей угрозы варварских вторжений.

²⁹ Исключение для всей широкой округи северо-восточной части Керченского полуострова представляет византийское поселение Завал-Восточное [Бейлин, Пономарев 2012в] VIII–X вв. на побережье Азовского моря на восточном отроге урочища Большой Вал и поселение в урочище Тархан.

**Таблица соответствия наименований,
обнаруженных поселений в районе села Бондаренково³⁰**

Наименование объекта археологии	Кругликова И.Т.	Веселов В.В.	Семенов С.А. Кунин В.Э.	Смекалов С.Л.	Масленников А.А.
Бондаренково I	Бондаренково VI	№ 63			
Бондаренково II	Бондаренково I	№ 62			Бондаренково (западное)
Бондаренково III				Бондаренково (восточное)	Бондаренково (восточное)
Бондаренково IV					
Бондаренково V					
Некрополь Бондаренково VI					
Бондаренково VII		№ 509		Веселов №509	
Бондаренково VIII					
Некрополь Бондаренково IX		№ 69		Веселов №69	
Бондаренково X		№ 68			
Бондаренково XI	Бондаренково V		№ 14		
Бондаренково XII		№67			
Бондаренково XIII		№ 302		Веселов №302	
Бондаренково XIV		№ 64	№ 10	Веселов №64	
Бондаренково- Восточное I		№677		Веселов №677	
Бондаренково- Восточное II					

Список литературы

- Бейлин Д. В., Куликов А. В., Бейлина С. А. 2010. Археологические разведки северо-восточной оконечности Керченского полуострова // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 27–30.
- Бейлин Д. В., Столяренко П. Г. 2011. К истории изучения античных памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова в 40–60-х гг. XX века // С. И. Посохов (ред.), Древности Восточной Европы. Сб. научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 57–61.

³⁰ Некоторые поселения и места обнаружения археологического материала, указанные В. В. Веселовым, И. Т. Кругликовой, С. А. Семеновым и В. Э. Куниным в перечне памятников района села Бондаренково мы сознательно исключили из нашего списка, так как они расположены в другой микроне и, находясь на довольно большом расстоянии, больше тяготеют к другим крупным поселениям ближайшей округи Пантикапея (район села Войково и поселка Аджимушкай, а также района Тарханской котловины и урочища Большой Вал). Полагаем, будет уместным рассмотреть их в следующих работах.

- Бейлин Д. В., Куликов А. В., Бейлина С. А. 2011. Археологические разведки северо-восточной оконечности Керченского полуострова // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ-Полтава, 32.
- Бейлин Д. В., Куликов А. В., Бейлина С. А. 2012а. Разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. Київ, 12-15.
- Бейлин Д. В., Куликов А. В., Бейлина С. А. 2012б. Раскопки в с. Бондаренково (Керченский п-ов) // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. Київ, 16-17.
- Бейлин Д. В., Пономарев Л. Ю. 2012. К изучению раннесредневековых памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова (Поселение Завал-Восточное) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Проблемы урбанизации (Боспорские чтения. XIII), Керчь, 17-24.
- Бейлин Д. В. 2013. К вопросу об этапах становления оборонительной системы восточной части Керченского полуострова I в. до н. э. – I в. н. э. (на примере поселений Бондаренково II и Бондаренково III) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Археологический объект в контексте истории (Боспорские чтения. XIV), 37-43.
- Бейлин Д. В., Пономарев Д. Ю. 2013. Комплекс хозяйственных ям поселения Бондаренково VII // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке, СПб, 78-91.
- Бейлин Д. В. 2014. К изучению хронологии укрепленной усадьбы I в. до н. э. на поселении Бондаренково III // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы и хронология (Боспорские чтения. XV). Керчь, 34-42.
- Бейлин Д. В., Ермолин А. Л., Масленников А. А., Смекалов С. Л. 2014. Античные поселения Европейского Боспора в эллинистическое время // ДБ. 18, 35-72.
- Бейлин Д. В., Пономарев Л. Ю. 2019. Северо-восточная оконечность Керченского полуострова: памятники второй половины VIII – первой половины X вв. (материалы к составлению археологической карты) // ИАКр. X, 185-204.
- Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В. 2019. Разведки в Ленинском районе республики Крым в 2019 г. // ТС. 19, 6-17.
- Бейлин Д. В., Морозов П. А., Рукавишникова И. В., Андриющенко В. В., Воровский П. Л., Морозов Ф. П. 2021. Поселение «Бондаренково-Восточное I» близ Керчи (применение неразрушающих дистанционных методов исследований и их результаты) // Археология и геоинформатика. Пятая Международная конф. Тез. докл. М., 20-22.
- Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В., Волошинов А. А. 2021. Археологические исследования в районе поселка 3-й Самострой в г. Керчи // ДБ. 26, 7-33.
- Бейлин Д. В., Рукавишникова И. В. 2024. Работы «Степного отряда» Южнобоспорской археологической экспедиции в 2023 году // ИАКр. XXI, 24-33.
- Веселов В. В. 1959. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. XXIX-XXX, 227-244.
- Веселов В. В. Сообщения В. В. Веселова за 1950-1952 гг. // Архив КИКЗ. Оп. 5. Ед. хр. 34-1 и 34-2.
- Внуков С. Ю. 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М., 147.

- Гаврилов К. Н., Жилин М. Г. 2018. Местонахождения каменного века Керченского полуострова: предварительные результаты рекогносцировок 2016–2017 гг. // Записки ИИМК РАН. 17. СПб, 171–180.
- Гайдукевич В. Ф. 1941а. Керченский район, 1935–1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.-Л., 260–265
- Гайдукевич В. Ф. 1941б. Укрепленная villa rustica на Темир-горе // СА. VII, 45–60
- Гриневич К. Э. 1927. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. I (58-й), Симферополь, 47–52.
- Думберг К. Е. 1901. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1898 г. // ИАК. 1, 80–81.
- Ермолин А. Л. 2015. Землепользование на Боспоре (по материалам археологических раскопок и разведок) // ИРЕСИОНА. Античный мир и его наследие. IV, Белгород, 18–49.
- Капошина С. И. 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. 69, 108–153.
- Кислый А. Е. 2022. Каменная культура Восточного Крыма: древность и современность. Ростов-на-Дону, 191.
- Коробов Д. С. 2022. Пятая международная конференция «Археология и геоинформатика» (Москва, 2021 г.) // РА. 1, 209–211.
- Кругликова И. Т. 1966. Боспор в позднеантичное время. (Очерки экономической истории). М., 224 с.
- Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 299 с.
- Масленников А. А. 1997. Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 3, 60–69.
- Масленников А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория Европейского Боспора в античную эпоху. М., 304 с.
- Мацкевой Л. Г. 1977. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 180 с.
- ОАК за 1882–1888 гг. СПб, 1891, VIII–IX.
- ОАК за 1898 гг. СПб, 1901, 19–20.
- Пономарев Д. Ю., Никитаев А. В., Курч А. М., Бейлин Д. В. 2013. Новые данные палеопатологии населения античного Боспора (по материалам археологических исследований поселения Бондаренково VII) // ТС. Историчні науки. 1 (14), 129–133.
- Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В. 2019. Работы на территории г. Керчь и в Ленинском районе // АО. 2017 г., 261–263.
- Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Супренков А. А., Свиридов А. Н. 2021. Разведки в Ленинском районе Республики Крым // АО. 2019 г., 280–282.
- Семенов С. А., Кунин В. Э. 1962. Разведки на Керченском полуострове // АИБ, 2, 257–262
- Сообщения В. В. Веселова за 1950–1952 гг. // Архив КИЗ. Оп. 5. Ед. хр. 34–1 и 34–2.
- Чевелев О. Д. 1997. Раскопки некрополя на г. Хрони // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. Симферополь, 274.
- Чевелев О. Д. 1991. Античный некрополь на горе Хрони у с. Глазовка // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 35–37.

- Чевелев О.Д. Отчет об охранных раскопках Керченской археологической экспедиции в 1988 году // Архив ГБУ РК Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Оп. № 2. Ед. хр. 981.
- Чевелев О.Д. Отчет Керченской археологической экспедиции за 1989 год // Архив ГБУ РК Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник. Оп. № 2. Ед. хр. 1039.
- Шелов Д.Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 156, 16–21.
- Наyes J. W. 1985. Sigillate Orientali // *Ceramica fine Romana nel Bacino Mediterraneo (tardo ellenismo e primo imperio)*. Atlante delle forme ceramiche (Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. II). Roma, 1–96.

Summary

D. V. Beilin, A. V. Kulikov, I. V. Rukavishnikova

To the archaeological map of the Kerch Peninsula

1. Ancient settlements in the area of the village of Bondarenkovo (Bulganak)

The article reflects the results of archaeological exploration in the area of the modern village of Bondarenkovo (Bulganak), located north of the capital of the Bosphoran kingdom of Panticapaeum. The research, conducted by a team of researchers from the Crimean Branch of the Institute of Archaeology of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine since 2009, is currently being continued by the Steppe Detachment of the joint integrated South Bosphoran Archaeological expedition of the Institute of Archaeology of the Crimea of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow). The article considers 16 archaeological sites of different times located both within the modern borders of the village of Bondarenkovo and in the territories adjacent to it, which, due to their topographic and geographical location, tend to the bed of the Vostochny Bulganak River and its very extensive girder network. A brief description of these monuments is given, which we managed to get acquainted with “in the field”, and to conduct archaeological excavations and excavation pits on some of them.

А. П. Бехтер
(Санкт-Петербургский Институт истории РАН,
г. Санкт-Петербург)

Эпиграфические материалы из раскопок поселения Стрелка 2 в 2012–2016 гг.

Немногочисленные памятники эпиграфики, найденные при раскопках поселения Стрелка 2, не образуют локальных групп, которые можно было бы привязать к какому-либо археологическому комплексу¹. Достаточно широкие датировки (материал относится в основном к V–IV вв. до н. э., хотя отдельные предметы могут быть датированы VI и III вв. до н. э.) не дают возможности распределить находки по хронологическому принципу. Поэтому в основу классификации положены характеристика носителя и далее – тип граффито.

Материал в основном представлен амфорными фрагментами, причем более половины из граффити – небуквенные знаки. Подобные символы предназначались для достаточно ограниченного числа лиц, работавших в сфере торговли и владевших принятой в этом кругу «терминологией», так что интерпретация аббревиатур и меток небуквенного характера во многом гипотетична.

Насечки в виде прямых линий на стенках (№ 6) и ручках (№ 5, 7), скорее всего, выполняли функцию цифровых обозначений, указывающих на объем сосуда или его содержимого [Брашинский 1984, 104–105; Намойлик 2014, 410–411, № 6–9]. Маркировка в виде креста, встречающаяся на ручках (№№ 10–11) и стенках (№ 9), может трактоваться как небуквенный знак или как буква *хи*, указывающая на меру объема $\chi(\text{o}\acute{\upsilon}\varsigma)$, цену $\chi\alpha\lambda(\acute{\kappa}\acute{o}\varsigma)$, происхождение вина – $\chi(\text{i}\acute{o}\varsigma)$ или аббревиатуру личного имени [см. обзор: Сапрыкин, Масленников 2007, № 16]. Предпоследний вариант следует сразу исключить, так как метки в нашем случае нанесены на амфоры не хиосского происхождения; вызывают сомнения и две предыдущие трактовки: данные о цене и объеме наносились обычно на горло или плечики сосуда. Что касается версии с личным именем, то, учитывая крайне широкую распространенность именно этой метки и незначительное количество буквенных граффити среди материалов поселения, скорее всего, во всех наших случаях это простейший небуквенный знак, нанесенный торговцем или владельцем, с целью выделить данную амфору из ряда других или обозначить свою собственность.

¹ О раскопках поселения см. статью Д. В. Журавлева, К. Б. Фирсова, У. Шлотцауера в этом сборнике.

В то же время присутствие в подборке даже одного фрагмента импортной керамики с вполне уверенно вырезанной владельческой меткой (№ 13) может говорить о наличии в составе населения Стрелки грамотных людей.

Итак, номера изображений соответствуют номерам каталога.

Амфорные фрагменты

А. С буквенными граффити.

1. 2016/105 (рис. 1. 1). Кв. 48, южная сторона, шт. 5. Размер: 8,7×2,0 см. Археологический контекст: V в. до н. э. с включением единичных фрагментов более позднего времени, попавших сюда, видимо, из нефиксируемых перекопов. Стенка амфоры неизвестного центра. На внешней стороне вырезано граффито ХАΛ. Высота букв: 1,2 см. *Χι* имеет классическую форму (как русское *х*), *αλφα* с прямой поперечной гастой.

Черепок не выглядит обработанным остраконом, так что надпись, судя по всему, была нанесена еще на целую амфору; в таком случае граффито представляло собой аббревиатуру либо личного имени владельца/заказчика, либо указания на содержимое амфоры. В первом случае, на Боспоре из подходящих засвидетельствовано только Χαλκιδεύς (КБН 912 Π₁₀, Нимфей конец IV – 1-я пол. III в. до н. э. (к датировке и характеристике памятника см.: [Зинько, Тохтасьев 2004, 117; Бехтер 2022, 45–46]). На амфорах могли быть представлены как имена участников торгового процесса: оптовых продавцов, торговых посредников, покупателей, так и метки собственности, которые ставили на сосуды их владельцы. Тогда скорее можно ожидать использование краски, техника граффито более характерна для частновладельческой метки. Кроме того, в своды граффити и дипинти боспорской хоры приводятся две надписи, первую из которых С. Ю. Сапрыкин и А. А. Масленников трактуют как ХАΛ (из-за небрежности исполнения и предположительного использования лигатур прочтение указанных надписей остается предположительным), предлагая варианты расшифровки *χαλ(ις)* – «неразбавленное», как характеристика содержимого сосуда, или *χαλ(κός)* как указание на цену в *халк* за одну кружку [Сапрыкин, Масленников 2007, 131, № 679], вторую как ХАΛΚ, т. е. *χαλ(κός)* [Сапрыкин, Масленников 2007, 131, № 885].

2. 2016/106 (рис. 1. 2). Кв. 48, южная сторона, шт. 5. Археологический контекст: V в. до н. э. с включением единичных фрагментов более позднего времени, попавших сюда, видимо, из нефиксируемых перекопов.

Стенка амфоры неизвестного центра. Размеры: 8,3×7,6 см. На внешней стороне вырезано граффито Α. Высота букв – 3,0 см.

Это наиболее часто встречающийся на амфорах знак, как в виде дипинто, так и выполненный в технике граффито. Основные версии расшифровки аббревиатуры: *ἀ(μτέλινο)* – виноградный (напиток), т. е. указание на содержимое амфоры [Соломоник 1984, 18; Сапрыкин, Масленников 2007, 231], *ἀ(μφορεύς)* – амфорей, т. е. указание на меру объема (39,39 л) [Сапрыкин, Масленников 2007, 231], *ᾗ(ριστος)* – лучший, т. е. указание на качество товара [Емец 2004, 46]. *Αλφα* может быть и аббревиатурой личного имени. Выяснить, какой из вариантов предпочтительнее, в нашем случае едва ли возможно (обзор и вероятность вариантов см. [Намойлик 2014, 415, № 17]). Можно только отметить, что наиболее маловероятно указание на объем, так как среди богатого

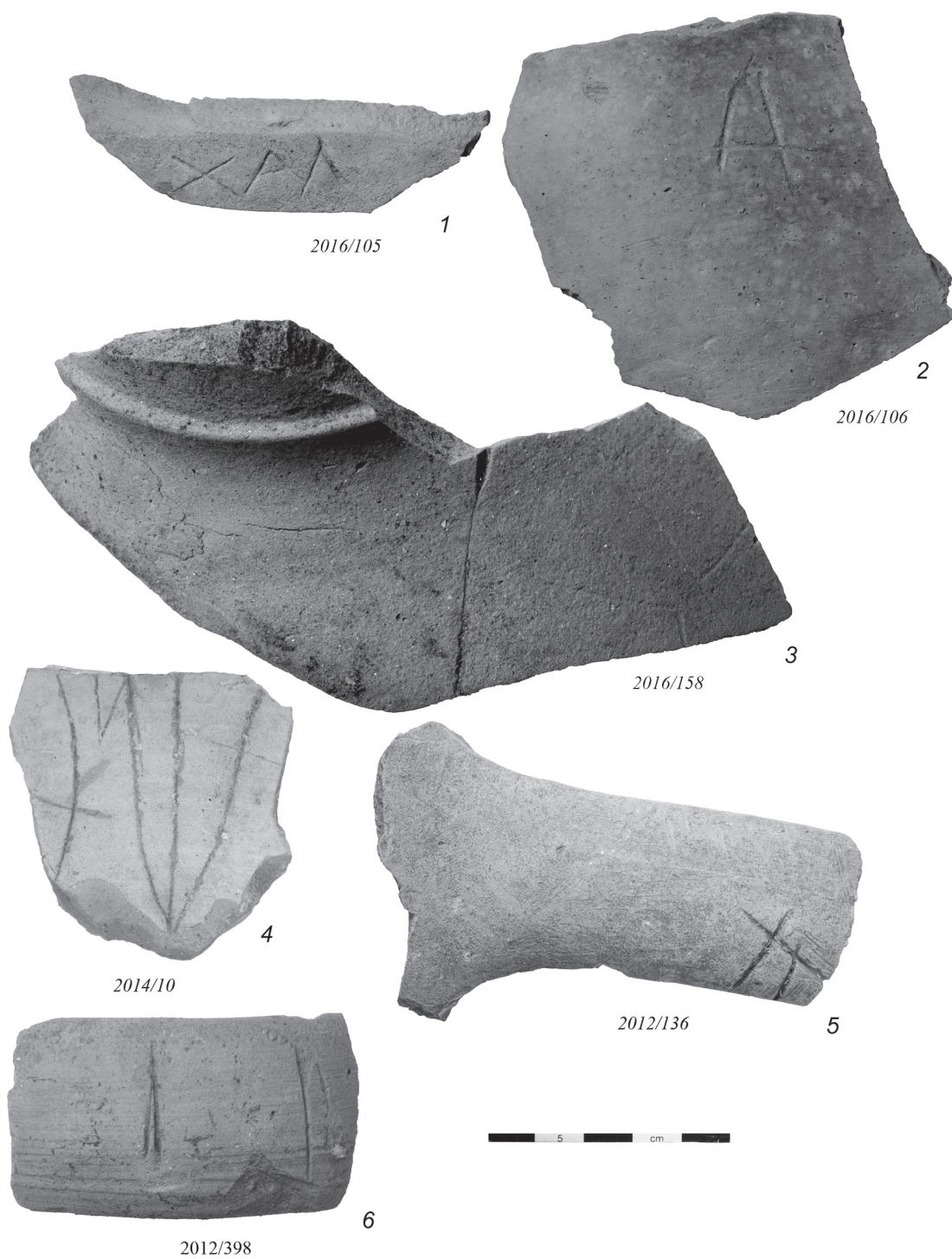

Рис. 1. Граффити из раскопок поселения Стрелка 2: буквенные (№ 1–3), рисуночные (№ 4), с изображением прямых линий (№ 5, 6)

севернопричерноморского материала амфоры вместимостью в один амфорей практически не встречаются [Монахов 1999, 594–626, прилож. 3; Монахов 2003, 183–229, прилож. 1].

3. 2016/158 (рис. 1. 3). Кв. 47, шт. 8. Археологический контекст: VI–V в. до н. э.

Фрагмент горла амфоры неизвестного центра, склеенный из двух обломков. Размеры: 16,0×6,8 см. На плечике видно фрагментированное граффито >H. Высота уцелевшей части букв – 3,8 см.

Значок > обозначает 1/2, что может указывать либо на объем, либо на цену. Эта нередко встречается в надписях на сосудах, известны три основных варианта расшифровки этой аббревиатуры. Для римского времени H трактуется как обол, что давало бы хороший смысл (1^{1/2} оболы), но этот вариант противоречит археологическому контексту и должен быть отброшен. Эта также нередко выступает в качестве сокращения для ἡ(μίση) (половина) при указании цены, либо для половинных единиц объема: ἡ(μίχους), ἡ(μικτούλιον) etc. Однако в нашем случае значок, обозначающий половину, уже присутствует. Остается принять последний вариант, рассматривая H как обозначение числительного, обозначающего объем: 8 (хоев) [Lawall 2000, 55, № 75; Сапрыкин, Масленников 2007, № 118], и тогда надпись должна быть понята как 8^{1/2}, т. е. как характеристика емкости тары или объема ее содержимого.

Б. С рисуночными граффити.

4. 2014/10 (рис. 1. 4). Кв. 37, шт. 3, внешняя сторона кладки 8. Археологический контекст: последняя четверть IV – 1-я пол. III в. до н. э. Стенка амфоры неизвестного центра. Размеры: 6,0×5,5 см. На внешней стороне высечено фрагментированное рисуночное граффито. Изображение занимает всю поверхность черепка, но значительная часть его уничтожена. Судя по уцелевшей части, на обломке был изображен стилизованный лист (подобное полностью сохранное граффито см. [Сапрыкин, Масленников 2023, 374, № 14]). Видимо, как и часто встречающееся на амфорных стенках схематичное изображение дерева или веточки, граффито указывает на то, что содержимое сосуда было связано с оливой [Сапрыкин, Масленников 2007, № 227, 104–105 (1055–1056); Намойлик 2010, 420, № 30]. В таком случае вертикальная черта с небрежно прочерченной короткой горизонтальной линией может быть понята как фрагментированный *эпсилон*, который можно расшифровать как ἔλαιον (оливковое масло) или ἔλαια (оливки).

В. С изображением прямых линий.

5. 2012/136 (рис. 1. 5). Кв. 44, шт. 8. Археологический контекст: VI–IV вв. до н. э. Ствол ручки с нижним прилепом амфоры фасосского круга, V–IV вв. до н. э. Размеры: длина 9,7; сечение 3,6×1,7 см.

На внешнюю сторону нанесено граффито в виде прямых вертикальных линий, перечеркнутых горизонтальной (видны две вертикали, учитывая, как далеко продолжается горизонтальная, их, скорее всего, было больше). Размеры знака: 2,0×2,3 см.

Подобные знаки, нередко называемые лесенкой, обычно связывают с фиксацией заполнения объема сосуда содержимым.

6. 2012/398 (рис. 1. 6). Участок 13, подъемный материал. Археологический контекст: VI–III вв. до н. э.

Средняя часть ствола ручки амфоры неизвестного центра. Размеры: длина 6,5; сечение 3,9×1,8 см. На внешнюю сторону нанесено граффито в виде двух вертикальных линий. Высота линий: 2,5–2,8 см.

7. 2012/518 (рис. 2. 7). Участок 20, подъемный материал. Археологический контекст: VI–III вв. до н. э.

Ствол ручки с нижним прилепом хиосской амфоры, конец VI – 1-я пол. V вв до н. э. Размеры: длина 6,5; сечение 3,5×2,5 см. У самого основания ручки глубоко прорезана горизонтальная линия. Высота линии – 1,8 см.

Видимо, отметка, еще более примитивная по исполнению, чем крестообразный знак, для выделения данной амфоры среди прочих.

8. 2014/42 (рис. 2. 8). Раскоп 2012 г. в районе кладки 4, слой пожара. Археологический контекст: вторая половина III в. до н. э.

Склеенная из двух фрагментов стенка амфоры неизвестного центра. Размеры: 15,0×8,5 см. На внешней стороне параллельно друг другу прочерчены три прямые линии; крайняя – наполовину уничтожена сколом, так что, возможно, линий было больше трех. Высота линий – 5,5 см.

Г. С крестообразной меткой.

9. 2016/29 (рис. 2. 9). Кв. 57, шт. 4, к югу от центральной кладки. Археологический контекст: V в. до н. э. с включением единичных фрагментов более позднего времени. Стенка амфоры неизвестного центра: 7,1×5,5 см. На внешней стороне вырезан косой крест. Размер знака – 8,1×4,7 см.

10. 2016/219 (рис. 2. 10). Кв. 68, шт. 5. Археологический контекст: V в. до н. э. с включением единичных более поздних керамических фрагментов из нефиксируемых перекопов. Размеры: длина 5,0 см, сечение 3,2×1,7 см.

Ствол ручки амфоры неизвестного центра «на сложнопрофилированном кольцевом поддоне», конец VI – 1-я пол. V в. до н. э. По центру ручки вырезан косой крест. Размеры знака – 2,5×3,0 см.

11. 2016/240 (рис. 2. 11). Кв. 57, шт. 7. Археологический контекст: VI–V вв. до н. э.

Ствол ручки амфоры круга Фасоса, V–IV вв. до н. э. Размеры: длина 5,2 см, сечение 3,9×2,2 см. По центру ручки вырезан косой крест. Размер знака – 5,5×6,0 см.

Г. С меткой по сырой глине.

12. 2012/611 (рис. 2. 12). Подъемный материал. Археологический контекст: VI–III вв. до н. э.

Ствол ручки с нижним прилепом амфоры неизвестного центра, конец VI – 1-я пол. V в. до н. э. Размеры: длина 11,5; сечение 3,5×2,6 см.

У основания ручки вдавленный по сырой глине кружок (диаметр 1,4 см), видимо, выполнявший функцию анэпиграфного клейма.

Чернолаковая посуда

13. 2016/1 (рис. 2. 13). Зачистка на уровне подошвы 4 штыха. Археологический контекст: VI–V вв. до н. э.

Донце чернолакового сосуда с декором в виде концентрических кругов лака, 2-я пол. VI в. до н. э. Размеры: 3,6×2,4 см. На внешней стороне вырезано граффито АГ. Высота букв – 0,5 см. *Альфа* широкая, с прямой поперечной гастой.

Вне всякого сомнения, граффито представляет собой владельческую метку: аббревиатуру личного имени. Имен, начинающихся на *Ἀγ-/Ἀγ-*, для Боспора и Северного

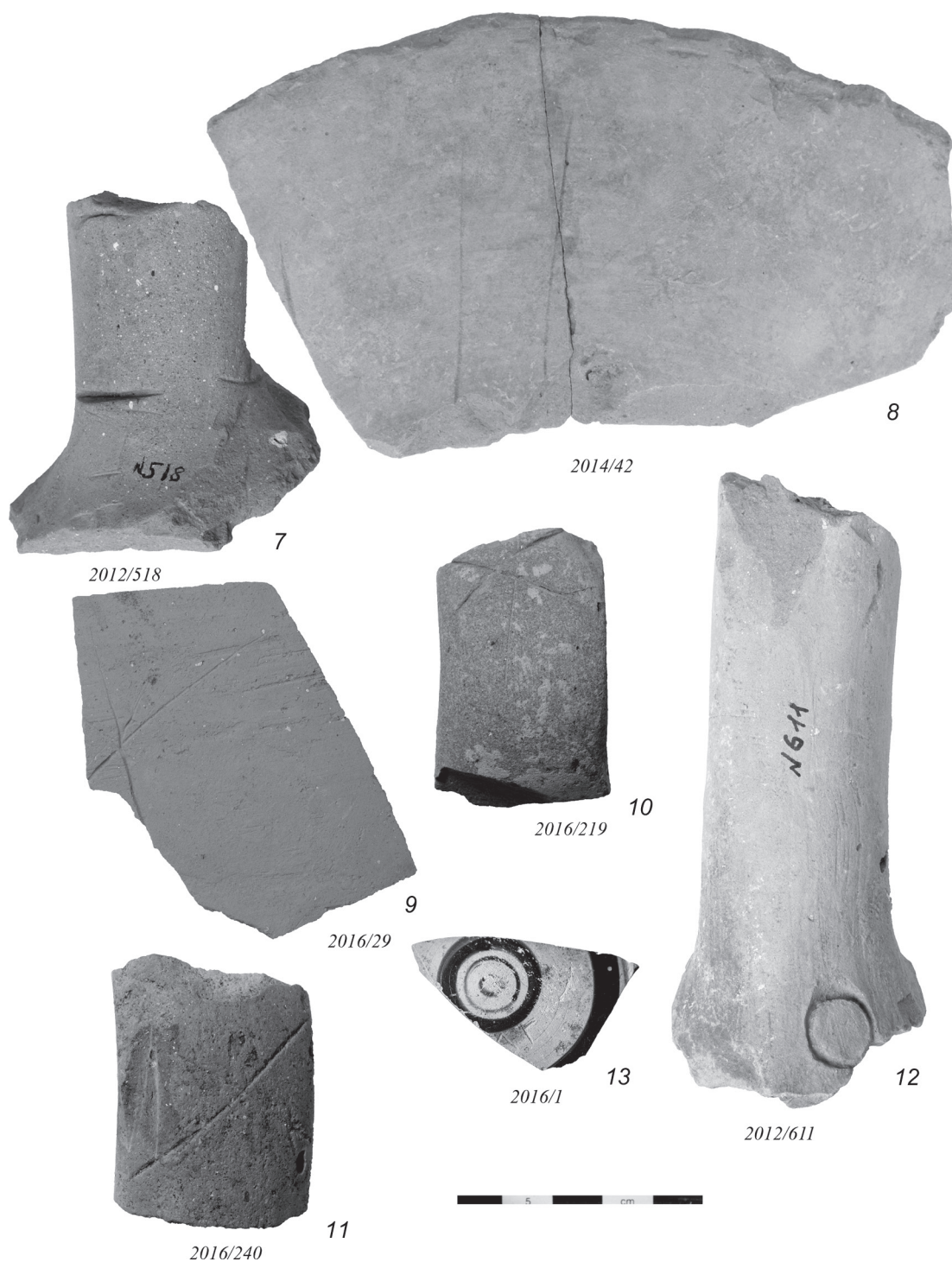

Рис. 2. Граффити из раскопок поселения Стрелка 2: с изображением прямых линий (№ 7, 8), с крестообразной меткой (№ 9–11), с круглой меткой по сырой глине (№ 12), буквенное на донце чернотерятого сосуда (№ 13)

Причерноморья в целом засвидетельствовано такое большое количество, что предлагать восстановление даже *exempli gratia* смысла не имеет. Кроме того, скол проходит непосредственно перед альфой, так что нельзя исключить, что начальная буква имени утрачена. Для Северного Причерноморья подходящих ЛИ набирается немного, и они в большинстве своем относятся уже к римскому времени. Для предшествовавшего периода на Боспоре известны только Θάγυς (КБН 178, 186 (оба – Пантикапей), 912, Нимфей) и однокоренное с ним Θάγυος/Θαγούς² (КБН 185, Пантикапей). Указанные имена имеют дорийское (предположительно, мегарское) происхождение [Зинько, Тохтасьев 2004, 117–120] и их появление на Боспоре, судя по всему, связано с резким увеличением ЛИ дорийского происхождения, фиксирующемся в боспорской эпиграфике на рубеже IV–III в. до н. э.³ Этот всплеск обычно связывается с сообщением Диодора о беженцах из Каллатиса, в 310/9 г. до н. э. принятых Евмелом, который выделил им землю для поселения (Diod. XX. 25, 1). Поскольку указанные имена отмечены в надписях не ранее IV в. до н. э., первый вариант с началом на Ἄγ-/Ἄγ- является предпочтительным.

Список литературы

- Беттгер Б., Шелов Д. Б. 1998. Дипинти на амфорах из Танаиса. М., 238.
- Бехтер А. П. 2022. Лапидарные шрифты Боспора VI–I вв. до н. э. // История письма от античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике. М.-СПб, 20–64.
- Бехтер А. П., Бутягин А. М. 2023. Надгробная стела Периандра, сына Мирмека // АВ. 41, 175–179.
- Брашинский И. Б. 1984. Методы исследования античной торговли (на примере Северного Причерноморья). Л., 248.
- Зинько В. Н., Тохтасьев С. Р. 2004. Эпитафия Гефестиона из Нимфея // БИ. 7, 112–124.
- Емец И. А. 2005. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Боспора Киммерийского. М., 242.
- Монахов С. Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов, 679.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М., 352.

² Имя может быть понято и как мужское, и как женское, см. подробнее [Зинько, Тохтасьев 2004, 118].

³ К датировке КБН 185 см.: [Бехтер, Бутягин 2023, 177]; о КБН 912: [Тохтасьев 1997, 375–377, 380–381]; к датировке КБН 912 см. [Бехтер 2022, 45–46].

- Намойлик А. С. 2010. Граффити на амфорах из раскопок Нимфея в коллекции Государственного Эрмитажа // ДБ. 14, 397–450.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2007. Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь–Керчь, 324.
- Сапрыкин С. Ю., Масленников А. А. 2023. Граффити и дипинти из раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье // ДБ. 28, 142–165.
- Тохтасьев С. Р. 1997. К изданию каталога керамических клейм Херсонеса Таврического // *Hyperboreus*. Vol. 3. Fasc. 2, 362–404.
- Lawall M. L. 2000. Graffiti, Wine Selling and the Reuse of Amphoras in the Athenian Agora, ca. 340 to 400 BC // *Hesperia*. Vol. 69. № 1, 3–90.

Summary

A. P. Bekhter

Epigraphic materials from the excavations of the Strelka 2 settlement in 2012–2016.

The article publishes epigraphic materials originating from the excavations of the settlement Strelka 2 (Taman Peninsula) in 2012–2016. The objects date mainly from the V–IV centuries BC, but individual objects may belong to the VI or III centuries BC. The material is mainly represented by amphoric fragments with non-letter signs: 1. notches in the form of straight lines on the walls (No. 8) and handles (No. 5–7); 2. marking in the form of a cross found on the handles (No. 10–11) and walls (No. 9); 3. a fragmented drawing depicting, apparently, an olive leaf (No. 4); 4. a circle pressed into the raw clay. There are also three letter graffiti on the amphorae: ХΑΛ (No. 1); Α (No. 2); >Η (No. 3), apparently a digital designation ($8^{1/2}$) characterizing the container capacity or the volume of its contents. A private mark ΑΓ (abbreviation of the personal name) is carved on the bottom of the black attic vessel.

А. В. Бонин

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Новый винодельческий комплекс на Ильичевском поселении

В 2015–2016 гг. на территории памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка» (поселение Ильич 1 по Я.М. Паромову), в Темрюкском районе Краснодарского края, на берегу Керченского пролива, были проведены охранно-спасательные археологические раскопки. Общая площадь четырёх раскопов составила почти 3 га.

На одном из них, раскопе 3, площадью 11435 м², разбитом перпендикулярно ул. Степная (северная окраина современного поселка Ильич), в 200 м к северо-западу от укрепления-«батарейки», были исследованы слои римского и позднеантичного времени. Здесь, в северной части раскопа, под слоем распахки, были найдены остатки винодельческого комплекса, состоявшего из винодельни и хозяйственных построек.

Первоначально был обнаружен участок давяльной (?) площадки, располагавшийся к северу от блока из трех цистерн. Размеры сохранившейся части – 1,2×3 м. Площадка была выложена в один слой из плоских окатанных камней средней величины и имела небольшой общий уклон к югу, по направлению к цистернам. Сверху площадка была покрыта двумя слоями розового цемянкового раствора. Первый, более грубый нижний слой, заполнял неровности между камнями. Второй – образовывал ровную гладкую поверхность. Толщина каждого слоя составляла 1–1,5 см. Между камнями и цемянкой встречались крупные фрагменты раковин мидий (рис. 1).

Расположение площадки относительно цистерн (вдоль длинной стороны цистерны 1) и характер кладки (один слой камня) позволяют предположить ее вспомогательный характер. Такие площадки, по мнению Н.И. Винокурова, использовались для складирования и сортировки винограда перед отжимом на основных площадках винодельни, помещавшихся с торца цистерн, и имели облегченную конструкцию [Винокуров 2007, 229].

Блок из трех цистерн, ориентированный стенами по сторонам света, общими размерами 3,5×2,4 м, был выявлен в 0,3 м к югу от вышеописанной площадки и на 20–30 см ниже ее (рис. 4).

Изначально была сделана зачистка поверхности над ними, в ходе чего выявлено пятно, частично перекрывавшее строительные остатки. Оно принадлежало объекту, который фиксировался ранее в квадратах к западу от винодельни и являлся окопом

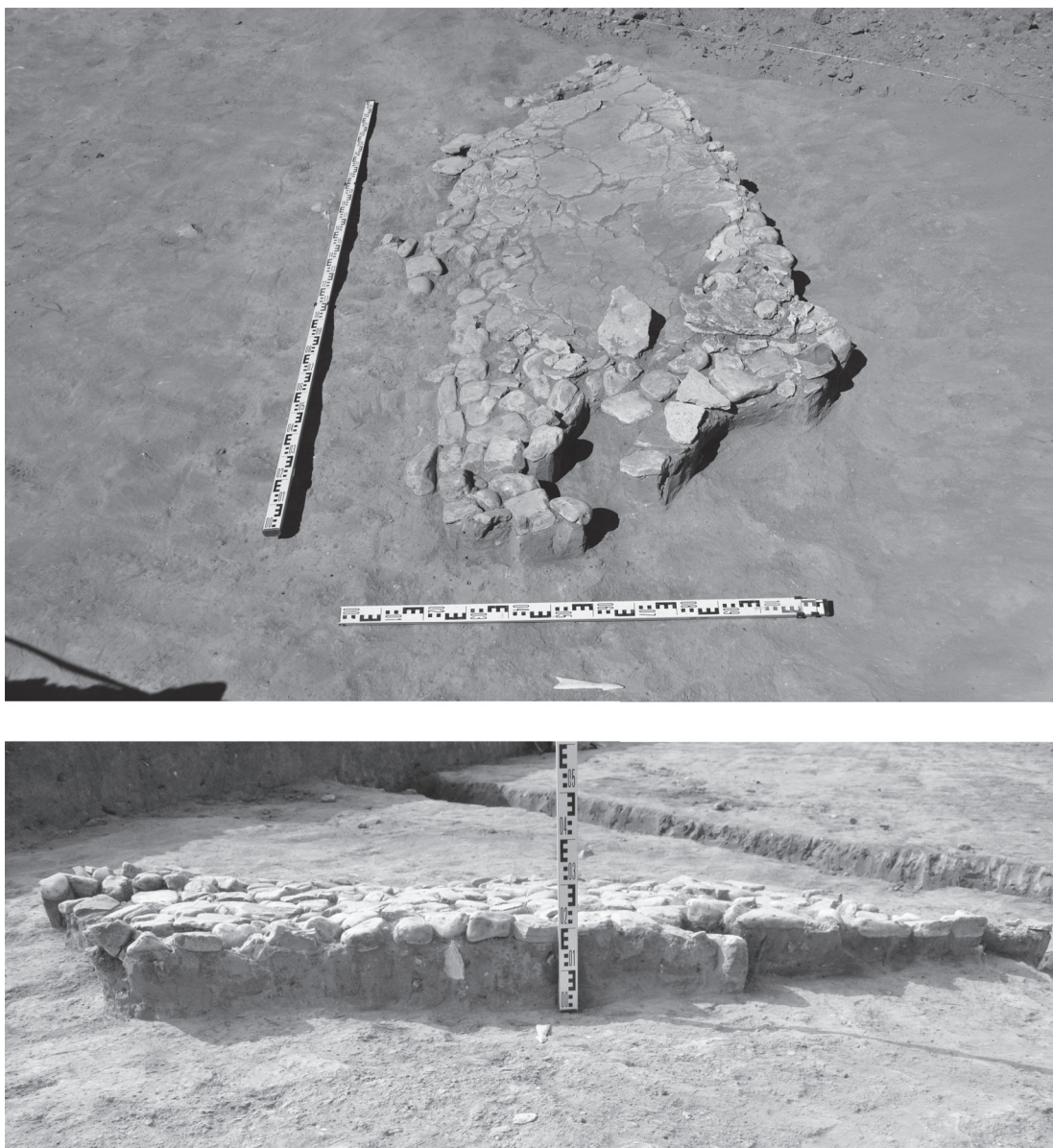

Рис. 1. Вспомогательная площадка винодельни

времени Великой Отечественной войны. Он проходил по линии СЗ-ЮВ через все три цистерны, частично разрушив верхние части их стенок.

В ходе только что упомянутых работ были найдены многочисленные куски цемьянки, обломки пифосов, хозяйственных, тарных, столовых и кухонных сосудов (рис. 2). Из датирующих находок упомянем фрагмент венчика амфоры С Snr I и обломки красноглиняных и светлоглиняных амфор (типы 68, 85 по И. Б. Зеест, тип С по Д. Б. Шелову). Столовая керамика представлена фрагментами красноглиняных и сероглиняных кувшинов и мисок. Немногочисленные обломки краснолаковых сосудов относятся к основным

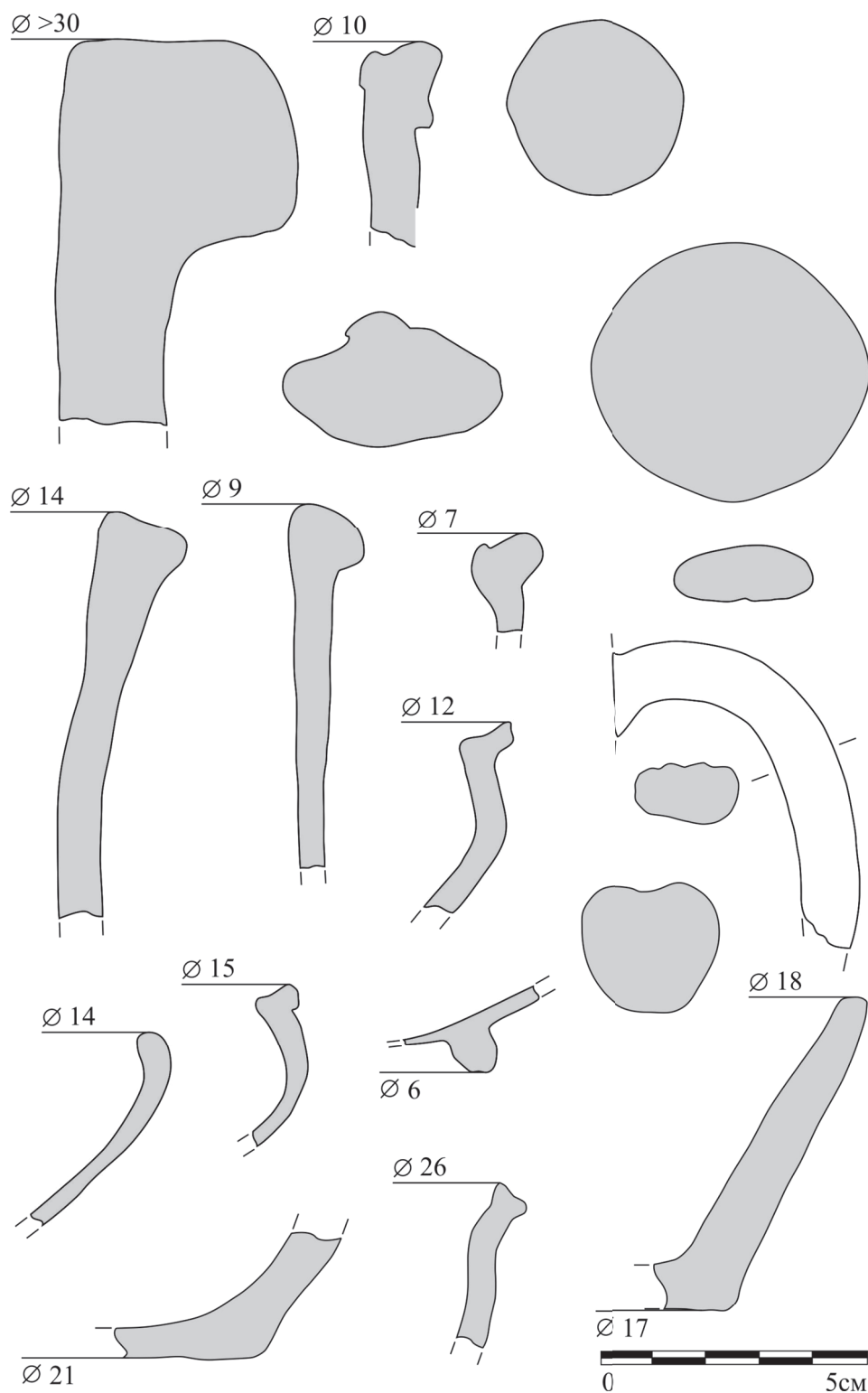

Рис. 2. Находки из расчистки подсобной площадки и верха цистерн винодельни

формам Понтийской сигиллаты I–III вв. н. э. (по Дж. Хейсу). Кухонные – представлены фрагментами кастрюль, крышек, горшков, а также лепных сосудов.

Особо следует выделить находку 12 медных монет. Из них удалось определить десять. Три пантикапейские, датируются концом IV – началом II вв. до н. э. Пять – статеры Фофорса. Еще два статера были найдены рядом с винодельней, в квадратах 16 и 119. Пять статеров несут даты подряд с 296/297 по 300/301 гг. н. э., два отчеканены в 289/290 и 304/305 гг. н. э. Возможно, эти монеты входили в состав небольшого клада, сокрытого в несохранившемся здании винодельни [Абрамзон, Бонин 2017, 399].

Затем была осуществлена выборка заполнения цистерн и их расчистка. Стенки цистерн были выложены из плоских окатанных, плотно подогнанных камней средней величины на глине. Внешние стены и перегородки, разделявшие цистерны, сопрягались впереплет, сопряжения стен и дна были скруглены. Стенки и дно были покрыты двумя слоями розового цемянкового раствора, аналогичного на подсобной площадке. Дно каждой цистерны в восточной части имело прямоугольное углубление-отстойник. Длина отстойников не превышала 0,5–0,6 м, ширина – чуть меньше ширины цистерны, а глубина не более 0,26 м. Дно цистерн имело общий плавный уклон к этим углублениям (рис. 3–5).

По наблюдениям Н. И. Винокурова, углубления-отстойники, как правило, располагались либо в центре цистерн, либо в части, противоположной расположению давяльных площадок виноделен [Винокуров 2007, 162]. Если это верно для рассматриваемой винодельни, то давяльные площадки находились к западу от блока цистерн.

Размеры цистерны 1: 2,04×0,98 м; цистерны 2–2,06×0,64 м, цистерны 3–2,02×0,94 м. Сохранившаяся высота их стенок достигала 1,3–1,5 м. Толщина не превышала 20 см (с учетом слоев цемянки). Цистерны были впущены в прямоугольную яму, незначительно превышавшую их размер и углублявшуюся в материк на 0,6 м.

Объем цистерн, посчитанный с учетом максимальной сохранившейся высоты стенок, составлял соответственно: 2,60, 1,91 и 2,84 куб. м. Общий объем их был, таким образом, не менее 7,35 куб. м.

Дно всех цистерн было покрыто слоем древесного угля толщиной до 5 см. Отдельные небольшие кусочки углей встречались и в заполнении. Вместе с тем, отсутствие слоя пожара при исследовании строительных остатков винодельни и хозяйственного комплекса (о котором будет сказано ниже) позволяет предположить, что уголь в цистернах представлял собой остатки термического способа удаления винного камня, при котором использовался открытый огонь [Винокуров 2007, 181]. В таком случае следует, что винодельня была покинута в процессе подготовки к переработке урожая винограда нового сезона, т. е. в конце лета.

В цистерне № 1 был обнаружен каменный слив давяльной площадки размером 0,55×0,35×0,20 м. Он лежал в верхнем горизонте заполнения, в северо-восточном углу, желобом вниз. Здесь же была обнаружена почти целая лепная ойнохоя.

При выборке заполнения цистерн найдено большое количество кусков цемянки и окатанных необработанных камней (остатки стенок цистерн и давяльных площадок), стенки пифосов, амфор, хозяйственных, столовых и кухонных сосудов, а также обломки костей животных.

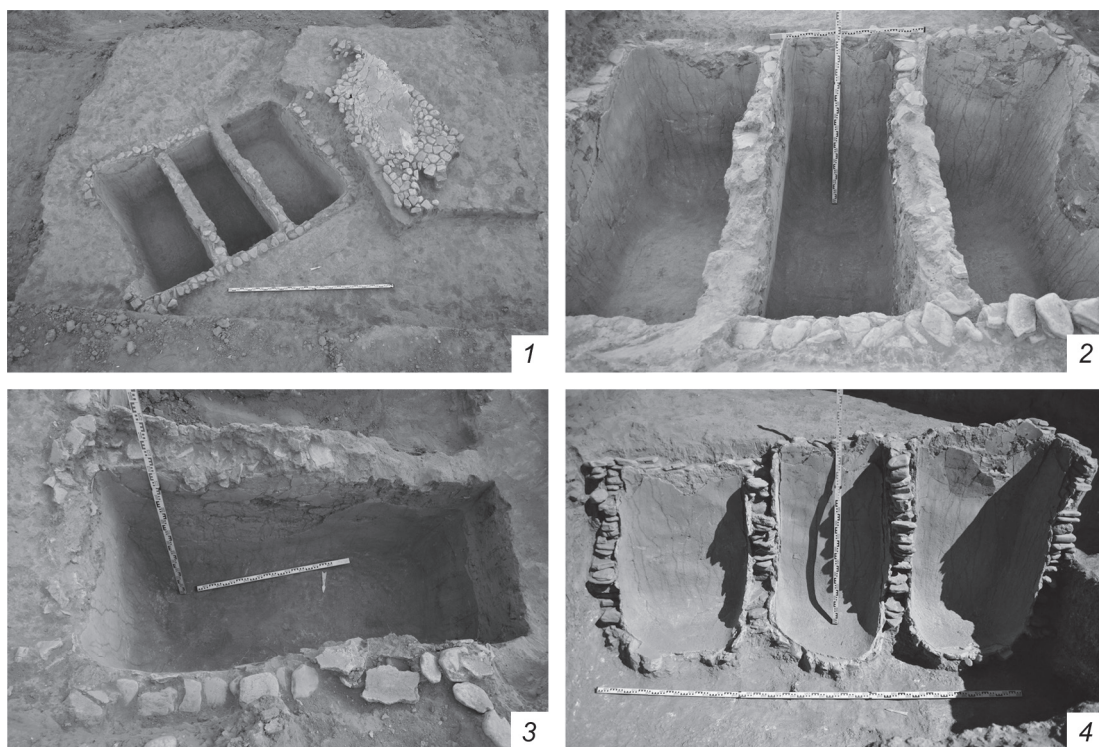
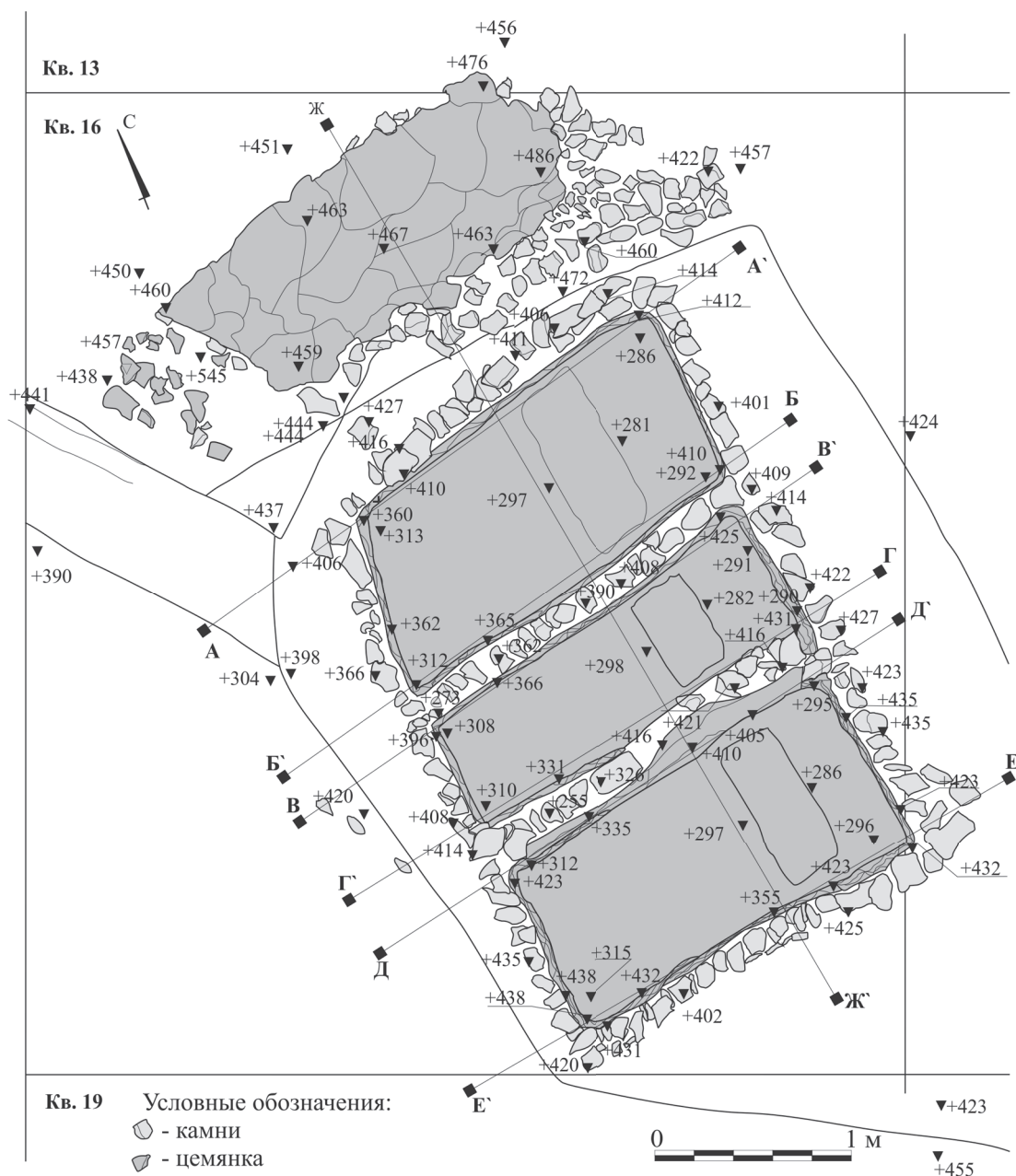

Рис. 3. 1 – винодельня после расчистки площадки и выборки цистерн, вид с востока; 2 – блок цистерн после выборки заполнения, вид с запада; 3 – цистерна № 1 после выборки заполнения, вид с севера; 4 – разрез блока цистерн, вид с запада

Фрагменты красноглиняных и светлоглиняных амфор относятся к типам 73, 75–77, 83–85, 86–89 по И. Б. Зеест или типам С и D по Д. Б. Шелову. Столовая керамика представлена фрагментами краснолаковых сосудов форм I, V и VI по Дж. Хейсу. На одном донце краснолакового сосуда зафиксировано граффити в виде креста. Кухонные сосуды – это обломки кастрюль и лепных горшков (рис. 6). Из прочих находок упомянем ножку гераклейской амфоры IV–III вв. до н. э., керамическую пробку, сделанную из стенки красноглиняного сосуда и грузило из ножки хиосской пухлогорлой амфоры.

Весь этот комплекс находок можно датировать серединой II – первой половиной III в. н. э. В качестве аналогии приведём керамический набор из цистерны римского времени в Пантикапее [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе 2005, 340–376].

Слой над остатками цистерн и площадки, естественно, сформировался позднее, уже после окончания функционирования винодельческого комплекса, о чем говорят находки статеров Фофорса и венчика амфоры C Snp I. К сожалению, наземные постройки её полностью разрушены и судить о том, как они использовались (и использовались ли вообще) в последовавшее время, не представляется возможным. Вместе с тем, находка предполагаемого клада может говорить о том, что строение винодельни могло существовать, как минимум, в начале IV в. н. э.

Что же касается реконструкции планировки и облика винодельни, то рассматриваемый объект относится, по классификации Н. И. Винокурова, к композитным винодельням с тремя стандартно расположенными резервуарами. Этот тип виноделен обладал значительными производственными возможностями и преобладал на Боспоре в первые века н. э. [Винокуров 2007, 138–143, рис. 100–107]. Аналогичная винодельня, датируемая V в. н. э., была открыта на территории Ильичевского поселения в 80-е гг. прошлого века Э. Я. Николаевой и Э. Р. Устаевой. Еще одна винодельня схожей планировки

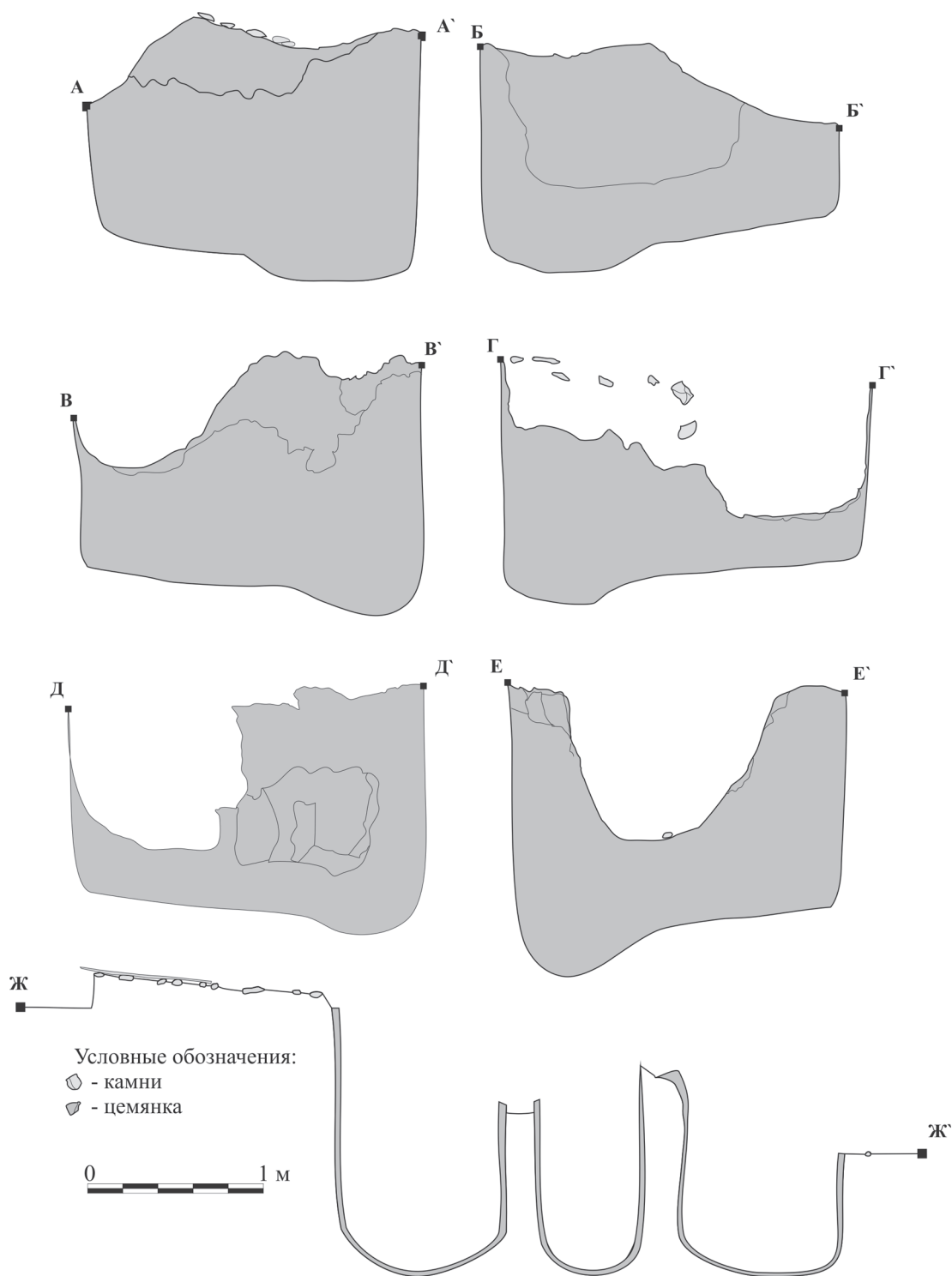

Рис. 5. Разрезы винодельни

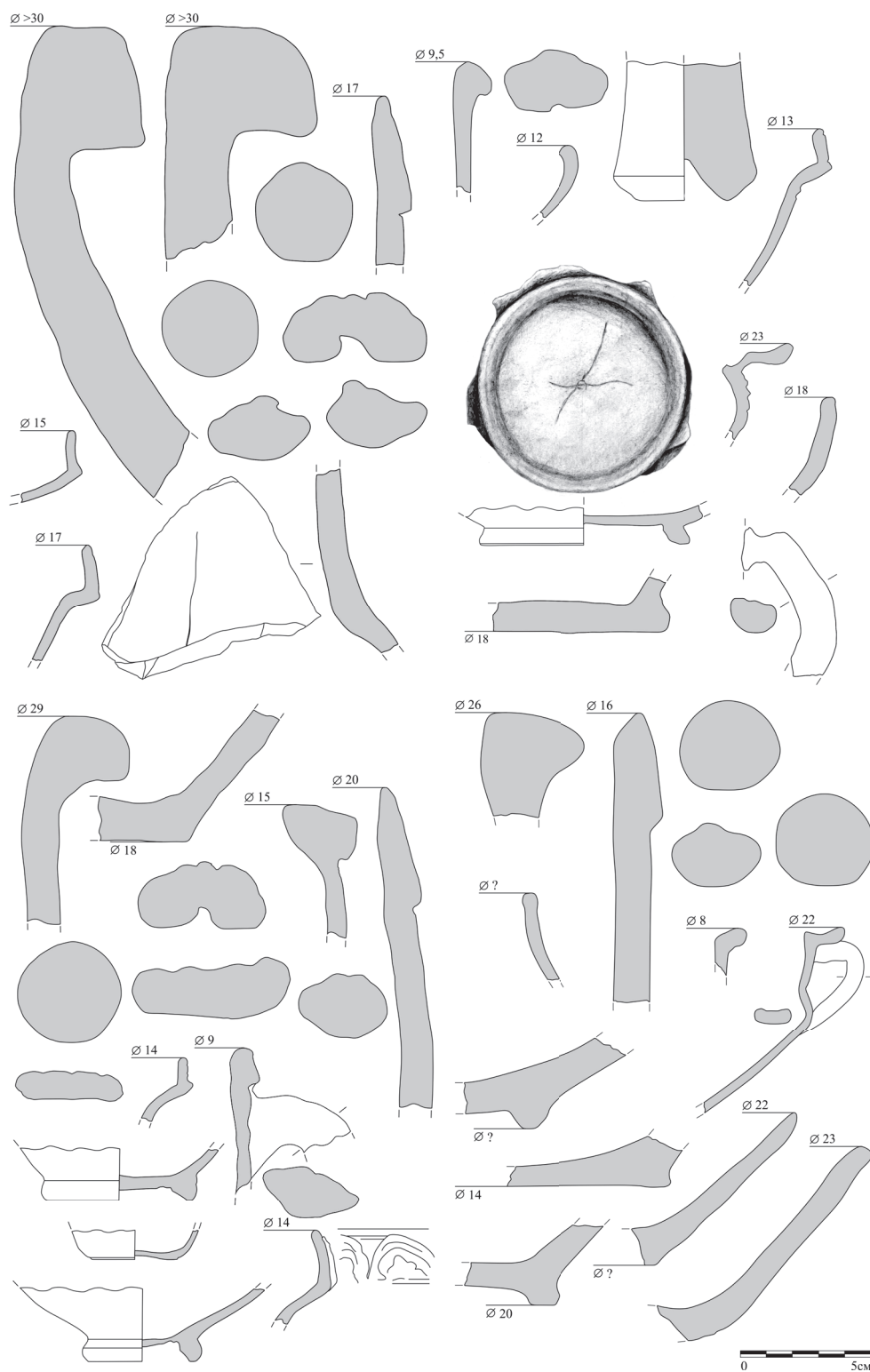

Рис. 6. Керамика из заполнения цистерн винодельни

с двумя цистернами, датируемая I в. до н. э., была обнаружена в прибрежной зоне всё того же поселения [Винокуров 2007, 143, рис. 107; Винокуров, Николаева 2000, 9–12].

Кроме того, работами О.В. Шарова в 2015–2016 гг., в прибрежной части были открыты остатки усадьбы, состоявшей из 5 помещений. Северная часть этой постройки была открыта в 1993 г. экспедицией Таманского музея под руководством Э.Р. Устаевой. Еще две аналогичные винодельни были раскопаны поблизости. Они имели давящую площадку и две цистерны. Рядом с одной из них открыты каменные фундаменты и вымостки еще одной усадьбы. Все эти комплексы датируются I в. до – I в. н. э. [Бонин, Шаров 2016, 60–61].

В непосредственной близости от описываемой винодельни археологических объектов, за исключением двух ям и безынвентарного погребения № 3, не выявлено. Еще одно погребение, № 22, тоже без инвентаря, было раскопано в 10 м к юго-востоку от цистерн винодельни. Погребения находились в слое коричневой супеси (слой 2) на глубине около 0,8 м от дневной поверхности, что позволяет предположить, что они были совершены уже после прекращения функционирования винодельни.

В 10–15 м к востоку от неё же был обнаружен сильно разрушенный распашкой хозяйственный комплекс, представленный развалами пифосов (10 объектов, № 17, 18, 32, 34, 53, 54, 56, 67, 91, 193), фрагментами каменных конструкций (6 объектов, № 39, 40, 41, 44, 45, 138) и хозяйственными ямами (31 объект, № 6, 13, 15, 16, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 47, 48, 52, 62, 63, 64, 65, 66, 79, 80, 86, 87, 88, 92, 95, 103, 108, 117, 129, 166). Комплекс этот остался недоисследованным: часть его уходит дальше на восток, за пределы раскопа. Принадлежность его к винодельне не вызывает сомнений, а само наличие является признаком развитого винодельческого производства [Сокольский 1970, 91; Винокуров 2007, 173]. Кроме того, о синхронности существования винодельни и хозяйственных построек говорит их планировка. Судя по расположению ям, невыразительных остатков каменных конструкций и развалов пифосов, эти строения своими стенами были ориентированы, также как и как цистерны винодельни – по сторонам света (рис. 7).

Из обнаруженных 10 фрагментированных пифосов 4 несут следы ремонта (скреплены свинцовыми скобами). Часть их была накрыта плоскими необработанными камнями. Все пифосы найдены либо под слоем распашки, либо в нижележащем слое коричневой супеси (слой 2). Отметим, что немногочисленные остатки каменных конструкций также прослежены под пахотным слоем.

При расчистке одного из пифосов (объект № 32) найдено детское безынвентарное погребение (№ 7). Ребёнок лежал поверх уже разрушенного пифоса, что говорит о том, что захоронение было совершено уже после того, как пифос (а вместе с ним и весь хозяйственный комплекс) уже пришел в негодность.

Прочие находки в пифосах немногочисленны и не слишком выразительны: в основном это фрагменты амфор типа Син II по С. Ю. Внукову, типа 76, 77, 80, 83 по И. Б. Зеест, типа C, D по Д. Б. Шелову, колхидских амфор, единичные обломки краснолаковых сосудов формы VI по Дж. Хейсу. Из коллекционных упомянем астрагал и керамическую пробку, изготовленную из стенки розовоголиняной амфоры.

Тридцать одна хозяйственная яма, прослеженная на территории комплекса, имели диаметр от 0,6 до 2,2 м. Пять зафиксированы непосредственно под слоем распашки,

Тринадцать ям имели в заполнении заметно выраженные зольные прослойки или частично были заполнены золой, в основном у дна. Возможно, в некоторых ямах проводилась обработка открытым огнем керамической тары для брожения сусла и хранения вина с целью их очистки от винного камня и дезинфекции [Винокуров 2007, 192]. В трех ямах обнаружены костяки собак, что является не такой уж редкостью на памятнике. Найденные в нескольких ямах единичные (7 экз.) фрагменты керамид говорят о том, что какие-то постройки хозяйственного комплекса имели черепичную кровлю. Отдельной категорией находок в ямах являются керамические пробки, изготовленные из стенок амфор и сосудов. Таковых 14 экземпляров и еще 20 найдено в слоях распахки

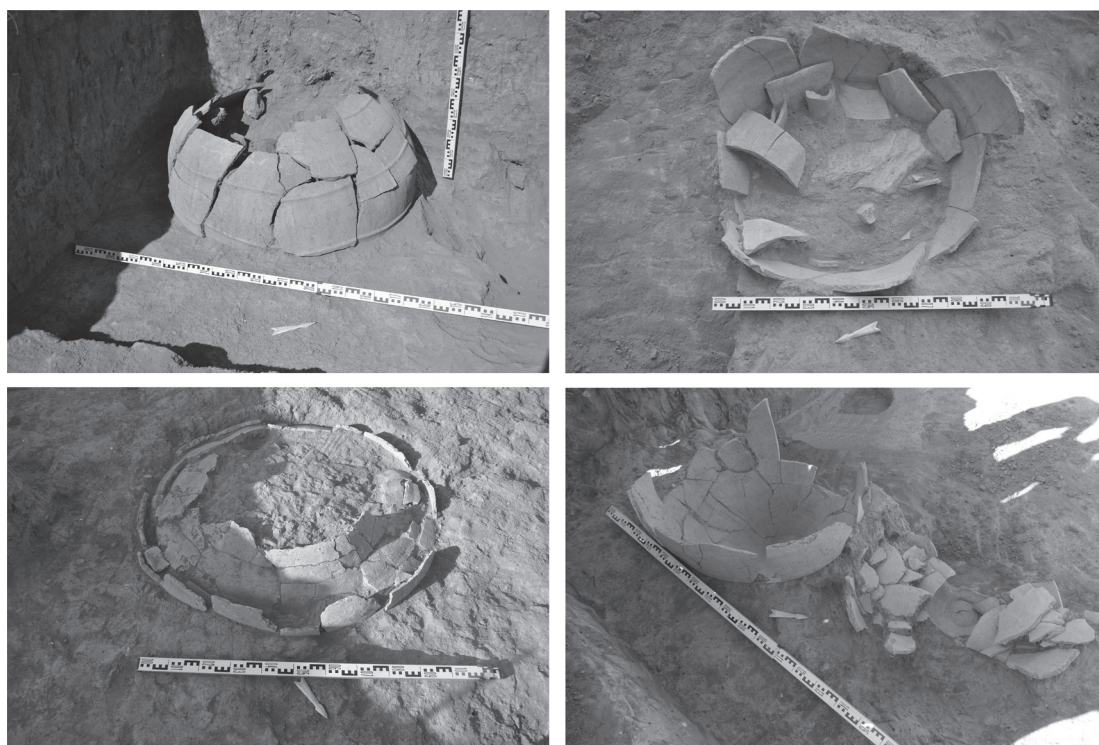

Рис. 8. Фотографии расчищенных пифосов из хозяйственного комплекса

и коричневой супеси. Наличие большого количества пробок может свидетельствовать о розливе вина в амфоры из сосудов, предназначенных для брожения и хранения, что характерно для товарного винопроизводства [Винокуров 2007, 243].

В числе датирующих находок из ям упомянем фрагменты амфор типов 73, 74, 79, 80, 83–85, 90 по И. Б. Зеест, типов С, D по Д. Б. Шелову, типа Син II по С. Ю. Внукову. А также крупные обломки и целые амфоры типов С, D по Д. Б. Шелову и типа 83 по И. Б. Зеест с граффити и дипинти (рис. 9, 10).

Краснолаковые сосуды представлены формами I (одна тарелка с клеймом «*planta pedis*»), II и VI Понтийской сигиллаты, фрагментами краснолаковых кувшинов, формами 4.2, 11.1, 20, 30 и 32 Понтийской сигиллаты по Д. В. Журавлеву. Таким образом, эти находки в целом, ещё раз подтверждают синхронность бытования хозяйственного комплекса и винодельни.

В описанных ямах найдено 5 монет, из которых были определены три. Одна – чека на Фанагории II в. до н. э., еще одна – сестерций Реметалка 131–132 гг. н. э., а третья была биллоновым статером Рескупорида V 251/252 г. н. э. Последняя может маркировать верхнюю границу существования винодельческого комплекса, прекратившего свое существование в эпоху готских походов.

Находки из культурного слоя по типам и датировкам схожи с вышеописанными (большинство фрагментов тарных и столовых сосудов происходит из разрушенных распашкой ям), однако немногочисленные артефакты позднее середины III в. н. э.,

Рис. 9. Яма 33 и найденные в ней горло светлоглиняной амфоры типа С по Д. Б. Шелову и красноглиняная амфора типа 83 по И. Б. Зеест с граффити

свидетельствуют о жизни на этом участке городища и после окончания функционирования винодельческого комплекса. К таковым можно отнести единичные фрагменты амфор С Snr I, поздних краснолаковых сосудов (PRSV, LRC) и две медные монеты Фофорса, датируемые 296/297 и 304/305 г. н. э. Однако, несмотря на вышеперечисленные находки, винодельческий комплекс после середины III в. н. э. пребывал в запустении, о чем говорят совершенные на его территории погребения.

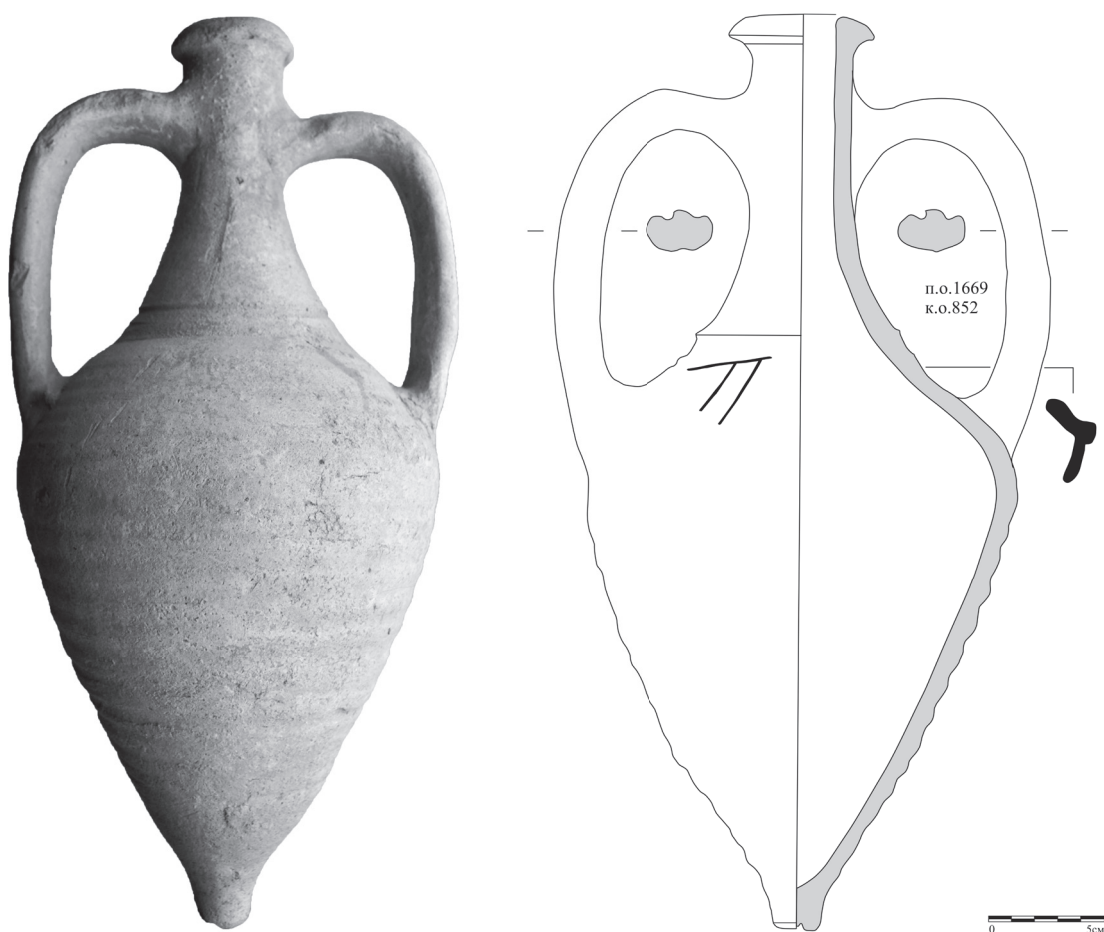

Рис. 10. Светлоглиняная амфора типа D по Д. Б. Шелову
с граффити и дипинти из слоя 2 над ямой 66

Что же касается нижней границы существования винодельни и ее хозяйственного комплекса, то отметим полное отсутствие среди находок фрагментов светлоглиняных широкогорлых амфор с двустольными ручками типа С I, период бытования которых, по С.Ю. Внукову, заканчивается в первой трети II в. н. э. [Внуков 2003, 202]. Таким образом, время функционирования описанного винодельческого комплекса: середина II – середина III в. н. э.

Отметим, что указанный период характеризуется наибольшим развитием товарного винопроизводства на Азиатском Боспоре, повлёкшим впервые в истории царства производство собственной тары [Завойкин, Завойкина 2021, 106–108]. Охарактеризованный в статье объект, ориентированный на производство вина в больших объемах, подкрепляет тезис о значимости винопроизводства этого региона в экономике Боспорского царства в римское время.

Список литературы

- Абрамзон М. Г., Бонин А. В. 2017. Монеты из раскопок городища и поселения Ильичевка в 2015–2016 гг. // ПИФК. 3, 393–430.
- Бонин А. В., Шаров О. В. 2016. Сокольский и его батареи (от укреплений к поселениям) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Исследователи и исследования. (Боспорские чтения. XVII). Керчь, 57–62.
- Винокуров Н. И. 2007. Виноградарство и виноделие античных государств Северного Причерноморья. Симферополь; (БИ. Suppl. 3). Керчь, 456.
- Винокуров Н. И., Николаева Э. Я. 2000. Винодельческие сооружения Ильичевского городища // Историко-археологический альманах. 6. Армавир, 9–20.
- Внуков С. Ю. 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). М., 235.
- Завойкин А. А., Завойкина Н. В. 2021. Винодельня на акрополе Фанагории // КСИА. 265, 104–124.
- Сокольский Н. И. 1970. Виноделие в Азиатской части Боспора // СА. 3, 75–92.
- Толстикова В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. 2005. Цистерна римского времени на Западном плато Первого кресла горы Митридат // ДБ. 8, 340–376.

Summary

A. V. Bonin

New wine-making complex in Ilyichevskoye settlement

In 2015–2016 on the territory of the archaeological site “Ilyichevka fortress and settlement”, located on the eastern shore of the Kerch Strait, rescue archaeological excavations were carried out. In 200 m to the northwest of the fortification, the remains of a wine-making complex were found, consisting of a winery and buildings. The construction remains of the winery are represented by a section of a service platform and three vats. To the east of the winery, buildings were investigated, represented by the ruins of pithoi, fragments of stone structures and holes. The wine-making complex dates back to the middle of the 2nd – middle of the 3rd centuries AD and ceased to exist during the era of the Gothic campaigns.

Н. И. Винокуров

(Московский педагогический государственный университета,
г. Москва)

**Гробница 20/2023 и яма с менгирами
погребально-жертвенного комплекса IV в. н. э.
южного теменоса городища Артезиан**

В о время раскопок на южном теменосе городища Артезиан, в непосредственной близости от фундаментов восточного алтаря и храма Зевса Генарха и Сотера, в 2023 г. была обнаружена подбойная могила (20/2023) с одиночным захоронением молодого мужчины, окружённая «созвездием» жертвенных ям, исследование которых продолжилось и в 2024 г. [Винокуров 2024а, 22–34; Винокуров, Мацнев, Фесенко 2024, 150–154; Винокуров, Яйленко, 2024, 257–297]¹.

Напомним, что южная священная зона городища примыкала к оборонительному рву акрополя, а когда ров был засыпан, захватила и его пространство. Раскопками затронута, по-видимому, центральная часть теменоса. Время его функционирования приходится, как показывают нумизматические находки, на начало-середину I в. до н. э. – конец III–IV в. н. э. Самыми ранними объектами здесь являлись храм в антах Зевса Генарха и Сотера дорического ордера двух строительных периодов – Митридата Евпатора Диониса² и его сына Фарнака; монументальный восточный беломраморный алтарь 2020 г. в ионическом стиле, западный малый алтарь, фигурная ёмкость для жертвенных возлияний (рис. 1). Они датировались позднеэллинистическим периодом – II в. до н. э. – 63–51/50 (49) гг. до н. э. Точное время разрушения храма Зевса Генарха и Сотера определить затруднительно. Он мог погибнуть сразу после мятежа Асандра или в ходе боспоро-римской войны в 46/47 г. н. э. Но, и не исключено, что в том или ином

¹ Частичной публикации материалов раскопок неординарного погребально-жертвенного комплекса посвящена данная статья. Несмотря на то, что полученные в ходе раскопок сведения только находятся в стадии обработки, основной контекст и хронология объекта установлены, что позволяет более детально познакомить научное сообщество с первичными результатами. Его интерпретация будет уточняться, так как далеко не все жертвенные ямы раскопаны. В любом случае уже понятно, что артезианский комплекс является важным поминальным памятником, связанным с началом эпохи переселения народов, в котором принимали участие представители пока плохо известных этнических групп с территории Боспорского царства.

² Впервые храм разрушен в 63 г. до н. э. катастрофическим землетрясением, затронувшим всю территорию Боспорского царств [Кругликова 1966, 81, 89; 1975; Блаватский 1977, 56–57; Аракелян 1983, 40 и сл.; Буне, Медведева, 1990, 61–63; Никонов, Масленников, Толстиков 1996, 34–42; Винокуров, Никонов 2004, 95–103; Винокуров, Корженков, Родкин 2015, 51–66; Винокуров, Яйленко, 2024, 257–297].

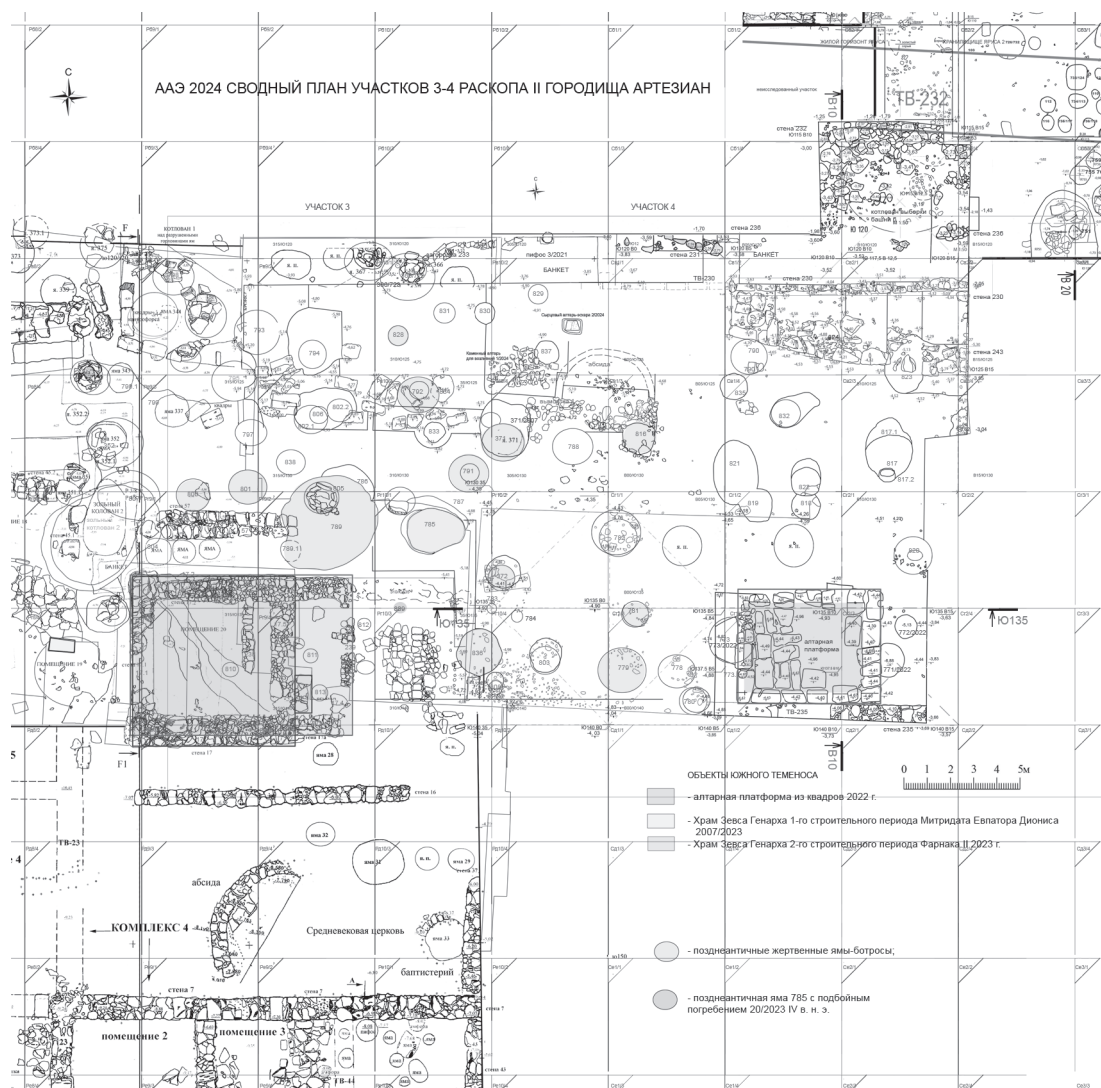

Рис. 1. Позднеантичный погребально-жертвенный комплекс с гробницей 20/2023. Южный теменос. План участков 3–4 раскопа II 2007 г. /2024 гг. Выкадровка из сводного плана раскопа II 2024 г.

виде он достоял и до землетрясение второй половины III в. н. э. После этого руины храма разбираются на строительный материал.

Раскопанный позднеантичный поминально-жертвенный комплекс состоял из подбойной могилы в яме 785 и серии жертвенных ям 789, 371, 372, 779, 781, 791, 792, 801, 800, 809, 816, 836, 838 (рис. 1-16). Его своеобразным организующим центром выступало захоронение всадника, совершённое в указанной яме и западная линия ям (№ 789, 800 и 801). В закладе нескольких жертвенных объектов применялись ордерные архитектурные детали из разобранного храма. Сопроводительный инвентарь захоронения в могиле 20/2023 маловыразителен, тем более удивителен общий его контекст,

связанный со вторичным использованием этих артефактов в закладе входной ямы и подбоя. Основная часть их, в том числе барабаны колонн, однако, была употреблена для забутовки входного колодца ямы 785.

Методические критерии включения жертвенных ям в состав погребально-жертвенного комплекса были следующими:

- планиграфическое и стратиграфическое тяготение объектов к центральному подбойному погребению 20/2023 в яме 785, включение их в вытянутые цепочки, ориентированные по линии запад-восток, в несколько параллельных рядов;
- наличие в их засыпи символов огня (зола, угли, кремь, прогретые алтари, камни, керамика, и предметы со следами действия огня);
- использование в магических целях в закладах или забутовке подземных объектов архитектурных деталей храма Зевса, алтарей и скульптуры, надписей и надгробий;
- находки в заполнение ям предметов культа и других сакральных маркеров или священных, по представлению древних, атрибутов: алтарей, фематериев, терракотовых фигурок, черепов и костей животных, фишек, астрагалов, морских галек, раковин моллюсков, винодельческих гирь и тарапанов, которые использовались в качестве вотивов;
- присутствие остатков тризны.

К погребально-жертвенному комплексу IV в. н. э. относились объекты, которые на теменосе находились в одном стратиграфическом горизонте, отмеченном утоптан-ными серо-жёлтыми щебёнистыми прослойками, устьями ям, подошвами каменных развалов, горизонтально втоптан-ными черепками и костями животных. Все они зале-гали в поддерновом горизонте. Определённые, но не критичные потери им нанесли средневековые перекопы, траншеи выборки стен, ямы и фундаменты VIII-XI вв. Позд-неантичные ямы отличались мощными каменными забутовками и были выкопаны в близкий хронологический период рядами (не менее трёх), вдоль центральной тер-расы теменоса.

Яма 785, в восточном борту которой было выявлено подбойное погребение 20/2023, выделялась среди других жертвенных ям центральным расположением и плотным каменным закладом, состоявшим из нескольких десятков ордерных деталей (рис. 1-12). Она располагалась в 3,08-4,60 м к северо-востоку от руин храма Фарнака II. Её округ-лая (2,58×2,68 м) горловина была выявлена ещё в 2007 г. После снятия слоя мелких камней в устье ямы открылись оббитые архитектурные детали дорического ордера, плотно уложенные друг к другу в несколько ярусов (рис. 3-4)³. В разрезе яма, выко-панная в зольном заполнении материкового рва и материковом суглинке с кварцевым песком имела близкую к колоколовидной форму. Глубина её была не менее 4,62 м, диа-метр дна 2,08×2,32 м и для устройства гробницы 20/2023 она использовалась вторично. Какое-то время яма, очевидно, стояла пустой и её борта начали осыпаться. В толще (0,5-0,6 м) придонного заполнения найдены мелкие маловыразительные обломки амфорной тары и прочей керамики. Над ним лежала каменная крышка ямы близкая

³ Они были проложены средним и мелким бутом с отдельными мелкими обломками плит и блоков. Для рас-клинивания деталей в яме использованы глыбы мшанкового известняка, целые и фрагментированные ква-дры и плиты, а также их обломки.

Рис. 2. 1–2. Панорама объектов южного теменоса с позднеантичным погребально-жертвенным комплексом IV в. н.э. Вид с дрона с юго-запада (2023 г.) и востока (2024 г.) в процессе раскопочных работ

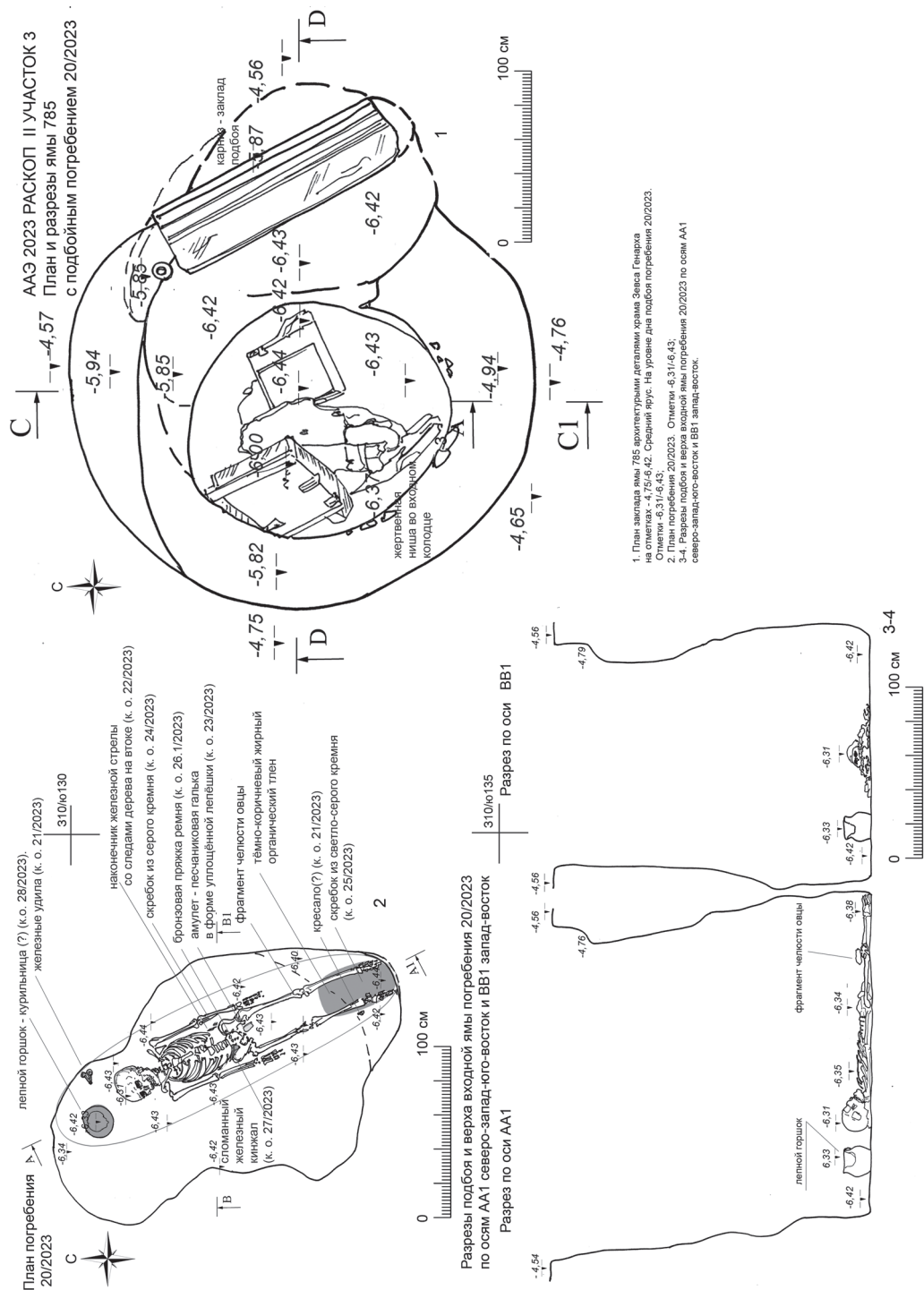

Рис. 4. План и разрезы подбоя погребения 20/2023 в яме 785. Отметки -4,57/-6,42. Раскоп II 2023 г. Участок 3

к овальной по форме⁴, небольшой обгорелый алтарик из известняка⁵ и половинка монолитной переносной прямоугольной известняковой давяльни (в южной части этого горизонта заполнения ямы). Рядом расчищен развал большой остродонной амфоры IV в. н. э. раннего варианта типа 96–97 [Зеест 1960] (рис. 12). По-видимому, амфора была сброшена в яму целой (пустой или наполненной вином?) непосредственно перед погребением и, возможно, является ритуальной жертвой. Тут же были найдены обломки изделий из мрамора, которые попали сюда непосредственно перед устройством погребения 20/2023⁶.

В расположенном выше заполнении ямы и в погребальной камере могилы 20/2023 архитектурные детали плотно лежали в несколько ярусов (рис. 3–8) в сером рыхлом золистом грунте с находками в основном II–III вв. н. э., среди которых – часть лучевой кости ребёнка или подростка и многочисленные кости мелких грызунов. Отсюда же происходят десятки квадров и архитектурных деталей. Среди них: карнизы, фризы, архитравы, симы, отдельные блоки стилобата, абак, барабаны колонн дорического ордера, и одна – ионического ордера⁷. Между барабанами колонн верхнего яруса был заложен архитрав с сохранившимися полочкой, гуттами и двухстрочной (текстом вниз) посвятителной надписью царя Фарнака.⁸ Её продолжение на другом разбитом на части архитраве было обнаружено ниже, в среднем «горизонте» заполнения под барабанами колонн и рядом с закладной плитой погребения 20/2023. Среди блоков найдена также часть известнякового надгробия с фрагментированной трёхстрочной эпитафией первой половины I в. н. э.⁹ Надписи и надгробия во вторичном использовании в качестве возможных магических предметов особой силы прежде уже встречались на городище [Винокуров, Яйленко 2022а, 31–52; 2022б, 95–134]. При этом они, вероятно, преднамеренно переворачивались лицевой частью вниз, причём буквы не сбивались. Точные мотивы подобных ритуальных манипуляций неизвестны, но их хтоническая составляющая не вызывает сомнения. Кстати, надгробные стелы в виде стилизованных

⁴ Размер крышки: 0,56×0,62×1 м.

⁵ Алтарик неправильной трапециевидной в плане формы довольно грубой работы из ракушечника. Его размер: 0,50×0,47×0,30 м, ширина борта 0,11/0,19 м, высота 0,08 м. По центру имелась округлая выемка с плоским дном, размером 0,26×0,27 м. Судя по следам горения, его использовали в качестве переносного.

⁶ Это: фрагмент беломраморного карниза (?) с изящной восьмилучевой розеткой в круге с солярным символом по центру, который выполнен в высоком рельефе хорошей работы, размером 112×95×60 мм; поперечный скол руки беломраморной статуи (Зевса-Фарнака?) с лицевыми заполированными поверхностями: часть руки с глухим округлым отверстием по центру диаметром 12 мм под металлический каркас-фиксатор; часть одеяния той же беломраморной статуи и часть скола плеча (?) статуи с лицевыми заполированными поверхностями; угловой скол плиты белого мрамора с едва заметной буквой «О», сбитой наполовину от надписи (?); угловой скол массивной беломраморной плиты с фаской, размером 210×180×180 мм; небольшой скол оббитого беломраморного карниза, размером 100×140×70 мм; угловой скол беломраморной плиты с фаской алтаря (?); часть мраморной облицовочной плитки пола толщиной до 12–14 мм (склеена из двух частей) размером 77×53×12/14 мм средней сохранности; небольшой скол оббитого беломраморного карниза; обломки крупных массивных плит из белого мрамора толщиной 200 мм и размером 200×240×190 мм, толщиной 150 мм и размером 150×230×200 мм; угловой скол массивной плиты из серого мрамора, толщиной 174 мм размером 174×220×218 мм.

⁷ Архитектурные ордерные детали фотограмметрированы, обмерены и после изучения специалистами помогут воссоздать первоначальный облик храма Зевса Генарха и Сотера. Они заслуживают специальной публикации.

⁸ Надпись гласила о победе Фарнака над какими-то скифами [Винокуров, Яйленко 2024, 252]:

⁹ «Дейдас, сын Гераклида, прощай» [Винокуров, Яйленко 2024, 263–265].

антропоморфов были обнаружены и в соседних жертвенных ямах. Надписей на них не было, но в древности они могли ещё сохраняться [Винокуров 2023, 73–104]¹⁰. Вместе с тем, среди архитектурных деталей находилась и большая, грубо обколотая глыба мшпанкового известняка с заглаженной подовальной выемкой¹¹, не исключено – грубый алтарь или жертвенная чаша¹².

В юго-западном углу ямы 785 была сооружена жертвенная ниша в виде загородки из крупных ордерных деталей (рис. 3, 4, 7–9). Особая роль в её устройстве отводилась самой нижней и массивной плите фронтона из жёлтого известняка, размером 690×830×280 мм. Она была установлена вертикально, заметно ниже уровня пола погребальной камеры. Будучи перекрытым другими архитектурными ордерными деталями, фронтон, возможно, отгораживал место какого-то особого жертвоприношения или кенотафа. Между фронтоном и юго-западным бортом ямы оказалось, таким образом, небольшое пространство шириной 0,4–0,5 м и высотой до 0,6–0,7 м, наполовину засыпанное рыхлым зольным грунтом серого цвета. По-видимому, в этой нише было помещено нечто, со временем полностью истлевшее. С северо-восточной стороны всю нишу «подпирает» фрагмент блока фриза, хорошо обработанный торец которого маркировал уровень пола погребальной камеры самой могилы. Он мог служить и в качестве основания опорного столба временной крыши над могильной ямой на время совершения захоронения. Выше, на уровне дна подбоя, между южным бортом ямы и заложённой жертвенной нишей было найдено несколько трубчатых костей животных, возможно, от жертвенного мяса¹³.

После сооружения этой ниши, яма 785 была досыпана до середины, чтобы сделать удобную горизонтальную рабочую площадку для погребальной камеры (рис. 3–8). С этого уровня в северо-восточном борте ямы был вырублен вместительный подбой полусферической в сечении формы (могила 20/2023), где был захоронен молодой мужчина неизвестной этнической принадлежности. Длина подбоя 1,89/2,16 м, ширина в средней части 1,48/1,50 м. Дно ровное¹⁴ (рис. 3–8). Подбой был заложен большим карнизом дорического ордера¹⁵. Его длины не хватило. Северная часть подбоя, где находи-

¹⁰ Ср.: Бейлин, Волошинов, Рукавишникова 2018, 165–174; Бейлин, Рукавишникова 2018а, 20–31, 2018б, 158–164.

¹¹ Её размеры: 50×50×23 мм. Глубина вместилища около 0,09 м.

¹² Значительный вес всех этих артефактов свидетельствует о больших усилиях, предпринятых ради сооружения каменного заклада над погребением 20/2023 и входной ямой 785. Минимальный объём выпитого во время поминального пира вина (исходя из вместимости найденной амфоры) и количество съеденного жертвенного мяса из тризны в ямах 789 и 836 позволяют предположить, что при этом был задействован труд, по меньшей мере, нескольких десятков человек.

¹³ Только после разборки каменного заклада жертвенной ниши, извлечения из ямы всех архитектурных деталей, включая фронтон ниши, что стоило многих усилий и времени, стало возможным приступить непосредственно к подъёму закладной плиты погребения 20/2023 и расчистке костяка в подбое.

¹⁴ Его поверхность маркирована горизонтально установленным блоком фриза на отметке –6,44. Подбой вырублен в плотном материковом суглинке жёлто-коричневого цвета с мелкими конкрециями. Максимальная высота подбоя: около 1,48/1,50 м. Свод погребальной камеры не сохранился.

¹⁵ Плита карниза дорического ордера (сима) из жёлтого известняка. Её размер: 1365×680×130/180 мм. На обороте плиты высечены цифровые метки «А» с ломаной гостой и «В», четыре выемки подпрямоугольные и Г-образные пироны. Поверхность особенно качественно обработана с лицевой стороны. С одной из длинных ложковых сторон, прямо на ордерном фасаде, по центру плиты, на ложке были вырублены две трапециевидных выборки. Они, возможно, сделаны в момент совершения захоронения для удобства спуска плиты в яму и установки её в могильный подбой. На внешней стороне плиты прослежены небольшие пятна красно-коричневого цвета от действия огня.

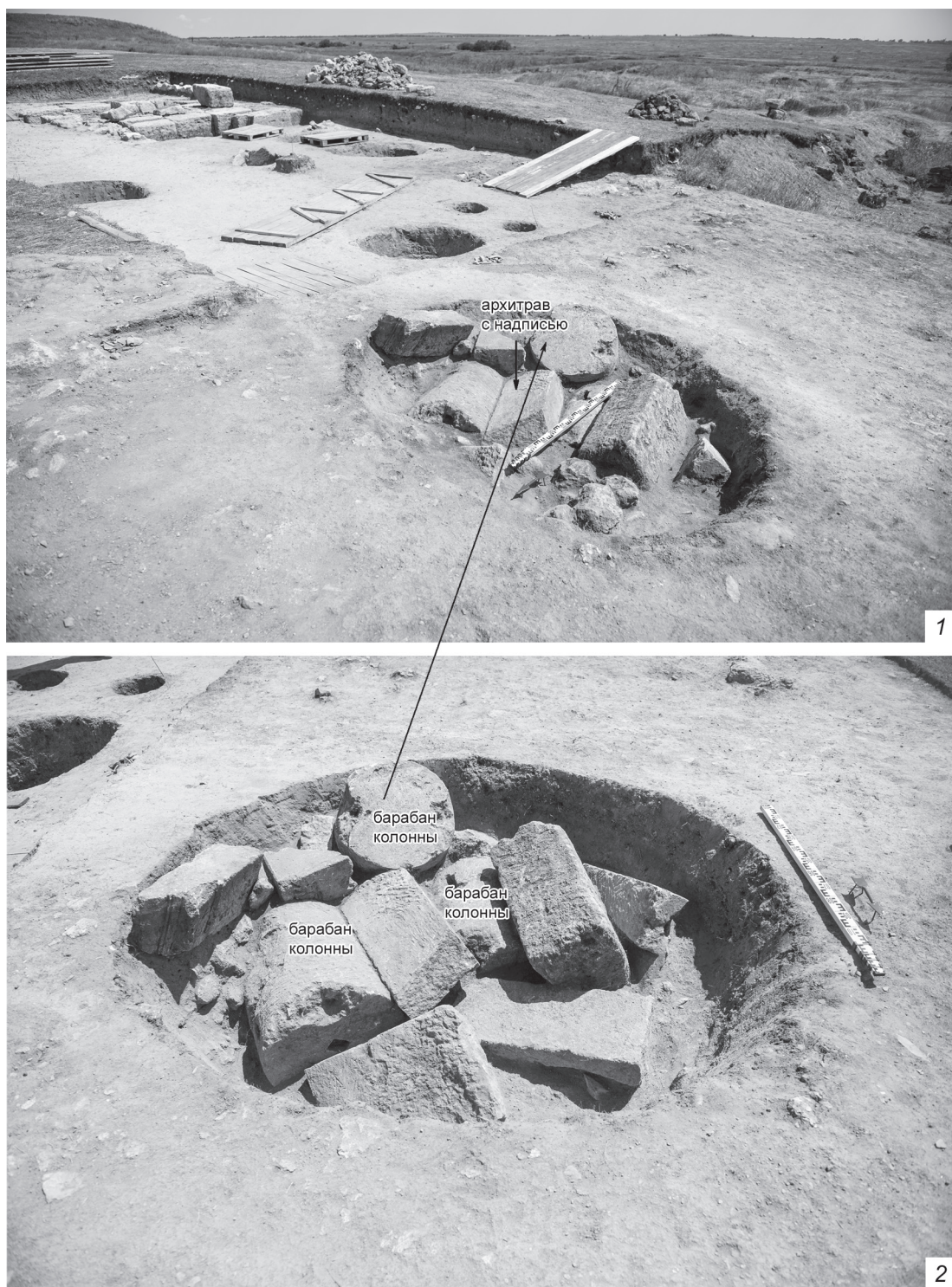

Рис. 5. 1–2. Верхний ярус заклада с барабанами колонн и архитравом с надписью Фарнака в ходе раскрытия входной ямы 785 гробницы 20/2023. Южный теменос. Вид с северо-запада и севера. Раскоп II

Рис. 6. 1–2. Средний ярус заклада ямы 785 жертвенной ниши и гробницы 20/2023 с деталями дорического ордера: блоков архитравов, фриз и карнизов храма Фарнака. Карниз в качестве закладной плиты подбоя погребения 20/2023. Южный теменос. Вид с запада и юго-востока. Раскоп II

Рис. 7. 1–3. Жертвенные части ног лошади в среднем ярусе до снятия закладной плиты карниза гробницы 20/2023 и каменного заклада ниши входной ямы 785. Вид с севера (1–2) и северо-востока (3). Южный теменос

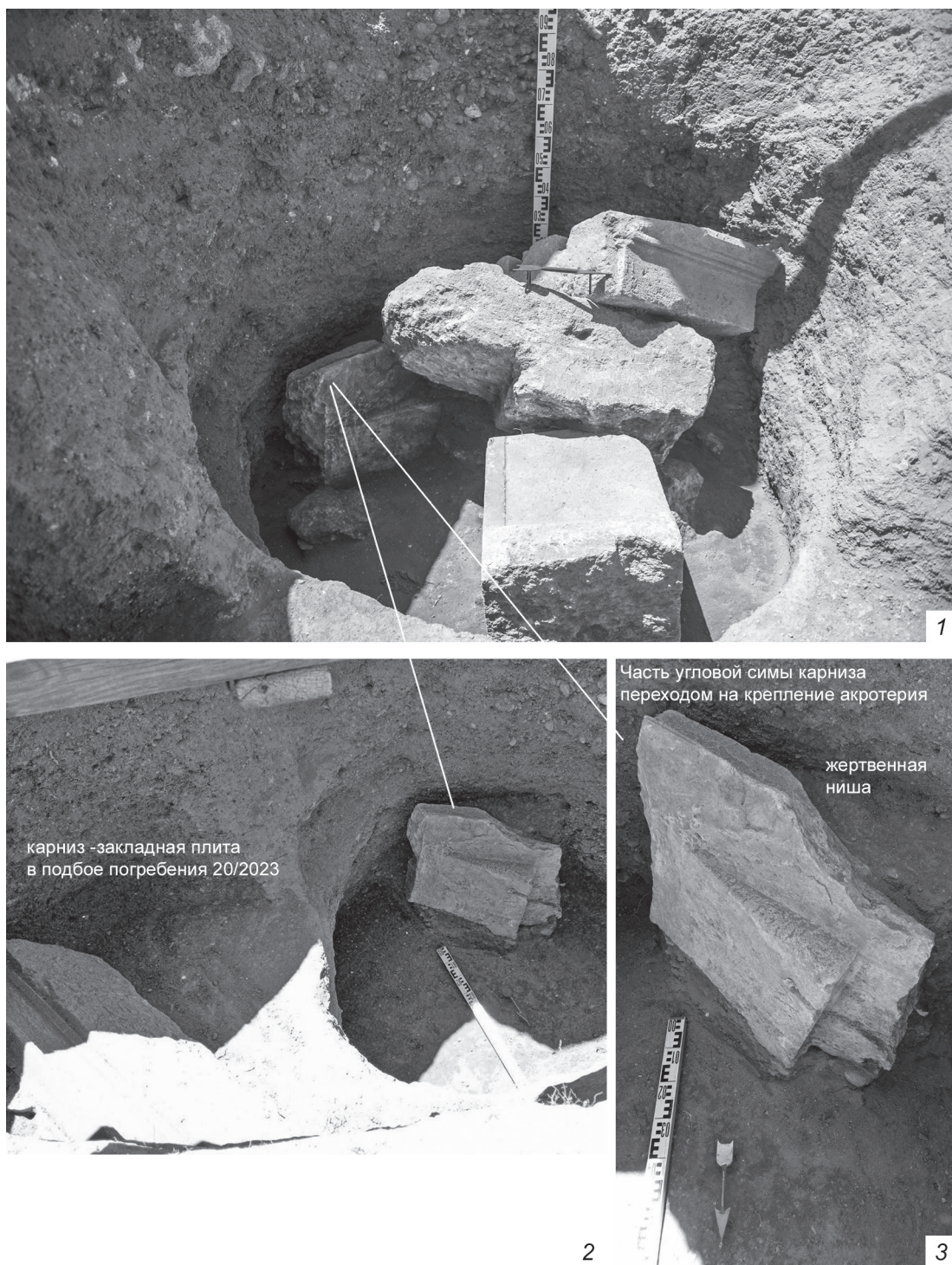

Рис. 8. 1–3. Плита на орфостате с противоположной юго-западной стороны могилы 20/2023 в яме 785, закрытая другими архитектурными деталями, – возможное место какого-то жертвоприношения или кенотафа в нише. Вид с северо-востока (1–2) и юго-запада-запада (3). Южный теменос. Раскоп II

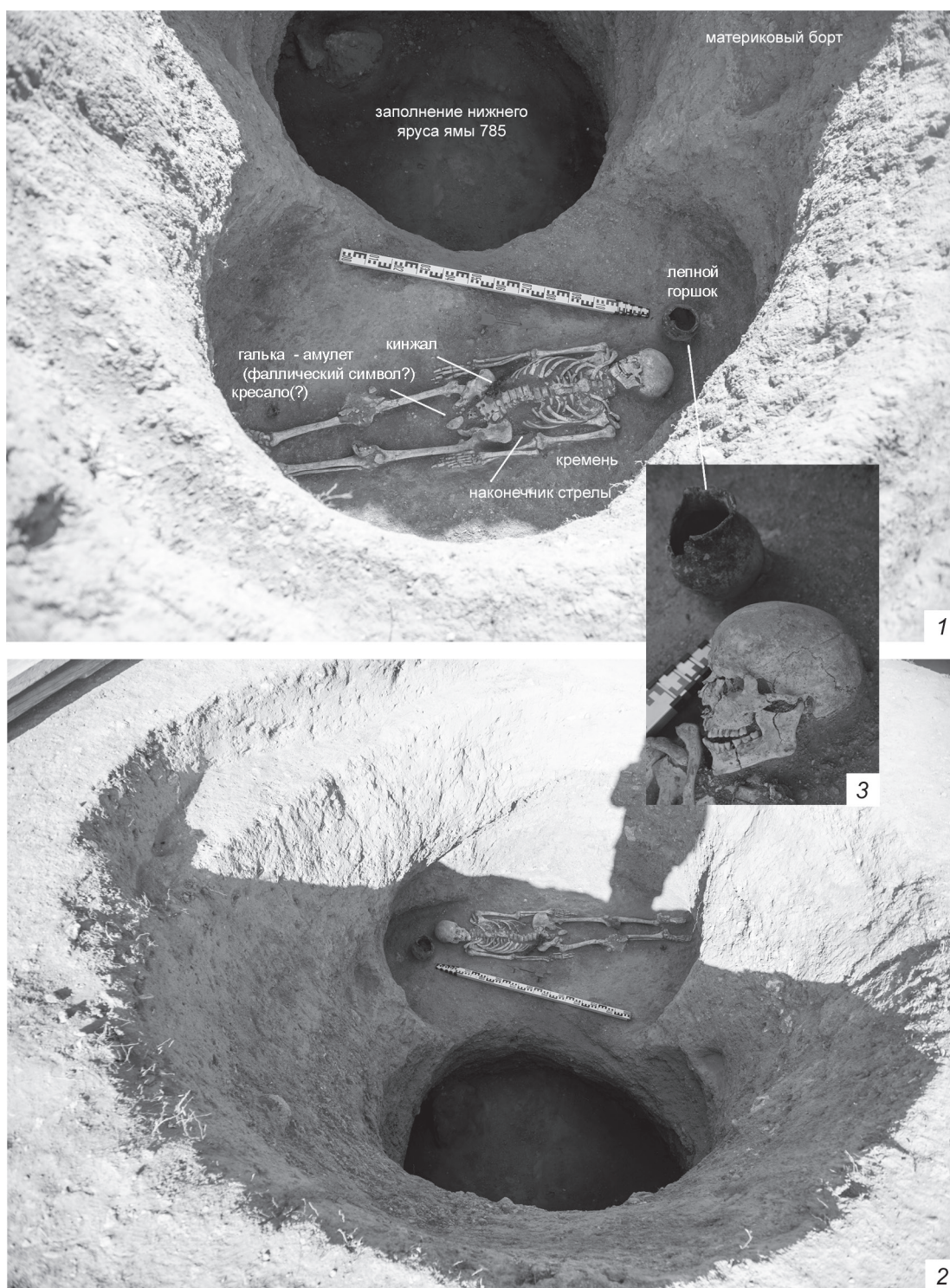

Рис. 9. 1–3. Погребение мужчины европеоидной внешности небольшого роста, 164–167 см, 30–35 лет, в гробнице 20/2023 после расчистки. Вид с северо-востока, юго-запада, юго-востока. Южный теменос. Раскоп II. Участок 3

лись лепной горшок и железные удила, входившие в состав сопровождавшего инвентаря, осталась не закрытыми плитой.

На дне входной ямы перед закладной плитой найдены подношения в виде головы и ног молодой лошади. Такие жертвы иногда в виде подвешивания шкуры лошади (реже другого жертвенного животного) с оставленными головами и костями ног – распространённая погребальная жертвенная практика в южных регионах Причерноморья с эпохи бронзы [Энтони 2023, 256–257]. Подобные жертвоприношения бытовали вплоть до античного времени и средневековья [Винокуров 2014а; 2004, 55–87].

В рассматриваемом погребении голова лошади была отделена от ног и помещена на высокое место: особый приступок в северной части ямы на уровне второго яруса забутовки, немного выше верха подбоя. Узкой стороной голова жертвы обращена к западу, черепной коробкой вниз, зубами вверх, без нижней челюсти, – устойчивый и характерный элемент обряда. Кости черепа были раздавлены камнями и сохранились плохо. Кости ног лошади сохранились лучше и располагались существенно ниже черепа. Они расчищены в четырёх местах: на юго-востоке погребальной камеры, – над закладной плитой, у подножья закладной плиты и по центру входного колодца (рис. 3, 4, 6–8). В последнем варианте они находились с востока и юга жертвенной площадки, в качестве которой использовалась лицевая поверхность фриза, уложенного горизонтально, вровень с уровнем пола погребальной камеры. Большая кость ноги – бедренная принадлежала, по определению Е.Е. Антипиной, молодой особи (не старше года). Кость от большой порции жертвенного мяса помещена в юго-западную часть подбоя, горизонтально по линии запад-восток, одной стороной на закладной плите, другой – на специальной конструкции в виде столика, напоминавшей небольшой алтарь, сооружённый из нескольких камней. Верхним его камнем являлся оббитый полукруглый фрагмент известняковой крышки ямы. Нижней плитой алтарного столика послужила вторая часть блока 2 архитрава с завершением надписи Фарнака. Она стояла на торце, наклонно на восток, – в сторону закладной плиты, текстом вниз. Четыре (передние и задние) ноги молодой особи лошади, отрезанные по уровню нижних суставов, располагались с внешней юго-западной стороны подножья архитрава и были обращены копытами к юго-юго-востоку. По мнению Е.Е. Антипиной, эти кости могли принадлежать как одной, так и двум особям. Указанное положение костей ног символизировало направление движения животного с востока на запад в инфернальный мир. Данная ориентация для прочих объектов южного теменоса и позднеантичного погребального комплекса была определяющей и, вероятно, связана с соляным культом [Винокуров 2014б, 212–220].

В четвёртом случае разрозненные трубчатые кости ног (лошади?) были выявлены в юго-западной части ямы 785. Они остались от жертвенного мяса, лежавшего, по-видимому, в целиком истлевшей деревянной или плетёной посуде на уровне пола погребальной камеры.

После полного освобождения створа входного колодца от каменного заклада третьего яруса карниз, блокировавший доступ к погребению 20/2023, был аккуратно сдвинут и поднят на поверхность.

Структура слоя заполнения камеры подбоя однородная, датирующих находок в нём не было. На грунте зеркально отпечатались имевшиеся на обороте плиты карниза

буквы каменотёсов «А» и «В». Оказалось, что в древности карниз после установки в подбое немного просел, придавил кисть правой руки и ногу покойного в области колена.

В погребальной камере был расчищен костяк молодого мужчины (30–35 лет), небольшого роста (до 164–167 см), который, вероятно, был убит в бою или умер от ран (рис. 4, 9). Он лежал вытянуто на спине, руки – вдоль тела, ноги параллельно друг – другу, головой на северо-восток, лицом на юго-запад. Зубной аппарат почти полностью сохранился. На костях рук выше запястий обнаружены прижизненные следы переломов без следов заживления, а в области живота над левым крылом таза найден (острием на северо-запад продольно туловищу) железный трёхлопастной наконечник стрелы, длиной до 70 мм¹⁶, вероятно, и послуживший причиной смерти (рис. 10. 1, 11. 1). Слева от наконечника лежал кремнёвый отщеп серого цвет (скребок?).

Северо-восточнее черепа располагались компактно сложенные двусоставные кольчатые железные удила, выкованные из прута округлого сечения с петлеобразными завершениями (рис. 10. 2, 11. 2)¹⁷. Следов ремней узды на дне погребальной камеры не осталось. Юго-западнее удила, северо-западнее черепа стоял лепной растрескавшийся плоскодонный горшок с шаровидным туловом, закопчённый снаружи и особенно изнутри. Внутри содержались следы сгоревшей органики, каких-то измельчённых семян, спёкшихся в углистые смолистые комочки, перемешанные грызунами с жёлтым глинистым грунтом¹⁸. Сосуд, по-видимому, выполнял роль своеобразной курильницы или жаровни.

На поясе умершего с правой стороны корпуса находился тонкий железный кинжал, похожий на стилет, ритуально сломанный на четыре части (рис. 10. 4, 11. 4)¹⁹. От узкого ремешка подвеса кинжала осталась бронзовая миниатюрная пряжка округлой формы с длинным язычком, кончик которого загнут. Она открыта на уровне пояса костяка. Её размер: 18×20 мм. Пряжка была в растёгнутом положении. Она состояла из округлого кольца или рамки с утолщенной передней частью и круглого в сечении язычка с выступавшей за край кольца загибающимся кончиком со срезанной задней частью и выполнена из тонкой проволоки округлого сечения, диаметром до 3 мм (рис. 10. 6, 11. 6). Подобные пряжки датируются по крымским аналогам IV – первой половиной V в. н. э. [Труфанов, Зайцев, Шкрибляк 2024, 233, рис. 4. 2. 4]. От другой небольшой бронзовой пряжки остался только дугообразный язычок ременной застёжки или её спинка, длиной 12,6 мм, толщиной 2–4 мм (рис. 10. 5, 11. 5). Между ног покойного ниже лобковых костей обнаружен амулет (?) из жёлтого заглаженного морем камня (70×35 мм), возможно, изображавший стилизованную фигурку идола или животного (?) (рис. 10. 8, 11. 8). В области колен расчищен небольшой фрагмент челюсти овцы, возможно, от жертвенного

¹⁶ № к. о. 22/2023.

¹⁷ Удила заметно отличались от подобных изделий, обнаруженных в более ранних могилах I–II вв. н. э. с захоронениями предположительно сарматских всадников в Прикубанье [Лимберис, Марченко 2012, 262–280] и Восточном Крыму [Винокуров 2014а].

¹⁸ Остатки органики взяты на анализ для определения.

¹⁹ Размер фрагментов кинжала: 65×10 мм, 95×20 мм, 170×25 мм, 27×38 мм. Длина изделия не менее 366 мм. Его узкое полотно толщиной до 31 мм сломано от лезвия к рукояти. Он был ориентирован по линии северо-запад – юго-восток. Ножны его не прослежены. Рукоять длиной 90–100 мм с торца оформлена в виде прямоугольной пряжки для продевания ремня.

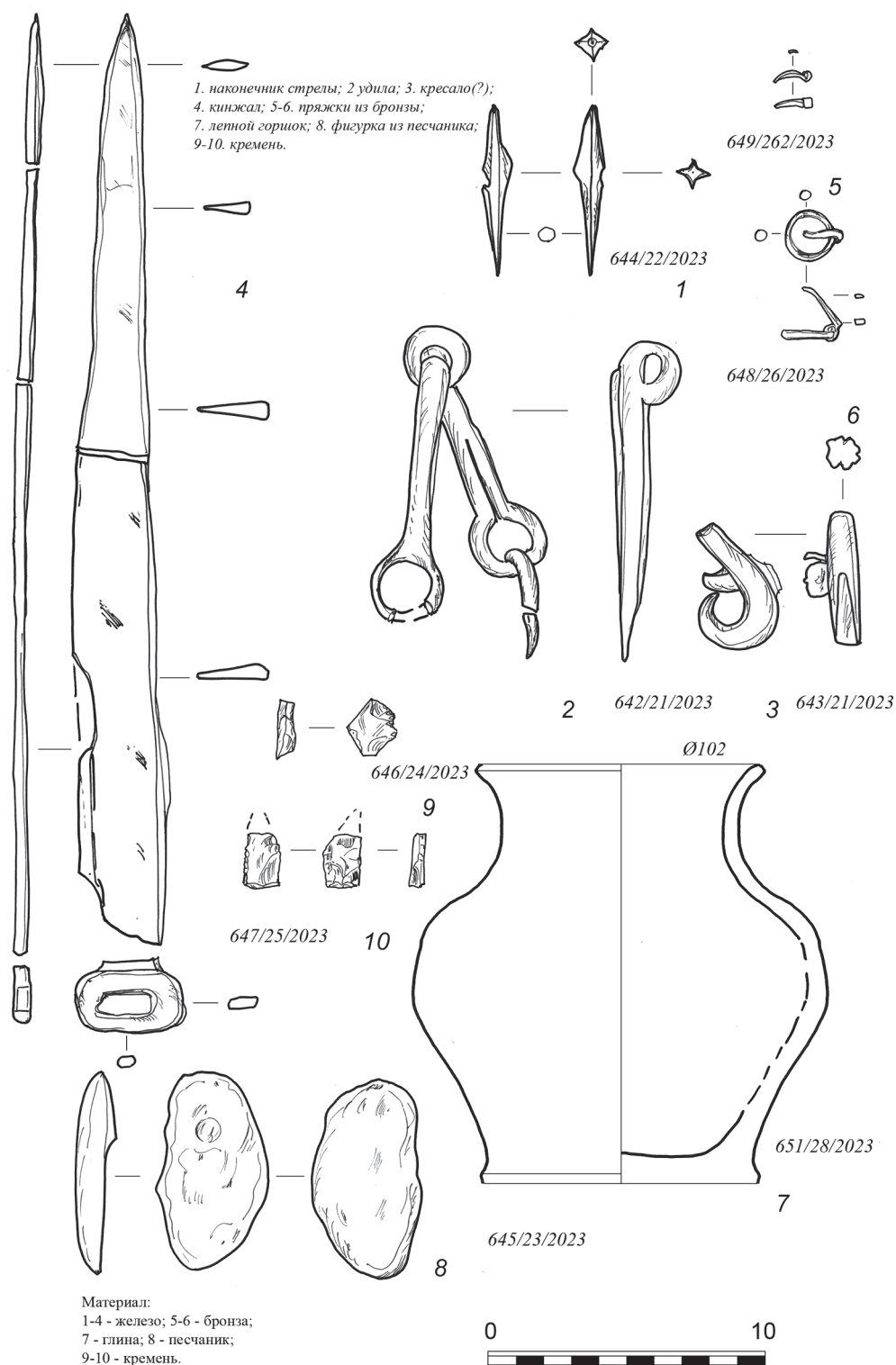

Рис. 10. Находки из подбойного погребения 20/2023 ямы 785/2023 (отметки -6,28-6,42). Раскоп II 2023 г. Участок 3

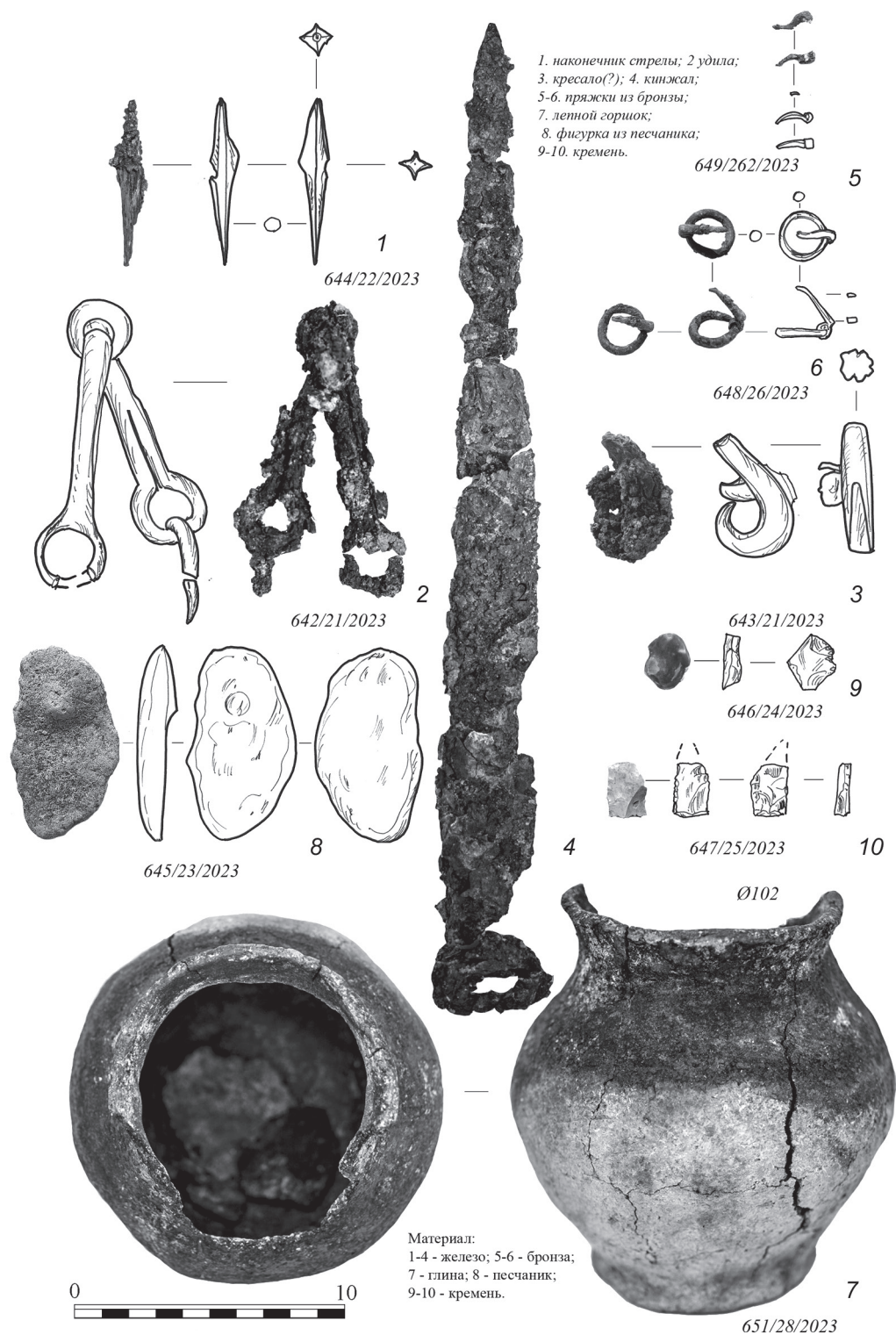

Рис. 11. Находки из подбойного погребения 20/2023 ямы 785/2023
(отметки -6,28-6,42). Раскоп II 2023 г. Участок 3

подношения. С правой стороны от голени правой ноги выявлен сильно коррозированный железный предмет, скорее кресало, чем часть удил (рис. 10. 3, 11. 3). Между ступней на дне камеры лежал отщеп светло-серого кремня размером 20×10×4 мм, который, похоже, служил вставкой в кресало. Под костями ног скелета прослежены остатки тёмно-коричневой рыхлой органики со следами выраженного засоления (от разложившейся подстилки, обуви или одежды?) толщиной в несколько миллиметров (рис. 4).

Социальный статус погребённого в гробнице 20/2023, по-видимому, был очень высок. Скорее всего, это был погибший в боестолкновении воин-всадник высокого ранга (вождь?). Но подчёркнуто бедный сопроводительный инвентарь, возможно, говорит о каком-то особом общественном или религиозном положении погибшего, что предопределило весь ритуал захоронения²⁰. Близкие по хронологии подбойные гробницы с подобным по составу и расположению сопровождающим инвентарём хорошо представлены в Юго-Западном Крыму, среди которых есть и уникальные по сохранности некрополи [Свиридов, Язиков 2024].

Количество жертвенных ям, больших и малых, расположенных по периметру могилы 20/2023, точно неизвестно (рис. 1, 2), а раскопанных жертвенных объектов – двенадцать. Они близки по времени сооружения. Если количество раскопанных двенадцати ям окажется конечным, то их число в комплексе, равное двум сдвоенным шестёркам или шести двойкам, без учёта собственно ямы 785, может указывать на новые магические числовые сочетания.

На южном теменосе позднеантичные ямы были сооружены для хозяйственных нужд. Скорее всего, они входили в состав обширного (государственного, общественного или частного?) зернохранилища, бытовавшего на рубеже III–IV вв. Устройство зернохранилища на священной зоне городища, как будто бы должно свидетельствовать о прекращении функционирования теменоса. Но, это не так. Здесь, севернее фундамента храма Зевса Генарха и Сотера и в этот период располагались новые алтари и жертвенники. Стремление размещать зерновые запасы на теменосе могло отражать реалии сложных хозяйственно-экономических процессов на Боспоре III–IV вв. н. э., когда безопасность накопленных продуктовых богатств при внешней политической нестабильности требовала вмешательства и покровительства божественных сил.

К моменту совершения захоронения 20/2023 часть ям, скорее всего, уже не использовалась. Крышки и горловины некоторых из них обрушились. Представляется, что ямы для жертвенных нужд в IV в. н. э. на теменосе были использованы уже вторично. Некоторые из них для должного выполнения погребальных ритуалов были расширены.

Расположение устьев ям в одном поддёрновом горизонте и засыпь сходным по структуре и датировке зольным грунтом с обломками разрушенных алтарей и скульптур южного теменоса говорит о возможном единовременном характере проведения погребальной церемонии с совершением разнообразных жертв в виде голов и частей туш животных и других подношений. Особая роль при этом отводилась огню или его символам.

²⁰ Кости всадника сохранились не очень хорошо, но достаточны для антропологического определения, несколько зубов изъяты для выделения ДНК. Работа по ДНК-анализам проводится чл.-корр. РАН, д.б.н. Е.Б. Прохарчуком. Также взяты образцы грунтов из могилы для проведения палеопаразитологического анализа, давшего положительные пробы.

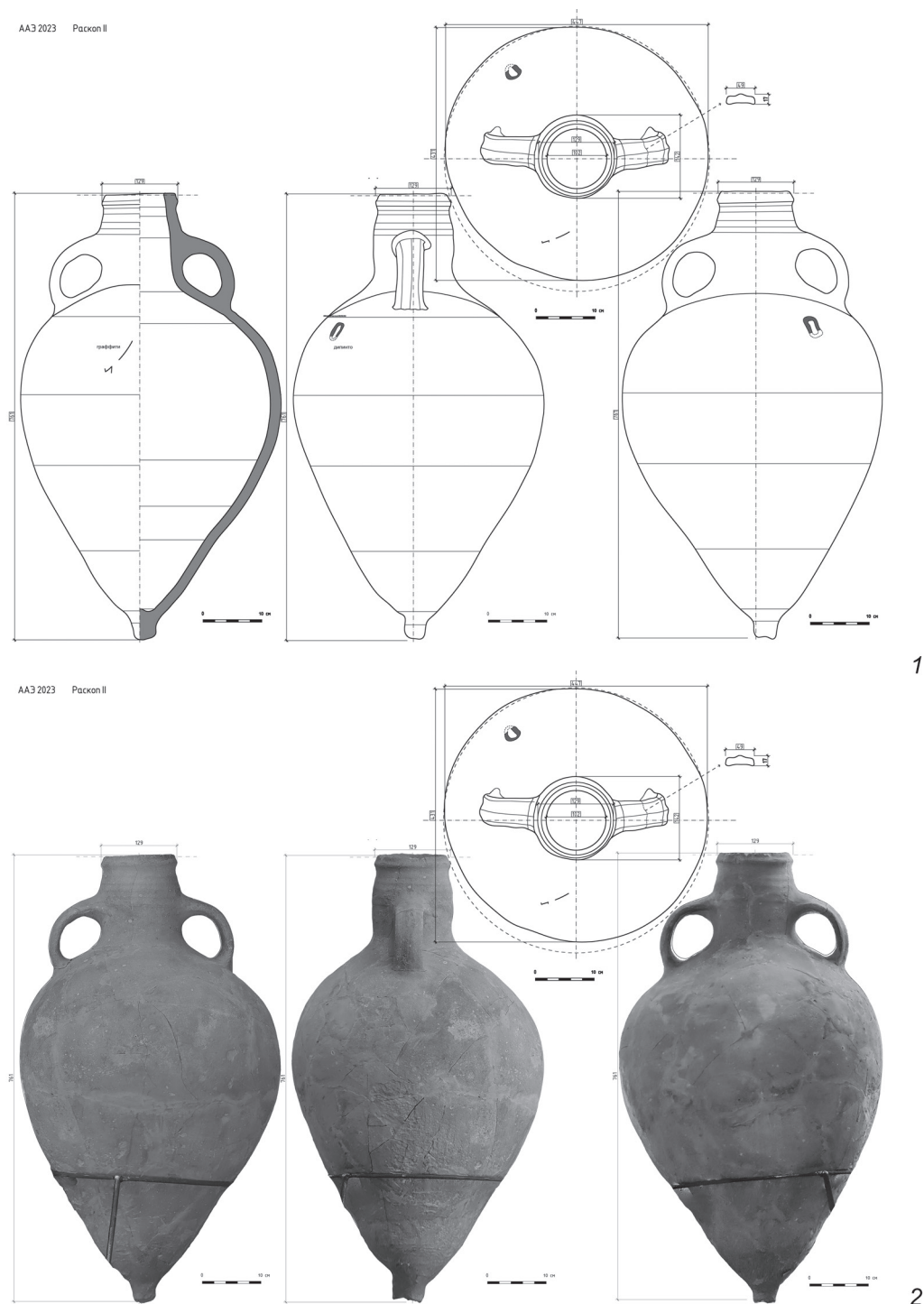

Рис. 12. 1–2. Археологически целая амфора раннего варианта типа 96–97 (Зеест, 1960) (к. о. 72/2023) IV в. н. э. из придонного слоя ямы 785/2023 с подбойным погребением 20/2023 (отметки -8,90). Раскоп II 2023 г. Участок 4. (Чертёж и фотограмметрия Т. В. Блудновой и Г. В. Блуднова)

Западнее вышеописанной гробницы располагалась жертвенная яма 789, самая крупная в комплексе (рис. 1, 2, 13, 14). По-видимому, она играла особую роль при совершении погребально-поминального ритуала. Яма имела колоколовидную форму. Её глубина 2,35 м, максимальный диаметр 4,14×3,52 м. Дно ровное, врезано в нижние напластования рва с ямами I–II вв. и материковый суглинисто-галечный слой. После включения в жертвенный комплекс яма стала представлять собой большой котлован для устройства необычной поминально-жертвенной конструкции в виде импровизированного домика из ордерных деталей храма Зевса Генарха. Всё свободное ямное пространство было плотно забутовано камнем, обломками и целыми квадрами, блоками и плитами, обломами и целыми ордерными деталями. Придонная часть ямы засыпана жёлто-коричневым глинистым грунтом с большим содержанием материкового суглинка, бутового камня, отдельными фрагментами античных амфор, который образовался при планировании бортов ямы. Выше до устья яму заполнял более рыхлый серо-жёлтый зольный грунт с тонкими прослойками печных сбросов, углями, сажей и включениями обломков мраморных плит, печины, костей животных, раковин мидий и закопчённой керамики. Среди последней доминировали стенки сосудов первых веков и позднеантичного времени. Ближе к бортам он был насыщен материковым жёлтым суглинком.

В центре ямы находился перевернутый череп молодой лошади, располагавшийся поверх спланированного и утоптанного грунта нижнего заполнения, на границе глинистого и зольного грунта (рис. 13, 14). Нижняя челюсть отсутствовала. Судя по ориентации (на запад), голова животного, вероятно, была принесена в жертву хтоническим силам. С четырёх сторон света от черепа были вертикально вкопаны четыре массивных известняковых архитектурных детали (карниз, фриз и архитрав) дорического ордера²¹. В момент обнаружения эти «менгиры» оказались в сильно наклонённом положении, но не упали. По-видимому, они служили опорным каркасом модели священной конюшни или жертвенного дома, вероятно, имевшего помост и крышу из досок или жердевых конструкций, которые со временем истлели, но смогли предохранить внутреннее содержимое от разрушения. В результате череп лошади совершенно не пострадал.

Помещение головы лошади по центру некоего сакрального, причем не круглого пространства, возможно, также имело определённую смысловую нагрузку, как и использование взятых из разрушенного храма архитектурных деталей. Священные столбы-менгиры символически соединяли три пространственные зоны мира: подземную – хтоническую, реально существующую и небесную, божественную [Кубарев 1979; Тишкин и др., 2024, 260–263]. Их можно было, наряду с виноградной лозой терракотовой фигурки (из ямы 791), ассоциировать и с образом мирового дерева. Менгиры, установленные рядом с захоронением воина, ниже уровня древнего дневного горизонта, призваны были охранять от действия потусторонних злых сил не принесённую жертву – череп

²¹ Размер карниза 250×640×340 мм, на его обороте – вырезаны пироны, уступы под прямоугольные балки и метки каменотёсов «А» и «В» (?) по торцам. Оббитый блок фриза с двумя полными триглифами и двумя метопами на лицевой стороне имел размер 1360×410×335 мм. Блок архитрава с тремя полочками с гутами размером 1330×365×310 мм по виду аналогичен архитравам с надписью Фарнака, но надпись на нём полностью сбита.

Рис. 13. 1–2. Нижний ярус заклада с менгирами жертвенной ямы 789 с ордерными деталями дорического ордера над черепом лошади. Вид с северо-запада, северо-востока. Западнее погребения 20/2023 и ямы 785. Южный теменос. Раскоп II

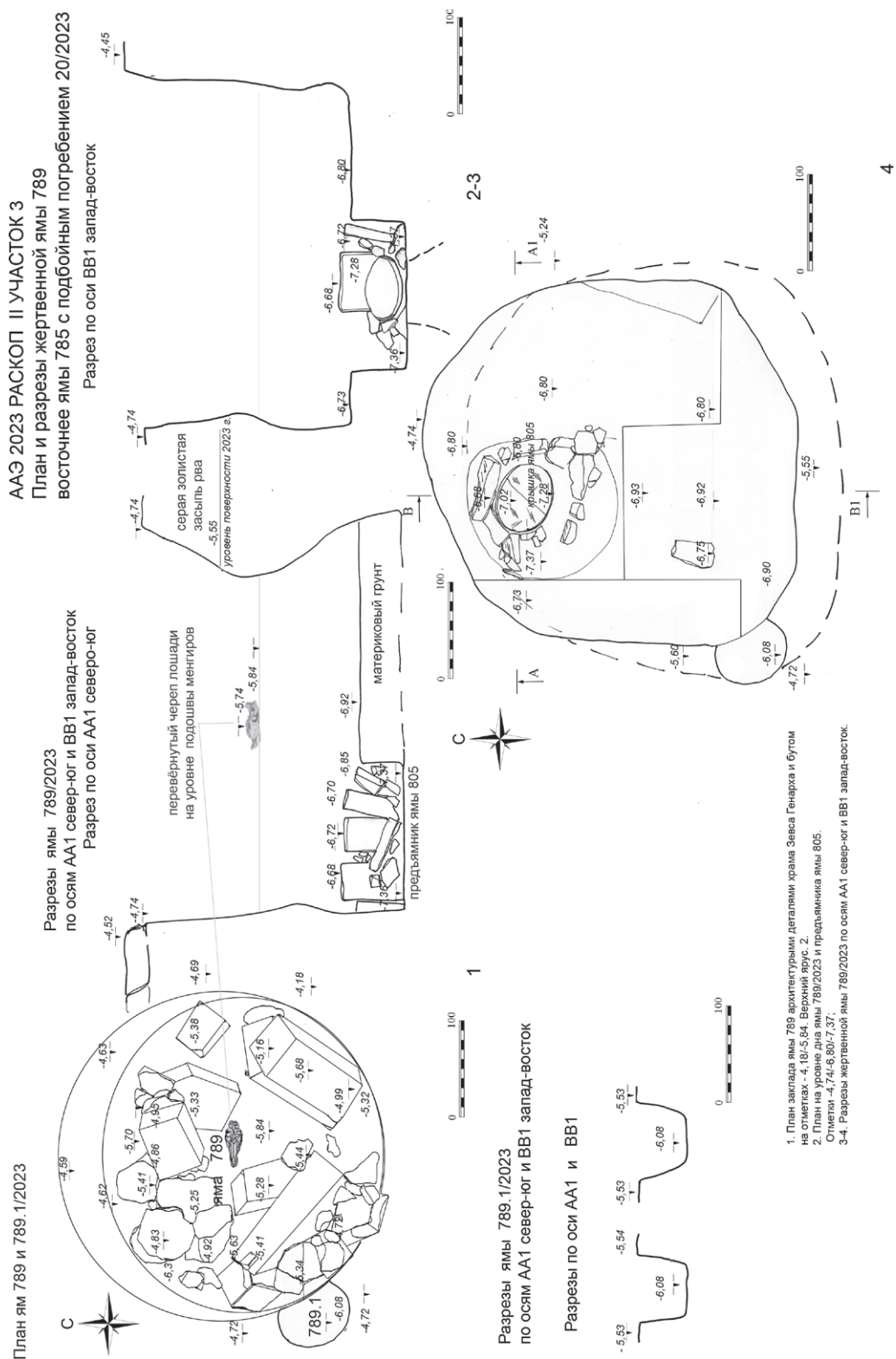

Рис. 14. План и разрезы жертвенной ямы 789 с менгирами и черепом лошади (отметки -4,18/-6,80). Раскоп II 2023 г. Участок 3

молодой лошади, а самого покойника на пути в царство мёртвых. В этой связи, быть может, не случайны западное расположение и ориентировка всей конструкции около черепа лошади по отношению к гробнице 20/2023. Перевернутое положение черепа жертвы зубами вверх, не исключено, воплощало «изнанку» жизни, подчёркивало трагический и безвременный уход в полный опасностей загробный мир. При этом лошадь выступала как бы проводником. Впрочем, череп лошади, воплощая семя будущей жизни, мог служить и символом грядущего возрождения покойного [Винокуров 2004, 55–87; 2014б, 212–220].

Таким образом в одном жертвенном объекте символическим образом связывались гибель воина, принесённая в жертву лошадь и идея посмертного перемещения к героическим предкам, с целью возможного перерождения.

В ходе проведения погребальной церемонии с юго-западной стороны ямы 789 сбрасывались остатки поминальной трапезы вместе с золой и мелкими угольками. В результате эта часть ямы до верха оказалась забитой плотными скоплениями отходов разнообразной мясной трапезы, состоявшей из многочисленных крупных и мелких костей со следами кухонной разделки, вываривания и обжарки. Преобладали предварительно кости мелкого рогатого скота, лошадей и свиней. Выбор указанного направления сброса тоже был не случаен. Аналогичным образом обстояло дело и при помещении частей туш жертвенных лошадей в погребальной камере и во входном колодце ямы 785. На юго-запад была обращена и лицевая часть головы захороненного в гробнице 20/2023. Вероятно, всё это является признаком некоей устойчивой этнической и религиозной традиции.

В состав погребально-жертвенного комплекса помимо гробницы и ямы с менгирами входили яма 799, где было найдено жертвенное (?) сокрытие мраморной головы Зевса (рис. 15); яма 836 с черепом козы, торсами скульптуры Зевса Генарха и Сотера, терракотовой фигуркой и фрагментами фемиятерия; яма 781 с челюстью свиньи и частью статуэтки Кибелы; яма 371 с челюстью телёнка, головой козы, 12-ю «фишками» из стенок сосудов и фрагментами терракотовой фигурки Кибелы; яма 372/2007 с черепом молодой свиньи и фрагментами фигурки Кибелы; яма 791 с разбитой терракотовой композицией жертвоприношения быка; яма 792 с уложенными лепными фемиятериями и одиночной архитектурной деталью; яма 800 с черепом овцы и карнизом дорического ордера; яма 801 с ножкой фемиятерия и головой терракотовой фигурки демона; яма 809 с 12-ю альчиками лошадей; яма 816 с известняковым алтариком, частями лепного светильника и фемиятерия; яма 828 со складом целых и фрагментированных лепных фемиятериев²². Все они засыпаны сходным зольным серым грунтом.

Для относительного датирования рассмотренного комплекса важны стратиграфические и планиграфические детали. Но определяющими являются нумизматические материалы из жертвенных ям и сопряжённого с ними слоя, разумеется, с учётом хронологии вещевого комплекса из погребения 20/2023 и находок из ямного заполнения. Напомним, предварительная датировка захоронения – первые десятилетия IV в. н. э. Ей соответствуют и находки из соседней жертвенной ямы 789. Кроме того, в её

²² В полном виде из публикация жертвенных ям комплекса будет представлена отдельно.

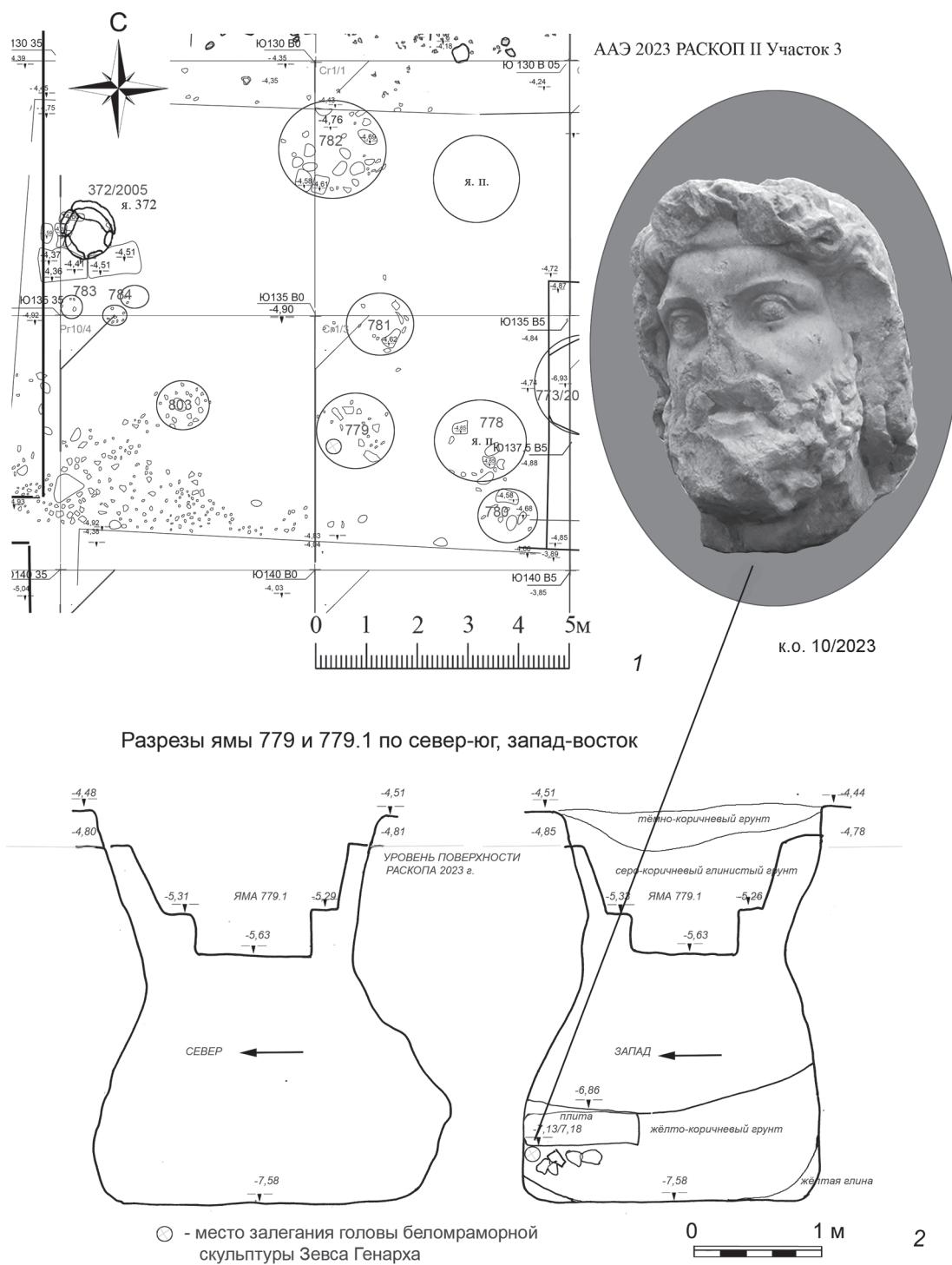

Рис. 15. 1. Выкадровки из плана раскопа II. 2. Разрезы ямы 779 с местом жертвы беломраморной головы скульптуры Зевса (отметки -4,4/-7,58).
Раскоп II 2023 г. Участок 4

заполнении найден статер царя Фофорса (285/286–309/310)²³. Археологический контекст ямы 785 и жертвенных объектов в целом согласуется с такой датировкой. Найденная на дне этой ямы разбитая амфора типа №№ 96–97 [Зеест 1960] в целом не противоречит предлагаемому хронологическому диапазону²⁴.

Полные аналогии артезианскому погребально-жертвенному комплексу пока не найдены. Но подобные – были оставлены сармато-аланскими и некоторыми другими этническими группами в позднеантичное-ранневизантийское время. На пространствах не только Северного Причерноморья, но и фракийского северо-западного черноморского побережья [Борисов 2013, 43–162, 285–480] появляются среди могильников местного населения отдельные гробницы, пунктирно отмечавшие направления движения варваров и пределы территорий, охваченных первыми волнами великого переселения народов. Не могли они не затронуть и Боспор, где, очевидно, имели место изменения в составе населения, особенно сельского, хронология которых, однако, восстанавливается с большим трудом [Блаватский 1964, 205; Буданова 1990, 72 и сл.; Масленников 1998, 261 и сл.; Айбабин 1999, 32 и сл.]. Многие боспорские населённые пункты в III в. н. э. были разрушены, что объясняется как вторжениями варварских контингентов, так и сейсмо-катастрофами [Винокуров, Никонов 1998, 98–114; 2004, 95–103]. Временной диапазон основных разрушений приходится, согласно нумизматическим материалам, на период от 247–267/268–275/276 гг., но на отдельных памятниках Европейского Боспора он сужается до 267/268–275/276 гг.²⁵ Пик кризиса захватил, по-видимому, годы правления Хедосбия [Гайдукевич 1949, 452; Блаватский 1964, 209]. Тем не менее последствия «готских» походов не следует оценивать однозначно отрицательно [Винокуров 2002, 36–43; 2004, 95–10, 2012]. Об этом свидетельствует и весь только что рассмотренный археологический комплекс.

Близкие ему по хронологии и иным характеристикам комплексы были раскопаны на позднеантичных и раннесредневековых некрополях Крыма [Айбабин 1990, 175–241] и даже Западного Причерноморья [Борисов 2013, 75, обр. 64]²⁶.

Ещё раз отметим, что артезианское воинское захоронение всадника, несмотря на бедность находок, не является рядовым. Тому свидетельство – сложность проведения погребальной церемонии, наличие «кустового скопления» больших и малых синхронных жертвенных ям вокруг, да и сам выбор места для погребения. Определённые параллели в устройстве артезианских жертвенных ям, составу подношений и реконструкции обрядовых действий можно найти в разновременных крымских святилищах [Новиченкова 2002; Масленников 2006, 2007]. Неизвестно, проводилось ли всё ритуальное действо

²³ Сюда же, вероятно, из насыпи ранних террас попала и ранняя мелкая пантикапейская монета с изображением треножника. Интересно, что и в нескольких других ямах найдены также по две монеты: поздней и ранней. Видеть ли в этом некую закономерность?

²⁴ Артезианская амфора напоминала, согласно устной консультации С. А. Науменко, ранние варианты указанного типа, но отличалась деталями. Так, у китейской амфоры такого типа корпус похож, но профили другие; у амфоры из Белинского городища венчик подобен, но профиль тулова иной; амфора из поселения Совхоз 10 имела другой профиль горла. Структура глины, её включения, напоминали местные боспорские образцы.

²⁵ См. обзор мнений и литературу: [Блаватский, 1964, 205; Масленников 1998, 175; Айбабин 1999; Зубарев 2002, 120 и сл.; Юрочкин, Зубарев 2001, 454 и сл.; Яйленко 2002, 303–333].

²⁶ Благодарю за любезную консультацию болгарского коллегу д. и. н. Б. Д. Борисова.

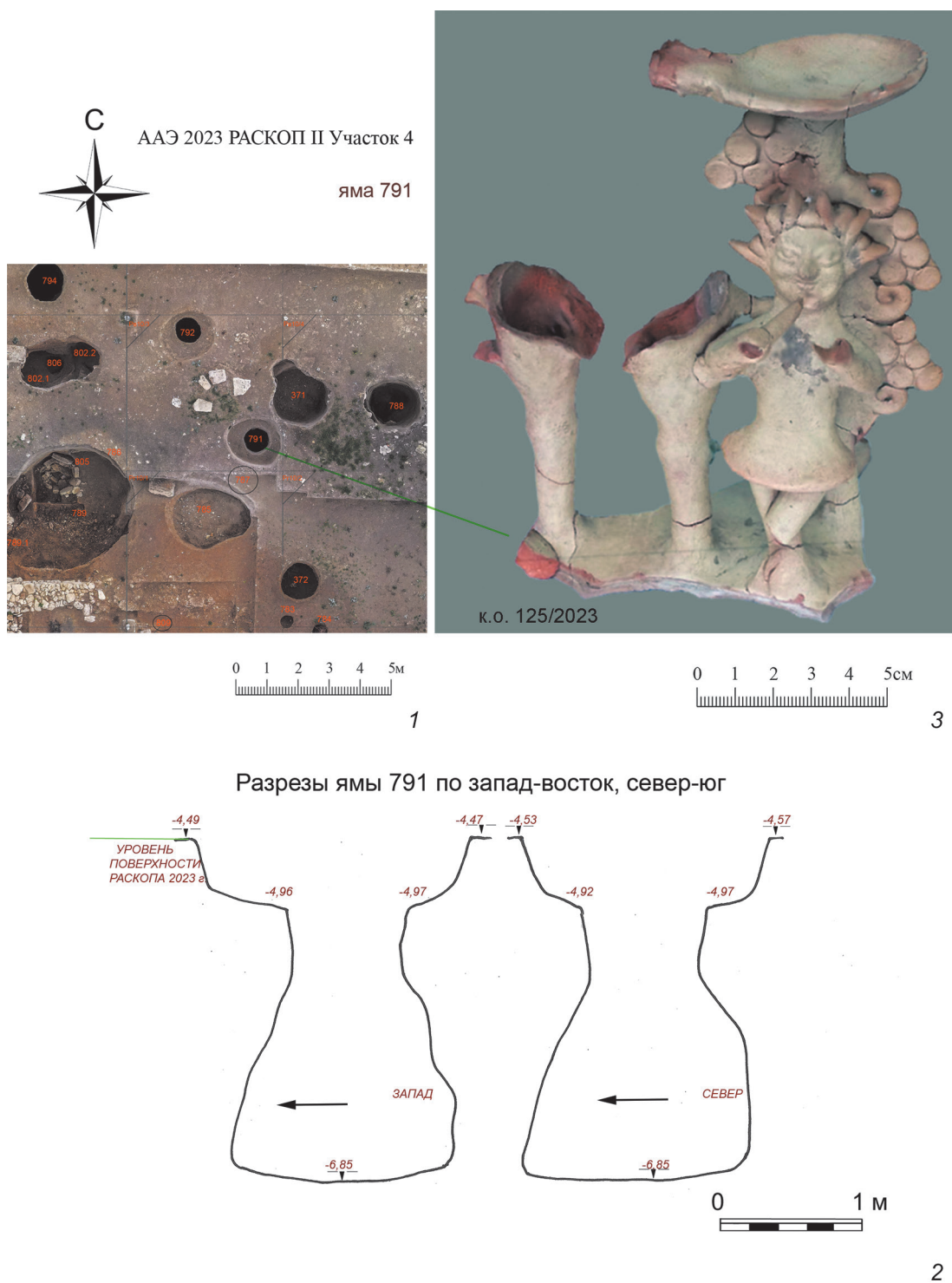

Рис. 16. 1. Выкадровки из плана раскопа II. 2. Разрезы ямы 791 (отметки -4,47/-6,85).
3. Часть терракотовой композиции с шествием быка на жертвоприношение из ямы 791.
Южный теменос. Раскоп II. Городище Артезиан

одномоментно или было растянуто во времени. Впрочем, ряд наблюдений (см. выше) как будто бы предполагает почти что одномоментность всего события.

Необычным представляется и использование в качестве вотивов фрагментов разбитой скульптуры, мелкие и крупные обломки которой были разбросаны во множестве по всему теменосу. Для обрядовых целей, похоже, выбрали наиболее заметные и знаковые части изваяния. Голова, туловище, руки Зевса были умышленно укрыты/похоронены, как и головы животных в жертвенных ямах рядом с захоронением воина. В жертвенные ямы наряду с золой и углями попали и мелкие куски расписной, в том числе красной штукатурки, оббитые со стен храмовых построек. В хтоническом контексте они вполне могли выступать в качестве особых сакральных маркеров.

Показательно, что гробницу всадника разместили в центральной зоне теменоса на территории, которая примыкала с севера к фундаментам храма Зевса и его алтарей. Мотивация такого решения неизвестна, но её можно попытаться воссоздать по косвенным данным. Во-первых, эта зона городища была хороша заметна при приближении к городищу с юга, юго-запада и юго-востока. Во-вторых, ритуальная преемственность места, где на протяжении многих веков совершались сакральные действия (соответствующая «генетическая» память). Впрочем, район позднеантичного большого колодца на самой вершине городища мог в этом плане быть даже более привлекательным [Винокуров 2015, 271–294; Абрамзон, Винокуров 2016, 712–743]. Неподдалёку от него в слое раннего пожара среди множества других находок был обнаружен и длинный железный меч сарматского всаднического типа, костяные псалы и аттический бронзовый шлем IV в. до н. э. Как теперь представляется, городище Артезиан для боспорских государей не было рядовой крепостью. В её окрестностях, как свидетельствует текст посвяtitельной храмовой надписи, был спасён в какой-то битве с варварами по воле Зевса Генарха и Сотера царь царей Фарнак.

Раскопанные на памятнике погребально-жертвенные ямы можно выделить в необычный круг религиозных объектов, который характеризуется следующими чертами:

- наличие специальных каменных закладов, в которые включались ордерно-архитектурные и скульптурные детали и обломки;
- присутствие сакральных хтонических (?) маркеров, в качестве которых по отдельности или в сочетаниях выступали: специально перевёрнутые или повреждённые надгробия и надписи; дионисийские элементы в виде винодельческих давлений, целых или фрагментированных гирь, обломков терракотовых композиций или отдельных фигурок с сюжетом священного жертвенного быка; черепа или челюсти животных (лошадей, коз, овец, свиней); особым образом помещённых и ориентированных; отдельные человеческие кости рук; кости животных из тризн; засыпь содержимого комковатым золистым грунтом; части терракотовых фигурок Кибелы и марионеток (голов, торсов, рук, оснований); символы огня – куски кремни, зола, угли, пережжённые предметы, алтари, курильницы и фематерии; граффити; раковины моллюсков; морские гальки округлой формы; символы жертвенной крови – куски красной штукатурки;
- явное преобладание определённых «священных» направлений ориентировки (юго-западного и западного);
- использование в погребально-поминальной практике повторявшихся устойчивых сочетаний чисел при общем делении пространства по вертикали на три, по горизонтали

на четыре составляющих, соответственно сторонам света (две монеты, четыре менгира, 4-х частей железного кинжала, 4-х обломков архитрава с надписью вниз лицом, 4-х жертвенных ног лошади и т. п.;

- применение обряда переворачивания, изменявшего, по представлению древних, сущность предметов;
- ритуальное умерщвление (разрушение/разлом) предметов культа (оружия, черепов животных без нижних челюстей, челюстей без черепов);
- установка некоего подобия менгиров;
- проявлением выраженной ярусности по вертикали в устройстве каменного заклада и расположении находок.

Жертвенные ямы фактически выполняли роль ботросов в святилище-герооне. Вместе с тем, очевидное использование терракотовых статуэток известных греческих божеств свидетельствует о сохранении хтонических представлений, связанных с дионисийскими культами, и соответствующей им сакральной практики у местного полуварварского или даже варварского населения в позднеантичную эпоху. Впрочем, это может рассматриваться и как стремление приспособить греческие священные атрибуты к собственной погребальной и иной мировоззренческой традиции.

Допустимо предполагать, что и некоторые другие синхронные позднеантичные ямы, открытые на южном теменосе, относились к погребально-поминальному комплексу, но они не имели столь же очевидных и значимых для выделения маркеров.

По-видимому, соплеменники похороненного в могиле 20/2023 человека были не чужды религиозных моделей, согласно которым жизнь представлялась неизменным круговоротом повторявшихся событий, что требовало от верующих особых магических действий и священных посмертных обрядов, часть из которых хорошо проявляется по найденным археологическим материалам.

Список литературы

- Абрамзон М. Г., Винокуров Н. И. 2016. Золотые статыры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 3, 712–743.
- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 352.
- Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. Симферополь, 175–241.
- Анохин В. А. 1977. Монетное дело Херсонеса. Киев, 176.
- Аракелян Ф. О. 1983. Исследование раскопок античных сооружений на Керченском полуострове для оценки интенсивности разрушительных землетрясений // Изв. АН Арм ССР. Сер. Науки о Земле. 34/4, 40–49.

- Башикиров А. С. 1948. Антисейсмизм древней архитектуры. Т. III. Италия. (Уч. зап. Калининского Гос. Пед. Института. Т. XIV. Вып. 1). М., 293.
- Бейлин Д. В., Волошинов А. А., Рукавишников И. В. 2018. Надгробная скульптура некрополя «Александровские скалы» // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб, 165–174.
- Бейлин Д. В., Рукавишников И. В. 2018а. Александровские скалы 1 – курганная группа и античный некрополь (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 (Материалы спасательных археологических исследований. 25). М., 20–31.
- Бейлин Д. В., Рукавишников И. В. 2018б. Могильник римского времени «Александровские скалы» близ г. Керчь // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб, 158–164.
- Блаватский В. Д. 1957. Землетрясение 63 г. до н. э. на Керченском полуострове // Природа 8, 56–57.
- Блаватский В. Д. 1964. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 232.
- Блаватский В. Д. 1985. Боспорское царство в позднеантичное время // Античная археология и история. М., 279.
- Борисов Б. Д. 2013. Полски Градец Археологически проучвания. 1. В. Търново, 189.
- Буданова В. Н. 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 232.
- Буне В. И., Медведева Н. С. 1990. Оценка магнитуды землетрясения 63 г. до н. э. в Керченском проливе // Изв. АН СССР. Физика Земли. 3, 61–63.
- Винокуров Н. И., 2002. Антропогенные и природные факторы системного кризиса боспорской государственности во второй половине III в. н. э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья (Боспорские чтения. 3). Керчь, 36–43.
- Винокуров Н. И. 2004. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 3. М., 55–87.
- Винокуров Н. И. 2012. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, 632.
- Винокуров Н. И. 2013. Помещения восточного блока поздней цитадели городища Артезиан (I–IV вв. н. э.) // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Археологія та історія Боспору» (Таврійські студії. Історичні науки. 1). Симферополь, 27–35, 190.
- Винокуров Н. И. 2014а. Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) (БИ. Suppl. 12). Симферополь–Керчь, 680.
- Винокуров Н. И. 2014б. Животные в погребальной практике населения городища Артезиан // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб, 212–220.
- Винокуров Н. И. 2015. Центральное помещение 4 ранней цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье // OLBIO. In *Memoriam V. V. Krapivina* (Археологія і давня історія України. Наукова серія з проблем археології та давньої історії. Вип. 1 (14)). Київ, 271–294, 453.

- Винокуров Н. И. 2023. Два типа гробниц северо-восточного некрополя городища Артезиан (раскоп 12, 2019 г.) // ДБ. 28, 73–104.
- Винокуров Н. И. 2024а. Южный теменос городища Артезиан в Крымском Приазовье (новые находки Артезианской археологической экспедиции 2022–2023 гг.) // Сб. материалов Международной ... конф. «Археология и история Боспора». 9–12 августа 2023 г. Симферополь, 22–34.
- Винокуров Н. И. 2024б. Землетрясение второй половины III в. н. э. и новый жертвенник хтоническим богам на городище Артезиан // ДБ. 29, 1–18.
- Винокуров Н. И., Никонов А. А. 1998. О следах сильных землетрясений на западе Европейского Боспора // РА. 4, 98–114.
- Винокуров Н. И., Никонов А. А. 2004. Тотальные разрушения второй половины III в. н. э. на Боспоре как хронологический репер // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 1. СПб, 95–103.
- Винокуров Н. И., Корженков А. М., Родкин М. В., 2015. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. 42/2, 51–66.
- Винокуров Н. И., Фесенко А. В. 2021. Зольная траншея с захоронением поросенка и черепа свиньи – новый жертвенный комплекс античного времени городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК 1, 59–97.
- Винокуров Н. И., Мацнев Д. В., Фесенко А. В. 2024. Храм Зевса Генарха городища Артезиан: проблема астрономического и пространственного ориентирования // ПИФК. 3, 150–154.
- Винокуров Н. И., Яйленко В. П. 2022а. Вторая эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2, 31–52.
- Винокуров Н. И., Яйленко В. П. 2022б. Третья эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 3, 95–134.
- Винокуров Н. И., Яйленко В. П., 2024. Храм Зевса Генарха с посвятителем надписью царя Фарнака на городище Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 4, 257–297.
- Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб, 320.
- Внуков С. Ю. 1988. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 3, 198–206.
- Внуков С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17, 21–54.
- Гайдукевич В. Ф., 1949. Боспорское царство. М.–Л., 624.
- Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 180.
- Зограф А. Н., 1951. Античные монеты (МИА. 16). М., 308
- Корженков А. М., Овсяченко А. Н., Ларьков А. С., Мараханов А. Н., Рогожин Е. А., Сударев Н. И. 2018. Следы сильных землетрясений на Михайловском городище (Керченский полуостров, Крым) // ДБ. 22, 1–18.
- Кругликова И. Т. 1966. Боспор в позднеантичное время. М., 98.
- Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 178.
- Кубарев В. Д. 1979. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск, 120.

- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища // Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов (ред.), Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И.И. Гущиной. М., 262–280.
- Масленников А.А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 304.
- Масленников А.А. 2006. Античное святилище на Меотиде. М.–Тула, 152.
- Масленников А.А. 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. М.–Тула, 564.
- Никонов А.А., Масленников А.А., Толстиков В.П. 1996. Следы сейсмических воздействий на археологических памятниках Европейского Боспора // Чтения памяти проф. В.Д. Блаватского. М., 34–42.
- Новиченкова Н.Г. 2002. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 215.
- Остапенко О.А. 2007. Скифские бескурганные могильники степного Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва–Киев–Запорожье, 404.
- Свиридов А.Н., Языков С.В. 2024. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 2 (Материалы спасательных археологических исследований. 33/2). М., 452.
- Свиридов А.Н., Языков С.В. 2024. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 3 (Материалы спасательных археологических исследований. 33/3). М., 436.
- Труфанов А.А., Зайцев Ю.П., Шкрибляк И.И. 2024. Два погребения эпохи великого переселения народов и раскопок Усть-Альминского некрополя в 2022 году // КСИА. 273, 229–243.
- Тишкин А.А., Идэрхангай Т.-О., Бондаренко С.Ю., Горбунов В.В., Эрдэнэпүрэв П., Цэнд Д., Энхзул Ж. 2024. Результаты исследований на памятнике Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия): плановые работы и сенсационные находки // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья. Материалы международн. научн. конф., посвященной 120-летию А.М. Беленицкого, 95-летию В.М. Массона и 100-летию Ю.А. Заднепровского. Санкт-Петербург, 5–8 ноября 2024 г.). СПб, 260–263, 420.
- Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора. Т. 1–2. М., 984.
- Шкорпил В.В. 1914. Боспорские надписи, найденные в 1913 г. // ИАК. 54, 18.
- Энтони Д. 2023. Лошадь, колесо и язык. Как наездники бронзового века из евразийских степей сформировали современный мир. М., 672.
- Юрочкин В.Ю., Зубарев В.Г. 2001. Комплекс с монетами IV века из раскопок городища Белинское // ДБ. 4, 454–465.

Summary

N.I. Vinokurov

**Tomb 20/2023 and pit with menhirs of the funeral and sacrificial complex
of the IV century A.D. of the of the south temenos of the Artezian settlement**

During excavations on the south temenos of the Artezian settlement, in the immediate vicinity of the excavated monumental foundations of the east altar and the temple of Zeus Genarchos and Soter in 2023, an undercut tomb 20/2023 was discovered with the burial of a murdered young man, framed by a “constellation” of sacrificial pits, the exploration of which continued in 2024.

This article is focused on the publication of excavation materials of an unusual burial and sacrificial complex. Despite the fact that the information obtained during the excavations is now in the processing stage, the main context and chronology of the object have been established, which allows to share the primary results of the study with the academic community.

Its interpretation will be clarified, since not all sacrificial pits have been excavated yet. However, it is already clear that the Artezian complex is an important barbarian memorial monument associated with the beginning of the Migration Period, in which included representatives of still scarcely known ethnic groups from the territory of the Bosphoran Kingdom.

А. В. Гаврилов

(Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь)

Находки бронзовых перстней с инталиями на поселениях хоры Феодосии

Бронзовые перстни, как украшение и атрибут погребального обряда, в разное время находили при раскопках античных поселений и захоронений в Юго-Восточном Крыму [Кругликова 1975, 75, рис. 32. 3; Гаврилов, Крамаровский 2001, 29, рис. 4. 10]. Однако этот элемент культуры населения, проживавшего в округе Феодосийского полиса, был освещен недостаточно полно. С появлением технических средств поиска изделий из металлов и, всплеском соответствующей незаконной деятельности, такие артефакты стали весьма многочисленны и отчасти попали в мое поле зрения и были опубликованы [Гаврилов 2018, 156, цв. вст. 11. 4; 2023, 87, 101, рис. 13. 3, 104, 122, рис. 16. 6]¹. В настоящее время появилась возможность представить эти находки, обратив внимание на их главную особенность – изображения на щитках, выполненные в технике инталии. Они в некоторой степени характеризуют культуру и верования сельских жителей, в том числе в плане их эллинизации. Уже в начале нашей эры античные авторы обратили внимание на нравы «георгов», живших близ античных полисов, как более цивилизованные, чем у обитателей отдаленных регионов и кочевников (Strab. IV, 6). Они под воздействием эллинской культуры и религии, восприняли многие достижения и верования греков, адаптировав их к своей жизни и быту. В этой статье я представляю фрагменты бронзовых перстней и отдельные целые экземпляры с инталиями из личных собраний жителей Феодосии и Старого Крыма², происходящие преимущественно со степных античных поселенческих памятников Юго-Восточного Крыма.

Вообще, до недавнего времени находки печатей-инталий, как знаков личной принадлежности предметов, на рассматриваемой территории были достаточно редки³.

¹ Отметим, что усилившаяся неконтролируемая строительная деятельность в современной Феодосии привела к уничтожению остатков археологического культурного слоя в целом ряде районов города и, соответственно, к появлению разного рода находок у поисковиков и собирателей древностей. Регулярная распушка античных окрестных поселений и обследование их кладоискателями с помощью металлодетекторов, также способствует пополнению объема металлических артефактов, в том числе и перстней, часть которых попадает в частные собрания местных и приезжих «любителей».

² В статье использованы находки из личных коллекций жителей Старого Крыма и Феодосии: Кайдаша А. А., Калинина Ю. А., Пипериди К. Л. Автор выражает им благодарность за возможность обработать и опубликовать эти материалы.

³ Отмечу, что зафиксированные мной находки средневековых печатей также происходят из средневековых поселений в округе Кафы [см.: Климанов 2016, 268].

Обнаружение таковой на поселении Журавки 2 показывает, что некоторые из жителей, вероятно, были облечены определенными полномочиями [Гаврилов 2023, 239, рис. 29. 24]. Очевидно, они имели связь с другими пунктами или с городом, куда отсылали сообщения или упаковки с изделиями и продуктами, опечатанные такими инталиями [Максимова 1937, 251; Скржинская 2019, 488].

Поскольку большая часть приведенных перстней имеет обломанные в древности дужки, то, очевидно, что это случайные потери или выброшенные, пришедшие в негодность и утратившие свое первоначальное назначение украшения. Вследствие того, что бронза подвержена сильному окислению, не все изображения на щитках сохранились удовлетворительно. Качество и интерпретация некоторых сюжетов и персонажей не всегда поддаются определению даже предположительно. Я рассматриваю в публикации лишь те перстни, атрибуция изображений на которых относительно надежна.

Бронзовые перстни с инталиями на щитках во всем подражают таковым из драгоценных металлов. Несомненно, все они сделаны греческими мастерами и резчиками и, очевидно, приобретены сельскими жителями в Феодосии или у заезжих торговцев. Почти все они изготовлены способом литья, последующей шлифовки и полировки; резьба на щитках выполнялась разными штихелями. Часть изображений выполнена в технике упрощенной резьбы в негативе; иногда на них переданы тонкие детали, которые помогают конкретизации персонажей или действий помещенных образов и позволяют соотнести их с определенными богами, мифическими существами, животными и птицами. Большую часть представленных в статье перстней можно отнести к первым четырем типам по типологии О. Я. Неверова [1986, 18–20].

Давние контакты, развитие торговли, родственные отношения варварской и греческой общин на хоре Феодосии со временем привели к довольно высокому уровню эллинизации первых и способствовали распространению в местной среде многих, легко воспринимаемых элементов культуры и религии эллинов. Местное, скорее всего скифское (если это касается, по крайней мере, домитридатовского времени) население поддерживало тесные торговые отношения с греками и соответственно бывало в городе, где видело храмовые службы и процессии, выступления *аэдов*, получало первичные сведения о религии и богах эллинов и покупало недорогие предметы бижутерии с изображениями разных персонажей. Перстни и кольца в качестве украшений носили мужчины, женщины и дети. Соответственно, перстни были мужские, женские и детские. Знатные скифы носили золотые изделия, прочие – серебряные, бронзовые и железные. О том, что эллинизированное население хоры Феодосии V – первой трети III в. до н. э. имело некоторые эстетические и художественные представления свидетельствует отсутствие на поселениях находок монет, использованных в качестве украшений, тогда как у варваров дальней округи, а также у новых насельников Таврики, монеты зачастую использовались именно таким образом, при этом отверстия на них пробиты небрежно и как попало по отношению к изображению [ср.: Шевченко 2010, 59, рис. 9; Гаврилов 2023, 548].

Перстни с изображениями богов, очевидно, могли подчеркивать связь их владельцев с конкретным культом, что наблюдается, например, по находкам соответствовавших украшений в погребальных комплексах. Естественно, при этом они отражали специфику народных верований и суеверий. Перстни с инталиями божественных персонажей,

по-видимому, чаще всего изготавливались с учетом скульптурных (рельефных) прототипов, которые в силу своей известности и длительного существования служили образцами для торевтов, короoplastов, краснодеревщиков, каменотесов и ювелиров [Трейстер 2015, 326]. Денежное обращение сыграло значительную роль в распространении символов и образов эллинских божеств. Изображения на бронзовых перстнях во многом перекликаются с иконографией монет античных государств Причерноморья. Всё это облегчало взаимопонимание и способствовало развитию разносторонних отношений между этносами. По-видимому, эллинские божественные персонажи подвергались в скифской среде переосмыслению и при совпадении ряда черт изображенного образа отождествлялись с «божествами» местного пантеона [Артамонов 1961, 81; Раевский 1980, 68].

Божества, мифические существа, животные, птицы вырезанные на инталиях, по верованиям того времени охраняли владельца от несчастий, дурного глаза, защищали от жизненных невзгод, придавали владельцу божественную благодать, обеспечивали изобилие и удачу в житейских делах. Эти животные (птицы, морские обитатели) являлись также олицетворением некоторых свойств и качеств, были спутниками или символами божества.

Мир пернатых довольно широко представлен на инталиях перстней. В основном, – это некогда многочисленные виды диких степных (стрепеты, дрофы), водоплавающих (аисты, журавли, цапли) птиц, прилетавших на полуостров для гнездовья и размножения. На территории полуострова в то время существовали благоприятные условия для жизни пернатых, колонии и стаи которых зачастую соседствовали с античными поселениями. Некоторые из птиц являлись объектами охоты, особенно в перелетный период, что было отмечено путешественниками ещё в 18–19 вв. Естественно, такое соседство пернатых и человека со временем вошло в устные предания, сказки и мифы. Изображения птиц часто помещали на разные предметы быта и изделия торевтики, одними из которых были рассматриваемые артефакты [Гаврилюк и др. 2001, 260]. Это подтверждает хорошее знание сельскими жителями местного мира пернатых и очевидную связь его с местной же мифологией и космогонией.

Оттиски инталий встречаются на гончарных изделиях: мерных кувшинах [Гаврилов 2004, 76, рис. 34. 2; Ковальчук 2016, 231, рис. 4. 3], амфорах [Масленников 2012, 217–226; Гаврилов 2011, 131, № 447; 209, № 64]. Особенно часты они на ткацких пирамидальных грузилах IV–II вв. до н. э., что, по-видимому, связано с использованием этих изделий и в качестве вотивов. При этом оттиски инталий на них не повторяются [Соломоник 1994, 141; Красnodубец 2020, 19]. Античные письменные источники неоднократно упоминают о перстнях с инталиями, которые использовали в качестве печатей. Это было своеобразное изделие, позволявшее идентифицировать конкретное лицо, при отсутствии прочих общепринятых признаков. Согласно Геродоту, каждый вавилонянин имел перстень с печатью (Hdt. I. 195), печати были у египетских жрецов (Hdt. II. 38) а самосский тиран Поликрат имел знаменитый личный перстень-печать (Hdt. III. 41). В Афинах уже в VI в. до н. э. некоторые граждане имели свои перстни-печати для ведения дел, которые заказывали в ювелирных мастерских. При этом закон Солона запрещал резчику хранить оттиски гемм и печатей-инталий, чтобы исключить использование подделок. Так, Аристофан в комедии «Женщины в народном собрании» упоминает о ношении афинянами золотых перстней-печатей (Aristoph. Ec. 630–640).

Традиция ношения перстней с инталиями не прерывалась и в римское время, что подтверждают многочисленные материалы могильников Крыма [Труфанов 2022, 121; Стоянова 2005, 160]. В I–III вв. н. э. основным металлом для их изготовления стала латунь (медно-цинковый сплав), которая поступала из римских провинций [Смекалова и др. 2024, 59]. В это время на перстнях часто помещаются портретные изображения царствующих особ, которые носили пропагандистский характер и закрепляли определённые политические симпатии в том числе в среде местного населения Северного Причерноморья [Павленков 1988, 258]. Об употреблении колец с инталиями для запечатывания собственных писем к разным адресатам упоминает Плиний Младший [1984, кн. X, письмо 74, 199]. О наложении печатей-инталий с изображениями Сфинкса, Александра Великого, Цезаря Августа на личные письма императора сообщал Гай Светоний Транквилл [Светоний 1991, 77, 117: Август, II. 50; Тиберий, III. 23]. Он же в жизнеописании императора Тиберия упоминал, что перед тем как вскрыть завещание Августа, были приглашены свидетели, скрепившие ранее этот документ своими печатями [1991, III. 23, 117]⁴. Использовали перстни и в магических обрядах, в частности при помощи этого украшения, подвешенного на нитке над алфавитом, проводили гадание (Amm.Marc. XXIX. 29–32).

В данной публикации перстни представлены в соответствии с местом их находки на хоре Феодосии, поскольку их распространение наряду с другими материалами очерчивает сферу влияния эллинской культуры и верований на варварскую периферию, и, соответственно, указывает на размеры хоры феодосийского полиса.

Поселение Ореховка 1 (V – первая треть III в. до н. э.) [Гаврилов 2004, 158; 2023, 26] (рис. 1А. 3). Бронзовый перстень, на щитке которого в технике упрощенной резьбы стилистически изображена голова Афины в шлеме с тремя плюмажами (рис. 1. 1; табл. 1. 3). Аналогичное изображение богини помещено: на перстнях из богатого женского погребения конца IV – начала III в. до н. э. некрополя Пантикапея, на височных подвесках первой половины IV в. до н. э. из кургана Куль-Оба [ср.: Неверов 1988, 40–41, рис. 11, 12] и на золотой пластине IV в. до н. э. из Кургана Большая Близница [Трейстер 2010, 550, рис. 23]. Помещали изображение Афины в качестве инталии на перстни, которые, очевидно, являлись личными печатями [Капошина 1959, 131, рис. 32]. Образцом для скульпторов, художников, резчиков гемм и инталий служила, очевидно, статуя Афины Партенос работы Фидия в Парфеноне, а также работы известных мастеров, находившихся в городах Северного Причерноморья [Boardman 1985, 111, ill. 97, 100, 762; Скржинская 2009, 324]. По-видимому, такой образ богини воплощался мастерами-резчиками на дешевых поделках-инталиях в местных мастерских Феодосии, откуда он распространялся по всей округе полиса. Как отмечала М.И. Максимова, для местных ювелиров было достаточным передать общее, внешнее сходство с образцом и только атрибуты (в нашем случае – шлем с тремя гребнями) указывали на конкретное божество [1957, 82]. Это способствовало утверждению культов эллинского пантеона в среде местного населения. Похожее изображение мы имеем на монетах Феодосии, где изображен, правда, Арес в шлеме – божество, почитаемое гражданами Феодосии и жителями его хоры [Гаврилов

⁴ В новое время точно такое же применение личных печатей и процедура вскрытия опечатанных дверей хранилища драгоценностей упоминаются в мемуарах заместителя наркома внешней торговли РСФСР в 1919 – 1920 гг. – Г.А. Соломона (Исецкого) [1995, 202].

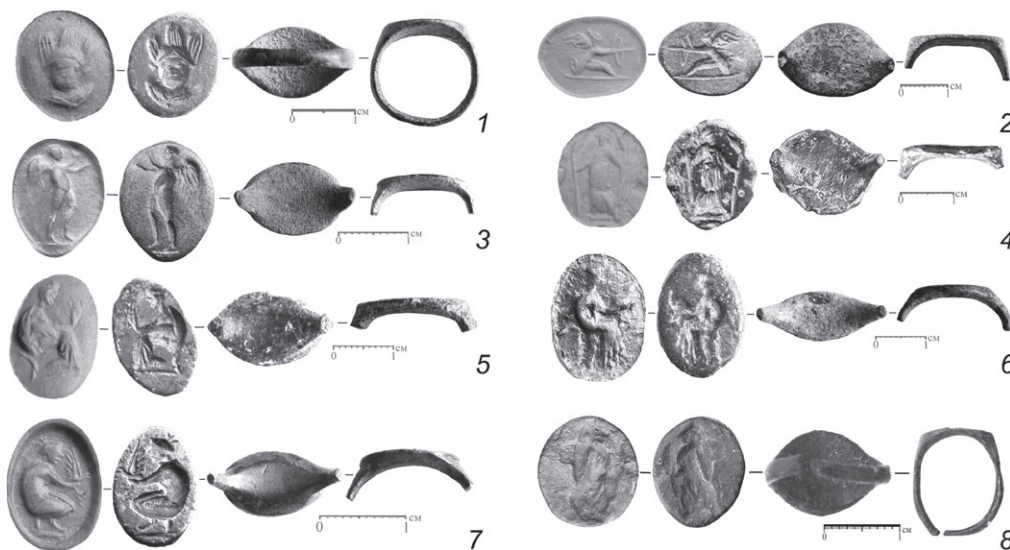
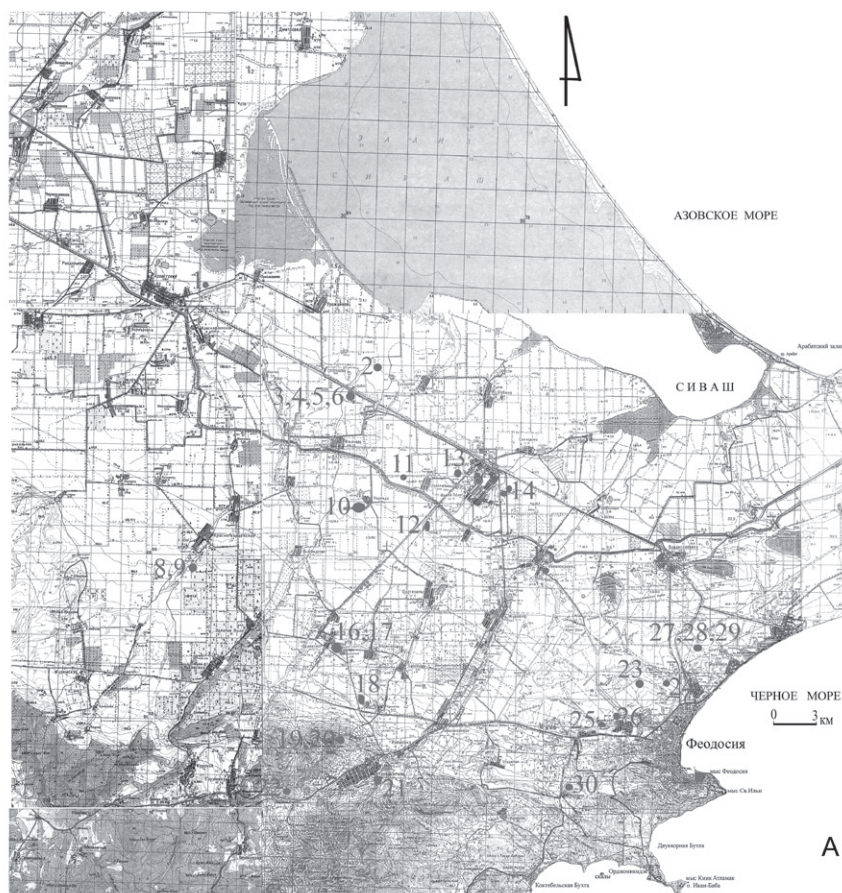

Рис. 1. А – карта Юго-Восточного Крыма, точки №№ 1 – 30 места находок перстней на хоре Феодосии, номера на карте соответствуют указанным в таблице 1.
Перстни №№ 1–8, номера соответствуют указанным в тексте

**Таблица 1. Описание и размеры бронзовых перстней с инталиями,
найденных на поселениях хоры Феодосии**

№	Место находки, иллюстрация	Датировка	Описание и размеры
1.	Поселение Советское, восточные окрестности современного поселка. Рис. 1. 2.	IV в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. Инталия представляет изображение Эрота, стреляющего с колена из лука, обозначена линия поверхности. На оттиске фигура обращена вправо. Размер щитка 1,3×1,7 см, внутренний диаметр кольца 2,0 см.
2.	Поселение Семеновка. Рис. 2. 12.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. Мужчина, сидящий на стуле, играет на <i>диавлосе</i> . На голове музыканта остроконечная шапочка, глубоко прорезаны складки хитона. Стул имеет спинку и гнутые ножки. На оттиске фигура обращена вправо. Размер щитка 1,2×1,8 см, внутренний диаметр кольца 1,8 см.
3.	Поселение Ореховка 1. Рис. 1. 1.	конец IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, на овальном щитке вырезана стилизованная голова Афины в шлеме в фас. Лицо божества передано общим контуром. Шлем имеет выделенный стрелчатый рельеф и три гребня. Отгиск рельефный, контурный. Размер щитка 1,3×1,7 см, внутренний диаметр кольца 1,8 см.
4.	Поселение Ореховка 1. Рис. 1. 5.	конец IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. На щитке вырезана фигура сидящей богини в хитоне, в правой руке она держит венок, на котором выделены листья в виде отдельных рисок. Обозначена линия поверхности. На оттиске фигура обращена вправо. Размер щитка 1,1×1,7 см, внутренний диаметр кольца 1,7 см.
5.	Поселение Ореховка 1. Рис. 2. 25.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, целый, на овальном щитке вырезаны две птицы (аисты), сидящие на противоположных краях гнезда, клювами они повернуты друг к другу. Гнездо сооружено на стволе, обозначена линия поверхности. Размер щитка 1,0×1,6 см, внутренний диаметр кольца 1,8 см.
6.	Поселение Ореховка 1. Рис. 2. 22.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. На инталии представлены два журавля, идущие друг за другом. Их оперение передано тонкими, выразительными штрихами. Внизу, между ними ползущая гадюка. На оттиске журавли обращены вправо. Размер щитка 1,4×1,9 см, внутренний диаметр кольца 1,9 см.
7.	Поселение Лазаревка. Рис. 1. 3.	IV в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. Инталия представляет изображение стоящего Эрота, играющего на авлосе, отдельные детали изображения проработаны четко, обозначена линия поверхности. На оттиске фигура обращена влево. Размер щитка 1,3×1,7 см, внутренний диаметр кольца 1,8 см.
8.	Поселение Красногвардейское 1 в Советском районе РК. Рис. 1. 4.	конец IV – начало III в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. Инталия представляет изображение стоящей Гекаты с двумя длинными факелами в руках, обозначена линия поверхности. Фигура на оттиске изображена в фас. Размер щитка 1,5×1,8 см, внутренний диаметр кольца 1,9 см.

№	Место находки, иллюстрация	Датировка	Описание и размеры
9.	Поселение Красногвардейское 1 в Советском районе РК. Рис. 2. 29.	IV в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. На щитке вырезана инталия птицы с короткой шеей (дрофы?), за головой у птицы неясное изображение. Обозначена линия поверхности. На оттиске птица обращена вправо. Размер щитка 0,8×1,3 см, внутренний диаметр кольца 1,6 см.
10.	Поселение Надежда. Рис. 2. 11.	V – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. Инталия, похоже, является изображением орудия труда – рала. Размер щитка 1,0×1,6 см, внутренний диаметр кольца 2,1 см.
11.	Поселение Трудюлюбовка. Рис. 2. 18.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, целый, щиток овальный, на котором вырезана инталия прыгающего козла, его длинные рога отогнуты назад. На оттиске фигура животного обращена вправо. Размер щитка 1,0×1,4 см, внутренний диаметр кольца 1,6 см.
12.	Поселение Партизаны 2. Рис. 2. 30.	IV в. до н. э.	Представлен только оттиск на пластилине. Фрагмент бронзового перстня, сохранился только овальный щиток, на котором вырезана инталия петуха. На оттиске птица обращена вправо. Размер щитка по оттиску 1,1×1,5 см.
13.	Поселение Яркое Поле 1. Рис. 2. 9.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. Инталия представляет изображение грифона с расправленными, поднятыми вверх крыльями, обозначена линия поверхности. На оттиске фигура обращена вправо. Размер щитка 1,2×1,7 см, внутренний диаметр кольца 2,0 см.
14.	Поселение Терчек. Рис. 2. 10.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, шинка не сохранилась. На овальном щитке вырезаны две фигуры в гиматиях, лицом друг к другу, они держатся за руки. Фигура мужчины выше, чем фигура женщины. Край гиматия у мужчины заброшен за плечо. Очевидно, – это сцена прощания (встречи) мужчины и женщины (мужа и жены). Обозначена линия поверхности. Размер щитка 0,9×1,1 см, внутренний диаметр кольца 1,6 см.
15.	Поселение Новопокровка 3. Рис. 2. 27.	IV – первая треть III в. до н. э.	Представлен только оттиск на пластилине. Фрагмент бронзового перстня, сохранился только овальный щиток, на котором вырезана инталия женской фигуры с крыльями (богиня Ника), одетой в длинный хитон, в правой руке она держит венок и две ниспадающие вьющиеся ленты (<i>тении</i>), в левой – жезл (?). Обозначена линия поверхности. На оттиске фигура обращена вправо. Размер щитка по оттиску 1,6×2,4 см.
16.	Поселение Айвазовское. Рис. 2. 13.	V–III вв. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. Инталия представляет изображение сидящего на стуле мужчину, играющего на лире, обозначена линия поверхности. У мужчины длинные волосы. На оттиске фигура обращена вправо. Размер щитка 1,1×1,5 см, внутренний диаметр кольца 1,6 см.
17.	Поселение Айвазовское. Рис. 2. 17.	V–III вв. до н. э.	Перстень бронзовый, целый, щиток овальный. На щитке вырезана инталия сидящей и воющей собаки (?), она слегка задрала голову вверх, её хвост стоит вертикально. На оттиске собака обращена вправо. Размер щитка 0,6×1,3 см, внутренний диаметр кольца 1,6 см.

№	Место находки, иллюстрация	Датировка	Описание и размеры
18.	Поселение Кринички 1. Рис. 2. 28.	IV – первая треть III в. до н. э.	Представлен только оттиск на пластилине. Фрагмент бронзового перстня, сохранился только овальный щиток, на котором вырезана инталия Сатира, едущего на козле. На оттиске композиция обращена вправо. Размер щитка по оттиску 1,4×1,8 см.
19.	перевал между Агармышом и Тас-Агармышом. Рис. 1. 6.	IV в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. Сидящая на стуле женщина в длинном хитоне на правой руке держит птицу. На оттиске фигура обращена вправо. Размер щитка 0,9×1,5 см, внутренний диаметр кольца 2,0 см.
20.	перевал между Агармышом и Тас-Агармышом. Рис. 1. 7.	последняя четверть V в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. Обнаженная Афродита сидит на корточках, в руке держит голубя с раскрытыми крыльями. На голове у неё остроконечная шапочка, на конусе которой находится небольшой султанчик (плюмаж). На оттиске фигура обращена вправо. Размер щитка 1,0×1,6 см, внутренний диаметр кольца 1,8 см.
21.	г. Старый Крым, окрестности. Рис. 2. 19.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. На щитке вырезана инталия креветки. На оттиске ракообразное обращено вправо. Размер щитка 1,2×1,6 см, внутренний диаметр кольца 2,0 см.
22.	Грушевский карьер. Рис. 2. 20.	I в. до н. э. – I в. н.э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. На овальном щитке вырезана инталия с изображением коня и жезла (штандарта ?) с наверху-трезубцем. Размер щитка 1,1×1,7 см, внутренний диаметр кольца 2,0 см.
23.	Поселение Тамбовка VI. Рис. 2. 16.	конец V – первая треть III вв. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, разломан на две части, шинка не сохранилась. На щитке вырезана инталия бегущей влево собаки, у неё пышный хвост, обозначена линия поверхности. Рядом с ножкой чаши изображен тирс (жезл) с фигурным навершием. Детали изображения проработаны четко, его сохранность хорошая. На оттиске птица обращена вправо. Размер щитка 1,0×1,5 см, внутренний диаметр кольца 1,6 см.
24.	Поселение Дачи. Рис. 2. 23.	IV – первая треть III в. до н. э.	Фрагмент бронзового перстня, сохранился только щиток, на котором вырезана инталия журавля, пьющего из чаши на высокой ножке, обозначена линия поверхности. Рядом с ножкой чаши изображен тирс (жезл) с фигурным навершием. Детали изображения проработаны четко, его сохранность хорошая. На оттиске птица обращена вправо. Размер щитка 1,6×2,0 см, внутренний диаметр кольца 2,0 см.
25.	Поселение Ближнее I. Рис. 2. 21.	IV – первая треть III в. до н. э.	Фрагмент бронзового перстня, сохранился только щиток, на котором вырезана инталия, изображающая птицу, идущую к треугольному предмету. У птицы короткая шея, сравнительно длинные ноги и хвост. За треугольным предметом вертикальная черта, возможно, жезл (Афродиты ?), обозначена линия поверхности. На оттиске птица обращена вправо. Размер щитка 1,2×1,5 см, внутренний диаметр кольца 1,8 см.
26.	Поселение Ближнее III. Рис. 2. 29.	середина IV – первая треть III в. до н.э.	Представлен только оттиск щитка на пластилине. Фрагмент бронзового перстня, сохранился только овальный щиток, на котором вырезана инталия лука тетивой вниз и палицы под ним. На оттиске палица обращена влево. Размер щитка 1,6×1,9 см.

№	Место находки, иллюстрация	Датировка	Описание и размеры
27.	Поселение Береговое III Рис. 1. 8.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка повреждена. На щитке вырезана инталия стоящей человеческой фигуры (менада?). В правой руке она держит предмет, похожий на нож. На оттиске фигура обращена вправо. Размер щитка 0,9×1,2 см, внутренний диаметр кольца 1,3×1,8 см. Сохранность плохая.
28.	Поселение Береговое III Рис. 2. 15.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, щиток овальный, шинка не сохранилась. На щитке вырезана инталия прыгающей влево собаки, у неё пышный хвост, перед ней стоит птица (стрепет?), обозначена линия поверхности. На оттиске фигуры обращены вправо. Сохранность щитка хорошая. Размер щитка 1,4×1,9 см, внутренний диаметр кольца 2,0 см.
29.	Поселение Береговое III Рис. 2. 24.	IV – первая треть III в. до н. э.	Перстень бронзовый, целый, щиток овальный. На щитке вырезана инталия стоящей цапли. На оттиске птица обращена вправо. Размер щитка 1,1×1,5 см, внутренний диаметр кольца 1,7 см. Сохранность хорошая.
30.	пункт Подгорное, административный округ Феодосии РК Рис. 2. 14.	I в. до н. э. – начало I в. н. э.	Перстень бронзовый, целый, щиток овальный. В щитке вставка-инталия из светлого прозрачного стекла. Изображение человеческой головы передано в профиль. Очевидно, это портрет царственной особы или божества. На оттиске голова повернута вправо. Размер стеклянной вставки 0,9×1,1 см, внутренний диаметр кольца 1,6 см.

2024, 19]. В целом же, учитывая активные торговые отношения Феодосии и Афин, известность богини-покровительницы афинян среди других народов усиливалась благодаря её дарам-изобретениям: флейте, горшку, плугу, ярму для волов, колеснице и кораблю. Ей же принадлежал дар кулинарного мастерства, прядения и ткачества, обучения искусству счета. Это, а также пышные празднования в её честь возвышали и делали популярной Афины в среде других народов [Русыева 2005а, 388]. В соответствии с датировкой погребального инвентаря упомянутого пантикапейского погребения (в том числе статер с портретом Александра Македонского), а также материалов поселения, перстень из Ореховки 1 может быть датирован концом IV – первой третью III в. до н. э.

Поселение Советское. Обломок бронзового перстня найден на поселении, находящемся восточнее современного поселка близ шоссе в село Присивашное. Здесь ранее неоднократно обнаруживали античные амфоры и клейма [Махнева 1969, 257; Гаврилов 2021, 102] (рис. 1А. 1). Как показали археологические разведки, вся территория этого административного района Республики Крым в античную эпоху входила в экономическую зону полиса Феодосия [Гаврилов 2022, 63; 2023, 17].

На щитке изображен Эрот, стреляющий с колена из лука (рис. 1. 2; табл. 1. 1). Образ божества, олицетворяющего любовное влечение и сердечное чувство к понравившемуся человеку, был понятен многим народам, входившим в зону влияния древнегреческой культуры [Грейвс 1992, 40]. Мифологические предания об этом божестве, очевидно, были известны варварам хоры в устной традиции, передававшейся от эллинов при личных контактах. В местных верованиях, возможно, также были божества с похожими

функциями, что обеспечивало быстрое взаимопроникновение культов и способствовало сближению этносов. Недорогие изделия феодосийских ювелирных мастерских с изображениями этого божества также способствовали распространению его культа и, по-видимому, охотно приобретались сельскими жителями. Известная Эрмитажная римская скульптурная копия II в. до н. э. Эрота с луком показывает, каким его представляли в античную эпоху [Вальдгауэр 1923–1924, 119, № 273]. Такие скульптуры могли быть известны резчикам инталий и являлись образцом для подражания и воссоздания образа божества на каменной и металлической основах [Furtwängler 1900, 67, taf. XIV. 7, 8; Финногенова 1993, 56, илл. 109]. Оттиски инталий с таким же изображением Эрота присутствуют на ткацких грузилах конца IV – первой трети III в. до н. э., найденных в Херсонесе [Краснодубец 2020, 20, 22, рис. 1. 8; 4. 8; 3. 36; 4. 36]. По существующим аналогам данный перстень можно отнести примерно к этому же времени.

Поселение Лазаревка. Обломок бронзового перстня был найден близ местонахождения бывшего одноименного села в Советском районе РК, где, по-видимому, в античную эпоху находилось небольшое поселение, о чем свидетельствуют фрагменты амфор на полях вокруг этого бывшего населенного пункта (рис. 1А. 7). На щитке перстня помещена инталия в виде стоящего Эрота, играющего на *авлосе* (рис. 1. 3; табл. 1. 7).

Этот духовой инструмент был самым распространенным, имел множество видов, использовался почти всеми народами эллинской Ойкумены [Герцман 1995, 40]. Изображения авлетов также были одними из самых распространенных; сюжеты с ними помещали на краснофигурную керамику, фрески, изделия ювелиров [Неверов 1988, 95, рис. 175; Владова 2010, 246, рис. 115; Краснодубец 2020, 17, рис. 1. 2, 7]. Детали *авлосов* неоднократно встречались при раскопках античных городов и поселений [Вдовиченко 2011, 132–133]. По-видимому, и жителям феодосийской хоры был известен этот духовой музыкальный инструмент. О существовании у поздних скифов духовых инструментов типа флейт свидетельствуют археологические находки на Неаполе Скифском [Высотская 1979, 127, рис. 57. 18].

Игра на *авлосе* и простые мелодии, очевидно, хорошо воспринимались сельским населением и способствовали популяризации украшений с изображениями музицирующих Эротов и музыкантов-авлетов. В частности, многие танцы – ритуальные, связанные с культом плодородия, вакхические (в честь Диониса), военные (*апокинос*, *пиррихий*, *прилий*) – осуществлялись в музыкальном сопровождении, в частности мелодий *авлоса* (Хер. Anab. VI. I, 4–13; Strab. X. III, 7) [Доддс 2000, 393; Вдовиченко 2002, 22]. Произведения скифского эпоса и сказания в исполнении *аздов*, быть может, сопровождалась игрой на *авлосе* или лире [Вдовиченко 2011, 125–126]. Жертвоприношения также происходили под звуки *авлосов* и звон *тимпанов* (Плутарх 1990, 580). Представление древних о влиянии музыки на духовное состояние человека хорошо отразил Страбон: «...Музыка, сопровождающая пляску, ритм и мелодия приводят нас в соприкосновение с божеством, как вызываемым музыкой удовольствием, так и художественным исполнением» (Strab. X. III, 9). Словом, музыка уносила человека в божественный мир прекрасного, настраивала и вдохновляла его на подвиги во время военных испытаний [Герцман 1995, 235].

Уже с V в. до н. э. Эрот символизировал любовное влечение, нежные чувства и брак, в такой роли он упоминался в мифологических и бытовых сюжетах. Скульпторы, вазописцы, торевты, ювелиры изображали его ребенком или юным подростком с крыльями,

а с эллинистического времени в основном в виде ребенка [Скржинская 2005а, 199]. С IV в. до н. э. образ Эрота получил широкое распространение в произведениях монументального и прикладного искусства, соответственно – и на перстнях с инталиями. Эрот, по мнению ювелиров и владельцев изделия, очевидно, способствовал появлению нежных чувств у людей не только с помощью волшебных стрел, но также с помощью музыки, что и отражает сюжет данного перстня. Учитывая упомянутый подъемный материал, этот перстень тоже можно отнести к IV – началу III в. до н. э.

Поселение Красногвардейское 1. Поселение находится на правой стороне широкой балки, по которой протекает река Восточный Булганак и подвергается распашке (рис. 1А. 8). Отсюда происходит обломок перстня с инталией на щитке, где изображена фигура с двумя факелами, очевидно – Геката (рис. 1. 4; табл. 1. 8). Гекату с двумя факелами изображали на геммах [Высотская 1980, 97, рис. 1. 8], инталиях [Boardman 1994, 299, pl. 735]. Оно присутствует на рельефах Элевсинского святилища Деметры, чернолаковых сосудах, votивных рельефах Боспора [ср.: Матковская и др. 2004, 64, 65, рис. 19, 20]. Геката всегда представлена с длинными факелами, поскольку таинства происходили ночью в закрытых помещениях. Согласно мифологии, она была связана с царством мертвых, колдовством, магией и волшебством; являлась богиней мрака, повелительницей теней умерших и призраков. Факелы ей нужны для правильного определения пути между миром мертвых и живых, отсюда эпитет Гекаты – Светоносная. Кора-Персефона ежегодно являлась из айда в сопровождении Гекаты с факелами, что отражено на стеле из Элевсина. Порой эти атрибуты использовались богиней как оружие. Так Геката убила гиганта Клития, опалив его факелами [Грейвс 1992, 97]. Иносказательно, Геката с факелами несла свет тайного знания, при помощи которого можно пройти любые испытания и выйти на правильную дорогу, ведущую в Элизиум.

Её культ был связан также с дорожными и уличными перекрестками, охраной домашних хозяйств и городских ворот, защитой путников при переходе через опасные места. Храмы богини были во многих городах Ионии и обычно располагались поблизости от крепостных ворот. В частных домах её алтари находились близ входных дверей. В сельской местности святилища Гекаты создавали близ пещер, небольших роц и других приметных природных объектов. Священным животным этой богини были собаки, которых часто приносили в жертву, что неоднократно отмечено при раскопках античных памятников, да и сама Геката иногда представлялась в образе собаки.

По-видимому, в варварской среде феодосийской округи бытовал культ этой или похожей богини, магические и защитные функции которой были понятны жителям. Перстень, как и подъемный амфорный материал этого поселения, можно отнести к концу IV – первой половине III в. до н. э.

Поселение Ореховка 1. Обломок перстня найден на распаханной поверхности золистого пятна № 5 на этом античном поселении (Кировский район РК) [Гаврилов 2023, 26, рис. 7] (рис. 1А. 4). На щитке изображена фигура сидящей женщины в длинном хитоне; в протянутой правой руке она держит венок (или зеркало?), от которого исходят черточки-лучи. Возможно, так резчик изобразил листья (рис. 1. 5; табл. 1. 4). Известны похожие инталии, где сидящие и стоящие женщины держат венки [ср.: Boardman 1994, 293, 298, 301, pl. 597, 705, 768, 769, 778]. Кресло, на котором сидит богиня, имеет гнутые ножки,

какими они изображены на ряде надгробных рельефов конца V в. до н. э. [ср.: Boardman 1985, 184–185, pl. 150, 151, 164].

Образ сидящей богини с зеркалом присутствует на штампованных нашивных бляшках, происходящих из скифских элитных погребений в ряде курганов: Куль-Оба, Чертомлык, Мелитопольском и др., а так же на инталиях [Финогенова 1993, 54, илл. 103]. Очевидно, это изображение Афродиты или скифской богини Аргимпасы [Артамонов 1961, 63]. Свойство зеркала отражать лица и происходящее придавало ему магическое значение, связанное с потусторонним миром и предсказанием будущего [Бессонова 1983, 102]. Исходя из датировок сопутствовавшего археологического материала [Гаврилов 2004, 159], перстень можно отнести к последней четверти V–IV в. до н. э.

Перевал между Большим Агармышом и Тас-Агармышом. Щиток перстня найден в месте, где, по-видимому, в древности проходила тропа из Старокрымской долины к истоку реки Су-Баш, поблизости от которого находились античные поселения: Айвазовское, Гоголевка, Романовка и др. (рис. 1А. 19) [Гаврилов 2004, 186–187]. Здесь могло быть античное святилище, а позже с утверждением христианства, поблизости была построена часовня и возник монастырь [Гаврилов, Майко 2014, 46, 48].

На щитке вырезана сидящая в кресле женщина в хитоне с птицей в правой руке (рис. 1. 6; табл. 1. 19). Похожие изображения известны на инталиях [Furtwängler 1900, taf. XII. 40, XX. 48; Boardman 1994, 300, pl. 760]. По-видимому, это культовый образ Афродиты Урании, статуя которой представляла сидящую на троне богиню с жезлом (скипетром) и сферой в руке [Трейстер 2015, 324]. Её изображение с голубем, очевидно, также было широко распространено и воспринималось большинством населения, главным образом женщинами, как покровительницы материнства, деторождения и плодородия.

Образ богини с голубем был известен еще в шумеро-аккадской мифологии и коро-пластике и связывался с богиней Иштар (Астарты) – подательницей жизни и покровительницей всего живого. На Боспоре почитание Великой богини трансформировалось в культ Афродиты Апатуры, храм которой был известен далеко за пределами царства (Strab. XI. II, 10). Голуби, которых она использовала в качестве вестников, сообщавших о рождении ребенка, обычно жили при храме этой богини. Их также приносили ей в жертву. Храм Афродиты Пандемос на акрополе Афин был украшен скульптурами голубей. Афродиту с голубем часто изображали в коро-пластике [Кобылина 1961, 46–48, табл. IV. 1; Шевченко 2016, 59, табл. XLIX, № 287] и произведениях торевтики [Максимова 1979, 54, арт. 40; Гаврилюк и др. 2001, 260]. Терракотовые фигурки птиц (голубей) помещали в женские погребения [Силантьева 1959, 36, рис. 16. 2]. Очевидно, культ Великой Матери бытовал и в среде местного населения, поэтому и образ Афродиты в виде богини с голубем был ему понятен и близок, что нашло отражение в инталиях, которые, возможно, делали в мастерских при святилищах [Трейстер 2015, 326]. Перстень, судя по времени бытования терракот с подобным сюжетом, можно отнести к IV в. до н. э.

Перевал между Большим Агармышом и Тас-Агармышом. Щиток перстня найден на указанном перевале, где, по-видимому в древности проходила тропа из Старокрымской долины к истоку реки Су-Баш (рис. 1А. 20). На нём вырезана инталия: сидящая на корточках обнаженная женщина с птицей (голубем) в протянутых руках. На ней головной убор в виде берета с султанчиком. У птицы раскрыты крылья, она готова

взлететь (рис. 1. 7; табл. 1. 20). Обнаженные вприсядку женщины с разными атрибутами довольно часто изображались на геммах и инталиях [Furtwängler 1900, 60, 64, 99, 115, taf.: XII. 35, 40; XIII. 23; XX. 48; XXXIII. 43; Boardman 1994, 288, 293, 299, pl. 483, 594, 725]. Похожий султанчик на макушке женщин выделен на нескольких инталиях, которые Д. Бордман связывает с изображением Селены [ср.: Boardman 1994, 193, pl. 447, 448, 745, 752]. Образ присевшей на корточки Афродиты отображен во множестве античных скульптур (римских копиях), находящихся в разных музеях Европы. Очевидно, они являлись образцами для резчиков подобных инталий.

Видимо, в данном случае была представлена весьма популярная на Боспоре богиня – Афродита Урания [Русяева 2005а, 296]. Согласно Геродоту, у скифов была богиня с похожими функциями – Аргимпаса [Артамонов 1961, 59]. Обычно обнаженную Афродиту изображали в *стефане* или шапочке. Исследователями отмечено, что на Боспоре большинство статуэток обнаженной Афродиты происходит из Пантикапея [Кобылина 1961, 78, 83]. Они появляются с начала V в. до н. э. [Кобылина 1961, 39–40, табл. VI. 1, 2]. Там же была найдена и мраморная скульптура этой богини с птицей (голубем) [Иванова 1950, 105].

Похожая инталия, вырезанная на нижней стороне сердоликового скарабея, происходит из элитного погребения начала 50-х годов IV в. до н. э. Павловского кургане под Керчью. Перстень с таким изображением входил в состав погребального инвентаря и, очевидно, принадлежал жрице Великой богини [Виноградов 2020, 158, рис. 2. 5]. О. Я. Неверов датировал такие перстни последней четвертью V в. до н. э. Очевидно, к этому же времени можно отнести и нашу находку.

Поселение Береговое III. Памятник (очевидно, усадьба) известен давно, подвергается регулярной распашке (рис. 1А. 27) [Гаврилов 2004, 184]. На овальном щитке перстня помещена инталия пляшущей менады (вакханки) с ножом в правой руке (рис. 1. 8; табл. 1. 27). Этот сюжет был довольно распространен на изделиях торевтики, а также помещался на бронзовые и золотые перстни [Furtwängler 1900, 63, taf. XIII. 11; Spier 1992, 34, № 52]. Очень похожие изображения менад присутствуют на штампованных бляшках из скифских женских погребений ряда курганов IV в. до н. э. (Большая Близница, Гайманова Могила, Денисова Могила, Рыжановский, Деев), которые относились к жрицам культа плодородия [Рябова 1979, 47, рис. 1]. Менады обычно изображались в ритуальном танце во время обрядов, связанных с культом Диониса [Доддс 2000, 394; Скржинская 2009а, 127]. Изображения менад в ритуальной пляске с ножом в одной руке и с куском жертвы в другой помещены на золотых пластинах головных уборов скифских жриц, погребенных в Рыжановском и Деевом курганах Поднепровья [Шауб 2023, 709]. Употребление вина способствовало приведению участниц вакханалий в экстатическое состояние. Как свидетельствуют материалы поселений [Гаврилов 1999, 94], этот продукт и его свойства с давних пор были известны местным жителям что, по-видимому, способствовало внедрению культа Диониса на поселениях хоры Феодосии [Винокуров 2002, 38; Гаврилов 2016, 129].

Образ менады был весьма популярен, благодаря литературным произведениям – трагедиям «Вакханки», которые созданы разными авторами: Эсхилом, Софоклом, Еврипидом и рядом других. Возможно, эти трагедии ставились на сцене феодосийского театра и были известны большинству граждан полиса, что способствовало распространению

культу Диониса и античной мифологии среди граждан полиса и, быть может, варварского населения округи. Кроме этого, исполнявшие на празднествах вакхический танец, зачастую были людьми из высших социальных слоев общества и очень гордились своим участием в дионисийских мистериях в таком качестве [Шауб 2023, 713]. Возможно, участники таких празднеств получали (приобретали) перстни с такими инталиями в храмовых лавках. Археологический материал этого памятника относится к IV – первой четверти III в. до н. э. [Гаврилов 2011, 298]. Очевидно, к этому же времени можно отнести и данный перстень.

Поселение Новопокровка 3. Известно давно, раскапывалось, подвергается распашке (рис. 1А. 15) [Гаврилов 2004, 163; 2023, 181]. С него происходит обломок перстня с инталией на щитке, где изображена Ника, держащая в руках венок и *тении*. В публикации представлен только оттиск инталии (рис. 2. 27; табл. 1. 15). Нужно отметить, что это изображение очень похоже на то, что мы видим на тетраخالке Керкинитиды, выпущенном около середины IV в. до н. э. [ср.: Анохин 1989, 115, табл. XXIV. 407; Шонов 2019, 405, табл. XIX. 197]. Возможно, в некоторых случаях государственная символика, помещаемая на денежные знаки, являлась образцом для резчиков инталий, которые оформляли свои изделия в соответствии с политической ситуацией и предпочтениями потенциальных покупателей или заказчиков.

Геммы и инталии на перстнях довольно часто представляют богиню Нику, держащую в руках венок или увенчивающую победителя [ср.: Spier 1992, 37, № 60; Boardman 1994, 301, pl. 769, 775; Финогенова 1993, 42–43, илл. 66, 69]. Это действие, большей частью, было связано с победами на состязаниях разного рода, в т. ч. и военными, свидетелем или участником которых мог быть владелец перстня с таким сюжетом [Скржинская 2003, 89]. Наградные ленты – *тени* обычно выдавались победителям в спортивных агонах, которые устраивались во многих греческих городах. Венки, как правило, делались из разных растений (лавра, плюща, оливы, мирта и др.), ими увенчивали победителей в разных видах состязаний. Золотой венок являлся высшей государственной наградой и выдавался за достижения на гражданском или военном поприще. Исходя из датировок археологического материала данного памятника [Гаврилов 2023, 184], фрагмент этого перстня можно отнести к концу V – началу III в. до н. э.

Поселение Кринички 1. Поселение известно давно, подвергается распашке (рис. 1А. 18) [Гаврилов 2023, 123]. Отсюда происходит обломок перстня с инталией на щитке, где изображен Сатир, едущий на козле. В публикации представлен только оттиск инталии (рис. 2. 28; табл. 1. 18). Этот сюжет встречается на инталиях и геммах [ср.: Furtwängler 1900, 203, taf. XLII. 62], где в качестве наездника изображен также Эрот [Spier 1992, 150, № 419]. Вообще, эта «парочка» в произведениях глиптики зачастую изображалась вместе [Финогенова 1993, 37, илл. 49], на что, по-видимому, влияли мифологические представления и устные народные сказания. Известно, что эти персонажи входили в свиту бога Диониса и были связаны с Дионисиями – веселыми праздниками, во время которых разыгрывались простые сценки с их участием [Русяева 2005а, 155].

Употребление вина вошло в быт и рацион варваров с началом колонизации Северного Причерноморья. Греческие религиозно-мифологические представления старались придать этому процессу культурные формы, одним из которых была пропаганда

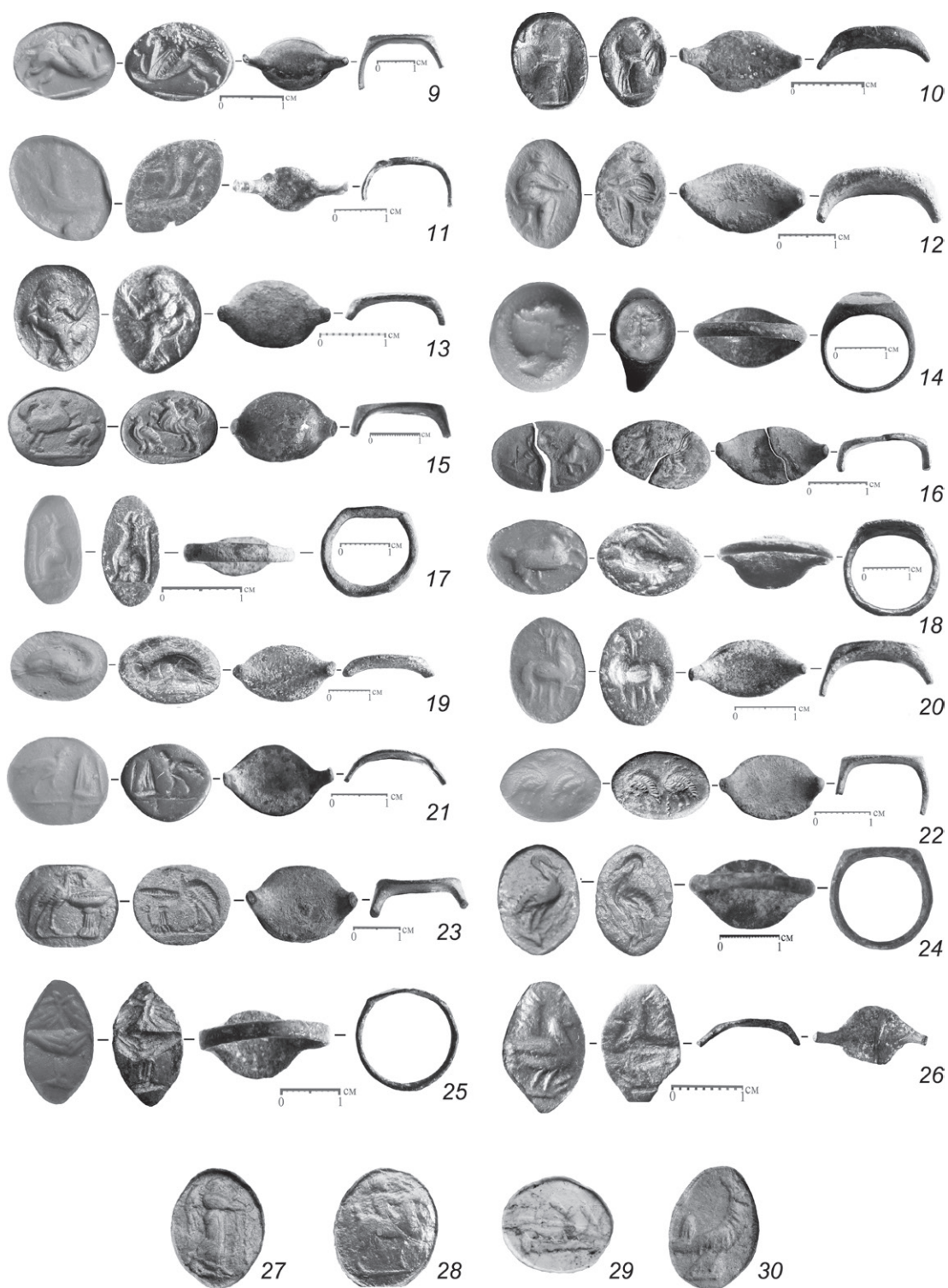

Рис. 2. Перстни №№ 9–30: номера на рисунке соответствуют указанным в тексте

культов божеств, связанных с этим напитком [Кузина 2007, 116–117]. Ювелирное искусство на сравнительно дешевых материалах продвигало в простонародье эти религиозные представления и таким образом способствовало эллинизации местных варваров. Имеющиеся материалы данного поселения относятся к IV – первой трети III в. до н. э. Очевидно, к этому же времени можно отнести и данный перстень.

Поселение Яркое Поле 1. Щиток бронзового перстня был найден на поселении, находящемся между селом Яркое Поле и поселком Кировское в пологой ложине, по которой в древности петляла речка Су Баш (рис. 1А. 13). Античные жилищно-хозяйственные комплексы располагались вдоль старого, ныне распаханного и слабовыраженного в рельефе русла реки, на месте нахождения одного из них и была сделана данная находка.

На овальном щитке вырезана инталия грифона с поднятыми крыльями – мифологического синкретического существа с туловищем льва, шеей дракона и головой орла, представления о котором были широко распространены в античную эпоху (рис. 2. 9; табл. 1. 13). Его поза такая же, как и на тетрахаках и статерах Боспорского царства, изображения на которых, очевидно, и послужили образцом для копирования [ср.: Шонов 2019, 330, 404, табл. XVII. 183, 184].

Описание внешнего вида этого фантастического зверя было известно эллинам от ближневосточных народов с VII в. до н. э., что неоднократно упоминается в письменных источниках [Скржинская 2010, 224]. Со временем его образ занял прочное место в художественных изделиях и стал одним из наиболее популярных мифологических существ, воплощённых в скульптуре, картинах, чернолаковой керамике, терракотах, глиптике, торевтике, монетах [Furtwängler 1900, 99, taf. XI. 27, 41; XII. 50, 51; Boardman 1994, 289, pl. 464, 465, 491, 615, 617, 618, 622; Галанина, Алексеев 2010, 173, рис. 15]. Предания связывали его с охраной золотых месторождений, передвижением богов, борьбой с амазонками и аримаспами, стражем городов. На Боспоре грифон пользовался особым уважением; его связывали с Аполлоном и считали священной ипостасью божества [Виноградов, Шауб 2005, 221]. Возможно, это мифическое существо было «созвучно» каким-то местным религиозным традициям, например, культу змееногой богини [Шелов 1950, 68]. Изображения грифона на перстнях и других украшениях, служили оберегами владельцам [Скржинская 2019, 495, рис. 5]. Датировать перстень с инталией грифона можно в соответствии с материалами поселения: IV – началом III в. до н. э.

Поселение Терчек. Щиток бронзового перстня был найден на поселении, находящемся между селом Яркое поле и шоссе Кировское – Первомайское (рис. 1А. 14) [Гаврилов 2023, 87] в пологой ложине, по которой в древности протекала речка Кхоур Джилга. На овальном щитке вырезана инталия, представляющая сцену прощания мужчины и женщины (рис. 2. 10; табл. 1. 14), как это, например, представлено на надгробии Евколины (30-е годы IV в. до н. э.) в Национальном музее Афин. Они обращены лицами друг к другу, держаться за руки, фигура мужчины изображена по колени, женская фигура поменьше. Складки одежды выделены резчиком: женщина в гиматии, с покрытой головой, мужчина в плаще, голова его открыта, прическа короткая.

В лапидарии Керченского заповедника сохранились надгробные стелы с подобными сценами прощания [Матковская 2000, 50, рис. 57. 5; 60. 4; 61. 2; 63. 2]. Бытовали стелы с таким сюжетом с I в. до н. э. по первую половину II в. н. э. Очевидно, традиция

запечатлевать трогательные сцены прощания появилась гораздо раньше и её массовое распространение началось к I в. до н. э., что было связано не только с модой, но и с ростом благосостояния боспорского общества.

Человеческие фигуры в подобных ракурсах изображались на античных рельефах конца V в. до н. э. [Boardman 1985, 184, ill. 156. 1], а также на геммах [Boardman 1994, 353, pl. 891]. Оттиски инталий с таким же расположением фигур (например, Эрот и Психея держатся за руки, стоя лицом друг к другу) отмечены на ткацких грузилах III в. до н. э., найденных в Херсонесе [Краснодубец 2020, рис. 2. 25; 4. 5]. Изображения на надгробиях и перстнях отражают бытование этого популярного сюжета на ювелирных изделиях как у боспорских горожан, так и сельских жителей хоры Феодосии. В соответствии с датировками материалов поселения [Гаврилов 2023, 88] данный перстень можно отнести к IV – первой трети III в. до н. э.

Поселение Надежда. Большое поселение конца VI–III в. до н. э. близ одноименного села Советского района РК является одним из незатронутых последующими заселениями человека, т. е. на нем отсутствуют средневековые материалы и отложения, подвергается распахке (рис. 1А. 10) [Гаврилов 2004, 158; 2023, 102]. С него происходит бронзовый перстень-инталия с изображением рала (?) (рис. 2. 11; табл. 1. 10). Аналогичный сюжет иногда встречается на античных камнях и инталиях [ср.: Furtwängler 1900, 144–145, taf. XXIX. 42, 52]. Он помещался и на монетах ряда государств, в частности, Боспора [Анохин 1986, 143, табл. 5. 165] и полисов Великой Греции [Терещенко 2020, 100, табл. I]. Данное орудие связано с одной из тяжелых и главных операций земледелия – вспашке, без которой невозможен гарантированный и обильный урожай. Очевидно, символическое значение рала равнялось детородному органу животных, птиц, людей, богов, что видно в других обрядах, связанных с плодородием. Кроме этого, у греков существовал культ орудий труда, в частности, рала и поклонение ему, видимо, имело место в среде земледельцев и на хоре Феодосии [Кагаров 1913, 48]. Нельзя не учитывать и самые простые объяснения этого изображения. Оно может указывать на род занятий владельца – хлебопашество, что, учитывая наличие хороших черноземов вокруг поселения, было вполне вероятно. Подавляющее количество находок отсюда относится к IV – первой трети III в. до н. э., очевидно, этом же временем можно датировать и данный перстень.

Поселение Ближнее III. Находится у одноименного села Феодосийского административного округа, на левом берегу реки Байбуги и существовало в IV–III вв. до н. э. (рис. 1А. 26) [Гаврилов 2004, 185]. Здесь был найден фрагмент бронзового перстня, на овальном щитке которого вырезана инталия лука тетивой вниз и палицы под ним (рис. 2. 29; табл. 1. 26). В публикации представлен только оттиск инталии. Это изображение весьма похоже на то, что мы имеем на реверсе обولا Левкона II (228–225 гг. до н. э.) [Анохин 1986, 141, табл. 4. 134]. Хотя в иконографии боспорских и феодосийских монет изображения этих атрибутов Геракла использовались и в предыдущее время. Полным аналогом является инталия на золотом перстне из Херсонеса, происходящим из склепа № 1012 (гидрия № 3) с материалами конца IV – начала III в. до н. э. [Косцюшко-Валюжинич 1899, 5; Гриневиц 1926, 14, рис. 13б; Максимова 1955, 349, табл. I. 2; Boardman 1994, 299, pl. 732].

Геракл – обожествленный герой эллинских мифов, очевидно, был связан и с местными сказаниями, его образ защитника и прародителя скифов, вероятно, был близок

и понятен, что и отражали инталии на бронзовых перстнях. Популярность Геракла как среди феодосийцев, так и жителей полисной хоры, по-видимому, также была связана с давними торговыми и политическими отношениями Феодосии и Гераклеи Понтийской, где культ этого героя был государственным. Главные атрибуты Геракла, палица, лук и колчан, были воздвигнуты на агоре Гераклеи и вошли в символику ряда понтийских полисов [Русяева 2005а, 446, 448, 450]. Датировать перстень можно в соответствии с материалами поселения – IV – началом III в. до н. э.

Поселение Семеновка. Щиток бронзового перстня был найден на поселении, находящемся на правой стороне широкой степной ложины, по которой протекает речка Куру Индол (рис. 1А. 2). Поселение подвергается распашке, на поверхности встречаются амфорные фрагменты и клейма IV – начала III в. до н. э.

На овальном щитке изображена фигура сидящего на стуле мужчины, играющего на двойном *авлосе* (рис. 2. 12; табл. 1. 2). На голове у музыканта остроконечная шапочка. По-видимому, такие головные уборы были деталью костюма музыкантов, поскольку они отмечены и на терракотовых статуэтках арфисток [Шевченко 2016, 126, № 797]. Авлетов довольно часто изображали на протяжении V в. до н. э. – I в. н. э. на инталиях, камнях, чернолаковых краснофигурных сосудах. Играющими на *авлосах* представлялись божества: Сатиры, Эроты, а также, возможно, выдающиеся музыканты [ср.: Неверов 1988, 93, 95, рис. 168, 175]. Известно, что музыкальные агоны проводились во многих полисах античной Ойкумены, а выдающиеся исполнители гастролировали по городам, в т. ч. Северного Причерноморья (Polyaen. Strat. V. 44, 1) [Герцман 1995, 166; Скржинская 2009а, 169–170, 280]. Возможно, почитатели музыкального искусства и пения из местного населения приобретали или заказывали у торговцев перстни с изображениями авлетов или лирников. Датировать данный перстень можно в соответствии с материалами поселения.

Поселение Айвазовское. Известно давно, на нем и ранее находили перстни (рис. 1А. 16) [Кругликова 1975, 72–76, рис. 32. 3; Гаврилов 2004, 187]. Сейчас оно частично занято постройками, частично пашней, где и был найден данный обломок перстня с инталией музыканта. На овальном щитке изображена фигура сидящего мужчины с длинными волосами, играющего на лире, которую он держит на левой руке (рис. 2. 13; табл. 1. 16).

Возможно, это изображение Аполлона или Орфея, атрибутом которых был данный музыкальный инструмент. Изображение Орфея, держащего лиру на левой руке, присутствует на камее I в. до н. э. – I в. н. э. [Неверов 1988, 84, рис. 39, 141]; на стеклянных вставках I в. н. э. представлены музицирующие на лире другие мифические персонажи: Музы, Сатиры, Сирены, Ахилл [Furtwängler 1900, 203, taf. XLII. 60; 237, taf. XLIX. 18; Spier 1992, 111, № 279, 281; Boardman 1994, 298, pl. 721]. Изображения музицирующих варваров сохранились на произведениях торевтики, в частности, на золотой пластине из Сахновки помещен скиф, играющий на лире [Артамонов 1961, 86]. В целом, сюжет этот был распространен в ювелирном искусстве и помещался даже на простые украшения.

Лира (*хелис*) – простейший и самый легкий по весу струнный щипковый инструмент, под звуки которого произносились мифы-сказания и гомеровские поэмы. Изображения разных персонажей, музицирующих на лире, встречаются как в глиптике

[Furtwängler 1900, 63, 134, 203, taf. XIII. 13; XIV. 19, 24; XXVII. 14; Boardman 1994, 301, pl. 781], так и в торевтике, живописи, вазописи, короппластике [Вдовиченко 2011, 130–131]. Так, музыкант, играющий на кифаре, изображен на золотой пластине от головного убора из скифского погребения в Сахновском кургане [Бессонова, Раевский 1977, 30]. Похожее изображение сидящей женщины, играющей на лире, вырезано на перстне из женского царского погребения начала IV в. до н. э. в кургане Карагодеуашх [Лаппо-Данилевский, Мальберг 1894, 39, табл. III. 10, 11; Шауб 2017, 315]. Изображение лиры присутствует на оболе, выпущенном во время правления на Боспоре Асандра [Анохин 1986, 147, табл. 9. 226]. Эрот с лирой изображен на терракоте III–II вв. до н. э. из Пантикапея [Силантьева 1974, 23, табл. 17. 3]. Находка деталей этого музыкального инструмента в погребении конца III в. н. э. на территории бывшего Пантикапея указывает на довольно высокий уровень музыкальной культуры населения Боспора [Алексеевская 1915, 151]. Очевидно, этот музыкальный инструмент был известен и местным варварам, о чем свидетельствуют роспись склепа I в. н. э. на могильнике Неаполя Скифского, где среди разных бытовых сцен изображен лирник [Бабенчиков 1957, 108, рис. 12; Высотская 1979, 183, рис. 90]. Видимо, скифы были равнодушны к музыкальной культуре, струнные инструменты были у них в обиходе, под их звучание произносились местные сказания и мифы [Басилов 1991, 150]. Перстень с таким изображением мог указывать и на занятия владельца игрой на лире. Датировать его можно V–III вв. до н. э.

Пункт Подгорное. Судя по находкам, в том числе монетам, здесь во II–I вв. до н. э., возможно, находился наблюдательный пункт или святилище [Гаврилов 2023, 409] (рис. 1А. 30). Бронзовый перстень с круглой вставкой из прозрачного стекла, на которой вырезана инталия человеческой головы влево, переданной очень обобщенно (рис. 2. 14; табл. 1. 30). Затылок гладкий, очевидно, так обозначена прическа или накидка. Выше лба выделяются конусовидные бугорки, похоже – изображение венка [ср.: Трейстер 2024, 18, рис. 5. 3]. Возможно, это головка богини или царственной особы, как это представлено на аналогичных изображениях последней четверти I в. до н. э. [ср.: Spier 1992, 147, № 410]. Упомянутое возвышение на голове, очевидно, является венком как, например, на изображении Арсиной III [Furtwängler 1900, 154, taf. XXXI. 29] или на камее Юноны [Неверов 1988, 70, рис. 92]. Так же выглядит портрет Агриппины Младшей, жены императора Клавдия на камее I в. н. э. [Неверов 1988, 68, рис. 86]. Впрочем, женских изображений с такой прической на инталиях довольно много [ср.: Furtwängler 1900, 154, taf. XXVI. 38; XXXII. 34, 38; XLI. 18; XLVII. 47]. Схожие – зафиксированы на ряде перстней из позднескифских погребений Усть-Альминского некрополя [Высотская 1980, 98, рис. 1. 13] и в других могильниках Юго-Западного Крыма, самые ранние из них относятся к I в. до н. э. [Труфанов 2022, 130–131, 176, рис. 6. 21, 7. 33]. Все это позволяет датировать данный перстень I в. до н. э. – началом I в. н. э.

Поселение Береговое III. Выявлено давно. Небольшой холмик, очевидно, скрывающий под собой остатки усадьбы, подвергается распашке (рис. 1А. 28). [Веселов 2005, 89, (266) 388/379.-5; Гаврилов 2004, 184]. Обломок перстня с инталией, вырезанной на щитке, в виде прыгающей влево собаки, перед которой стоит птица, похоже – стрепет (*tetrax tetrax*). Очевидно, на щитке изображена сцена охоты с собакой на степных птиц (рис. 2. 15; табл. 1. 28). Как показал анализ костей животных с поселения Новопокровка 1,

пернатые составляли определенную часть рациона его обитателей [Гаврилов 2004, 110, 209, прил. 7]. Подъемный материал этого поселения относится к IV – первой трети III в. до н. э. [Гаврилов 2011, 298]. Очевидно, к этому же времени можно отнести и перстень.

Поселение Тамбовка VI. Давно известное античное поселение конца V – середины III вв. до н. э. близ одноименного бывшего села Феодосийского административного округа РК, подвергается распашке (рис. 1А. 23) [Гаврилов 2004, 182]. Отсюда происходит щиток перстня с изображением бегущей собаки (рис. 2. 16; табл. 1. 23). Это домашнее животное нередко запечатлялось на камеях, инталиях [Furtwängler 1900, 57, taf. XI. 40; 5, taf. XII. 44, 45; 145, taf. XXIX. 63; 219, taf. XLV. 29–35, 39, 41; Spier 1992, 37, 79, № 62, 171; Boardman 1994, 290, 292, pl. 521, 522, 572], чернолаковых сосудах, ювелирных изделиях.

Собака – древнейший спутник человека, прочно вошла в мифологию греков: трехголовый пес Цербер охранял вход в Аид. В повседневной жизни она выполняла охранные функции, помогала пасти стада, охотиться на диких животных и птиц, являлась участником боевых схваток [Миллер 1876, 5]. В культовой практике эти домашние животные были связаны с представлением о смерти: играли роль посредников между миром живых и мертвых [Скржинская 2006, 74]. Собаки были священным животным Гекаты и всюду следовали за ней в виде черных сук. По верованиям древних, собаки обладали способностью видеть злых духов и отпугивать их лаем. Собак приносили в жертву при определенных обрядах, в частности очищения, о чем свидетельствуют их преднамеренные захоронения, зачастую встречающиеся на поселениях, городищах и святилищах [Шауб 2007, 106; Ленская 2013, 325; Гаврилов 2023, 41, рис. 5.Д].

На сельских поселениях хоры Феодосии наблюдается относительно большой процент костей собак, которые несли охрану домашних хозяйств и помогали пасти стада [Гаврилов 2004, 109, прил. 6–9]. Это животное занимало значительное место в жизни простого человека, поэтому изображения собак зачастую исполнялись на инталиях бронзовых перстней и были популярны у сельских жителей. По археологическому материалу, происходящему с поселения [Гаврилов 2011, 218–223] данный перстень датируется в рамках IV – середины III в. до н. э.

Поселение Айвазовское. Поселение известно давно, на нем при раскопках и ранее находили перстни⁵. Сейчас оно частично занято руинами бывшей фермы, жилыми и хозяйственными постройкам одноименного села, частично пашней (рис. 1А. 17) [Гаврилов 2004, 187]. Перстень с инталией сидящей и воющей (?) собаки был найден на пашне к северу от дороги, соединяющей села Айвазовское и Приветное. Хвост собаки изображенный поднятым вертикально (рис. 2. 17; табл. 1. 17). В таком виде это животное представлено на гемме середины I в. до н. э. из Туниса [Spier 1992, 85, № 194]. Материалы поселения в основном датированы V–III вв. до н. э. [Кругликова 1975, 72–73; Гаврилов 2011, 238], что позволяет отнести перстень к этому же времени.

Поселение Трудолюбовка. Открыто недавно в верховье балки Тогай поблизости от села Трудолюбовка Кировского района РК (рис. 1А. 11) [Гаврилов 2023, 18, № 31]. На овальном щитке вырезана инталия прыгающего козла (рис. 2. 18; табл. 1. 11).

⁵ На щитке перстня из Айвазовского была вырезана инталия скачущей лошади, точно такая же, как на перстне, происходящем с поселения Золотой Рожок близ современного села Золотое Ленинского района РК [Кругликова 1958, 225, рис. 5. 3].

Изображение этого животного на щитках бронзовых перстней встречается сравнительно часто [см.: *Островеерхов* 2010, 88, рис. 2. 1; *Иванов, Черненко* 2021, 219, рис. 1. 2; *Гаврилов* 2023, 103, рис. 16. 6]. Присутствует оно и на камнях I в. до н. э. – II в. н. э. [*Неверов* 1988, 101–102, рис. 197, 198; *Spier* 1992, 117, № 301; *Boardman* 1994, 293, pl. 587]. Иногда козел изображался совместно с другими мифическими персонажами: Афродитой, Сатиром, Пегасом или гермой. Однако, это животное преимущественно было связано с культом Диониса, что отражают сюжеты на чернолаковой посуде. Во время Дионисий *вакханты* наряжались в козьи шкуры; козлов чаще всего приносили в жертву во время этих празднеств [*Скржинская* 2012, 68]. Очевидно, какие-то представления, связанные с дионисийским культом бытовали и в среде жителей феодосийской округи. Повторяемость этого сюжета на бронзовых перстнях свидетельствует о культе этого домашнего животного, связанного с плодородием, и у местных варваров [*Бессонова* 1983, 75]. Датировать перстень приходится в соответствии с подъемным материалом памятника: IV – первой третью III в. до н. э.

Старый Крым. Фрагмент перстня найден в окрестностях современного города, где и ранее встречались античные памятники и материалы (рис. 1А. 21). На овальном щитке вырезана инталия креветки (рис. 2. 19; табл. 1. 21). Возможно, это средиземноморская красная креветка (*Aristaeomorpha foliacea*) – наиболее распространенный вид десятиногих ракообразных, издревле употребляемых в пищу в приморских регионах. Изображения креветок вырезали на камнях I в. н. э. [*Неверов* 1988, 104–105, рис. 211]; инталиях на перстнях [*Spier* 1992, 27–28, № 35, 36; *Финогенова* 1993, 53, илл. 98]. В античной мифологии креветка не отмечена, но, очевидно, с ней были связаны какие-то предания или сказания. Ей приписывали плодовитость, способность восстанавливать свои конечности, с ней связывали понятие об изобилии. Её пищевое значение и указанные свойства наводят на мысль о связи с разными божествами, в частности с Афродитой, появление которой связано с водной стихией и, соответственно, со многими, морскими существами. Датировать перстень можно IV – первой третью III в. до н. э.

Грушевский карьер. Обломок перстня был найден в лесу, у южного подножия горы Яман Таш близ Грушевского карьера, где, возможно, находилось поселение (рис. 1А. 22). Объект, по-видимому, сосуществовал с городищем на горе Яман Таш I в. до н. э. – начала IV в. н. э. и относится к этому же времени [*Гаврилов* 2023, 505]. На овальном щитке вырезана инталия с изображением коня и трезубца (рис. 2. 20; табл. 1. 22). Во многих древних обществах конь являлся символом социального престижа и знаком царского достоинства [*Беленицкий* 1978, 37]. Кони занимали видное место в фольклоре, литературе, вазописи, скульптуре, фресковой живописи античной эпохи. Это были верные спутники и помощники в военных походах и сражениях, победители в конных агонах, животные, наделенные силой и красотой [*Скржинская* 2006, 69]. Их изображения известны также в произведениях глиптики и ювелирных изделиях [*Furtwängler* 1900, 45, taf. IX. 31; 67, 69, taf. XIV. 15, 16; 111, taf. XXII. 60; *Неверов* 1988, 102, рис. 200; *Boardman* 1994, 288, 292, pl. 473, 475–477, 559, 560].

Конь, как весьма распространенный в античном изобразительном искусстве образ, в античной мифологии был связан с рядом божеств: Посейдоном, Аидом, Деметрой. Согласно сказаниям, Посейдон создал коня с помощью трезубца и придумал уздечку,

а также имел огромные подводные конюшни. От связи Посейдона с Деметрой появился дикий конь Арейон [Кагаров 1913, 239; Грейвс 1992, 42]. Возможно, поэтому на данной инталии рядом с конем изображен трезубец, символизирующий присутствие создателя и настоящего хозяина животного. В религиозно-мифологической системе скифов культ коня был связан с солнцем [Кузьмина 1977, 97].

Яман-Таш, как ближайшее к месту находки городище с I в. н. э., было заселено сарматами, среди тамг – родовых знаков которых, встречается трезубец. Наличие этого знака отмечено на монетах Боспора [Анохин 1986, 154, табл. 15. 385; 163, табл. 26. 572в и др.], керамике [Гаврилов 2023, 375, рис. 17. 3]. Можно также предположить, что на инталии данного перстня вместе с конем помещено древко с навершием-тризубом, как символом принадлежности владельца к определенному сарматскому роду, представители которого проживали на городище Яман-Таш и близлежащих поселениях в I – начале IV в. н. э. Данный перстень можно датировать в соответствии с материалами городища Яман-Таш и находящихся рядом поселений, т. е. I в. до н. э. – I в. н. э.

Поселение Ближнее I. Археологический памятник V – второй половины III в. до н. э., подвергается распашке (рис. 1А. 25) [Гаврилов 2004, 184–185]. Обломок перстня, на щитке которого вырезана инталия, изображающая птицу, идущую к некоему треугольному предмету. У неё сравнительно короткая шея, длинные ноги и хвост (рис. 2. 21; табл. 1. 25). Пернатая похожа на птиц из подотряда куликов: чибиса (*Vanellus vanellus*), ходулочника (*Himantopus himantopus*), турухтана (*Filomachus pugnax*) и др. [ср.: Бескаравайный 2013, 126, 130, 143]. Все они водились в окрестностях Феодосии, порой в значительных количествах и были хорошо известны местным жителям. Их могли запечатлеть резчики инталий, а жители – как-то увязывать с местной мифологией. Контур изображенной птицы также весьма похож на птицу секретарь (*Sgittarius serpentarius*), обитающую в Африке, где эллины-путешественники могли её видеть. Эта птица – истребитель змей, могла ассоциироваться древними как борец с хтоническими существами, и такой войти в народные сказания, предания и мифы, в которых считалась атрибутом Аполлона [Шонов 2019, 49, 390, табл. V. 66].

В треугольном предмете можно видеть разные объекты, однако точное его значение непонятно. Птица и предмет явно связаны между собой и, не исключено, представляют сюжет какого-то мифа или сказания, понятный владельцу и людям того времени. Можно отметить, что похожий треугольный предмет также изображен перед нагой женщиной, сидящей на корточках [Boardman 1994, 299, pl. 725]. Возможно, это стилистическое изображение пирамиды, символизирующей образ Великой богини (Афродиты)⁶ или Гермеса [Грейвс 1992, 39, 53]. В соответствии с датировками материала этого поселения данный перстень можно отнести к IV – первой трети III в. до н. э.

Поселение Ореховка 1. Археологический памятник V – первой трети III в. до н. э. подвергается регулярной распашке [Гаврилов 2004, 158; 2023, 26] (рис. 1А. 6). Перстень, на щитке которого вырезана инталия, изображающая двух журавлей, идущих друг

⁶ Треугольным предметом может быть стилизованное изображение камня Афродиты, находившегося в городе Пафос на Кипре. Он, возможно, был метеоритного происхождения, имел черный цвет и форму, похожую на трехгранную пирамиду высотой 1,22 м. Являлся объектом поклонения и представлял т.н. аниконический образ богини. Его видели античные историки Павсаний и Тацит.

за другом. Снизу, между ними вырезана змея (рис. 2. 22; табл. 1. 6). Резчик, очевидно, изобразил самый распространенный в Евразии вид этого пернатого – серого журавля (*Grus grus communis*). Перстни с сюжетами, где две птицы следуют друг за другом, встречаются в античной глиптике [см.: Furtwängler 1900, 17, taf. III. 54]. Журавля помещали на геммах в одиночку [Furtwängler 1900, 57, taf. XI. 30; 60, taf. XII. 46; 67, taf. XIV. 11, 17], парами [Furtwängler 1900, 276, taf. LXI. 39] и летящими [Furtwängler, 1900, 66, taf. XIV. 2, 4].

Журавль возвещал приход весны и являлся солнечной птицей, истребителем змей, поэтому в античной мифологии он был связан с Деметрой, Гермесом и Аполлоном. Эту птицу сравнительно часто изображали на геммах вместе с обнаженной или полуобнаженной женщиной (Афродитой?), что указывает на их мифологическую связь [Furtwängler 1900, 60, taf. XII. 38, 39; Boardman 1994, 293, 295, pl. 595, 640]. Кроме этого, журавль – моногамная птица, в представлениях древних он символизировал супружескую верность. В соответствии с датировками материала этого поселения данный перстень можно отнести к IV – первой трети III в. до н. э.

Поселение Дачи. Памятник находится у дачного поселка близ водоочистных сооружений Феодосии (рис. 1А. 24). Обломок перстня, на щитке которого вырезано изображение журавля (*Grus grus communis*), пьющего из чаши на высокой ножке, рядом с которой стоит кадуцей (рис. 2. 23; табл. 1. 24). Сюжет, благодаря хорошей сохранности, в общем-то, понятен: он связан с Гермесом. Журавли были священными птицами Гермеса; да и сам бог иногда представал в образе этой птицы. Жезл-кадуцей был вручен Гермесу Зевсом, как символ покровительства пастухам и скотоводам, торговцам и музыкантам, гадалеям и путешественникам [Грейвс 1992, 45, 54, 144]. Таким образом, журавль и кадуцей явно указывали на Гермеса, а чаша, возможно, символизировала знания, которым Гермес научился, а затем передал их людям.

Нужно отметить, что на ряде гемм, подобная чаша зачастую изображается вместе с Афродитой [см.: Furtwängler 1900, 60, taf. XII. 38, 39; Boardman 1994, 295, pl. 634]. Как, впрочем, на её присутствие может указывать и жезл (скипетр) у чаши, являющийся атрибутом также и этой богини [Трейстер 2015, 324]. Возможно, сюжет данной инталии аллегорически отображает любовные отношения этих божеств [Грейвс 1992, 48]. В соответствии с датировками материала поселения перстень можно отнести к IV – первой трети III в. до н. э.

Поселение Береговое III. Известный археологический памятник, находящийся сравнительно недалеко от города, на левом, относительно высоком берегу Аджигольской балки (рис. 1А. 29); подвергается регулярной распашке [Гаврилов 2004, 184]. На овальном щитке помещено изображение Серой цапли (*Ardea cinerea*) (рис. 2. 24; табл. 1. 29). Журавлеобразные и аистообразные птицы были довольно распространенным сюжетом в ювелирной глиптике [Furtwängler 1900, 67, 68, taf. XIV. 11, 17]. Они помещались и на простые перстни, популярные в среде сельского населения. Орнитологи различают этих птиц по длине ног, изгибу шеи, форме хвоста и другим признакам. Эти главные детали подмечали и резчики инталий. Цапля ассоциировалась с плодородием и потусторонним миром, её образ наделялся семантикой, связанной с возрождением [Шауб 2017, 310]. Подъемный материал поселения относится к IV – первой четверти III в. до н. э. [Гаврилов 2011, 298].

Поселение Ореховка 1. Археологический памятник V – первой трети III в. до н. э., подвергается регулярной распашке (рис. 1А. 5) [Гаврилов 2004, 158; 2023, 26]. Перстень, на щитке которого вырезана инталия, изображающая сидящих у гнезда двух птиц, похоже – аистов (рис. 2. 25; табл. 1. 5). Это довольно распространенный в Европе род пернатых – Белый аист (*Ciconia ciconia*). Нужно отметить, что они еще гнездятся в ряде мест Крымского Присивашья, где сохранился соответствующий биоценоз и есть необходимая кормовая база (гадюки, лягушки). Очевидно, в античную эпоху животный мир Тавриды был богаче и разнообразнее и колонии этих птиц были распространены везде, где была вода и условия для их обитания.

Древними давно было замечено свойство этих птиц гнездиться близ человеческого жилья, что со временем вошло в верования и мифы. Способность птиц очищать и таким образом беречь территорию проживания от пресмыкающихся создала аистам славу хранителей и защитников от всякой нечисти, сделала их своеобразными покровителями домашнего очага [Бобринский 1902, 70–71]. Их ежегодное возвращение к своему гнезду стало для древних символом постоянства и любви к родному месту; гнездо аистов у дома в народных поверьях было гарантией благополучия и процветания. На одной из гемм эта птица была изображена вместе с Афродитой, которая передает ей крошечного младенца [Boardman 1994, 291, pl. 547]. Похоже, уже в то время аиста представляли в качестве вестника о прибавлении потомства. Очевидно, все эти положительные свойства, бытовали и в представлениях жителей феодосийской хоры, что нашло воплощение в изображениях, помещаемых на ювелирные изделия. В соответствии с датировкой этого поселения, перстень можно отнести к IV – первой трети III в. до н. э.

Поселение Красногвардейское 1. Обломок перстня найден на античном поселении, находящемся в окрестностях села Красногвардейское Советского района РК (рис. 1А. 9). На щитке вырезана инталия дрофы (*Otis tarda*), за головой которой находится неясное изображение. У птицы короткая шея, мощный клюв, сравнительно высокие ноги (рис. 2. 26; табл. 1. 9). Дрофы изредка еще встречаются в степной зоне Крымского полуострова, хотя ранее были обычными обитателями присивашских степей. В античную эпоху они гнездились на целинных участках, были хорошо известны жителям поселений и, очевидно, являлись объектами охоты. Находки на степных античных поселениях региона тщательно заполированных яйцевидных камней, возможно, указывают на то, что яйцекладки в местах гнездовий степных птиц, в т.ч. дроф, также использовались жителями [Гаврилов 2004, 109, рис. 46. 13; 53. 28, 29]⁷. Конечно, дрофы были связаны с местными сказаниями и преданиями, как и другие представители орнитофауны, что, очевидно, и отражает эта инталия. Датировать данный перстень можно IV–III в. до н. э.

Поселение Партизаны 2. Поселение известно давно, подвергается распашке (рис. 1А. 12) [Гаврилов 2023, 123]. Отсюда происходит обломок перстня с инталией петуха на щитке. В публикации представлен только оттиск инталии (рис. 2. 30; табл. 1. 12). Эта домашняя птица изображалась на геммах и инталиях [Furtwängler 1900, 145, taf. XXIX. 56, 58, 65; 220, taf. XLV. 48, 49; 222, taf. XLVI. 31; Spier 1992, 28, № 37; Финогенова 1993, 27, 35,

⁷ Находки яйцевидных камней в некрополях и святилищах античных городов связывают с культом Диониса Хтония [Кузина 2007, 123].

илл. 24, 44]. Петух – спутник и атрибут многих древнегреческих богов и богинь [Кагаров 1913, 281]. По представлениям древних, это священная птица Гелиоса; своим кукареканьем он возвещал его приход и разгонял силы тьмы и зла. Сопровождая Персефону из царства Аида, петух также был символом возрождения. Также он помог богине Лето, когда та рожала Аполлона и Артемиду; его держали при роженице с целью облегчить роды. Больной, чтобы выздороветь, должен был принести в жертву петуха. Петух также был символом плодovitости, воинственности, великодушия и живым хронометром. Таким образом, многочисленные положительные качества этой птицы делали её образ популярным в народной среде. Датировка этого перстня в соответствии с материалами поселения: IV – первая треть III в. до н. э.

Рассмотренный материал повышает и детализирует наши знания о культуре населения округи античной Феодосии и, наряду с другими материалами, характеризуют её, как в значительной степени эллинизированную. Представленными перстнями не исчерпывается весь объем этих интересных и информативных артефактов, находящихся ныне в частных собраниях. Полное их издание может оказать большую помощь исследователям при изучении и реконструкции культуры и идеологии обитателей этого отдалённого уголка античной Ойкумены.

Список литературы

- Алексеевская Л. М. 1915. Лира из Керчи // ИАК. 58, 140–152.
- Аммиан Марцелин. 1994. Римская история. Пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сони. СПб, 558.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. Киев, 179.
- Анохин В. А. 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 128.
- Аристофан 1983. Женщины в народном собрании // Комедии. 2. Пер. А. Пиотровского. М., 331–402.
- Артамонов М. И. 1961. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 2, 57–87.
- Бабенчиков В. П. 1957. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 94–141.
- Басилов В. Н. 1991. «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент ? // СЭ. 4, 140–154.
- Беленицкий А. М. 1978. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и в раннем средневековье // КСИА. 154, 31–38.
- Бескаравайный М. М. 2013. Птицы Крымского полуострова. Симферополь, 336.

- Бессонова С. С. 1983. Религиозные представления скифов. Киев, 138.
- Бессонова С. С., Раевський Д. С. 1977. Золота пластинка із Сахнівки // Археологія. 21, 30–50.
- Бобринский А. А. 1902. О некоторых символических знаках: общих первобытной семантике всех народов Европы и Азии // Труды Ярославского областного съезда исследователей истории и древностей Ростово–Суздальской области. М., 65–75.
- Вальдгауэр О. Ф. 1923–1924. Античная скульптура. Петроград, 172.
- Вдовиченко И. И. 2002. Культовые танцы в изображениях на вазах «керченского стиля» (по материалам музеев Крыма) // БИ. II, 19–26.
- Вдовиченко И. И. 2011. О роли музыки в жизни варваров и эллинов Северного Причерноморья // ПИФК. 1, 124–141.
- Веселов В. В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. (ДБ. Suppl. II). М., 266.
- Виноградов Ю. А. 2020. Павловский курган под Керчью // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. 12/2, 149–187.
- Виноградов Ю. А., Шауб И. Г. 2005. О семантике изображений на золотых статерах Пантикапея // АВ. 12, 219–223.
- Винокуров Н. И. 2002. Античный социум: культ вина и винограда // БИ. XXXIV, 27–88.
- Власова Е. В. 2010. Древности эллинские и местные // Г. М. Бонгард–Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани. III. М., 198–263.
- Высотская Т. Н. 1979. Неаполь – столица поздних скифов. Киев, 205.
- Высотская Т. Н. 1980. Геммы Усть–Альминского некрополя // ВДИ. 1, 96–105.
- Гаврилов А. В. 1999. Амфорный импорт на античном поселении Новопокровка в Юго–Восточном Крыму // Stratum Plus. 3, 81–95.
- Гаврилов А. В. 2004. Округа античной Феодосии. Симферополь, 368.
- Гаврилов А. В. 2011. Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников) (Археологический альманах. 24). Донецк, 350.
- Гаврилов А. В. 2013. Амфорный комплекс из тризны кургана у Феодосии // ДБ. 17, 56–65.
- Гаврилов А. В. 2016. Мегарская чаша из могильника городища Куру Баш близ Феодосии // ИАКр. III, 123–134, 406–409.
- Гаврилов А. В. 2018. Городище Яман Таш и рвы в Старокрымской долине // ИАКр. VII, 149–175.
- Гаврилов А. В. 2021. Новые находки амфор и амфорных клейм Гераклеи Понтийской в Юго–Восточном Крыму // ДБ. 26, 97–107.
- Гаврилов А. В. 2022. Курганы Юго–Восточного Крыма на картах. Симферополь, 256.
- Гаврилов А. В. 2023. Хора античной Феодосии. Памятники, материалы, хронология. Симферополь, 592.
- Гаврилов А. В., Майко В. В. 2014. Средневековое городище Солхат–Крым (материалы к археологической карте города Старый Крым). Симферополь, 212.
- Гаврилов А. В., Крамаровский М. Г. 2001. Курган у села Кринички в Юго–Восточном Крыму // БИ. I, 23–43.
- Гаврилюк Н. А., Грищенко В. Н., Яблоновская–Грищенко Е. Д. 2001. Орнитофауна скифской торевтики // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб, 260–265.

- Гай Светоний Транквилл. 1991. Жизнь двенадцати цезарей. Пер. с латинского. М. Л. Гаспарова. М., 510.
- Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. 2010. Древности скифской эпохи из Прикубанья // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани. III. М., 170–197.
- Герцман Е. В. 1995. Музыка Древней Греции и Рима. СПб, 336.
- Геродот. 1972. История в девяти книгах. Перевод Г. А. Стратановского. Л.-д., 600.
- Грейвс Р. 1992. Мифы Древней Греции. М., 624.
- Гриневич К. Э. 1926. Стены Херсонеса Таврического. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса, открытые в 1899 году (ХСб. 1), 72.
- Доддс Э. Р. 2000. Греки и иррациональное. СПб, 507.
- Иванов А. В., Черненко В. Г. 2021. Бронзовые перстни с изображениями из раскопок поселения «Усадьба Виноградник» // ДБ. 26, 214–224.
- Иванова А. П. 1950. К вопросу о культе Афродиты на Боспоре (образ Афродиты в боспорском искусстве) // ВДИ. 1, 104–109.
- Кагаров Е. Г. 1913. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб, 327.
- Капошина С. И. 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи // МИА. 69, 108–153.
- Климанов Л. Г. 2016. Несколько сфрагистических памятников из Северного Причерноморья: находки последних лет // Материалы VI Судакской международн. научн. конф. «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре» (г. Судак, 19–22 сентября 2012 г.). Киев, 262–288.
- Кобылина М. М. 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 182.
- Ковальчук А. В. 2016. Боспорские мерные сосуды IV–III вв. до н. э. // ДБ. 16, 220–238.
- Корпусова В. Н. 1983. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев, 184.
- Косцюшко-Валюжинич К. К. 1902. Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1899 год. СПб, 3–16.
- Краснодубец Е. М. 2020. Отгиски эллинистических перстней-печатей с изображением Эротов на керамических изделиях из Херсонеса Таврического и его хоры // ХСб. XXI, 17–28.
- Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 299.
- Ксенофонт. 1951. Анабазис. Пер. М. И. Максимовой. М.–Л., 287.
- Кузина Н. В. 2007. Дионисийская символика в погребальной обрядности населения античных центров Северного Причерноморья // БИ. XVI, 112–127.
- Кузьмина Е. Е. 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев, 96–120.
- Лаппо-Данилевский А., Мальберг В. 1894. Курган Карагодеуашх // МАР. 13, 192.
- Ленская В. С. 2013. Жрец и жертвоприношение в Древней Греции // ПИФК. 2, 305–331.
- Максимова М. И. 1937. Античные печати Северного Причерноморья // ВДИ. 1, 251–261.
- Максимова М. И. 1955. Резные камни // Античные города Северного Причерноморья. М.–Л., 437–445.
- Максимова М. И. 1957. Боспорская камнерезная мастерская // СА. 4, 75–82.
- Максимова М. И. 1979. Артюховский курган. Л., 151.

- Масленников А. А. 2012. Оттиски перстней-печатей и другие анэпиграфные клейма на некоторых типах керамики из раскопок сельских поселений Крымского Приазовья // Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). 2. Индивидуальные находки и массовый археологический материал (ДБ. Suppl. III/2), 217–216.
- Матковская Т. А. 2000. «... Камень, изливающий немую скорбь». (Коллекция Керченского лапидария). Керчь, 96.
- Матковская Т., Зинько Е., Иллариошкина Е. 2004. Античная скульптура (лапидарная коллекция). I. Киев, 256.
- Махнева О. А. 1969. Находка гераклейских амфор в Крыму // СА. 4, 257–259.
- Миллер В. Ф. 1876. Значение собаки в мифологических верованиях. М., 20.
- Неверов О. Я. 1986. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика. Л., 17–27.
- Островерхов А. С. 2010. Материалы к корпусу глиптики Ольвии Понтийской (VI–I вв. до н. э.) // ВДИ. 3, 85–112.
- Павленков В. И. 1988. Фрагмент портретной эмблемы с Южно-Донузлавского городища // СА. 1, 256–258.
- Плиний Младший. 1984. Письма. Пер. М. Е. Сергиенко и А. И. Доватура. М., 407.
- Плутарх. 1990. О суеверии // Моралии. Сочинения. Пер. Э. Юнца. М.–Харьков, 1120.
- Раевский Д. С. 1980. Эллинские боги в Скифии? (к семантической характеристике греко-скифского искусства) // ВДИ. 3, 49–71.
- Русяева А. С. 2005а. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Мифы. Святые места. Культы олимпийских богов и героев. Киев, 559.
- Рябова В. А. 1979. Женское погребение из кургана Денисова могила // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 47–51.
- Силантьева П. Ф. 1959. Некрополь Нимфея // МИА. 69, 4–107.
- Силантьева П. Ф. 1974. Терракоты Пантикапея // САИ. Г 1–11. Ч. III, 5–37.
- Скржинская М. В. 2003. Награды граждан античных городов Северного Причерноморья // ВДИ. 4, 89–101.
- Скржинская М. В. 2005. Отражение некоторых литературных тропов на памятниках античного искусства, найденных на Боспоре // Индоевропейское языкознание и классическая филология. Материалы чтений... памяти проф. И. М. Тронского. СПб, 195–200.
- Скржинская М. В. 2006. Домашние животные в повседневной и праздничной жизни, культуре и религии античных государств Северного Причерноморья // БИ. XI, 69–96.
- Скржинская М. В. 2009. Монументальная скульптура в изображениях на памятниках прикладного искусства из античных государств Северного Причерноморья // АМА. 13, 324–331.
- Скржинская М. В. 2009а. Древнегреческие праздники в Эллад и Северном Причерноморье. Киев, 365.
- Скржинская М. В. 2010. Древнегреческие праздники в Эллад и Северном Причерноморье. СПб, 464.
- Скржинская М. В. 2012. Мифы о богах в культуре и искусстве античных государств Северного Причерноморья // БИ. XXVI, 59–167.

- Скржинская М. В. 2019. Ювелирные изделия – необходимый элемент повседневной и праздничной жизни боспорян в V–IV вв. до н. э. // ДБ. 24, 488–511.
- Смекалова Т. Н., Лысенко А. В., Антипенко А. В. 2024. Перстни из раскопок некрополя Лучистое-2 (Южный Крым): состав сплава и технология изготовления по данным РФА // ПИФК. 1, 46–63.
- Соломон (Исецкий) Г. А. 1995. Среди красных вождей. М., 509.
- Страбон. 1964. География в 17 кн. Пер. Г. А. Стратановского. Л., 943.
- Соломоник Э. И. 1994. Херсонесские глиняные грузила с надписями // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 138–158.
- Стоянова А. А. 2005. Подбойная могила № 193 из могильника Нейзац в Центральном Крыму // МАИЭТ. XI, 153–168.
- Терещенко А. Е. 2020. Земледельческая символика в пантикапейской чеканке // ПИФК. 2, 97–109.
- Трейстер М. Ю. 2010. Ювелирное дело и торевтика // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани. II. М., 534–598.
- Трейстер М. Ю. 2015. Синкретические женские божества на ювелирных изделиях из Фанагории и Горгишпии первых веков н. э. и некоторые наблюдения об иконографии Афродиты Урании на Боспоре // ПИФК. 1, 308–337.
- Труфанов А. А. 2022. Металлические перстни из варварских погребений Крыма II в. до н. э. – IV в. н. э. // ИАКр. XVI, 121–197.
- Финогенова С. И. 1993. Каталог собрания античных гемм ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 223.
- Шауб И. Ю. 2007. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб, 484.
- Шауб И. Ю. 2017. Боспорское жречество // БИ. XXXIV, 288–324.
- Шауб И. Ю. 2023. Некоторые особенности культа Диониса у эллинов и варваров Северного Причерноморья // МАИСП. 15, 701–735.
- Шевченко Н. Ф. 2010. Мезмай // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани. III. М., 56–63.
- Шевченко А. В. 2016. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь, 520.
- Шелов Д. Б. 1950. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. XXXIV, 62–69.
- Шонов И. В. 2019. Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н. э. Симферополь, 416.
- Яйленко В. П. 1995. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 204–272.
- Boardman J. 1985. Greek Sculpture the Classical Period. New York, 252.
- Boardman J. 1994. Greek Gems and Finger rings Early Bronze Age to Late Classical. New York, 458.
- Furtwängler A. 1900. Die antiken Gemmen: Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum. Bd. 1–3. Leipzig–Berlin: Bd. 1 – LXVII Taf.; Bd. 2–330; Bd. 3–464.
- Spier J. 1992. Ancient Gems and Finger Rings. Catalogue of the Collections the J. Paul Getty museum. Malibu–California, 184.

Summary

A. V. Gavrilov

Finds of bronze rings with intaglios in the settlements of chora of Theodosia

The article presents the finds of fragments of bronze rings with carved intaglio images on shields and glass inserts found in the ancient settlements of chora in Theodosia. Bronze rings were popular among the rural population, they served as ornaments, amulets, and personal seals. The images on the rings indicated the wearer's commitment to a particular deity, belonging to a particular social group, and his occupation. The subjects of the images placed on them are considered: hellenic deities and heroes (Athena, Aphrodite, Hecate, Nika, Eros); mythical creatures (griffin); maenads and musicians (auletes, harpers); domestic animals (horse, dog, goat) and wild birds (crane, heron, stork, flutter, bustard). Sometimes the characters were depicted at the moment of performing certain actions related to ritual rituals or oral traditions. In general, the intaglios on the bronze rings from the monuments of Theodosius chora have the same set of characters and plots as on similar artifacts and glyptic works from the territories of neighboring ancient states of the Northern Black Sea region. According to the intaglio on the rings, the beliefs and culture of the rural inhabitants of the chora of Feodosia in the IV – III centuries BC were largely hellenized.

Т. В. Егорова*, С. М. Ильяшенко**

(* МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва;

** Институт археологии РАН, г. Москва)

Новые данные о «Западном пригороде» Танаиса

Оборонительные сооружения Танаиса первых веков до нашей эры стали объектами пристального внимания исследователей. Связано это, прежде всего, с открытиями в 1998–2002-х гг. жилых кварталов эллинистического времени, располагавшихся достаточно удаленно от основного четырехугольника городской цитадели (около 300 м к западу) [Ильяшенко, Арсеньева, Науменко 2015, 181–184]. В результате предполагаемая территория древнего города значительно расширилась за счет так называемого «Западного Пригорода» и вполне подтвержденного находками «Нижнего города». Раньше к городской территории относили только цитадель (со сторонами 240×250 м) и Западный городской район (115×125 м). То есть, максимальная протяженность города с запада на восток составляла около 350 м. Теперь можно с уверенностью говорить о том, что полоса, занимаемая застройкой, достигала в том же направлении около 750 м, а с севера на юг – до 450 м. Впрочем, ничего удивительного в этом нет. Крупнейшее «после Пантикапея торжище варваров» (Strab. XI. 2, 3) вполне могло занимать солидную площадь.

Предположения о существовании различных районов города делались и ранее. Вопрос о площади Танаиса вызывал интерес со времени начала археологических изысканий на Недвиговском городище [Леонтьев 1854, 49; Книпович 1949, 26; Шелов 1970, 91–93]. Еще в 1853 г. П. М. Леонтьевым была предпринята попытка поиска жилых кварталов за пределами его визуально прослеживаемой части [Леонтьев 1854, 49]. В 1867 г. В. Г. Тизенгаузен заложил несколько разведочных траншей к западу от основного четырехугольника городища (цитадели), в которых нашел развалы камней от разрушенных построек [Болтунова, Каменецкий, Деоник 1969, 7]. В 1870 г. на этой же территории работал П. И. Хицунов, обнаруживший здесь мощный культурный слой [Хицунов 1869]. Т. Н. Книпович считала, что город обладал двумя «крыльями» жилой застройки с востока и запада [Книпович 1949, 26]. Однако в 1970 г. по результатам исследований Нижне-Донской археологической экспедиции, проводившей работы в Танаисе с 1955 г., Д. Б. Шелов признал эту версию ошибочной, по крайней мере для восточной и северной частей бескурганного пояса. Работы, проводившиеся в 1957–1963 гг. «в достаточно широких масштабах», с несомненностью установили, что «восточного крыла» в том смысле,

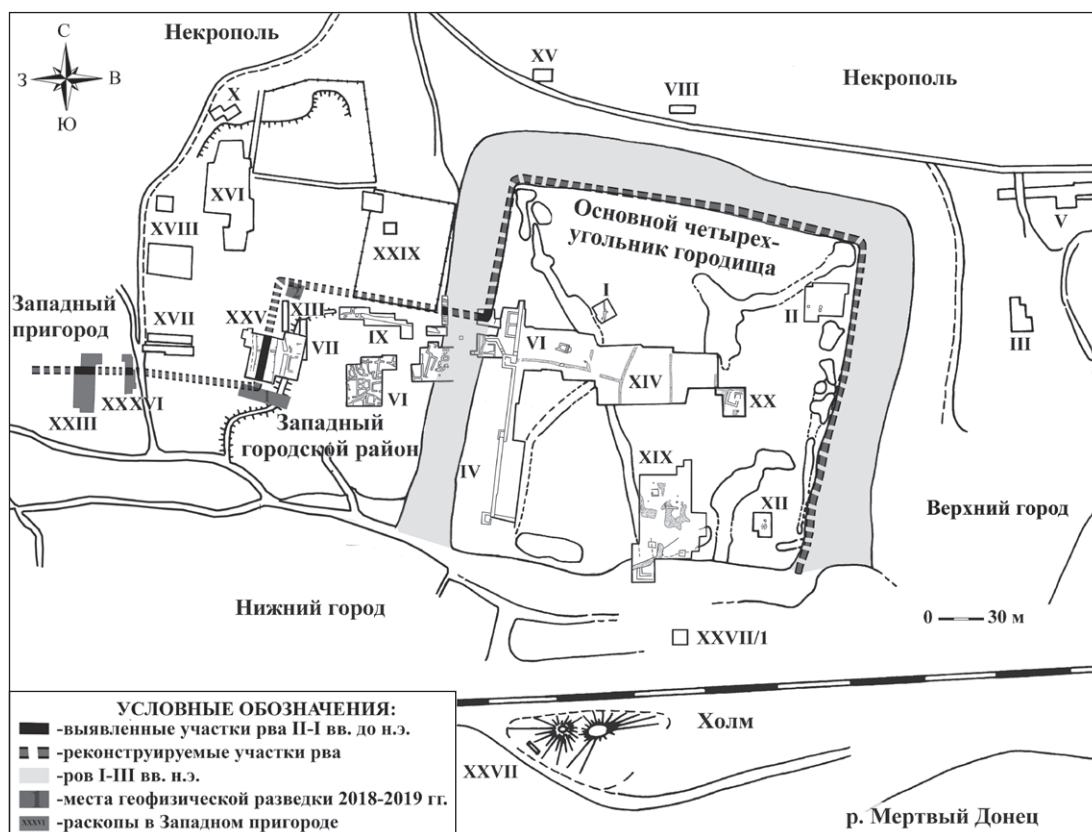

Рис. 1. Схематичный план Танаиса с реконструкцией линии рва эллинистического времени

в каком понимала его Т. Н. Книпович, не существовало [Шелов 1970, 91–93]. В то же время, на участке к западу от цитадели были выявлены жилые кварталы и выяснилось, что эта площадь в III–I вв. до н. э. была застроена каменными домами с мощными внутренними двориками, отделенными друг от друга узкими извилистыми переулками [Шелов 1961, 133; 1962, 78–79; Болтунова 1962, 81–84; Арсеньева 1969, 98–103].

В 1958–1963 гг. на расстоянии 125 м от бровки второй надпойменной террасы был открыт участок мощной оборонительной стены, тянувшейся с запада на восток (раскоп IX) (рис. 1). Стена ограждала с севера жилые постройки, получившего название «Западный район» и была синхронна им [Шелов 1970, 92–93]. В 1962 г. к западу от раскопа IX на раскопе XIII были найдены очень плохо сохранившиеся остатки еще одной оборонительной стены, которая ограничивала с запада вновь открытый район.

Таким образом, казалось, что уже в первой половине 60-х годов XX в. были окончательно определены размеры города III–I вв. до н. э., по крайней мере с запада на восток. Сюда входили весь четырехугольник городища и западный район, который тянулся примерно на 120–150 м [Шелов 1970, 93]. Вместе с тем, исследователи пришли к выводу, что после разгрома Танаиса боспорским царем Полемоном, жизнь здесь прекратилась и территория города замкнулась в пределах упомянутого четырехугольника [Шелов 1970, 91–93].

В 1999 г. в средней части предполагаемой западной границы Западного района был заложен новый раскоп XXV [Sholl 2005, 137–145; Шолль 2008, 307–313 и др.]. Работы здесь продолжались до 2019 г. Изначально представлялось, что результаты исследований не противоречили общим выводам, сделанным в 60–70-е гг. прошлого века: здесь проходила западная граница города. И в подтверждение этому в первые же годы были найдены остатки западной оборонительной стены, а также оборонительный ров, защищавший подступы к ней с запада. Открытый участок рва проходил по линии север–юг и имел ширину по внешнему контуру 12 м. Глубина рва достигала 2,5 м [Ильяшенко, Арсеньева, Науменко 2015, 177–178]. На этом же раскопе были открыты ворота в оборонительной стене, обращенные к западу, и каменная опора моста через ров. Подъезд к мосту с запада был оформлен в виде дороги шириной 2,5–3 м, ограниченной с юга и севера «бордюрами» [Шолль 2008, 308–309]. Обнаружение отрезка западного рва сделало возможным предположение о наличии такого же рва с северной стороны Западного района, что было бы вполне логичным [Ильяшенко 2007, 24–25; Ильяшенко, Арсеньева, Науменко 2015, 186]. Можно считать, что в районе западного конца оборонительной стены, ограничивавшей с севера кварталы эллинистического города на раскопе XIII, он поворачивал вместе со стеной на восток и далее шел к северу от неё в сторону основного четырехугольника городища. Об этом, как будто бы, свидетельствовало то, что открытый при раскопках в 1959–1963 гг. участок стены тянулся по краю небольшой ложбины. Тогда же установили, что «на северном участке обороны имело место лишь небольшое естественное понижение в сторону поля, на западном – оборонительная стена располагалась, видимо, на ровном месте» [Шелов 1970, 129–131]. Такое понижение и может являться началом южного склона рва. Но, к сожалению, раскопки далее на север здесь больше не проводились, так как, по мнению Д. Б. Шелова, перед северной стеной Западного района рва «безусловно, не было» [Шелов 1970, 131]. Если это так, то становится непонятным смысл сооружения участка рва, вновь открытого на раскопе XXV.

В 2010–2012 гг. в западном и восточном склонах рва первых веков нашей эры городской цитадели были обнаружены сохранившиеся участки рва II–I вв. до н. э. [Науменко 2014, 84–89; Ильяшенко, Арсеньева, Науменко 2015, 179–181]. В результате стало возможным определить его присутствие к северу от северной оборонительной стены Западного района. Это явилось подтверждением высказанного ранее предположения о возможном существовании единой системы рвов, окружавших цитадель и Западный район [Ильяшенко 2007, 24–25].

Казалось бы, западная граница эллинистического города вполне установлена с обнаружением в 60-х годах XX в. участка западной оборонительной стены, прекрасно подтвержденной раскопками 1999–2019 гг., если бы не новые открытия. Так, в 1998–2002 гг. при исследованиях в 300 м к западу от цитадели на раскопе XXIII были выявлены остатки жилых и хозяйственных построек (не менее трех усадеб) III–I вв. до н. э., разделенных вымощенными улицами (рис. 1–3). Особенно важным было открытие оборонительной стены и рва, ограничивавших эти жилые кварталы с севера (рис. 2). Данное обстоятельство позволило отказаться от первоначальной версии о присутствии здесь отдельной загородной усадьбы («Западный пригород») и предполагать, что постройки вполне могли относиться к Западному городскому району Танаиса. Тогда линия обороны должна

Рис. 2. Западный городской район и западный пригород Танаиса с обозначением раскопов XXIII и XXXVI и направления северной оборонительной линии западного пригорода. Съемка с квадрокоптера

была продолжаться на восток и через 120–125 м сомкнуться почти под прямым углом у южной части раскопа XXV с открытыми в его контуре оборонительной стеной и рвом (рис. 1, 2). Однако, несмотря на кажущуюся очевидность, подобная версия нуждалась в дополнительных подтверждениях. Из-за современной застройки хутора Надвиговка и интенсивной хозяйственной деятельности предполагаемая линия рва почти не видна в современном рельефе. В связи с этим чрезвычайно важным было провести исследования на отрезке между ранее выявленными участками. С этой целью в 2021 г. в 26 м к востоку от раскопа XXIII и 75 м к западу от раскопа XXV был заложен раскоп XXXVI (рис. 1–3). В результате работ 2021–2024 гг. на нём стала вполне очевидной связь найденных здесь объектов с сооружениями на раскопе XXIII. По этой причине считаем возможным дать для них краткое обобщенное описание.

Всего к настоящему моменту на двух раскопах открыты остатки не менее четырех усадеб, разделенных вымощенными улицами (три – на раскопе XXIII и одна на раскопе XXXVI) (рис. 3). Характер сооружений весьма сходен (рис. 4). Стены всех построек были аккуратно сложены из плотного камня-песчаника, подтесанного с лицевых сторон, и ориентированы по сторонам света. Каждая из открытых усадеб состояла, как правило, из мощеного двора и трех-четырех комнат. В центре некоторых помещений находились округлые очаги, сооруженные поверх глиняных полов. Время их разрушения маркируется находками на полах и в каменных завалах обрушившихся стен фрагментов эллинистических амфор и «мегарских» чаш, а также лепных горшков и кружальных сосудов.

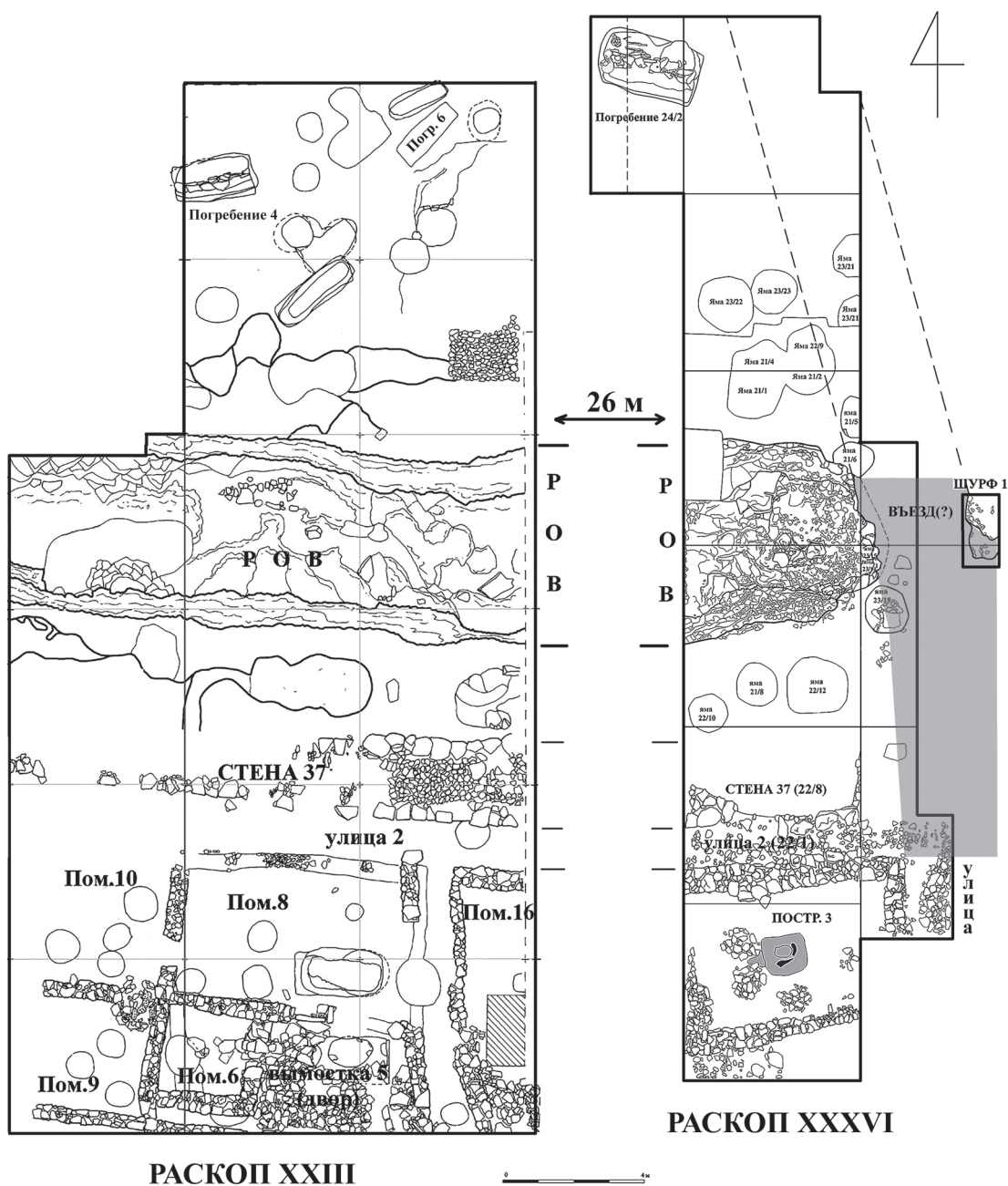

Рис. 3. Западный пригород. Раскопы XXIII и XXXVI. Планы эллинистических строительных остатков и северной оборонительной линии

Рис. 4. Раскоп XXXVI. Эллинистическая постройка 3. Ортофото

Среди тарной керамики преобладают фрагменты родосских амфор, в том числе, с эпонимными клеймами¹: Дамотеция (197–196 гг. до н. э.) [Jöhrens 2001, № 48], Аристодама II (182–164 гг. до н. э.) [Jöhrens 2001, № 23], Ксенофонта (182–176 гг. до н. э.) [Jöhrens 2001, № 155], Тиморрода (162–151 гг. до н. э.) [Jöhrens 2001, № 124], Горгона (154–153 гг. до н. э.) [Jöhrens 2001, № 40]. Отметим, что к наиболее ранним относится фрагмент ручки синопской амфоры с клеймом астинома Мнесия 2, сына Формиона, последней четверти III в. до н. э. [Кац 2007, 435; Sopotić 1998, № 133]. Оно было найдено в хозяйственной яме под полом помещения 14 и, вероятно, могло быть связано с наиболее ранним культурным горизонтом на участке. К этому же слою, видимо, относится и находка красноглиняного веретенообразного флакона с узким цилиндрическим горлом (рис. 5. 4), который был

¹ Всего в различных слоях раскопов XXIII и XXXVI было обнаружено более 100 амфорных ручек с клеймами, часть из которых была опубликована в статье: Jöhrens G. Amphorenstempel hellenistischer Zeit aus Tanais // *Eurasia Antiqua*. Bd. 7, 2001, p. 367–479. Мы так же планируем издать полный свод керамических клейм Западного пригорода отдельной статьей.

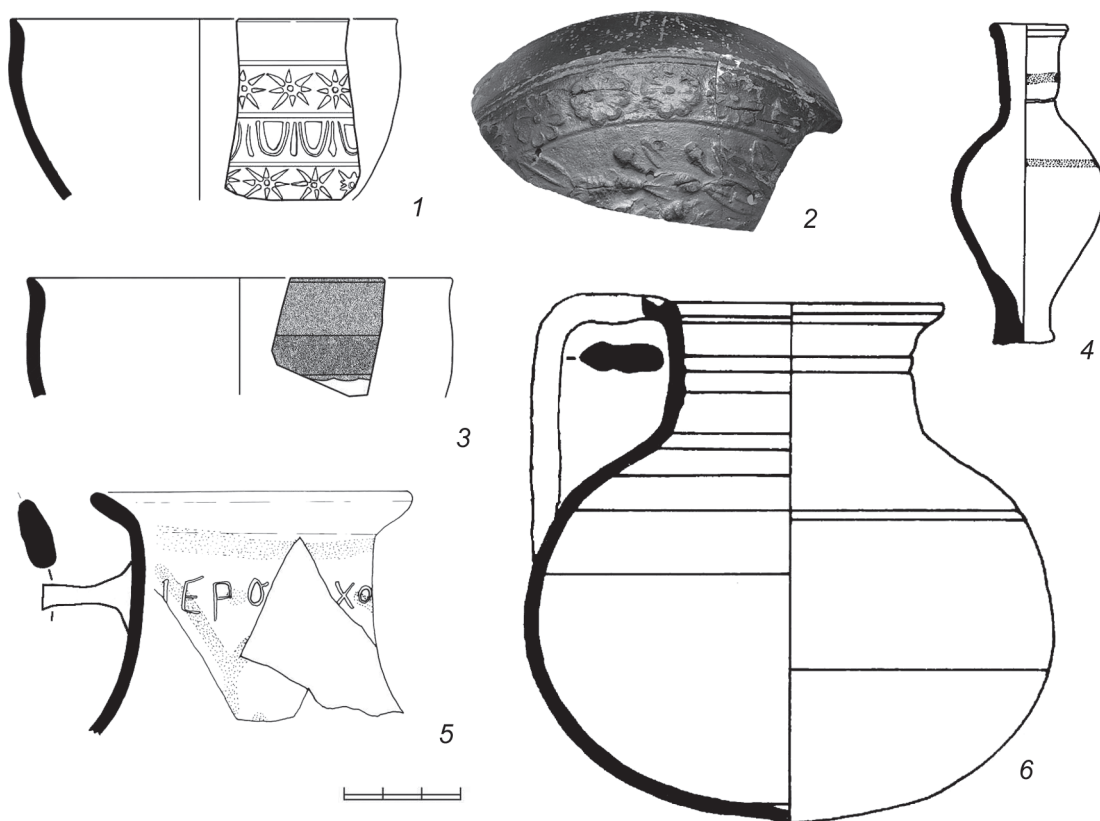

Рис. 5. Находки на полах построек II в. до н. э.: 1–3 – фрагменты мегарских чаш; 4 – флакон красноглиняный; 5 – хитра красноглиняная

вдавлен в пол одной из построек вверх дном. Средняя часть горла и плечиков флакона украшена поясками белой краской. Схожие по форме, пропорциям и способу нанесения орнамента унгвентарии датируют преимущественно в пределах второй половины III – начала II в. до н. э. [например: *Rotroff* 2006, 159, 297, 501; *Иванов* 1963б, 248, 694].

Мегарские чаши (рис. 5. 1–3), судя по форме, глине и особенностям орнамента, представлены образцами эфесского производства конца второй четверти – середины II в. до н. э. [*Bilde* 2024, 304, 325, 367. *ЕРН-511*; 353, *ЕРН-328*, 378]. Довольно разнообразна тонкостенная гончарная посуда. Так, на полу помещения 4 (раскоп XXIII) найдено горло кувшина цилиндрической формы с отогнутым венчиком и сохранившимся верхним прилепом уплощенно-овальной в сечении ручки (рис. 5. 5). Глина оранжево-красная. На горле имеется роспись белой краской по коричневатой-красной обмазке в виде широкой горизонтальной полосы под венчиком и вертикально стоящих повторяющихся изображений стилизованного цветка лотоса. Поверх орнамента нанесено именное (?) граффито: *ΙΕΡΟ* [-] [*ΧΟ* [-]]. Сосуд может быть отнесен ко II в. до н. э. [*Цветашева* 1980, 98]. Из помещения 5 происходит красноглиняная одноручная хитра. Она имеет шаровидное тулово, плавно переходящее в невысокое цилиндрическое горло с горизонтально отогнутым наружу венчиком, профилированным желобком (рис. 5. 6).

Ручка, уплощенно-овальная в сечении, профилирована на внутренней части двумя широкими желобками, согнута в верхней трети под прямым углом и крепится верхним прилепом к краю венчика, а нижним – к средней части тулова. Кухонные сосуды подобных форм распространяются в Аттике во второй половине III в. до н. э. [Rotroff 2006, 305, fig. 73. 580]. Более грубо сделанные хитры характерны для производственных центров Северного Причерноморья [например: Четверкина 2020, 317, 318; 2023, 74; Масленников 2012, 156, рис. 30]. Наш экземпляр можно предположительно отнести к местному боспорскому производству (точнее локализовать центр на данный момент невозможно), подражавшему афинскому типу сосудов *Form 2* (с крышкой) второй половины III – начала II в. до н. э. [Rotroff 2006, 170–171] и датировать не позднее конца этого периода.

В целом, находки позволяют определить время бытования каменных построек не ранее, чем первой половиной II в. до н. э. Однако примечательно, что на раскопе XXIII под массивом каменных сооружений сохранились остатки более ранних построек. Здесь на всей площади удалось проследить почти ровную подсыпку из материковой глины, толщиной до 0,4 м, с помощью которой жители, вероятно, выровняли поверхность для нового строительства. Под этой подсыпкой и под уровнями полов и стен были обнаружены остатки турлучных строений, сохранившихся на высоту до 0,22 м. (рис. 6, 7). Эти стены были сделаны из вкопанных вертикально на расстоянии 0,28–0,35 м одна от другой двух параллельных изгородей, составленных из камышовых связок. Просветы между связками и их поверхности были обмазаны коричневой глиной. Пространство между изгородями было забито материковой глиной и землей. Фасы стены также были обмазаны (отштукатурены) слоем светлой глины. В одном случае, под каменными стенами помещения 8 выявлен почти полный контур прямоугольной турлучной постройки размером: 6,20 м x 4,8 м (рис. 6).

Выяснилось также, что застройка этого раннего горизонта почти совпадала по размерам и расположению с появившимися позднее каменными домами. Это может быть свидетельством скорее смены строительных традиций, нежели владельцев построек, сохранявших границы прежних наделов, но позволивших себе более качественные строения. Отметим, что схожие конструкции были обнаружены в 1999–2000 гг. при раскопках Елизаветовского городища к юго-востоку от Танаиса в дельте Дона. Авторы этих работ относили аналогичные сооружения к концу IV – первой трети III в. до н. э. [Копылов, Марченко, Иванов и др. 2001, 93–94]. В этой связи можно предположить, что первые жители Западного пригорода Танаиса при наличии в округе большого количества камня, из которого уже сооружались постройки на территории городской цитадели, на первом этапе заселения использовали более привычные и дешёвые строительные материалы и техники. При этом нельзя исключить, что таковыми являлись обитатели округа прекратившего к этому времени существование Елизаветовского поселения.

К сожалению, в раннем слое и забутовке стен обнаружены лишь малочисленные и крайне невыразительные фрагменты лепных и кружальных сосудов, которые пока не позволяют определиться с более точной датой. Возможно, с этим вопросом «помогут» погребения некрополя, обнаруженные в непосредственной близости (к северу) от оборонительной линии.

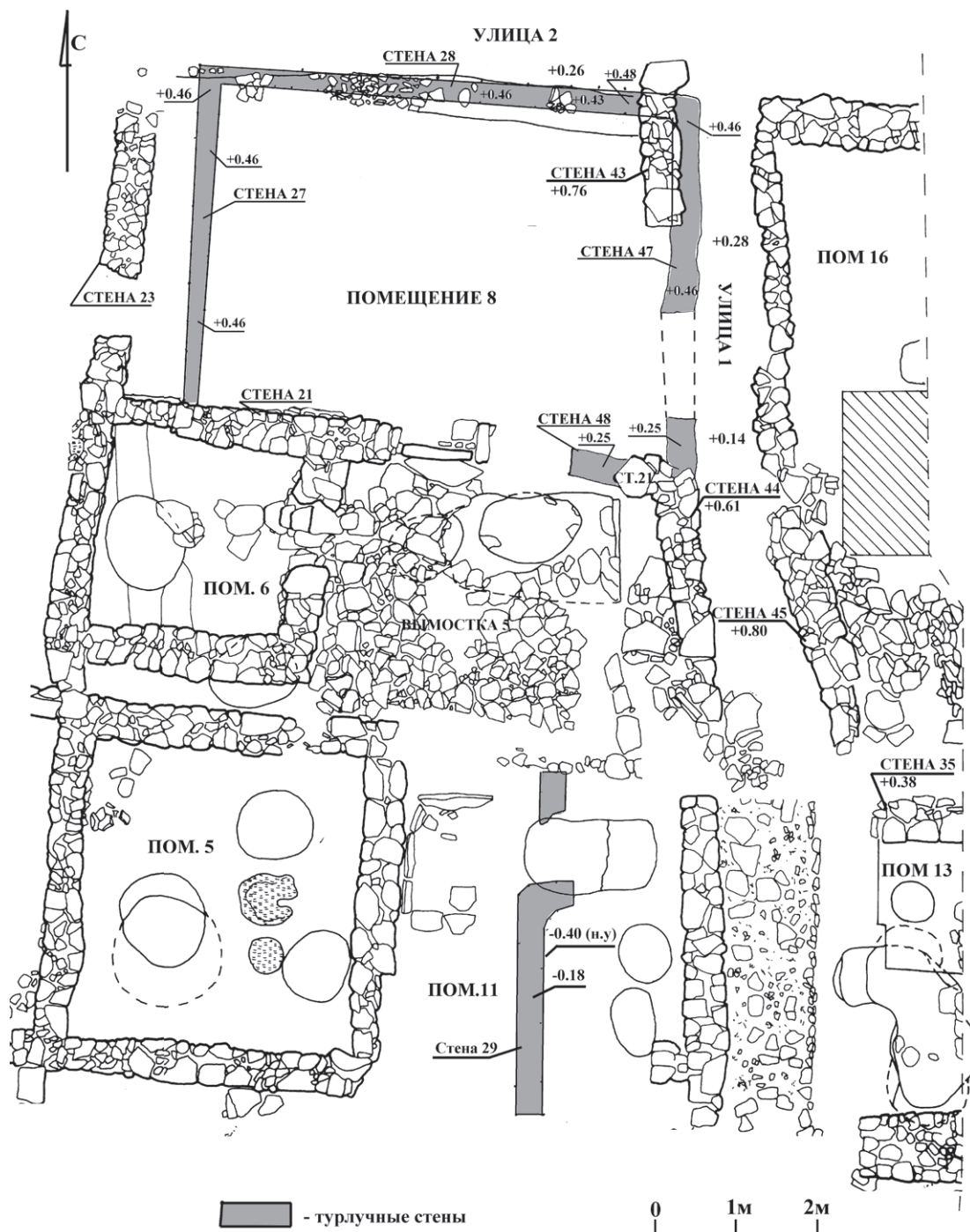

Рис. 6. Раскоп XXIII. Помещения II в. до н. э. и остатки глинобитных сооружений второй половины III в. до н.э.

Рис. 7. Раскоп XXIII. Турлучная стена (ст. 29) под полом помещения 11. Вид с юга

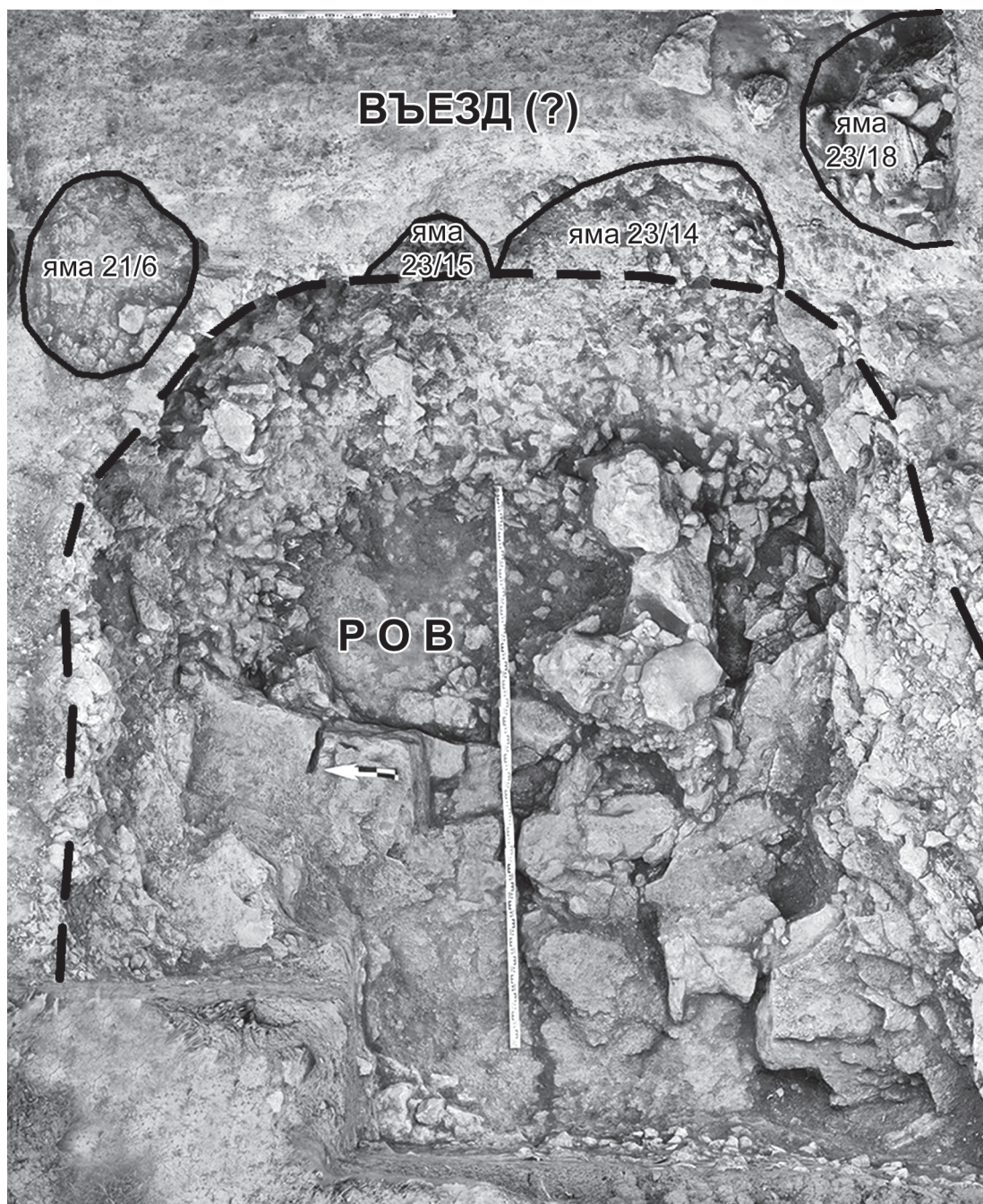
Как отмечалось выше, к северу от построек на раскопе XXIII были найдены остатки оборонительной стены и ров, проходящие по линии запад-восток. Теперь же, благодаря открытию на раскопе XXXVI еще одного участка к востоку, продолжающего предполагаемую линию обороны в сторону цитадели [Ильяшенко, Егорова, Прокофьев 2022, 81–85], можно с большей уверенностью говорить о единой системе рвов Западного района и цитадели в эллинистическое время (рис. 1–2). Общая протяжённость выявленной к настоящему времени северной оборонительной линии Западного пригорода Танаиса составляет 46 м (два открытых участка 15 м и 5 м в 26 м друг от друга). Обобщенные данные по двум раскопам выглядят следующим образом.

Основание оборонительной стены шириной до 2.0/2.1 м было уложено поверх лесовой подсыпки. Стена сохранилась фрагментарно вследствие хозяйственного освоения территории в эпоху средневековья и более позднее время. На площади раскопа XXIII она открыта на протяжении 15 м, но большая часть, за исключением отрезка в 3.46 м длиной, угадывалась по направлению лежавших *in situ* крупных камней. В раскопе XXXVI остался только небольшой участок южного фаса и контур развала камней. Тем не менее, можно характеризовать конструкцию в целом. Стена была сложена из плотного песчаника, в технике трёхрядной, двухлицевой кладки, которая сохранилась на высоту в 1–2 рядов крупных камней (фасовые части), подтесанных по лицу. Плотная забутовка состояла из мелких и средних необработанных камней.

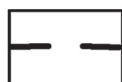
В верхнем горизонте этой забутовки обнаружены небольшие фрагменты псевдокосских амфор I в. до н. э. – I в. н. э. Вполне вероятно, что относительно поздний материал попал в кладку в результате ремонта или разрушения конструкции.

Между северным контуром усадеб и оборонительной стеной проходила улица шириной 1.20–1.50 м, вымощенная мелкими и средними камнями (рис. 3). На расстоянии 1.5–2.0 м к северу от стены, параллельно ей располагался подтрапециевидный в сечении ров. В верхней части он был вырыт в материковой глине, в нижней – на глубину ок. 1,5 м вырублен в скале (рис. 8). Ширина рва по верхнему контуру колебалась от 10 до 11 м, по дну – до 3,70 м. В восточной части раскопа XXXVI обнаружена скальная перемычка во рву, вероятно, оставленная для въезда (рис. 9). Глубина рва от основания оборонительной стены доходила до 2,60 м. Крутизна его склонов определяется по вырубке скалы. Самые верхние сегменты – более пологие, нижние – неровные, на некоторых участках почти отвесные. Особенно хорошо это читается на отдельных отрезках эскарпа, кромка которого не была пробита поздними ямами. Угол наклона в его нижней части ок. 65°. Угол наклона контрэскарпа составлял 45°. Глинистая поверхность склонов частично смыта на дно, очевидно, в некоторых местах съехала и часть камней. Наклон бермы близ оборонительной стены достигал ок. 10°, длина склонов – ок. 5 м. Высота контрэскарпа, вероятно, была незначительно увеличена за счет желтого предматерикового суглинка, отсыпанного на внешний склон рва при его сооружении. Контур этого «кавальера» читается в восточном и западном бортах раскопа XXXVI (рис. 10. 1). С севера и юга на этом участке он подрезан поздними ямами, что осложняет точное определение его ширины. Реконструируемая ширина могла составлять ок. 4.5–5.0 м. Верх перекрыт средневековой вымосткой и, видимо, был подрезан при ее строительстве. В средней части внутреннего склона рва прослежен сильно замытый и поврежденный перекопами уступ, шириной до 0.3 м, не сохранившийся у его восточной оконечности. Дно рва неровное, бугристое. Вдоль основания эскарпа на двух участках на нем зафиксированы крупные камни, располагавшиеся в линию, которые можно интерпретировать как остатки подпорной стены (рис. 8. 1, 3; 9). На небольшом участке дна, в его восточной части (в пределах раскопа XXXVI) были зафиксированы следы вырубки камня (рис. 10. 2), которые показывают, что порода выбиралась относительно ровными подпрямоугольными кусками средних размеров (со стороны от 0.60 до 0.80 м) очевидно для удобства ее дальнейшего использования в городском строительстве.

С востока ров имел подпрямоугольное скальное завершение (рис. 9). Этот почти вертикальный склон был сильно поврежден поздними ямами. Из-за невозможности увеличить площадь раскопа, ограниченного с востока современным узким проездом, полностью был открыт только западный контур скальной перемычки. Восточный выявлен частично, в шурфе, размером 2×1 м (рис. 3). Ее ширина составила около 2.7 м, но учитывая повреждения ямами кромки скалы с обеих сторон, могла достигать до 3.5 м. Можно предположить, что по этой перемычке в период функционирования рва осуществлялся въезд в Западный пригород Танаиса. Ее размеры не противоречат общим правилам сооружения въездов в город в первые века до нашей эры. Например, известные к настоящему времени ворота в западной оборонительной стене цитадели имели ширину 1.60 м при ширине подъезда к ней около 4 м [Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2010, 316; Ильяшенко, Арсеньева, Науменко 2015, 180, рис. 9]. Ширина входа в Западный городской район, открытого на раскопе XXV, достигала 1.70 м, а подводящий к нему через ров мост имел ширину не менее 3 м [Ильяшенко, Арсеньева, Науменко 2015, 178, рис. 4].

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- границы рва по контуру
вырубки скалы

- границы поздних ям

Рис. 9. Восточная оконечность рва и перемычка въезда (?)
в границах раскопа XXXVI, вид сверху

1

2

Рис. 10. Раскоп XXXVI: 1 – «кавальер» рва в восточном борту раскопа, вид с запада;
2 – скальное дно рва со следами вырубki камня, вид с севера, сверху

Направление въезда и, вероятно, дороги, которая шла от него в сторону степи, не вело строго на север, а имело небольшое (ок. 15°) отклонение к западу. Нечто подобное было зафиксировано и при упомянутых выше западных воротах цитадели. Это обстоятельство, видимо, повышало эффективность контроля с высоты оборонительных стен, что было важным при отсутствии башен. Вероятно, с такой же целью фланкирующие вход в Западный район стены сооружены под углом 150° друг к другу (принцип так называемых «косых куртин») [Ильяшенко, Арсеньева, Науменко 2015, 179]. Отсутствие прямого подхода отмечено также и у южных ворот цитадели [Ильяшенко 2013, 172–173]. Нужно оговориться, что на остальной части раскопа полотно дороги не прослеживалось в связи с тем, что вся соответствующая площадь была повреждена средневековым строительством: здесь открыты несколько слоев вымостки, для устройства которой было проведено разравнивание поверхности. В результате были повреждены вершина кавальера, а также заглубленная на 0.7 м относительно этой вымостки средневековая постройка и погребение римского времени. Оборонительная стена в районе перемычки, к сожалению, была полностью разрушена, что не позволяет судить о конструкции её въездной части и ширине ворот. Однако восточная стена постройки 3 (ближайшего к въезду помещения одной из усадеб) ориентирована строго с севера на юг, и условное продление ее линии на север выходит непосредственно на юго-западный угол перемычки, гипотетически продолжая линию въезда. К востоку от этой стены зафиксирован небольшой участок каменной вымостки (1.40 м в ширину), уходивший в восточный борт раскопа. Он был выложен камнями мелких и средних размеров и пересекался с улицей, отделявшей оборонительную стену от внутренней застройки. Можно предположить, что это и было частью мощеной улицы, которая вела от въездных ворот внутрь Западного пригорода.

О хронологии северной линии обороны Западного пригорода Танаиса можно судить по ряду находок. Так, в основании оборонительной стены была обнаружена «очажная конструкция», которую можно предположительно интерпретировать как жертвенник (рис. 11. 1). Первоначально, вероятно, имевшая прямоугольную форму со сторонами 0.60×1.00 м (вытянута по линии запад-восток), она состояла из трех параллельных рядов поставленных на ребро плоских камней среднего размера, ориентированных по линии север-юг. Между камнями зафиксированы зола, куски обожженной глины и фрагментированные чернолаковые сосуды: канфар с S-овидным профилем, три тарелки и одна глубокая миска с загнутым внутрь краем (рис. 11. 2–6). Подобные жертвенники встречались на некрополе Танаиса как отдельно стоящие объекты эллинистического времени [Беспалый 2023, 513].

Датировки канфаров с S-овидным профилем до сих пор остаются дискуссионными, и в значительной степени зависят от центра производства конкретных экземпляров [подробнее: Циркунова 2008, 383–384; Егорова 2017, 73–78; Егорова 2018, 510–520]. В данном случае пергамское производство сосуда можно считать установленным по совокупности признаков: характеристикам теста и примесей в нем, морфологии и характеру нанесения орнамента. Черепок на сломе имеет красноватый оттенок, довольно плотную структуру и незначительное содержание примесей слюды, являющееся естественными для местных осадочных пород, а также мелкие частицы извести, использовавшиеся

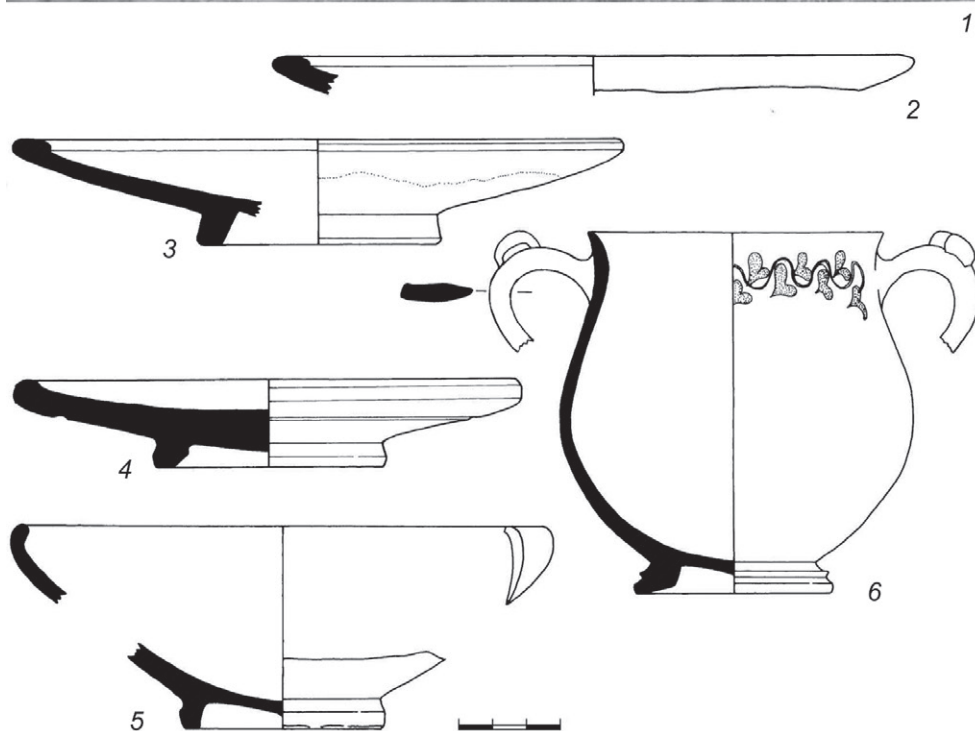

Рис. 11. Раскоп XXIII. Жертвенник в основании оборонительной стены и находки из него: 1 – вид на конструкцию сверху; 2–4 – чернолаковые тарелки; 5 – чернолаковая миска; 6 – чернолаковый канфар с S-видным профилем

в качестве отощителя. Аналогичные характеристики глин пергамских сосудов приводит Сара Япп [Japp 2009, 198–199]. По форме канфар относится ко второй фазе по Дорис Бер и может быть датирован от конца III до третьей четверти II в. до н. э. [Behr 1988, 113–115]. Обнаруженные в комплексе тарелки с валикообразным краем сделаны из схожей глины, но без включений слюды, наличие которой не является обязательным для пергамской посуды, а зависит от степени очистки сырья. Йорг Шэфер датировал подобные формы концом III – началом II в. до н. э. [Schäfer 1968, 34, taf. 1. C2]. Глубокие миски с загнутым внутрь краем, типологически близкие найденной в этом комплексе, выпускались долго – от середины III до конца II столетия.

Находки в заполнении рва не были хронологически однородными. Нижний горизонт, отделявший засыпь от скальной поверхности, состоял из желто-коричневого суглинка. Вероятно, он был сформирован в результате смыва желтой материковой глины на ранних этапах его существования. В слое найдено небольшое количество костей животных, фрагменты лепных и кружальных сосудов, а также амфорных ручек с клеймами от последней четверти III до конца первой четверти II вв. до н. э. Среди них клейма синопских астиномов Тейсимаха, сына Феопомпа (конец III – первое десятилетие II в. до н. э. [Garlan 2004, VI, № 147–164; Conovici 1998, Ve, № 161; Кац 2015, 82, № 1365; Кац 2007, 436, VII МГ, № 16]. В этом же слое в придонной части южного склона рва обнаружен плоскодонный лепной горшок-курильница с четырьмя сквозными симметрично расположенными отверстиями на плечиках, украшенный там же и на горле волнистой вертикальной линией (рис. 12. 2).

Поверх затёчного слоя лежал горизонт засыпи, нижний уровень которого был насыщен разноразмерными камнями. Клейма на ручках амфор из этого слоя относились к концу III – 40-м годам II в. до н. э. Здесь же найдены фрагменты лепных и кружальных сосудов первых веков до н. э., мелкие обломки «мегарских» чаш, а также большое количество боспорских кувшинчиковых светильников (рис. 12. 3, 4), относящихся типу 3 по Д. В. Журавлеву и датирующихся в пределах конца III – первой половины II в. до н. э. [Журавлев 2010, 265, 267–270]. Отсюда же происходят разрозненные человеческие кости и каменное антропоморфное надгробие (рис. 12. 1).

Слои засыпи и затеков рва перекрывали каменные завалы, образовавшиеся вероятно, после окончательного запустения района не позднее рубежа эр.

К сожалению, в установлении первоначальной даты сооружения рва существуют определенные трудности. Рвы могли периодически чистить или расширять, но они могли и постепенно «затекать» и замусориваться, не теряя при этом своего основного предназначения [Winter 1971, 269 ff.; Lawrence 1979, 279]. По этой причине их хронологию чаще всего рассматривают в комплексе с оборонительными стенами и прилегающими жилыми кварталами. В нашем случае можно предположить, что часть глины, вынутой при рытье рва, использовалась для засыпки остатков ранних турлучных стен и нивелировки поверхности перед постройкой новых сооружений из камня. Судя по найденному в слоях материалу, это могло происходить в конце III – первой половине II в. до н. э.

Далее на север, за линией рва построек эллинистического времени не обнаружено. К началу I в. н. э. ров почти полностью затек грунтом, район был окончательно заброшен, а слои городских построек пробиты погребениями некрополя первых веков

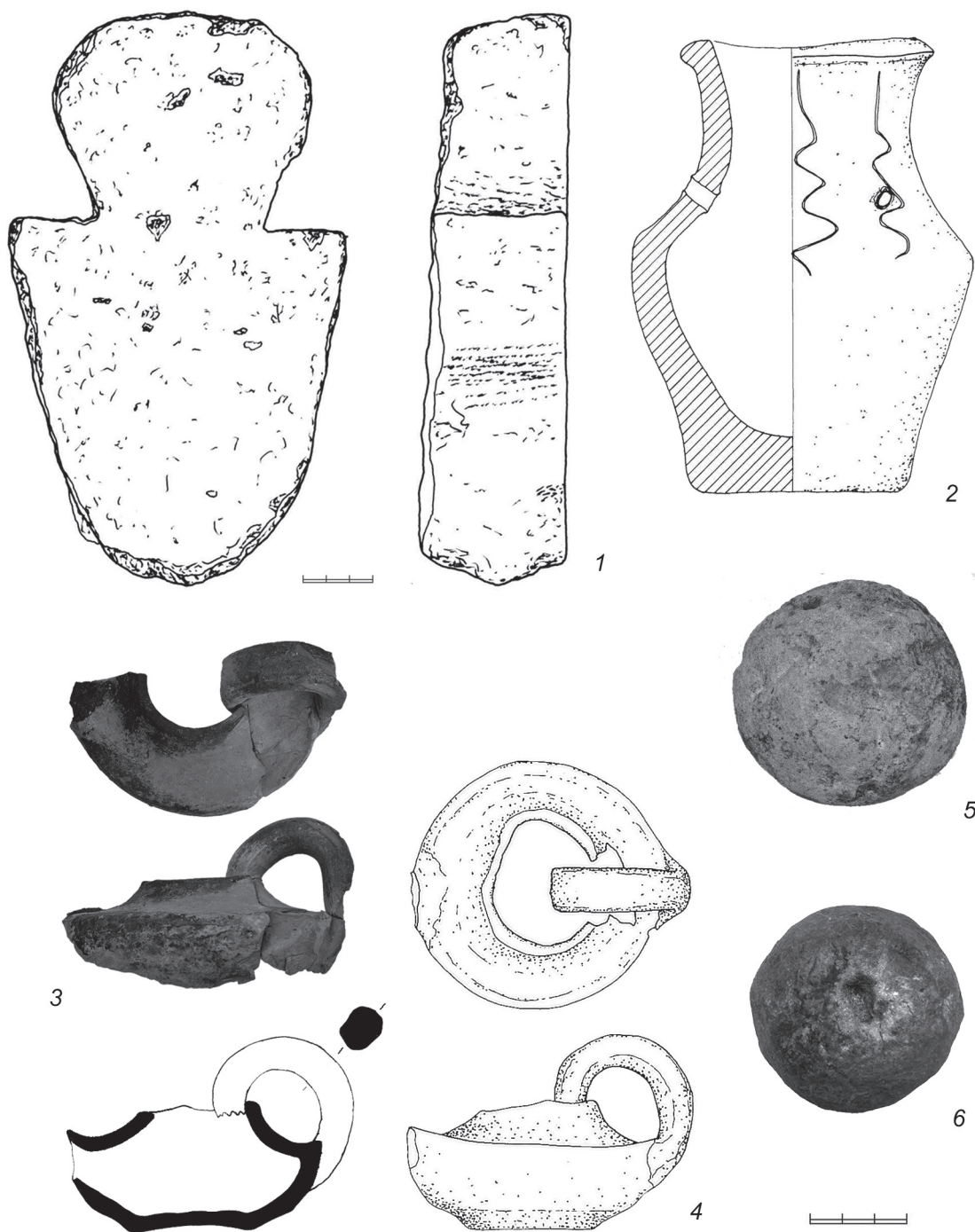

Рис. 12. Находки из слоев заполнения придонной части рва:
1 – антропоморфное каменное надгробие; 2 – курительница лепная;
3, 4 – светильники; 5, 6 – каменные ядра

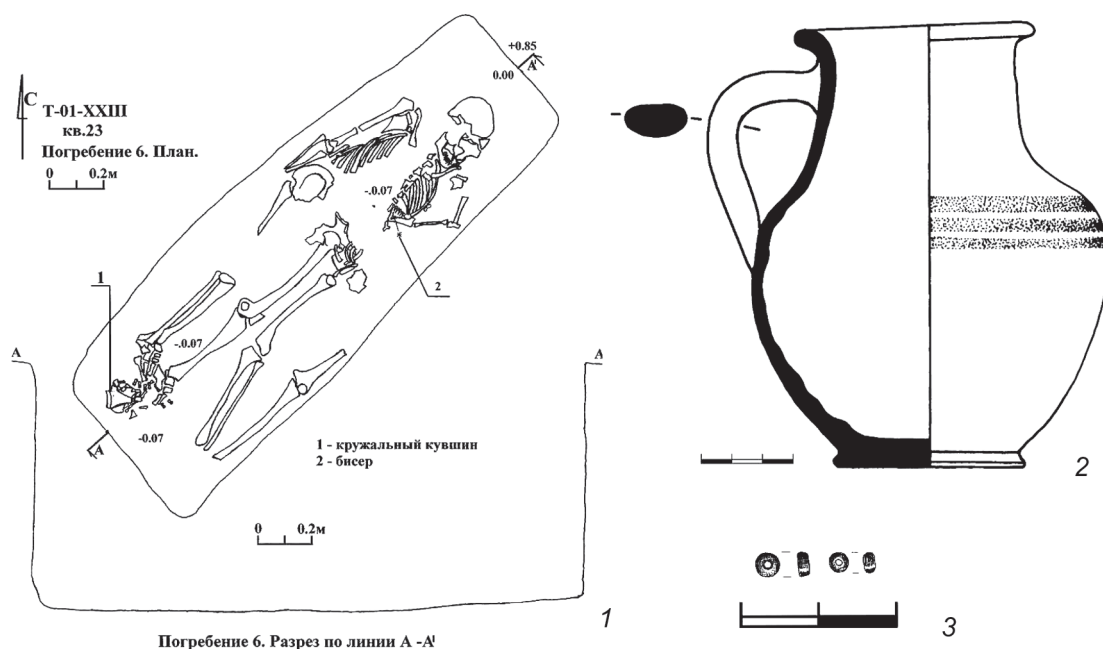

Рис. 13. Эллинистическое погребение 6: 1 – план и разрез;
2 – кувшин красноглиняный; 3 – бусы стеклянные

нашей эры. Однако примечательно, что погребения, которые могут соответствовать времени существования Западного пригорода, обнаружены лишь к северу от рва и оборонительной стены. Их описание приводим ниже.

Погребение 6 (рис. 3, 13) выявлено в 8.0 м к северу от скальной кромки контрэскарпа рва, открытого на раскопе XXIII на глубине до 0.92 м в материковой глине. Это яма прямоугольной формы с закругленными углами, отвесными неровными стенками и ровным дном. Размеры по дну: ширина 0.52 м (СВ стенка), 0.66 м (ЮЗ стенка); длина 2.01 м. Вытянута по линии: северо-восток – юго-запад. На дне вплотную друг к другу лежало два скелета.

Костяк № 1. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток, череп лицевой частью обращен на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища, кости правой руки отсутствуют. Ноги – вытянуты.

Костяк № 2. Скелет взрослого человека с юго-востока от костяка № 1, параллельно ему. Сохранились фрагменты тазовых костей и кости ног без стоп. Нижняя челюсть находилась у нижней части левой стороны грудной клетки костяка № 1. Судя по остаткам, погребенный, как и первый, лежал вытянуто на спине головой на северо-восток. Инвентарь погребения позволяет датировать его в пределах конца III–II в. до н. э. Под нижней челюстью костяка № 2 обнаружен бисер (рис. 13. 2): две бисерины округлой формы из темно-синего прозрачного стекла и одна рубленая коротко-цилиндрической формы, изготовленный из глухого темно-синего стекла. К западу от стопы правой ноги костяка № 1 лежал гончарный светлоглиняный плоскодонный кувшин (рис. 13. 3). Горло невысокое, цилиндрическое, с горизонтально отогнутым наружу венчиком.

Уплощенно-овальная в сечении ручка крепилась к средней части плечиков и под венчиком. Верхняя часть тулова украшена тремя рядами горизонтальных линий, нанесенных красной краской.

Более раннее погребение (погр. 24/2) обнаружено на раскопе XXXVI в 9.0 м к северу от скальной кромки контрэскарпа рва, в 1 м от предполагаемой линии дороги/въезда (рис. 3. 14). Погребальная конструкция подбойного типа, ориентированная длинными осями по линии запад-восток с небольшим отклонением к северу. Нижняя часть могилы выкопана в материковой глине, верхняя – пробита поздними ямами и впущенной в грунт средневековой постройкой. Глубина от зафиксированного пятна 0.94 м. Входная камера прямоугольная в плане с закругленными углами, дно ровное. Ее длина 2.45 м, ширина – около 0.6 м. Стенки прямые, отвесные. Заполнение – плотная материковая глина. Погребальная камера (подбой) устроена в длинной южной стенке и заложена закладом из необработанных камней, поставленных в одну линию на ребро и слегка наклоненных в ее сторону. Выявлена небольшая ступенька высотой 0.1 м. Камера подпрямоугольная в плане со скругленными углами шириной 0.55 м, длиной 2.50 м. По северной стенке сохранилась часть оплывшего свода, первоначальной высотой около 0.6 м. От погребенного мужчины 30–49 лет² остались кости ног и часть кисти правой руки. Остальной костяк уничтожен хозяйственной ямой, по-видимому, первых веков нашей эры.

Из погребального инвентаря отметим родосскую амфору, установленную у западной стенки входной ямы (рис. 14. 2, 3). Она относится к типу с высоким горлом варианта I-C по С.Ю. Монахову (или амфоры мирмекийского варианта), датируемого в промежутке от 80 до 40 годов III в. до н. э. [Монахов 2003, 116, 310, табл. 80. 2]. На обеих ручках оттиснуты прямоугольные клейма, одно из которых принадлежит эпониму Феодору I:

ἐπί Θεῦ

δώρου

238 г. до н.э. по [Finkelstein 2001, 188: Period Ic; <http://amphoralex.org/> Штамп: RE-ΘΕΥΔΩΡΟΣ 01-02].

Клеймо на второй ручке, так же прямоугольное, сохранилось гораздо хуже. Предположительно его можно восстановить следующим образом:

K[ρῆοντο]ς

[-----]

[<http://amphoralex.org/> Штамп: RF-KPEΩN-BAΔΠOMIOΣ-005].

Клейма фабриканта Креона 1 известны в сочетании с эпонимом Феодором I [Cankardeş-Şenol 2015, р. ΘΕΥΔΩΡΟΣ I].

В самой погребальной камере в ногах погребенного справа от ступней стоял красноглиняный кувшин предположительно боспорского производства с растругообразным венчиком, высоким горлом и туловом на кольцевом поддоне. Ручка уплощенно-овальной формы профилирована по внешней поверхности двумя желобками; у верхнего крепления с двух сторон – полукруглые налепы (рис. 14. 4). Типологически близкий сосуд, но меньших размеров происходит из жертвенника эллинистического

² Определение Н.Г. Свиркиной

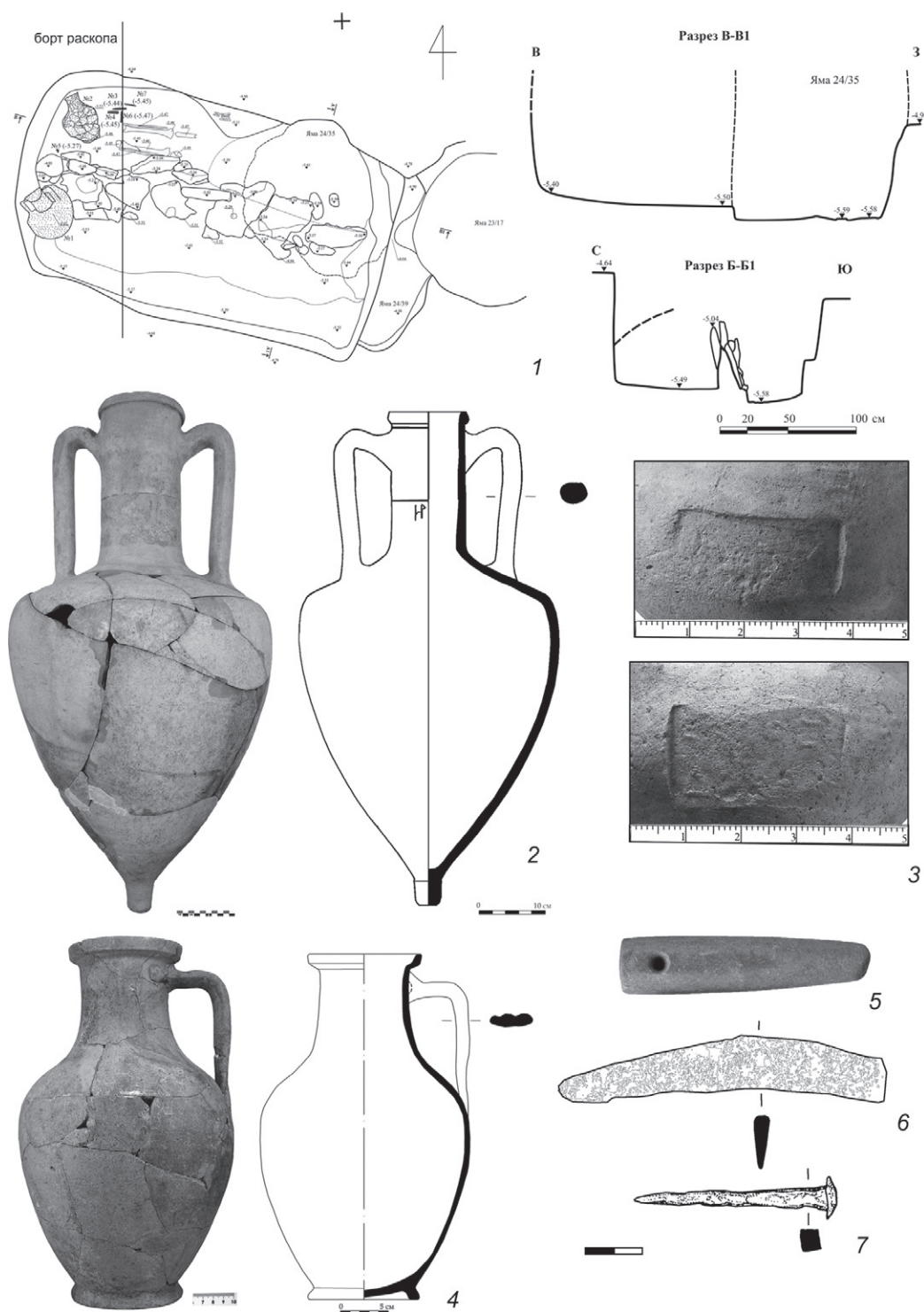

Рис. 14. Эллинистическое погребение 24/2: 1 – план и разрезы; 2 – родосская амфора; 3 – клейма на ручках родосской амфоры; 4 – кувшин красноглиняный; 5 – оселок; 6 – нож железный; 7 – гвоздь бронзовый

времени западного некрополя Танаиса (объект 72) [Беспалый 2023, 426, 522, рис. 520. 10]. Под ним был найден бронзовый гвоздь. У нижней части правой голени лежали два фрагмента железного ножа и оселок (рис. 14. 5, 6). Судя по их расположению, они были сложены в мешочек, который не сохранился.

Таким образом, погребение было совершено в 30-е годы III в. до н. э. К настоящему времени это первое погребение некрополя Танаиса, которое на основании клейменной амфоры можно уверенно отнести к III в. до н. э. Вероятно, оно появилось еще до сооружения рва и оборонительной стены вблизи уже существовавшего городского района с турлучными постройками. Отметим, что родосская амфора аналогичной формы с клеймом того же эпонима была найдена при исследовании подвала ИО, сложенного из камня в западной части цитадели. В этом же подвале находилась синопская амфора с клеймом астинома Антипатра 1 [Арсеньева, Бёттгер, Науменко 2001, 92, рис. 28. 1, 2].

Территория некрополя постепенно расширялась вместе с растущим городом. Не исключено, что в ходе сооружения оборонительной линии часть ранних могил, располагавшихся в непосредственной близости от жилых кварталов, были снесены или оказались смыты в ров при сезонных осадках. Этим можно объяснить присутствие в его засыпи разрозненных человеческих костей с остатками погребального инвентаря и каменного антропоморфного надгробия.

Итак, в результате работ 1998–2002 гг. и 2020–2024 гг. можно уверенно говорить о существовании к западу от цитадели, по крайней мере, с третьей четверти III в. до н. э. единого городского района с общей оборонительной линией. Это вполне подтверждают вновь открытые на раскопе XXXVI участок оборонительного рва и жилой застройки, совпадающие по времени бытования и конфигурациям с теми, что исследованы ранее к западу и востоку от них. Здесь же выявлено вероятное место еще одного въезда в город со стороны степи в виде скальной перемычки в линии рва, шириной около 3 м. Очевидно, что северная оборонительная стена и ров Западного пригорода продолжались на восток и приблизительно через 90 м поворачивали на север, ограждая западную границу Западного района. Далее, на расстоянии около 70 м к северу, стена и ров вновь поворачивали на восток, в направлении цитадели Танаиса. Эти повороты пока не открыты. Однако геофизические исследования, проведенные в 2018–2019 гг., показали обоснованность такого предположения [Misiewicz, Matera, 2024, P. 199–219]. Кроме того, по результатам этих работ была высказана гипотеза о возможном расположении оборонительной башни на месте стыка стен в северо-западном углу Западного района. Это вполне логично, учитывая то, что стены в этом месте должны были смыкаться под углом, направленным в степь. Продолжение раскопок позволит уточнить сведения о городской территории к западу от цитадели Танаиса и получить новые данные о ее хронологии.

Список литературы

- Арсеньева Т. М. 1969. Исследование вала на западном участке городища Танаис (1957 г.) // *Античные древности Подонья–Приазовья*. М., 98–103.
- Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А. 2010. Археологические исследования и открытия о хронологии Древнего Танаиса // *ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. 1. М.–Киев, 12–21.
- Арсеньева Т. М., Бёттгер Б., Науменко С. А. 2001. К истории эллинистического Танаиса // *ПИФК*. IX, 84–120.
- Беспалый Г. Е. 2023. Некрополь Танаиса. Полевые исследования участка западного некрополя в 2012 г. Т. 1. Ростов-на-Дону, 454.
- Беспалый Г. Е. 2023а. Некрополь Танаиса. Полевые исследования участка западного некрополя в 2012 г. Т. 2. Ростов-на-Дону, 564.
- Болтунова А. И. 1962. Ранний Танаис // *Археологические раскопки на Дону*. Ростов-на-Дону, 78–94.
- Болтунова А. И., Каменецкий И. С., Деоник Д. В. 1969. Раскопки западного района Танаиса (1957–1960 гг.) // *Античные древности Подонья–Приазовья*. М., 6–97.
- Егорова Т. В. 2017. К вопросу о датировке S-видных эллинистических канфаров // *Античные реликвии Херсонеса: Открытия, находки, теории. Материалы международной научн. конф., Севастополь, 10–12 октября 2017 г. Саки*, 73–79.
- Егорова Т. В. 2018. Еще раз об S-видных эллинистических канфарах // *Причерноморье в Античное и раннесредневековое время. Сб. научн. трудов, посвященный 70-летию профессора В. П. Копылова*. Ростов-на-Дону, 510–520.
- Иванов Т. 1963. Антична керамика от некрополя на Аполония // *Аполония. Разкопките в некрополя на Аполония през 1947–1949 г.* София, 65–273.
- Журавлев Д. В. 2010. О боспорских светильниках типа «кувшинчика» // *ПИФК*. 1, 264–276.
- Ильяшенко С. М. 2007. Верхний и Нижний город Танаиса (предварительные наблюдения) // *Вестник Танаиса*. 2, 23–39.
- Ильяшенко С. М., Арсеньева Т. М., Науменко С. А. 2015. Оборонительные рвы Танаиса во II–I вв. до н. э. // *С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова*. М., 174–188.
- Ильяшенко С. М., Егорова Т. В., Прокофьев И. А. 2022. Новые данные о северной границе Западного пригорода Танаиса // *История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научн. конф. Севастополь, 25–29 сентября 2022 г.* Севастополь, 81–85.
- Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // *БИ. XVIII. Симферополь–Керчь*, 480.

- Кац В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище. Каталог. Саратов, 180.
- Книпович Т. Н. 1949. Танаис (историко-археологическое исследование). М.-Л., 179.
- Копылов В. П., Марченко К. К., Иванов А. А., Коваленко А. Н., Янгулов С. Ю. 2001. Итоги исследований Елизаветовского городища на Дону в 1999–2000 гг. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Азов, 93–100.
- Леонтьев П. М. 1854. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сб. статей по классической древности. IV, 397–524.
- Масленников А. А. 2012. Простая тонкостенная и толстостенная кухонно-столовая посуда и тара // ДБ. Suppl. III/2. М., 116–164.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М., 352.
- Науменко С. А. 2014. Исследование западного оборонительного рва цитадели Танаиса в 2012 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2012 г. 28. Азов, 84–98.
- Хицунов П. И. 1869. Извлечения из журнала археологических разысканий, произведенных надворным советником П. И. Хицуновым на развалинах древнего Танаиса. Рукопись. Архив ЛОИА (ИАК). Д. № 10. Л. 39.
- Цветаева Г. А. 1980. Расписная керамика Горгиппии (по материалам раскопок 1960 гг.) // Горгиппия I. Материалы анапской археологической экспедиции. Краснодар, 74–102.
- Циркунова И. В. 2008. Чернолаковый канфар из Западного пригорода Танаиса // *Novensia. Studia i materialy*. 18–19. Warszawa, 381–385.
- Четверкина Е. В. 2020. Кухонная керамика в ритуальных и погребальных комплексах Боспора // АВ. 29, 314–321.
- Шелов Д. Б. 1961. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1957–1958 гг. // КСИА. 83, 126–135.
- Шелов Д. Б. 1962. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1960 г. // КСИА. 91, 78–82.
- Шелов Д. Б. 1970. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 249.
- Шоль Т. 2008. Десять лет раскопок Варшавского университета в Танаисе // *Novensia. Studia i materialy* 18–19. Warszawa, 307–338.
- Behr D. 1988. Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik // *Istanbuler Mitteilungen*. 38, 97–178.
- Cankardeş-Şenol G. 2015. Lexicon of Eponym Dies on Rhodian Amphora Stamps. 2. Eponyms B-K (Études Alexandrines 35, Amphoralex 4). Alexandrie.
- Conovici N. 1998. Histria: Les résultats des fouilles. VIII. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbrées comprises). Bucureşti-Paris, 206.
- Garlan Y. 2004. Les timbres ceramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue (Varia Anatolica. XVI). Paris, 310.
- Japp S. 2009. Archäometrisch-archäologische Untersuchungen an Keramik aus Pergamon und Umgebung // *Istanbuler Mitteilungen*. 59, 193–268.
- Jöhrens G. 2001. Amphorenstempel hellenistischer Zeit aus Tanais // *Eurasia Antiqua*. 7, 367–479.
- Lawrence A. W. 1979. Greek Aims in Fortification. Oxford, 483.

- Misiewicz K., Matera M. 2024. The Fortifications of Western Tanais in the Light of Archaeology and Geophysics. Results of Electrical Resistivity Measurements in 2018 and 2019 // ŚWIATOWIT. Supplement Series C: Pontica et Caucasia. IV. Chrysomallos Polish Archaeologists in the Black Sea Region. Warsaw, 199–219.
- Rotroff S. I. 2006. Hellenistic Pottery: The Plain Wares // The Athenian Agora. XXXIII. Princeton, 444.
- Schäfer J. 1968. Hellenistische Keramik aus Pergamon // Pergamenische Forschungen. 2. Berlin, 161.
- Scholl T. 2005. The Fortifications of Tanais in the Light of Warsaw University Excavations // Études et Travaux. XX, 247–259.
- Winter F. E. 1971. Greek Fortifications. Toronto–Buffalo, 370.

Summary

S. M. Ilyashenko, T. V. Egorova
New data on the “Western suburb” of Tanais.

The article is devoted to the chronology and fortification of the “Western suburb” of Hellenistic Tanais. According to archaeological studies 1998–2002 and 2021–2024 important information was obtained, that allows us to speak confidently about the existence to the west of the citadel, at least since the third quarter of the 3rd century BC, of a single urban area with a common system of defensive structures. In recent years, in addition to the discovery of a continuation of the defensive ditch and residential development, coinciding in time of existence and configuration with those previously explored to the west and east of them, a probable location of another entrance to the city from the steppe was identified in the form of a rocky isthmus in the line of the ditch, about 3 m wide. It cannot be ruled out that during the construction of the defensive line, part of the early necropolis was damaged, including that left by the first inhabitants of the Western suburbs, who lived in adobe houses.

Д. В. Журавлев*, К. Б. Фирсов*, У. Шлотцауер**

(* Государственный исторический музей, г. Москва;

** Евразийский отдел Германского археологического института, г. Берлин)

Поселение Стрелка 2: результаты исследований 2012–2016 гг.

В 2012–2016 гг. Боспорской археологической экспедицией Государственного исторического музея совместно с Евразийским отделом Германского Археологического института исследовалось поселение Стрелка 2 на территории Темрюкского района Краснодарского края. К сожалению, запланированные масштабные работы были неожиданно прерваны по независящим от нас причинам. В связи с этим целостной картины на памятнике получить не удалось, раскопы далеко не везде были доведены до материка, а планируемые прирезки не осуществлены. Стоит также отметить, что плотность грунта на поселении оказалась столь велика, что темп раскопок был ниже ожидаемого. Принимая во внимание все эти обстоятельства, мы все же решились представить результаты этих изысканий, продолжение которых пока не планируется.

Итак, поселение Стрелка 2 расположено в восточной части Таманского п-ова, в 0,7–1,0 км к ЮВ от окраины одноименного поселка, на высоком обрывистом склоне к долине современной реки Кубань [Паромов 1992, 636; Журавлев и др. 2010б; Журавлев и др. 2016]. Площадь памятника, как предполагалось, составляет более 10 га. Его особенностью является наличие укреплений в виде рва и вала, которые не только отчетливо читаются на космо- и аэрофотоснимках, но и местами заметны визуально. Территория поселения распахана, засеяна зерновыми и бахчевыми культурами, а часть её нарушена плантажной вспашкой. Памятник в северной части подвергается активному разрушению прорезающий его балкой (рис. 1, 2) и современной свалкой.

Поселение (под № 69) впервые было выявлено С.Ф. Войцеховским в 1920-е гг. и обследовано экспедицией А.С. Башкирова в 1927 г. [Башкиров 1928, 80]. Отмечено оно и на карте А.А. Иессена и А.А. Миллера (1930–1931 гг.) под № 111, но отсутствует в списке В.В. Веселова [Веселов 2005]. В 1985 г. поселение было осмотрено Я.М. Паромовым и отмечено им на археологической карте Таманского полуострова под № 210 [Паромов 1992, 639; Паромов 2009, 33]. Боспорской археологической экспедицией ГИМ в 2006–2009 гг. здесь были проведены разведочные работы¹. В 2018 г. сотру-

¹ Разведками в 2008 г. руководила Г.А. Камелина (ГИМ). Материалы были частично опубликованы [Журавлев и др. 2010].

Рис. 1. Поселение Стрелка 2. 1 – вид с коптера, фото Е. В. Харланова†;
2 – аэрофотосъемка, © В. М. Курков, Т. Н. Скрыпичина

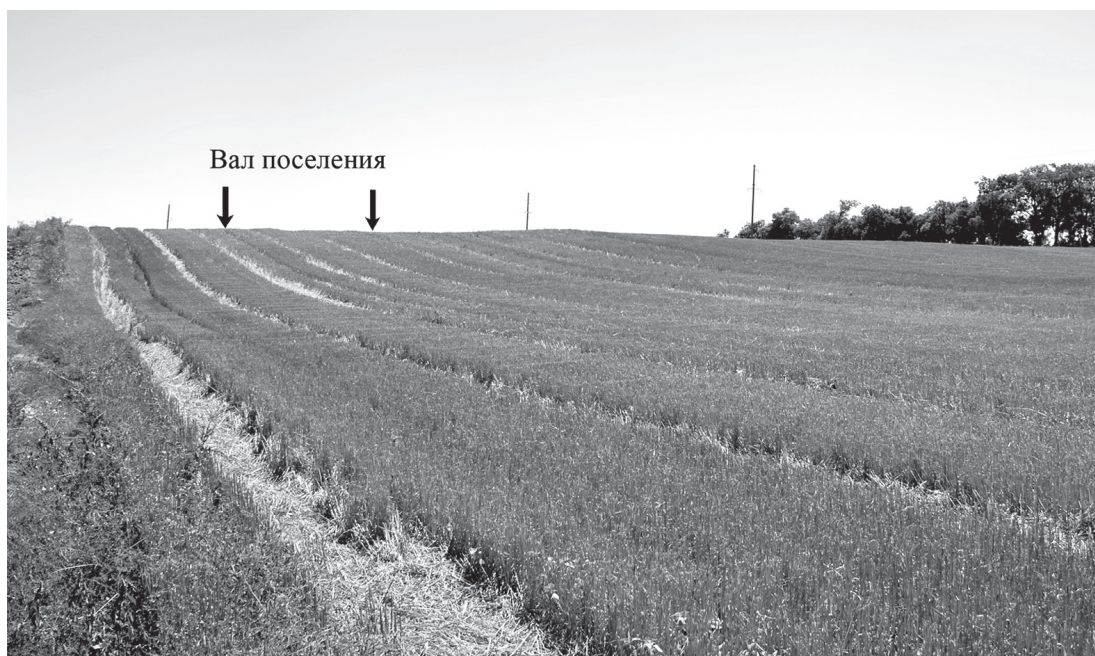
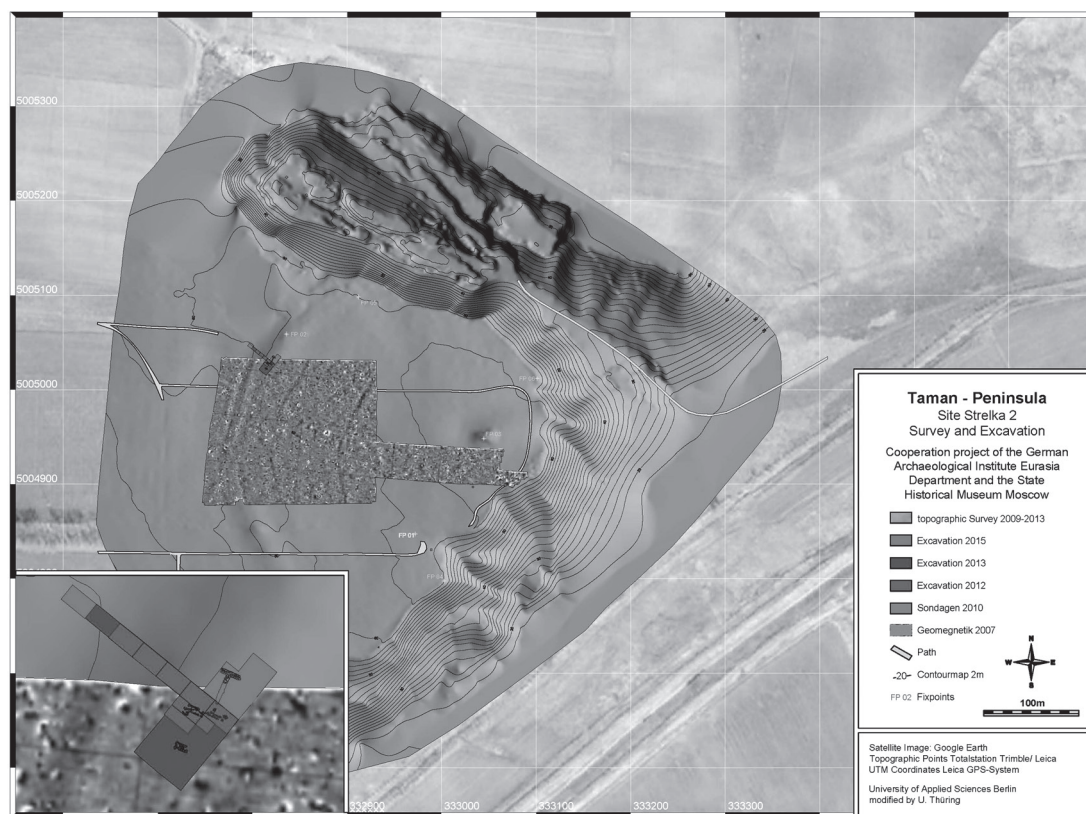

Рис. 2. Поселение Стрелка 2. Вид на вал поселения с запада

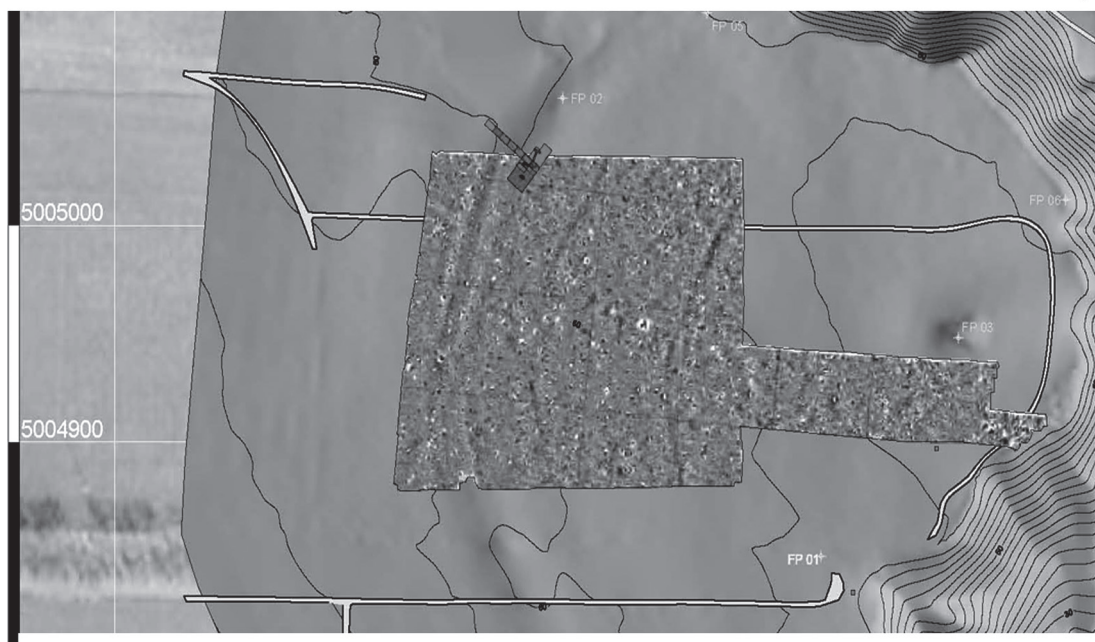
экспедиции и специалистами из Московского государственного университета геодезии и картографии (МИИГАиК) была осуществлена аэрофотосъемка поселения (рис. 1. 2) с использованием беспилотников Геоскан-101 и DJI Phantom 4 PRO с ее последующей дешифровкой и обработкой (подробнее о методике исследования: [Chibunichev et al. 2018, 235–240; Курков и др. 2018, 151–158; Журавлев и др. 2019, 193–200; Скрытницина и др. 2019, 18–26]).

Высокие обрывистые клифы, формирующие современный рельеф местности в окрестностях поселения, спускаются в широкую долину современной реки Кубань [Журавлев и др. 2010, рис. 2; Журавлев, Шлотцауер 2014, рис. 2], некогда представлявшую собой водную артерию – пролив Боспор Кубанский или, как его именуют другие исследователи, участок палеолимана. Так или иначе, но вновь отметим важность расположения поселения Стрелка 2 – именно здесь в античную эпоху находился один из самых широких участков водного пространства [Журавлев и др. 2010, рис. 6; Журавлев, Шлотцауер 2014, рис. 3; Кельтербаум и др. 2016, рис. 7]).

В 2007 г. геофизиками из университета г. Киля под руководством профессора Х. Штюмпеля на поселении была проведена локальная (3000 м²) геомагнитная разведка (рис. 3. 2). Было зафиксировано три параллельные друг другу дуговидные аномалии, отмеченные на рисунке темным цветом. Первая, шириной около 14 м, располагалась по западной границе поселения и фиксирует оборонительные сооружения: ров и вал, всё ещё хорошо читающиеся и в современном рельефе (рис. 3. 1). Две следующие аномалии, имели ширину около 6,5 м каждая: вторая проходит в 33–41,5 м от внутренней границы упомянутой оборонительной линии, третья в целом повторяет ее контур и находится от нее на расстоянии 58–58,5 м. Интерпретация обеих не очевидна

1

2

Рис. 3. Поселение Стрелка 2. 1 – 3D модель рельефа с результатами магнитной разведки, © U. Tüning; 2 – результаты геомагнитной разведки, © H. Stümpel

(остатки некой фортификации античного времени или даже II Мировой войны² [Журавлев и др. 2010, 172]).

К 2012 г. южная часть памятника была распахана и занята бахчевыми культурами, что позволило собрать подъемный материал³. Кроме того, сотрудниками экспедиции был подготовлен новый топографический план и 3D модель современной дневной поверхности (рис. 3. 1) [Журавлев и др. 2010, 166, рис. 3]. Среди подъемного материала в изобилии присутствовали находки VI в. до н. э. – фрагменты лесбосских, клазоменских амфор, а также амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне. Кроме того, был найден обломок ручки хиосской амфоры с белой облицовкой (рис. 4. 1), подтверждающий время основания поселения не позднее середины VI в. до н. э. Фрагмент чернофигурного ионийского Little master cup второй половины VI в. до н. э. (рис. 14. 3), обнаруженный при раскопках вала [Журавлев и др. 2015, 357], как и другие обломки восточно-греческих сосудов (рис. 14, 15), имеют широкую датировку, но в основном относятся ко времени позднее середины VI в. до н. э.

Обратим внимание еще на один важный момент. Предполагалось, что северной границей памятника изначально служила упомянутая выше глубокая балка (рис. 1. 2; 3. 1). В процессе работ сотрудники экспедиции обратили внимание, что на противоположном склоне мыса топографическая ситуация аналогична собственно поселению. Более того, здесь отчетливо присутствовали всхолмления, напоминающие остатки земляных укреплений поселения Стрелка 2. По рассказам местных жителей, количество керамики, находимой там при распашке, было сопоставимо с подъемным материалом в пределах рассматриваемого памятника. Очевидно, балка, в том виде, как она существует – достаточно позднее образование, и изначально поселение занимало весь мыс на господствующей высоте. Таким образом, площадь его в границах вала и рва валом могла составлять до 20 га.

Основная задача при изучении памятника состояла в выяснении хронологии укреплений поселения. Для этого в его северной наименее разрушенной части было выбрано место для разведочного раскопа, ориентированного перпендикулярно валу (рис. 3. 1). Здесь же на поверхности фиксировалось и скопление камней. Суммарная площадь раскопа составила 280 м² (рис. 5)⁴. Ров был прорезан лишь траншеей шириной 2,5 м (рис. 3. 1; 6. 2–3), поэтому западная граница его верха показана условно (рис. 5). Верхний горизонт его заполнения представлял собой темный перепаханный суглинок мощностью 0,74–1,88 м. Материал из заполнения перемешанный: обломки амфор Хиоса,

² По доступным нам данным, этот пункт входил в состав знаменитой сильно укрепленной немецкой «Голубой линии», где размещались войска 17 армии, которые были выбиты оттуда в ходе ожесточенных боев осенью 1943 г. войсками советского Северо-Кавказского фронта.

³ Этими работами руководила А.В. Батасова (ИИМК РАН). Распаханный участок был разбит на квадраты 50×50 м с привязкой к основным реперным точкам на памятнике (всего 4 ряда по 8 квадратов). Поскольку за границами памятника материал практически не встречался, сборы были произведены в первых 24 квадратах. Внутри квадратов материал (фрагменты керамики и черепица) собирался полосами вдоль посадок.

⁴ В 2012 г. начальником раскопа на поселении была К. Хеллстрем (Евразийский отдел Германского археологического института), а в 2013–2016 гг. – К.Б. Фирсов (ГИМ). Керамический материал обработан М.И. Венцовой и Н.В. Журавлевой. Полевые фото – Д.В. Журавлев, К.Б. Фирсов, фото находок – И.А. Седеньков. Все полученные материалы хранятся в фондах Отдела археологических памятников ГИМ. Палеозоологические определения сделаны М.В. Саблиным (Зоологический институт РАН), клейма определены А.В. Ковальчук (ИА РАН), граффити – А.П. Бехтер (Санкт-Петербургский Институт Истории РАН). Материалы этих исследований (кроме клейм) публикуются в этом же томе.

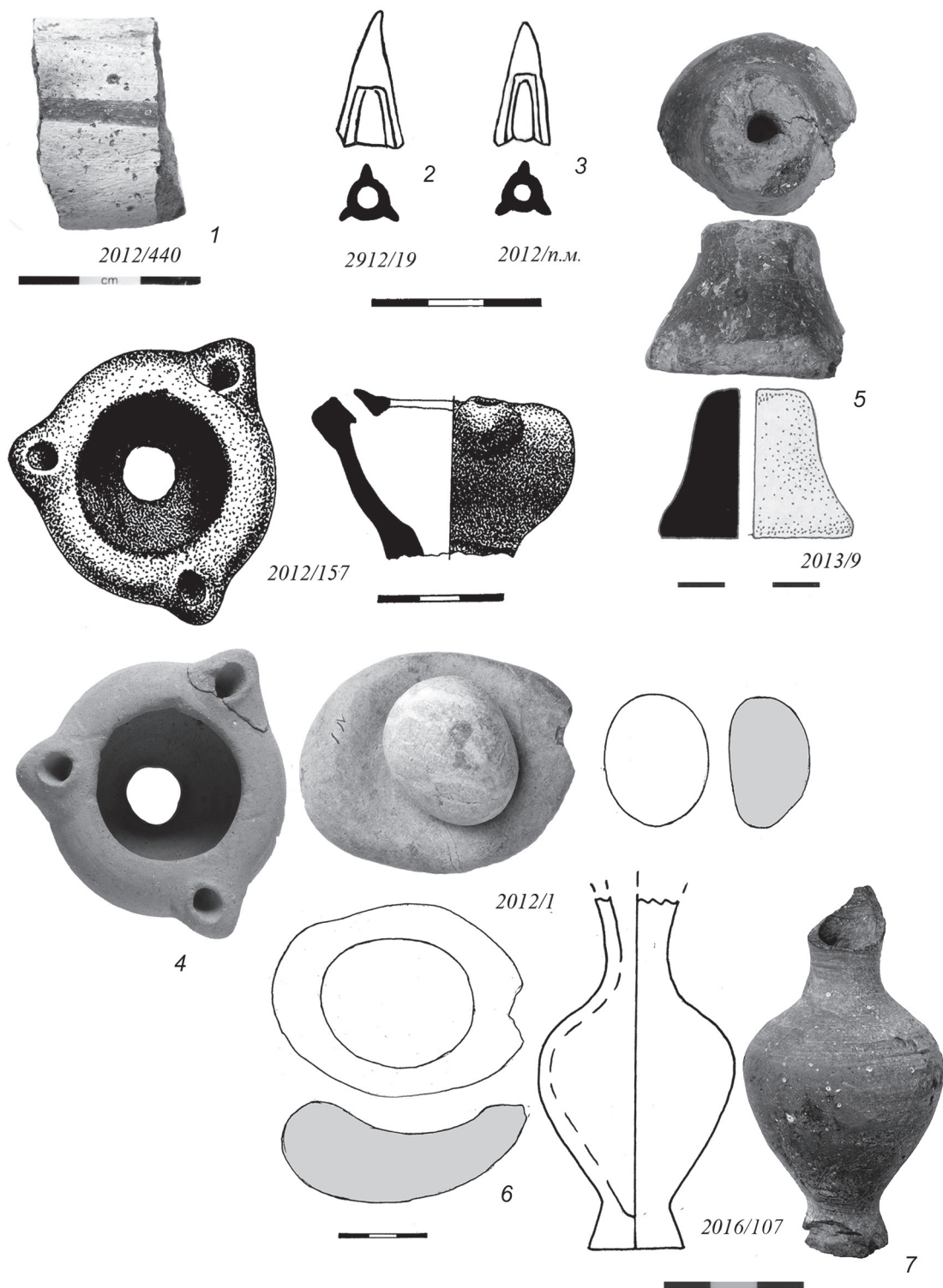

Рис. 4. Поселение Стрелка 2. Находки

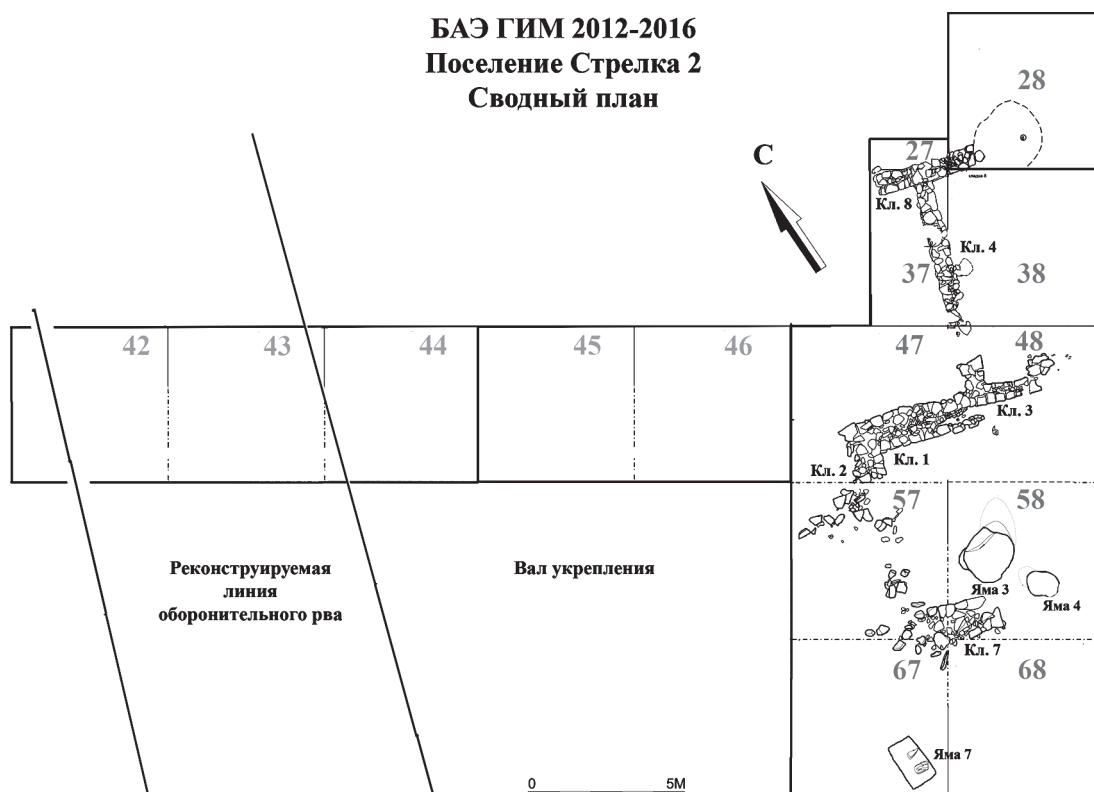

Рис. 5. Поселение Стрелка 2. Сводный план исследованных объектов

Фасоса, Синопы, Родоса, неизвестного центра, фрагменты лутерия, столовой и лепной керамики, верхняя часть трехрожкового светильника второй половиной IV–III в. до н. э. (рис. 4. 4) [Журавлев, Хриановский, Чебышев 2024, 119–120, табл. 12. 75, Кат. 75; ср.: Журавлев, Завойкин 2007, 134–135, табл. V; X]. Отметим и камень (8,5×6,5 см) с чашевидным углублением, рядом с которым лежала окатанная галька (4,4×3,7 см) – по всей видимости, они использовались для растирания каких-то продуктов или краски (рис. 4. 6). Не исключено, что часть находок попала в ров в переотложенном виде, при смыве культурного слоя с гребня вала к его основанию. Тут же встречены и единичные обломки средневековой поливной посуды, но в целом материал из верхнего горизонта рва не выходит за пределы III в. до н. э.

Ниже залегал слой тёмно-серого суглинка со светло-желтыми вкраплениями (0,36–0,65 м). Относительно неровное материковое дно (рис. 6. 4–5) рва было зафиксировано на уровне 12 штыка (приблизительно 2 м). Материал из этого слоя также датировался широко: V–III вв. до н. э., хотя непосредственно у дна присутствовали находки второй четверти – середины V в. до н. э., в частности, фрагменты хиосских пухлогорлых амфор (рис. 7. 1–2). Следует при этом иметь в виду, что оборонительный ров должен был время от времени чиститься и, соответственно, большая часть ранних материалов из него неизбежно удалялась. Глубина рва от уровня современной дневной поверхности составила 2,30–2,83 м, а от уровня основания вала – до 4 м. Ширина – около 8,7 м.

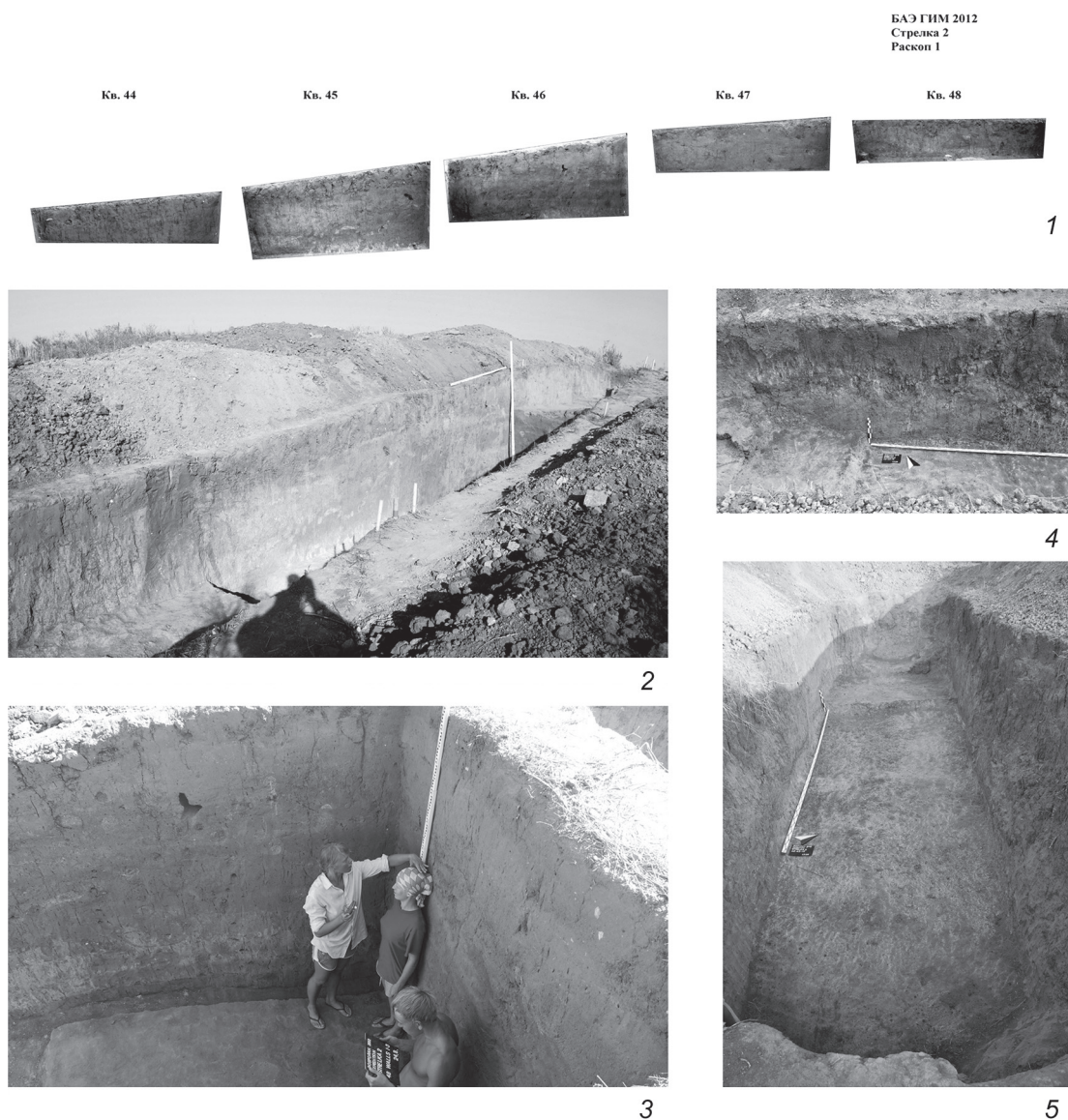

Рис. 6. Поселение Стрелка 2. Оборонительный ров. 1–3 – профили бортов.
Вид с З–ЮЗ: 4 – дно рва, вид с В; 5 – дно рва, вид с Ю–ЮЗ

Ширина вала (рис. 3, 5) от предполагаемой внутренней границы рва до гребня, на котором были открыты строительные конструкции (см. ниже) составляла около 15 м. В таком случае, ширина насыпи вала (по основанию) составляла не менее 25 м. Современная высота вала в отдельных местах достигает 3 м [Журавлев и др. 2015, 358].

Верхний слой насыпи вала образован темно-коричневым, гумусированным перепаханым суглинком мощностью 0,2–0,52 м. Среди находок – фрагменты амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, Лесбоса, Хиоса, Фасоса и круга Фасоса, Пепарета, Менды, Синопы, Гераклеи, неизвестных центров; несколько обломков черепицы, столовой посуды, а также предметы позднесредневекового времени (поливная керамика,

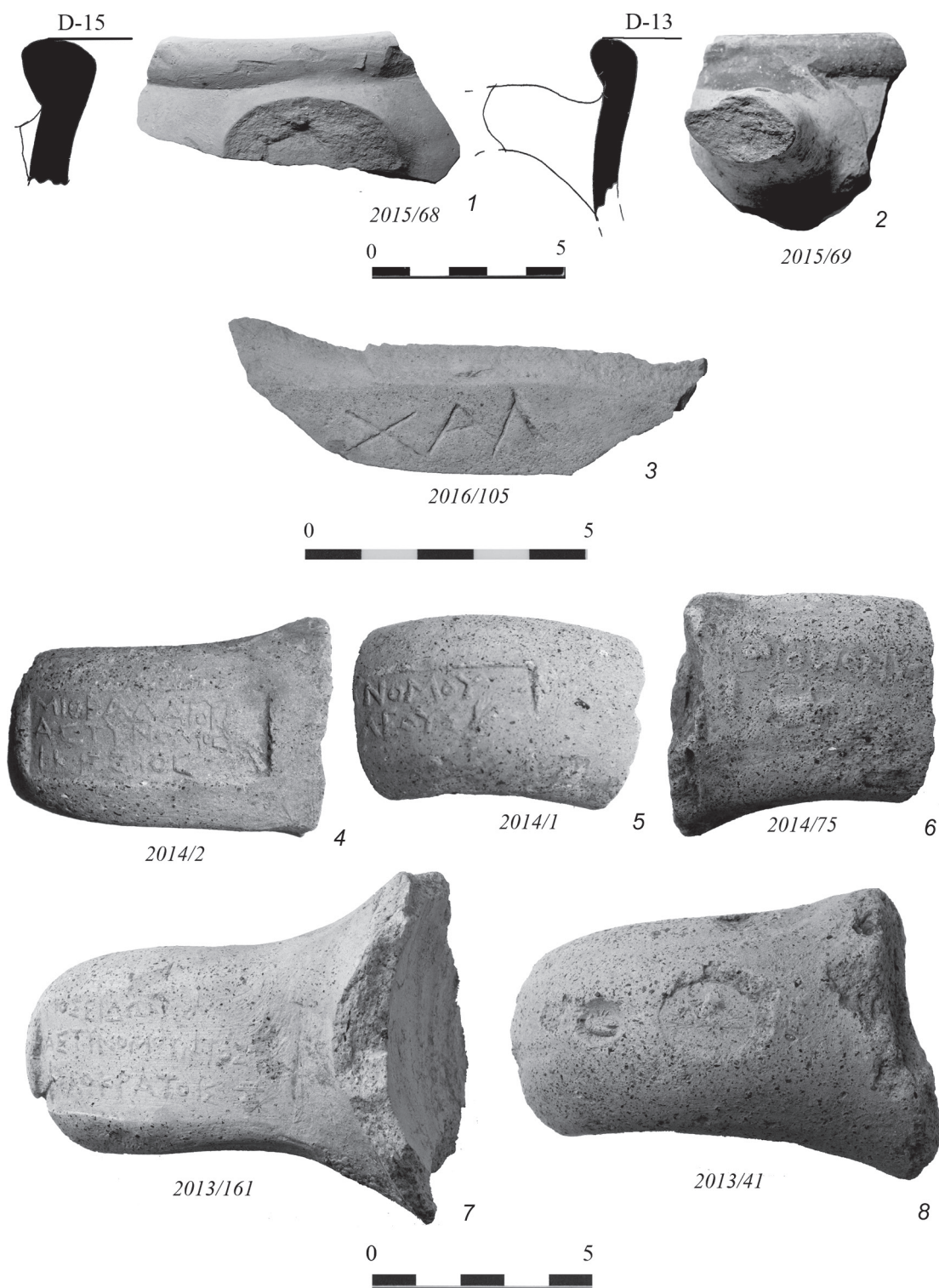

Рис. 7. Поселение Стрелка 2. Находки

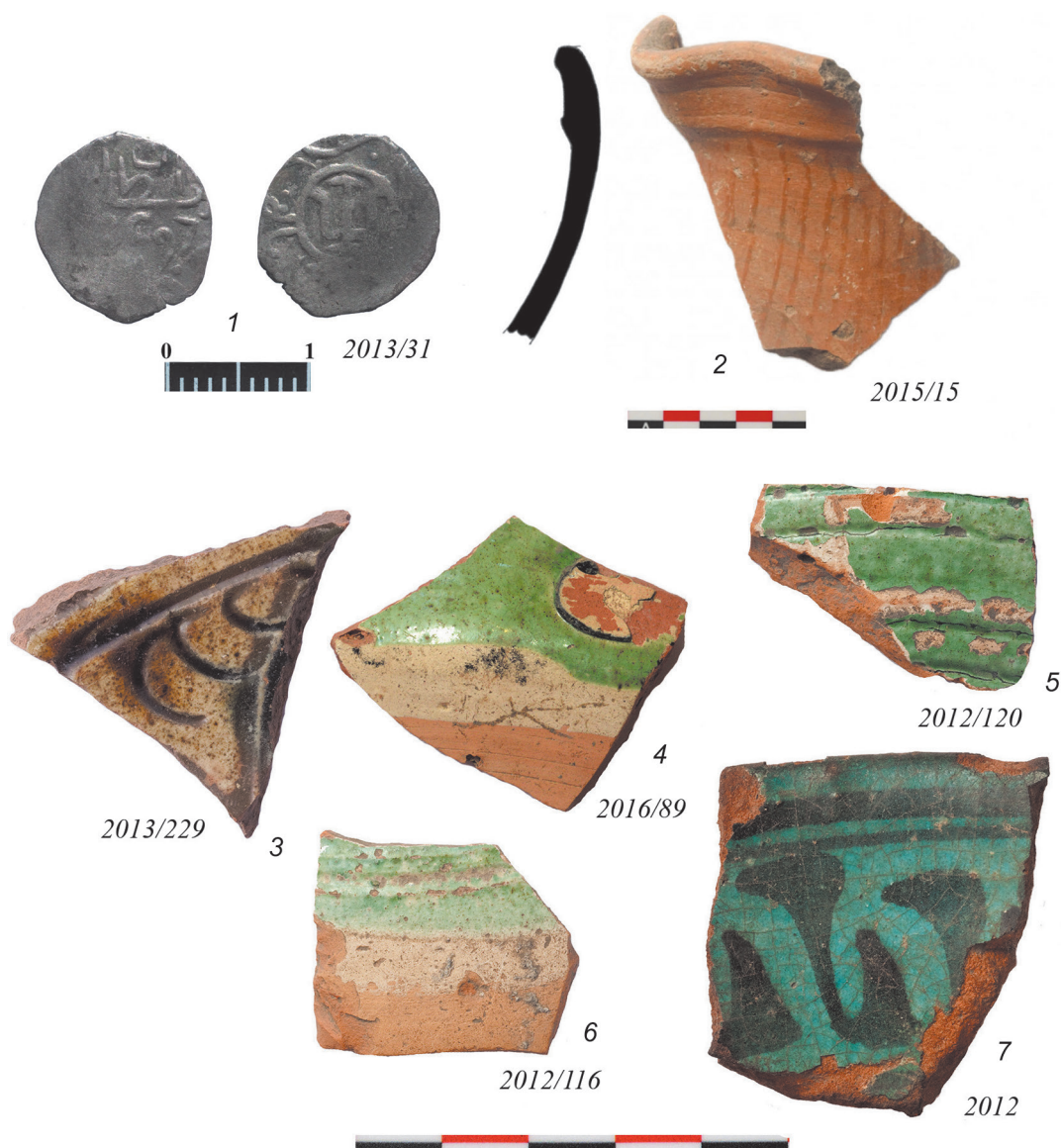

Рис. 8. Поселение Стрелка 2. Находки средневекового времени

медная монета XV в. крымского чекана (рис. 8)) и относительно современные железные и пластиковые предметы, осколки стекла и т. п. Отметим находку двух клейменных ручек синопских амфор (рис. 7. 4–5), что вместе с другими античными находками позволяет датировать верхний горизонт насыпи первой половиной III в. до н. э.

Под этим слоем в основании вала залегал коричневый глинистый суглинок, местами с включениями прокаленной глины. Мощность этого слоя 0,2 м – 0,85–0,94 м. Многочисленные находки позволяют говорить о времени сооружения вала - не позднее первой половины V в. до н. э., а скорее - еще раньше.

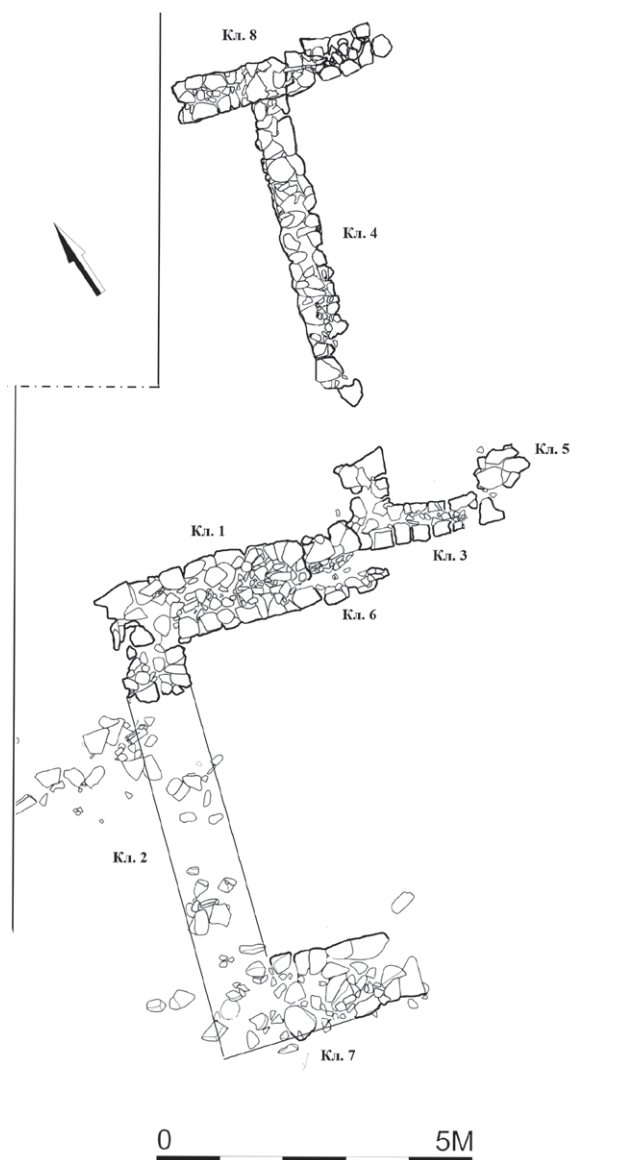

Рис. 9. Поселение Стрелка 2. Строительные остатки

На гребне вала были открыты остатки фундаментов каменных конструкций (рис. 9), интерпретация которых неоднозначна. Схема кладок [Журавлев и др. 2016а, 39, рис. 1] и их отдельные фото [Журавлев и др. 2016б, 82, рис. 2, 3] уже публиковались ранее.

Наиболее ранним является сильно разрушенное помещение, ориентированное с С/СВ на Ю/ЮЗ. Оно образовано тремя кладками; никаких следов восточной стены выявлено не было. Помещение имело длину 7,6 м при ширине не менее 4,2 м.

Кладка 1 (рис. 10. 1, 2, 4) трехслойная, двухлицевая из крупных и средних камней известняка, на растворе глины. Длина кладки 3,28 м, ширина 1,05–1,16 м, сохранившаяся

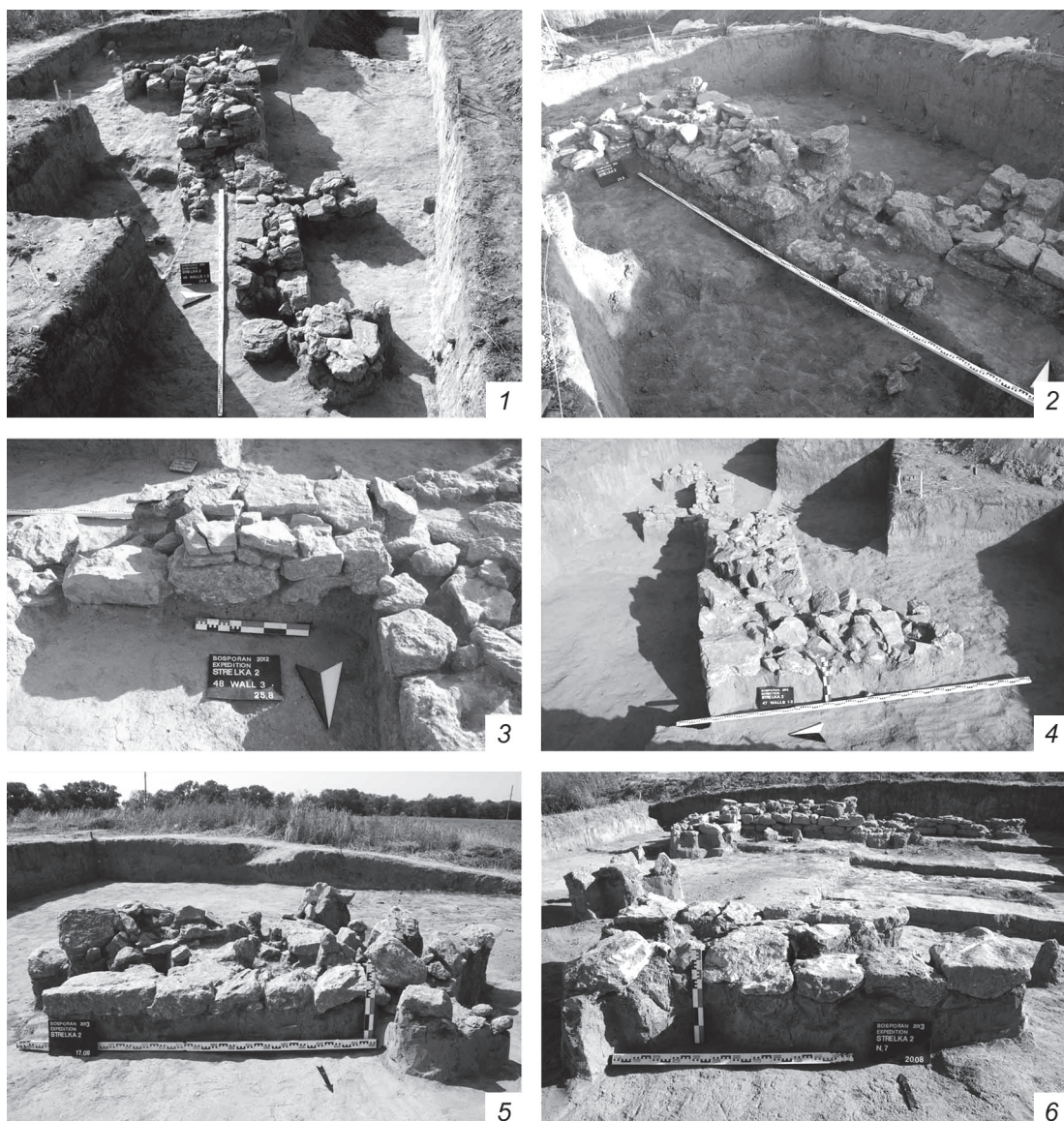

Рис. 10. Поселение Стрелка 2. 1 – кладки 1–6, вид с В; 2 – кладка 3, вид с С; 3 – внутренний фас кл. 1, кладка 6, вид с Ю; 4 – кладка 1 и разрушенный внешний фас кл. 2, вид с С; 5 – кладка 7 вид с С; 6 – кладка 7, вид с Ю

высота 0,4–0,5 м. Северный (внешний) фас сложен из более крупных камней. С кладкой 2, образуя прямой угол, она стыкуется впереплёт (рис. 10. 1, 2, 4). Сохранившаяся длина этой стены 2,37 м; ширина около 1,05 м. Характер и материал кладки аналогичен, большая часть её разрушена выборками и распашкой.

Стена 7 (рис. 10. 5, 6) параллельна первой и также частично разрушена. Кладка аналогична предыдущим. Сохранность – один ряд. Размеры камней северного фаса значительно меньше, чем южного. Длина кладки по южному фасу 2,33 м, по северному фасу 1,89 м. Ширина кладки 1,3 м в западной части и 1,11 м – в восточной.

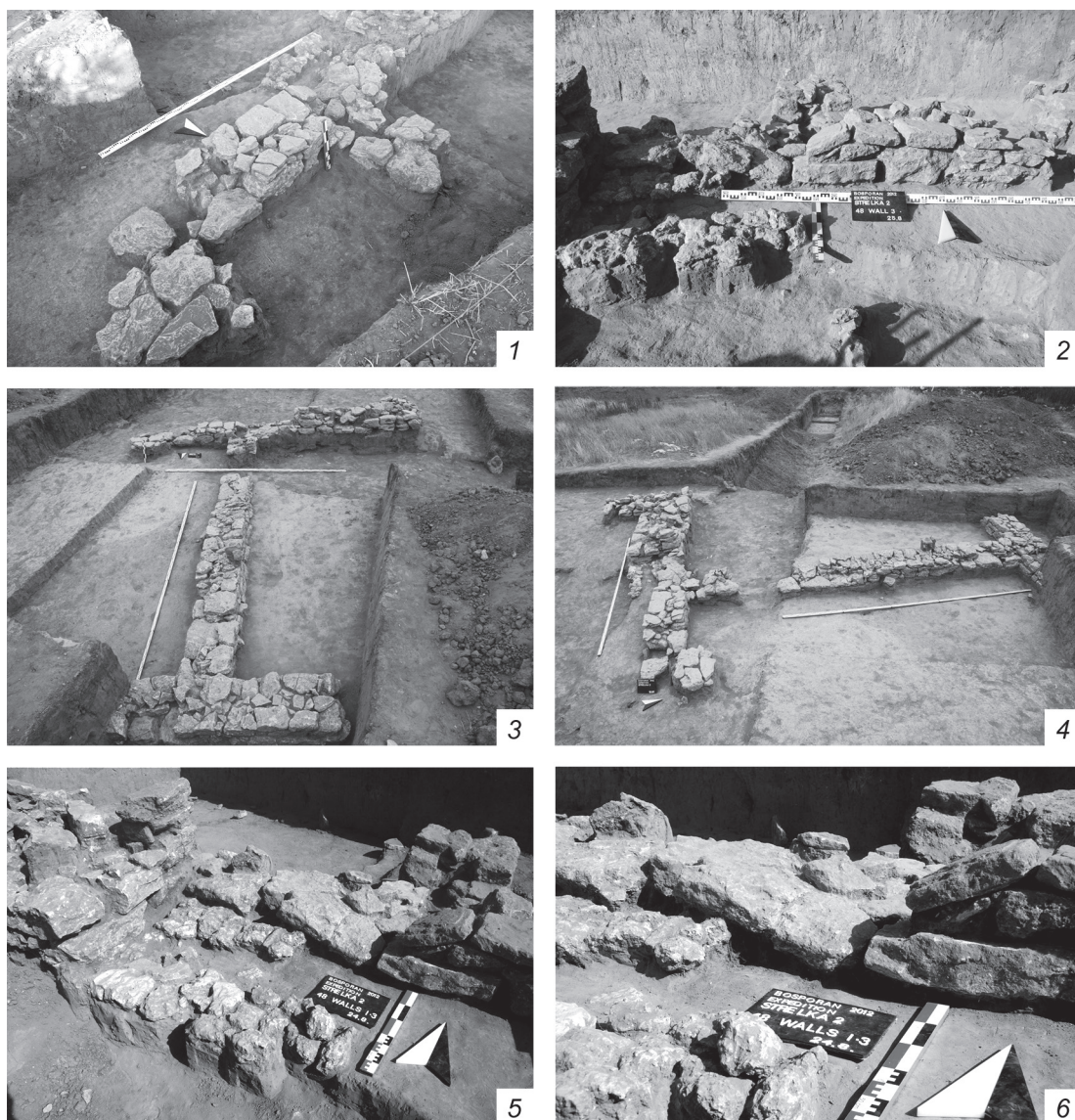

Рис. 11. Поселение Стрелка 2. 1 – кладки 3–5, вид с СВ; 2 – южный фас кл. 3, вид с Ю; 3 – кладки 4 и 8, вид с С; 4 – кладки 4 и 8, вид с В; 5 – кладка 6, вид с Ю; 6 (деталь) – угол между кл. 6 и 4, вид с Ю

Немногочисленны, но показательны разновременные находки из слоя бытования этого помещения: ручка лесбосской красноглиняной амфоры VI – первой половины V в. до н. э., ручка хиосской амфоры второй половины V в. до н. э., венчик амфоры Менды конца V – первой половины IV в. до н. э., а также обломки лепной и столовой посуды.

Изначально мы предполагали, что кладки 1–2 и 7 были частью конструкции башни, но эта гипотеза подтверждения не получила.

В С–СЗ части кв. 48 была открыта конструкция из трех кладок меньшей ширины № 3, 4 и 5 (рис. 10. 3; 11. 1, 4). Кладка 3 трехслойная, двухрядная с забутовкой щебнем,

сохранилась на длину 2,47 м при высоте 1–3 камней (0,30–0,33 м) и ширине 0,62–0,70 м. С северо-востока выбрана. В западной части уцелел камень с пазом (подтес под прямоугольный угловой блок известняка), размером 0,33×0,28 м. Сложена впереплёт со стеной № 4, которая аналогична по характеру кладки и материалу (средние по размеру камни с суммарной отеской по фасу и мелкие – в забутовке). Длина стены 6,70 м, ширина 0,56–0,61 м. Сохранность в высоту до 3-х рядов (0,28–0,32 м). Камни нижнего ряда более крупные и выступают за линию западного фаса на 0,03–0,09 м и восточного – 0,02–0,04 м. У южного фаса стены найдено клеймо на ручке синопской амфоры начала III в. до н. э. (рис. 7. 6). Часть этой стены уничтожена траншеей выборки, шириной 0,7 м. На многих камнях в северной и восточной части кладки сохранились следы сильного прокала. С севера она впереплёт соединена со стеной 8.

С востока к стене 3 примыкает стена 5 (рис. 10. 1; 11. 1, 2) параллельная стене 4. Эта стена (5) сохранилась в длину на 1,28 м при ширине 0,88 м. Северное продолжение её разрушено траншеей выборки. Отсюда происходит фрагмент венчика синопской амфоры второй половины II в. до н. э. Пространство между описанными стенами (3–5) было заполнено слоем желто-коричневой глины с включениями известковой крошки. Изначально предполагалось, что это расплывшийся сырец – заполнение части описанных стен (рис. 11. 4), составлявших вместе некую единую мощную (оборонительную) стену шириной до 2,86 м. Никаких дополнительных подтверждений этой гипотезы не обнаружено, и мы вынуждены от нее отказаться. В этом «сырцовом» слое были найдены фрагменты керамики, среди которых – ручка аттического чернолакового килика конца VI – первой половины V в. до н. э.

Продолжением стены 3 с запада служила кладка 6 (рис. 11. 5, 6), северный фас которой был сложен из камней среднего размера. Ширина стены составляла 0,51 м, длина 0,84 м. Южнее стены 6 лежало два ряда (шириной 0,7–0,74 м) бутового камня, очевидно, остатки фундамента. Суммарная длина стены 6–0,96 м, ширина 1,18 м. С запада она примыкала к восточному фасу стены 1, сложенному из камней со следами отески. Возможно, кладка 6 представляла собой основание некоего прохода между восточным фасом стены 1 и углом стен №№ 3 и 4.

Кладка 8 (стена) (рис. 11. 3, 4) вытянута по линии 3–В, перпендикулярна стене 4 (впереплёт) и параллельна – 1. Конструктивно и по материалу аналогична ей. Камни, использованные в основании, заметно крупнее. Длина стены 3,41 м (западная и восточная части выбраны траншеями), ширина 0,63–0,65 м, сохранность в высоту 2–3 ряда.

Вопреки первоначальному предположению, стены 4 и 8 не составляли единой конструкции со стеной 1. Вероятно, они были пристроены к каким-то более ранним стенам, возможно, некоей усадьбы (?).

Слой сильного пожара, предшествовавшего вышеописанным постройкам, фиксировался практически на всей площади раскопа на валу. Так непосредственно под основанием кладки стены 4 и в пространстве между кладками 3, 4 и 5 (рис. 12. 1–3) выявлен слой коричневого глинистого суглинка с включениями прокаленной глины и углей, размером 1,87×2,7 м. Мощность этого слоя от 0,20 до 0,47 м. Отметим явное падение горизонта пожара по поверхности вала к западу, т.е. в сторону рва. В слое пожара найдены: ножка хиосской пухлогорлой амфоры развитого варианта III–В второй

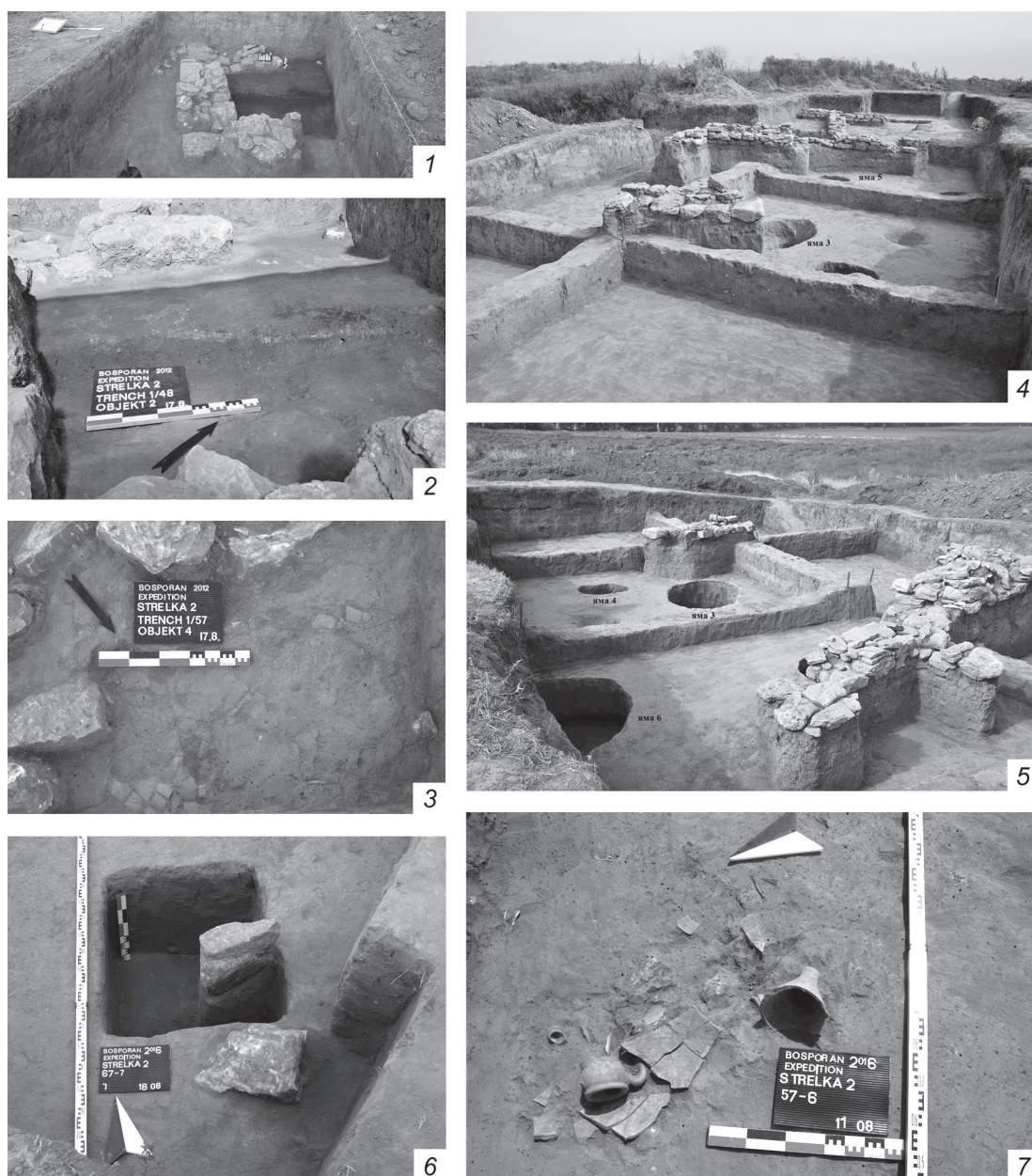

Рис. 12. Поселение Стрелка 2. 1–2 – горизонт пожара, кв. 48, вид с ЮВ; 3 – горизонт пожара, кв. 57, вид с С; 4 – раскоп на уровне материка, вид с В; 5 – то же, вид с З; 6 – яма 7, вид с Ю; 7 – фрагменты амфор над ямой 2, вид с СЗ

четверти V в. до н. э. [Монахов 2003, 17, табл. 6. 1], а также фрагмент ручки хиосской амфоры V в. до н. э. и венчик лепного горшка. Непосредственно с горизонта пожара происходит обломок амфоры на сложнопрофилированном кольцевом поддоне и три фрагмента хиосских амфор с суммарной датировкой V в. до н. э., а также стенки лепных сосудов. Показательной находкой является и бронзовый втульчатый наконечник

стрелы (рис. 4. 2). Второй аналогичный наконечник происходит из подъемного материала на городище (рис. 4. 3). Оба – трехгранно-трехлопастные, базисные, со сводчатой и треугольной головкой, с продольными ложками, отделяющими трехгранную головку от лопастей⁵. Наконечники таких типов относятся преимущественно ко второй половине VI–V в. до н. э. [Смирнов 1961, 55, табл. V. Б, В; Мелюкова 1964, 21, рис. 1, табл. V; 7; Очир-Горяева 1996, 44, 48, рис. 3].

Горизонт пожара, уходящий под кладку стены 7 (кв. 58 и 57), фиксировался и к югу от вышеописанного. Это слой красноватого, желто-коричневого суглинка с включениями прокаленной глины, углей и золы, обгорелых камней. Отдельные «участки» пожара (1,5×2,8 м и 2,3×2,8 м) своим уровнем как бы понижаются к западу и к югу. Местами горизонт пожара фиксируется в виде больших серых золистых пятен размером 5,0×3,0 м и 1,8×2,5 м, чередуясь с участками сплошного угля и прокаленной земли (0,8×0,5 м; 0,32×0,4 м). Мощность слоя пожара составляет от 0,20 до 0,63 м. Под камнями кладки стены 1 также прослежены прослойки красноватого, желто-коричневого суглинка и угольно-золистого грунта. Их протяженность 0,71 м, толщина 0,02–0,08 м, а также 0,34–1,2 м при толщине до 0,06 м. Такие же следы пожара на площади от 0,6×0,5 до 1,5×0,9 м фиксируются ещё в ряде мест раскопа. Сопутствовавшие находки в целом аналогичны только что описанным. Добавим сюда фрагменты амфор Лесбоса, на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, Хиоса, Менды, неизвестного центра, а также обломки восточно-греческих и лепных сосудов. В целом материал не выходит за пределы V в. до н. э.

Разрушение конструкции, образованной кл. 1, 2 и 7, связано с горизонтом второго пожара, который хорошо прослеживался не только в бортах раскопа, но и перекрывал ряд камней к Ю–ЮЗ от стены 2 и на камнях стен 1 и 2. В одном месте зафиксировано горизонтально залегающее непосредственно на слое пожара скопление стенок амфор (рис. 12. 7), уходящее в западный борт раскопа. Для датировки здесь важна ножка синопской амфоры конического варианта I-A первой трети IV в. до н. э. [Монахов 2003, 146–147, табл. 100. 3], найденная между камнями стены 1. Там же была обнаружена и ручка хиосской амфоры IV в. до н. э., и несколько профильных амфорных фрагментов второй половины VI–V в. до н. э.

В развале кладки 7 были обнаружены фрагменты керамики, среди которых выделим ручку амфоры круга Фасоса (V–IV вв. до н. э.), кости, уголь. Отсюда же происходят фрагменты амфор «Муригиоль», Пепарета, Менды, Хиоса с воронковидным горлом, Гераклеи, Синопы. Таким образом, помещение было разрушено в первой трети/половине IV в. до н. э., хотя кладка 7 использовалась до III в. до н. э. Слой из горизонта второго пожара в других местах раскопа также мешанный, но с преобладанием материала V–IV в. до н. э.

Слой (горизонт) третьего пожара зафиксирован в районе стен 4 и 8. Камни цокольной их части сильно прокалены. К ним примыкал слой обожженной глины, угля и золы шириной 0,74–1,20 м и длиной более 5 м, мощность которого от 0,04 до 0,20 м. Отсюда происходят фрагменты амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне,

⁵ Размеры наконечников: 1) высота – 2,4 см, максимальная ширина лопастей – 1,1 см, диаметр втулки – 0,7 см; 2) высота – 2,2 см, максимальная ширина лопастей – 1 см, диаметр втулки – 0,7 см.

Лесбоса, «пухлогорлого» и «колпачкового» Хиоса, Менды, круга Фасоса, Синопы, Гераклеи, Родоса, а также обломки столовой и буролаковой посуды. Несмотря на то, что общая датировка материала не выходит за III в. до н. э., отметим находку ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры типа С (конец I – середина II в. н. э.), очевидно, попавшую сюда из нефиксируемого перекопа.

Не исключено, что стена 7 также была разрушена в это время (фрагмент ручки с клеймом Посидония (рис. 7. 7) начала III в. до н. э.). Вероятно, можно говорить о разрушении стен каких-то помещений, образованных кладками 4 и 8, в огне пожара в пределах первой половины III в. до н. э.

В отдельных местах раскопа прослеживались небольшие участки серо-коричневого песчанистого суглинка с включениями мелких кусочков прокаленной глины и камней. В этом слое были найдены фрагменты амфор Фасоса последней четверти IV – первой половины III в. до н. э., а также обломок хиосской амфоры IV в. до н. э. Этот горизонт, вероятно, был связан с функционированием вала после разрушения каменной конструкции на его гребне. Правда, в отдельных местах мощность этого слоя значительно выше (до 1,0 м) и в нем отсутствует прокаленная глина. Кроме того, он залегает до материка. Находки в этом слое немногочисленны и представлены фрагментами столовой посуды, амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне и Хиоса. Показателен фрагмент венчика синопской амфоры варианта III С по С. Ю. Монахову [Монахов 2003, 153–154, рис. 104. 6] первой половины II в. до н. э. Он синхронен еще одному обломку, происходящему из траншеи выборки кладок 4 и 5. Не исключено, что мы имеем дело с нарушением культурного слоя вала в более позднее время, когда жизнь на этом участке уже прекратилась.

Под слоем темного суглинка в основании вала залегал слой светло-серого суглинка – собственно массив его насыпи. Мощность этого слоя 0,54–1,06 м. В верхней части он более темного цвета; в нижней – имеет более интенсивную светлую окраску. Верхняя часть этого слоя синхронна времени бытования ранних каменных конструкций. Следует при всём этом отметить, что согласно общей планиграфии памятника, все они располагались как бы на насыпи вала, что вызывает некоторое удивление своей нелогичностью. Но снять это недоумение мы пока не можем.

Под вышеописанными каменными конструкциями, был открыт слой второй половины VI – первой половины V в. до н. э. (рис. 12. 4–5), в который были впущены несколько ям [Журавлев и др. 2016б, 82, рис. 3; Журавлев и др. 2018, 212]. Материал из них достаточно однороден и в целом относится к V в. до н. э., за исключением отдельных более поздних фрагментов, попавших сюда, возможно, из нефиксируемых перекопов.

В слое найдены обломки амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, красноглиняных лесбосских, пухлогорлых хиосских, многочисленные фрагменты лепных горшков (рис. 16), обломки восточно-греческих сосудов, маленький фрагмент хиосского кубка (рис. 14. 6), а также красноглиняный флакон (диаметр тулова – 3,9 см, высота – 7,3 см) (рис. 4. 7).

В материке было исследовано 7 ям (рис. 5; 12. 4–7). Материал из них маловыразителен.

Яма 1 (0,56×0,6 м) округлой формы; глубина 0,35–0,37 м; стенки отвесные, дно ровное. Заполнение – темный золистый суглинок с включением тонкой линзы желтого

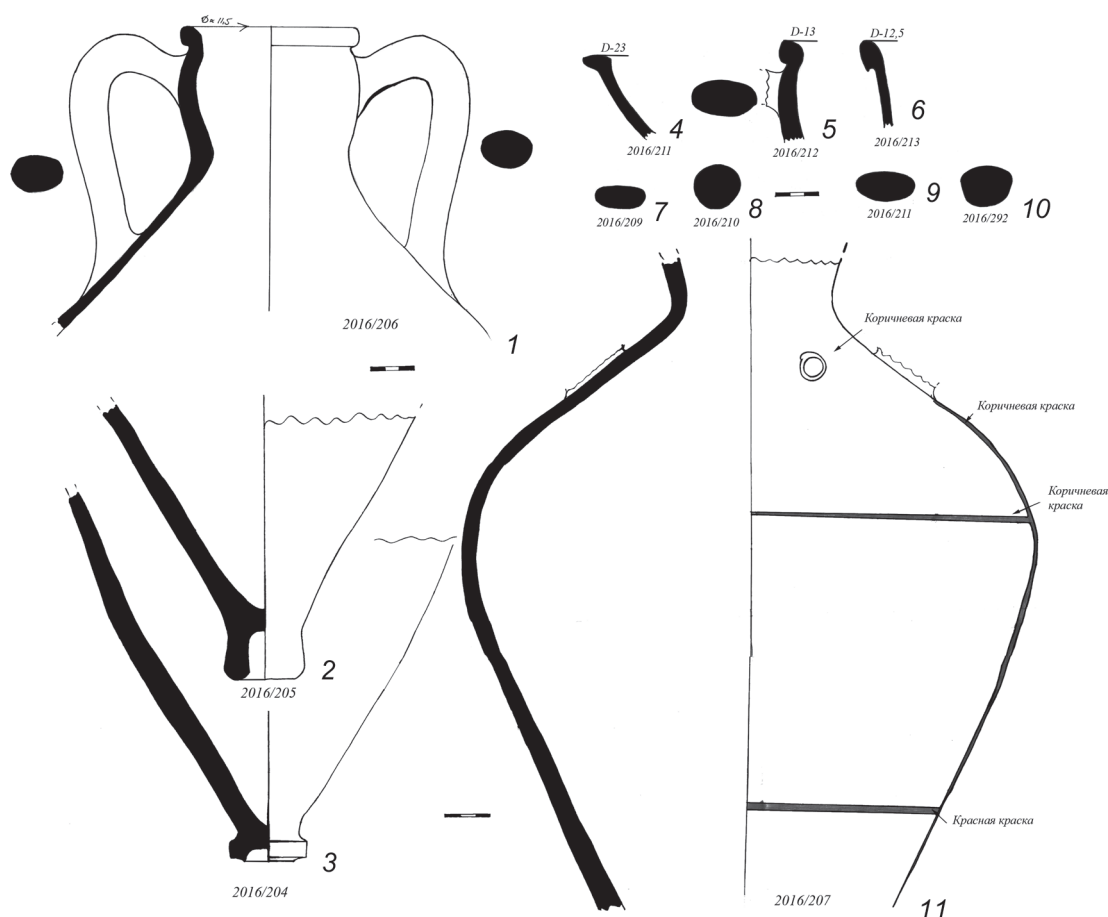

Рис. 13. Поселение Стрелка 2. Материал из заполнения ямы 2

суглинка, угля и небольших камней. Находки за исключением фрагмента обгоревшего дерева отсутствовали.

Яма 2 (1,34×1,0 м) овальной формы, стенки плавно опускаются к неровному уступчатому дну, глубина 0,05–0,24 м. Заполнение – темно-коричневый суглинок с мелкими камнями. Верхнюю часть ямы частично перекрывал развал амфор (рис. 12. 7), находившийся в прослойке обожженной глины вместе с мелкими обгоревшими костями животных и плоским камнем. Материал из ямы представлен фрагментами хиосских раннепухлогорлых (рис. 13), со сложнопрофилированным кольцевым поддоне, лесбосских красноглиняных амфор, а также амфорные стенки с красной краской и обломки восточно- греческой посуды. Датировка: конец VI – начало V в. до н. э.

Яма 3 (2,0×1,44 м) овальной формы, глубина 1,76 м. Дно неровное, стенки вертикальные или уступчатые, с небольшими нишами. Находки в заполнении: фрагменты амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, лесбосских красноглиняных, хиосских, фасосской, а также обломки восточно-греческой, чернолаковой, простой красноглиняной и лепной посуды. V в. до н. э., возможно, с нарушением слоя в эллинистическое время.

Яма 4 (1,06×0,7 м) овальной формы, глубина 0,88 м. Дно ровное, стенки вертикальные, кроме восточной, в которой – небольшая ниша. Заполнение: темный золистый суглинок с углями. Найдены скелеты двух собак – полувзрослая особь и щенок не старше 4 месяцев. Захоронения собак неоднократно встречались на Боспоре [Журавлев и др. 2020, 98–122]; в данном случае мы, вероятно, имеем дело с бытовой, а не с культовой практикой. Прочие находки: фрагменты амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне и лепных сосудов. Конец VI – первая половина V в. до н. э.

Яма 5 (1,0×1,47 м) округлой формы, глубина 1,19 м. Дно неровное, с наклоном к югу; стенки вертикальные. Заполнение: темно-коричневый суглинок. Материал невыразителен: фрагмент лепного сосуда и обломок зернотерки. Датировка ямы по стратиграфии: не позднее V в. до н. э.

Яма 6 (1,98×1,32 м) округлой формы, глубина 0,75 м. Дно ровное, стенки вертикальные. Заполнение: темно-коричневый суглинок с включениями мелких камней, небольших кусочков обожженной глины, угля и золы. Находки: фрагменты амфор на сложнопрофилированном кольцевом поддоне, Милета, а также красноглиняных и лепных сосудов. Вторая половина VI – начало V в. до н. э.

Яма 7 (1,54×0,78–0,82 м) почти подпрямоугольной формы (рис. 12, 6). Глубина 0,66 м. Дно ровное, стенки вертикальные. Заполнение: темно-серый суглинок. В восточной части были зафиксированы 2 больших камня (0,52×0,3×0,2 м и 0,44×0,22×0,39 м). В яме найдены кости двух зайцев. Учитывая необычную форму ямы, нельзя полностью исключить её иное, нежели мусорно-хозяйственное назначение. Находки невыразительны: обломок ручки хиосской раннепухлогорлой амфоры с крашенным венцом не позднее первой четверти V в. до н. э.

Остановимся теперь на наиболее значимых в плане хронологии и происхождения керамических находках с поселения.

1. 2016/286 (рис. 14. 1). Фрагмент амфоры (?) с чешуйчатым орнаментом (2,2×1,6 см). Глина розово-красная, плотная. Северная Иония или Эолия. 550–500 гг. до н. э. Форму сосуда установить невозможно, однако чешуйчатый орнамент встречается, чаще всего, именно на столовых амфорах. Они были широко распространены в Западном и Северном Причерноморье; различные варианты декора характерны для производственных центров и мастерских указанных центров. Близкие амфоры с белыми точками внутри чешуек неоднократно встречены в Ольвии [Буйских 2013, 313–314, рис. 65, 66, № 4.143–144; 4.171] и на Березани [Ильина 2010, 156–158; 169–170, № 62, 64, 65, 68]. А. В. Буйских справедливо ссылается на чешуйки с белыми точками класса Книпович [см. также: *Sidorova* 2009, 51 pl. 22. 1], как определенных Р. Куком [Cook 1952, 36–137; Cook, Dupont 2003, 102]. Но они также регулярно фиксируются и в других группах так называемой клазоменской керамики, например: группа Петри по Р. Куку [Cook 1952, 130], даже если чешуйки в целом были “not a certain criterion of Clazomenian” [Cook 1952, 143, no. 102].

Столовая амфора с поселения Голубицкая 2, также имеющая чешуйчатый орнамент с белыми точками, была исследована методом нейтронной активации (НАА), который показал, что она была изготовлена в Эолии, возможно, в Кимах [Журавлев, Шлотцауер 2014, 183, рис. 36]. Амфориск, найденный в Фокее, также орнаментирован чешуйками и белыми точками, но в этом случае НАА подтвердил его клазоменское происхождение

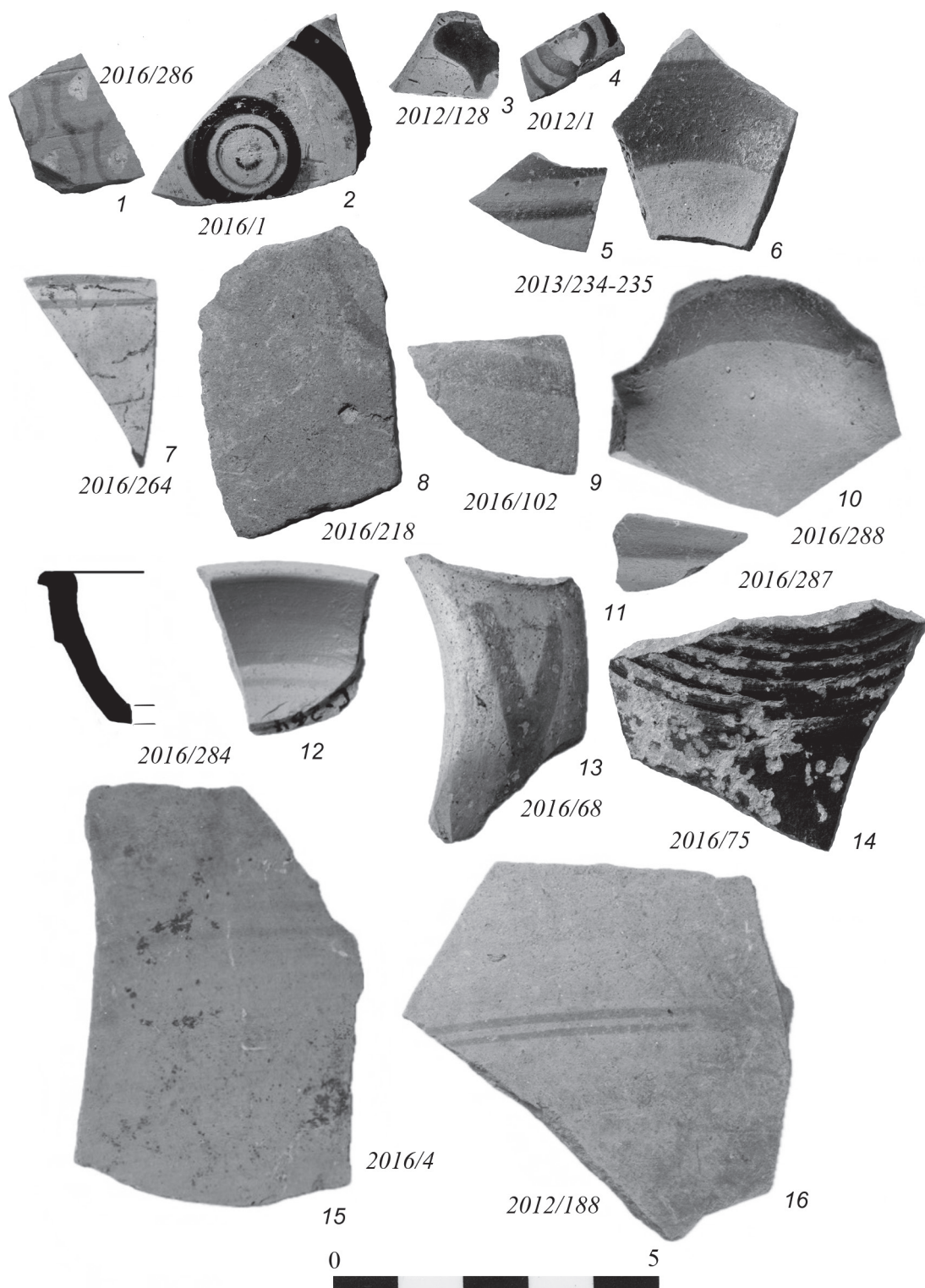

Рис. 14. Поселение Стрелка 2. Восточно-греческая керамика

[Akurgal et al. 2002, 112, Kat. Nr. 86; 173, Abb. 56]. Крышка из Навкратиса с черными точками внутри чешуек, согласно результатам НАА, имеет теосское происхождение [Schlotzhauer 2012, 85–86, Kat. Nr. Nau 25, Taf. 6. a–b]. Однако делать далеко идущие выводы о месте изготовления большой и разнообразной группы керамики с чешуйчатыми узорами, основанные только на немногочисленных соответствовавших анализах, пока преждевременно. В целом эти сосуды датируются VI в. до н. э., или, как считает А. В. Буйских, второй половиной VI в. до н. э. Этот импорт прекращается к концу VI в. до н. э. или, самое позднее, к 494 г. до н. э. [Буйских 2013, 83], что подтверждается находками в Старой Смирне [Cook 1965, 134].

2. 2016/1 (рис. 14. 2). Чаша, орнаментированная полосами, с концентрическими кругами на дне (3,8×2,2 см). Глина розовая. Северная Иония. 600–500/490 гг. до н. э. Неясно, относится этот фрагмент к чаше с отогнутым венчиком [Hayes 1966, 130, fig. 62. 1326] или небольшой миске [Niemeier 1999, 403, Abb. 27. 14; 411, Nr. 14]. Но более вероятно, что это донце чаши с полосами [Hayes 1966, 56, fig. 28. 733; Ersoy 2004, 58, fig. 17d; Чистов, Ильина 2012, 201, табл. 45. 1; Буйских 2019, 280, рис. 72. 3.38] или дериват северо-ионийской чаши с птицами [Буйских 2013, рис. 94. 8.75, 78,79]. Наиболее вероятная датировка – вторая половина VI в. до н. э., хотя нельзя исключить и начало V в. до н. э.⁶

3, 4. 2012/128 (рис. 14. 3). Стенка сосуда с изображением листа плюща (1,8×1,5 см). Возможно, к этому сосуду принадлежит и второй фрагмент (1,7×0,7 см) большей толщины 2012/129 (рис. 14. 4). Оба изготовлены из плотной красной глины. Южная (?) Иония. 550–500 гг. до н. э. Форму сосуда определить затруднительно. Подобные листы были популярны со второй четверти до второй половины VI в. до н. э. Параллели можно обнаружить в декоре милетской росписи Фикеллура и, в частности, «ионийских малых мастеров». Фриз с изображением плюща был также характерен для аттической вазописи этого периода [Sidorova, Tugusheva 1996, 45, pl. 48. 2 (канфар, конец VI в. до н. э.); 60, pl. 65. 3 (чаша, 520–500 гг. до н. э.); Petrakova 2006, 21–22, pl. 6 (чаша Сиана, 540–535 гг. до н. э.); Boriskovskaya, Arsentyeva 2006, 40, pl. 30. 3, 4 (лекиф, 475–425 гг. до н. э.)] и, возможно, был заимствован отсюда, на что указывает отсутствие типичной полоски стиля Фикеллура. Но глина и покрытие сосуда говорят скорее о его ионийском происхождении. Известно множество параллелей этому декору [Буйских 2013, 138–139, № 9.115 (клазоменская амфора из Ольвии); Sidorova 2009, 60–61, pl. 28. 1–3 (амфора, вторая треть VI в. до н. э.); 53, pl. 23. 3 (клазоменская амфора, 550–500 гг. до н. э.); Walter-Karydi 1973, Taf. 86. 631 (амфора из Истрии), 86. 627 (амфора из Березани); pl. 46–47. 419, 424; pl. 52. 447; pl. 55–57. 480–481, 483–484 (Ionian Little Masters); Schlotzhauer 2014, Taf. Appendix XIV; XXIII].

5, 6. 2013/234–235 (рис. 14. 5, 6). Фрагмент чаши (с отогнутым краем?) с полосами лака. Южная Иония [ср.: Schlotzhauer 2014, Taf. 42/133, 254; 43/134, 259.261], Type 10.5.C (?), 600–500 гг. до н. э.

7. 2016/264 (рис. 14. 7). Фрагмент хиосской ольпы или кружки (2,4×1,8 см). Типичная беловато-розовая глина; поверхность сосуда цвета слоновой кости, две концентрические красновато-коричневые линии. 600–500 гг. до н. э. Хиосская столовая посуда

⁶ О датировке см.: [Niemeier 1999, 393] (заполнение колодца 494 или 479 гг. до н. э.); [Ersoy 2004, 56–58] (дома 520/10–500 гг. до н. э.); [Hayes 1966, 53, cat. no. 733] (комплекс II–III, 590–530 гг. до н. э.); [Чистов, Ильина 2012, 38] (первая половина VI в. до н. э.); [Буйских 2019, 85] (конец VII и первая четверть VI в. до н. э.).

попадает в Северное Причерноморье в VII в. до н. э.; в VI в. до н. э. широко распространена на Березани [Ильина 2005, 119, 123, № 216, 218 (кружки); № 240–241 (кувшины); 168–169; 172–173], в Ольвии [Буйских 2013, 175–176, рис. 73. 10.156–163], а также на Боспоре [Сидорова 1992, 141, рис. 9. И]. Многочисленные примеры известны и в других регионах [Boardman 1967, 127–128, cat. no. 379 (кружка); 144–145, cat. no. 592–595, pl. 51 (кувшины); 161–162, cat.-no. 767, pl. 60 (канфар); Ersoy 2004, 8–59, fig. 19. a–b, e].

8–10. 2016/218 (рис. 14. 8). Фрагмент стенки сосуда (столовой амфоры, ойнохои, гидрии?), орнаментированного волнистой линией (4,4×3,2 см). Изготовлен из светлой, красно-коричневой глины. Не исключено, что фрагмент 2012/102 (рис. 14. 9) (3×2,6 см) принадлежит тому же сосуду. Еще один крупный обломок 2016/261 (12,2×7,9 см), изготовленный из красной глины с мелкими блестками, с орнаментом в виде широкой полосы лака и волнистой линии относится к другому сосуду (рис. 15. 1). Северная Иония. 550–500 гг. до н. э. Северо-ионийская керамика с волнистым орнаментом из таких центров как Клазомены хорошо известна в Северном Причерноморье и за его пределами [Ersoy 2004, 58–59, fig. 19. a–b, e]. Известны ойнохои с Березани [Чистов, Ильина 2012, 28, рис. 18. 1], из Пантикапея [Сидорова 1992, 151, рис. 16], Тиритаки [Буйских 2014, 348, № IV.2.19. 22–24, 26, рис. 42. 7,10; 43. 1–2,4], Горгиппии [Алексеева 1991, табл. 42. 1], столовые амфоры из некрополя Панагия I [Sudarev 2021, 60–61, fig. 12], Ольвии [Буйских 2013, 124, № 9.61, рис. 104. 9.61] и Горгиппии [Алексеева 1991, табл. 60. 18]. Глина некоторых фрагментов с Березани также напоминает обломок нашего сосуда [Буйских 2019, рис. 113. 6.3], что, по-видимому, хорошо соответствует описанию “coarse and porous” глины керамики с волнистым орнаментом из Клазомен [Uzun 2018, 326; 327, fig. 5. f–g; 329, fig. 6. a, b, d].

11, 12. 2016/288 (рис. 14. 10). Фрагмент устья ойнохои в виде трилистника (4,2×3,5 см), наружная часть окрашена красной краской. 600–450 гг. до н. э. Иония (не исключено, что к той же ойнохое относится еще один фрагмент (2,1×1,4 см) 2016/287 (рис. 14. 11). Подобные сосуды относятся к VI в. до н. э. Один экземпляр из Париона был датирован до середины V в. до н. э. [Başaran, Kasapoğlu 2014, 122; 135, fig. 13]. Позднеархаические ойнохои, найденные в Клазоменах, датируются 520/510–490 гг. до н. э. [Uzun 2018, 329, fig. 6. a, b]. Многочисленные параллели этим сосудам хорошо известны и в других местах [Sieveking, Hackl 1912, 47–48, Kat. Nr. 472, 474, Taf. 17. 472.474; Буйских 2013, 120, № 9.22, рис. 100. 9.22; Буйских 2014, 113; 119–120, № IV.2.40, рис. 45. 2].

13. 2016/284 (рис. 14. 12). Венчик и часть тулова полусферической миниатюрной чаши (2,4×2,3 см), глина плотная, розово-красная. Широкая полоса красного лака в верхней части, узкая концентрическая полоса ниже. Северная Иония. 525–590/580 гг. до н. э. Наибольшее число аналогий керамики происходит из Ольвии [Буйских 2013, 141; 149, № 9.327–328; 9.333; 9.336, рис. 141, 9.327–328; 9.333; 9.336; Лейпунская, Буйских 2014, 108; 110, № 128, рис. 20. 3] и Березани [Буйских 2019, 138–139, № 6.101–112, рис. 124–125, 6.101–112], где они датируются последней четвертью VI – началом V вв. до н. э. Известны их находки в Фанагории [Завойкин, Колесников, Сударев 2016, 186–187, рис. 89], Истрии [Alexandrescu 2005, 363, cat.-no. C 184], Токры [Hayes 1966, 44; 53–54, cat.-no. 714–718, fig. 27, pl. 37]. Находки из Милета происходят из заполнения архаического колодца, засыпанного в 494 или 479 г. до н. э. [Niemeier 1999, 381; 384, 393, Abb. 27. 14, 15; 411, Kat. Nr. 14, 15].

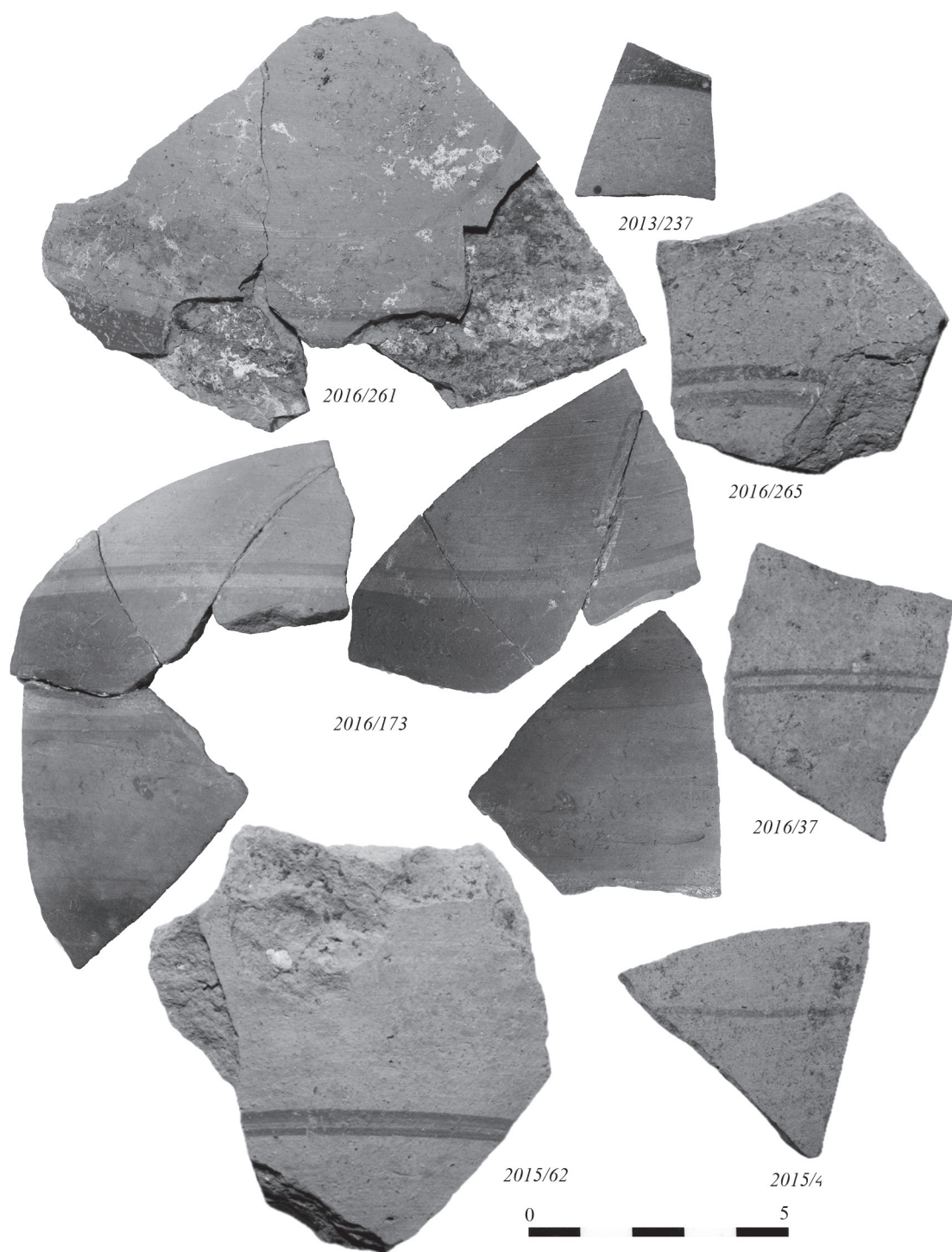

Рис. 15. Поселение Стрелка 2. Восточно-греческая керамика

14. 2016/173 (рис. 15. 2). Столовая амфора (многочисленные фрагменты тулова одного сосуда) с красными полосами различной ширины, изготовленная из красно-коричневой глины с мелкими блестками. Северная Иония/Эолия. 570–500/490 гг. до н. э. Подобные амфоры встречены на территории Боспора [Гайдукевич 1959, 167, рис. 15. 2; Sidorova 2009, pl. 36. 1–4]. Погребальный комплекс из Ларисы на Гермосе с арибаллом середины VI в. до н. э. и блюдом на высоком поддоне VI в. до н. э. дает возможную дату нашего сосуда [Boehlau, Schefold 1942, 157–158, Abb. 66]. Не исключено, что фрагмент принадлежал гидрии [ср.: Ibba 2004, 78–79; 93 cat.-no. 18, 19] конца VI в. до н. э.

15. 2016/75 (рис. 14. 14). Фрагмент сероглиняного кувшина, декорированного ребристыми горизонтальными полосами по горлу (5×3,7 см). Обратная сторона – тусклая, серая. Эолия. 500–450 г. до н. э. Близкие сосуды хорошо известны в контекстах V в. до н. э., например: Тиритаки [Буйских 2014, 108, 110, кат. III.11, рис. 35. 4] и Пичвнари [Vickers, Kakhidze 2008, 140; 142, fig. 17]. Предполагается их ольвийское происхождение.

16. 2016/68 (рис. 14. 13). Фрагмент ручки столовой амфоры или ойнохой с орнаментом красным лаком (4,2×2,6 см). Глина красно-коричневая, поверхность от светло-коричневой до буро-серой. Северная Иония. 550–490/480 гг. до н. э. Находки подобных амфор известны на Березани [Буйских 2019, 129; 132, № 6.25, рис. 115. 6.25] и в Ольвии [Буйских 2013, 117; 120, № 9.12, рис. 98. 9.12], где они датируются третьей четвертью или второй половиной VI в. до н. э. Возможно, публикуемый фрагмент принадлежал трехручной ойнохое с волнистым орнаментом [Uzun 2018, 329 fig. 6. E], которая датируется 520/10–490 гг. до н. э.

17, 18. 2016/4 (рис. 14. 15). Фрагмент тулова столовой амфоры, кувшина или ольпы (7,2×4,3 см). Сосуд был изготовлен из светло-коричневой глины с мелкими блестками. Близкий фрагмент (6,3×5,6 см) 2012/188 (рис. 14. 16) с двумя узкими полосами лака по тулову также изготовлен из светло-коричневой глины с блестками, но она более слоистая. (Южная) Иония. 570–500 гг. до н. э. Находки подобных сосудов многочисленны на Березани [Буйских 2019, рис. 113. 6.3; 116. 6.26; 117. 6.36] и на Боспоре [Гайдукевич 1959, 164, рис. 11].

19. 2015/62 (рис. 15. 6). Стенка столовой амфоры или кувшина (7,5×7 см). (Южная) Иония. 530–490/480 гг. до н. э. Подобный орнаментированный пояс есть, например, на амфоре из некрополя Волна 1 [Мимоход и др. 2018, 139, рис. 16. 6], а также на сосудах из Березани [Буйских 2019, рис. 116. 6.26; 117. 6.36] и Милета [Niemeier 1999, 83, Abb. 10–12; 401, Abb. 26. 7–9; 403, Abb. 27. 10; 410, Kat. Nr. 7–10]. Милетские параллели датируются последней третью VI – началом V в. до н. э. [Niemeier 1999, 382–383, Abb. 10–12].

20. 2016/37 (рис. 15. 5). Небольшой фрагмент (5,9×4 см), изготовленный из серой глины с мелкими белыми включениями, возможно, принадлежит лидиону. Аналогии известны в Ольвии [Буйских 2013, 132–133, рис. 118. 9.166].

21. 2016/265 (рис. 15. 4). Обломок дна (5,5×5,2 см) блюда (?) с орнаментом из двух концентрических кругов красно-коричневого лака на внутренней поверхности. Глина серо-коричневая, с мелкими блестками. Иония. 600–500 гг. до н. э. Подобные сосуды происходят с Самоса [Isler 1978, 148, Kat. Nr. 514, 515, Taf. 68. 514, 515, Beil. 12. 514–515]; Березани [Чистов, Ильина 2012, рис. 19. 8; Буйских 2019, рис. 59. 2.306, 2.309; 62. 2.339; 63. 2.344, 2.347; 65. 2.368; 67. 2.288–289, 2.392; 68. 2.394, 2.397, 2.400], Ольвии [Буйских 2013, рис. 46, 3.43, 3.45; 47, 3.246–247, 3.261, 3.263].

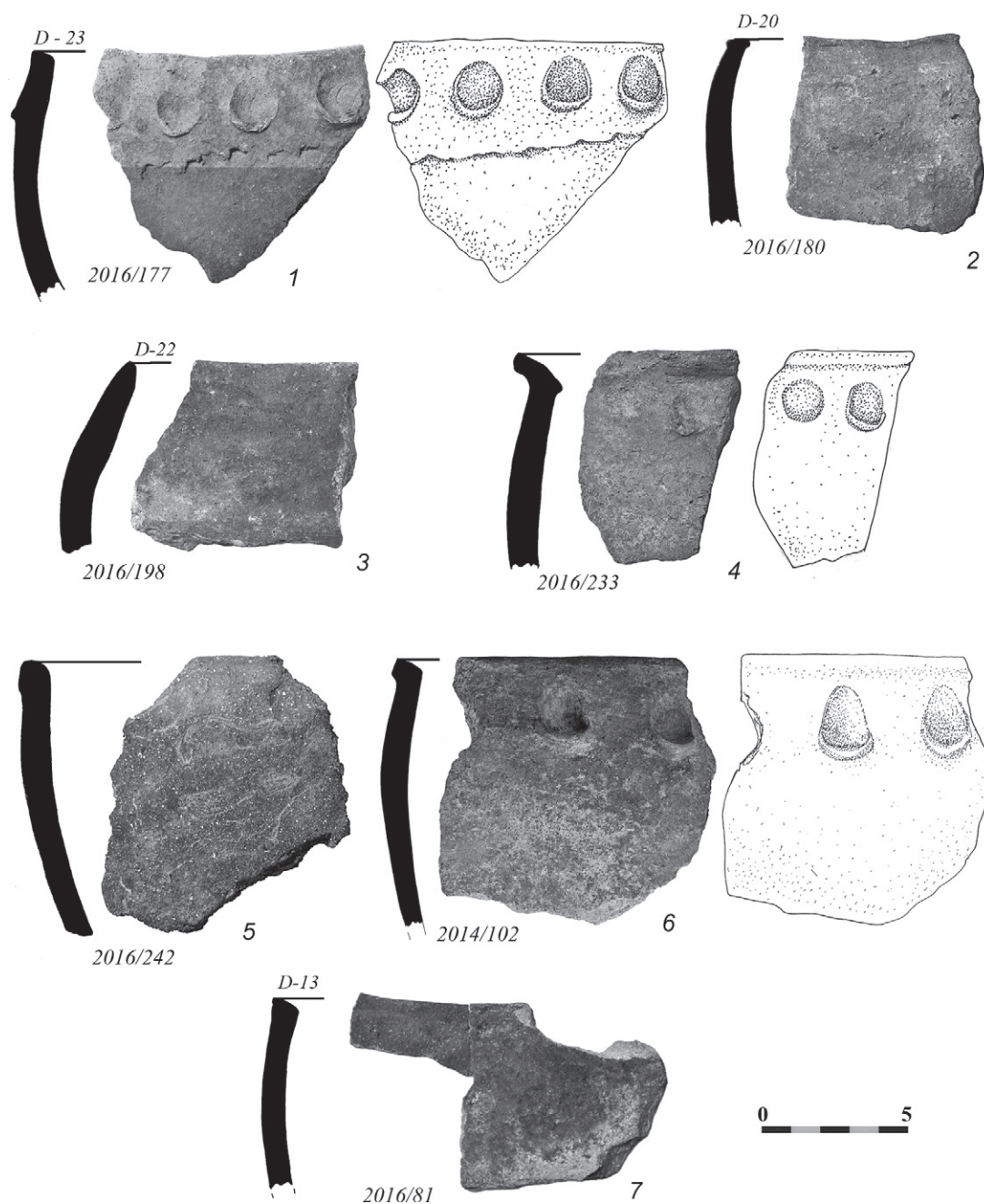

Рис. 16. Поселение Стрелка 2. Лепная керамика

22, 23. К этим же сосудом можно добавить еще несколько фрагментов, которые сложно связать с определенными формами: 2015/4 (рис. 15. 7), 2013/237 (рис. 15. 3). Эти обломки могли в равной степени принадлежать ойнохое, столовой амфоре или лекифу и датируются в пределах 550–500 гг. до н. э. [например, см.: Гайдукевич 1959, 167, 15; Буйских 2013, 117, рис. 101. 9.24; Мимоход и др. 2018, 134, рис. 14. 6].

* * *

Подводя итоги, предложим краткую хронологию поселения Стрелка 2. Оно было основано около середины VI в. до н. э. Слоя этого времени открыто не было, но находка фрагмента хиосской амфоры с белой облицовкой позволяет предполагать раннюю дату. Оборонительные ров и вал были сооружены не позднее первой половины V в. до н. э., но скорее еще раньше, сразу после возникновения поселения. Была ли на нем изначально какая-то конструкция – не вполне ясно. В первой половине V в. до н. э. поселение, возможно, подверглось вражеской атаке. Слой углей и прокаленной глины на гребне вала, датирующийся в пределах первой половины V в. до н. э., в котором был обнаружен бронзовый наконечник стрелы (рис. 4. 2), свидетельствует о том, что пожар не был бытовым. После этого обитатели крепости возводят на гребне вала некие сооружения на каменном фундаменте. Первоначально они определялись как фортификационные – остатки разрушенной башни и части сырцово-кирпичной стены на каменном фундаменте [Журавлев, Шлотцауер 2014, 159, рис. 9]. Сейчас мы не даем их окончательной интерпретации.

Время следующего пожара – первая треть IV в. до н. э. Возможно, он также был связан с какими-то военными действиями и фиксируется по всему раскопу. Ещё один пожар, покончивший со строительной активностью в этом месте поселения, произошел в первой половине III в. до н. э.

Где-то во II в. до н. э. здесь фиксируются выборки остатков кладок. Возможно, это говорит о том, поселение уже не было обитаемо. Косвенным подтверждением этому может служить отсутствие материала позднеэллинистического и римского времени. В средневековую жизнь на памятнике возродилась (фрагменты столовой посуды, в том числе поливной, фрагмент горла ойнохой VI–IX в. н. э.) [ср.: Чхаидзе 2008, 193–194, рис. 108. 3] и медная монета Нур-Давлет Гирея, чекан Крыма (871–872 гг. х.)⁷. К сожалению, на нынешнем этапе исследования предложить более узкую хронологию открытых объектов и реконструировать хотя бы основные этапы жизни поселения затруднительно.

Список литературы

- Абрамов А. П., Паромов Я. М. 1993. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 2. М., 25–98.
- Алексеева Е. М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 143.
- Баширов А. С. 1928. Археологические обследования Таманского полуострова летом 1927 года // Труды секции Археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. III. М., 71–86.

⁷ Определение Е. Ю. Гончарова.

- Буйских А. В. 2013. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 456.
- Буйских А. В. 2014. Амфоры и столовая посуда // Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II. Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. (БИ. Suppl. 11). Симферополь–Киев, 318–455.
- Буйских А. В. 2019. Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960–1980 гг.). Киев, 392.
- Веселов В. В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. (ДБ. Suppl. II). М., 264.
- Гайдукевич В. Ф. 1959. Некрополи некоторых Боспорских городов // Некрополи Боспорских городов (МИА. 69). М.–Л., 154–238.
- Журавлев Д. В., Батасова А. В., Кудряшова А. И., Фирсов К. Б., Шлотцауер У. 2018. Раскопки поселений Голубицкая 2 и Стрелка 2 на Таманском полуострове // АО 2016. М., 210–212.
- Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У., Курков В. М., Скрипицына Т. Н., Князь В. А., Кудряшова А. И., Кобзев А. А., Мишка К. 2019. Новые данные о структуре античных памятников Азиатского Боспора (по данным дистанционного зондирования) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Основные итоги и перспективы исследований (XX Боспорские чтения). Симферополь–Керчь, 193–200.
- Журавлев Д. В., Завойкин А. А. 2007. Светильники из святилища Береговой 4 // ДБ. 11, 127–184.
- Журавлев Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. 2020. О захоронениях собак на поселении Голубицкая 2 // ДБ. 25, 98–122.
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б., Шлотцауер У. 2016а. Исследования поселения Стрелка 2 в 2006–2015 гг. (предварительные результаты) // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы международн. Круглого стола 7–8 июня 2016 г. М., 38–41.
- Журавлев Д. В., Фирсов К. Б., Шлотцауер У. 2016б. Поселение Стрелка 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции. М., 80–84.
- Журавлев Д. В., Хришановски Л., Чебышев Г. С. 2024. Светильники с территории Азиатского Боспора в собрании Государственного исторического музея // *Hypanis*. 6, 87–150.
- Журавлев Д. В., Шлотцауер У. 2014. Некоторые итоги работ Боспорской археологической экспедиции на Таманском полуострове (2006–2013 гг.) // Государственный Исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников (Тр.ГИМ. 201). М., 150–186.
- Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Батасова А. В., Фирсов К. Б., Хеллстрем К. 2015. Работы на северо-востоке Таманского полуострова // АО 2010–2013 годов. М., 357–359.
- Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Камелина Г. А., Кельтербаум Д. 2010. Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация) // ДБ. 14, 162–183.
- Завойкин А. А., Колесников А. Б., Сударев Н. И. 2016. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории 2. (Фанагория. 4). М., 110–207.

- Ильина Ю.И. 2005. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Государственного Эрмитажа. 1. СПб, 141–170.
- Ильина Ю.И. 2010. Клазоменская керамика из раскопок на Березани // Борисфен – Березань. Археологическая коллекция Государственного Эрмитажа. 2 (Тр.ГЭ. 54). СПб, 141–170.
- Кельтербаум Д., Журавлев Д.В., Шлотцауер У. 2016. Исследования в области палеогеографии Таманского полуострова // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. К 10-летию Боспорской археологической экспедиции. М., 21–27.
- Курков В. М., Скрыпичина Т.Н., Журавлев Д.В., Шлотцауер У., Кобзев А.А., Князь В.А., Мишка К. 2018. Комплексное обследование археологических памятников с использованием воздушного и наземного зондирования // Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг. 3. Ростов-на-Дону, 151–158.
- Лейпунская Н.А., Буйских А.В. 2014. Архаическая расписная керамика // Жилые дома Центрального квартала Ольвии (МАИЭТ. Suppl. 13). Симферополь–Керчь, 196–249.
- Мелюкова А.И. 1964. Вооружение скифов (САИ. Д1–4). М., 114.
- Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С. 2018. Исследования грунтового некрополя Волна 1 в 2017 г. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. 2. Сб. научных трудов, посвященный 70-летию профессора В.П. Копылова. Ростов-на-Дону, 120–144.
- Монахов С.Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.–Саратов, 352.
- Очир-Горяева М.А. 1996. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. 1, 41–54.
- Паромов Я.М. 1992. Археологическая карта Таманского полуострова (Работа депонирована в ИНИОН РАН, № 47103 от 1.10.1992). М.
- Сидорова Н.А. 1992. Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965–1985 гг. (кроме аттической чернофигурной) // Археология и искусство Боспора (СГМИИ. 10). М., 131–172.
- Скрыпичина Т.Н., Курков В. М., Кобзев А.А., Журавлев Д.В. 2019. Данные дистанционного зондирования как геопространственная основа для археологических исследований // Инженерные изыскания. XIII/3, 18–26.
- Смирнов К.Ф. 1961. Вооружение савроматов (МИА. 101). М., 163.
- Чистов Д.Е., Ильина Ю.И. 2012. 1. Ранний период (конец VII – первая половина VI в. до н. э.). Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. 2. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб, 20–41.
- Чхаидзе В.Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 328.
- Akurgal M., Kerschner M., Mommsen H., Niemeier W.-D. 2002. Töpferzentren der Ostägäis. Archäometrische und archäologische Untersuchungen zur mykenischen, geometrischen und archaischen Keramik aus Fundorten in Westkleinasien (Ergänzungshefte zu den Jahressheften des Österreichischen Archäologischen Instituts. 3). Wien, 188.

- Alexandrescu P. 2005. La zone sacrée d'époque grecque (Histria 7). Bucharest, 551.
- Баşаран С., Касапоғлу В.Е., 2014. Parion Güney Nekropolisi 2005–2013 // Anadolu'nun zirvesinde Türk arkeolojisinin 40 yılı: "Atatürk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Arkeoloji Bölümü 40. kuruluş yılı". Ankara, 117–138.
- Boardman J. 1967. Excavations in Chios 1952–1955: Greek Emporio (The British School at Athens. Suppl. 6). Oxford, 258.
- Boehlau J., Schefold K. 1942. Die Kleinfunde. Larisa am Hermos. 3. Die Ergebnisse der Ausgrabungen 1902–1934. Berlin, 195.
- Boriskovskaya S., Arsentyeva E. 2006. Attic Black-figure Vases from the Necropolis of Pantikapaion (CVA Russia, Fasc. 11. The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Fasc. IV). Roma, 48.
- Cook R.M. 1952. A List of Clazomenian Pottery // BSA. 47, 123–152.
- Cook J.M. 1965. Old Smyrna: Ionic Black Figure and Other Sixth-Century Figured Wares // BSA. 60, 114–142.
- Cook R.M. Dupont P. 2003. East Greek Pottery. London–New York, 226.
- Chibunichev A.G., Knyaz V.A., Zhuravlev D.V., Kurkov V.M. 2018. Photogrammetry for archaeology: collecting pieces together // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. Vol. XLII-2, 2018. ISPRS TC II Mid-term Symposium "Towards Photogrammetry 2020", 4–7 June 2018. Riva del Garda, Italy, 235–240.
- Ersoy Y.E. 2004. Klazomenai 900–500 BC. History and Settlement Evidence // Moustaka A., Skarlatidou E., Tzannes M.-C., Ersoy Y. (tds.), Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Thessaloniki, 43–76.
- Hayes J. 1966. The Pottery // J. Boardman, J. Hayes. Excavation at Tocra 1963–1965. The Archaic Deposits 1. Oxford (BSA. Suppl. 4). 19–148.
- Ibba M.A. 2004. La fontana "arcaica" dell'Agora di Iasos e I suoi materiali // Iasos tra VI e IV sec. a. C. Miscellanea storico-archeologica (Atti dell'Accademia delle Scienze di Ferrara. Suppl. 81). Ferrara, 73–99.
- Niemeier W.-D. 1999. „Die Zierde Ioniens“. Ein archaischer Brunnen, der jüngere Athenatempel und Milet vor der Perserzerstörung // AA, 373–413.
- Paromov Ja.M. 2009. Einführung in die Archäologie der Taman'-Halbinsel // Die Griechen und ihre Nachbarn am Nordrand des Schwarzen Meeres (EIKON. Beiträge zur antiken Bildersprache. 9). Münster, 3–57.
- Petrakova A. 2006. Attic Black-Figure and Bilingual Drinking Cups (CVA Russia, Fasc. 10. The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Fasc. 3). Roma, 140.
- Schlottzhauer U. 2012. Untersuchungen zur archaischen griechischen Keramik aus Naukratis // U. Schlottzhauer, S. Weber, H. Mommsen. Griechische Keramik des 7. und 6. Jh. v. Chr. aus Naukratis und anderen Orten in Ägypten. Archäologische Studien zu Naukratis. 3. Worms, 21–194.
- Schlottzhauer U. 2014. Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet (PhD Dissertation, Ruhr- Universität Bochum, 2001) (urn: nbn: de: hzb:294-42490), xxii+622.
- Sidorova N. 2009. East Greek Pottery (CVA Russia. Fasc. XVII. Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow. Fasc. VIII). Roma, 78.

- Sidorova N., Tugusheva O. 1996. Attic Black-Figured Vases (CVA Russia. Fasc. I. Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow. Fasc. I). Roma, 64.
- Siebeking J., Hackl R. 1912. Die Königliche Vasensammlung zu München 1. München, 154.
- Sudarev N.I., 2021. The Asian Bosphorus before and during the Greek Colonisation // An den Ufern des Bug. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn (Frankfurter Archäologische Schriften 42), 43–72.
- Uzun K. 2018. Clazomenian Wave-Line Pottery // Archaic und Classical Western Anatolia: New Perspectives in ceramic studies. Proceedings of the Second KERAMOS International Conference at Ege University, Izmir, 3–5 June, 2015. In Memoriam Prof. Crawford H. Greenewalt Jr. (Colloquia Antiqua. 19). Leuven–Paris–Bristol, 315–344.
- Vickers M., Kakhidze A. 2008. A Kolchian and Greek Settlement: Excavation at Pičvnari 1967 to 2005 // Meetings of Cultures in the Black Sea Region. Between Conflicts and Coexistence. Aarhus (Black Sea Studies. 8), 131–162.
- Walter-Karydi E. 1973. Samische Gefäße des 6. Jahrhunderts v. Chr. (Samos. 6.1). Bonn, xii+157.

Summary

D. V. Zhuravlev, K. B. Firsov, U. Schlotzhauer Settlement Strelka 2: Results of the excavations 2012–2016

In 2012–2016, the Bosporan Archaeological Expedition of the State Historical Museum, together with the Eurasian Department of the German Archaeological Institute, explored the Strelka 2 settlement in the Temryuk District of Krasnodar Region. The research was preceded by aerial photography (fig. 1. 2) and geomagnetic survey (fig. 3).

The settlement was founded around the middle of the 6th century BC. No layers from this period have been discovered, but the find of a fragment of a Chian amphora with a white coating (fig. 4. 1) suggests an early date. The defensive ditch and rampart (fig. 6) were constructed no later than the first half of the 5th century BC.

In the first half of the 5th century BC, the settlement may have been attacked by enemies. The ash layer and calcined clay on the crest of the rampart, widely dated to the first half of the 5th century BC, in which a bronze arrowhead was found (fig. 4. 2), clearly indicates that the fire was not domestic. After the fire, the fortress inhabitants erected some structures on a stone foundation on the crest of the rampart (fig. 5; 9–11). It is clearly visible that the foundations of the masonry are located directly above the burnt layer (fig. 12. 1–3), which does not allow us to assume a large chronological distance between these events. These structures were described in the preliminary publication as fortifications – the remains of a destroyed tower

and part of a mud wall on a stone foundation. We are now more cautious in our interpretation of these stone foundations and do not give a final interpretation.

The period of another fire, as indicated by traces of strong calcination and traces of fire on the stones of masonry 1 and 2, is the first third of the 4th century BC. Perhaps this fire is also associated with some military actions, and records the destruction of the excavated area. The next fire, which put an end to construction activity at this site, occurred in the first half of the 3rd century BC.

Somewhere in the 2nd century BC, masonry samples were recorded on the ruins of the walls, which may indicate that at that time the settlement was no longer inhabited. Indirect confirmation of this may be the absence of late Hellenistic and Roman material on the monument, with the exception of one handle of a light-clay amphora.

In the Middle Ages, life at the site was revived again – this is evidenced by fragments of glazed tableware, a fragment of the neck of an oinochoe from the 6th–9th centuries, and a copper coin of Nur-Davlet Girya, minted in Crimea (fig. 9).

Apart from the finds of fragments of transport amphorae (fig. 13), and handmade pottery (fig. 16) the most important category of early finds at the Strelka 2 settlement are fragments of East Greek pottery (fig. 14–15). The dating of the earliest fragments of East Greek pottery cannot be determined very precisely. It is possible that some of the fragments presented here are earlier, but the combination of these finds gives grounds to speak of the last quarter of the 6th century BC. Some of the fragments most likely belong to the same vessels.

А. А. Завойкин

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Синды, Семибратние курганы и Лабрис (историографические реликты и новые открытия)

По сути дела, синды с археологической точки зрения являются фантомом.

Горончаровский, Иванчик 2010, 224

Если на клетке слона прочтешь надпись: буйвол, — не верь глазам своим.

Козьма Прутков

Невозможно переоценить роль, которую играет в исследованиях Синдики комплекс археологических памятников: «Семибратние курганы – Семибратнее городище». Без преувеличения – эта роль ключевая, в особенности если эти памятники рассматривать именно как единый комплекс. Для подтверждения этого тезиса достаточно попытаться представить себе, что нам пришлось бы иметь дело с каждым из этих замечательных и по-своему уникальных памятников в отдельности, в отрыве одного от другого... Я уже не говорю о том, что знали бы мы о синдах и Синдике, если бы этих памятников не было вовсе, хотя ни тот, ни другой из них *прямого* отношения к синдам не имеет. В данном случае я имею ввиду то, что, по моему представлению, ни основатели Лабриса (Семибратнее городище), ни погребенные в Семибратних курганах «цари» Синдики этническими синдами не являлись.

Начать следует с вопросов о том, кто такие синды, упоминаемые в сочинениях античных авторов и в боспорских эпиграфических документах (в титулатуре Спартокидов), о территории их расселения и археологических памятниках, которые можно связать с этим народом¹.

Я разделяю точку зрения исследователей, что лингвистическая принадлежность синдов не может быть установлена ввиду того, что мы не располагаем никакими данными

Работа выполнена в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

¹ Историография по этим вопросам разрослась до весьма внушительных масштабов, что при остром дефиците источников по теме показательно. Я же постараюсь минимизировать объем привлекаемых мною исследований, акцентируя внимание, главным образом, на работах последних двух десятилетий, лишь при необходимости проследить генезис современных идей, выходя за указанные временные рамки. В качестве более полного справочника по литературе до 2011 г. читатель найдет в небольшой монографии М. Е. Бондаренко [2012, 11–28].

на этот счет²: известные имена последнего правителя Синдики (Гекатей – др.-греч.) и его сына (Октамасад – др.-иранск., скифское) иноязычные [Горончаровский, Иванчик 2010, 219]. В то же время затруднительно утверждать, что «синды» – это самоназвание народа, обитавшего на территории, которую эллины именовали Синдикой, т.е. страной, населенной синдами [см.: Кузнецов 2016, 268, 270; 2024, 38]. У тех, кто думает иначе, имеется единственный аргумент – легенда (ΣΙΝΔΩΝ) на реверсе серебряных монет последней трети V в. до н. э. Её чеканка, по их мнению, производилась синдскими правителями от имени синдов (gen. pl.). Дело, однако, не только в том, что не все исследователи разделяют эту точку зрения [ср.: Грач 1972; Шелов 1981; Забойкин, Болдырев 1994; Кузнецов 2016; 2024], но и в том, что созвучные топонимы и этнонимы встречаются в других регионах ойкумены [Кузнецов 2016, 267–268; Забойкин 2024, 161–162, и прим. 75]³. Поэтому представляется вполне вероятным, что это название одному из племен прикубанских варваров дали греки. Следы первых контактов тех и других здесь относятся к последней трети VII в. до н. э. [Иванов, Каргин, Сударев 2024, 248–249, рис. 10]. Примерно тем же временем определяется и дата формирования традиции «каменных некрополей», оставленных, по мнению ряда исследователей, синдами [Алексеева 2023, 23–24, 29; Новичихин 2010, 255; Малышев, Новичихин 2022, 169–170]⁴.

Согласно ранней ионийской традиции, сохраненной в перипле начала третьей четверти IV в. до н. э. (Ps.-Scyl. Per. 72–73) [Тохтасьев 2004, 164, прим. 82], область синдов простирается «и за пределы озера (Меотиды. – А. 3.), и города в ней следующие: Фанагория, Кепы, Синдская Гавань (за нею – «народ керкеты». – А. 3.), Патус⁵». Иначе говоря, по представлениям самих эллинов, Синдика включала в себя и Таманский п-ов (Остров)⁶, и материковые земли «за Гипанисом» (Strab. XI. 2, 11). По представлениям же Е. М. Алексеевой⁷, – которая до последнего времени не отождествляла местоположение Синдской Гавани и Горгиппии, – синды занимали *только* Таманский п-ов⁸ (где, по её

² По этой теме см. [Тохтасьев 2017, 195, 196–203], где речь идет о топонимах, «несомненно локализующихся на территории Синдики», и негреческих личных именах, зафиксированных в надписях доримского времени из городов на Таманском п-ове и Лабриса (единственное – Октамасад), некоторым из которых автором статьи предложены др.-иранские этимологии.

³ Бесспорно, «созвучные имена собственные можно найти где угодно» [Тохтасьев 2017, 183–184]. Но едва ли правильно этот тезис возводить в абсолют, тем самым рискуя с водой выплеснуть ребенка.

⁴ О генезисе этих погребальных памятников см. [Новичихин 2014, 116–117].

⁵ Согласно С. Р. Тохтасьеву [2004, 163, прим. 77; 2017, 195] – это Патрей.

⁶ Ср. у Гелланика Лесбосского: «Когда проплываешь Боспор, <будут> синды, а выше них – меоты скифы» (FGrHist 4 F69).

⁷ Эти взгляды Е. М. Алексеевой коренятся в идеях, сформулированных в ряде более ранних исследований, согласно которым Таманский п-ов был населен синдами, подвергшимися сильной «эллинизации», начиная со времени греческой колонизации. В свою очередь, отражение погребальных обычаев синдов усматривали в ряде погребальных памятников Тамани, перенося на них этническую атрибуцию элементов погребальных традиций (в том числе, конструкций из сырцового кирпича), характерных для погребений Семибратних курганов. Историография вопроса хорошо представлена в статье: [Иванов, Сударев 2023, 191–193].

⁸ Ю. С. Крушкол Таманским п-овом ограничивала территорию подвластную «царю синдов» Гекатею, а на территории в районе Анапы, по её мнению, проживали синды «сохранившие нетронутыми свои специфические синдские черты» [Крушкол 1971, 83]. Напомню, что, начиная свои работы «в Синдике» (Таманский п-ов), В. Д. Блаватский предполагал, что за пределами городов, на их сельской территории размещались, наряду с усадьбами греков, деревни местного населения, т.е. синдов, которые быстро были интегрированы в сложившееся здесь общество. Обильные и разнообразные находки предметов греческой культуры, полученные при раскопках сельских поселений, по мысли исследователя, говорят о том, что синды подверглись быст-

мнению, и следует искать Синдскую Гавань⁹ [Алексеева 1991, 4–5; ср. Тохтасьев 2002, 26–28]), а за Гипанисом располагались керкеты и тореты, именно им, якобы, и принадлежали «каменные некрополи» района Анапы – Новороссийска [Алексеева 1991, 35; 1997, 23–26], поскольку на Тамани таких могильников нет. Дело, однако, в том, что на Тамани погребальные памятники варварского населения (синдов) нам практически не известны вовсе¹⁰, ни «каменные некрополи», ни какие-либо иные.

Сходный взгляд придерживается В. А. Горончаровский, который считает позицию Е. А. Алексеевой «более конструктивной» (по сравнению с той, что занимают исследователи, относящие «каменные некрополи» к синдам), по сути дела отказываясь признать памятники рядового населения Синдики синдами¹¹. Исследователь написал буквально следующее: «...На территории Синдики памятники, которые могут быть уверенно связаны с синдами неизвестны... По сути дела, синды с археологической точки зрения являются фантомом»; фактически «...это городище (Семибратнее. – А. З.)¹² и его могильники оказываются единственным археологическим памятником, который может быть связан с синдами» [Горончаровский, Иванчик 2010, 224]. Иными словами, бесспорно синдами признаются только представители «царского» рода, погребенные в Семибратних курганах¹³.

Прежде чем продолжить, следует все же выразить недоумение по поводу того, что в предложенной схеме рассуждений как-то не очень согласуются базовые тезисы. Если Синдика – это только Таманский п-ов, то почему за его пределами («за Гипанисом») располагались «царская резиденция синдов» и «некрополь синдских царей»? Равно невозможно понять, почему греки поименовали основанную ими апойкию на месте совр. Анапы Синдской Гаванью, если эта территория была населена вовсе не синдами, а керкетами¹⁴?

В. А. Горончаровский, ссылаясь на некие «косвенные данные», полагает, что по языку синды были иранцами. Отрицая какую-либо связь сырцово-погребальной архитек-

рой и глубокой эллинизации [Блаватский 1952, 79–80; см. также: Шелов 1856, 48]. Однако со временем стали возникать вопросы, которые в корне изменили взгляды исследователей на ситуацию на восточном побережье Керченского пролива. Современные исследователи говорят об освоении сельских территорий самими греками, а памятники (поселенческие или погребальные) аборигенного населения на Таманском п-ове остаются практически неизвестны.

⁹ Недавно Е. М. Алексеева от прежних своих взглядов отказалась, согласившись с почти общим мнением, согласно которому полис – предшественник Горгиппии именовался Синдской Гаванью [Алексеева 2023, 35–37].

¹⁰ Небольшое количество погребений, совершенных по обряду, характерному для «каменных некрополей» Синдики, представлены только в некрополях поселений Волна 1, Артющенко 2 и на мысе Тузла [Мимоход и др. 2018, 229–230; Берлизов 2024, 258 с лит.].

¹¹ «Итак, территория синдов или Синдики примерно соответствует Таманскому полуострову» [Горончаровский, Иванчик 2010, 219; Горончаровский 2017, 230].

¹² Поскольку исследователь справедливо придерживается мнения, что Лабрис был основан греками как эмпорий, очевидно, что этот памятник связан с правителями Синдики разве только тем, что здесь могла размещаться их резиденция (наподобие тому, как это было у скифского царя Скила в Ольвии – Hdt. IV. 80) и/или тем, что «цари» Синдики (вернее все-таки – «цари синдов»), установив над Лабрисом «протекторат», взимали с греков мзду.

¹³ Немногом позднее В. А. Горончаровский к синдским древностям отнес несколько воинских погребений в районе Фанагории и Кеп, а также другие захоронения знати к западу от Лабриса, вплоть до кургана у пос. Уташ, датируемые им от 450 до 410/400 гг. до н. э. [Горончаровский 2017, 237–244; аналогично: Виноградов 2005, 246, 250–251].

¹⁴ Вопрос, почему сами эллины считали Таманский п-ов частью Синдики, хотя непосредственно там синды не проживали – иного порядка. Здесь мы его касаться не будем.

туры Семибратних курганов с греческой строительной традицией¹⁵, он, основываясь на аналогиях использования сырца в погребальных сооружениях, предлагает оригинальную версию этногенеза синдов, возводя его к кочевникам южноуральских степей и Самарского Заволжья, оставивших памятники VI – первой половины V в. до н. э., откуда эти ираноязычные номады мигрировали в область Нижнего Закубанья, где они в конце VI в. до н. э. «обрели доминирующее положение среди местных оседлых и полuosедлых племен» [Горончаровский 2017, 229–234; 2020, 148, 149]. Поскольку развернутая и аргументированная критика этой идеи дана в обстоятельной статье А. В. Иванова и Н. И. Сударева [2023, 193–196], не вижу необходимости на этом вопросе останавливаться вновь и присоединяюсь к мнению названных авторов, согласно которому предложенное В. А. Горончаровским объяснение природы сырцовых склепов и появления «синдов» в Прикубанье принять затруднительно. Главное же – нет никакой необходимости искать культурные элементы, взаимодействие которых определило специфический облик погребальных памятников правителей Синдики, за тридевять земель.

Практически все исследователи сходятся во мнении, что Семибратние курганы являют собой памятники, отражающие культурное взаимовлияние кочевого иранского (скифского) и эллинского миров¹⁶. Скифские памятники Прикубанья разделяют на три локальные группы¹⁷. Самая западная из них («Таманско-Причерноморская») представлена погребениями второй половины VII – начала VI в. до н. э. [Алексеев, Рябкова 2010, 240, рис. 1 (карта), 243, 247–249]. А. М. Новичихин соотносит группу скифоидных погребений Западного Закубанья с историческими иксибатами Гекатея («народ у Понта, соседний с синдами» – FGrHist. 1 F216) – иксоматами, из племени которых происходила Тирагатао, супруга «царя синдов» Гекатея (Polyaen. VIII. 55) – язаматами (меотийское племя, по Деметрию/савроматам, по Эфору, которые располагались уже в районе устья Танаиса – Ps.-Scymn. 874–883)¹⁸. Большая часть этих памятников концентрируется на левобережье Нижней Кубани, к северо-востоку от «каменных некрополей» Анапского района. Исследователь отмечает, что с появлением данной группы курганных захоронений на этой территории исчезают памятники протомеотской культуры. Он предполагает, что вооруженные отряды номадов, чьи некрополи располагались на северной границе Синдики и на территории соседних племен (торетов и керкетов), могли установить определенную форму зависимости от них местного населения и допускает, что сообщение Лукиана о былой зависимости синдов от скифов (Luc. Tox. 55) отражает именно такого рода взаимоотношения этносов [Новичихин 2006, 137–138]¹⁹.

¹⁵ А равно и с традицией «каменных некрополей»: по конструкциям и составу погребального инвентаря они различаются «разительным образом» [Горончаровский 2017, 230].

¹⁶ А. Ю. Алексеев и Т. В. Рябкова [2010, 252] дипломатично отмечают: «Этническая принадлежность строителей Семибратних курганов до сих пор не выяснена...».

¹⁷ Ср. Diod. II. 43. 2: скифы «ещё в древности... приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса (пер. П. И. Прозорова).

¹⁸ К ним же исследователь относит и «меотов-скифов» Гелланика (FGrHist 4 F69), хотя название племени в сообщении Лесбосца не упомянуто. По мнению специалистов, этот этноним «носит вполне определенный иранский облик» [Алексеев, Рябкова 2010, 237–238; Тохтасьев 2017, 248].

¹⁹ Следует, пожалуй, припомнить и ремарку Ксенофонта (со слов Сократа) о господстве в Европе скифов над меотами. Правда, здесь сложно судить о хронологии этих отношений, тем более принимая в расчет указание места – Ἐν τῇ Εὐρώπῃ.

Финал истории скифов в Прикубанье не вполне ясен. Уже к концу VI в. до н. э. «культура ранних скифов сливается с культурой “меотов”, приобретая характерный синкретический облик». А в следующем столетии этот регион оказывается вовлечен в общие восточноевропейские процессы (насколько возможно судить по модификации звериного стиля [см. Виноградов 2005, 237 со ссылкой на: Переводчикова 1987, 49–51, 53–54]). Скифы-кочевники «новой волны» появлялись в Нижнем Прикубанье, в области синддов (на что, по мнению скифологов, указывают параллели в обряде и инвентаре погребений Семибратних и Нимфейских курганов) лишь эпизодически [Алексеев, Рябкова 2010, 252]²⁰. Один из возможных путей проникновения номадов в Прикубанье отмечен Геродотом (IV. 28), сообщающим о военных походах скифов в Синдику по льду Киммерийского Боспора. Наибольшая проблема здесь в установлении хронологических ориентиров для этих событий. Если исходить из реконструкции данного маршрута по немногочисленным археологическим памятникам (курганам у с. Филатовки – на Темир-Горе – у лимана Цокур), эти походы следует относить к эпохе архаики (от третьей четверти VII до второй четверти VI в. до н. э.) [см.: Вахтина, Виноградов, Горончаровский, Рогов 1979, 76–79; Вахтина, Виноградов, Рогов 1980, 157–161]. Если же синхронизовать эти походы скифов со временем творчества Отца истории (ок. 484–431/25 гг. до н. э.), то речь идет о событиях середины – третьей четверти V в. до н. э. [см. Завойкин 2013, 283–285]. Правда, следует принять во внимание, что Геродот заимствовал сведения у Гекатея Милетского [см.: Лурье 2010, 142–146; Куланда 2016, 30], хотя мы не можем достоверно определить все эти заимствования в тексте Галикарнасского историка. Эта хронологическая альтернатива, на мой взгляд, не имеет однозначного решения.

В целом же, как представляется, у нас достаточно оснований для того, чтобы связывать захороненных в подкурганых погребениях «скифского типа» вблизи Семибратнего городища (Лабриса) [Алексеев 1992, 162] с этническими скифами, материальная культура которых к моменту их появления здесь²¹ могла испытать на себе заметное влияние как со стороны автохтонного населения, так и эллинской цивилизации. В пользу такой этнической атрибуции властителей Синдики, пожалуй, можно привести еще один аргумент. Сын последнего *басилея*²² синддов, носившего греческое имя Гекатей²³, имел иранское имя Октамасад²⁴, как и один скифский царь V в. до н. э. (Hdt. IV. 80). Обычно в этом факте видят свидетельство «династических связей синдской правящей фамилии» [Горончаровский, Иванчик 2010, 222]²⁵. Однако ничто не мешает думать, что

²⁰ Общую характеристику периода см. [Виноградов 2005, 35–37].

²¹ По датировке древнейшего кургана (СК 2) В. А. Горончаровским [2017, 237] – ок. 450–440 гг. до н. э. Анализ хронологии Семибратних курганов см. [Виноградов 2005, 253–254]: в целом – конец первой половины V – первая четверть IV в. до н. э.

²² «Кем же, как не царем, мог быть и как иначе должен был именоваться правитель варварского народа...?» [Тохтасьев 2004, 177].

²³ Надо думать, греческое имя будущий правитель Синдики мог получить либо потому, что мать его была гречанкой (как у скифского царя Скила – Hdt. IV. 80), либо это имя носил «ксен» его отца (что кажется мне более вероятным, так как жена переходит в род мужа).

²⁴ Согласно посвяtitельной надписи Левкона I, найденной в Лабрисе [Виноградов Ю. Г. 2002; Тохтасьев 2004; Яйленко 2004].

²⁵ С. В. Куланда [2016, 77–78, 117], поддерживая идею о связях синддов с причерноморскими скифами, сомневается в скифском происхождении имени Октамасад и допускает мысль, согласно которой это имя скифы заимствовали у синддов, а не наоборот.

это иранское имя вовсе не было заимствовано извне, а имманентно присуще языковой среде, которой принадлежал сын Гекатея²⁶. Не упустим из виду и то, что супруга Гекатея, происходящая из племени иксоматов (Ροϋαεν. VIII. 55), тоже была носителем «явно иранского имени» – Тиргатао (Τιργαταώ) [Тохтасьев 2017, 248–249; Кулланда 2016, 92, с лит.]. В принципе нет препятствий и для гипотезы, что именно она была матерью Октамасада, т. е. «династическая связь» синдских правителей осуществилась через брак Гекатея и Тиргатао со «скифами-меотами» – иксоматами. Но это недоказуемое предположение ни в какой степени не противоречит тому, что и сам Гекатей, и его предки относились к другой ветви того же этноса²⁷.

Погребальные традиции рядового населения Синдики (синдов), оставившего «каменные некрополи», не находят точек соприкосновения с погребальными обычаями её правителей и других представителей местной элиты («аристократии»). Различия между ними невозможно объяснить только имущественной и социальной дифференциацией общества. Очевидно, что они коренятся в этнокультурной сфере. «Каменные некрополи» входят в группу памятников, занимающих обширную территорию от Анапского р-на до Новороссийска, где расселились племена (синды, керкеты, тореты) – носители общей археологической культуры [Новичихин 2010, 250–251]. Поэтому точно определить границы между ними не представляется возможным. Правда, сами боспорские греки (в титулатуре их правителей) всегда отделяли синдов от прочих «меотов». На мой взгляд, это возможно объяснить лишь тем, что только земли синдов (Синдика) входили в состав территории Боспорского государства. Эти земли в державе Спартокидов получили особый статус. Здесь Левкон I выступал не только на правах победителя, законно приобретшего собственность «по праву копья», но и в качестве правопреемника (*de facto*, а может быть, и *de jure*²⁸) власти над территорией, которая принадлежала «царям» синдов, под юрисдикцией которых находилась и Синдская Гавань [Завойкин 2024, 164].

Говоря о «царях» (*басилеях*) синдов, хочешь не хочешь, придется затронуть вопрос о «синдском государстве»²⁹. Историографическая традиция по этому вопросу восходит к заметке В. И. Мошинской («О государстве синдов»), которая локализует синдов в юго-восточной части Таманского п-ова и на прилегающей к нему части Кавказского побережья до Анапы включительно, где они, «видимо, еще в V в. до н. э. организовали ... государство, одно из первых государственных образований на территории нашей

²⁶ К аналогичному мнению ранее пришел С. Р. Тохтасьев [2017, 204].

²⁷ Именно эту отрасль (племя) скифов В. А. Горончаровский именует синдами, а не рядовое население Синдики. Этому, кажется, противоречит тот факт, что боспорские Спартокиды в титулатуре именуются царствующими над синдами, т. е. над населением Синдики (первоначально – они архонты «всей Синдики» [см.: Соколова, Павличенко 2002, 99 сл.; Завойкин 2004, 150 сл.; Тохтасьев 2004, 157 сл., 164]).

²⁸ Имею в виду формальную передачу власти последним синдским «царем» Гекатеем Левкону I. При этом, конечно, не может быть и речи о том, что Левкон I «перенял у местных династов титул царя синдов и других варварских племен» [Соколова, Павличенко 2002, 120].

²⁹ Здесь я, конечно, не буду касаться «экзотических» мнений исследователей, возводящих к синдам боспорскую династию Спартокидов [например, см.: Артамонов 1949, 34; Шилов 1951, 214]. Впрочем, следует отметить мнение С. Р. Тохтасьева, который, – исходя из вероятности того, что имя Ὀκταμασάδης «было у скифов династическим еще в те времена, когда скифы политически и даже этнически господствовали в Прикубанье», – гипотетически допускает, что «боспорское династическое имя Πατρισάδης ... имеет не непосредственно скифское..., а синдское происхождение» [Тохтасьев 2017, 204, прим. 346].

Родины» [Мошинская 1946, 203]³⁰. «Широко развившаяся торговля была одним из факторов, форсировавших возникновение государства у синдов. Она повела к ускоренному развитию частной собственности и вызвала появление денег. Синды оставили нам ряд типов монет» [там же, 206]³¹. Я процитировал пару пассажей из этой работы только для того, чтобы дать читателю понять, вернее – прочувствовать идеологическую подоплеку, склонявшую автора заметки к интерпретации фактов³² в определенном ключе. (И уже точно – не ставил я перед собой целью сколько-нибудь принизить заслуги предшественников.) Важно было отметить, что ключевыми факторами для рассуждений о синдской государственности были и остаются: монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ [см. Горончаровский, Иванчик 2010, 221]; тезис о глубокой «эллинизованности» синдов³³; размеры и исключительное богатство погребального инвентаря Семибратних курганов, которое «намного превосходит все синхронные комплексы Предкавказья и Северного Причерноморья. Само по себе, это, – по мнению Ю. А. Виноградова, – безусловно, может указывать на весьма высокий уровень социально-экономической дифференциации в синдском обществе» [Виноградов 2005, 255]³⁴.

Начнем, пожалуй, с рассмотрения последнего обстоятельства. Сложно, на мой взгляд, усомниться в том, что богатства властителей Синдики проистекают вовсе не из экономического потенциала собственного населения: между погребенными в Семибратних курганах и теми, кто похоронен на «каменных некрополях» – пропасть³⁵. Основной источник богатств для предков Гекатея и его самого – это контроль над торговыми путями, что проходили через эмпорий Лабрис³⁶, в трех километрах от которого и появился некрополь синдских *басилеев*. Первое по времени погребение этого некрополя (СК 2) [Горончаровский 2017, 237]³⁷ на несколько десятилетий отстоит от принятой

³⁰ Ю. С. Крушкел [1971, 80] ставит ей это в заслугу, отмечая, что «дореволюционная историческая наука» (В. В. Латышев) даже не ставила вопрос о синдской государственности.

³¹ Ср.: «Создание хорошо организованной денежной системы, наблюдаемое в Синдике уже в конце V в. до н. э., необходимо предполагает наличие классового общества и государства». Энгельс указывает, что «родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством» [Шелов 1949, 111]. Позднее Дмитрий Борисович в корне изменил свою точку зрения по этому вопросу [Шелов 1981].

³² О ряде фактических ошибок говорить не имеет смысла.

³³ «Следует подчеркнуть, что возможно и даже наиболее вероятно, синды действительно не достигли в своем развитии зрелых форм государственности. Однако среди племен Прикубанья их выделяет ... высокий уровень эллинизации» [Виноградов 2005, 255].

³⁴ Ср. по-своему, занятно высказывание С. Р. Тохтасьева: «В распоряжении историков всегда, еще до опубликования статьи Д. Б. Шелова (Шелов. 1981), имелись – даже без монет – вполне определенные свидетельства возникновения у синдов не позже, чем в середине V в. до н. э. неопределенного ближе типа ранней государственности – это данные Полиена, VIII, 55. Попытки отрицать их значение... несостоятельны и, добавим, несомненно, несут на себе печать характерных для советской историографии схоластических дискуссий» [Тохтасев 2001, 66]. Парадокс в том, что, как мы видели, именно в недрах «схоластической» советской историографии вызревала концепция синдской государственности.

³⁵ Не думаю, что здесь допустимо предположение о том, что инородцы-правители богатели за счет того, что обирали подвластных синдов «до нитки». Оружие в мужских погребениях «каменных некрополей» едва ли предполагает безответную робость «заметной воинской прослойки» [Новичихин 2010, 248, 250, 251–252].

³⁶ Анализ импорта из подкурганных комплексов Прикубанья второй половины V в. до н. э. приводит к выводу о «самом активном участии племенной аристократии в организации и контроле над торгово-обменными операциями» [Кошеленко, Малышев, Улитин 2010, 269].

³⁷ Ю. А. Виноградов предлагает такие даты ранних курганов: СК 4 – не позднее середины V в. до н. э.; СК 2 – третья четверть V в. до н. э. (близок по времени и СК 5) [Виноградов 2005, 253].

на сегодня даты основания Лабриса (начало V в. до н. э.)³⁸. Впрочем, дата древнейшего погребения дает лишь *terminus ante quem* для определения момента, с которого были установлены некие договорные отношения между предприимчивыми греческими эмпорами и владельцами Синдики. Не исключено, что такого рода договор непосредственно предшествовал основанию Лабриса³⁹.

По мнению исследователей, эпиграмма Левкона I на постаменте статуи, найденном на Семибратнем городище в 1986 г., не только дает название этого города (Лабрис), но и подтверждает то, «что здесь находилась *столица синдского царства*. На это недвусмысленно указывают последние строки надписи: мятежник Отамасад, свергая своего отца с престола, напал именно на Лабрис, где, следовательно, находилась *царская резиденция*⁴⁰, и именно здесь произошла решающая битва, после которой Окамасад был изгнан из Синдики». И далее указывают: «Кроме того, на территории Синдики не известны сравнимые по масштабу с Лабрисом городища, которые могли бы претендовать на роль синдской столицы [Горнчаровский, Иванчик 2010, 221–222]. Собственно говоря, нам вообще почти не известны поселенческие памятники Синдики⁴¹, не говоря уже о городищах⁴² (кроме, разумеется, греческих: эмпория Лабриса и полиса Синдской Гавани).

Я столь придирчив к терминологии ввиду того, что словосочетание «столица синдского царства» невольно ассоциируется с уже вполне сложившимся государством, а никак не с *постоянной (?) резиденцией*⁴³ правителей синдов в греческом эмпории на территории Синдики. Термин «царство» появляется в исследованиях современных специалистов только ввиду того, что древнегреческие авторы называют правителей Синдики «царями синдов» (но никогда не употребляют термин «царство»). Аристотель выделяет четыре вида царской власти, в том числе как особый вид – у некоторых варварских племен, она основана на законе и праве наследования («наследственная и деспотическая

³⁸ Она основана на анализе расписной керамики Семибратнего городища [Вдовиченко 2006, 32–35]. Не следует, видимо, исключать вероятность того, что пополнение в результате новейших раскопок коллекции, например, амфорной тары заставит несколько удредить дату основания эмпории в устье Гипаниса.

³⁹ Подобно тому, как основанию Пантикапея предшествовал договор со скифами (St. Byz. Πανκίπαιον [см. Завойкин, Толстиков 2017, 48]).

⁴⁰ Ср. единственно приемлемое объяснение пассажа Strab. XI. 2, 10 про Горгипию как «царскую резиденцию (= столицу) синдов (βασιλεῖον τῶν Σινδῶν), вблизи моря»: «По недоразумению, которое было вызвано не только двусмысленностью термина, но и слабой осведомленностью Страбона в политических институтах и истории Боспора, βασιλεῖον – царский дворец, превратился у Страбона в обозначение статуса самого города (Горгипии. – А. 3.), а то, что он находится в стране синдов, объясняет принадлежащую, вероятно, ему самому экспликацию – τῶν Σινδῶν» [Тохтасьев 2002, 22–23].

⁴¹ Об одном таком «эталонном», наиболее ярком памятнике второй половины VI – начала II в. до н. э. («Урочище Самойленко») см. [Иванов, Сударев 2018]. Авторы статьи отмечают, что «уже в V–IV вв. до н. э. мы можем характеризовать материальную культуру поселения как античную, греческую. Население при этом не меняется, но подвергается сильной эллинизации, тотально (sic!) воспринимая другую культуру» [там же, 261].

⁴² Ю. С. Крушкол помимо Семибратнего городища, которое исследовательница безоговорочно считает «синдским городом», называет городища Краснобатареиное и Раевское («местный синдский город, который возник в очень отдаленные времена и носил следы автохтонной синдской культуры») [Крушкол 1971, 86–87]. Оставлю это мнение без комментария, поскольку его автора вопросы хронологии не сильно беспокоили.

⁴³ Только этим резиденция синдских «царей» отличается от «тайной» резиденции Скила в Ольвии (Hdt. IV. 78–80), которую, разумеется, никто не называет «столицей скифов». Впрочем, может быть прав В. А. Горнчаровский, предполагая, что «Вероятно, правители синдов, продолжая большую часть года вести кочевой образ жизни, имели в Лабрисе периодически посещаемую резиденцию», то же касается прочих представителей аристократии [Горнчаровский 2011, 123 сл.; Тохтасьев 2017, 196, прим. 307].

по закону») (Pol. III: 9. 3; X. 1). По этой причине по меньшей мере рискованно в *басилеях* Синдики усматривать нечто большее, чем династию единоличных правителей, а в Лабрисе – «столицу синдского царства»⁴⁴.

Неизбежно затрагивая проблемы историографического плана, нельзя упускать из виду, что наши представления о характере Семибратнего городища *до и после* находки в 1986 г. посвящения Левкона I Фебу Аполлону, владыке города лабритян (см. примеч. 24), существенно разнятся. Первые исследователи⁴⁵ городища (Н. В. Анфимов), открывшие довольно хорошо сохранившиеся остатки внешних оборонительных стен, полагали, что они имеют дело с древним синдским городом, испытавшим на себе сильное влияние эллинской культуры. К настоящему времени, кажется, ни у кого не осталось сомнений в том, что Лабрис – это город греческий, эмпорий, основанный в Синдике в начале V в. до н. э. К сожалению, до сих пор этот замечательный памятник исследован крайне неравномерно и в недостаточной степени и, безусловно, чреват новыми весьма и весьма важными открытиями, которые могут существенно скорректировать представления о нем. По сути дела, на сегодняшний день наше представление о Лабрисе, его «визуальный образ», в значительной мере формируется мощными фортификационными сооружениями, открытыми Н. В. Анфимовым, равных которым нет на всем Азиатском Боспоре. Раскопщик датировал строительство древнейших оборонительных стен (северный фронт первоначального «овального города») ок. 480 г. до н. э. [Анфимов 1953, 102–105, 110] В. А. Горончаровский, в целом следуя хронологической схеме Анфимова, их разрушение относит не позднее, чем к 60-м годам IV в. до н. э. [Горончаровский 2009, 153; Горончаровский, Иванчик 2010, 228]. Не берусь судить о причине, по которой этот исследователь игнорирует профессиональный анализ монументальных оборонительных укреплений Лабриса, выполненный В. П. Толстиковым, который приводит к выводу, что с военно-инженерной точки зрения конструктивно-планировочные особенности оборонительных стен первого периода были рассчитаны на гарнизон профессионально обученных воинов (наемников) и указывают на то, что военные архитекторы, возводившие эти укрепления, были знакомы с новейшими достижениями эллинской фортификации IV в. до н. э. Исходя из этого, В. П. Толстиков датирует их *не ранее* первой четверти этого столетия [Толстиков 1981; Толстиков, Нефедкин 2010, 615–618]. Поскольку допустить, что боспорские греки (а тем более варвары синды) на столетие опередили военно-инженерную мысль в самой Элладе не можем, трудно усомниться в том, что создание на севере Синдики мощного оборонительного узла проводилось в рамках стратегической программы правителей Боспора по защите азиатской части их державы. И если это так (а другого и быть не может), то и воображаемый образ «столицы государства синдов» несколько тускнеет...

⁴⁴ Всякого рода уточняющие оговорки едва ли в данном случае уместны. Например, см.: «...Сложилось ли у них (синдов. – А. З.) в V в. государство? Здесь важно подчеркнуть, что все раннеклассовые государства несут на себе еще очень значительный отпечаток родоплеменных отношений, поэтому мы не в праве ожидать от синдов его развитых форм. Мне кажется несомненным, что в конце V – начале IV в. синды, если у них еще и не сформировалось раннеклассовое государство (хотя я все-таки придерживаюсь версии о его существовании), находились на грани его возникновения» [Шелов-Коведяев 1985, 132–133].

⁴⁵ В данном случае я игнорирую раскопки В. Г. Тизенгаузена в 1878 г. и разведки конца 20-х – начала 30-х годов прошлого века [см. Горончаровский 2009, 150].

Несколько слов следует сказать об «эллинизованности» синдов. Действительно, письменные источники отмечают: «Эти синды являются варварами, но нравы их цивилизованны» (Ps.-Scymn. 899–903 Diller; Ps.-Arr. Per. 65) [см. Кузнецов 2016, 269]⁴⁶. Не удивительно, что синды, как ближайшие соседи греков, раньше других племен Прикубанья вступили с ними (греками) в разносторонние контакты и испытали на себе наибольшее влияние эллинской культуры [см.: Завойкин 2011а; 2014, 134–138]. В археологическом выражении это представлено, в первую очередь⁴⁷, в погребальном инвентаре захороненных в некрополях Синдики⁴⁸. Расширяющееся использование «варварами» импортных изделий и продуктов (вина), кажется, принципиально не отразилось, например, на погребальных традициях аборигенного населения Синдики, а о других сторонах греческого влияния мы, пожалуй, и судить не можем. Поэтому едва ли термину «эллинизация» стоит придавать расширенное значение, предполагая усвоение синдами каких-то элементов духовной культуры, социально-политической практики греков и проч.⁴⁹ В любом случае не следует переносить на синдов (как это делали наши предшественники⁵⁰) те характеристики, что выводятся из исследований археологических памятников, открытых на Таманском п-ове⁵¹.

Наконец, вернемся к монете, с которой все и началось... Легенда ΣΙΝΔΩΝ на чеканном серебре последней трети V в. до н. э. – это главный и «неопровержимый» аргумент сторонников синдской государственности [Грач 1972, 135]⁵². Вместе с тем, на мой взгляд, весьма показательна эволюция взглядов по этому вопросу Д. Б. Шелова. Если в возрасте тридцати лет этот ученый однозначно разделял мнение о чеканке данной монеты синдским государством, то тридцать два года спустя он кардинально свое мнение пересмотрел, указав на ряд противоречий, возникающих при принятии традиционных представлений о рассматриваемом нумизматическом феномене, и посчитал наиболее оправданным отнесение его к монетному делу Синдской Гавани (Синдики) [ср.: Шелов 1949; 1956, 42–43 и 1981]⁵³. Противникам мнения Д. Б. Шелова его аргументация показалась неубедительной [например, см.: Тохтасьев 1984, 141; Шелов-Коведяев

⁴⁶ Ср., однако, у Николая Дамасского: «Синды бросают на могилы столько рыб, сколько врагов убил погребаемый» (Nic. Dam. 41; пер. В. В. Латышева).

⁴⁷ См. примеч. 41.

⁴⁸ Например, доля импортной керамики в погребальных комплексах второй половины VI–V в. до н. э. составила не менее 50%. [Новичихин 2010, 250; Малышев, Новичихин 2022, 171].

⁴⁹ Так, аборигены Северной Америки охотно усвоили практику потребления «огненной воды» (взамен приучив «бледнолицых» к табакокурению), радостно принимая разного рода «бусы», но это не оказало решительного воздействия на сам строй их жизни.

⁵⁰ См. примеч. 8.

⁵¹ Ср.: «...Большая степень эллинизации Синдики объясняется вовсе не ее географическим положением или наличием на её территории многих античных городов... Представляется, что причина этого явления кроется в том, что синды были расположены к контактам с греками и увеличивали производство товарного хлеба, в обмен на который они получали греческие продукты, так что сельское хозяйство синдов все же отличается от меотского своей товарностью» [Шелов-Коведяев 1985, 132].

⁵² Среди сторонников синдской государственности, кажется, только Ю. С. Крушкол [1970, 83] не считала наличие монеты «безусловным доказательством» наличия государства, ссылаясь на примеры племенных чеканок.

⁵³ Раньше него эту идею обосновывала Н. Л. Грач [1972, 136–140], ссылаясь на своих предшественников (А. В. Орешникова и А. И. Болтунову). Так же думала и С. Ю. Крушкол [1970, 85], которая, правда, именно этот город считала «столицей синдского государства».

1985, 125–131]⁵⁴. Между тем, оспорить суждение уважаемого исследователя, археолога и глубокого знатока нумизматических материалов, согласно которому весь комплекс известных нам памятников (письменных и археологических) не дает оснований для выводов в пользу существования государства у синдов, – пожалуй, невозможно⁵⁵. Другое дело, что невозможно согласиться и с итоговым выводом Д. Б. Шелова, будто признание в качестве эмитента данной монеты полиса Синдская Гавань снимает хронологическое противоречие, которое ранее смущало исследователей – зазор лет в 20–25 между окончанием чеканки и завоеванием Синдики Левконом I. В данном случае Д. Б. Шелов, ссылаясь на проксенический декрет с упоминанием имени Селевка (восстановлено), опубликованный А. И. Болтуновой [1964, 148]⁵⁶, исходил из того, что окончание чеканки монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ маркирует момент присоединения к Боспору Синдской Гавани, которое, таким образом, произошло в конце V в. до н. э. [Шелов 1981, 243]. Дело, однако, в том, что ко времени написания рассматриваемой статьи материалы археологических открытий на раскопе «Океан» в Анапе (с 1982 г.), естественно, еще не были опубликованы [Алексеева 1991, 7–27]. Соответственно, уважаемый исследователь не мог знать того, что древний полис в Анапской бухте прекратила свое существование (под названием «Синдская Гавань», ему на смену пришла «Горгиппия») после завоевания Феодосии, не раньше 370-х гг. до н. э. А главное, предложенная А. И. Болтуновой датировка горгиппийской проксении (КБН. Add. 4), как выяснилось, была ошибочной⁵⁷. Таким образом, новые источники не только не устраняют хронологическое противоречие, но даже лет на десять расширяют отмеченную выше временную лакуну [ср. Шелов-Коведяев 1985, 126–127]⁵⁸. Следовательно, на сегодняшний день мы просто лишены возможности (и необходимости) сопоставлять окончание чеканки монеты с ΣΙΝΔΩΝ с завоеванием пантикапейскими тиранами Синдики и/или Синдской Гавани⁵⁹.

Со временем был предложен еще один вариант решения вопроса об эмитенте этой монеты, который исходит из предположения, что её чеканили греческие полисы Синдики, объединенные в некий союз [Завойкин, Болдырев 1999; Кузнецов 2016; 2024]. Эта

⁵⁴ Ю. А. Виноградов считает, что «...возврат к традиционной точке зрения на проблему Синдского государства можно признать вполне закономерным... Может быть, он несколько усложняет наше представление об истории Боспора рассматриваемого времени, что почему-то смущало Н. Л. Грач, но явно лучше согласуется со всеми категориями источников» [Виноградов 2006, 255–256]. По-моему, последнее утверждение, по меньшей мере, спорно.

⁵⁵ Иначе думали Ф. В. Шелов-Коведяев [1985, 132] и С. Р. Тохтасьев (см. ниже) и др.

⁵⁶ Кажется, этот эпиграфический документ и послужил триггером к написанию Д. Б. Шеловым его статьи.

⁵⁷ Анна Иванова восстанавливает в надписи имя сына Эвмела [Σέλε]υκος и, опираясь на свою палеографическую оценку шрифта, отождествляет его с преемником власти Спартока I в 433/2 г. до н. э. (Diod. XII. 36, 1). Ю. Г. Виноградов первым датировал этот документ концом IV – самым началом III в. до н. э. (временем Спартока III – Diod. XX. 100, 7) [Толстиков, Виноградов 1999, 297, прим. 13]. Ныне эта датировка ни у кого сомнений не вызывает.

⁵⁸ В. А. Горончаровский и А. Е. Терещенко [2015, 88–89] доводят чеканку до 390 г. до н. э., связывая это событие с карательной экспедицией Тиргатао (Polyaen. VIII. 55). Однако и эта дата не позволяет ликвидировать отмеченный хронологический зазор.

⁵⁹ Кстати, отмечу и бесплодность возможных попыток сопоставлять финал эмиссии рассматриваемых монет с разрушительной (если верить Полиену, VIII. 55) экспедицией Тиргатао. Это событие следует датировать, если доверять тому же источнику, последним годом жизни Сатира I (по: Diod. XIV. 93, 1–493/2 г. до н. э.), который якобы не пережил умерщвления своего сына Метродора.

точка зрения тоже не нашла широкой поддержки и была весьма жестко раскритикована [Тохтасьев 2001, 63–66; 2004, 177, прим. 137]. Действительно, с позиции филолога-классика здесь нет и быть не может места для разночтений и дискуссий, поскольку на самом артефакте написано: « (монета) синдов» (этноним в gen. pl.). Наиболее категорично эта мысль представлена у С.Р. Тохтасьева: «...Ни нумизматический анализ, ни манипуляции со скудными данными литературных источников и археологии принципиально не могут иметь в решении вопроса какого-либо значения, если не будет, наконец, в полной мере осознано, что с точки зрения языка легенда ΣΙΝΔΩΝ может означать только одно: “ (монета) синдов”» [Тохтасьев 2001, 64]. Однако все же игнорировать тот очевидный факт, что эта надпись сделана на монете недопустимо. Следовательно, данный феномен следует рассматривать с точки зрения истории монетного дела, как нумизматический объект. И здесь возникают вопросы, от которых нельзя просто отмахнуться.

Источники серебра, характеристики металла. В отличие от южнофракийских племен, которые в конце VI – начале V в. до н. э.⁶⁰ чеканили монету из собственного серебра, добытого в Пангейских рудниках [Златковская 1968, 3–22; Кузнецов 2016, 258–259 с лит.], синды (как и греки в Синдике) местными ресурсами для чеканки серебра не располагали. В том или ином виде (слитки, изделия, чеканная монета других центров и др.⁶¹) этот благородный металл необходимо было доставить в обмен на какие-то товары.

До сравнительно недавнего времени вопросу об источнике серебра, используемого для чеканки монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ внимание практически не уделялось. Между тем, существенное увеличение базы наших источников позволило исследователям прийти к заключению, что «синдские правители обладали немалыми запасами серебра, позволявшими поддерживать эмиссионный объем на уровне пантикапейского» (по крайней мере, в период чеканки наиболее обильной серии монет типа «голова Геракла – голова лошади») [Горончаровский, Терещенко 2015, 89]⁶². Поэтому вопрос об источниках серебра для чеканки становится все более насущным.

Первый шаг в исследовании состава металла «синдских» монет был сделан Т.Н. Смекаловой и Ю.Л. Дюковым. Используя метод измерения электрической проводимости монетного металла [Смекалова, Дюков 2001, 17 и Прилож. 1]⁶³, эти исследователи получили такой результат. Монеты синдов имеют несколько иной состав серебра, чем монеты Нимфея, Фанагории и Феодосии (предполагается, что эти монеты чеканились из серебра, доставленного из Лавриона): в них отмечена большая концентрация золота (от 0,1 до 1,2%), заметное количество меди (3,5–11%) и несколько процентов свинца. Соответственно, предполагается иной источник используемого для их чеканки металла

⁶⁰ С.А. Коваленко [2020, 285, прим. 44], ссылаясь на современную литературу, относит эти чеканки к интервалу ок. 490/480–465/450 гг. до н. э.

⁶¹ Подробнее см.: [Кузнецов, Абрамзон 2020, 51–52].

⁶² Ср. расчет объемов чеканки диоболов типов «голова Геракла – голова лошади» и «сидящий грифон – голова лошади», выполненный С.А. Коваленко. По его оценке, для этого потребовалось бы «переработать» ориентировочно 10 000 условных статеров Кизика весом ок. 16 г [Коваленко 2020, 288–289].

⁶³ Не будучи специалистом, не могу обсуждать насколько этот метод корректен с учетом того, что измерения производятся с поверхности металлического изделия, подверженной разного рода химическим процессам.

[Смекалова, Дюков 2001, 28]⁶⁴. Этот вывод послужил основанием для целого ряда новых умозаключений.

Опираясь на предложенную оценку состава металла в «синдской» монете, Н. А. Фролова «передвинула» начало её чеканки в первые десятилетия V в. до н. э., исходя из того, что греческие города в это время использовали для чеканки своих монет серебро из Пангейских рудников во Фракии, отличавшееся повышенным, по сравнению с Лаврионским, содержанием золота [Смекалова, Дюков 2001, 21; Фролова 2002, 8]. Сложно объяснить, почему глубокоуважаемый и многоопытный нумизмат в данном случае пренебрегла фактурным и стилистическим методами, давно и надежно определившими хронологическую позицию «синдской» чеканки (последняя треть/четверть V в. до н. э.), и отдала приоритет не вполне очевидной оценке состава монетного металла.

Так или иначе, авторитетное заключение Н. А. Фроловой предопределило мнение некоторых исследователей о хронологии как чеканки «синдской» монеты, так и «синдской государственности». Так, С. Р. Тохтасьев ссылаясь на данные нумизматики, относит Синдское царство «по меньшей мере» к концу VI в. до н. э.; в это же время (или на рубеже VI и V веков) на пантикапейском монетном дворе началась и чеканка синдской монеты, что «говорит о стабильно дружественных отношениях Синдики и Пантикапея, а затем и объединенных вокруг него других городов Боспора на протяжении столетия; таким образом, нашла подтверждение гипотеза В. П. Толстикова [Толстиков 1984, 38 слл.] о союзе синдов и боспорских греков в первые десятилетия V в. до н. э.» [Тохтасьев 2004, 176, прим. 136].

А вот другой пример того, к каким последствиям может привести некритическое принятие выводов, полученных методами естественных наук. С. А. Коваленко высокому проценту золота в металле «синдских» монет⁶⁵ предложил специфическое объяснение. По его мнению, серебро для чеканки «извлекалось» из электра (который путем сложных манипуляций разделялся на золото и серебро) специально для переплавки завозимых в Синдику монет Кизика, Митилены и др., а пониженный вес чеканенных из него «синдских» монет обеспечивал эмитенту прибыль [Коваленко 2020, 274–282, 288]⁶⁶. Затрудняюсь сказать, можно ли отыскать подобный пример в истории монетного дела. Источником поступления монеты из электра к синдам автор статьи считает выплаты полисами Азиатского Боспора своего рода дани за то, что синды были «хозяевами земли, на которой эти города были расположены [Коваленко 2020, 283].

В том же году, что и отмеченная статья С. А. Коваленко, были опубликованы результаты исследования состава металла небольшой серии (4 экз. – № 15–17А) «синдских»

⁶⁴ К сожалению, нам остается неизвестным, какое количество и какие именно монеты из коллекции Гос. Эрмитажа были измерены. Соответственно, проверить полученный результат другими методами не представляется возможным.

⁶⁵ Это положение принимается автором на веру (хотя он обещает строго придерживаться фактов). Он полагает, что заключение о неаттическом источнике серебра с более высоким содержанием золота «безусловно, имеет чрезвычайно важное значение для правильного понимания характера чеканки рассматриваемых монет» [Коваленко 2020, 273].

⁶⁶ В. Л. Строкин, тоже руководствуясь данными о повышенном содержании золота в «синдском» чеканном серебре, объясняет это тем, что «сверхнормативная» лигатура золота в монетном металле призвана была привлечь внимание к новой чеканке [Строкин 2012, 380–381, 389, 392].

монет из Фанагории, выполненного методом РФА. Анализ показал, что одна «синдская» монета (№ 17) действительно выделяется повышенным содержанием золота (в среднем 1,2%), а в металле остальных монет процент золота даже несколько меньше, чем в синхронных пантикапейских, фанагорийской и нимфейской монетах. Таким образом, данные Т.Н. Смекаловой и Ю.Л. Дюкова о повышенном содержании золота в сплаве «синдских» монет в целом не подтверждаются [Абрамзон и др. 2020, 17–18, прим. 114, рис. 6]⁶⁷. Даже с учетом того, что проанализированная выборка весьма невелика, и полученные авторами статьи выводы нуждаются в проверке на более широкой базе данных, полученные результаты, на мой взгляд, достаточны для того, чтобы категорически отказаться от любых построений (хронологических и всяких иных), основанных на ранее проведенном коллегами анализе металла «синдских» монет из Эрмитажа.

Причины и цели чеканки.

Рассуждения о конкретных причинах, определявших начало чеканки монеты тем или иным эмитентом лишь в редких случаях могут быть плодотворны, а соображения общего характера не дают возможности дать ответ на вопрос, почему одни полисы и государства монету чеканили, а другие нет [см.: Кузнецов 2016, 270–271; Кузнецов, Абрамзон 2020, 39–40]. Вместе с тем, недопустимо будет проигнорировать вопрос, адресованный тем, кто считает, что монету с ΣΙΝΔΩΝ чеканили синды: какое можно дать объяснение тому, что варварское племя синдов в последней четверти V в. до н. э. чеканит собственную монету, а греческие полисы Синдики этого не делают, удовлетворяясь иноземной электроной монетой для оптовых операций на внешнем рынке и пантикапейским серебром на внутреннем⁶⁸? Очевидно, что дать какой-либо обстоятельный ответ на данный вопрос невозможно. Едва ли следует сомневаться лишь в том, что «синдская» монета была интегрирована в боспорский рынок, за пределами которого она хождения не имела. В пользу этого заключения говорят развитая система мелких номиналов этой монеты и топография находок [см.: Антекарев 2004; Гарбузов и др. 2011, 149–150; Строкин 2012, 393; Горончаровский, Терещенко 2015, 84–85].

По мнению С.А. Коваленко целью чеканки была «...возможность получения прибыли от монетной чеканки путем реализации монетной регалии (то есть права на выпуск монеты), которой, безусловно, обладали синдские цари». Эта прибыль обеспечивалась разницей между номинальной стоимостью монеты и стоимостью металла, использованного для ее производства (плюс – стоимость работы по чеканке) [Коваленко 2020, 285–286]⁶⁹. Далее нумизмат отмечает: «Номинальная стоимость монеты определялась эмитентом, который для этого должен был обладать монополией на чеканку и достаточными властными ресурсами, гарантировавшими повсеместный прием монеты по установленному эмитентом курсу». И приводит пример: в Пергамском царстве серебряные

⁶⁷ В статье приводится ссылка на исследования по методу РФА двух десятков «синдских» монет из коллекции ГИМ (со слов Е.В. Захарова), которые приводят к аналогичному выводу. Также см. профессиональный комментарий по этому вопросу И.А. Сапрыкиной в: [Кузнецов 2024, 33–34].

⁶⁸ Оставляю в стороне проблему эмитента древнейшего анэпиграфного серебра на Боспоре. Об этом см. [Кузнецов, Абрамзон 2020, 42–43].

⁶⁹ По мнению исследователя, «...Это на сегодняшний день единственная причина чеканки синдских монет, в которой мы можем быть уверены» [Коваленко 2020, 287].

кистофоры переоценивались на 33%. «Однако чаще можно говорить о переоценке всего в несколько процентов» [Коваленко 2020, 286–287]. Мне сложно представить себе *властные полномочия* «синдских царей», которые позволяли им гарантировать *повсеместно* (не ясно, где именно в данном случае, в Синдике? включая Тамань или нет?) прием монеты по *принудительному курсу*⁷⁰.

Но дело не только в этом. Для реализации плана «царей» синдов (как его представляет себе С. А. Коваленко) мало технологической возможности разделения *природного* электра на золото и серебро, реализованной в Лидийском царстве уже в первой половине VI в. до н. э. [Коваленко 2020, 275–276], недостаточно того, чтобы греческие мастера, освоив эту сложную и трудоемкую технологию, способны были в принципе выполнить такую работу. Нужно было уяснить, что экономически выгодно (в чём лично я не уверен), используя такую технологию, извлечь серебро из уже начеканенной электро-вой монеты⁷¹, после чего начеканить из него другую монету. Далее, необходимо было довести до сознания потенциального заказчика (в данном случае – туземного царька) не только идею, что такого рода операция возможна и даже выгодна, если из полученного серебра начеканить свою монету и пустить её в оборот по *принудительному курсу*⁷². Предлагая такое, по меньшей мере необходимо было точно знать объем наличного сырья, объем рынка, на котором будет обращаться запланированная монета по *принудительному курсу*, представлять допустимый процент превышения номинальной стоимости новой монеты. А для этого нужно было правильно оценить «*властные полномочия*» правителей Синдики.

Предложенная С. А. Коваленко конструкция для объяснения *цели* чеканки, якобы инспирированной «царями» синдов, представляется мне искусственной и модернистской по своей сути⁷³. Вопрос же о возможных *причинах* чеканки варварами монеты им не затрагивается. Оправданием этому служит, видимо, принципиальное нежелание уважаемого коллеги «конструировать не поддающиеся верификации искусственные гипотезы» [Коваленко 2020, 272, 282]. Однако, как это наглядно показал В. Д. Кузнецов [2024, 32 слл.], такого рода «гипотез» в построениях С. А. Коваленко хватает.

⁷⁰ Пример с Пергамом, на мой взгляд, неудачен: где эллинистическое царство Аталлидов, а где «царство синдов»? Считая установленным, что синдские монеты чеканились по эгинскому весовому стандарту (ссылаясь на: [Шелов 1956, 70–71]), С. А. Коваленко рассчитал, что «вес синдских диоболов ниже нормы примерно на 25%. «Введение синдских монет в оборот по принятому курсу облегчалось их полным соответствием стандартам греческого монетного дела и *гарантировалось, надо думать, авторитетом синдского царя*» на территории всего (!) Боспора [Коваленко 2020, 288]. Однако имеются и иные оценки специалистами весового стандарта «синдских» монет. В. А. Анохин [1986, 22–23] считает его персидским, М. Г. Абрамзон [Абрамзон и др. 2020, 10] склоняется к мысли об аттическом стандарте.

⁷¹ Тем самым обесценить работу, затраченную на чеканку электра.

⁷² При всем желании не могу себе представить, каким образом это можно было объяснить человеку бесконечно далекому от торгово-рыночных отношений? Иначе думают В. А. Горончаровский и А. Е. Терещенко [2015, 84].

⁷³ Гораздо лаконичнее выразил свои критические соображения по этому поводу В. Д. Кузнецов: «Не будем задавать риторический вопрос о том, где находилась Лидия VII в. до н. э., а где – синды конца V в. до н. э. Это бессмысленно, потому что, если делать выводы на основе таких умозаключений, то перед нами открываются безграничные возможности для новых открытий, причем не только в нумизматике. Ничем не подтверждаемое и придуманное заимствование из Лидии и других мест нужно не синдам для обогащения, но самому С. А. Коваленко для подтверждения точки зрения об эмитенте “синдской” монеты» [Кузнецов 2020, 34].

Скудость наших источников по проблеме обрекает на гипотетические построения. Но для того, чтобы предположение получило статус научной *гипотезы*⁷⁴, необходимо принимать в расчет совокупность всех фактов, выявленных в разных источниках, а не игнорировать те или иные из них.

В.Д. Кузнецов связывает чеканку монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ, которую он считает чеканкой союза греческих полисов в Синдике (Таманский п-ов), объединившихся вокруг святилища Афродиты Урании, владычицы Апатура, с нарастанием в регионе военной угрозы, а затем и агрессией со стороны тиранов Пантикапея, Спартокидов. Согласно мысли исследователя, возрастающая необходимость затрат на военные цели (не важно, на оплату наемников ли, или же расходы на гражданское ополчение и др.) в последней четверти V в. до н. э. и стала причиной чеканки монеты. При этом исследователь выразился предельно корректно: «...Отвергать возможность выпуска “синдских” монет для финансирования военных действий неразумно, поскольку такая практика была очень распространенной» [Кузнецов 2020, 37, 41–43].

Принимая в принципе логику В.Д. Кузнецова (которая, разумеется, приемлема в том только случае, если эмитентом признается союз греческих городов, а не племя синдов), позволю себе некоторые уточнения. Реально завоевание полисов на Таманском п-ове началось, видимо, не раньше 410/09 г. до н. э.⁷⁵ Начало «синдской» чеканки обычно относят к рубежу третьей и последней четвертей или к началу последней четверти V в. до н. э. Однако это, кажется, принципиально не противоречит тезису В.Д. Кузнецова о причине, обусловившей начало чеканки. Угроза войны вполне могла ощущаться за десять-двадцать лет до того, как начались реальные боевые действия. Это предположение следовало бы признать беспочвенным, если бы не было известно, что в конце третьей четверти (30-е годы) V в. до н. э. в Фанагории были построены оборонительные стены, охватившие по периметру всю территорию города [Завойкин 2022, 110–111]. Конечно, допустимо поставить вопрос: от какого именно врага должны были защищать эти стены? Но в данном случае любой вариант ответа не будет иметь значения. Важно то, что какая-то военная угроза уже «вита в воздухе».

Аналогии. Варварские чеканки.

Сторонники мнения, согласно которому «синдская» монета чеканилась племенем синдов (или их «царями», но от имени синдов), должны были привести какие-то прецеденты этой «варварской» чеканке. Прежде всего, как на аналогию указывают на обильные чеканки⁷⁶ южнофракийских племен (бизалтов, эдонов, дерронов, ихнов, оресков), базирующиеся на серебре из Пангейских рудных месторождений. Указывают также на чеканки одрисских династов, скифских (Скил, Атей) и сарматских царей Северо-Западного Причерноморья [например, см.: Шелов-Коведяев 1985, 128; Горончаровский, Терещенко 2015, 84; Коваленко 2020, 284–285].

⁷⁴ Умозаключение о высокой вероятности чего-либо, построенное на основании учета всей совокупности фактов.

⁷⁵ В этом году Нимфей еще платил форос в казну I Афинского морского союза (Ναρ. s. v. Νύμφαιον). Строго говоря, доказать, что военные действия на противоположной стороне пролива Сатир I начал после «измены Гилона», невозможно. Но исходя из того, что Фанагория точно была захвачена *не раньше* этого события (в частности, в пользу этого – фанагорийская чеканка) и общая логика склоняют в пользу такого именно мнения.

⁷⁶ Преобладали монеты крупных номиналов: окто- и декадрахмы [Златковская 1971, 68, 70].

Что касается так называемой «фрако-македонской» чеканки, для начала еще раз отметим, что проблемы наличия благородного металла здесь (в отличие от Синдики) не существовало. Что же касается причины этого феномена, её объясняют в зависимости от принятой нумизматами датировки. Если исходить из традиционной даты (конец VI – начало V в. до н. э.), вполне логичным выглядит предположение, что чеканным серебром местное население уплачивало дань персам [Kraay 1976, 139; Кузнецов 2016, 259]. Если же принять «новую» дату – от ок. 490/480 до 465/450 гг. до н. э. [см. Коваленко 2020, 284–285, ссылаясь на: Wartenberg 2015, 355–357], от «персидской» версии следует отказаться, но в сущности для нашей темы ничто не меняется⁷⁷.

Важнее акцентировать внимание надо на другом. Не на самом факте существования «варварских» племенных чеканок, а на их конкретных характеристиках (имеют ли они реальное коммерческое значение или лишь демонстративно-декларативный характер) и на том, каким образом обозначен на монетах эмитент. Исходя из этого, полагаю, что варварские монеты, чеканенные от имени «царей», не представляют для нас интереса, поскольку во всех отношениях отличны от «синдских» монет (чеканенных, по мнению исследователей, от имени <народа> синдов) и никак с ними не связаны⁷⁸.

В. Д. Кузнецов отмечает, что наряду с легендами на «фрако-македонских» монетах, в которых указаны имена правителей (ΓΕΤΑΣ ΗΔΟΝΕΟΝ ΒΑΣΙΛΕΥΣ; династы: дерронов – Еввергет; бизалтов – ΜΩΣΣΕΟ/ΜΩΣΣΕΩ), имеются легенды, в которых содержится наименование племени в сокращенной или в полной форме прилагательного в среднем роде (подразумевается пропущенное слово νόμισμα или ἀργύριον, например: ΔΕΡΡΟΝΙΚΟΝ [ΝΟΜΙΣΜΑ]) или же в мужском роде (подразумевается слово στατήρ/χαρακτήρ/ἄργυρος, например: ΔΕΡΡΟΝΙΚΟΣ [ΣΤΑΤΗΡ]) ед. ч. [Кузнецов 2016, 258–259]⁷⁹.

Итак, не только полной, но и сколько-нибудь близкой аналогии «синдской» монете в варварских чеканках, на мой взгляд, не наблюдается.

Место чеканки, типология монеты. Выдающийся отечественный нумизмат А. Н. Зограф, не случайно, рассматривая монеты синдов и Фанагории вместе, вслед за Э. Миннзом [Minns 1913, 632] отметил, что на лицевой стороне одной из трех серий синдской монеты представлено изображение сидящего грифона и зерна злака перед

⁷⁷ Разве что лишь частично обесценивает контраргумент Н. Л. Грач, полагавшей, что для сравнения с этими монетами «синдских» – слишком велика хронологическая дистанция между ними [Грач 1972, 138, прим. 30].

⁷⁸ Таков же был подход Н. Л. Грач [1972, 138], которая солидаризовалась с аналогичным тезисом А. И. Болтуновой [1964, 140]. Иного мнения, придерживаются В. А. Горончаровский и А. Е. Терещенко [2015, 81–84], которые рассматривают две «варварских» эмиссии, «имевшие место в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н. э.» и считают само собой разумеющимся, что «синдские правители были достаточно хорошо осведомлены об этих мероприятиях, их экономической успешности и политической значимости, чтобы не попытаться повторить скифский опыт».

⁷⁹ Исследователь отмечает варианты легенды, которые, по его мнению, могут быть поняты как существительные в род. пад. мн. числа (подобно легенде на «синдских» монетах), типа ΒΙΣΑΛΤΙΚΩΝ (т. е. [монета] бизалтов). Обратим, однако, внимание на чередование *омикрон* и *омеги* в написании начальной гласной и в окончании в легендах монет оресков: ΩΡΗΣΚΙΩΝ/ΩΡΗΣΚΙΟΝ/ΩΡΗΣΚΙΟΝ. Чередование этих гласных наблюдаем и в написании других этнонимов: ΙΧΝΑΙΩΝ/ΙΧΝΑΟΝ и ΒΙΣΑΛΤΙΚΩΝ/ΒΙΣΑΛΤΙΚΟΝ; аналогично – в написании имени династа бизалтов: ΜΩΣΣΕΟ/ΜΩΣΣΕΩ [см. Златковская 1968, 4–5, рис. 1]. Обратим также внимание и на то, что в окончании этнонима «бизалтов» (gen. pl.) на монете царя Геты написан *омикрон*, не *омега*. Регулярное чередование *омикрон* и *омеги* в легендах вполне допускает, что во всех случаях имеем дело с прилагательными среднего (или мужского рода) ед. ч., образованными от этнонимов.

ним⁸⁰, ассоциирующееся с монетным типом метрополии Фанагории – Теоса, а наиболее близкую стилистическую аналогию находящее в монете последней четверти V в. до н. э. другой теосской колонии – Абдеры [Зограф 1951, 169, табл. XXXIX. 40]⁸¹. Д. Б. Шелов предполагал, что монетный двор, на котором чеканилась эта монета для нужд синдов, «скорее всего» располагался в Фанагории [Шелов 1956, 48]. То, что монета чеканилась греческими мастерами-монетариями по технологии и в традициях греческого монетного дела того времени, ни у кого сомнений не вызывает. Мнения расходятся в интерпретации трех типов лицевой стороны монеты и понимании значения двух типов оборотной стороны. Нумизматы «старой школы» указывают типологические параллели этих типов в чеканках Гераклеи Понтийской («голова Геракла в львином скальпе»), Теоса и Абдеры («грифон»), Кизика («коленопреклоненный воин/Геракл с луком и стрелой в руке»)⁸², Афин («сова с распростертыми крыльями ан фас» на реверсе), объясняя их заимствованиями, обусловленными рядом исторических соображений [см.: Зограф 1951, 168–169; Шелов 1949, 111–115; 1956, 43–45 (со ссылками на предшественников)], с которыми пытались связать синдов и Синдику⁸³. При этом Д. Б. Шелов, признавая историчность синдского государства во главе с царями, подчеркивал: «Изучение типологии синдских монет приводит к убеждению, что вся чеканка синдов по характеру своему является чисто греческой. В этой чеканке совершенно не обнаруживается того “синкретизма двух культур”, о котором говорит В. П. Шилов» [Шелов 1956, 47, со ссылкой на: Шилов 1951, 215].

Иного мнения придерживаются некоторые современные исследователи. Так, В. А. Горончаровский и А. Е. Терещенко, справедливо исходя из того, что монетная типология в древности имела официальный характер, «и выбор сюжетов для них отражал идеологию и религиозные представления властных структур». По их мнению, изображения на монетах находят параллели в изобразительном материале из погребений Семибратних курганов⁸⁴. Хотя предметы, на которых эти изображения представлены, изготовлены греческими мастерами, выполнены они были на заказ и соответствуют вкусам и представлениям высшего слоя эллинизированной синдской аристократии [Горончаровский, Терещенко 2015,

⁸⁰ Мимоходом отмечу, что зерно в качестве дифферента представлено на монетах разных номиналов, чеканенных немного позднее в Фанагории [см. Абрамзон, Кузнецов, Остапенко 2021, 19, илл.]. Этот факт был отмечен Д. Б. Шеловым [1956, 45; 1949, 112], но лишь затем, чтобы проиллюстрировать «экономические богатства» страны, отраженные в чеканной монете (таким же образом трактуется изображение головы лошади/коня).

⁸¹ С. А. Коваленко (по понятной причине, см. ниже) предпочитает в качестве прототипа указывать на стaterы Кизика 550–450 гг. до н. э. [Коваленко 2020, 279, илл. 9].

⁸² Варианты описания типа см. [Горончаровский, Терещенко 2020, 116–117].

⁸³ Весьма примечателен пассаж из статьи Д. Б. Шелова, который позволю себе процитировать. «Трудно отделаться от впечатления большей эллинизации Синдики по сравнению с Пантикапеем (sic!). Что дело здесь не просто в заимствовании греческих монетных типов, а в действительном, очень глубоком проникновении в Синдику греческих нравов и вкусов, показывает характер археологических находок в этой области. Отдельные случайные находки и систематические раскопки синдских городищ свидетельствуют об очень значительной роли греческих привозных изделий в быту местного населения» [Шелов 1949, 116]. Читая эти строки, не будем забывать, что по представлениям исследователей того времени Таманский п-ов был неотъемлемой частью Синдики, населенной синдами.

⁸⁴ Это золотые бляшки в виде совы (с прижатыми крыльями, вправо), головы безбородого мужчины, головы быка, коленопреклоненного обнаженного юноши, козла; окончание серебряного ритона в виде протомы крылатого козла; головы грифона [Горончаровский, Терещенко 2015, 87, рис. 3]. На мой взгляд, эти параллели в иконографическом плане неблизкие, скорее формальные.

87]. Поэтому два сменяющихся типа оборотной стороны синдских монет («сова с распростертыми крыльями» и «голова коня») рассматриваются исследователями как родовые эмблемы «боровшихся за власть представителей отдельных ветвей правящей династии. Такие символы могли являться атрибутами тех богов, которых они почитали как своих покровителей» [там же, 88]⁸⁵. Эти соображения приводят авторов исследования к выводу: «Синдика предстает перед нами как племенная структура, использовавшая скифский опыт налаживания политических и экономических отношений с греческими полисами и сделавшая первый шаг на пути к будущей, так и не реализованной государственности. Ее можно охарактеризовать как “вождество”» [Горончаровский, Терещенко 2015, 88].

Как видим, оценка уровня развития государственности, достигнутого синдами, и со стороны тех, кто не ставит под сомнение принадлежность чеканки монеты синдам, претерпела заметную эволюцию. Предложив оригинальную гипотезу для объяснения двух типов оборотной стороны (как «эмблем аристократических родов») и типа лицевой стороны монет первой серии⁸⁶, они исходили из вполне допустимого (в их системе взглядов) предположения, что на монете представлены те же божества и религиозные символы, что и в изображениях на предметах погребального инвентаря. В этом суждении имеется один, но коренной недостаток: нам ничего неизвестно об этих синдских божествах и их символике. Пытаться объяснять одно неизвестное (значение монетных типов) через другое неизвестное (боги и божества синдов) – не самый верный подход [см. Коваленко 2020, 282]. По сути, мы имеем дело с чисто греческими монетами, и типы изображений, чеканенные на них, – если даже допустить, что их выбор определяли заказчики-варвары, – не дают возможности хоть сколь-нибудь продвинуться в изучении этой проблемы.

Принципиально иначе смотрит на проблему выбора типов для чеканки монеты С. А. Коваленко. ««Мастера, резавшие штампы для чеканки синдских монет, – пишет этот исследователь, – просто копировали те мотивы, которые были у них перед глазами или наиболее часто попадались на глаза... Иными словами, серия синдских монет с изображением совы с расправленными крыльями на оборотной стороне могла чеканиться из серебра, полученного после описанного выше процесса обработки партии электроновых монет⁸⁷, состоящей из кизикинов с коленопреклоненным воином, митиленских гект с изображениями обернувшегося козла и совы и др. ...Причины сочетания на одной

⁸⁵ С представителями рода, чьим символом являлась сова, они соотносят погребенных в трех ранних курганах (СК 2, СК 4, СК 5 – ок. 450/40–430/20 гг. до н. э. [по: Горончаровский 2017, 237]). Аналогией авторам представляется «гербовая» чеканка (Warrenmünzen) аристократических родов в Афинах конца VI в. до н. э.

⁸⁶ Согласно их мнению, на аверсе монет старшего номинала первой серии представлен «обнаженный безбородый мужчина, вставший на колено, проверяющий прямизну древка стрелы» – местный герой, а не Геракл (как думали прежде), поскольку, якобы, отсутствуют его атрибуты. «Главную роль, в отличие от скифской традиции (у синдов. – А. З.), играл не лук, а стрела, выступая в качестве царской инсигнии» [Горончаровский, Терещенко 2020, 119, 121]. Нельзя все-таки отрицать, что изображение лука на монете вполне атрибутивно для Геракла. Уподобление штрихов в области затылка и шеи изображенного персонажа венцу лучей Гелиоса не кажется очевидным [см. там же, 122, рис. 2], а поэтому, даже если стрелу рассматривать как символ солнечного луча, говорить о близости «прародителя синдских царей образу скифского Коласая» [там же, 123], наверное, рискованно. Тем более что этимология этого антропонима, предложенная В. И. Абаевым [1949, 243], «Солнце-царь», хотя и наиболее принята, но неоднозначна [ср. Куланда 2016, 70–72]. Схематичность изображения не позволяет на основе визуального сходства делать уверенные выводы, однако мне кажется более вероятным, что эти штрихи больше напоминают гриву льва на его скальпе, наброшенном на голову Геракла [см. Коваленко 2020, 281, илл. 18, 19].

⁸⁷ Об этом см. ниже.

монете головы Геракла и головы лошади, или коленопреклоненного воина/протома обернувшегося козла и совы... могли носить чисто механический, опознавательный и, соответственно, утилитарный характер» [Коваленко 2020, 282–283]⁸⁸. С формальной точки зрения предложенный подход к объяснению типологического разнообразия рассматриваемой чеканки радикально разрешает эту проблему. Однако я затрудняюсь сказать, имеется ли где-то другой такой или подобный пример, когда эмитент просто так, «механически» заимствовал для своей чеканки чужую символику. Допускаю, что идею копирования изобразительных мотивов с чужой монеты в какой-то мере стимулировало оригинальное представление автора об источниках серебра для чеканки.

Итак, кажется, все исследователи согласны с тем, что монета с легендой ΣΙΝΔΩΝ чеканилась греческими мастерами в том или ином центре (Фанагория, Синдская Гавань, Пантикапей, Лабрис⁸⁹), и первая серия этих монет представлена типами: «коленипреклоненный воин с луком и стрелой – сова с расправленными крыльями»⁹⁰, «протома обернувшегося козла – сова с расправленными крыльями»⁹¹ (и, предположительно, младший номинал типа «муравей – зерно»⁹²). Последовательность же чеканки двух других серий определялась по-разному. Штемпельный анализ, выполненный С. А. Коваленко, кажется, ставит точку в этой дискуссии. Ему удалось проследить «переход» штемпеля оборотной стороны с диоболо типа «сидящий грифон перед зерном – голова лошади» на диоболы типа «голова Геракла в львином скальпе – голова лошади» (с более изношенным штемпелем) [Коваленко 2020, 290, 281, илл. 17–19].

В мою задачу не входит детальное описание типов монет и их номиналов в сериях. Представляется важным попытаться понять: *во-первых*, можно ли найти приемлемое объяснение типологическому разнообразию монет, чеканенных в сравнительно узкий промежуток времени; а *во-вторых*, – допустимо ли конкретные типы изображений связывать с теми или иными центрами, в которых чеканились монеты тех же типов, что и на «синдской» монете?

Как мы уже видели, у сторонников точки зрения о монете с легендой ΣΙΝΔΩΝ как племенной чеканке существует два подхода в решении этих вопросов. Одни исследователи считают, что типология «синдской» монеты является важным историческим источником, который отражает различные стороны жизни и представлений населения Синдики. Взгляды ученых, сторонников такого подхода, вариативны.

Так, Э. О. Берзин в статье «Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э.», опубликованной в 1958 г., попытался соотнести изображения на монетах,

⁸⁸ Ср.: Концепция «механического переноса» типов монеты, предложенная С. А. Коваленко «...является своего рода “лакмусовой бумажкой”, показывающей, что изучение проблематики синдской чеканки, в определенной степени, зашло в тупик, если идут в ход столь фантастические гипотезы» [Горончаровский, Терещенко 2020, 119].

⁸⁹ О локализации чеканки в Лабрисе см. [Горончаровский, Терещенко 2015, 84 со ссылкой на: Смекалову и др. 2007, 36]. Авторы ссылаются на данные магнитометрического исследования Семибратнего городища, выполненного Т. Н. Смекаловой, выявившего, предположительно, монетный двор, и аномально высокую концентрацию находок «синдских» монет [по: Строкин 2020, 393; ср. Кузнецов 2024, 47].

⁹⁰ Триоболы и диоболы [по: Горончаровский, Терещенко 2015, 78, рис. 1. 1, 2]; тригемииболы [по: Коваленко 2020, 278, илл. 1].

⁹¹ Гемииболы [по: Горончаровский, Терещенко 2015, 78, рис. 1. 3, 4; Коваленко 2020, 278, илл. 1].

⁹² Тетартемории [по: Горончаровский, Терещенко 2015, 78, рис. 1. 5, 6].

которые рассматривал в ракурсе монетного дела синдского государства, с историческим контекстом времени их чеканки: «сову» – с активной политикой Афин в регионе, «голову Геракла» – с включением Гераклеи Понтийской в дела Боспора. Статья начинается с анализа очень показательной дискуссии между Д. Б. Шеловым, который полагал, что «голова Геракла» указывает на независимую от Боспора политику синдского царства [Шелов 1949, 112], и В. П. Шиловым, который возражал ему: Афины в условиях начавшейся Пелопоннесской войны не могли вести активную политику на Боспоре, а кроме того синды, из которых, по его мнению, происходили Спартокиды⁹³, не могли заимствовать символику злейшего врага Спартокидов – Гераклеи [Шилов 1951, 204 сл., 212]. Автор статьи, для которого «Существование... (синдского. – А. З.) государства, и при том довольно развитого, не может уже вызывать ни какого сомнения», рассуждает о «различных политических группировках внутри правящей элиты», подтверждая это данными Полиена (VIII. 55) о том, что лишенного власти Гекатея восстановил на престоле Сатир I, а ответ на вопрос, кто низложил «царя синдов», усматривает в изображении на монете «эмблемы врагов Боспора». В целом изображения на «синдской» монете он трактует как символику участников «антиспартокидовской коалиции, духовным организатором и вдохновителем которой, конечно, были Афины» [Берзин 1959, 127].

В. П. Шилов в своем понимании типов изображений на монете с легендой ΣΙΝΔΩΝ тоже исходил из убеждения в существовании государства синдов. В частности, он писал так: «Вряд ли синды могли занять руководящее положение в Боспорском государстве, если бы их общественное развитие не достигло уровня государственности» [Шилов 1951, 215]. Исследователь последовательно проводит мысль, что о прямом заимствовании монетных типов каких-либо отдельных (конкретных) греческих центров говорить не приходится. Следует исходить из восприятия эмитентом распространённых в эллинском мире изобразительных образов, которые творчески перерабатывались на месте. Поэтому В. П. Шилов отрицает подход, предполагающий влияние каких-либо политических (и иных) связей с тем или иным государством Греции. «По мотивам изображения синдские монеты представляют сочетание местных (изображение коня, скифского лука, композиция зерна и грифона) и греческих элементов, причем греческие мотивы творчески перерабатывались местными мастерами, которые создавали подчас не встречающуюся в греческой чеканке композицию (грифон с зерном)» [там же, 213–214].

В. А. Горончаровский и А. Е. Терещенко, как мы видели выше, пошли несколько иным путем. Они полагают, что смена типа реверса («сова» – «голова лошади») объясняется сменой властных группировок (родов) у синдов, эмблемы которых и представлены на оборотной стороне монет, а набор изображений на аверсе отражает репертуар образов, связанных с почитаемыми синдами божествами.

⁹³ По этому вопросу В. П. Шилов ссылается, прежде всего, на работу М. И. Атамонова [1949, 33 слл.]. Профессор М. И. Артамонов, как отмечают его биографы, был человеком, имевшим «необычайно широкий круг научных интересов». Однако специалистом в области античной истории и археологии Боспора он, конечно, не был. Пожалуй, все-таки стоит упомянуть, что отмеченная статья была написана в разгар борьбы против космополитизма (1948–1953 гг.). Я не намекаю на то, что статья имела конъюнктурный характер. Однако вывод о местном, автохтонном происхождении династии Спартокидов (так сказать, основателей «древнейшего государства на территории СССР»), давшей отпор афинской экспансии в регионе, согласитесь, был очень привлекателен...

Другие исследователи (собственно, один С. А. Коваленко) эту проблему игнорируют в принципе, заявляя, что набор типов в «синдской» чеканке случаен; он определялся не какими-либо идеологическими или политическими соображениями, а обусловлен исключительно «механическим» отражением типов, представленных на электровых монетах, из которых синды добывали серебро для своей чеканки.

Само собой разумеется, что исследователи, отрицающие «варварский» характер чеканки, смотрят на типологию интересующих нас монет иначе. Перед ними стояла и стоит задача найти объяснение многообразию представленных типов лицевой и оборотной сторон монет, чеканенных в короткий период времени. Здесь тоже наблюдается два направления мысли, сообразно тому, как решается вопрос об эмитенте.

Те, кто считает, что монета чеканилась Синдской Гаванью, уделили внимание не столько собственному обоснованию типологии полисной чеканки, сколько критике интерпретации типов, предложенной оппонентами (т. е. теми, кто считает эмитентом синдов) [Грач 1972; Шелов 1981]

Принципиально отличается по этой проблеме позиция сторонников «третьей точки зрения». По мнению В. Д. Кузнецова, само разнообразие типов «синдской» чеканки серебра служит веским аргументом против признания её чеканкой одного полиса (Синдской Гавани) [Кузнецов 2016, 265]. Если ранее исследователи, отмечая связь типа «сидящий грифон» с монетами Теоса и Абдеры, метрополии и сестринской колонии Фанагории, не шли далее допущения, что монета синдов могла чеканиться в этом крупнейшем городе Азиатского Боспора [Minns 1913, 632; Зограф 1951, 169; Шелов 1949, 113; 1956, 49], то В. Д. Кузнецов считает, что этот факт является ключевым для понимания сути проблемы эмитента. Иначе говоря, «“синдская” монета с грифоном и зерном на лицевой стороне имеет прямое отношение к Фанагории». Однако принимая во внимание разнообразие иных типов, он считает маловероятным, что все «синдские» монеты чеканились в Фанагории, т. е. намекает на чеканку монеты в нескольких городах. Тем самым исследователь подводит к мысли о некоем союзе полисов, находившихся в Синдике (на Таманском п-ове) [Кузнецов 2016, 264–265]. Следует полностью согласиться с утверждением, что «нет ничего необычного в том, что греки – жители этой страны – могли называть себя региональным этнонимом, производным от слова “Синдика”». И вполне вероятно, что по тем или иным причинам (о них см. выше) эти греки организовались в союз типа κοινόν, культовым центром которого могло стать региональное святилище Афродиты Урании владычицы Апатура в Фанагории [там же, 271].

Каких-либо объяснений другим типам изображений на монете В. Д. Кузнецов не предложил, хотя некоторые соображения в русле предложенной им концепции напрашиваются. Во-первых, уместно вспомнить всем хорошо известный локальный миф, рассказанный Страбоном (XI. 2, 10), об Афродите Апатуре и Геракле⁹⁴. И если принимать гипотезу В. Д. Кузнецова о роли святилища этой богини (главной покровительницы Фанагории) в предполагаемом союзе, то образ её *πάρεδρος* на монете не покажется чем-то случайным. Далее, с учетом того, что было сказано раньше в порядке критики предложенной коллегами интерпретации изображения на аверсе старших номиналов

⁹⁴ Подробный анализ см. в статье Г. А. Кошеленко [1999, 147–160].

монет первой серии как некоего «солнечного божества» синдов [Горончаровский, Терещенко 2020, 121, 123], полагаю возможным реанимировать старое прочтение представленного на лицевой стороне образа как «коленопреклоненного Геракла с луком и стрелой». Если с этим согласиться, получаем единую тематическую линию (в двух иконографических схемах) для старших номиналов двух серий «синдской» чеканки.

Уже давно было указано на то, что изображение совы с распростертыми крыльями на реверсе встречается не только на тригемиоболах Афин, но и на монетах некоторых других центров, в том числе на гектах Митилены [Шилов 1951, 212; Коваленко 2020, 278, илл. 4]. Теперь, когда хорошо известны гемиоболы типа «протома⁹⁵ обернувшегося козла – сова с расправленными крыльями», как на гектах Митилены, мысли о том, что изображения на данном номинале монет «скопированы» с монет этого лесбосского полиса, высказываются неоднократно. Свой вариант ответа на вопрос о том, какое отношение к синдам могла иметь Митилена, озвучил С. А. Коваленко. По его представлениям, электровые монеты Митилены (в числе других) служили сырьем для чеканки серебра синдами, которые механически копировали изображения с электровых гемигект. О. Н. Мельников же последовательно проводит мысль об особых связях Митилены с Северо-Восточным Причерноморьем, ссылаясь на сообщение Фукидида об ожидании восставшими в 428 г. против Афин лесбосцами лучников, хлеба и др. с Понта (Thuc. III. 2, 2), а также на данные Евстафия об основании Гермонассы митиленянами (Dion. Per. 541–553 = Eust. Comm. in Dion. 549)⁹⁶. Саму же чеканку монет с ΣΙΝΔΩΝ он объявляет результатом «синойкизма» Фанагории и Гермонассы, но под протекторатом синдов [Мельников 2001, 41; 2009, 248, 248–250]⁹⁷.

«Протекторат» и «синойкизм» оставим на совести автора этой концепции. Она интересна для нашей темы не только и даже не столько в том отношении, что прекрасно иллюстрирует, как далеко могут завести попытки извлечь из нумизматического материала больше, чем он в принципе может дать, сколько тем, как в этой «концепции» предпринимаются попытки примирить непримиримое. Согласно О. Н. Мельникову, с одной стороны, эмитенты – Гермонасса и Фанагория, объединенные в некий союз, а с другой – это «племенное объединение синдов», которое ставит на монетах свой «штамп» – ΣΙΝΔΩΝ. Здесь должно быть что-то одно. Как говорится, «либо крестик, либо трусы...».

Следуя логике, предложенной в отношении заимствования типа «сидящий грифон» как отражения связи «Теос/Абдера – Фанагория», по всей видимости, уместно и заимствование типа «протома обернувшегося козла – сова с расправленными крыльями» понимать как связь «Митилена – Гермонасса»⁹⁸. Однако в отношении типа оборотной стороны монет первой серии я бы не стал сбрасывать со счетов то обстоятельство, что их чеканка началась в тот период истории региона, который приходится на время после (и, в немалой степени, вследствие) Понтийской экспедиции Перикла (Plut. XX)

⁹⁵ Точнее – передняя половина.

⁹⁶ На эту тему см. обстоятельную статью В. П. Яйленко [2024, 507–508].

⁹⁷ Согласно его мнению, «этноним “ΣΙΝΔΩΝ” (Тохтасьев, 2001, с. 68; 2004, с. 176–177) этих монет объясняется чеканкой их под протекторатом племенного объединения синдов, вожди которых подражали Спартокидам, чья тирания уживалась с демотикином монет Пантикапея».

⁹⁸ Слово «заимствование», конечно, нужно понимать не как механическое подражание. Помещая эмблему своих метрополий на собственной монете, эмитенты тем самым как бы «манифестируют» самих себя как их колонии.

и завершился ок. 410/9 г. до н. э. Это время значительного влияния в Причерноморье (на Боспоре Киммерийском в том числе) I Афинского морского союза, выразившегося, прежде всего, во включении в него ряда (если не всех) причерноморских полисов, плативших в союзную казну ежегодные взносы. Характерно, что «сова с расправленными крыльями» фигурирует не только на тригемииоболах (на аверсе которых представлен тип Митилены – Гермонассы), но на других номиналах (кроме тетартемория?).

Гадать о причинах смены типа реверса и значении нового типа («голова лошади») на «синдских» монетах смысла не имеет. Как и бессмысленно пытаться отыскивать подходящие аналогии этому типу в чеканках других центров. Этот тип надо воспринимать просто как эмблему эмитента. Почему она именно такая? – нам понять не дано. Но, на мой взгляд, очевидно, что это эмблема не отдельного полиса, а объединения (союза), в которое входили, по меньшей мере, Фанагория и Гермонасса, а, возможно, и другие полисы Синдики, участие которых в этом союзе на монете не отмечено (или мы не можем этого обнаружить).

* * *

Подводя итог, еще раз отметим, что вплоть до того времени, когда территории к востоку от Киммерийского Боспора (Азиатский Боспор) вошли в состав державы Спартокидов для проживавших здесь эллинов страна их обитания именовалась Синдикой. Помимо прямого указания на это в перипле Пс.-Скилака (Per. 72–73), предположительно восходящего к Гекатею Милетскому, мы располагаем документальным свидетельством, относящимся ко времени правления Левкона I. А точнее, ко времени вскоре после того, как он подчинил своей власти не только Феодосию, полисы Таманского п-ова, но и ту часть Синдики, что «за Гипанисом» (Strab. XI. 2, 10), которой раньше правил Гекатей и где обитали синды (а кроме того и ряд меотских племен). Не только над эллинской частью подвластных ему территорий, но и над «всей Синдикой», и над варварскими племенами Нижнего Прикубанья была провозглашена «архонтская» власть Левкона I [Соколова, Павличенко 2002, 111–113]. Несколько позднее, по мере становления административно-политической структуры Боспорского государства, наблюдаем эволюцию титулатуры Левкона: «архонт Боспора и Феодосии [и Синдики]⁹⁹, царствующий над торетами, дандариями, псессами» (КБН 6а) > «архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, торетами, дандариями, псессами» (КБН 6, 1037, 1938). На мой взгляд, очевидно, что эллинская часть Синдики была включена в понятие «Боспор», над которым простиралась власть «архонта», а та её, населенная синдами, часть, что находилась «за Гипанисом», оказалась под властью «царской» [см.: Завойкин 2013, 427–428]¹⁰⁰.

⁹⁹ В КБН 6а дано восстановление: [и синдов]. Более оправдана реконструкция: [и Синдики], предложенная О.Ю. Соколовой и Н.А. Павличенко [2002, 114].

¹⁰⁰ Иначе, полемизируя с О.Ю. Соколовой и Н.А. Павличенко, трактует выражение «вся Синдика» посвятителем надписи из Нимфея С.Р. Тохтасьев. Он пытается уличить первоиздателя надписи во внутренней противоречивости их логики, навязывая собственную, и старается доказать, что *πάσα* при ἡ Σινδικῇ не более чем «экспрессивное усиление обычного понятия Σινδική», хотя сам же признает, что титулатура Спартокидов строго соответствовала утвержденному формуляру и точно отражала административную систему власти в государстве в данный момент времени. С.Р. Тохтасьев убежден в том, что греческая часть Синдики (Таманский п-ов) на момент актуальности

Эти факты, безусловно, подкрепляют мнение В.Д. Кузнецова, согласно которому весьма вероятно, что греки полисов Таманского п-ова для групповой самоидентификации могли пользоваться региональным этнонимом, производным от топонима «Синдика» [Кузнецов 2016, 271]. Мнение тех исследователей, которые считают немыслимым, чтобы эллины называли себя именем, совпадающим с этнонимом варварского племени [Шелов-Коведяев 1985, 127; Тохтасьев 2001, 66, 74 прим. 7; Müller 2010, 31; ср. Кузнецов 2016, 267; 2024, 38–40], на мой взгляд, трудно признать бесспорным.

Итак, мы рассмотрели комплекс бытующих в науке представлений о том, кто такие синды и какие археологические памятники следует связывать с этим упоминаемым в литературных источниках и боспорских надписях народом; о том, допустимо ли говорить о «государстве синдов», во главе которого стояли «цари»; о том, кем были «синды», чеканившие серебряные монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ, варварским племенем или же греками, обитавшими в Синдике? Эти представления формировались на протяжении длительного времени. С течением его изменялись идеологические установки, которые оказывали заметное влияние на историческую интерпретацию сравнительно немногочисленных источников по интересующей нас проблематике. Наиболее последовательно, убежденно и иногда даже безапелляционно идея синдской государственности проводилась в период сразу после Великой Отечественной войны. Со временем категоричность этих оценок в исследованиях смягчилась, хотя следует признать, что базовые представления по этому вопросу долгое время оставались непоколебимы, а некоторые реликты старых идей бытуют и в наши дни. Причины произошедших изменений лежат не только и, возможно, даже не столько в изменениях идеологических парадигм, сколько в расширении базы источников и более углубленных исследованиях памятников различных категорий.

Археологические раскопки в Синдике (на Таманском п-ове и в материковой Синдике) позволили локализовать реальную область обитания синдов, открыли некрополи рядового населения, хоронившего умерших в так называемых «каменных некрополях» по специфическому обряду. Стало очевидным, что различия между захоронениями синдских *басилеев* в Семибратних курганах и погребениями рядового населения Синдики столь значительны, что они не только не могут рассматриваться как источники, отражающие социальную дифференциацию единого общества, но и едва ли даже позволяют ставить вопрос об их этнокультурном единстве. Существенно важным было установление факта, что вопреки тому, что сами древние греки называли территорию между Киммерийским Боспором и Гипанисом (совр. Таманский п-ов) Синдикой, на момент колонизации и позднее здесь практически отсутствовало аборигенное население, которое эллины называли синдами. Этот народ проживал «за Гипанисом».

тителатуры нимфейской надписи была включена в состав термина «Боспор». Но ссылается при этом на надписи более позднего времени (в которых фигурируют синды, но не Синдика!), в том числе, и другого жанра (проксемические декреты Спартокидов) [см. Тохтасьев 2004, 161–162, 164]. Исследователь легко допускает, что эволюция титулатуры отражает изменения характера власти Спартокидов над покоренными племенами, в том числе и над синдами: сначала она архонтская, а после – царская. (Придиричивый к чужим предположениям, С.Р. Тохтасьев позволяет себе даже такого рода умозаключение: «Едва ли мы ошибемся, предположив, что понижение статуса варварских племен стало прямым следствием их мятежей против центральной власти, после подавления которых они лишились первоначальных прав» [там же, 179].) Однако он не допускает мысли, что «вся Синдика» (или «Синдика» КБН 6а) в административном плане со временем была разделена на две области, одна из которых была включена в «Боспор», управляемый «архонтом», а другая – оказалась под прямой «царской» юрисдикцией.

Как уже неоднократно отмечалось, ключевую роль в концепции синдской государственности играла и, хотя и в меньшей степени, продолжает играть монета с легендой ΣΙΝΔΩΝ. Впервые альтернативная точка зрения была сформулирована в статье А. И. Болтуновой [1964, 146–149], посвященной новому проксеническому декрету из Горгиппии¹⁰¹. Вслед за А. В. Орешниковым она акцентирует внимание на том, что монета чеканится от имени народа, а не варварского царя, и делает вывод: «...В надписи ΣΙΝΔΩΝ следует скорее видеть этникон Синдской Гавани, то есть города Синдика, чем название племени синдов» [Болтунова 1964, 147]. Дальнейшее развитие эта идея получила в работах Н. Л. Грач [1972] и Д. Б. Шелова [1981], в которых представлена система аргументов против традиционной точки зрения. Прежде всего, они попытались доказать, что нет никаких оснований, подтверждающих реальность существования у синдов государства, указывая на противоречия и слабости в аргументации тех, кто думает иначе.

Заметным событием стала диссертация В. П. Толстикова «Фортификация античного Боспора», защищенная в 1981 г. В ней, в частности, было показано, что наиболее ранние оборонительные сооружения Семибратнего городища (Лабриса) были построены не ранее первой половины IV в. до н. э. и рассчитаны на оборону города гарнизоном профессиональных воинов (наемников). Тем самым окончательно было отвергнуто представление, будто Семибратнее городище представляет собой «царскую резиденцию» и «столицу синдского царства»¹⁰².

Исключительное значение для понимания истории Синдики в период правления на Боспоре Левкона I играют новые эпиграфические документы: votiv из Лабриса и посвящение Теопротида сына Мегакла из Нимфея. Эти надписи в сопоставлении с новеллой Полиена о Тиргатао (VIII. 55) и более поздними посвятельными надписями, в которых отражена эволюция титулатуры Левкона I, дают возможность составить представление о последних десятилетиях истории независимой Синдики и её судьбе в первые десятилетия после подчинения власти Спартокидов.

Не так давно была предпринята новая попытка снять противоречия, присущие исследованиям, в которых защищается традиционная (консервативная) точка зрения. Наиболее последовательно и аргументировано новая точка зрения представлена в работах В. Д. Кузнецова [2016; 2024]¹⁰³. В них последовательно проводится идея о формировании в «таманской» части Синдики объединения полисов (ἀμφικτιονία, κοινόν, ἔθνη) вокруг святилища Афродиты Апатуры, и чеканка «синдской» монеты отнесена на счет этого союза. По мнению В. Д. Кузнецова, «одним из вариантов самоназвания греков Синдики может быть слово ΣΙΝΔΩΝΟΙ (отсюда предполагаемое ΣΙΝΔΩΝ[ΩΝ] в gen. pl. в легенде монеты)» [Кузнецов 2024, 45].

¹⁰¹ Мнение, согласно которому А. В. Орешников, якобы, считал, что «синдские» монеты чеканены Синдской Гаванью, а не племенем синдов, наличие государства у которых он не отрицал [Орешников 1922, 125–126], видимо, следует считать недоразумением [см.: Болтунова 1964, 146; Грач 1972, 137–138].

¹⁰² Здесь следовало бы особо отметить переход к оценке Лабриса как эмпория. К сожалению, я не могу точно сказать, кто первым и когда именно сформулировал такую оценку. Не исключая, что пальма первенства в этом принадлежит В. А. Горончаровскому, который исходя из формы прибрежной части Лабриса (овальная), по его мнению огороженной оборонительными стенами, предполагает здесь «достаточно беспорядочную застройку», характерную преимущественно для поселений торгового профиля, эмпориев [Горончаровский 2009, 153].

¹⁰³ Тезисно эта точка зрения была изложена в заметке [Завойкин, Болдырев 1994].

Несмотря на заметный прогресс в исследованиях «синдской проблемы», точку, видимо, ставить рано. Дело в том, что существует непримиримое противоречие между двумя «группировками» исследователей. С одной стороны те, кто безоговорочно убежден в том, что ΣΙΝΔΩΝ на монетах следует понимать как «(монета) синдвов» и никак иначе, и всем остальным, по сути, можно и пренебречь [Тохтасьев 2001, 64]. С другой стороны те, кто считает недопустимым игнорировать данные иных источников, в том числе тот очевидный факт, что надпись ΣΙΝΔΩΝ сделана на монете¹⁰⁴, что, признавая чеканку племени синдвов, невозможно ни понять причины и цели чеканки этих монет, ни объяснить их типологию (в особенности тип «сидящий грифон», прямо указывающий на связь с Фанагорией), ни обосновать, откуда получали серебро для чеканки, ни предложить приемлемой аналогии варварской эмиссии от имени «(народа) синдвов».

И в заключении вернусь к первоначальному сюжету статьи. Обратим внимание, с одной стороны, на тонкое наблюдение И. И. Вдовиченко, которая отметила высокий процент первоклассных расписных керамических изделий в материалах из Лабриса¹⁰⁵, а с другой, – на важное замечание В. А. Горончаровского, акцентирующего наше внимание на том, что, судя по качеству находок из погребений синдских «царей» и их близких, те к греческой расписной керамике были равнодушны¹⁰⁶. Мы привыкли считать, что Лабрис был эмпорием, основанным восточнобоспорскими эллинами ради торговли с племенами Прикубанья. Однако если исходить из того, что Лабрис располагался на берегу судоходного палеолимана в дельте Гипаниса [см.: Внуков и др. 2012, 99; Гарбузов и др. 2017, 65, 70, прим. 14, 72, рис. 2], вполне допустимо предположить, что участие в основании и функционировании этого *эмпория* могли принимать, в том числе, *эмпоры*, прибывшие из Эллады, заинтересованные не только в торговле с племенами Прикубанья напрямую, но и с греками Синдики [Завойкин 2024, 163, прим. 86]. Этот пункт международной торговли мог служить своего рода *porto franco*¹⁰⁷ (что, по-видимому, вовсе не исключало поборов со стороны владык Синдики). Таким образом, высококачественная расписная посуда в Лабрисе могла предназначаться не только для использования её исключительно самими эмпорами, но и для населения полисов на Таманском п-ове и Синдской Гавани.

Вообще говоря, статус Лабриса доспартокидовского периода остается нам неизвестен. Будем надеяться на то, что новые раскопки этого замечательного во всех отношениях памятника принесет новые открытия, способные расширить и уточнить наши знания о Синдике и Боспоре.

¹⁰⁴ В. Д. Кузнецов приводит очень подходящую цитату: «Numismatic's feet are in Archaeology, and its head is in History» (L. Breglia) [Кузнецов 2024, 46, прим. 80].

¹⁰⁵ «Обычно считается, что расписная аттическая посуда не пользовалась большой популярностью у варваров по причине особенностей их быта и художественного вкуса. Однако мы встречаем на Семибратнем городище очень изысканную посуду, расписанную лучшими аттическими мастерами. Её состав типологически близок тому, который характерен для городских центров Боспора» [Вдовиченко 2006, 35].

¹⁰⁶ «Что касается роли керамики в быту синдской знати, то она была довольно незначительной. Похоже, что её художественные достоинства для неё не имели никакого значения» [Горончаровский 2017, 248].

¹⁰⁷ Разумеется, до того времени, когда Лабрис был захвачен Левконом I и вся Синдика вошла в состав его державы, а город, которому покровительствовал Аполлон Феб, превратился в мощную крепость с гарнизоном из профессиональных наемников.

Список литературы

- Абаев В. И. 1949. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.– Л., 606.
- Абрамзон М. Г., Завойкин А. А., Кузнецов В. Д., Сапрыкина И. А. 2020. Боспорские серебряные монеты классического времени из Фанагории // *Нуранис*. 2, 5–26.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., Остапенко С. Н. 2021. Деньги в повседневной жизни Фанагории (монеты из раскопок). Фанагория. Научно-популярная серия. 1. М., 80.
- Алексеев А. Ю. 1992. Скифская хроника. (Скифы в VII–IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). СПб, 206.
- Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В. 2010. Скифы // Г. И. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. М., 237–259.
- Алексеева Е. М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 144.
- Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 558.
- Алексеева Е. М. 2023. Погребальные обряды Синдики в период греческой колонизации // *Нуранис*. 5, 23–50.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 180.
- Анфимов Н. В. 1941. Новые данные к истории Азиатского Боспора (Семибратнее городище) // *СА*. VII, 258–267.
- Анфимов Н. В. 1953. Исследования Семибратнего городища // *КСИИМК*. 51, 99–111.
- Аптекарев А. З. 2004. «Синдские» монеты – проблема принадлежности остается // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Этнические процессы (Боспорские чтения. V)*. Керчь, 29–39.
- Артамонов М. И. 1949. О происхождении династии Спартокидов // *ВДИ*. 1, 29–39.
- Берзин Э. О. 1958. Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э. // *ВДИ*. 1, 124–129.
- Берлизов А. Н. 2024. Погребальные обряды населения Азиатского Боспора VI–IV вв. до н. э. Дисс. канд. ист. наук. М. // *Архив ИА РАН*. Р-2. б/№.
- Блаватский В. Д. 1952. Первый год работы Синдской экспедиции // *КСИИМК*. XLVIII, 71–80.
- Болтунова А. И. 1964. Проксенический декрет из Анапы // *ВДИ*. 3, 136–149.
- Бондаренко М. Е. 2012. Синды. Этнографическая характеристика древних племен Азиатского Боспора. М., 152.
- Вахтина М. Ю. 1991. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // *Вопросы истории и археологии Боспора*. Белгород – Воронеж, 3–11.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А., Рогов Е. Я. 1979. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // *Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья*. Тбилиси, 75–81.

- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. 1980. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 4, 155–161.
- Вдовиченко И. И. 2006. Расписная керамика Семибратнего городища // С. Л. Соловьев (ред.), Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. СПб, 32–35.
- Виноградов Ю. А. 2005. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 211–296.
- Виноградов Ю. Г. 2002. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп. (Процесс интеграции Синдики в Боспорскую державу по новелле Полиена (VIII. 55) и вотивной эпитафии из Лабриса) // ВДИ. 3, 3–22.
- Внуков С. Ю., Поротов А. В., Пушкарев П. Ю., Болиховская Н. С. 2012. Основные результаты архео-геоморфологических исследований Семибратнего городища и его окрестностей // ДБ. 16, 77–101.
- Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. 2011. Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // ДБ. 15, 90–172.
- Горончаровский В. А. 2011. Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 10, 115–140.
- Горончаровский В. А. 2009. Лабрис (Семибратнее городище) и синды (по материалам полевых исследований Боспорской экспедиции ИИМК в 2001–2008 гг. // БИ. XXII, 150–184.
- Горончаровский В. А. 2013. О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 161–173.
- Горончаровский В. А. 2014. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. XXX, 553–618.
- Горончаровский В. А. 2017. Цари и аристократия Синдики V – начала IV вв. до н. э. // БИ. XXXIV. Элита Боспора Киммерийского. Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени, 223–260.
- Горончаровский В. А. 2020. М. И. Ростовцев и изучение Семибратних курганов // БФ: Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Ч. 1. СПб, 142–151.
- Горончаровский В. А., Иванчик А. И. 2010. Синды // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани. I. М., 219–234.
- Горончаровский В. А., Терещенко А. Е. 2014. Типология и хронология синдской чеканки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Актуальные проблемы и хронология (Боспорские чтения. XV). Керчь, 99–114.
- Горончаровский В. А., Терещенко А. Е. 2015. О монетном деле Синдики в конце V – начале IV вв. до н. э. // Записки ИИМК. 11, 77–96.
- Горончаровский В. А., Терещенко А. Е. 2020. К вопросу об идентификации раннего типа синдских монет // АВ. 30, 116–124.
- Грач Н. Л. 1972. К находке синдской монеты в Мирмекии // ВДИ. 3, 133–142.
- Завойкин А. А. 2004. «Две Синдики» (замечки касаясь исторической значимости посвящения Теопротида, сына Мегакла из Нимфея) // ДБ. 7, 150–162.
- Завойкин А. А. 2011а. Эллины Таманского п-ова и их соседи: первые контакты // БФ: Население, языки, контакты. СПб, 259–264.

- Завойкин А. А. 2011б. Монета синдов как источник по истории взаимоотношений греков и варваров // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Взаимовлияние культур (Боспорские чтения. XII). Керчь, 118–124.
- Завойкин А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов. Симферополь–Керчь, 592.
- Завойкин А. А. 2014. Боспорские греки и «азиатские варвары» в период архаики – раннего эллинизма // *Scripta antiqua*. III, 164–196.
- Завойкин А. А. 2022. Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории VI–I вв. до н. э. // *АВ*. 35, 105–118.
- Завойкин А. А. 2024. Азиатский Боспор // *Нуранис*. 6, 151–186.
- Завойкин А. А., Болдырев С. И. 1994. Третья точка зрения на монеты с легендой «ΣΙΝΔΩΝ» // Боспорский сборник. 4, 43–47.
- Завойкин А. А., Толстиков В. П. 2017. Очерк политической истории Пантикапея и Фанагории // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 47–67.
- Златковская Т. Д. 1968. Ранние монеты южнофракийских племен (к вопросу о происхождении культа Диониса) // *НЭ*. 7, 3–22.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты (МИА. 16). М.–Л., 262 + L табл.
- Иванов А. В., Каргин Ю. Ю., Сударев Н. И. 2024. Азиатский Боспор до и во время греческой колонизации // *ДБ*. 29, 225–265.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. 2018. «Урочище Самойленко» – эталонный памятник греко-варварских взаимоотношений // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. СПб, 257–262.
- Иванов А. В., Сударев Н. И. 2023. Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике древней Греции и на Боспоре // *ДБ*. 28, 187–227.
- Коваленко С. А. 2020. Монеты синдов: некоторые замечания о причинах, характере и хронологии чеканки // А. В. Белоусов, Е. В. Илюшечкина (ред.), *Ното omnium horarum*: Сб. статей в честь 70-летия А. В. Подосинова. М., 272–296.
- Кошеленко Г. А. 1999. Боспорский вариант мифа о гибели гигантов // *ДБ*. 2, 147–160.
- Кошеленко Г. А., Малышев А. А., Улитин В. В. 2010. Торговля // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), *Античное наследие Кубани*. II. М., 257–289.
- Крушкол Ю. С. 1971. Древняя Синдика. М., 251.
- Кузнецов В. Д. 2016. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // А. А. Завойкин (ред.), *Материалы по археологии и истории Фанагории*. 2 (Фанагория. 4). М., 250–278.
- Кузнецов В. Д. 2024. Синдика и её монета // *ПИФК*. 2, 31–55.
- Кузнецов В. Д., Абрамзон М. Г. Клад позднеархаических монет из Фанагории (Фанагория. 8). М., 158.
- Куланда С. В. 2016. Скифы: язык и этногенез. М. 232 с.
- Лурье С. Я. 2010. Геродот. Изд. 2-е, исправленное. М., 232.
- Малышев А. А., Новичихин А. М. 2022. Полуостров Абрау в эпоху раннего железа // *Нуранис*. 4, 162–185.
- Мельников О. Н. 2001. Были ли монеты у синдов? // *Древний мир*. 2, 40–41.
- Мельников О. Н. 2009. Нумизматика и синойкизм Фанагории и Гермонассы // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конф. Краснодар, 247–253.

- Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. 2018. Некрополь Волна-1 (2017) (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017 (Материалы спасательных археологических исследований. 25). М., 220–231.
- Мошинская В. И. 1946. О государстве синдов // ВДИ. 3, 203–208.
- Новичихин А. М. 2006. Об этнической принадлежности курганных погребений раннескифского времени в Западном Закубанье // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII–I вв. до н. э. Материалы международной научн. конф. Тамань, октябрь 2000. СПб, 134–138.
- Новичихин А. М. 2010. Культурная принадлежность могильника. Проблема этнической атрибуции // А. А. Малышев (ред.), Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет (Некрополи Черноморья. III). М., 254–256.
- Новичихин А. М. 2014. Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы международной научно-практической конф. Ч. I. Нальчик, 110–121.
- Орешиников А. В. 1922. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. 2, 113–138.
- Переводчикова Е. В. 1987. Локальные черты скифского звериного стиля в Прикубанье // СА. 4, 44–58.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Л., 621.
- Смекалова Т. Н., Горончаровский В. А., Дюков Ю. Л. 2007. Магнитометрическое исследование Семибратнего городища и монеты синдов // XIV ВНК. Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 г. Тез. докл. СПб, 34–36.
- Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л. 2001. Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб, 202.
- Соколова О. Ю., Павличенко Н. А. 2002. Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Nurelboreus*. 8, 99–121.
- Строкин В. Л. 2012. Синдские монеты: взгляд из «Синдики» // ДБ. 16, 379–417.
- Сударев Н. И. 2014. Греки и варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова. СПб, 95–102.
- Толстиков В. П. 1981. Фортификация античного Боспора. Автореферат дисс. к. и. н. М., 1981, 26.
- Толстиков В. П. 1984. К проблеме образования Боспорского царства // ВДИ. 3, 24–47.
- Толстиков В. П., Виноградов Ю. Г. 1999. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // *Евразийские древности*. 100 лет Б. Н. Гракову. М., 282–304.
- Толстиков В. П., Нефедкин А. К. 2010. Армия. Вооружение. Фортификация // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани. II. М., 602–655.
- Тохтасьев С. Р. 1984. Scythika в трудах II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья (Цхалтубо 1979) // ВДИ. 3, 133–143.
- Тохтасьев С. Р. 2001. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. I. СПб, 63–79.
- Тохтасьев С. Р. 2002. ΣΙΝΔΙΚΑ // Таманская старина. 4. СПб, 11–34.
- Тохтасьев С. Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 3, 144–180.

- Тохтасьев С. Р. 2017. Варварские племена, соседи городов Боспора // *Scripta antiqua*. VI, 135–279.
- Фролова Н. А. 2002. Корпус монет синдов (первая половина – конец V в.) // *ВДИ*. 3, 71–84.
- Шелов Д. Б. 1949. Монеты синдов // *КСИИМК*. XXX, 111–118.
- Шелов Д. Б. 1965. Монетное Дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 221+ IX табл.
- Шелов Д. Б. 1981. Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 232–247.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 1985. История Боспора VI–IV вв. до н. э. // А. П. Новосельцев (ред.), Древнейшие государства на территории СССР. 1984 год. М., 5–187.
- Шилов В. П. 1951. Синдские монеты // *СА*. XV, 204–215.
- Яйленко В. П. 2004. Вотив Левкона I из Лабриса // *ДБ*. 7, 425–442.
- Яйленко В. П. 2024. Лесбосские эолийцы на Тамани: каталог свидетельств и вопросы основания Гермонассы да Фанагории // *ДБ*. 29, 497–535.
- Крау С. М. 1976. *Archaic and Classical Coinage*. Berkeley, 454.
- Minns E. H. 1913. *Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus*. Cambridge, 720.
- Müller Ch. 2010. *D’Olbia à Tanais. Territoires et réseaux d’échanges dans la mer Noire septentrionale aux époques classique et hellénistique* ((*Scripta Antiqua*. 28)). Bordeaux, 453.
- Wartenberg U. 2015. *Thraco-Macedonian Bullion Coinage in the Fifth Century B. C.: The Case of Ichnai* // U. Wartenberg, M. Amandry (eds.), *ΚΑΙΡΟΣ. Contributions to Numismatics in Honor of Basil Demetriadi*. New York, 347–364.

Summary

A.A. Zavoykin

Sindoi, Semibratnie burial mounds and Labrys (historiographic relics and new discoveries)

This article presents a systematic review of sources and studies devoted to the problems of the history and archaeology of Sindika. These problems have been studied for many decades. During this time ideological attitudes have changed, which have had a significant impact on the conclusions that scholars have reached.

Among the most important sources on the topic are the “royal” Semibratnie burial mounds, in which, according to the unanimous opinion of researchers, the “kings of the Sindoi” (according to Polyaeus VIII. 55) and their close relatives are buried. This royal necropolis is located in the immediate vicinity of the Semibratnee settlement, which was originally considered as a

Sindian city, “the residence of the Sindian kings” and “the capital of the Sindian state”. This “state” began to be discussed not only in connection with the fact that Polyaeus (VIII. 55) calls Hecataeus, the ruler of the Sindoi, βασιλεύς, but also because the Sindoi were credited with minting a silver coins with the inscription ΣΙΝΔΩΝ, which is understood as “(a coin) of the Sindoi”. And this point of view was the only one for a long time and remains the main one to this day.

New archaeological discoveries in Sindika and new finds have significantly expanded the source base on this issue and forced us to make adjustments to the previous picture. New epigraphic documents are of particular importance. Thus, the discovery in 1986 of the dedicatory epigram of Leucon I shed light on the last years (or year) of Sindika’s independence from the Bosphoros. From it the name of the city on the site of the Semibratnee settlement became known – *Labrys*. Modern scholars are inclined to think that this was a Greek *emporium* founded at the beginning of the 5th century BC in Sindika. The dedication of Theopropides from Nymphaion dates back to the time when “all of Sindika” came under the “archon” authority of Leucon I.

Excavations on the territory of that part of Sindika that was located “beyond Hypanis” (Strab. XI. 2, 10) revealed the so-called “stone necropolises”. The ordinary “barbarian” population was buried in them, and they should be considered the historical Sindoi. The burial rite in these necropolises differs radically from the burial rite of the rulers of Sindika. And this circumstance allows us to consider that the “kings of the Sindoi” were representatives of a different ethnocultural environment (apparently Scythian) than the ordinary population of their country.

Recently researchers have preferred not to speak directly about the statehood of the Sindoi, evaluating the “royal power” of their rulers as the power of “tribal chief”. However, they still willingly discuss the strong “Hellenization” of this people, although it is not entirely clear what should be understood by this term. New discoveries encourage a revision of old views on the Sindoi, Sindika and the nature of the power of its rulers. But in the minds of researchers, some relics of obsolete ideas and knowledge, acquired relatively recently, often coexist. The most conservative element remains the assessment of the coins with the inscription ΣΙΝΔΩΝ as a barbarian tribal coinage. And although attempts have been made to interpret it as a polis coinage (Σινδικὸς λιμήν) or as a confederation (ἀμφικτιονία, κοινόν, ἔθνη) coinage of the Hellenic city-state of the Taman Peninsula (part of Sindika), most researchers adhere to the traditional opinion. Its supporters believe that it is better to ignore the problems that arise in the case of classifying this coin as a “barbarian” coinage, than to abandon the formal philological approach, i.e. reading the inscription as a genitive from the ethnonym σινδοί. Attempts by those who adhere to this position to resolve the emerging contradictions are difficult to recognize as successful.

Н. В. Захаренков*, В. А. Хршановский**

(* Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург;

** Институт археологии РАН, г. Москва)

Памяти Александра Петровича Пигина

Погребальные и ритуальные комплексы на валу № 1 в юго-западном предместье Китея

Одной из особенностей рельефа территории, расположенной к юго-западу от городища Китей, привлекающей внимание археологов в последние полтора десятилетия, являются земляные валы, тянущиеся параллельно друг другу в меридиональном направлении. На протяжении 650 м к западу от западной крепостной стены они отчётливо видны на местности между крутым береговым обрывом и просёлочной дорогой. В 2013 г. была произведена их наземная инструментальная топосъёмка (Ю. Г. Кутимов) (рис. 2. 2).

В 2015 г. появилась возможность применить новые аэрофотогеодезические методы с использованием беспилотных летательных аппаратов и тахеометров для исследования части Китейской равнины, лежащей к северу и западу от городища. Одним из разработчиков и организаторов создания высокоточных топографических планов и пространственных моделей 66 археологических объектов Керченского и Таманского полуостровов, в том числе Китея и его округи, был Александр Петрович Пигин (1945–2022) (рис. 1. 1), восьмидесятилетие и памяти которого посвящена эта статья. Благодаря применению новой методики аэрофотогеодезических работ «проявились» невидимые с земли следы валов на распаханном поле (рис. 1. 2; 2. 1), свидетельствующие о том, что первоначально они тянулись с юга (возможно, от древнего берега моря) на север (до подножья кряжа Джурга-Оба) не менее, чем на 1 км. Для уточнения микрорельефа валов № 1–5 была осуществлена детальная топографическая съёмка юго-западного участка [Пигин, Хршановский 2022, 253–256, рис. 8, 9]. А новый обзорный план Китея стал исходным материалом для данной статьи, посвящённой валу № 1 и открытым на нём археологическим объектам.

Валы № 2–24, расположенные западнее вала № 1, тянутся в указанном направлении приблизительно на одинаковом расстоянии один от другого. В настоящее время (с момента возникновения они могли расплыться) ширина их колеблется от 10 м (вал № 23) до 20 м (вал № 18), при том, что большинство имеет ширину более 15 м. Высота их

Рис. 1. 1 – Д. В. Грохольский, В. Н. Афонин, В. А. Хршановский, А. П. Пигин
(в середине, слева направо) и практиканты-геодезисты, Китей, 2015;
2 – городище и предместье Китея, аэрофотосъемка, вид с ЗСЗ

по мере удаления от городища плавно понижается от 1,2–1,3 м (валы № 3 и № 4) до 0,5 м (валы № 23 и № 24), но при этом высота и ширина каждого из них в отдельности на всём видимом протяжении с юга на север остается неизменной. Все они отчётливо прослеживаются на расстоянии от 120 м (вал № 2) до 30 м (вал № 24) – от берегового обрыва до упомянутого просёлка (рис. 2. 1–2).

Вал № 1 отличается от остальных своим расположением (ближайший к западной крепостной стене, не считая совсем невысокого и заметного только на аэрофотосъёмке вала, условно обозначенного № 0), размерами и конфигурацией. Южная часть его, как и всех остальных, судя по всему, обрушилась в море. Сохранившаяся – отчётливо прослеживается на протяжении не менее 140 м, заходя за прибрежную дорогу на пахотное поле. Ширина вала, сужающегося к северу, – от 40 до 20 м (рис. 2. 1–2, 3). Главная особенность вала № 1 была выявлена на сечениях, сделанных на основе обзорного топографического плана Китея. Он не только существенно выше остальных, но и, в отличие от них, имеет более сложную конфигурацию: гребень его на рассматриваемом участке идёт не горизонтально, а заметно понижаясь к северу. Перепад высот от самой высокой южной точки (у обрыва – 28,53 м) до нижней (на просёлочной дороге – 25,25 м) составляет более 3 м (рис. 3). При этом западный склон вала круче восточного (рис. 4. 1), а гребень понижается к северу на протяжении 100 м (рис. 4. 2). Объяснить это можно тем, что над южной частью вала № 1 был насыпан холм высотой до 3 м. Имел ли вал такую насыпь изначально или же она была сделана позже, станет ясно только после раскопок и получения его поперечной и продольной стратиграфии.

Несмотря на всё сказанное, вал № 1 на плане и на кадрах аэрофотосъёмки воспринимается не как часть городской оборонительной системы (протейхизма), а как первый из 24 остальных, ушедших, как было отмечено, через дорогу к подножью кряжа Джурга-Оба (рис. 2. 1). В пользу этого косвенно говорят и угадывающиеся на аэрофотоснимке пахотного поля следы валов за северной крепостной стеной Китея, тянущихся в том же меридиональном направлении (рис. 1. 2).

Археологическое исследование вала № 1 началось в 1992 г., когда А. В. Куликов (по согласованию с проводившим работы на этом участке В. А. Хршановским) заложил шурф (1×1 м) на расстоянии около 70 м от южной оконечности вала № 1 – у северного подножья начинающегося отсюда возвышения. Выявленный культурный слой мощностью свыше 1,5 м, включавший фрагменты разновременной (от раннеэллинистической до позднеантичной) керамики и отдельные человеческие кости, позволял предположить, что здесь тоже находился некрополь. Для проверки этого на месте шурфа в том же году был заложен раскоп XXIII (рис. 2. 1, 2; 3). В нём были открыты два погребения: № 122 и № 123. Первое – мужчины 25–30 лет, судя по наличию и расположению древесного тлена, было совершено в деревянном гробу, на глубине 1,75 м от современной дневной поверхности. Костяк лежал в анатомическом порядке на спине, головой на юго-восток, руки и ноги вытянуты (рис. 5. 1). В ногах была найдена маленькая (длиной 4 см) бронзовая пряжка с округлой рамкой, округлым щитком, и слегка выступающим за рамку, свисающим кончиком язычка (рис. 5. 2), датирующая погребение – подобные пряжки характерны для гуннского времени, но существовали и во второй половине V в. н. э. [Мастыкова 2009, 58, рис. 41. 7, 9].

НЕКРОПОЛЬ КИТЕЯ
ТОПОГРАФИЧЕСКИЙ ПЛАН
ЮГО-ЗАПАДНОГО УЧАСТКА

ШТРИХОВЫМИ ЛИНИЯМИ НА ПЛАНЕ ОБОЗНАЧЕНЫ ГРАНИЦЫ ВАЛОВ
ЦИФРАМИ ①-⑩ ДАНА НУМЕРАЦИЯ ВАЛОВ

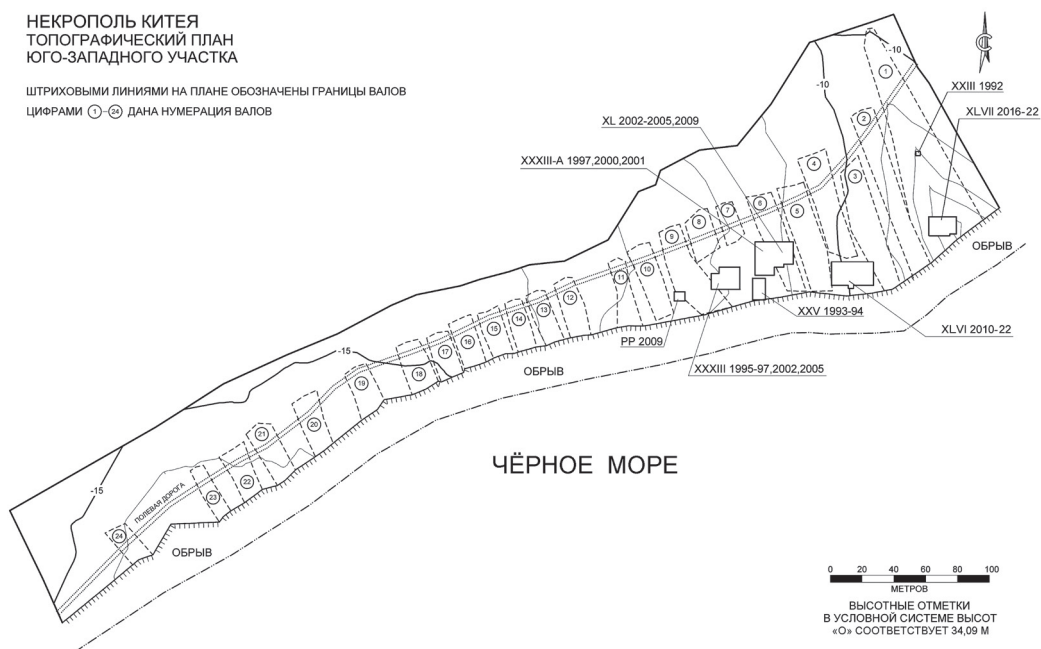

Рис. 2. Валу в юго-западном предместье Китея:
1 – аэрофотосъемка, вид с ЮЮВ; 2 – топографический план

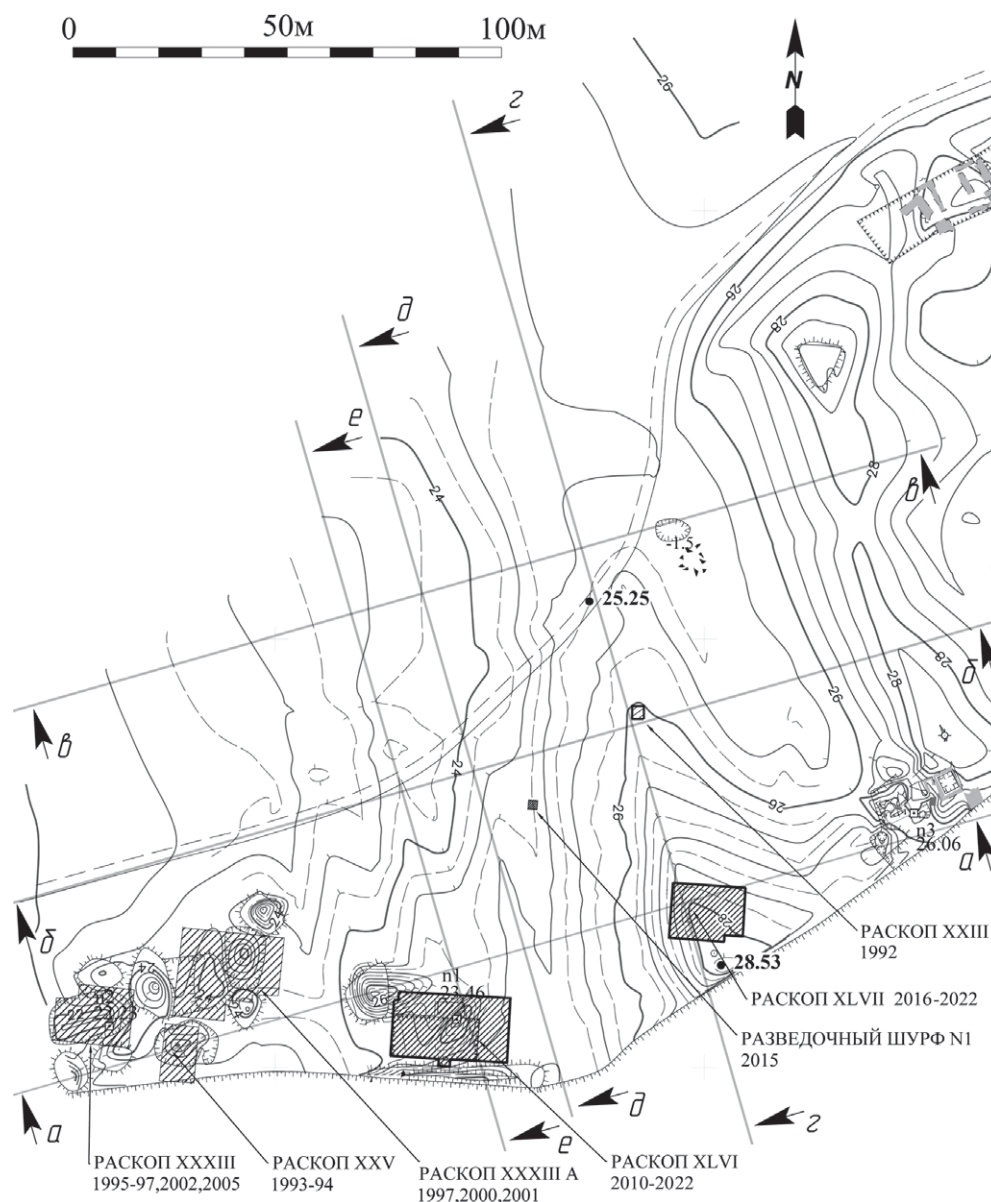
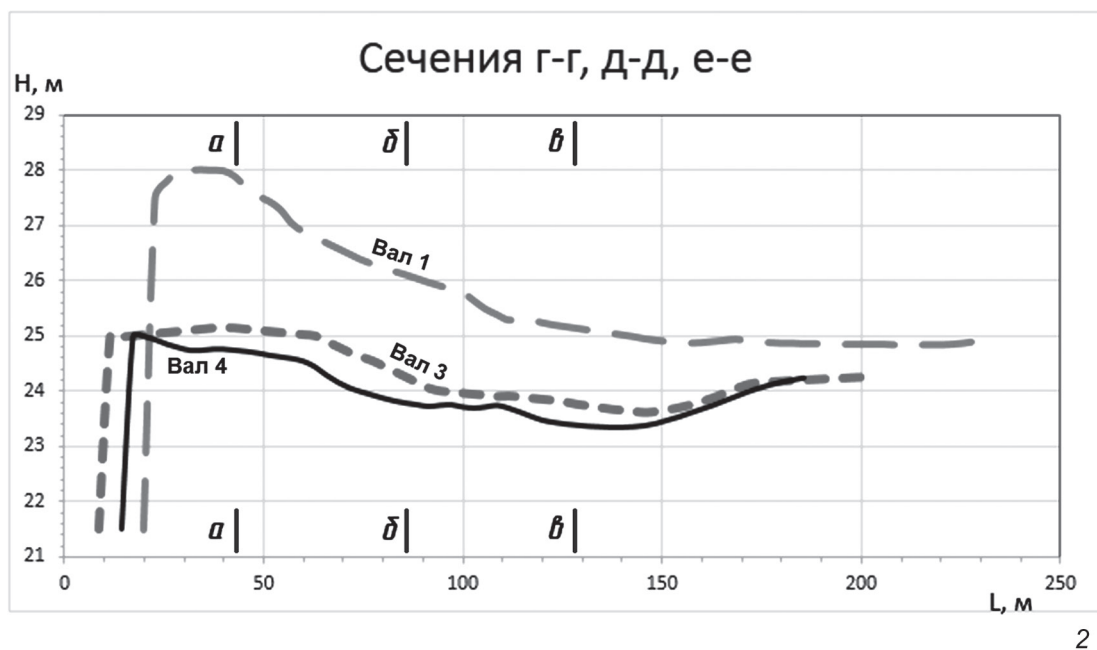

Рис. 3 – Западная часть городища и юго-западное предместье Китея.
План с обозначением сечений

При расширении шурфа в верхнем слое (на глубине 0,5–0,6 м) на скоплении камней был обнаружен отдельно лежавший череп мужчины 40–50 лет. Ниже под ним (в 1,3 м от дневной поверхности) было открыто ещё одно погребение № 123 (рис. 5. 3) – подростка (мальчика?) 13–16 лет, лежавшего на спине, головой к северо-северо-востоку. Плечевые кости были немного отодвинуты от туловища, часть их (правая локтевая, правая бедренная и обе берцовые), возможно не случайно [Флёров 2000], отсутствовала. Примечательно и то, что череп был прижизненно деформирован давящей лобно-теменной

--- - сечение а-а, — - сечение б-б, - · - сечение в-в

- · - сечение г-г, --- - сечение д-д, — - сечение е-е

Рис. 4. Западная часть городища и юго-западное предместье Китея: 1 – поперечные сечения валов (а-а, б-б, в-в); 2 – продольные сечения валов 1, 3 и 4 (г-г, д-д, е-е)

Рис. 5. Раскоп XXIII: 1 – погребение № 122, вид с ССЗ; 2 – пряжка бронзовая из погребения № 122; 3 – погребение № 123, вид с юга

повязкой (антропологические определения В. И. Хартановича, МАЭ РАН). Погребение было безынвентарным, но вероятность того, что оно синхронно погребению мужчины, достаточно велика.

Необходимо отметить, что грунт в раскопе представлял собой серый сухой, необычайно сыпучий (возможно, переотложенный с включением пепла) суглинок, в котором не читались пятна могильных ям. В раскопе было найдено около 400 фрагментов разновременной амфорной, кружальной и лепной керамики. Присутствовали и разрозненные кости животных: лошади, коровы, овцы или козы (со следами собачьих зубов) и самой собаки (кобеля) (определения палеозоолога А. К. Каспарова, ИИМК РАН).

В 2016 г. на южной оконечности вала № 1, над 30-метровым береговым обрывом, в зоне интенсивной береговой абразии был заложен раскоп XLVII. На сделанном до начала работ космическом снимке в этом месте можно было заметить тёмный абрис овала (8×5 м), вытянутый в направлении юго-запад-северо-восток – признак возможного археологического объекта (рис. 6. 1). После семи полевых сезонов раскоп достиг площади 200 м² при средней глубине 1,2–1,3 м (рис. 6. 2). В юго-восточном углу была открыта жертвенная яма, получившая № 394, перекрытая северо-восточной частью зольного холма № 395, а в северо-западном углу – ещё один зольный холм № 396.

Яма № 394 была обнаружена на глубине около 1 м от дневной поверхности. Устье её обложено камнями неправильной уплощенной формы (размером от 0,10×0,15×0,10 м до 0,35×0,50×0,15 м). Несколько известняковых плиток вкопаны по окружности внутри ямы для укрепления стенок (рис. 7. 2). Возле каменной выкладки зафиксированы пятна пачины.

Горло ямы закрыто крышкой – подработанным округлым куском известняка диаметром 0,65 м и толщиной 0,08–0,10 м. Опорой для неё служили тонкие (0,05–0,07 м) плитки известняка, вставленные горизонтально по всей окружности устья и прижимаемые сверху стоящими вертикально камнями. Верхняя часть (горловина) на всю глубину (0,60–0,65 м) имела обмазку из светлой глины. Яма имела грушевидную форму (рис. 7. 1). Общая глубина её – около 3 м: 1,25 м от устья до основания горла и 1,75 м от основания горла до дна. Верхняя половина ямы (около 1 м от основания горла) не была заполнена грунтом. В стенках (ниже обмазки) имелись трещины и кротовины, в грунте заполнения встречались створки морских раковин, обломки костей и фрагменты керамики, что, скорее всего, свидетельствует о том, что она была вырыта в культурном (переотложенном и перемещённом) слое.

Верхний слой грунта заполнения (толщиной около 1 м) состоял из пылеобразного осыпного материала, вероятно, затекшего за годы консервации в яму через небольшие щели между закладными камнями, а нижний мог осыпаться с неукреплённых (не обмазанных глиной) стенок. Такое заполнение ямы может свидетельствовать о вероятном (первоначальном?) использовании её в «пустом» виде.

Дном ямы служил подтесанный пласт мягкого белого материкового известняка, над которым читалась тонкая прослойка зеленоватой глины. Грунт на ней производил впечатление насыпного, а не естественных предматериковых отложений. Дно почти по всей площади было покрыто слоем золы и пепла, встречались и угольки. После расчистки в дне были обнаружены четыре небольшие овальные вырезные лунки (диаметром 0,05–0,07 м, глубиной 0,03–0,05 м) (рис. 7. 1).

1

2

Рис. 6: 1 – юго-западное предместье Китея, космический снимок 2015 г.;
2 – раскоп XLVII, общий вид сверху, 2022 г.

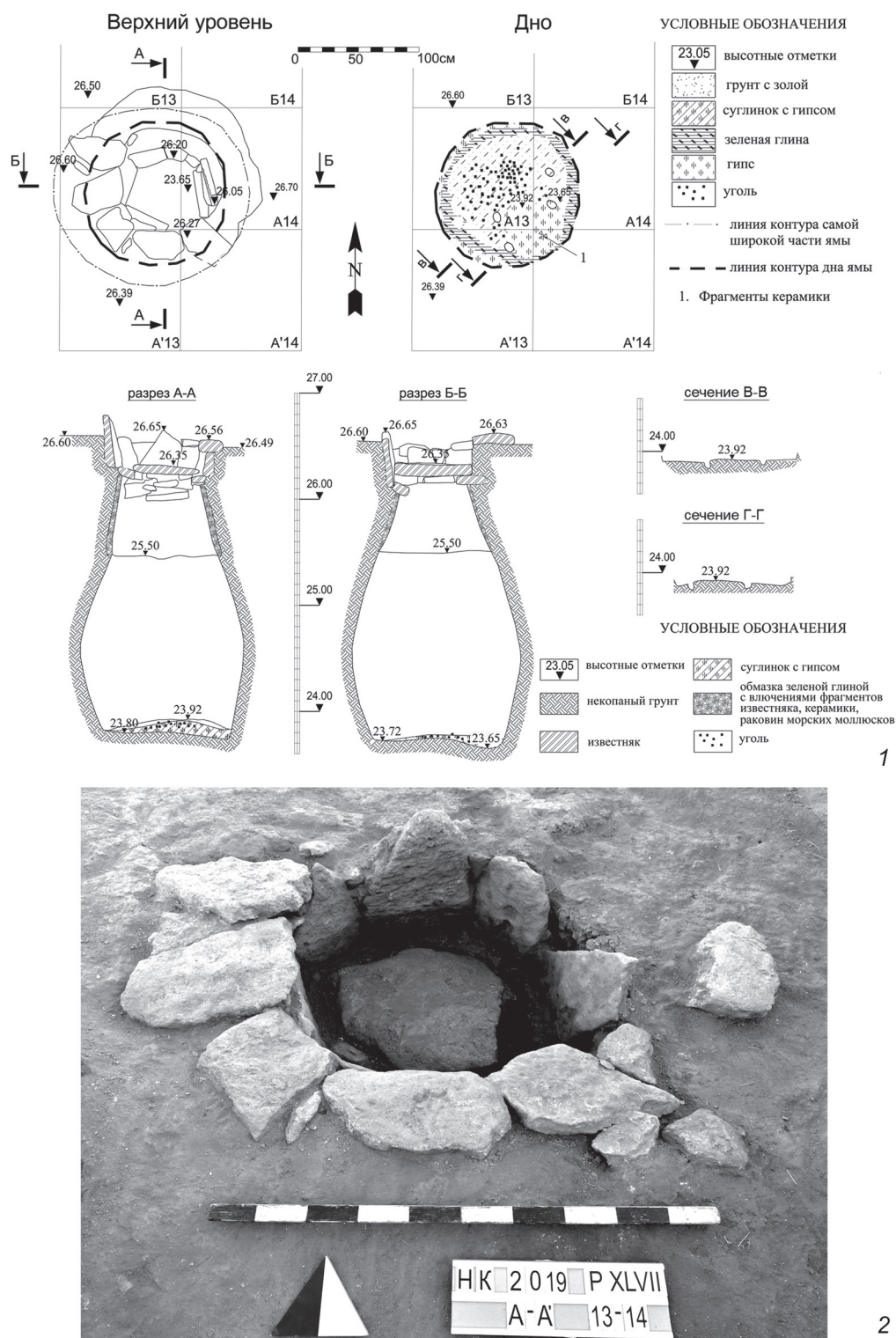

Рис. 7. Раскоп XLVII. Яма № 394: 1 — планы и разрезы; 2 — вид с юга

Находки в заполнении нижней части ямы немногочисленны: ручка чернолакового сосуда с просверленным отверстием, морская раковина (гребешок) с отверстием (подвеска?), фрагмент дна сероглиняного рыбного блюда с темным покрытием и следами сажи и фрагмент стенки красноглиняной амфоры с граффито. Отдельно следует упомянуть небольшой (козий или овечий) астрагал с процарапанным граффито в виде «ёлочки» [Христановский 2020а, 132–133]. Являются ли упомянутые артефакты приношениями, совершенными во время ритуала, или они попали в яму с осыпью из стен, установить невозможно.

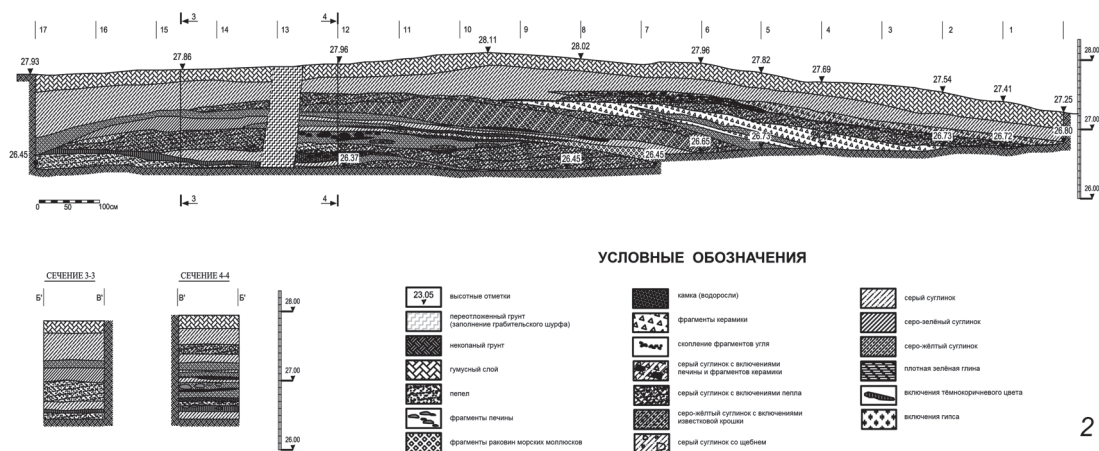
По заключению палеозоолога (А.К. Каспаров, ИИМК РАН) и палеоорнитолога (А.В. Пантелеев, ЗИН РАН), в яме представлены почти все животные и птицы, встречавшиеся ранее в слоях зольника и вокруг него: лошадь, корова, овца или коза, свинья, собака, птицы (домашняя курица и утиные), дельфин и рыбы. Это свидетельствует о том, что яма и перекрывающий её зольник № 395, по всей вероятности, образуют единый комплекс, имеющий не бытовой, а ритуальный характер.

Зольник в юго-восточной части раскопа, судя по стратиграфии южного борта (открытого на данный момент), первоначально имел протяжённость с востока на запад около 12 м, а затем с западной стороны был досыпан и по западному склону холма увеличился ещё на 5 м. Структура его неоднородна. Под тонким дерновым слоем (0,2–0,3 м) и засыпкой из серого суглинка (0,2–0,7 м) предположительно над всей поверхностью зольника располагались перекрывающие одна другую различающиеся по цвету и составу прослойки толщиной 0,05–0,50 м, в том числе, из зелёной (материковой?) глины, серого, серо-зелёного и серо-жёлтого суглинка (рис. 8. 1, 2). В сером рассыпчатом суглинке имелись значительные включения пепла, куски печины, угольки, встречались известковая крошка и куски гипса, был выявлен слой обломков штукатурки (?), многочисленные фрагменты керамики, створки морских раковин и морская трава (камка). В нижней части зольника находились большие куски печины (длиной до 1 м и толщиной 0,10–0,15 м). Установленная на данном этапе максимальная высота его – 1,4 м. Понижаясь к западу по склону холма, зольник уходит в некопанный слой.

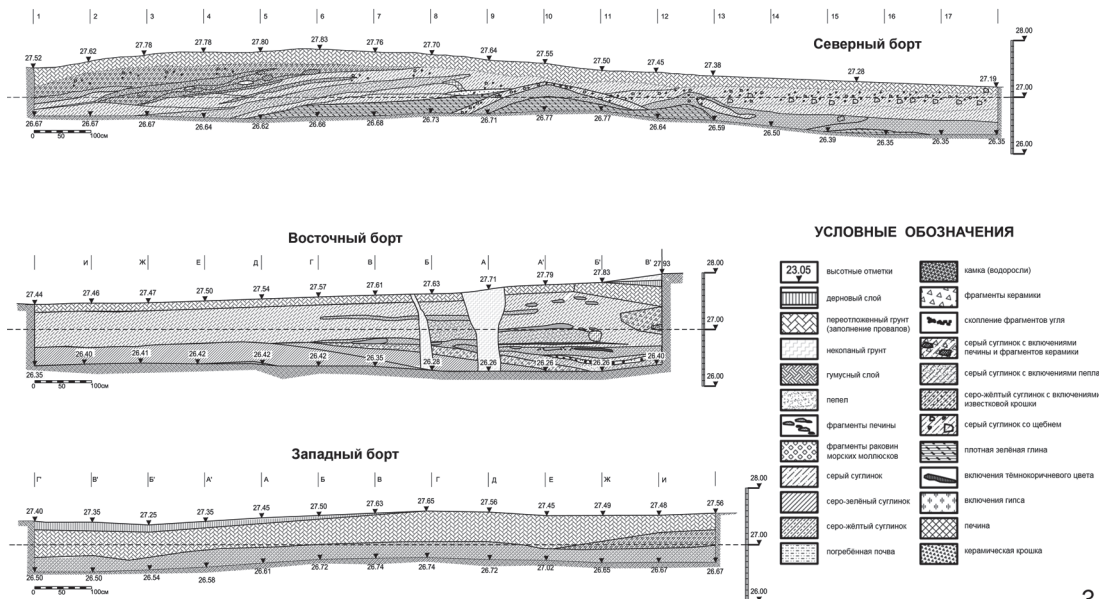
В 2022 г. в северо-западной части раскопа на глубине 0,3–0,4 м от дневной поверхности был открыт ещё один зольник (№ 396), близкий по конструкции, но меньшего размера. Длина его в широтном направлении по стратиграфии северного борта раскопа – около 6 м (рис. 8. 3) Толщина гумусного слоя над зольником составляла 0,2–0,4 м. Так же, как и у зольника № 395, все его слои имели уклон к западу. Под гумусом находился слой серого суглинка с включениями щебня и фрагментов керамики мощностью от 0,1 м над восточной частью зольника до 0,4 м над западной. Ещё ниже в северо-западном углу под слоем серо-зелёного суглинка открылся серо-жёлтый, уходящий в некопанный грунт. Восточнее, над самым слоем серого суглинка с пеплом в перемежающихся слоях серого и серо-жёлтого суглинка (в том числе, с включениями известковой крошки) часто встречались куски печины. Небезынтересно, что основанием для нижнего слоя серо-жёлтого суглинка, подстилающего слой с пеплом, является массив из плотной зелёной глины, уходящий вглубь, в некопанный грунт. Максимальная установленная высота зольника – около 1 м.

1

2

3

Рис. 8. Раскоп XLVII: 1 – южный борт, вид с севера; 2 – стратиграфия южного борта; 3 – стратиграфия северного, восточного и западного бортов

Восточнее, уже за пределами зольного слоя, на том же нижнем уровне в борту читаются два возвышения из такого же массива плотной зелёной глины (длиной, соответственно, 2,5 и 1,5 м и максимальной высотой по 0,4 м), волнообразно переходящих одно в другое. Оба были вначале перекрыты серо-жёлтым суглинком, а поверх – серым с включениями щебня, что, вероятно, не случайно.

В сыпучем пепельном грунте разграничить зольники не удалось, но их синхронность и принадлежность к одному ритуальному комплексу сомнений не вызывает. Практически они занимают всю исследованную площадь раскопа XLVII за исключением северо-восточного угла и западной части (рис. 8. 3). Соответственно, все происходящие отсюда многочисленные артефакты и костные остатки могут считаться приношениями, сопутствовавшими неким неоднократно производившимся обрядам. Среди находок – около 26 тыс. фрагментов амфорной, черно- и краснолаковой, чернолощёной, красно-, светло- и сероглиняной кружалной керамики, лепных сосудов, терракотовые статуэтки, светильники, пряслица, грузила, медные монеты, обломки стеклянных сосудов, костяные изделия. Хронологическая «вилка» найденного в нестратифицируемом слое материала, очень широка: от IV в. до н. э. до середины VI в. н. э., но подавляющее большинство датируется второй половиной IV–V в. н. э.

Среди амфорной тары к хронологическим реперам могут быть отнесены узкогорлые светлоглиняные амфоры типа Е по классификации Д. Б. Шелова и красноглиняные типа С Snp I («Делакеу»), широко датирующиеся IV–V вв. н. э. [Зубарев, Маркова 2024, 158–161]. Обломки краснолаковых блюд с линейно-волнистым орнаментом имеют более узкую хронологию (конец IV – середина V в. н. э.), которую продлевает на вторую половину того же века (440–490 гг.) фрагмент блюда с орнаментом в виде бутона лотоса [Симонова 2023, 237–243]. Общепринятой датой появления стеклянных сосудов с синими каплями, стенки которых также были найдены в раскопе LXVII, считается вторая половина IV в. н. э. [Ханутина 2023, 344–348]. Среди 22 найденных в этом раскопе медных монет, при наличии двух эллинистических (III в. до н. э.), трёх – римского времени (I–II вв.) и одной – византийской (имп. Юстиниана, 560–565 гг.), подавляющее большинство (13) относится к IV в. н. э. [Абрамзон, Христановский 2022, 234–239]. К редким находкам, также вписывающимся в нижнюю временную границу (IV в. н. э.), относится золотая топорovidная подвеска [Кравченко, Христановский 2022, 241–247]. А фрагментированная бронзовая пальчатая фибула [Христановский 2021, 230, рис. 5. 4] доводит время возможного функционирования этого ритуального комплекса до последней четверти V – начала VI в. (консультация И. О. Гавритухина). Таким образом, *terminus postquem* первоначально совершавшихся в раскопе XLVII обрядов по преобладающим датированным находкам – IV в. н. э., вероятнее, его вторая половина, а время функционирования – V – начало VI в. н. э.

Ритуальный характер открытого на валу № 1 комплекса подтверждается найденными в ходе раскопок многочисленными костными остатками домашних и диких животных (лошади, коровы, овцы, козы, свиньи, собаки, благородного оленя, кабана, лисицы, барсука, зайца-русака), а также птиц, дельфина, рыб и клешни краба.

Несмотря на существенные различия между ритуальными комплексами в раскопах XLVI (под валом № 4) [Христановский 2020б, 407–425; 2023, 154–168] и XLVII

(на гребне вала № 1), у них есть много общего. В целом совпадает время начала их функционирования – IV в. н. э., но надёжно датируемые находки V века в раскопе XLVI пока отсутствуют. Важную роль в реконструируемых обрядах, судя по количеству жертвенных ям и алтарей [Молева, Хрищановский 2024, 338–352], играли хтонические культы, а также, судя по обилию зольников разного вида и размера, культ огня. Огромное значение в ритуалах, имели кровавые жертвоприношения, о чем свидетельствует обилие палеозоологического материала [Каспаров, Хрищановский, 2021, 225–245]. Причём набор привлекаемых для этого в обоих раскопах диких и домашних животных практически не отличается [Каспаров, Хрищановский 2019, 274–245].

Надёжно датируемые ритуальные комплексы на южной оконечности вала № 1 позволяют утверждать, что холм, у вершины которого они расположены, насыпан не ранее этого времени – IV в. н. э. Можно ли рассматривать его как одно целое с самим валом № 1 и, соответственно, тем же временем датировать время создания вала, будет проявляться только по мере получения полных продольных и поперечных разрезов его южной части.

Наличие погребальных и ритуальных комплексов под валом № 4 и в насыпи (или под насыпью) вала № 1 (погребения № 122 и № 123) и характер грунта, из которого состоят насыпи исследованных на данном этапе валов, казалось бы, однозначно свидетельствуют в пользу их искусственного происхождения, но предполагаемый объём работ, необходимых для сооружения 24 (или более) валов протяженностью до 1 км, занимавших более 1,5 км² западной части Китейской равнины, не позволяет утверждать это окончательно [Захаренков 2022, 267–272]. В пользу естественного происхождения валов (при безусловной искусственности зольных холмов и насыпного грунта под ними, в который были впущены ямы) может говорить наличие соответствующих гребням валов утолщений только в гумусном и лежащим сразу под ним слоях грунта в «рядовых» валах (например, у вала № 4) (рис. 2. 1). Можно отметить также корреляцию между регулярной структурой валов и общим направлением складчатости рельефа данной местности – на Китейской равнине сжатие происходит в направлении «запад–восток», что вполне может приводить к появлению всхолмлений, вытянутых в направлении «север–юг». Нельзя исключить и возможность образования на слабонаклонных глинистых грунтах (при длительном отсутствии антропогенного воздействия и периодическом переувлажнении) волнистых поверхностных структур – множества параллельных друг другу эрозионных борозд плоскостного (переходящего в линейный) смыва. Совокупность этих факторов позволяет допустить возможность образования регулярной структуры валов на протяжении тысячелетия после завершения активного антропогенного воздействия (совершения погребально-поминальных обрядов). Однако до проведения масштабных археологических работ вопрос об антропогенном или естественном происхождении валов на Китейской равнине остаётся открытым.

Список литературы

- Абрамзон М.Г., Христановский В.А. 2022. Монеты из раскопок юго-западного участка некрополя Китея (2011–2021 гг.) // БФ: Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е. А. Молева (1947–2021). СПб, 233–240.
- Захаренков Н.В. 2022. Китейские валы – насыпи? // БФ: Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е. А. Молева (1947–2021). СПб, 267–272.
- Зубарев В.Г., Маркова К.О. 2024. Амфоры типа C Snr I («Делакеу») и типа F и E по Д. Б. Шелову в контексте датирующего материала по IV в. н. э. (по результатам раскопок городища Белинское в 1996–2022 гг.) // БИ. XLVIII, 158–181.
- Каспаров А.К., Христановский В.А. 2019. Фаунистические остатки из юго-западного участка Китейского некрополя (по итогам раскопок 2010–2018 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Основные итоги и перспективы исследований (Боспорские чтения. XX). Керчь, 272–283.
- Каспаров А.К., Христановский В.А. 2021. Фаунистические остатки диких животных из позднеантичного некрополя и «аланский след» на Китее IV–V вв. н. э. // ДБ. 26, 225–245.
- Кравченко А.В., Христановский В.А. 2022. Золотая топоровидная подвеска из позднеантичного ритуального комплекса некрополя Китея // БФ: Большие и малые города Боспорского царства. Круглый стол, посвященный 75-летию Е. А. Молева (1947–2021). СПб, 241–247.
- Мастыкова А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М., 502.
- Молева Н.В., Христановский В.А. 2024. Алтари из юго-западного предместья Китея // ДБ. 29, 338–352.
- Пигин А.П., Христановский В.А. 2022. Аэрофотогеодезические методы выявления памятников археологии на Илуратском плато и Китейской равнине // ДБ. 27, 243–258.
- Симонова М.А. 2023. Фрагменты краснолаковых блюд с линейно-волнистым орнаментом на дне из позднеантичной тризны некрополя Китея // БФ: Qvarta pars saeculi. СПб, 237–243.
- Флёров В.С. 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребённых (Труды Клин-Ярской экспедиции. I). М., 164.
- Ханутина З.В. 2023. Фрагменты стеклянных сосудов с синими каплями из позднеантичного ритуального комплекса в предместье Китея // БФ: Qvarta pars saeculi, 344–348.
- Христановский В.А. 2020а. Новый ритуальный комплекс на позднеантичном участке некрополя Китея // БФ: Боспорское царство М.И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Ч. II. СПб, 130–136.

- Хрищановский В. А. 2020б. Позднеантичные ритуальные ямы на юго-западном участке некрополя Китея // ДБ. 25, 407–425.
- Хрищановский В. А. 2021. Позднеантичный ритуальный комплекс в предместье боспорского города Китея // Новый Гермес. 4, 213–234.
- Хрищановский В. А. 2023. Позднеантичные ритуальные комплексы в юго-западном предместье Китея // Археология и история Боспора: Результаты новейших исследований памятников Боспорского царства. Керчь–Симферополь, 154–168.

Summary

N. V. Zakharenkov, V. A. Khrshanovsky
Sepulchral and Ritual Complexes on the Rampart No 1
in the South-Western Suburbs of Kytia

The article is focused on preliminary results of the investigations at rampart No 1, which is the closest to the city among total number of the 24 such earthworks recorded to the West from the western fortification wall. It differs from the rest not only by its location, but also by an additional mound in its Southern part. Preserved in the southernmost point up to 3 meters high, the mound then gradually descends to the north. Thanks to modern aerial- and photo-geodetic methods with the use of unmanned aerial vehicles and tachometers, developed and implemented by A.P. Pigin, appeared an up-to-date overview topographic plan of the Kytia city-site and its south-western suburbs. It allowed us to get sections of rampart no. 1, and also made it possible to obtain documented proof of peculiar features of its configuration. Sepulchral and ritual complexes discovered on the rampart no. 1 in the excavation plots XXIII and XLVII, are reliably dated back to the second half of the 4th – 5th centuries CE. Provided the anthropogenic origin of the earthworks is confirmed during forthcoming excavations, they should be recognized as an archaeological site of the Great Migration Period in the European Bosphorus, the analogues of which are yet unknown.

В.Г. Зубарев, К.О. Маркова
(Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, г. Тула)

Склеп № 25 некрополя городища «Белинское»

В 2024 г. после девятилетнего перерыва были возобновлены работы в центральной части некрополя городища «Белинское», который расположен напротив городища (в 600 м к востоку) в северной части урочища Аджиэль, в полутора километрах от с. Белинское в районе фермы и карьера 70-х годов прошлого века. Начинается он от восточного склона Аджиэльской балки и тянется в восточном направлении на площади не менее 7,8 га.

Район центрального участка некрополя был подготовлен под расширение упомянутого карьера посредством снятия надматерикового грунта, поэтому часть могильных ям была хорошо заметна на поверхности. С севера и юга эта площадь была ограничена карьерными отвалами. По мере приближения к ним толщина надматерикового грунта увеличивалась, однако в целом и он был перемещённым и перемешанным. In situ этот грунт сохранился к востоку от карьерной площадки. В 2012 г. здесь за грабителями был доследован вырубной склеп с коротким дромосом катакомбного типа (склеп № 20). Здесь отчетливо прослеживались следы ещё нескольких грабительских «раскопок», а в центре участка и по его юго-восточному краю проходит глубокая траншея выборки карьерного камня. В целом же рельеф имеет заметное понижение в сторону Аджиэльской балки (рис. 1).

Общая исследованная здесь с 2005 г. площадь составила 847 м². Вплоть до 2015 г. тут было выявлено 23 склепа и 13 грунтовых погребений. Кроме того, в северной части участка обнаружены признаки карьера уже античного времени. Одним из открытых в 2024 г. объектов стал склеп № 25, расположенный в западной части рассматриваемого участка.

Он относился к типу вырубных с коротким дромосом (по другим классификациям Т-образный или склеп катакомбного типа). Конструкция склепа включает в себя могильную яму, дромос и погребальную камеру. Все они были устроены в материковой скальной породе жёлтого ракушечника (рис. 2).

Могильная яма трапециевидной формы, ориентированная по линии запад – восток, имела длину 2,3 м, ширину дальнего от дромоса торца 0,9 м, ближнего – 1,6 м и глубину 1,6 м. В центре её находился крупный (1,3×1,05×0,23 м) обломок закладного камня, лежавший поперек ямы. С западного торца её имелись три ступеньки (1,0×0,2×0,14 м;

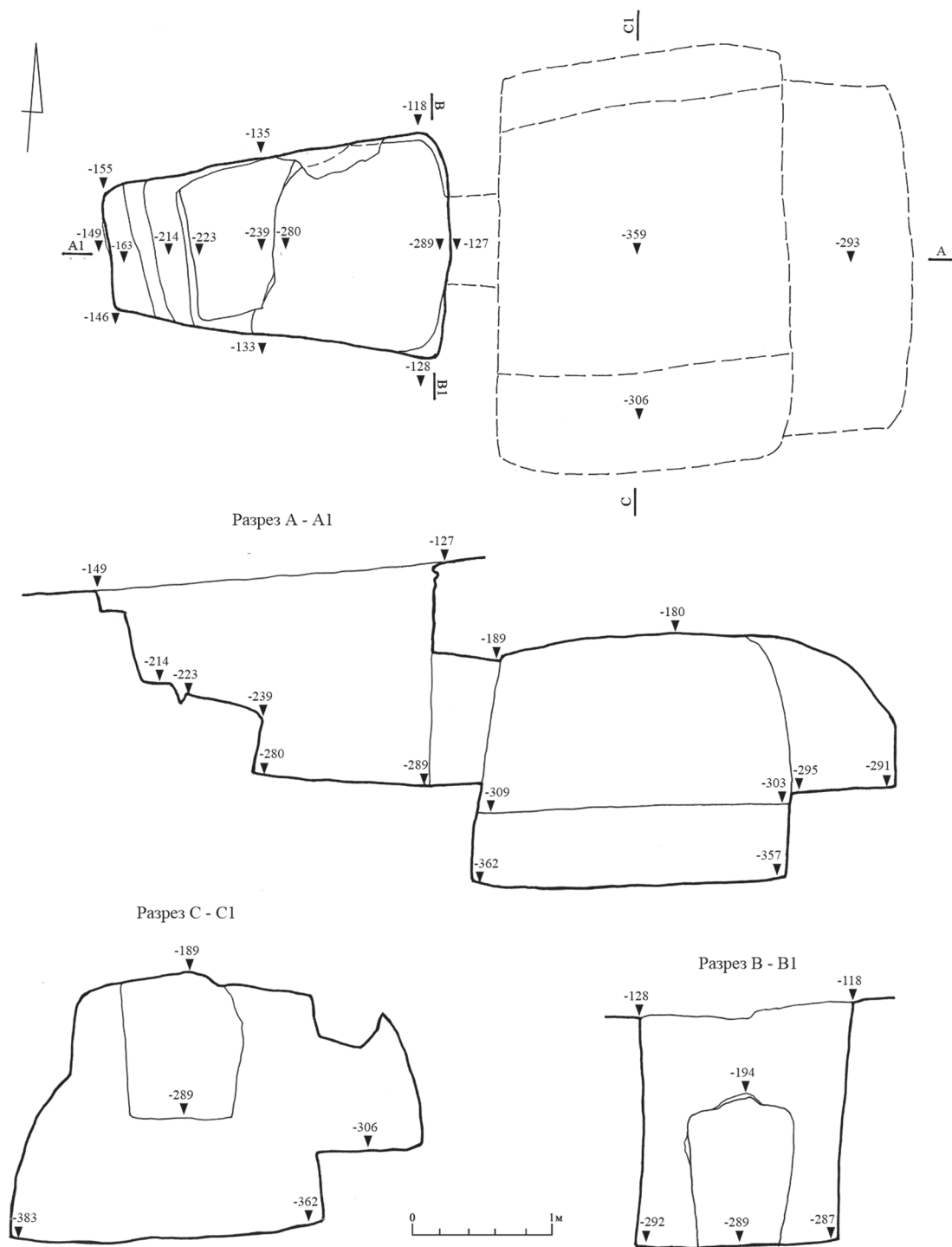

Рис. 2. Склеп № 25. План и разрезы

1,1×0,23×0,51 м; 1,15×0,65×0,41 м). Грунт в верхней части и в грабительском лазе – тёмно-серый суглинок. Под ним лежал тёмный, жёлто-коричневый суглинок с включением мелких камней. Первый слой был связан с деятельностью разновременных грабителей. Второй – сформировался в результате засыпи могильной ямы в античности.

На дне ямы у входа в дромос обнаружены каменные блоки, на которых расчищено скопление костей человека и стенки гончарного сосуда.

Дромос имел арочный свод и представлял собой короткий коридор шириной 0,57 м, высотой 0,86 м и длиной (между могильной ямой и погребальной камерой) 0,38 м. Он и могильная яма были расположены на одной линии. Дромос был полностью засыпан грунтом. В верхней части это тёмно-серый, снизу тёмный, жёлто-коричневый суглинок. Находки отсюда представлены стенками амфор, красноглиняной и стеклянной посуды, а небольшим количеством человеческих костей.

Погребальная камера имела подпрямоугольную форму с выступами под лежанки. Свод полуциркульный. Камера немного смещена относительно линии могильной ямы и дромоса к северу. В ней имелось две лежанки с восточной (0,73×2,88 м) с восточной и южной (0,71×2,32 м) сторон. Пол располагался ниже уровня дна дромоса на 0,56 м, который соединялся с камерой ступенькой. Площадь камеры 8,4 кв. м. Ширина по линии север-юг 2,86 м, по линии запад-восток 2,94 м. Высота камеры в западной части со стороны дромоса 1,71 м. С противоположной – 1,67 м.

Камера была заполнена грунтом по всей площади, но не целиком. Максимальная толщина его со стороны дромоса достигала 1,35 м, минимальная в юго-западном углу – 0,35 м. В верхней части это тёмно-серый суглинок. Под ним – слой жёлто-коричневого суглинка.

Антропологический материал был обнаружен в обоих «горизонтах», но в большей степени – во втором, нижнем. Среди человеческих находились и кости животных (до трети от общего количества), а также большая часть находок. Соответствующий анализ позволил выделить не менее 11 взрослых индивидуумов, одного подростка и трёх детей¹. Удалось определить возраст трёх женщин (до 30 лет, 40–45 лет, около 50 лет), двух мужчин (до 30 лет и около 50 лет) и двух детей (до 1 года и около 3 лет). Следует также отметить, что в двух случаях отмечено постмортальное воздействие на останки неким режущим инструментом (в одном случае признаки скобления, во втором – надрезы на головке бедренной кости), что, вероятно, было связано с ограблениями погребённых. Кроме того, на фрагментах длинных костей зафиксированы следы зубов хищных животных, возможно, лисицы, обломки челюсти которой были найдены среди костей животных в погребальной камере².

Такое количество захоронений свидетельствует, что семейный склеп использовался на протяжении достаточно длительного времени. Поскольку он был разграблен и ни одного сохранившегося погребального комплекса в нём не выявлено, определить его датировку можно лишь суммарно, включая находки из заполнения могильной ямы, дромоса и погребальной камеры.

¹ Анализ антропологического материала А. В. Иванова.

² Определение А. К. Каспарова.

Керамические сосуды

Общее количество керамического материала 247 фрагментов, большинство из которых – стенки различных сосудов. При этом он включает как обломки погребального инвентаря, так и те фрагменты, которые могли попасть в склеп уже во время его функционирования (остатки поминальной тризны?), при засыпке могильной ямы и даже ещё позднее. Среди обломков, хоть в какой-то мере поддающихся определению, 4 амфорных, 4 краснолаковых, 10 гончарных, 6 серолощённых и 7 лепных. При этом 19 – приходится на заполнение могильной ямы, а 12 – из заполнения погребальной камеры.

Могильная яма: фрагмент ручки раннего варианта *амфоры* типа С IV F первых десятилетий IV в. н. э. [Зубарев, Маркова 2024, 169] (рис. 3. 8); фрагмент венчика *амфоры*, возможно, боспорского производства (рис. 3. 8); фрагменты венчиков *краснолаковых мисок* (рис. 3. 10, 11); фрагмент венчика *краснолакового блюда* (рис. 3. 12) формы 1 группы PRS по К. Домжальскому [Domžalski 2007, 77] III–IV вв. н. э.; фрагмент венчика *гончарного коричневоглиняного кувшина* со светлой обмазкой (рис. 3. 1); фрагмент венчик *гончарного сероглиняного сосуда* (рис. 3. 4); фрагмент донца *гончарной коричневоглиняной тарелки* (рис. 3. 2); фрагмент ручки *гончарного сероглиняного кувшина* (рис. 3. 3); фрагмент донца *гончарной красноглиняной миски* (рис. 3. 14); фрагмент ручки *гончарного сероглиняного кувшина* (рис. 3. 18); фрагмент ручки *гончарного коричневоглиняного кувшина* (рис. 3. 19); фрагмент венчика *лепного сосуда* (рис. 3. 15); фрагменты ручек *лепных сосудов* (рис. 3. 16, 20, 21, 22); фрагменты донцев *серолощённых сероглиняных сосудов* (рис. 3. 5, 6).

Погребальная камера: фрагмент ручки раннего варианта *амфоры* типа С IV F первых десятилетий IV в. н. э. [Зубарев, Маркова 2024, 169] (рис. 4. 5, 6); фрагмент ручки *амфоры* неопределенного типа. Глина красновато-оранжевого цвета с примесью мелкого песка и черным закалом по центру (рис. 4. 7); фрагмент донца *краснолакового кувшина* (рис. 5. 3); фрагменты венчиков *гончарных коричневоглиняных сосудов* (рис. 4. 1, 2); фрагмент ручки *гончарной красноглиняной чашки* (рис. 4. 4); фрагмент *лепной кружки* (утрачена верхняя часть) (рис. 5. 1) (аналогичные кружки известны из могильника Опушки IV в. н. э. (могила № 400) [Храпунов 2024, рис. 9. 3, 10. 1], Усть-Альминского некрополя III в. н. э. (могила № 793) [Труфанов 2010, рис. 13] и могильника Совхоз 10 – IV – начала V в. н. э. [Высоцкая 1998, 269, рис. 4, 1–3]); фрагмент *лепного горшочка* (утрачена часть стенок и донца) (рис. 5. 5). (аналогия с округлым биконическим туловом происходит из заполнения могильной ямы склепа № 23 на некрополе «Белинское», который датируется не ранее первой половины IV в. н. э. [Зубарев, Майко, Ярцев 2017, 357, рис. 2, 6]; известны они и по материалам могильника Совхоз 10 [Высоцкая 1998, 265, рис. 3. 1]); фрагмент венчика *серолощённого горшка* с геометрическим диагональным орнаментом (рис. 5. 2); фрагмент венчика *серолощённого сосуда* с геометрически диагональным орнаментом на венчике (рис. 4. 3); фрагмент венчика *серолощеного горшка* (рис. 4. 15); фрагмент венчика *серолощеного кубка* (рис. 4. 9).

Упомянутая лощеная посуда встречается в склепах IV в. н. э. могильника Совхоз № 10, [Высотская 1997, рис. 2. 19] (рис. 4. 9) и в склепе второй-третьей четвертей IV в. н. э. у с. Суворово [Юрочкин, Труфанов 2003, рис. 29].

Все обломки серолощённых сосудов отличаются качественной глиной светло-серого и светло-коричневого цвета с включениями частиц известняка, песка, мелкого пироксена.

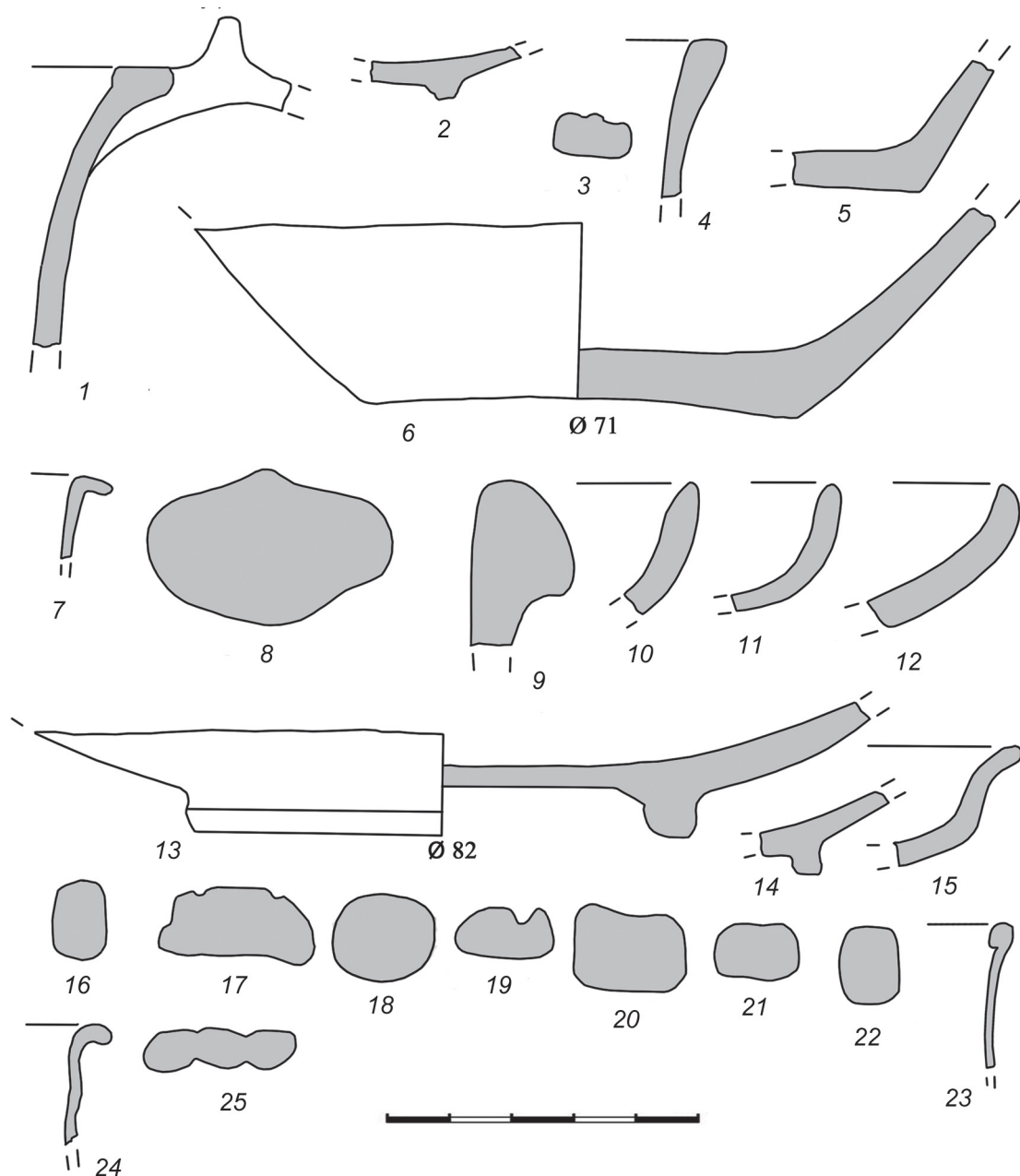

Рис. 3. Керамический материал из могильной ямы склепа № 25

По их внешнему и внутреннему краям сделано темное лощение. Вероятно, истоки традиции, проявившейся в данной керамике, следует искать в пределах этнокультурной общности, для которой характерно устойчивое сочетание всех представленных форм.

Полной аналогии орнаментированных фрагментов серолощёной керамики найти не удалось. Отдельное сходство с северокавказской, а также крымской посудой из некрополей римского времени могут свидетельствовать о связях с культурой аланов. В.П. Власов относит появление и бытование на Керченском полуострове лепной

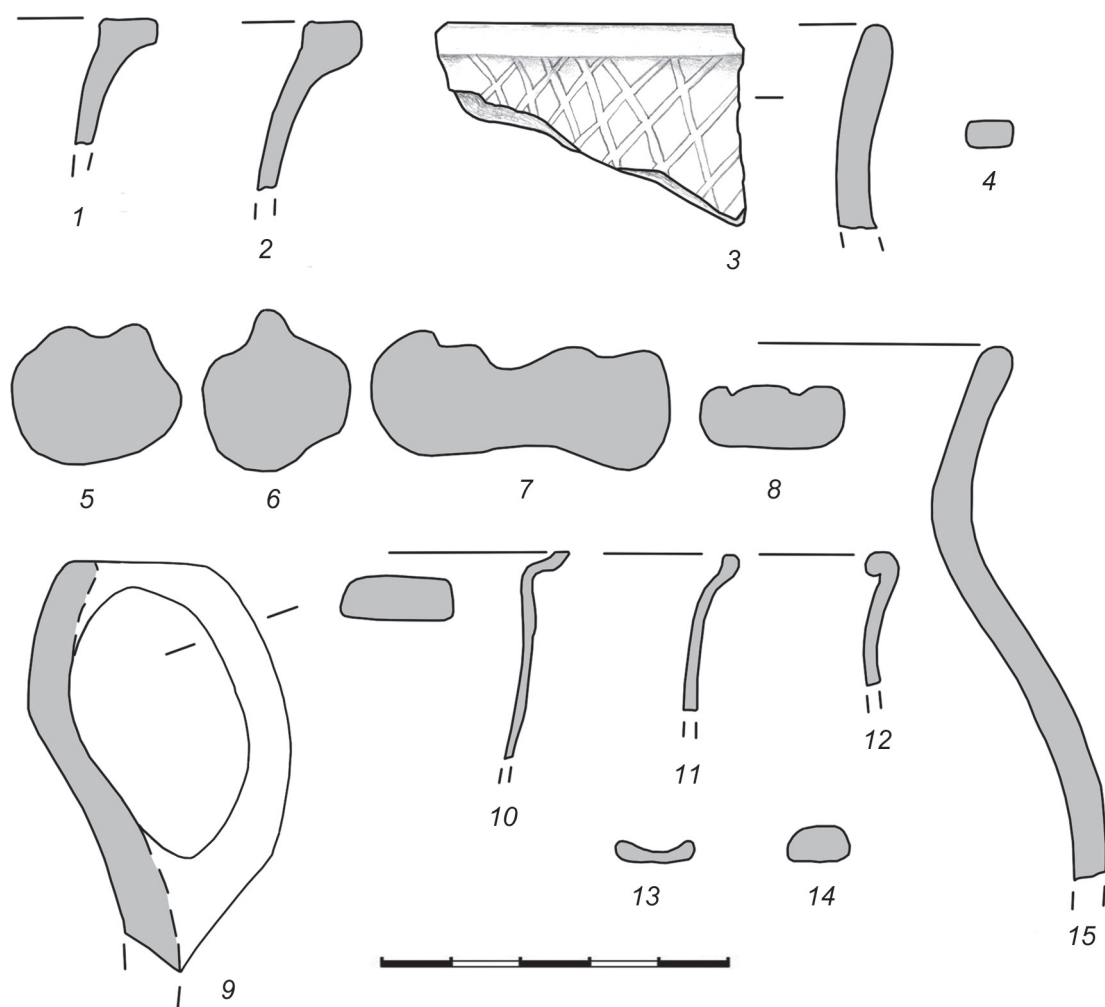

Рис. 4. Керамический материал из погребальной камеры склепа № 25

керамики северокавказского облика к I/II – началу III в. н. э. и связывает это с проникновением сюда сарматских племен. Её широкое бытование до V–VII вв. н. э., по мнению этого исследователя, обусловлено переселением в Крым алан во второй половине III в. н. э. [Власов 2007, 191]. Первые немногочисленные группы кавказских мигрантов стали прибывать в Крым еще в первой половине III в. н. э. Они селились среди численно преобладавших сарматов. Когда в конце III – начале IV в. н. э. началось массовое переселение кавказских алан, они застали в крымских предгорьях своих соплеменников [Пиоро 1990, 139; Айбабин 1999, 66; Храпунов 2004, 138, 139].

Стеклянные сосуды

Это фрагмент венчика кувшина форма 120a по К. Айсингс (II–III вв. н. э.). Стекло зеленое, прозрачное, без видимых вкраплений [Isings 1957, 152–153] (рис. 3. 7); фрагменты венчиков кубков. Стекло зеленое, прозрачное, без видимых вкраплений (рис. 3. 23, 24);

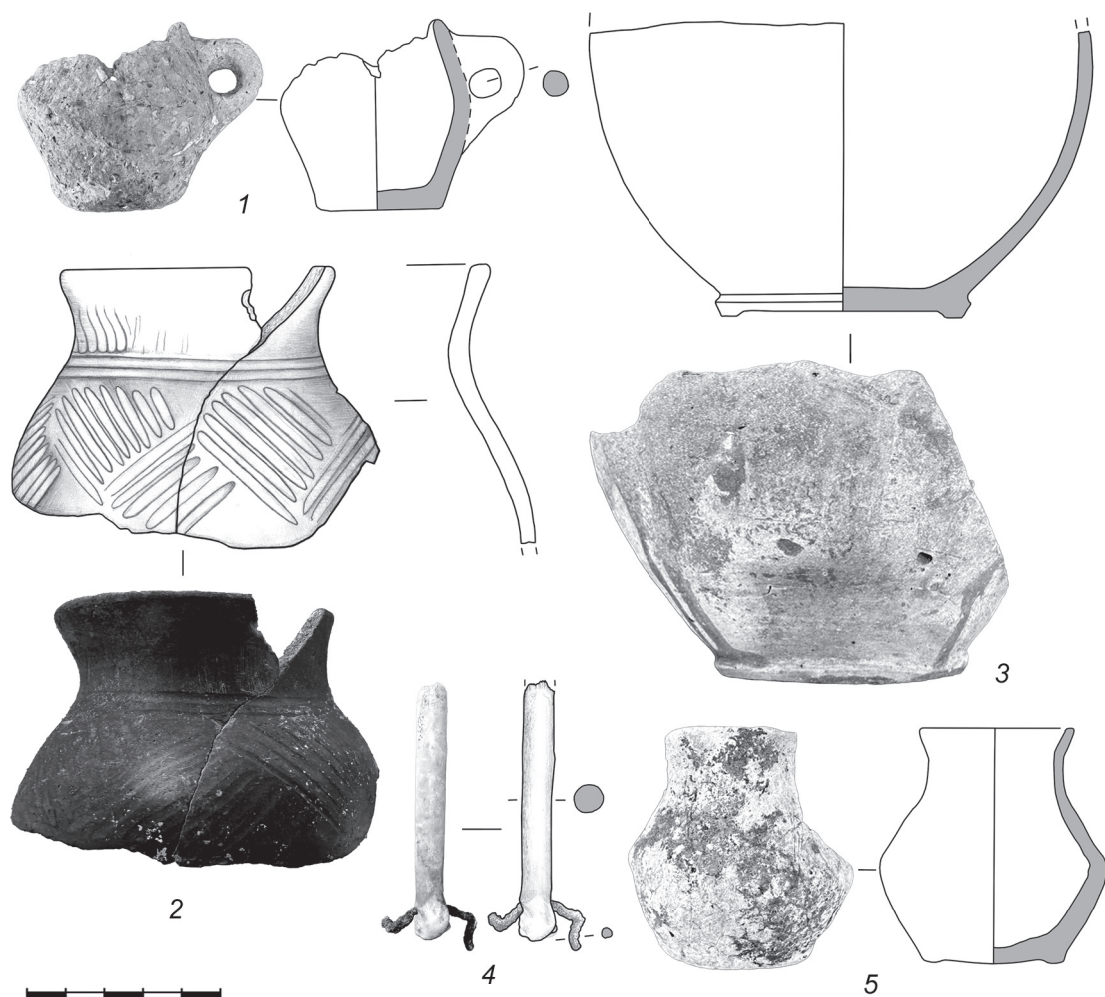

Рис. 5. Инвентарь из погребальной камеры склепа № 25

фрагмент ручки кувшина формы 121 по той же классификации (IV в. н. э.) [Isings 1957, 152-153] (рис. 3. 25); фрагмент венчик стакана. Стекло зеленого цвета без видимых вкраплений (рис. 4. 10). Аналогии из склепа № 285 могильника Нейзац [Шабанов 2011, 153, рис. 7. 47]; фрагмент венчика стакана. Стекло зеленого цвета без видимых вкраплений (рис. 4. 11). К. Айсингс относит подобные сосуды к форме 108, которая появляется в III в. н. э., но наибольшее распространение получает в IV в. н. э. [Isings 1957, 134]; фрагменты венчиков стакана. Стекло зеленого цвета без видимых вкраплений (рис. 4. 12); фрагменты ручек сосудов из белого и зеленого цветов, без видимых вкраплений (рис. 4. 13, 14).

Бытовые предметы

Они немногочисленны и представлены двумя пряжками, отдельными элементами шкатулки и костяной иглой.

Пряжки. В погребальной камере в слое желто-коричневого суглинка обнаружены две пряжки, одна из которых бронзовая обувная, а вторая – железная (рис. 7. 5, 8). Датировку усложняют следы сильного окисления и коррозии. Подобные пряжки широко встречаются в комплексах II–III вв. н. э. и доживают вплоть до раннего средневековья [Высотская 1994, 104].

Шкатулка. В том же слое погребальной камеры найдены и элементы замка шкатулки: уплощенный приемник ключа с плоским выступом, согнутый бронзовый гвоздь и бронзовые пластины для крепления (рис. 7. 1, 2, 3, 6). Последние использовались для соединения с крышкой и дном с помощью бронзовых гвоздиков. Механизм замка крепился на лицевой стенке шкатулки изнутри. Шкатулки в качестве погребального инвентаря широко использовались на территории Крымского полуострова [Винокуров 2010, 51; Христановский 2022, 241; Лысенко, Мордвинцева 2019, 256; Шаров 2019, 614–620; Гаврилов, Труфанов 2015, 72; Труфанов 2020, рис. 13. 2–5, 7, 8; Бейлин, Рукавишникова 2023, 53; Храпунов 2002, 55].

Костяная игла (рис. 7. 24).

Украшения

Бронзовая подвеска (рис. 6. 1). Аналогии встречаются на памятниках черняховской культуры [Шукин, Шаров 2000, рис. 1. 5; Магомедов 2001, 275, рис. 74].

Серьга изготовлена из тонкой бронзовой проволоки, согнутой в кольцо. Имеет заходящие друг за друга концы (рис. 7. 7). Аналогии – могильник Опушки [Храпунов и др. 2009, рис. 28. 7; 29. 6, 11].

Бусины, бисер, пронизи. В склепе обнаружено большое количество бисера и бусин, разнообразных по форме и цвету³. Аналогичные им массово встречается в наборах из погребений II – первой половины IV в. н. э. могильников Крыма (Нейзац, Опушки, Левадки, Усть-Альма). Приведем их описания: бочковидная продольно вытянутая из глухого черного стекла, украшенная спирально навитой нитью из глухого желтого стекла типа 236 по Е.М. Алексеевой II–IV вв. н. э. (рис. 6. 2) [Алексеева 1978, 46]. Орнаментальная нить сохранилась не полностью, на ядре бусины видны следы от навивки; усечено-коническая продольно вытянутая из полупрозрачного голубого стекла II–IV вв. н. э. (рис. 6. 3); бочковидная продольно вытянутая из прозрачного зеленого стекла II–IV вв. н. э. (рис. 6. 4); бочковидная продольно вытянутая из полупрозрачного голубого стекла II–IV вв. н. э. (рис. 6. 5); четыре цилиндрические из прозрачного зеленого стекла типа 63 вторая половина I–II вв. н. э. [Алексеева 1978, 67] (рис. 6. 7–9; 7. 23)⁴; цилиндрическая из гагата тип 26 по Е.М. Алексеевой I–IV вв. н. э. (рис. 6. 6)⁵; шаровидная поперечно сжатая из прозрачного синего стекла тип 15 I–II вв. н. э. [Алексеева 1978, 64–65] (рис. 6. 10)⁶; усечено-биконическая из прозрачного синего стекла тип 94 IV в. до н. э. – IV в. н. э. [Алексеева 1978, 68] (рис. 6. 11); две усечено-биконические поперечно

³ Обработка материала А. А. Стоянова (г. Симферополь)

⁴ Тип бус массово встречается в наборах из погребений II – первой половины III в. н. э. могильников предгорного Крыма (Нейзац, Опушки, Левадки, Усть-Альма).

⁵ Массово встречаются в погребениях I – первой половины III в. н. э. в предгорно-крымских могильников.

⁶ Встречаются до конца IV в. н. э., но в IV в. – преимущественно очень маленьких размеров.

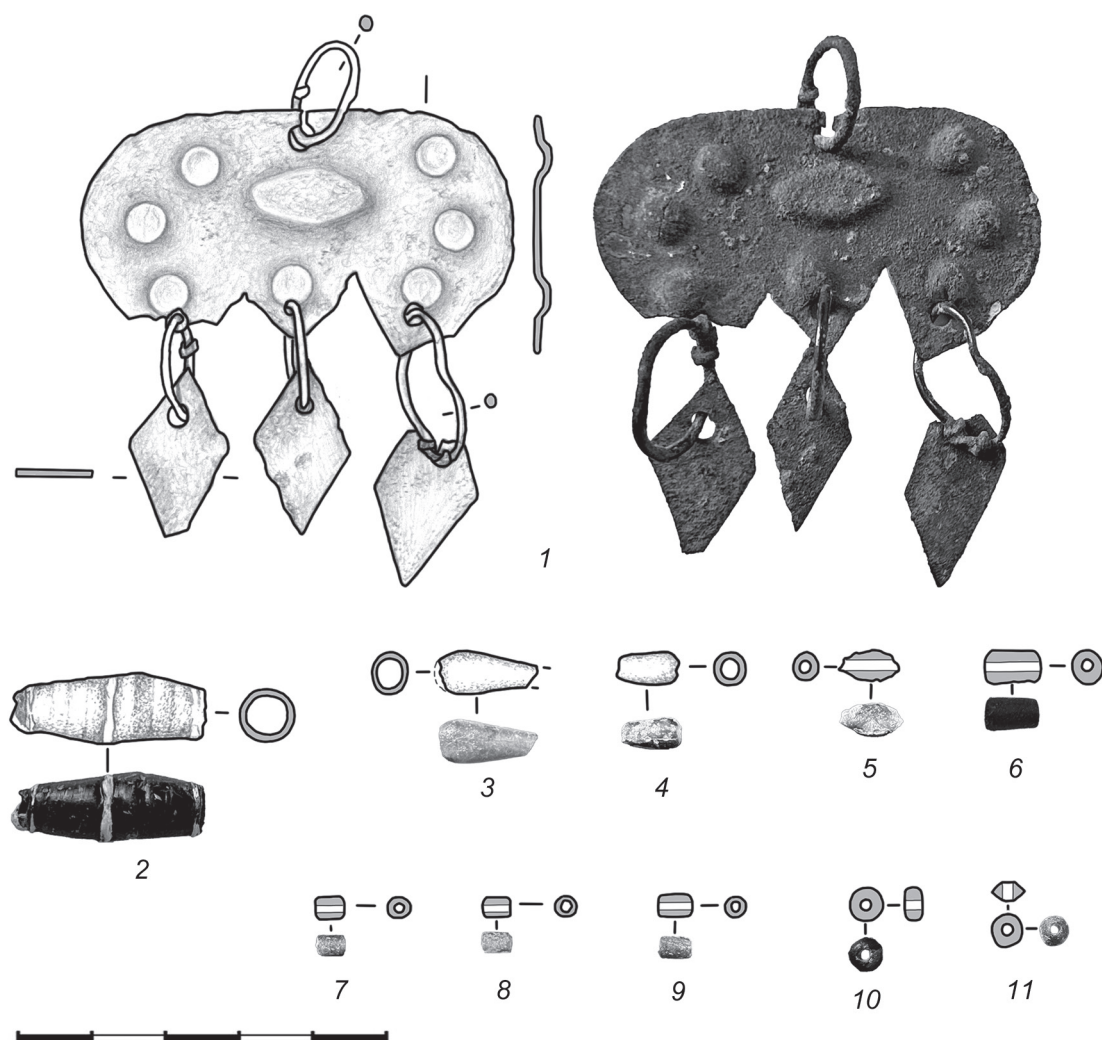

Рис. 6. Инвентарь из погребальной камеры склепа № 25

сжатые из желтого металла. Полые внутри. По краям отверстий имеются закраинки (рис. 7. 9,10); продольно вытянутая из рифленой фольги желтого цвета, полая внутри, с гладкими валиками по краям (рис. 7. 12); две в форме 14-гранника из глухого или полупрозрачного (?) синего стекла типа 134 II-IV вв. н. э. [Алексеева 1978, 70] (рис. 7. 21, 22); бочковидная из глухого (?) синего стекла типа 29 I-III вв. н. э. [Алексеева 1978, 65] (рис. 7. 25); бочковидная, продольно вытянутая из голубого стекла типа 30 II-IV вв. н. э. [Алексеева 1978, 66] (рис. 7. 27); Шаровидная, поперечно сжатая из прозрачного синего стекла типа 15 I-II вв. н. э. [Алексеева 1978, 64] (рис. 7. 26); две бочковидные, продольно вытянутые из стекла с внутренней металлической прокладкой белого цвета типа 26 [Алексеева 1978, 30] (рис. 7. 18,19); цилиндрическая спиралевидной формы из глухого черного стекла типа 203 III-IV вв. н. э. [Алексеева 1978, 74] (рис. 7. 16); усечено-биконическая поперечно сжатая из прозрачного синего стекла тип 100 II-III вв. н. э. [Алексеева 1978, 69] (рис. 7. 20);

Рис. 7. Инвентарь из погребальной камеры склепа № 25

шаровидная уплощенная пронизь из янтаря тип 2 II–IV вв. н. э. [Алексеева 1978, 23] (рис. 7. 15); цилиндрическая спиралевидной формы из прозрачного стекла купоросного цвета и из глухого бирюзового стекла тип 203 III–IV вв. н. э. [Алексеева 1978, 74] (рис. 7. 13); коротко-цилиндрическая из глухого синего стекла (рис. 7. 17).

Упомянем также фрагмент *фольги* неопределенной формы. Ковка. Желтый металл. Деформирован, сильно измят, утраты металла, трещины (рис. 7. 11).

К числу находок неясного назначения относится изделие из кости со вставленной проволокой (рис. 5. 4).

Итак, суммарный анализ находок позволяет определить время функционирования склепа III–IV вв. н. э. При этом его постройку следует отнести ко времени не ранее середины III в. н. э. (Это согласуется с общей картиной на исследованной территории центрального участка некрополя). Прекращение же его использования связано с затуханием активной жизни и запустением городища «Белинское» на рубеже первой и второй четвертей IV в. н. э.

Что касается этнической атрибуции погребённых в склепе, то мы можем констатировать, что конструкция склепа и погребальный инвентарь имеют определённое сходство с могильниками Нейзац, Дружное, Опушки, некрополя Илурата, Усть-Альминского некрополя и некоторых других. Обычно подобные склепы, как уже было отмечено, связывают с присутствием алан. Однако, во-первых, дошедший до нас инвентарь, в силу неоднократных грабежей, не в полной мере отражает общую картину обряда. А во-вторых, следует согласиться с мнением М. П. Абрамовой о том, что содержание этнонима «аланы» в разные исторические периоды было разным [Абрамова 1993, 180]. Поэтому дать однозначный ответ на поставленный вопрос не представляется возможным.

Список литературы

- Абрамова М. П. 1993. Центральное предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 240.
- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 325.
- Алексеева Е. М. 1978. Античные бусы северного Причерноморья. Т. 2 (САИ. Г1-12/2), 105.
- Бейлин Д. В., Рукавишников И. В., Федосеев Н. Ф. 2023. Исследования каменного склепа в районе ул. Мирошника в Керчи (Северный участок некрополя Пантикапея) // ДБ. 28, 38–61.
- Винокуров Н. И. 2010. Новые находки времени начала боспоро-римской войны на городище Артезиан в Восточном Крыму в 2009 г. // ДБ. 14, 46–65.
- Власов В. П. 2007. Боспор и миграционные процессы в Крыму в первые века н. э. // БИ. XVI, 191–202.

- Высотская Т. Н. 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 206.
- Высотская Т. Н. 1997. Склепы могильника Совхоз № 10 (Севастопольский): проблемы этноса и хронологии // МАИЭТ. VI, 256–273.
- Гаврилов А. В., Труфанов А. А. 2015. Новый позднеантичный культовый памятник у горного массива Кара-Даг в Юго-Восточном Крыму // ДБ. 19, 62–93.
- Зубарев В. Г., Майко В. В., Ярцев С. В. 2017. Новый склеп с раннесредневековым материалом из раскопок некрополя городища «Белинское» // БИ. XXXV, 348–363.
- Зубарев В. Г., Маркова К. О. 2024. Амфоры типа C Snr I («Делакеу») и типа F и E по Д. Б. Шелову в контексте датирующего материала по IV в. н. э. (по результатам раскопок городища «Белинское» в 1996–2022 гг.) // БИ. XLVIII, 87–98.
- Лысенко А. В., Мордвинцева В. И. 2019. Металлические украшения костюма – вотивы святилища римского времени Эклизи-Бурун (к культурной атрибуции памятника) // ПИФК. 4, 240–296.
- Магомедов Б. В. 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 290.
- Масленников А. А. 2000. Грунтовые некрополи сельских поселений Караларского побережья (Восточный Крым) первых веков н. э. // ДБ. 3, 136–200.
- Пиоро И. С. 1990. Крымская Готия. Киев, 204.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь, 308.
- Труфанов А. А. 2010. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // Stratum plus. 4, 145–195.
- Труфанов А. А. 2020. Металлические детали шкатулок из варварских погребений Крыма I–IV вв. н. э. // ИАКр. XII, 163–200.
- Храпунов И. Н. 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 313.
- Храпунов И. Н. 2004. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. VI. Симферополь-Керчь, 3–239.
- Храпунов И. Н., Мульд С. А., Стоянова А. А. 2009. Позднескифский склеп из могильника Опушки. Симферополь, 96.
- Храпунов И. Н. 2011. Некоторые итоги исследования могильника Нейзац // И. Н. Храпунов (ред.), Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 13–113.
- Храпунов И. Н. 2024. Склепы III в. н. э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический бюллетень. 23/1, 174–204.
- Христановский В. А. 2022. В погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней. М., 241–252.
- Черемисин А. Л. 2019. Усадьба первых веков н. э. в Мирмекии (раскопки 2008–2009 гг.): новые данные о романизации населения Боспора // Via in tempore. История. Политология. 46/4, 599–607.
- Шабанов С. Б. 2011. Стекланные сосуды из могильника Нейзац: (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. XVII, 141–191.
- Шаров О. В. 2007. Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг: Хронология комплексов с римским импортом. СПб, 208.

- Шаров О. В. 2019. Склеп Деметры в Керчи: в преддверии 125-летия с момента его открытия. Некоторые итоги изучения погребального инвентаря // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Основные итоги и перспективы исследований (Боспорские чтения. XX), 14–620.
- Щукин М. Б., Шаров О. В. 2000. К проблеме финала черняховской культуры // *Stratum plus*. 4, 369–383.
- Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А. 2003. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // ХСб. XII, 199–225.
- Domžalski K. 2007 La ceramique sigillée romaine tardive en Abkhazie // M. Kazanski, A. Mastykova (eds.), *Tsibilium II. La nécropole apside de Tsibilium. L'étude du site*. 2 (BAR. International Series S1721). Oxford, 75–77.
- Isings C. 1957. *Roman Glass from Dated Finds*. Groningen. Djakarta, 185.

Summary

V. G. Zubarev, K. O. Markova Crypt No. 25 of the Belinskoye necropolis

The work is devoted to the publication of the results of the study of crypt No. 25 in the central part of the necropolis of the Belinskoye settlement in the Eastern Crimea. The crypt belongs to the type of cut-out crypts with a short dromos (according to other classifications T-shaped or catacomb-type crypt). The construction of the crypt includes a grave pit, a short dromos and a burial chamber. All the components of the crypt are cut into the mainland rock of yellow coquina. The material collected in the crypt dates the crypt to the 3rd–4th centuries a. d. However, the comparison of the results with previously studied similar burials on the necropolis of the Belinskoye settlement and the results of excavations on the settlement itself allow us to narrow these limits. The construction of the crypt should be attributed to the time not earlier than the middle of the 3rd century a. d., and the termination of its functioning to the turn of the first and second quarter of the 4th century a. d.

С. А. Коваленко

*(Государственный музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, г. Москва)*

О монетной чеканке Боспора на рубеже эр

Конец I в. до н. э. – начало I в. н. э. в истории Боспорского царства можно рассматривать как своеобразный «темный период», характеризующийся отсутствием в письменных и эпиграфических источниках какой-либо внятной информации как о событиях, происходивших в это время на Боспоре, так и о том, кто в этот отрезок времени управлял государством и какую роль в жизни Боспора тогда играл Рим. На этом фоне особенно ярко проявляется значение имеющихся в нашем распоряжении нумизматических материалов, относящихся к рассматриваемому периоду. Их интерпретация, однако, является делом далеко не простым, и достичь согласия среди исследователей даже по поводу понимания того, кто, когда и с какой целью чеканил в то время монету, и как данные нумизматики могут быть использованы для исторических реконструкций, к сожалению, не удалось до сих пор. Появление в последние годы нового археологического и нумизматического материала все же, как нам кажется, может помочь пролить определенный свет как на запутанные вопросы собственно боспорского монетного дела рубежа эр, так и на саму историю Боспорского царства этой эпохи.

Начиная со времени Фарнака (63–47 гг. до н. э.), на Боспоре складывается своеобразная монетная система, составляющими которой были золотые и бронзовые монетные выпуски. Чеканка серебра была прекращена и оставшиеся в обращении более ранние серебряные монеты были постепенно из него выведены. Единственным номиналом золота были статеры, вес большинства которых при Фарнаке и в первые 12 лет правления Асандра укладывался в диапазон 8,15–8,19 г [Коваленко 2025, в печати]. В последующие годы вес золотых монет концентрировался вокруг 8,00–8,04 г, демонстрируя смену весового стандарта, который, как показал А. Л. Бертье-Делагард [Бертье-Делагард 1911, 207–208], точно соответствовал весу римского ауреуса. Параллельно с золотом осуществлялась чеканка бронзовой монеты нескольких номиналов как от имени городской общины Пантикапея, так и от имени Асандра в период его архонтата. Старший номинал был представлен монетами весом 15–17 г, которые, по общему мнению, являлись оболами [Анохин 1986, табл. 9. 214, 224, 226], средний номинал весом 5–7 г, вероятно, представлял тетрахалк [Анохин 1986, табл. 9. 215, 225; 10. 247, 250], и младший номинал, весивший 3–5 г, определялся как дихалк [Анохин 1986, табл. 10. 248]. Метрологические

характеристики этих бронзовых монет и их номинальная стоимость были аналогичны понтийским и боспорским выпускам митридатовского времени, о чем свидетельствует, в частности, и использование последних для перечековки в типы второй половины I в. до н. э. Начало отхода от этой восходящей еще к эллинистическим традициям линии эволюции монетного дела Боспора, связанное, вероятно, с необходимостью его постепенной адаптации к римской монетной системе [Коваленко в печати], относится, как было отмечено выше, к 13-му году правления Асандра¹, когда вес его статеров был понижен до веса римских ауреусов.

События, связанные с появлением на Боспоре Скрибония, смертью Асандра, женитьбой Скрибония на Динамией и его гибелью, нашли отражение в письменных источниках (Dio Cassius. LIV. 24, 4; Pseudo-Lucian. Macr. 17), неоднократно освещались в научной литературе и вряд ли требуют еще одного описания [напр., см.: Сапрыкин 2002, 90 сл.]. Прибытие на Боспор в 15 или 14 г. до н. э. понтийского царя Полемона I, которому Август передал Боспор во владение, положило, как сегодня выясняется, начало качественно новому этапу в истории монетного дела государства. Прежде чем перейти к его характеристике, необходимо отметить, что ставшие известными в последние годы эпиграфические и нумизматические памятники позволяют несколько по-иному оценить имевшиеся до сих пор в распоряжении исследователей материалы.

В 2018 г. был опубликован переданный местным краеведом в Анапский археологический музей мраморный постамент с посвятителем надписью, обнаруженный в 2013 г. в ходе строительных работ в южной части городища Горгишия [Завойкина, Новичихин, Константинов 2018, 680–692]. Надпись на постаменте принадлежала царю Аспургу и сообщала о посвящении, сделанном им Гермесу и Гераклу в 303 году боспорской эры, то есть в 6/7 г. н. э. [Завойкина, Новичихин, Константинов 2018, 682]. Эта надпись, таким образом, стала первым документальным подтверждением того безусловного факта, что уже в 6/7 г. н. э. Аспург являлся царем Боспора, а отнюдь не получил царский титул только в 14 г. н. э., которым датируются первые золотые монеты с принадлежащей Аспургу монограммой ВАР [Фролова 1997, 69; Сапрыкин 2002, 156]. Несколькими годами позже Н. В. Завойкина опубликовала статью, явившуюся своеобразным продолжением публикации нового посвящения Аспурга [Завойкина 2023]. Привлекая нумизматический материал и, в частности, золотые боспорские статеры с монограммой ДУМ, чеканившиеся с 9/8 г. до н. э. по 7/8 г. н. э., Н. В. Завойкина подчеркивает, что последние три года их чеканки² безусловно приходятся на подтверждаемое новым горгишским посвящением правление Аспурга и делает вывод о том, что выпуск золота с такой монограммой, коль скоро он начался в 9/8 г. до н. э., является весомым аргументом в пользу гипотезы о начале правления Аспурга еще в 9/8 г. до н. э. [Завойкина 2023, 153]. Удивительным образом мимо внимания исследовательницы прошел тот замечательный факт, что чеканка статеров с указанной монограммой на самом

¹ То есть около 33–32 гг. до н. э., если принимать в качестве начальной даты его правления 46–45 гг. до н. э. Обзор имеющихся точек зрения по поводу дискуссионного вопроса о времени начала царствования Асандра см.: [Сапрыкин 2002, 57–60].

² Н. В. Завойкина указывает ошибочную дату окончания чеканки статеров с монограммой ДУМ как 8/9 г. н. э. [Завойкина 2023, 152–153].

деле началась раньше, в 286 году боспорской эры (12/11 г. до н. э.). В настоящее время известно два статера этого года (bosporan-kingdom.com/000-47-61; bosporan-kingdom.com/000-4761/1), один из которых в своей статье публикует сама же Н. В. Завойкина [Завойкина 2023, рис. 1. 3] (рис. 1. 1). Более того, на том же интернет-ресурсе [bosporan-kingdom](http://bosporan-kingdom.com/000-4758) учтен и один статер 288 г. б. э. = 10/9 г. до н. э. (bosporan-kingdom.com/000-4758) (рис. 1. 2). Таким образом, выпуск монет с монограммой ΔΥМ начался еще до Аспурга, когда царем Боспора был Полемон I, и связывать их чеканку со временем правления Аспурга нельзя. Этот факт позволяет отвергнуть и традиционную, впервые высказанную В. Ваддингтоном гипотезу о гибели Полемона I в 8 г. до н. э., о чем, по его мнению, как раз и свидетельствовало начало чеканки в этом году статеров с монограммой ΔΥМ, которую он приписывал некоему местному принцу, сменившему Полемона на боспорском престоле [Waddington 1866, 423]. Чеканка этих монет, таким образом, продолжалась не менее 20 лет. Примечательно, что лицевой штемпель статеров 12/11 г. до н. э. уже имел дефект (крупную щербину на скуловой части и подбородке портрета Августа), вероятно, вызванный его активным употреблением (рис. 1. 1). Это позволило В. А. Анохину высказать вполне правдоподобное предположение о начале выпуска этих монет еще ранее 12/11 г. до н. э. [Анохин 1999, 127, прим. 2].

В 1986 г. В. А. Анохин опубликовал уникальный золотой статер, полностью повторявший типы золота с описанной выше монограммой, но имевший на о. с. в поле слева от изображения монограмму ΒΑΕ и под бюстом букву «Α» [Анохин 1986, 148, № 255] (рис. 1. 3). В ряду однотипных боспорских золотых монет с датами и монограммами, чеканенных по образцу римских ауреусов, этот статер вполне логично рассматривался как самый ранний. Вполне убедительно эта монета была атрибутирована В. А. Анохиным как выпуск Полемона I, поскольку время ее чеканки могло быть отнесено только к промежутку между 17–16 гг. до н. э. и 9–8 гг. до н. э. Отсутствие на ней даты по понтийской эре и наличие на месте этой даты буквы «Α» могло быть понято как указание на 1-й год правления Полемона, который не принадлежал к царской понтийской династии, члены которой датировали свои монеты по понтийской эре. Статер был отнесен В. А. Анохиным к 14–13 гг. до н. э. – времени появления Полемона на Боспоре в качестве царя и супруга Динамии [Анохин 1986, 81–82]. С момента первой публикации стали известны еще два экземпляра монет этого типа (bosporan-kingdom.com/255-4763/; bosporan-kingdom.com/255-4763/3) (рис. 1. 4, 5). Та же монограмма ΒΑΕ использовалась и на нескольких сериях бронзовых монет, которые, таким образом, также должны были чеканиться во время правления на Боспоре Полемона I и подробнее будут рассмотрены ниже.

В. А. Анохин не поднимал вопрос о том, какое отношение монограмма ΒΑΕ на этой монете могла иметь к Полемену I. Нам представляется, что вполне убедительно на него ответил П. О. Карышковский, который в докладе, прочитанном на заседании кафедры древнего мира исторического факультета МГУ 18 ноября 1980 г., раскрыл эту монограмму как Βασιλεύς Εὐσεβούς [Фролова 1989, 3, прим. 7]. Εὐσεβούς, то есть «благочестивый или праведный в деяниях» было известным эпитетом Полемона I, который наряду с царским титулом фигурировал на его серебряных монетах, чеканенных в Понте [Head 1911, 502–503]. Аналогичным образом эпитет «Евпатор», даже без добавления царского титула использовался на монетах Митридата VI Евпатора. Независимо от П. О. Карышковского

Рис. 1. 1 – Статер с монограммой ΔΥΜ. 12/11 г. до н.э.; 2 – статер с монограммой ΔΥΜ. 10/9 г. до н.э.; 3–5 – Полемон I. Статеры. 15/14 г. до н.э.; 6 – статер с монограммой ΔΥΜ. 7/8 г. н.э.; 7 – Полемон I. Бронза. Трихалк. Около 15/14 г. до н.э. – рубеж эр; 8 – Полемон I. Бронза. Дихалк. Около 15/14 г. до н.э. – рубеж эр

к такому же заключению позже пришел немецкий исследователь В. Лешхорн [Leschhorn 1993, 58–60]. Появление этих монет после чеканки золота Динамией (17/16 г. до н. э.) и до начала выпуска монет с ДΥМ (12/11 г. до н. э.), несмотря на возражения С.Ю. Сапрыкина [Сапрыкин 2002, 146, прим. 55], однозначно свидетельствует о принадлежности их Полемону I и правильности предложенного П.О. Карышковским и В. Лешхорном чтения монограммы ВАЕ [Анохин 1999, 128, прим. 1; Завойкина 2023, 157, прим. 16].

Тот факт, что Полемон успел отчеканить на Боспоре лишь один выпуск золота, датированный, вероятно, первым годом его правления, как кажется, можно связывать с введенным Августом в 16–15 гг. до н. э. полным императорским контролем над чеканкой золотой и серебряной монеты, закрытием монетного двора в Риме и его перемещением в Лугдунум [напр., см.: Lenormant 1878, 400–401]. Это, в свою очередь, может косвенно свидетельствовать о том, что Полемон появился на Боспоре не в 14 г. до н. э., как принято считать, благодаря свидетельству Диона Кассия, а годом раньше, о чем писал еще К.Г. Брандис, указавший на сомнительность датировок Кассия, поскольку он объединял под 14 г. до н. э. заведомо разновременные события [Brandis 1899, 779; ср. также: Панов 2002, 106–108]. Можно предполагать, что Полемон I отчеканил свой первый и единственный выпуск золотых монет как правитель Боспора сразу после своего воцарения, еще в 15 г. до н. э., до того момента, как запрет Августа стал известен в этом отдаленном районе ойкумены. После этого на Боспоре была прекращена чеканка царской золотой монеты, но не выпуск золота вообще, которое, сохраняя типологию статеров, введенную Полемоном и частично повторявшую типологию римских ауреусов, чеканившихся до этого в восточных провинциях империи [ср.: Mattingly 1923, pl. 14. 10–14], теперь помечалось монограммой ДΥМ. Примечательно, что Боспор в это время помимо Лугдунума являлся единственным местом на контролируемой Римом территории, где продолжала осуществляться регулярная чеканка золотой монеты³. Несомненно, это было обусловлено особой ролью Боспорского царства в защите восточных рубежей империи, для успеха которой была необходима и финансовая поддержка центральных римских властей, имевшая, вероятно, форму регулярных субсидий [Treister 1995, 177].

Кого или что могла скрывать монограмма ДΥМ? Длительный период чеканки помеченных ею статеров, который мог начаться уже в 15/14 г. до н. э. (см. выше) и длился вплоть до 7/8 г. н. э., охватывая не менее 20 лет времени правлений как Полемона I, так и Аспурга, делает весьма сомнительной ее возможную связь с каким-либо конкретным историческим персонажем (например, римским чиновником или куратором), остающимся нам неизвестным. Н.В. Завойкина, на наш взгляд, права, связывая в целом монограмму ДΥМ с деятельностью Октавиана Августа, присвоившего себе право выпуска золота на Боспоре со времени правления Полемона I [Завойкина 2023, 155–157]. Принимая во внимание отмеченную длительность чеканки монет с монограммой ДΥМ, можно, думается, постулировать надличностный характер этой монограммы и видеть в ней некий знак императорского контроля над осуществлявшимся на Боспоре выпуском золота. С легкой руки Т. Моммзена рассматриваемая монограмма всегда читалась

³ Редкие спорадические выпуски золотых монет в это время имели место лишь в Мавретании, при Юбе II (48 г. до н. э. – 23 г. н. э.) и Птолемею (23–40 гг.) [Burnett, Amandry, Ripollès 1992, 7].

как ΔΥМ, хотя такое чтение не является обязательным. Буквы монограммы на монетах в большинстве случаев имеют одинаковый размер, поэтому считать, что именно Δ является начальной буквой скрываемого за этой монограммой слова (или слов) нет оснований. Расположение М над Δ не противоречит предположению, что именно с М могло начинаться сокращение, скрытое за монограммой, а чтение любой монограммы слева направо и сверху вниз является наиболее естественным. Более того, существуют монеты (статеры 7/8 г. н. э.) (рис. 1. б), на которых отсутствует Υ соединяющая М и Δ, и они, как кажется, не сливаются в монограмму, а переданы порознь являясь, таким образом, начальными буквами как минимум двух слов.

Учитывая все вышесказанное, мы предполагаем, что в рассматриваемой монограмме могла скрываться некая формула, санкционировавшая выпуск золотых монет от имени Августа, например, υλό μέγιστου/μεγάλου διάταγματος («по высочайшему повелению/разрешению»). Термин διάταγμα используется древними авторами и в эпиграфических памятниках именно в значении «эдикт, указ» (LSJ 1996, 414). По смыслу эта формула аналогична встречающимся в раннеимператорский период на монетах греческих городов и сокращаемых различными способами латинским выражениям PERMISSV AVGVSTI и D[ECRETO] D[ECVRIONVM] или ΔΔ [Burnett, Amandry, Rippollès 1992, 752, 755, 759]. Нас не должно удивлять использование для подобного случая сокращения в виде монограммы, поскольку его можно рассматривать как такую же дань местной эллинистической традиции, понятной грекоязычному населению, что и помещение на эти монеты дат по понтийско-боспорской эре.

По неизвестной причине в 7/8 г. н. э. чеканка монет с рассмотренной монограммой была прекращена и с 8/9 г. ее место заняла монограмма KNE, в 10/11 г. н. э. сменившаяся монограммой ΠΑΡ, помещавшейся на золото вплоть до 13/14 г. В последних двух монограммах, видимо, как раз и можно видеть сокращения имен тех людей, которые отвечали за чеканку золота на Боспоре, коль скоро сам боспорский правитель был лишен права на его выпуск, и которыми вероятнее всего являлись какие-то присланные из Рима уполномоченные лица [ср.: Фролова 1997, 69; Завойкина 2023, 156]. В 14/15 г. Аспург, получив от Тиберия подтверждение своего царского титула и право на чеканку золота, выпустил первые статеры со своей монограммой ΒΑΡ.

Как кажется, предложенное чтение монограммы, помещавшейся на золотые боспорские статеры с 12/11 г. до н. э. по 7/8 г. н. э., в настоящее время позволяет наиболее непротиворечивым образом интерпретировать имеющийся в распоряжении исследователей нумизматический и эпиграфический материал и избежать дальнейшего появления недоказуемых гипотез, вроде второго и третьего правления Динамии или двух правлений Аспурга. Более того, как свидетельствуют сегодня данные нумизматики, нельзя относить смерть Полемона I к 8 г. до н. э. Косвенным подтверждением более продолжительного нахождения этого царя у власти является многочисленность выпусков бронзовых монет с его монограммой ΒΑΕ, для чеканки которых, несомненно, требовался более длительный временной промежуток чем шесть лет, с 14 по 8 гг. до н. э. На наш взгляд, прав В. А. Анохин, который именно на этом основании предполагал, что гибель Полемона I могла иметь место около рубежа нашей эры [Анохин 1999, 128]. После этого боспорский престол и мог занять Аспург.

Бронзовые монеты с монограммой ВАЕ занимают особое место в монетном деле Боспора раннеримской эпохи. Их внимательное изучение позволяет, как уже сказано в начале этой статьи, сделать вывод о том, что при Полемоне I в монетном деле Боспора были проведены изменения, которые по существу носили характер монетной реформы. Частью этой же реформы было отмеченное выше изменение внешнего облика золотых монет – отказ от эллинистической типологии (последними образцами которой были статеры Динамии 17/16 г. до н. э.) и придание им вида типичных римских ауреусов, с заключенными в линейные ободки и выполненными в римской традиции портретами императора и его ближайшего сподвижника Агриппы. Однако наиболее заметные сдвиги произошли в области бронзовой чеканки. Как нам кажется, их можно разбить на несколько этапов, которые в целом соответствуют тем группам бронзовых монет с монограммой ВАЕ, которые выделил А.Н. Зограф [Зограф 1951, 195, табл.].

Бронзовая чеканка Полемона начинается с выпуска монет трех номиналов, общей чертой которых является использование монограммы ВАЕ в качестве самостоятельного типа о.с. (1-я группа А.Н. Зографа). Старший номинал представлен монетами «Голова Медузы – ВАЕ» (рис. 1. 7). Нами было учтено 63 экземпляра монет этого типа⁴. Пик их весовых значений приходится на интервал 8–9 г (граф 1), средний вес 9,13 г. Монеты «Бегущий лев – ВАЕ» (98 экз.) (рис. 1. 8) являются средним номиналом с весовым пиком 6–7 г (граф 2) и средним весом 6,29 г. Наконец, монеты «Дельфин с трезубцем – ВАЕ» (34 экз.) (рис. 2. 9) принадлежат младшему номиналу, весовые значения которого концентрируются в пределах 3–4 г (граф 3), средний вес 3,89 г. К этой же группе принадлежат ставшие недавно известными монеты типов «Голова с уреем – ВАЕ»⁵ (7 экз.) (рис. 2. 10) и «Орел – ВАЕ» (2 экз.) (рис. 2. 11). Средний вес монет первого типа 9,09 г, монеты с орлом весят 3,83 и 3,40 г. Очевидно, что указанные номиналы соотносятся между собой как 3:2:1, то есть трихалк: дихалк: халк. Это соотношение отличается от упомянутого выше соотношения бронзовых номиналов эпохи Митридата Евпатора-Асандра, которое составляло 8:4:2 и рассматривалось как обол: тетрахалк: дихалк. Если младший номинал первого выпуска Полемона по-прежнему принимать за дихалк, то старший номинал надо интерпретировать как экзотическую монету в шесть халков, очень редко встречающуюся в линейке номиналов, характерных для восьмихалковых обол. Остается предположить, что Полемон I в начале своей бронзовой чеканки увеличил вес младшего номинала, халка, в два раза. При этом, однако, введение в обращение новых монет облегчалось тем, что два из трех новых номиналов соотносились с находившейся в обращении более ранней бронзой. Дихалк (6–7 г) мог рассматриваться как тетрахалк, а халк (3–4 г) по весу был равен дихалку. Пробный, экспериментальный характер первой группы бронзовых монет Полемона подтверждался и неустоявшейся типологией этих монет: и трихалки, и халки были выпущены сразу в двух вариантах (трихалки

⁴ Для работы в этой статье использованы весовые данные монет, учтенных на ресурсе bosporan-kingdom.com, опубликованных в книге Н.А. Фроловой [Фролова 1997] и хранящихся в нумизматическом собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина.

⁵ И в книге Н.А. Фроловой [Фролова 1997, 42] и на bosporan-kingdom.com персонаж л.с. ошибочно назван Гелиосом, чему противоречит наличие урея у него на лбу. Скорее всего, перед нами некое синкретическое божество, имеющее отношение к греко-египетскому пантеону.

Рис. 2. Полемон I. Бронза. Около 15/14 г. до н.э. – рубеж эр: 9 – халк; 10 – трихалк; 11 – халк; 12 – обол (?); 13 – тетрахалк; 14, 15 – трихалки; 16 – дихалк

с головой Медузы и мужской головой с уреем на л.с., халки – с дельфином и орлом), один из которых (дошедший до нас в значительном количестве экземпляров), видимо, был принят населением, а другой нет.

Второй этап племоновской реформы (вторая группа А.Н. Зографа) характеризуется полной сменой используемых типов л.с., введением изображений на о.с., в результате чего монограмма ВАЕ становится только частью монетного типа, и чеканкой двух новых номиналов. Старший номинал «Голова Гелиоса – звезда, полумесяц, ВАЕ», известен в одном экземпляре и имеет вес 28,45 г (рис. 2. 12). Средний вес пяти экземпляров следующего по старшинству номинала «Голова Афины – змея, ВАЕ» (граф 4) составляет 12,99 г и в новой системе номиналов с утяжеленным халком может принадлежать только тетраhalку (рис. 2. 13). Оставшиеся монеты, представленные значительно большим количеством экземпляров, принадлежат трем номиналам, выпуск которых был начат ранее – трихалку, дихалку и халку. Примечательно, что, как и на начальном этапе, трихалки представлены двумя типами: «Голова Деметры в венке – голова быка, ВАЕ» и «Бюст Афины – голова коня, ВАЕ» (рис. 2. 14, 15). Пики весов этих монет (в количестве, соответственно, 22 и 36 экз.) концентрируются в диапазоне значений 8–9 г (см. графы 5–6). Веса большинства дихалков «Голова Зевса-Аммона – змея, ВАЕ» (рис. 2. 16) группируются вокруг 5–6 г и халков «Голова Артемиды – сидящая собака, ВАЕ» (50 экз.) – вокруг 3–4 г (см. графы 7–8) (рис. 3. 17). Как видим, введенная на первом этапе система номиналов не только сохраняется, но и расширяется за счет введения оболы (?) и тетраhalка.

Завершенный вид она приобретает на третьем этапе (по А.Н. Зографу, 1-я серия 3-й группы), когда к уже имеющимся номиналам не только добавляются монеты в 5, 6 и 7 халков, но на всех выпускаемых бронзовых монетах впервые в истории боспорской чеканки появляются и знаки их достоинства, образуя непрерывный ряд от единицы до семи.

А.Л. Бертье-Делагардом было убедительно доказано, что эти цифры являются обозначением номинала монет, на которые они были помещены. Вполне естественно, имея дело с греческими выпусками, А.Л. Бертье-Делагард считал, что их номиналы исчислялись в халках [Бертье-Делагард 1911, 128–129, 135]. А.Н. Зограф, подчеркнув правильность вывода А.Л. Бертье-Делагарда о том, что эти цифры представляли номиналы, а, например, не года правления царя, скрывавшегося за монограммой ВАЕ, затруднялся в окончательном определении того, в каких единицах эти номиналы исчислялись [Зограф 1951, 195]. Безусловным продолжением подобной практики помещения на монеты знаков стоимости являлись выпуски городской меди, чеканившейся боспорскими городами Кесарией и Агриппией, и имевшие на реверсе цифру Н, то есть восемь. По замечанию А.Н. Зографа, если бы была уверенность в том, что на Боспоре обол включал восемь халков, эти монеты, весившие 7–8 г, можно было бы считать оболлами [Зограф 1951, 195]. Однако совершенно невероятно представить, что те же халки составляли основу чеканки монет с монограммой ВАЕ и цифрой Z (=7), весивших при этом примерно в два-три раза больше описанных городских монет. Наличие подобных номиналов в 7 и 8 единиц, не находящих соответствия в современной римской чеканке, по замечанию А.Н. Зографа «вызывают, возражения и против в остальном очень последовательного и вполне приемлемого взгляда Моммзена, что единицей счета

Рис. 3. Полемон I. Бронза. Около 15/14 г. до н.э. – рубеж эр: 17 – халк; 18 – 10 халков; 19 – 7 халков; 20 – 6 халков; 21 – 5 халков; 22 – 4 халка; 23 – 3 халка; 24 – 2 халка

боспорских царских монет со времени Аспурга является унция и основной номинал этого времени представляет асс» [Зограф 1951, 196].

Для В. А. Анохина не существовало сомнений в том, что именно «точка зрения Моммзена исчерпывающим образом объясняет развитие системы номиналов и их обозначений в указанное время» и в ее основе, таким образом, лежит римская унция [Анохин 1986, 86]. Появление при Аспурге монет со знаком номинала ІВ, то есть 12 (унций) или асс, являлось, по его мнению, свидетельством использования на Боспоре римской системы номиналов [Анохин 1986, 84]. Н. А. Фролова не высказывалась определенно по этому поводу, отмечая лишь, что возможность перехода к римской системе счета можно связывать с появлением после монет с монограммой ВАЕ монет с монограммой ВАМ и обозначением их достоинства древнегреческой стигмой, то есть цифрой 6. Эти монеты, вероятно, являвшиеся семисами, то есть половиной асса, непосредственно предшествовали монетам Аспурга, полностью им аналогичным по типу, фактуре и весу [Фролова 1997, 30–31].

Надо отметить, что точка зрения В. А. Анохина получила широкое распространение в научной литературе и сомнений в том, что боспорские бронзовые монеты рубежа эр представляли собой унции, секстанты, квадранты, ассарии и т. п. практически не возникало. Ярким примером использования подобной линейки номиналов для боспорской меди является наиболее обширная и известная на сегодняшний день база данных по боспорским монетам bosporan-kingdom.com.

Между тем, такая интерпретация не позволяет объяснить ряд нестыковок и противоречий, которые возникают при ее использовании и которые признавал сам В. А. Анохин, оставив их, впрочем, без удовлетворительного объяснения. Самые тяжелые монеты с монограммой ВАЕ и знаком І, весившие около 30 г (рис. 3. 18)⁶, В. А. Анохин интерпретировал как ассы, указывая на то, что именно такое обозначение – вертикальная палочка или черта – использовалось в Риме для монет этого номинала [Анохин 1986, 86]. Однако ассы подобного унциального веса перестали чеканиться еще в 91 г. до н. э., когда был принят специальный закон *Lex Papiria*, и в Риме перешли на выпуск ассов полу-унциального стандарта, весом около 13,5 г [Lo Cascio 1981, 83; Bransbourg 2012, 26; Carbone 2020, 56]. Современные рассматриваемым боспорским монетам ассы Августа вообще чеканились по облегченному полу-унциальному стандарту и весили около 11 г [Lo Cascio 1981, 81–82]. Кроме того, в это время ассы в провинциальной чеканке неизменно обозначались буквой «А» [Burnett, Amandry, Ripollès 1992, 32–33]. Резонных объяснений возврата боспорских монетариев к выпуску унциальных ассов, по признанию самого В. А. Анохина, не находится. Следуя предположению Моммзена об использовании на Боспоре римской унции, В. А. Анохин соответствующим образом интерпретирует и все остальные номиналы рассматриваемой серии как унцию (А), секстант (В), квадрант (Г), триент (Д), квинкунс (Е), семис (С) и (ошибочно) додрант (Z) [Анохин 1986, 86]. Мало того что в Риме при Августе из номиналов меньше асса чеканили только семис и квадрант, такие номиналы как квинкунс и додрант использовались в римском монетном деле

⁶ Тип «Голова бородатого Геракла – палица с наброшенной на нее шкурой, ВАЕ», учтено семь экземпляров. Средний вес пяти монет этого типа составляет 32,21 г.

или на заре его становления (квинкунс), в конце III в. до н. э., или лишь в единичных случаях в конце II в. до н. э. (додрант) [Melville Jones 1990, 101, 263]. Маловероятно, что боспорские монетарии были настолько осведомлены о тонкостях римской монетной чеканки, чтобы использовать в своей работе столь экзотические даже для римлян номиналы, аналогий которым не было в монетной чеканке ни одного из греческих полисов раннеимператорской эпохи.

Все указанные противоречия снимаются, однако, если придерживаться вывода А.Л. Бертье-Делагарда о том, что эти цифры являются указанием на номиналы монет, исчисляемые в халках. Непрерывный ряд цифровых обозначений от 1 до 7, позволяет и знак на старшем номинале (I) рассматривать как цифру, то есть 10 (халков) [ср.: Зограф 1951, 196; Голенко 1971, 42; Фролова 1997, 50]⁷. Очевидно, что этот очередной выпуск бронзовых монет с обозначением номиналов был обусловлен необходимостью облегчить населению их использование в обращении, поскольку, вероятно, монеты предыдущих выпусков, без указания стоимости, вызывали путаницу и их нормальное хождение было затруднено.

Все сказанное указывает на то, что Боспор в это время еще не перешел на римскую систему номиналов, но придерживался в своей монетной чеканке греческой номенклатуры. Современные исследования свидетельствуют о том, что восприятие римской монетной системы греческими городскими коммунами представляло не одномоментный, а растянутый во времени процесс, в некоторых местах продолжавшийся вплоть до II–III вв. [напр., см.: Kroll 1996, 54; Burnett 2011, 26; Bransbourg 2021, 117]. Нередко использование римских и греческих номиналов шло параллельно, между ними существовало определенное соотношение и римский бронзовый асс на греческой почве в большинстве случаев принимал вид бронзового ассария, чеканившегося в отличие от своего римского собрата не по облегченному полу-унциальному, но по четвертьунциальному стандарту, и весил, как правило, всего 4–6 г [Kroll 1997, 131; Carbone 2020, 59, 64; Burnett, Amandry, Ripollès 1992, 373–374]. На его достоинство помимо специальных обозначений номинала указывали и монетные типы, повторявшие изображения, имевшиеся на римских ассах, и прежде всего, прору.

⁷ Вся система бронзовых номиналов этой серии выстраивается следующим образом:

- 10 халков: «Голова бородатого Геракла – палица с наброшенной львиной шкурой, лук в горите, ВAE и I, все в лавровом венке» (семь экз., средний вес пяти экз. – 32,21 г) (рис. 3. 18);
- 7 халков: «Голова Гермеса – Крылатый кадуцей в лавровом венке, по сторонам ВAE и Z» (девять экз., средний вес семи экз. – 21,50 г) (рис. 3. 19);
- 6 халков: «Голова Зевса, обрамленная лавровым венком – орел на пучке молний, ВAE и стигма» (восемь экз., средний вес шести экз. – 14,20 г) (рис. 3. 20);
- 5 халков: «Голова Посейдона с трезубцем – дельфин, сверху ВAE, внизу E» (24 экз., пик значений на весовой шкале 9–11 г, средний вес 22 экз. – 11,49 г, граф 9) (рис. 3. 21);
- 4 халка: «Голова Аполлона, обрамленная венком и точечным ободком – треножник, справа лавровая ветвь, по сторонам ВAE и Δ (55 экз., пик значений на весовой шкале 8–9 г, средний вес 53 экз. – 7,74 г, граф 10) (рис. 3. 22);
- 3 халка: «Лев, над ним восьмилучевая звезда, все в лавровом венке – венок и пальмовая ветвь, ВAE и Γ» (26 экз., пик значений на весовой шкале 5–6 г, средний вес 21 экз. – 5,98 г, граф 11) (рис. 23);
- 2 халка: «Голова Диониса – циста, ВAE и B» (17 экз., пик значений на весовой шкале 4–5 г, средний вес 13 экз. – 4,47 г, граф 12) (рис. 3. 24);
- 1 халк: «Голова Сераписа – Рог изобилия, ВAE и A» (24 экз., пик значений на весовой шкале 3–4 г, средний вес 18 экз. – 3,27 г, граф 13) (рис. 4. 25).

Однако было бы ошибкой отрицать полную независимость боспорской чеканки от римского монетного дела. Выше было показано, как постепенно эволюционировал золотой боспорский статер, приобретая и вес, и внешние черты римского ауреуса. Думается, что и в случае с бронзовыми выпусками причины проведенных Полемоном изменений также диктовались новыми реалиями, связанными с установлением римского господства и контроля, втягиванием Боспорского государства в сферу политического и экономического развития ранней Империи. Просто эти процессы протекали не так очевидно и прямолинейно, как это представлял себе В. А. Анохин.

Сегодня ясно, что начало постепенной конвергенции римской и греческой монетных систем должно относиться ко времени Марка Антония (42–31 гг. до н. э.), когда этот триумвир стал властителем восточных римских владений [Carbone 2020, 43–44]. Именно при нем, в 38 г. до н. э., вероятно, на Пелопоннесе, в Афинах и Сирии впервые была начата чеканка крупной бронзовой монеты – сестерция (с 211 г. до н. э. выпускавшегося в серебре), который являлся составной частью т. н. “fleet coinage” – серии бронзовых монет из шести номиналов (сестерций, трессис, дупондий, асс, семис и квадрант), чеканившейся адмиралами Антония в 38–37 гг. до н. э. [Burnett, Amandry, Ripollès 1992, 284f; Carbone 2020, 57]. Примечательно, что достоинство всех номиналов этой серии было обозначено как греческими, так и латинскими буквами, отражая, таким образом, стремление римских властей сделать римскую систему номиналов более понятной для греческого населения. Помещение знаков номинала на бронзовую монету, в отличие от золота и серебра имевшую условную стоимость, было призвано также повысить доверие к ней со стороны потребителя и упрочить ее место в обращении. Инновации Марка Антония получили дальнейшее развитие в августовскую эпоху. В 27–23 гг. до н. э. на некоторых монетных дворах провинции Азия, Кипра и Сирии⁸ осуществлялась чеканка крупной бронзовой монеты с головой Августа и титулом IMP CAISAR на л. с. и буквами СА (Caesar Augustus или Commune Asiae) в ростральном венке или AVGVSTVS в лавровом венке – на о. с. [Howgego 1982, 1–20; Burnett, Amandry, Ripollès 1992, 380–381. nos. 2227–2236]. И по метрологическим данным, и по внешнему облику (помещение изображения или легенды о. с. в кружок, окруженный лавровым венком в двойном точечном ободке) эти монеты чрезвычайно близки рассмотренным выше десятихалковым монетам с головой Геракла, о чем писал в свое время еще А. Н. Зограф, не сомневавшийся, что и эти боспорские монеты, и монеты с СА выпускались одновременно [Зограф 1951, 193]. Кратковременный выпуск подобных тяжелых монет, весивших более 20 г, имел место в это время и на других монетных дворах Азии [Carbone 2020, 173, note 107; 2021, 259, note 118]. Возможно, эти выпуски являлись неким экспериментом по введению на Востоке бронзовых монет наподобие сестерциев римского образца [Burnett 2009, 234], находки которых неизвестны на римском Востоке [Burnett, Amandry, Ripollès 1992, 31]. Будучи аналогом сестерциев по внешнему виду, весу и диаметру, боспорские монеты, однако, имели меньшую номинальную стоимость.

⁸ Некоторые ученые полагают, что чеканка подобных монет проводилась до 18 г. до н. э., а также позже, между 5 г. до н. э. и 5 г. н. э., и предназначались для финансирования военных кампаний в Парфии и Армении: Schwei 2016, 134–135.

Эпиграфические и нумизматические данные свидетельствуют о том, что соотношение между греческими и римскими медными номиналами, то есть между обол и ассом составляло один к двум и, таким образом, греческий обол равнялся двум ассам (Polyb. II. 15, 6) [Mavrogordato 1918, 2–3; Зограф 1951, 196; Crawford 1985, 146; Burnett, Amandry, Ripollès 1992, 32–33; Kroll 1996, 53–54; Kroll 1997, 126; Van Driessche 2017, 40–44; Carbone 2020, 61]. В результате реформы бронзовой чеканки, осуществленной Августом около 23 г. до н. э., старшие номиналы (сестерции унциального веса и дупондии) начали чеканиться из нового металла (аурихалка), ассы (полу-унциального веса), семисы и квадранты – из чистой меди.

Чем же были обусловлены проведенные Полемоном I изменения боспорской бронзовой чеканки и, в частности, появление такого экзотического номинала, каким являлась монета в 10 халков? Представляя собой 1,25 обولا, эта монета равнялась по стоимости 2,5 ассам полу-унциального стандарта (11–12 г). Как было указано выше, монетное дело Боспора рассматриваемого времени основывалось на использовании двух металлов – золота и бронзы. Естественно, должен был существовать определенный курс размена золотой монеты на медную, монеты из этих двух металлов как-то соотносились между собой. Основу созданной Августом монетной системы составляло определенное соотношение, существовавшее между римскими монетами из различных металлов и в свою очередь опиравшееся на соотношение стоимости самих этих металлов, что придавало стабильность и устойчивость всей системе чеканки. Согласно этому соотношению, один золотой ауреус разменивался на 25 серебряных денариев, каждый из которых, в свою очередь, стоил 16 медных ассов. Таким образом, золотая монета весом около 8 г (ауреус времени Августа) в конечном итоге могла размениваться на 400 медных ассов или в пересчете на металл примерно на 4,5 кг меди, если считать средний вес асса равным 11 г. Рацио монетного золота и монетной меди при этом составляло примерно 1:560. При указанном курсе размена один золотой боспорский статер должен был размениваться на 160 десятихалковых монет, то есть, в зависимости от их веса (28–30 г) на 4,5–4,8 кг меди, что в целом было близко соотношению монетных металлов, установленных Августом.

Вероятно, именно стремление соотнести курс боспорской бронзовой монеты с общеимперским и явилось стимулом к проведению в области бронзовой чеканки тех мероприятий, которые предпринял Полемон. В пользу этого предположения, как кажется, может свидетельствовать и следующее наблюдение. Соотношение номинальной стоимости (4:1) и веса (2,4:1) сестерция и асса указывает на то, что аурихалк был дороже обычной меди примерно в 1,7 раза [Bransbourg 2021, 117, note 41]. Таким образом, по стоимости количество аурихалка (латуни), из которого чеканились сестерции (27 г, 4 асса=2 обولا=16 халков), должно было соответствовать примерно 44–46 г меди. Примечательно, что если к весу боспорской десятихалковой монеты прибавлять различные комбинации других номиналов бронзы, введенных Полемоном, чтобы получить 16 халков, то есть два обولا, которые по стоимости равнялись сестерции (+6; +1+5; +2+4; +3+3; +3+2+1 и т.д.), их общий вес будет колебаться как раз около этих значений.

Введенная Полемоном чрезвычайно дробная линейка греческих номиналов соотносилась и со всеми основными номиналами римской бронзы: халк равнялся римскому

квадранту, дихалк – семису, тетрагалк – ассу. Обол по неизвестной причине Полемоном не чеканился, хотя легко получался при складывании нескольких младших номиналов. Наличие значительного количества номиналов бронзовой монеты в раннеримскую эпоху имело место и в других греческих городах, прежде всего, провинции Азия [Burnett, Amandry, Ripollès 1992, 373]. Существует мнение, что таким образом власти греческих полисов пытались осуществить постепенный переход к римской монетной системе [Zajac 2020, 34], с которой все эти номиналы легко соотносились. Приведенные выше соображения и наблюдения с большой степенью вероятности говорят о том, что при осуществлении всех мероприятий, связанных с чеканкой бронзовой монеты, Полемон стремился адаптировать ее к принципам, на которых со времени Августа строилось римское монетное дело. Этот процесс, однако, не носил характера прямой замены греческих номиналов на римские с переходом на римский монетный счет, как пытались доказать некоторые исследователи. Достоинство монет по-прежнему исчислялось в греческих халках, но при этом они могли быть соотнесены с римскими номиналами не только по стоимости, но, как свидетельствуют полемоновские выпуски, и по весу.

Судя по дальнейшему развитию событий, эксперимент Полемона носил непродолжительный характер. Еще при жизни царя, видимо, в конце его правления были выпущены монеты в семь халков типа «Голова Персея – герма, ВAE и Z» (вторая серия 3-й группы по А.Н. Зографу) (рис. 4. 26), вес которых, однако, по сравнению с весом аналогичного номинала предыдущей группы был уменьшен примерно в три раза. Пик весовых значений этих монет на весовой шкале приходится на 7–8 г (граф 14), средний вес 71 учтенного экземпляра составляет 6,97 г. Этот факт свидетельствует о том, что попытка Полемона I использовать в обращении относительно полновесную бронзовую монету, подобно тому как Август это сделал в Риме, закончилась неудачей. Исторически бронзовая монета являлась для греков в значительно большей степени монетой условной стоимости, чем для римлян, монетное дело которых началось с выпуска именно бронзовой монеты. Постепенное уменьшение веса бронзовых монет при сохранении той же номинальной стоимости было, поэтому, всеобщим трендом развития греческой бронзовой чеканки во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. Бронзовый тетрагалк, составлявший аналогию римского асса, именовавшийся ассарием и бывший наиболее расхожим номиналом в греческих городах восточноримских провинций, чеканился по облегченному четвертьунциальному стандарту, с весом 4–6 г [Carbone 2020, 66; 2021, 262–263; Burnett, Amandry, Ripollès 1992, 35, 372–374]. Близкие по внешнему облику и весу к римским сестерциям тяжелые греческие бронзовые монеты, упоминавшиеся выше, выпускались редко, ограниченными тиражами и в течение непродолжительного времени.

Однако введенная Полемоном I система номиналов пережила своего создателя. Об этом свидетельствуют последующие выпуски боспорских бронзовых монет, сохранившие знаки стоимости на о.с. К ним относятся монеты без монограммы:

- «Голова Гермеса – крылатый кадуцей, Z» (рис. 4. 27), средний вес девяти экз. 4,64 г;
- «Бюст Гермеса – кадуцей, В» (рис. 4. 28), средний вес трех экз. 2,74 г;
- «Бюст Сераписа – рог изобилия, А» (рис. 4. 29), средний вес трех экз. 1,90 г.

Рис. 4: 25 – Полемон I. Бронза. Халк. Около 15/14 г. до н. э. – рубеж эр; 26 – Боспор. Полемон I. Бронза. 7 халков редуцированного веса. Около 15/14 г. до н. э. – рубеж эр; 27 – Боспор. Неизвестный правитель. 7 халков. Рубеж эр; 28 – Боспор. Неизвестный правитель. 2 халка. Рубеж эр; 29 – Боспор. Неизвестный правитель. Халк. Рубеж эр; 30 – Боспор. Правитель ВАР. 10 халков. Начало н. э.; 31 – Боспор. Правитель ВАР. 6 халков. Начало н. э.; 32 – Боспор. Правитель ВАР. 4 халка. Начало н. э.

Также состоящий из трех номиналов выпуск монет с монограммой ВАМ:

- «Бюст Гелиоса – Звезда, полумесяц, внизу ВАМ, справа I» (рис. 4. 30), средний вес семи экз. 7,50 г;
- «Голова Ареса, по сторонам В-АМ – трофей, справа ζ» (рис. 4. 31), средний вес двух экз. 4,35 г;
- «Голова Геракла – дерево с обвившей его змеей, справа В-АМ, слева Δ» (рис. 4. 32), средний вес трех экз. 3,48 г.

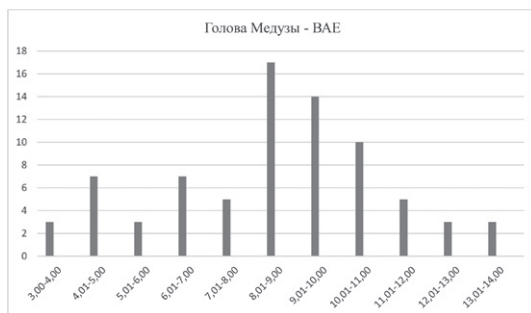
Со временем чеканки монет с монограммой ВАМ, вероятно, надо соотносить и время производства известных городских бронзовых монет Кесарии (Пантикапея) и Агриппии (Фанагории). В пользу этого свидетельствуют метрологические данные. Пиковые значения монет обоих городов на весовой шкале располагаются в диапазоне 5–7 г, со средними весами кесарийских монет 6,46 г (211 экз.) (граф 15) и агриппийских 6,19 (186 экз.) (граф 16). Веса этих монет, несущих знак стоимости Н (т.е. 8 единиц), оказываются ровно вдвое больше весовых значений младшего номинала серии с монограммой ВАМ и знаком стоимости Δ (4 единицы) (рис. 4. 32). В линейке номиналов этого времени (10:8:6:4) городским монетам, таким образом, находится вполне подходящее для них место. Вероятно, как и монеты с монограммой ВАМ, они должны относиться к первой половине первого десятилетия новой эры, если принять во внимание, что гибель Полемона I может датироваться последними годами до новой эры, а с 6/7 года новой эры царем Боспора уже был Аспург. Время сокрытия известного керченского клада 1961 г., включавшего как монеты с монограммой ВАЕ 2-й группы и первой серии 3 группы А.Н. Зографа, так и городские выпуски Кесарии и Агриппии [Голенко 1971, 38–50; Абрамзон, Фролова, Куликов, Смекалова, Иванина 2006, 60–64], хоть и не содержит более поздние монеты облегченного веса с монограммой ВАЕ и монеты с обозначением номинала, но без монограммы, не противоречит предлагаемой дате, поскольку состав клада, как нам представляется, формировался путем целенаправленного отбора определенных номиналов, а не явился результатом случайной выборки из обращения. Надчеканки, известные на некоторых монетах с монограммой ВАЕ [Чореф 2017, 464–467], по верному замечанию В.К. Голенко, имели своей целью связать одновременно находившиеся в обращении монеты разных весовых стандартов [Голенко 1971, 48, прим. 59]. Ко времени правления Аспурга также можно, наконец, отнести и переход боспорской монетной чеканки на римский дуодецимальный (двенадцатеричный) счет, если судить по появлению при этом царе номинала ΙΒ, т.е. 12 единиц [ср.: Фролова 1997, 50–51].

Подведем некоторые итоги. Начиная с 15/14 г. до н. э. и вплоть до начала новой эры на боспорском престоле, видимо, находился римский ставленник Полемон I, взявший в жены внуку Митридата Евпатора – Динамию. Около 12 г. до н. э. Динамия, вероятно, умерла, и супругой Полемона I стала внучка Марка Антония – Пифодорида. Полемон I, обязанный своим возвышением Марку Антонию, а дальнейшим нахождением у власти – милости Августа, очевидно, был прекрасно осведомлен о деятельности, в том числе, и в экономической сфере, этих двух вначале союзников, а затем – непримиримых врагов. Эта осведомленность, а также проводимая им проримская политика, в том числе, и во внутренних делах, обусловили начатую им

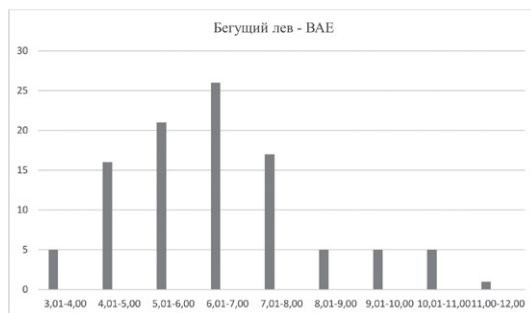
монетную реформу и определили ее ход. Целью реформы, очевидно, было создание на Боспоре базировавшейся на использовании двух металлов – золота и меди, устойчивой монетной системы, подобной той, которая была создана Августом около 23 г. до н. э. в Риме. Полемоном был начат выпуск золотой монеты, близкой римскому ауреусу, как по метрологическим, так и по типологическим характеристикам. Однако в связи с тем, что в 16/15 г. до н. э. Август сосредоточил ее чеканку в своих руках, выпуск царского золота на Боспоре был прекращен. Вместе с тем насущная потребность в золотой монете, обусловленная необходимостью финансирования военных нужд Боспорского царства, обеспечивавшего безопасность восточных рубежей империи, привела к тому, что чеканка монет из этого металла была продолжена, но уже на основании специального разрешения принцепса. Указание на подобное разрешение/указ/эдикт предположительно было скрыто в монограмме ΔΥМ, помещавшейся на боспорские золотые монеты на протяжении не менее 20 лет.

Полемон I существенно изменил линейку номиналов, весовые характеристики и типологию бронзовой монеты с таким расчетом, чтобы курс размена этой монеты на золото был близок установленному Августом, а полновесность новой бронзовой монеты служила бы залогом устойчивости создаваемой монетной системы. Все выпуски бронзовых монет Полемона помечались его монограммой ΒΑΕ. Однако уже при жизни царя стала очевидной неудача этого мероприятия. Основными торговыми контрагентами Боспора были малоазийские города, наиболее употребительным номиналом бронзы в которых был тетрахалк, получивший в эпиграфических источниках наименование ассария и отождествлявшийся с римским ассом, чеканившимся по облегченному четвертьунциальному стандарту, весом 4–6 г. Более тяжелые боспорские бронзовые монеты, согласно закону Гришема, должны были быть вытеснены из обращения, что, вероятно, в итоге и произошло. Как следствие, Полемон был вынужден почти втрое уменьшить вес своих бронзовых монет, которые теперь гораздо легче соотносились с повсеместно распространенными тетрахалками/ассариями. Введенная им система бронзовых номиналов, однако, продолжала использоваться и после смерти царя, которая имела место, вероятно, на рубеже эр. В правление Аспурга, очевидно, произошел окончательный переход монетного дела Боспора на двенадцатеричный счет, а выпускаемые номиналы бронзовой монеты теперь представляли собой фракции и мультиплы основного номинала эпохи – ассария.

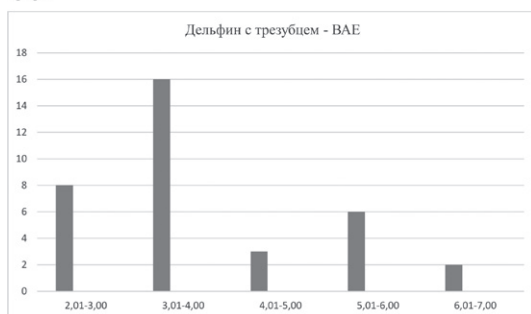
Граф 1

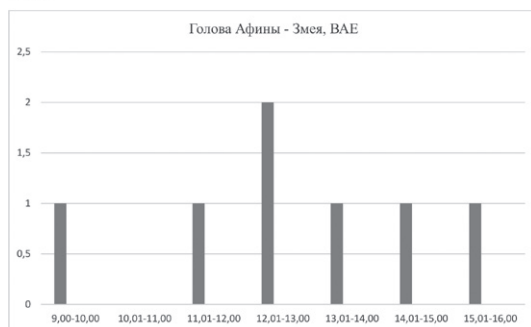
Граф 2

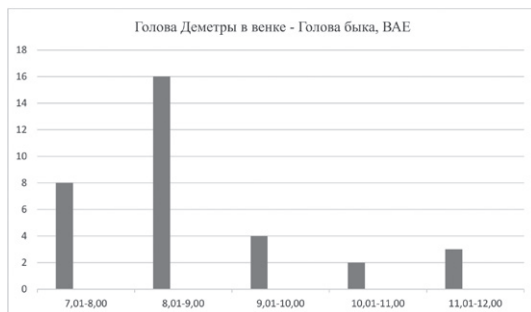
Граф 3

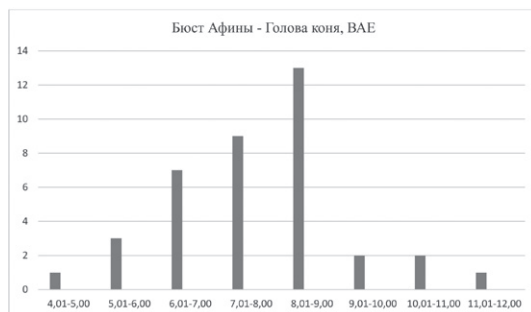
Граф 4

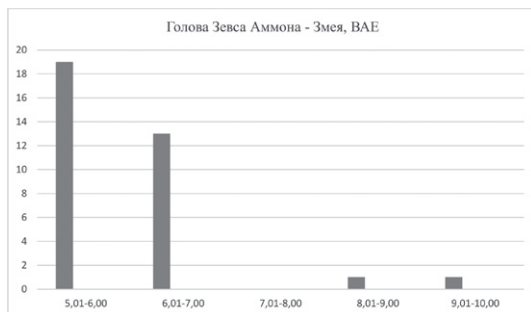
Граф 5

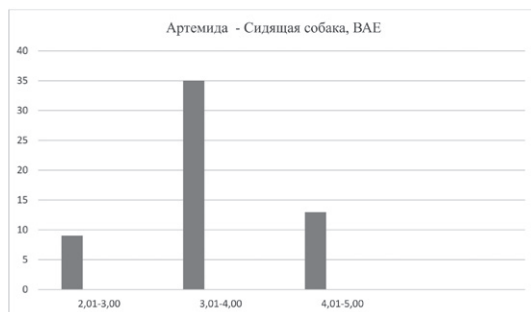
Граф 6

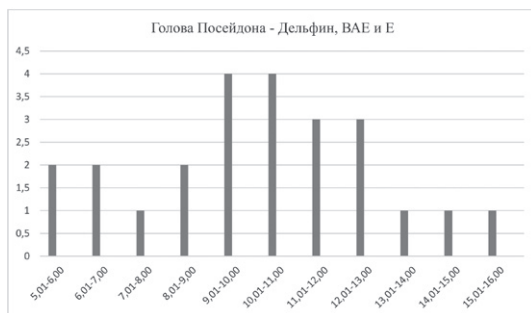
Граф 7

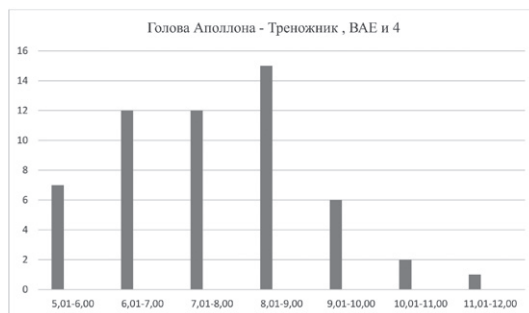
Граф 8

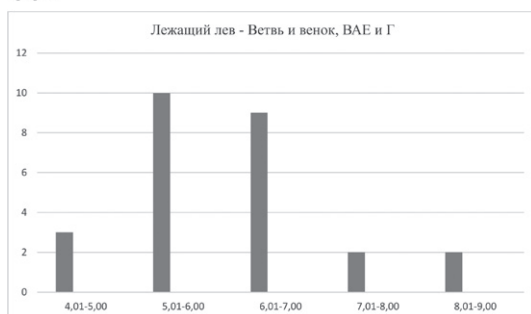
Граф 9

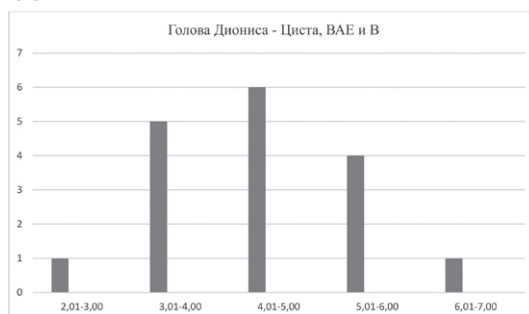
Граф 10

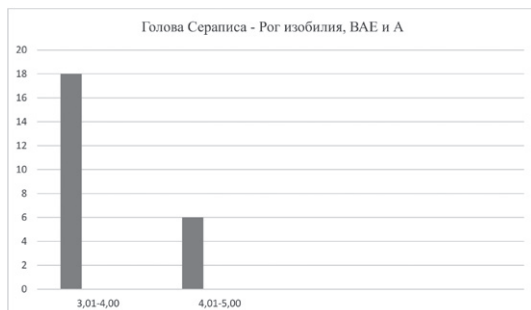
Граф 11

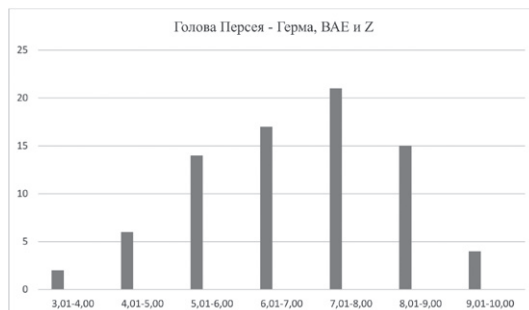
Граф 12

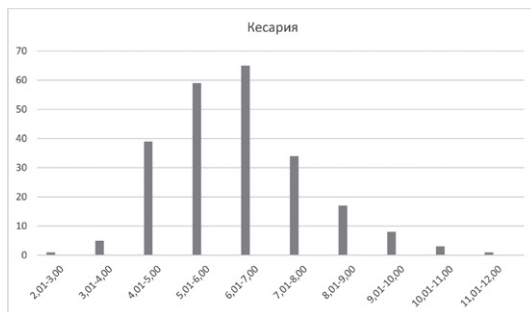
Граф 13

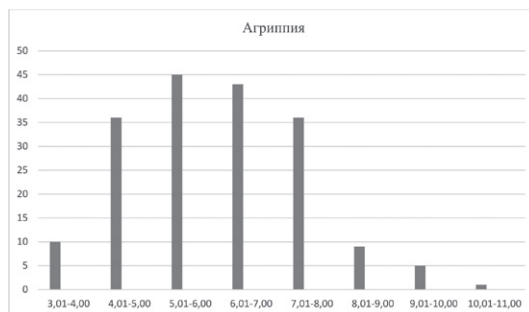
Граф 14

Граф 15

Граф 16

Список литературы

- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Куликов А. В., Смекалова Т. Н., Иванина О. А. 2006. Клады античных монет. I. Киев, 239.
- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 181.
- Анохин В. А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев, 249.
- Бертье-Делагард А. Л. 1911. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. XXIX, 117–232.
- Голенко К. В. 1971. Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н. э. // НЭ. IX, 38–50.
- Завойкина Н. В. 2023. Аспург – царь Боспора (9/8 г. до н. э. – 38 г. н. э.) // ДБ. 28, 149–167.
- Завойкина Н. В., Новичихин А. М., Константинов В. А. 2018. Новая посвяtitельная надпись Аспурга из Горгишии // ВДИ. 3, 680–692.
- Зограф А. Н. Античные монеты (МИА. 16). М.–Л., 263.
- Коваленко С. А. 2025. О чеканке золотых монет на Боспоре в I веке до н. э. В печати.
- Панов А. Р. 2002. Поход Полемона I на Боспор: проблемы интерпретации источников // АМА. 11, 106–108.
- Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже эпох. М., 271.
- Фролова Н. А. 1989. Медные монеты Боспора конца I в. до н. э. – I в. н. э. // НЭ. 15, 3–18.
- Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. н. э.). Ч. 1. М., 448.
- Чореф М. М. 2017. Надчеканки на боспорских монетах Полемона I как источник исторической информации // МАИАСП. 9, 441–467.
- Brandis C. G. 1899. Bosphoros // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. III. Stuttgart, 741–789.
- Bransbourg G. 2012. Rome and the Economic Integration of Empire // Papers of the Institute for the Study of the Ancient World. 3 (<http://dlib.nyu.edu/awdl/isaw/isaw-papers/3/>).
- Bransbourg G. 2021. Regional Currencies within an empire. Bronze coinages of Greece and Asia at the time of the Roman conquest: a case of partial monetary convergence // Colonial Geopolitics and Local Cultures in the Hellenistic and Roman East (3rd century BC – 3rd century AD). London, 228.
- Burnett A. 2009. The rise and fall of the Roman “sestertius” at Alexandria // Schweizerische Numismatische Rundschau. 88, 225–247.
- Burnett A. 2011. The Augustan Revolution Seen from the Mints of the Provinces // The Journal of Roman Studies. 101, 1–30.
- Burnett A., Amandry M., Ripollès P. P. 1992. Roman Provincial Coinage. Vol. I. London–Paris, 734.
- Carbone L. F. 2020. Mark Antony and the bronze revolution in the East // Coins of Roman Revolution. Wales, 44–77.

- Carbone L.F. 2021. The Introduction of Roman Coinages in Asia (133 BC – 1st Century AD) // *Graecia capta? Rome et les monnayages de l'Égée aux IIe-Ier s. av. J.-C.* Basel, 233–293.
- Crawford M.H. 1985. *Coinage and Money Under the Roman Republic.* Los Angeles, 355.
- Head B. V. 1911. *Historia nummorum.* London, 960.
- Howgego C. J. 1982. Coinage and Military Finance: the Imperial Bronze Coinage of the Augustan East // *NC.* 142, 1–20.
- Kroll J. H. 1996. Hemiobols to Assaria: The bronze coinage of Roman Aigion // *NC.* 156, 49–78.
- Kroll J. H. 1997. Traditionalism vs Romanization in Bronze Coinages of Greece, 42–31 B.C. // *Topoi.* 7/1, 123–136.
- Lenormant F. 1878. *La monnaie dans l'antiquité.* Paris, 302.
- Leschhorn W. 1993. *Antike Ären. Zeitrechnung, Politik und Geschichte in Schwarzmeerraum und in Kleinasien nördlich des Tauros.* Stuttgart, 576.
- Lo Cascio L. 1981. State and Coinage in the Late Republic and Early Empire // *The Journal of Roman Studies.* 71, 76–86.
- Mattingly H. 1923. *Coins of the Roman Empire in the British Museum.* Vol. I. London, 464.
- Mavrogordato J. 1918. Chronological Arrangement of the Coins of Chios; Part V // *NC.* XVIII, 1–79.
- Melville Jones J. 1990. *A Dictionary of Ancient Roman Coins.* London, 329.
- Schwei D. 2016. The Empire Strikes: The Growth of Roman Infrastructural Minting Power, 60 B.C. – A.D. 68. A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. Cincinnati, 426.
- Treister M. Yu. 1995. The Romans in Pantikapaion // *ACSS.* 2. 2, 157–181.
- Van Driessche V. 2017 “Du côté du bronze: réflexions autour de la compatibilité des systèmes monétaires grecs et romain en bronze” // *Ettalons monétaires et mesures pondérales entre la Grèce et l'Italie.* Louvain-La-Neuve, 37–54.
- Waddington W. H. 1866. Sur la chronologie des rois du Pont et du Bosphore et des princes d'Olba // *Revue numismatique.* 11, 417–441.
- Zajac B. 2020. Small Change in the Roman Provincial World. Bronze Denominations in the Province of Asia Between 96 and 138 AD // *Pecunia Omnes Vincit. Conference Proceedings of the Fifth and Sixth International Numismatic and Economic Conference.* Krakow, 30–60.

Summary

S.A. Kovalenko

On the Bosporan coinage at the turn of the eras

The paper deals with the coinage of the Bosporan king Polemo I, who was ruling from 15/14 BC to the turn of the eras. He undertook an attempt to conduct monetary reform. Its aim was creation of the stable monetary system based on the use of two metals, gold and copper

and similar to the one introduced by August in Rome c. 23 BC. Polemo I started issuing gold coins, which were copying Roman *aurei* by their metrology and typology. As in 16/15 BC August established a monopoly on the striking gold coins their issue in Bosporos was stopped. However, acute need of proper financing military costs of the Bosporan kingdom, which was protecting the eastern frontiers of the Empire, demanded gold coinage. Its issue was resumed, but this time due to the special permission of Augustus. Indication to such a permission was presumably reflected by the monogram $\Delta Y M$, which was put on the Bosporan gold coins during at least 20 years.

Polemo I as well considerably changed structure of the bronze denominations, their weight and typology in order to adjust exchange course between gold and copper coins to the one established by Augustus. The full weight of the new bronze coinage had to be the cornerstone of sustainability of the new monetary system. All bronze issues were marked with the royal monogram BAE. However, already during Polemo's lifetime failure of these measures became obvious. Greek *poleis* of Asia Minor were main trade partners of the Bosporos. Their bronze tetrachalkos was the most widespread kind of denomination. Epigraphical sources called it *assarion* and associated it the Roman *as* of the reduced quarter-uncial weight 4–6 grams. According to the Grisham's Law heavier Bosporan bronze coins have been forced out of circulation by these light issues. As a result, Polemo I had to reduce the weight of his bronze coins almost thrice in order to adjust them to the ubiquitous *tetrachalkoi/assaria*. However, remarkably enough, set of the bronze denominations introduced by Polemo I kept to be using in Bosporos after king's death.

А. В. Ковальчук

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Косские клейма с сельских поселений Крымского Приазовья

Об импорте косского вина на Боспор нам известно из речи Демосфена против Лакрита (Demosth. Adv. Lacr. XXXV, 31–32, 34, 35). Оратор упоминает, что на потерпевшем крушение корабле было 80 амфор косского вина, которое перевозилось из Пантикапея в Феодосию для какого-то землевладельца, кормившего этой пищей своих работников на поле. Причем этот товар характеризуется как «τό τε οἰνάριον τὸ Κῶνον ὀυδοῖκοντα στάμνοι ἐξεστηκότος οἴνου» (ibid. XXXV, 32), то есть буквально как «восемьдесят амфор испортившегося (прокисшего) косского винца». Такую характеристику вина, по-видимому, следует считать риторическим преувеличением. Во времена Страбона косское вино наряду с хиосским и лесбосским имело славу прекрасного (τοὺς ἀρίστους ἐκφερούσης οἴνους) и наилучшего (οἶνον δὲ καὶ ἀρίστη) (Strab. XIV. 1, 15; 2, 19).

Рецепт изготовления косского вина (Vinum Coum), часть которого составляла морская вода, описывал Катон (Cato 112, 1–3). Афиней также отмечал значительное содержание морской воды в нем, прибавляя, что «вина с островов вообще хороши для попойек, для ежедневного же питья они не годятся» (Athen. I. 59 (32e), цит. по пер. Н. Т. Голинкевича). О его сходстве с родосским упоминает Плиний (Plin. HN. XIV, X (79). Из делосских надписей мы узнаем, что косские вина были дешевле книдских [Внуков, Ефремов 2017, 92]. О том, что вино о. Кос пользовалось большой популярностью в древности, свидетельствуют находки косских клейм в Афинах, на Родосе, в Египте, в Пергаме, на Сицилии, в Италии, а также возделывание косской лозы в Италии и многочисленные подражания косской таре (т. н. «псевдокосские амфоры», Dressel 2–4), которые встречаются на огромной территории «от Англии и Испании до римских факторий в Индии» [Внуков 2000, 54; Монахов 2014, 214].

В начале XX века при публикации коллекций амфорных клейм косские отпечатки, близкие по светлоте ангобу родосским, часто попадали в раздел клейм Родоса [Придик 1917, 16, № 326; 31, № 775–776, 33, № 836; Шкорпил 1902, 156, № 30b] или оказывались в категории неизвестных центров [Придик 1917, 111, № 213, 227, 241; Шкорпил 1905, 145, № 637, 146, № 640–641; Grace 1934, 281–282, № 237–238].

В 1925 г. А. Майури в приложении к своей книге опубликовал коллекцию клейм на двустольных ручках, собранную на о. Кос местным жителем [Maiuri 1925, 246–249,

№ 1–12]. Исследователь, основываясь на анализе имен, сходстве ономастики и эмблем с монетами Коса, а также наличии на острове глинищ, предположил местное происхождение оттисков. Помимо этого, автор описал морфологию, метрические характеристики и особенности глины косских амфор на основании трех сосудов из музея Родоса [*ibid.*, 245–246].

В 1951 г. появляется небольшая статья Е. М. Штаерман, в которой была опубликована коллекция клейм из Тиры, в том числе 39 оттисков с о. Кос¹ [Штаерман 1951, 31, рис. 5]. Несомненным достоинством этой работы является ввод в научный оборот материала из Тиры, собранного в ходе работы над сводом IosPE III, и выделение одинаковых штампов на одно- и двустольных ручках, относящихся к косскому производству [Штаерман 1951, 39].

На протяжении 50-х годов XX в. над составлением корпуса косских клейм одновременно работали Б. Н. Граков и В. Грейс.

Б. Н. Граков планирует издать косские клейма во втором томе IosPE III, который должен был охватить средиземноморский материал (Родос, Фасос, Книд и Кос), найденный в Северном Причерноморье до 1955 года. В. Грейс, по-видимому, хотела включить в «Коан corpus volume» все известные на тот момент клейма, о чем свидетельствуют ее письма В. Канарахе, В. Ф. Гайдукевичу, в Британский и Иерусалимские музеи, античное собрание Музеев Берлина и другие с просьбой прислать фотографии находок². Из переписки за 1958 г. между Б. Н. Граковым и В. Грейс мы узнаем, что он прислал ей рукописный вариант косского тома IosPE III с прописью легенд и указанием места находки и особенностей палеографии клейм (письмо от 30.07.1958 г.) и разрешение включить их в качестве аналогий в комментариях к ее корпусу. В ответном письме (от 12.09.1958 г.) В. Грейс содержится комментарий присланных материалов с вопросами и уточнениями, в котором она указывает, что около 30% присланных оттисков не находят аналогии в ее материалах, она выделяет 34 новых имени, отсутствующих в списке, который она составила в декабре 1957 года.

Оба исследователя в этой переписке говорят о завершающей стадии работы над сводами. Б. Н. Граков пишет, что первый том IosPE III должен уйти в печать в 1959 г., в этом же году он планировал дополнить готовый список косских клейм фотографиями и рисунками (письмо от 30.07.1958). В. Грейс в апреле 1958 г. поторапливает В. Ф. Гайдукевича с пересылкой фотографий коллекции из Мирмекия, так как она заканчивает работу над составлением таблиц к корпусу (письмо от 22.04.1958), в начале сентября 1958 г. «the catalogue being nearly finished» (письмо В. Эфтимие от 8.09.1958 г.). К работе над корпусом она совместно с М. Савватьяну-Петропулаку возвращается в 1960 году. В 1970 г. В. Грейс указывает, что «каталог и таблицы с фотографиями почти готовы, не хватает в основном только надписей на одностольных ручках, а также приложения с недавними находками. Также в процессе подготовки еще вводная часть и различные таблицы» [Grace, Savvatianou-Petropoulakou 1970, 364]. Степень готовности рукописи

¹ Часть из них относится к продукции других центров

² Все упомянутые ниже письма содержатся в архиве В. Грейс, опубликованному онлайн Американской школой классических исследований в Афинах [American School of Classical Studies at Athens, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 83, folder 627].

позволяет ей при публикации клейм с о. Делос в качестве аналогий указать номера своего корпуса [*ibid.* 1970, 364–365].

К сожалению, оба корпуса так и остались неопубликованными, хотя они хорошо известны в кругу специалистов. В частности, Ж. Финкельштейн [2004, 154, note 8], Г. Йоренс [Jöhrens 2009, 207], М. Лаваль [Lawall 2007, 54] и другие в своих публикациях приводят номера Corpus Kos (Koan corpus). Мы же, со своей стороны, указываем номера IosPE III со ссылкой на архив Института Археологии РАН.

В косский том свода IosPE III Б.Н. Гракова вошли 295 оттисков, собранные и описанные им, Е.М. Придилом и Е.М. Штаерман, часть из которых была взята из дореволюционных публикаций (преимущественно работ В.В. Шкорпила). Находки незначительного количества клейм позволили сделать вывод о недолгом периоде клеймения амфор и его спорадическом характере [Придик, Граков 1957, 4]. Коллекция была разделена на три подгруппы: магистратские клейма с предлогом ἐλί (5 экз., все имена греческие), оттиски с одним или двумя именами иногда в сокращениях (в Nom. или Gen. Sg.) или монограммами и анэпиграфные штампы. Б.Н. Граков отмечал во второй группе клейм небольшой процент имен иностранцев, рабов и женщин, что наряду с написанием части имен в именительном падеже позволяет видеть в них гончаров или владельцев мастерских. Он также упоминал «двойные фирмы», видя в них или имена магистратов без эпонимного предлога и гончаров или двух мастеров [Придик, Граков 1957, 7–8]. Исследователь отмечал редкость эмблем, представляющих по большей части божественные атрибуты, и однообразие палеографии, которая позволила ему датировать период клеймения с середины (конца) III по начало I в. до н. э. [Придик, Граков 1957, 8].

В середине 50 – начале 70-х годов XX в. над составлением каталога косских клейм работали В. Грейс и М. Савватьяну-Петропулаку. Предполагалось, что эта работа станет вторым томом амфорных клейм, опубликованным Американской школой в Афинах [Grace 1959, 472, note 2]³. Эта работа в варианте от 12. 12. 1961 года включает в свой состав 751 штамп; имена расположены в алфавитном порядке. Корпус содержит клейма, известные по публикациям, происходящие из музейных собраний и раскопок в Александрии, на Афинской агоре, на о. Родос, о. Кос (количество косских клейм см. [Grace 1959, 474]), о. Делос, о. Самос, в Северном Причерноморье (данные из каталога Б.Н. Гракова), в Самарии, в Антиохии, Навкратисе и др. Некоторые штампы сопровождаются небольшим комментарием с указанием датировки, места находки, публикации и инвентарного номера. Также был составлен алфавитный список из 266 имен [American School of Classical Studies at Athens, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 83, folder 637].

Упомянем также косские клейма, опубликованные в составе коллекций клейменного материала из Тире [Штаерман 1951, 38–40, рис. 5; Матеевич, Самойлова 2023, 103–104, № 1–9], Истрии [Canarache 1957, 276–281, № 712–722], Елизаветовского поселения [Брашинский 1980, № 777, 778], Танаиса [Шелов 1975, 131–134, № 543–556; 1993, 36, № 248–252], Пергама [Börker, Burrow 1998, 112–115, № 507–531], южного Леванта [Finkielsztejn 2004, 153–164], Эфеса [Lawall 2007, 54–55], Милета [Jöhrens 2009, 217–219, № 33–41; 2014, 186–189,

³ Первый том был посвящен амфорным клеймам Фасоса [Bon, Bon 1957]

№ 54–70, 157, 206], Китя [Молев 2010, 314, № 1–3], Горгииппии [Кац 2015, № 579 (1)–586 (8)], Полянки [Федосеев 2017, 174–175, № 367–374], Кара-Тобе [Внуков, Ефремов 2017, 91–94, № 180–185] и других памятников.

Особо выделим публикацию Х. Канции, в которой были приведены результаты раскопок свалки бракованной продукции мастерской первой половины IV в. до н. э., обнаруженной на северо-востоке о. Кос [Καντζία 1994, 323–354]. В окрестностях мастерской было найдено 244 клейма, которые были разделены на девять типов: 1. с сокращением Ἀρχ(---), 2. клейма, близкие монетному типу (краб/краб, палица и этникон), 3. оттиски, содержащие только этникон в форме Κόιος, 4. изображение головы Геракла с буквами Ξ и Α, 5. клейма с легендой Ξαν(τίλου), 6. анэпиграфное в виде решетки (?), 7, 8 анэпиграфные клейма (оттиски гемм), 9. монограмма [Καντζία 1994, 342–350, πίν. 257–260].

Отдельно следует сказать о т.н. «группе Никандра» (Nikandros Group⁴), группе клейм, оттиснутых на одностовольных ручках амфор с грибовидными венцами, которые В. Грейс по морфологии и сходным штампам с тождественными именами предположительно отнесла к продукции о. Кос [Grace, Savvatianou-Petropoulakou 1970, 366]. Амфоры этой группы были датированы периодом со второй четверти III в. до н. э. по середину II в. до н. э. [ibid., 366]. Их косская принадлежность была принята некоторыми исследователями [Empereur, Hesnard 1987, 14; Монахов 2014, 201–202, 210; Внуков, Ефремов 2017, 92]. Позднее В. Гасснер опубликовала коллекцию таких клейм из Эфеса и предположила их местное производство [Gassner 1997, 107], что было поддержано впоследствии М. Лавалем [Lawall 2004, 177; 2005, 32; 2007, 48], предложившим датировку в пределах конца III – II в. до н. э. (монограммы) и конца II – I в. до н. э. (имена) [Lawall 2007, 49–53], Ж. Финкельштейном [Finkielsztejn 2004, 153], Г. Йоренсом [Jöhrens 2014, 177] и Г. Джанкардеш-Шенон, составившей список из 57 имен и относящей оттиски «региона Эфеса» ко второй четверти – концу II в. до н. э. [Cancardec-Senol 2010, 125–139]. Находки клейм этой группы в Северном Причерноморье единичны, в связи с чем вопрос о месте их изготовления и датировке останется за рамками данной работы.

Нейтронно-активационный анализ (НАА) клейменных амфорных ручек из раскопок в Милете привел к выделению новой группы Ulo5 (unlokalisiertes Muster 5), которая была определена Г. Йоренсом как группа керамики, произведенная предположительно, в Иониаполисе⁵ [Mommesen, von Haugwitz, Jöhrens 2010, 50; Jöhrens 2014, 179, 186]. Для нас группа Ulo5 представляет интерес, так как в нее попали отдельные клейма на двустовольных ручках [Jöhrens 2009, kat. № 17, 21, 24, 26, 28, 31, 32, 37–39, 40]. Причем, некоторые из них совпадают со штемпелями, отпечатанными на одностовольных ручках этой же группы. Часть двустовольных ручек с клеймами [Jöhrens 2009, kat. № 33, 34, 36] были отнесены к группе RHc1, чье происхождение связывают с Леросом, Калимносом или Косом [Mommesen, von Haugwitz, Jöhrens 2010, 49–50]. Несмотря на значительные различия в элементном составе глин [Mommesen, von Haugwitz, Jöhrens 2010, 49], визуально отличить двустовольные клейменные ручки одной группы от другой проблематично.

⁴ Термин введен В. Грейс на основании целой амфоры, на ручке которой было отпечатано клеймо с именем Никандра [Grace, Savvatianou-Petropoulakou 1970, 365]

⁵ Изначально Г. Йоренс предполагал их милетское происхождение [Jöhrens 2009, 208–217]

Так, сам Г. Йоренс затрудняется в локализации части двустольных ручек, определяя их как «Kos (oder Milesia)» [Jöhrens 2014, kat. 54–70, 157, 206].

Основные итоги многолетних исследований косских амфор были подведены С.Ю. Монаховым в 2014 г. Он выделяет пять типов амфор, охватывающих период с начала IV по I в. до н. э. и имеющих «тонкую глину с примесью слюды и плотный ангоб» [Монахов 2014, 214].

Первый тип имеет грибовидный венец и дву- или одноствольные ручки [Монахов, 2014, 202–204, 208]; второй – представлен сосудами с валиковидным венчиком и горлом, отделенным от тулова уступом, с кубаревидной ножкой, с дву- или одноствольной ручкой [Монахов 2014, 208–210]. Характерно сосуществование морфологически разных типов в одно и то же время [Монахов 2014, 208; Georgopoulou, Hein, Grigoropoulos 2018, 71, fig. 5]. Третий тип – это пифоидные амфоры с валикообразным венчиком, валиковидной ножкой и одноствольными ручками, имеющими клейма т.н. группы Никандра [Монахов 2014, 210–213]. К четвертому типу была отнесена единичная амфора из Тире, имеющая «воротничковую профилировку» [Монахов 2014, 214]. Пятый тип – это амфоры второй половины III – I в. до н. э. с валикообразным венцом, овоидным туловом и двустольными ручками с резким переломом [Монахов 2014, 214].

Подводя итог, можно сказать, что на сегодняшний день к косской продукции относятся амфоры различной морфологии [Монахов, 2014; Georgopoulou, Hein, Grigoropoulos 2018], имеющие тонкозернистую розоватую глину с примесями слюды и плотным белым (иногда зеленоватым) ангобом. Это разнообразие объясняется как временной сменой типов, так и существованием мастерских в различных частях острова. Производство амфор на о. Кос засвидетельствовано с конца V/первой половины IV в. до н. э. до VII вв.н.э. [Georgopoulou, Hein, Grigoropoulos 2018, 68, 69; Κατζία 1994, 325; Монахов 2014, 203]. Однако их массовое изготовление и начало клеймения, вероятно, относятся к периоду после синойкизма в 366 г. до н. э. [Κατζία 1994, 325б 350]. По-видимому, наиболее ранние клейма были близки монетному типу [Finkielsztein 2004, 154, note 7] и представляли собой монограммы и анэпиграфные изображения (краб, пучок молний). Общее небольшое количество находок позволяет говорить о нерегулярном характере клеймения. Подсчеты процента клеймения на материалах из раскопок в Халасарне дают 10,1%, [Finkielsztein 2004, 154], на Делосе по находкам в доме, погибшем в 69 г. до н. э. – 5% [Empereur, Hesnard 1987, 22].

В настоящей статье будут рассмотрены все известные на сегодняшний день косские клейма, происходящие с сельских поселений Крымского Приазовья, исследование которых проводилось в 1980–2024 гг. Восточно-Крымской экспедицией Института Археологии РАН под рук. А. А. Масленникова⁶.

Амфорный материал поселения «Форт» отличается от коллекции с близлежащих памятников преобладанием амфор, характерных для слоев конца V – первой трети IV в. до н. э. (Хиос, Менда, Фасос, Гераклея). Центры импорта, пик продукции которых приходится на период с середины IV по первую треть III в. до н. э. (Синопа, Кос, Пепарет I)

⁶ Автор выражает благодарность А. А. Масленникову за возможность опубликовать этот материал, а также за ценные замечания при прочтении статьи и поддержке

на этом памятнике почти не представлены [Ломтадзе 2015, 44, табл. 12]. Эта особенность обусловлена временем существования поселения, жизнь на котором прекращается около середины IV в. до н. э. С него происходит всего один фрагмент косской амфорной ручки [Ломтадзе 2015, 44, табл. 12]. Таким образом, середину IV в. до н. э. можно считать точкой отсчета, с которой в данный регион начинает поступать косская продукция.

Фрагменты косских амфор (ручек⁷) были найдены на поселениях как связанных с большой центральной усадьбой «Генеральское-Западное», так и на небольших памятниках, располагающихся к востоку от нее [Ломтадзе 2015, 39, 41, 46, 47, 52, 54]: Генеральское-Западное (860 (550) экз., 2% от общего числа найденных амфор), Юго-западный склон (378 (286) экз., 3%), Пустынный берег I (16 (8) экз., 6%), Пустынный берег II (35 (26) экз., 3%), Пустынный берег III (23 (15) экз., 3%), Салачик (12 (10) экз., 2%), Бакланья скала (59 (22) экз., 3%), Чокракский мыс (55 (27) экз., 2%). В целом, поступление косской продукции невелико и составляет 2–3% от общего импорта товаров в амфорах.

Г. А. Ломтадзе отмечает возрастание косского и синопского импорта на отдаленных поселениях. В случае с косской продукцией исследователь связывает это с невысоким качеством вина, потребляемого преимущественно зависимыми категориями населения [Ломтадзе 2015, 60, 62, табл. XXIV].

Несмотря на различия в размерах и статусе перечисленных памятников время их возникновения и гибели близко. В первой четверти IV в. до н. э. появляются поселения «Генеральское-Западное» и «Пустынный берег III». Во второй четверти возникает усадьба «Чокракский мыс», а около середины столетия – «Юго-западный склон», усадьба «Пустынный берег I», винодельческий комплекс «Пустынный берег II» и «Салачик». Жизнь на сельской усадьбе «Бакланья скала» начинается в последней четверти IV в. до н. э. [Масленников 1998, 59; Ломтадзе 2004, 33; Федосеев 2004, 371; Ковальчук, Масленников 2024, 5, 6, 10].

Прекращение жизни на памятниках определяется обычно около конца первой трети III в. до н. э. [Масленников 1998, 88; Масленников 2010, 8; Ломтадзе 2000, 99; Федосеев 2004, 371; Ковальчук, Масленников 2024, 10]. Однако на отдельных поселениях, таких как «Генеральское-Западное», «Пустынный берег III», комплексе А усадьбы «Бакланья скала» присутствует небольшое число находок более позднего времени, вплоть до 30-х годов III в. до н. э. [Масленников 2010; Ковальчук 2024, 41, 50; Федосеев 2004, 371]. На «Чокракском мысу» и «Салачике» жизнь и впоследствии продолжилась – здесь присутствуют слои римского времени.

Коллекция косских клейм с вышеперечисленных поселений насчитывает 17 экземпляров (12 штампов): «Генеральское-Западное» (12 экз., кат. № 1–12), «Бакланья скала» (2 экз., кат. № 13, 14), «Пустынный берег II» (2 экз., кат. № 15, 16), «Пустынный берег III» (1 экз., кат. № 17). Все они отпечатаны на двустольных ручках, имеющих плавный изгиб. Глина различается по цвету. В большинстве случаев в глиняном тесте присутствует слюда, на поверхности виден плотный белый ангоб. С учетом общего количества найденных косских ручек можно подсчитать коэффициент клеймения, он сильно отличается и составляет 0,02 для «Генеральского-Западного», 0,09 для «Бакланьей скалы», 0,06 для «Пустынного берега II», 0,07 для «Пустынного берега III». Ввиду небольшого общего числа находок, наиболее реалистичными следует считать данные с поселения

⁷ Ниже указано общее число профильных частей амфор, в скобках – количество ручек.

«Генеральское-Западное». Интересно, что коэффициент клеймения синопских амфор, подсчитанный на материалах поселения «Бакланья скала», равняется 0,9 [Федосеев 1998, 256].

Большинство клейм коллекции представляют собой сокращения имен до одной – четырех букв, выполненные в прямом написании; в одном клейме присутствует эмблема палица (кат. № 5), есть монограммные оттиски (кат. № 8, 15). Исключение составляют два штампа (кат. № 6, 10) с поселения «Генеральское-Западное», где имена вырезаны полностью с сохранением падежного окончания Nom. Sg. Восстановление большинства имен в виду их сильного сокращения проблематично. Имена Деметрия и Гекатея известны, имя Тимид является новым.

На поселениях «Пустынный берег I» (всего было найдено три клейма), «Салачик» (всего 35 клейм) и «Чокракский мыс» (36 клейм) косские клейма отсутствовали, что может быть объяснено небольшими размерами памятников и в целом незначительной коллекцией клейменного материала. Число обнаруженных на них фрагментов косских амфор также невелико.

Однако удивителен факт отсутствия клейм Коса на большом поселении «Юго-западный склон». Отличие от соседнего, «Генеральское-Западное» заключается в том, что жизнь на памятнике прекращается несколько ранее. Среди его амфорных находок практически полностью отсутствуют фрагменты Родоса (всего 18 профильных фрагментов, а клейм нет вовсе), нет и косских клейм, хотя обломки амфор Коса представлены в достаточном количестве (378 экз.). Немногочисленны фрагменты Книдской тары (10 экз., четыре клейма, из них «с носом корабля» и монограммные) и Херсонеса (16 экз., одно клеймо 315–300 гг. до н. э.). Синопские клейма принадлежат преимущественно к группам II и III; лишь небольшое число датируется первыми астиномами группы IV. Интересную картину дают фасосские оттиски: самые ранние относятся к периоду II, пик импорта приходится на период III (337–325 гг. до н. э.), вслед за которым импорт начинается снижаться. К периоду V (303–293 гг. до н. э.) относятся два клейма, а к VI-му (292–274 гг. до н. э.) – только один штамп.

Создается впечатление, что общее число находок первой трети III в. до н. э. невелико, поселение переживает свой расцвет в 340–325 гг. до н. э. Возможно, время после этой даты следует считать периодом появления клейменных косских амфор в данном регионе. Интересно, что на поселении Костадин Чешма, жизнь на котором предположительно прекращается в 339 г. до н. э. [Tzocher 2024, 101] было найдено всего два клейма косского производства, одно анэпиграфное, второе – в виде монограммы (?) [Balabanov, Garlan, Avram 2016, 45, fig. 18a, b]

На смену неукрепленным сельским поселениям в Крымском Приазовье приходят памятники «нового типа» – укрепленные городища, расположенные преимущественно в прибрежной мысовой части побережья [Масленников 1998, 89; Ковальчук 2020, 225–226]. Сравнение коллекций амфорных клейм с этих поселений свидетельствует о том, что их появление на Караларском побережье, возможно, было не совсем единовременным актом, а представляло собой процесс длительностью примерно с 285 по 250 гг. до н. э. Сначала появляется поселение «Крутой берег», затем, через непродолжительное время начинается жизнь на эллинистическом поселении «Полянка I» [Масленников 1998, 128; Ковальчук 2020,

226; Федосеев 2017, 175]. А около середины III в. до н. э. берёт начало регулярный импорт на городище «Золотое-Восточное» (Сююрташ) [Масленников 2020, 79; Ковальчук 2020, 226].

Самые поздние находки с поселений «Сююрташ» (Золотое-Восточное) и «Крутой берег» относятся к середине II в. до н. э. О времени прекращения жизни на эллинистическом поселении «Полянка I» судить сложно. Возникшее на его месте более позднее городище по данным нумизматики и керамическому материалу было оставлено обитателями около 14–9 гг. до н. э. [Масленников 1998, 133; 2024, 19]. Жизнь на памятнике на мысе Зюк (Зенонов Херсонес) продолжалась с рубежа конца VI–V вв. до н. э. до VI в. н. э. [Масленников 1998, 33].

Коллекция косских клейм с этих памятников насчитывает 15 экземпляров: «Крутой берег» (1 экз., кат. № 19), Сююрташ (1 экз., кат. № 18), «Полянка» (12 экз., № 20–31)⁸, Зенонов Херсонес (2 экз., кат. № 32–33).

В нашем распоряжении, к сожалению, нет статистики по находкам косских ручек с этих поселений. Однако мы можем подсчитать соотношение косских клейм к общему числу найденных оттисков на памятниках. Цифры по поселениям в целом не очень сильно различаются: «Генеральское-Западное» – 0,45%, «Пустынный берег II» – 5,7%, «Пустынный берег III» – 0,4%, «Бакланья скала» – 1%⁹, «Крутой берег» – 0,37%, «Сююрташ» – 0,18%, «Полянка» – 2,49%, «мыс Зюк» – 0,73%. Эти отличия зависят как от времени и продолжительности существования памятников, так и, в случае с небольшими усадьбами (например, «Пустынный берег II», «Пустынный берег III»), может быть объяснено одномоментным завозом большой партии косского вина.

Легенды оттисков, происходящих с вышеперечисленных памятников, отличаются от предыдущей группы: имена вырезаны полностью с сохранением падежного окончания Gen. Sg. Часть оттисков имеет ретроградное написание (кат. № 18, 21, 26). В некоторых присутствуют эмблемы – цветок (*balastrium*), два дельфина, один штамп – анэпиграфный с изображением пальметты. Большинство клейм вырезаны в одну строку. Отметим также следующие палеографические особенности: появление альфы с ломаной горизонтальной гастой, большая небрежность в исполнении букв.

Отдельно следует сказать о штампе с именем эпонима Полита. Клейма (кат. № 19, 27) по глине, характеру легенды, форме ручки (одноствольная), а также наличию эпонимного предлога отличаются от остальных и близки родосским. При публикации материала из Пергама они попали в раздел неопределенных центров [Börker, Burow 1998, 67, № 594]. Б. Н. Граков поместил их в «родосский» том. У нас также имеются некоторые сомнения в их принадлежности к косской продукции; однако присутствие имени Полита (без эпонимного предлога) на двуствольных ручках [Придик, Граков 1957, № 216, 217] позволяют отнести их предположительно к косскому производству.

Итак, при сравнении коллекций, происходящих, условно говоря, с ранних и поздних сельских поселений Крымского Приазовья, видны принципиальные отличия в легендах косских клейм. Если в первом случае, имена даны в сокращениях до одной-четырех букв

⁸ У Н. Ф. Федосеева еще два клейма определены как косские [Федосеев 2017, 243, № 386, 387], они отпечатаны на одноствольных ручках, глина отличается от косской. В связи с чем они не вошли в настоящий каталог.

⁹ У Н. Ф. Федосеева это соотношение составляет 1,8% [Федосеев 1998, 254].

или монограммах, то с городищ второй группы происходят клейма, легенды которых содержат полные имена фабрикантов, вырезанные с сохранением падежных окончаний.

Эта смена происходит, по-видимому, где-то в период около 70-х годов III в. до н. э. Так, в частности, на усадьбе «Бакланья скала», жизнь на которой (за исключением комплекса А) прекращается в 270-е гг. до н. э. [Федосеев 1999, 256], есть только клейма с сокращением до двух букв.

Еще одним подтверждением этой даты служит сравнение коллекций косских клейм с «Елизаветовского поселения» и из Танаиса. По опубликованным данным, с первого памятника происходят два клейма с легендой Φ и ΜΗ¹⁰; коллекция Танаиса включает в свой состав исключительно клейма с полным написанием имен [Шелов 1975, 131–134, № 543–556; 1993, 36, № 248–252]¹¹. Косвенно этот вывод подтверждается также находкой косского клейма с легендой Ζωφόρου в лагере у Корони [Vanderpool, McCredie, Steinberg 1962, 48, № 82, pl. 18].

КАТАЛОГ

Сокращения

ВКИКМЗ Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник

КП Книга Поступлений

ККК Керчь. Клейменная керамика

НВФ Научно-вспомогательный фонд

Поселение «Генеральское-Западное»

Δ(--)

1-3

Δ(--)

Шифр	1. 1986 г., раскоп Восточный, кв. О2, шт. 9, оп. № 256 (ВКИКМЗ, КП-125644; ККК-15763); 2. 1986 г., раскоп Восточный, кв. Н1, шт. 6, оп. № 261 (ВКИКМЗ, КП-125645; ККК-15764); 3. 1988 г., вал, оп. № 337 (ВКИКМЗ, КП-125921; ККК-16040)
Аналогии	Коан Corpus № 131 (Александрия)
Прмечания	в квадратной рамке, 1- горелое

¹⁰ Клеймо ΜΗ оттиснуто на двустольной ручке, но является энглифическим, его принадлежность к Косу вызывает сомнения.

¹¹ См. датировку Г. Йоренса возникновения Танаиса в районе 260 г. до н. э., сделанную на основе анализа амфорных клейм Родоса и Синопы [Jöhrens, 2005, 96–98, 101].

Δα(--)

4

Δα(--)

Шифр

1993 г., ров, шт. 8, оп. № 113 (ВКИКМЗ, КП-130746; КKK-16919)

Аналогии

IosPE III № 50 (Пантикапей 1906-1907 г.);

Koan Corpus № 134 (Кос, Александрия, Пантикапей).

Примечание

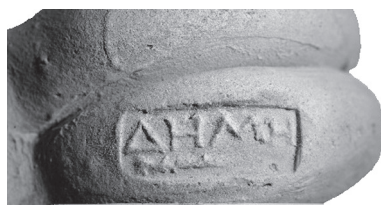
Это близкие, но другие штампы, у Гракова буквы более вытянуты по вертикали, у Грейс очень широкая альфа с низкой перекладиной на поле клейма следы красной краски

Δημή(τριος)

5

Δημή(τριος)

палица←, неясный знак

Шифр

1985 г., раскоп Восточный, кв. И6, шт. 8, оп. № 89 (ВКИКМЗ, КП-125454; КKK-15573)

Аналогии

Koan Cos № 155 (Александрия, Навкратис);

IosPE III № 61-62 (Херсонес, Пантикапей 1906-1907 г.), у Гракова другой штамп, надпись ретроградная

Ἑκαταίος

6

[Ἑκ]ατα[ίος] ←

Шифр

1988 г., кв. 3-2, шт. 3, оп. № 338 (ВКИКМЗ, КП-125922; КKK-16041)

Аналогии

IosPE III № 91 (Пантикапей 1929 г.), штамп неясен (без фото);

Koan Cos № 245 (Делос, Александрия, Пантикапей). В. Грейс читает штамп № 245 как Ἑκαταί(ος) (retr.), однако, судя по изображению букв, этот штамп отличается более небрежным начертанием букв

Примечание

надпись ретроградная

Ἰέρων?

7

Ἡιέρ(ρων)?

Шифр

1986 г., раскоп Западный, кв. А7, шт. 3, оп. № 225 (ВКИКМЗ, КП-126287; КKK-16406)

Аналогии

новый штамп

Ἰμᾶς

8

Ἰμᾶ lig.

Шифр

1987 г., раскоп Западный, кв. ПЗ, шт. 5, оп. № 212 (ВКИКМЗ, КП-125707; КKK-15826)

Аналогии

IosPE III № 130-134 (Пантикапей);
Koan Cos № 738 (Афины, Пантикапей), клеймо из Афин отпечатано на одноствольной ручке

Прмечание

монограмма, буквы в лигатуре

Πο(--)

9

Πο(--)

Шифр

1985 г., раскоп Восточный, кв. Г5, шт. 6, оп. № 262 (ВКИКМЗ, КП-125538; КKK-15657)

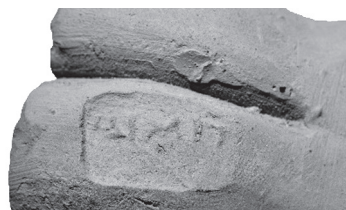
Аналогии

Jöhrens 2009, 219, № 40. По результатам NAA – это группа Ulo5 [Mommensen, von Haugwitz, Jöhrens 2010, 53]

Τιμίδης

10

Τιμίδης←
[ς]?

Шифр

1986 г., раскоп Восточный, кв. Н1, шт. 6, оп. № 262 (ВКИКМЗ, КП-125646; КKK-15765)

Аналогии

новый штамп

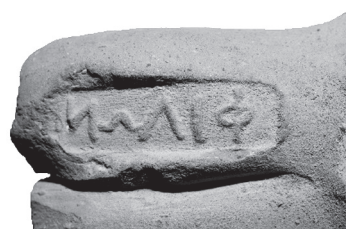
Примечание

надпись ретроградная

Φίλων

11

Φίλων←

Шифр

1986 г., раскоп Западный, пом. 15, шт. 13, оп. № 263 (ВКИКМЗ, КП-125647; КKK-15766)

Аналогии

IosPE III № 270 (Херсонес);
Koan Cos № 694 (Кос, Кипр, Александрия, Панорм, Херсонес)

Примечание

надпись ретроградная

Не восстановлено

12

[]

Шифр

1983 г., раскоп Восточный, пом. 3, оп. № 153 (ВКИКМЗ, НВФ)

Примечание

в фондах музея не найдено, в описи легенда не прописана

Поселение «Бакланья скала»

Δη(μήτριος)

13

Δη(---)

Шифр	1997 г., яма золн. шт 3 оп. № 101 (ВКИКМЗ, КП-143093)
Аналогии	новый штамп Koan Corpus № 146B (Koc) – близкий штамп, отпечатанный ретроградно Также ретроградный штамп известен с Елизаветовского поселения [Федосеев 1998, 255, сноска 2]
Публикация	Федосеев 2004, 376, № 17; Федосеев 1998, 255, 262, № 12

Δε(--)

14

Δε(---)

Шифр	1997 г., кв 1-4 шт. 2 оп. № 102 (ВКИКМЗ, КП-143094)
Аналогии	новый штамп
Публикация	Федосеев 1998, 255, 262, № 13; Федосеев 2004, 376, № 18

Поселение «Пустынный берег II»

Ἰμᾶς

15

Ἰμᾶ lig.

Шифр	2001 г., оп. № 166 (ВКИКМЗ, НВФ)
Аналогии	один штамп с кат. № 8 IosPE III № 130-134 (Пантикапей); Koan Cos № 738 (Афины, Пантикапей), клеймо из Афин отпечатано на одноствольной ручке
Примечание	монограмма, буквы в лигатуре; в фондах музея не найдено, восстановлено по данным полевой описи (прорисовка А. А. Масленникова)

(--)ος

16

[ι]ος или [ι]vos

Шифр	2002 г., шурф 1, шт. 4, оп. № 212 (ВКИКМЗ, НВФ)
Примечание	в фондах музея не найдено, восстановлено по данным полевой описи (прорисовка А. А. Масленникова)

Поселение «Пустынный берег III»

Δ(--)

17

Δ

Шифр 2004 г., сектор II, слой 1, оп. № 37 (ВКИКМЗ, КП-159612; КKK-21885)
 Аналогии один штамп с кат. № 1-2
 Koan Corpus № 131 (Александрия)

Поселение «Сююрташ»

Αδαῖος

18

Αδαίου←

Шифр 2019 г., кв 82-85 сл 1 оп. № 2 (ВКИКМЗ, КП-196915)
 Аналогии новый штамп;
 Koan Corpus № 7-9 (Афины, Александрия, Делос, Ольвия) – другие штампы
 Примечание надпись ретроградная

Поселение «Крутой берег»

Πολίτος

19

ἐπὶ Πο[λ]ίτου

Шифр 1987 г., Восточный раскоп кв. Д 5 шт. 1 гумус оп. № 441 (ВКИКМЗ, КП-126065; КKK-16184)
 Датировка 220-180 гг. до н. э.
 Аналогии Придик 1917, 16, № 326 (Родос); Федосеев 2017, 240, № 372; Börker, Burow 1998, 68, № 594

Примечание одностовальная ручка, по форме и глине близка к родосской продукции. Отнесена к Косу, так как клеймо с именем Полита известно на двустовальных ручках

Поселение «Полянка»

Ἀδαῖος

20 Ἀδαίου цветок

Шифр 2010 г., р-п Основной, слой 3, шт. 1, оп. № 44 (ВКИКМЗ, КП-177337; КKK-25117)

Аналогии IosPE III № 18-21;
http://amphoralex.org/ штамп CO-ΑΔΑΙΟΣ-006 (EAD 27, P. 364);
Koan Corpus № 10A

Публикация Ковальчук, Болонкина 2023, 260, № 39

Ἀντίοχος

21 Ἀντίοχου←

Шифр 2017 г., р-п Верхняя терраса, кв. 159, сл. I, оп. № 57 (ВКИКМЗ, КП-191666)

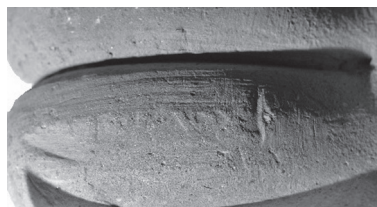
Аналогии Koan Corpus № 47 (Александрия)

Публикация Федосеев, 2017, 239, № 368, у Федосеева неверное чтение Δαίόκου

Прмечание надпись ретроградная

Ἀντίφιλος

22 [Ἀντ]ίφιλος

Шифр 2013 г., р-п Основной, пом. 60, шт. 5, оп. № 175 (ВКИКМЗ, КП-185085; КKK-26965)

Аналогии Коан Corpus № 53 (Афины, Парос, Александрия, неизв.), у Грейс указана эмблема краб, датировка II в. до н. э., другой штамп
 Публикация Федосеев, 2017, 240, 373. Федосеев читает [---]ΟΙΛΟΣ

Δάδας

23 [Δ]άδα

Шифр 2016 г., р-п Основной, пом. 79, сл. 4, оп. № 163 (ВКИКМЗ, КП-189971)
 Аналогии IosPE III № 56-57;
<http://amphoralex.org/> СО-ΔΑΔΑΣ-009;
 Коан Corpus № 137 (Грейс выделяет клейма 4 разных штампов)
 Публикация Федосеев, 2017, 239, № 367

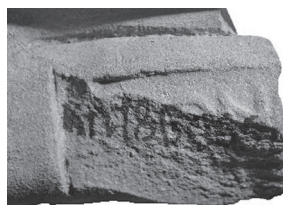
24 [Δ]άδ[α]

Шифр 2019 г., р-п Основной, кв. 182-183 сл. 4, оп. № 51 (ВКИКМЗ, НВФ)
 Аналогии IosPE III (Кос) № 56-57;
 Коан Corpus № 137 (Грейс выделяет клейма 4 разных штампов)
 Публикация Ковальчук, Болонкина 2023, 261, № 40

Δίωv

25 [Δίω]vo[ς]

Шифр 2014 г., р-п Основной, кв. 121, Пом. 64, шт. 1, оп. № 70 (ВКИКМЗ, КП-186955; КKK-27275)
 Аналогии Коан Corpus № 226 (Афины, Делос, Александрия, Нессана)
 Публикация Федосеев 2017, 240, № 369, у Федосеева ошибка в ударении, восстановлена лунарная сигма

Ἑρμῶν

26

[Ἑρ]μῶνος ←
два дельфина

Шифр

2015 г., р-п Основной, кв. 136, слой 7 (к югу от вымостки), оп. № 163
(ВКИКМЗ, КП-187965; КKK-27390)

Аналогии

Придик 1917, 111, № 227 (раздел неизвестных центров, Придик отмечает сходство глины с родосской);
IosPE III (Кос) № 101-102 (Херсонес);
Штаерман 1951, 39-40, рис. 5, № 109 (Тира);
Коан Corpus № 275 (Тира, Херсонес, Ясос)

Публикация

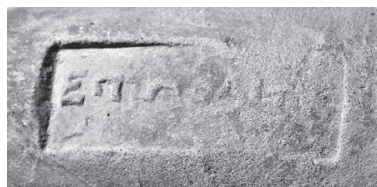
Федосеев 2017, 240, № 370

Примечание

надпись ретроградная

Πολίτος

27

ἐπὶ Πολίτο-
υ

Шифр

2010 г., р-п Основной, Кв. 79, прокоп между стенами 126, 127, шт. 5, оп. № 35
(ВКИКМЗ, КП-177330; КKK-25110)

Датировка

220-180 гг. до н. э.

Аналогии

Börker, Burow 1998, 68, № 594 (Пергам);
IosPE (Кос) № 3658, Граков отнес к Родосу; по венчику и глине ручка (одноствольная) родосская

Публикация

Федосеев 2017, 240, № 372

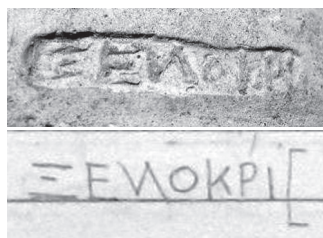
Примечание

Граков, Беркер, Буrow отнесли к Родосу, основываясь на близости глины, одноствольная ручка

Ξενοκρίτος

28

Ξενοκρί(τος)

Шифр	1984 г., оп. № 168 (ВКИКМЗ, КП-125446; КKK-15565)
Аналогии	IosPE III (Кос) № 174-184 (Тира); Штаерман 1951, 38, табл. 5, № 38 (Тира); Börker, Bugrow 1998, 114, № 525 (Пергам)
Публикация	Федосеев 2017, 240, № 371, неверное ударение на третий слог
Примечание	N ретроградная. В фондах музея клеймо не найдено, фотография – из публикации Федосеева [Федосеев 2017, 240, № 371], ниже прорисовка из полевой описи (сделана А. А. Масленниковым)
Σάτυρος	
	29 [Σά]τυρ[ος] (?)
	
Шифр	2016 г., р-п Основной, Кв. 147, сл. 5, оп. № 166 (ВКИКМЗ, КП-189974; КKK-3497)
Аналогии	IosPE III № 231 (Херсонес)
Публикация	Федосеев 2017, 242, № 384, восстановление легенды [---]ΠΥΡΙ[---]
Примечание	у Федосеева ручка отнесена к категории лагиносов, однако ее форма и размеры не вызывают сомнений в принадлежности косской амфоре; реконструкция легенды предположительная
Анэпиграфное	
	30 анэпиграфное, пучок молний
	
Шифр	2013 г., р-п Основной, кв. 112-113, сл. IX, оп. № 179 (ВКИКМЗ, КП-185088; КKK-26968)
Аналогии	IosPE III (Кос) № 293-294 (Ольвия, Пантикапей), Граков определяет изображение как пальметту; Коан Corpus № 730 (Кос, Афины, Пантикапей)
Публикация	Федосеев 2017, 240, № 375
Примечание	Федосеев относит клеймо к мерным сосудам. Отметим, что оно отпечатано на одноствольной амфорной ручке. Причины отнесения к мерным сосудам неясны.

31 палица, краб

Шифр 2013 г., р-п Основной, пом. 60, шт. 4, № 176 (ВКИКМЗ, КП-185086; КKK-26966)
 Аналогии Koan Corpus № 715A (Кос, Александрия), из Александрии на одноствольной ручке
 Публикация Федосеев 2017, 240, № 374, Федосеев определяет как Кос.
 Примечание одноствольная ручка, есть сомнения в принадлежности Косу. Судя по глине, ангобу, морфологии ручки - это Родос.

Поселение «мыс Зюк»

Δάδα

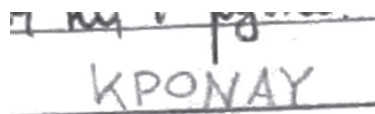
32 Δάδα

Шифр 1979 г., раскоп Берег, кв. 15, шт. 9, оп. 66 (ВКИКМЗ, КП-45302; КП-10800)
 Аналогии Koan Corpus № 137 (Грейс выделяет клейма 4 разных штампов)

Κρόνος?

33 Κρόνου

Шифр 1984 г., раскоп Пригород, кв. Б, шт. 2, оп. 268 (ВКИКМЗ, НВФ)
 Примечание В описи стоит: фрагмент горла с двуствольными ручками, красноглиняная амфора (светлый ангоб), с клеймом на одной ручке Κρόνου. Кос?
 Прорисовка А. А. Масленникова.
 Клеймо в фондах Керченского музея найти не удалось. Имя предположительно восстанавливается как Κρόνος, в LGPN оно известно в Карии (Ясос).

Список литературы

- Брашинский И. Б. 1980. Греческий керамический импорт на нижнем Дону. Л., 268.
- Внуков С. Ю. 2000. Псевдокосские амфоры Причерноморья // РА. 4. 54–63.
- Внуков С. Ю., Ефремов Н. В. Керамические клейма из раскопок городища Кара-Тобе в Северо-западном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Сб. научных трудов. Симферополь, 19–120.
- Гайдукевич В. Ф. 1934. Строительные керамические материалы Боспора (боспорские черепицы) // ИГАИМК. 104. 211–315.
- Граков Б. Н. 1929. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 223.
- Кац В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и ее хора. Семибратнее городище. Саратов, 180.
- Ковальчук А. В. 2012. Керамические строительные материалы, происходящие с сельских поселений Восточного Крыма (IV – начало III в. до н. э.) // ДБ. Suppl. III/2, 19–59.
- Ковальчук А. В. 2020. О времени возникновения поселений «нового типа» в Крымском Приазовье (по данным керамической эпиграфики) // ДБ. 25, 220–228.
- Ковальчук А. В., Болонкина Е. В. Керамические клейма с поселения «Полянка» (2012, 2018–2022 гг.) // ДБ. 28, 248–263.
- Ковальчук А. В. 2024. Родосские клейма с поселения «Генеральское-западное» // Stratum plus. 6, 41–52.
- Ковальчук А. В., Масленников А. А. 2024. Керамические клейма и хронология поселения «Пустынный берег III» в Крымском Приазовье // ПИФК. 4, 5–25.
- Ломтадзе Г. А. 2015. Керамическая тара из раскопок поселений IV – первой трети III в. до н. э. «царской хоры» Европейского Боспора (ДБ. Suppl. III/3), 208.
- Масленников А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 304.
- Масленников А. А. 2010. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. ДБ. Suppl. III, 1. 244.
- Масленников А. А. 2020. Хора Боспора в III–II вв. до н. э. // РА. 1, 76–89.
- Масленников А. А. 2024. Боспорская деревня постмитридатовской эпохи. Домостроительная практика и исторические реконструкции поселения Полянка в Крымском Приазовье (Археометрия Причерноморья. 10). СПб, 148.
- Матеевичи Н., Самойлова Т. Л. 2017. Амфорные клейма Тиры (раскопки 1998–2008 гг.). Киев, 234.
- Молев Е. А. 2010. Боспорский город Китей (БИ. Suppl. 6). Симферополь–Керчь, 316.
- Монахов С. Ю. 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 3, 195–222.
- Прудик Е. М. 1917. Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Петроград, 191.

- Федосеев Н. Ф. 1998. Керамические клейма из раскопок поселения «Бакланья Скала» в Восточном Крыму // ДБ. 1, 253–270.
- Федосеев Н. Ф. 2004. О керамических клеймах, «сравнительных объемах импорта» и поселении «Бакланья скала» // ДБ. 7, 366–403.
- Федосеев Н. Ф. 2017. Керамические клейма поселения «Полянка» в восточном Крыму // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований. Сб. научных трудов. Симферополь, 169–250.
- Шелов Д. Б. 1975. Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н. э. М., 168.
- Шелов Д. Б. 1993. Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Танаиса // Вестник Танаиса. 1. Ростов-на-Дону, 9–41.
- Шкорпил В. В. 1902. Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. (с 42 снимками) // ИИАК. 3, 122–165.
- Шкорпил В. В. 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. (с 39 рис.) // ИАК. 17, 1–76.
- Штаерман Е. М. 1951. Керамические клейма из Тиры // КСИИМК. 36, 31–49.
- Balabanov P., Garlan Y., Avram A., 2016: Les timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchetchma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IVe siècle av.J.-C.) (Pontica. XLVIII–XLIX. Suppl. IV). Constanța, 199.
- Börker Ch., Buraw J. 1998. Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon // Pergamenische Forschungen. Bd. 11. Berlin–New York, 159.
- Bon A.-M., Bon A., Grace V. 1957. Les timbres amphoriques de Thasos (Études thasiennes. 4). Paris, 542.
- Canarache V. 1957. Importul amforelor stampilate la Istria. București, 446.
- Cancardeş-Şenol G. 2010. Nikandros group: matrix studies on the amphora stamps of the group // Olba. XVIII. Mersin, 126–137.
- Empereur J.-Y., Hesnard A. 1987. Les amphores hellénistiques // Céramiques hellénistiques et romaines. 2. Paris, 9–72.
- Gassner V. 1997. Das Südtor der Terragonos-Agora. Keramik und Kleinfunde. Forschungen in Ephesos. Bd. XIII. 1.1. Wien, 269.
- Grace 1934. The stamped amphora handles found in the American excavations in the Athenian Agora 1931–1932. A catalogue treated as a Chronological Study // Hesperia. 3, 197–310.
- Grace V. 1959. Grant No. 2272 (1957), \$600. Ancient wine jars or commercial amphoras // Year Book of The American Philosophical Society. Philadelphia, 472–477.
- Grace V., Savvatiannou-Petropoulakou M. 1970. Les timbres amphoriques grecs // Exploration archeol. de Delos. 27. Paris, 277–382.
- Georgopoulou V., Hein A., Grigoropoulos D. 2018. Minding and Filling the Gaps. Exploring the Production, Technology and Trade of Koan Amphorae During the Hellenistic and Roman Periods // Skyllis. 18/1, 67–78.
- Jöhrens G. 2005. Der Pergamon-Komplex, die rhodische Stempelchronologie und das Gründungsdatum von Tanais // J. Fornasier (hrs.), Kolonisation-Interaktion-Integration. Zur

- Genese antiker Gemeinwesen am Pontos Euxinos am Beispiel der Handelstadt Tanais am Dom. (*Eurasia Antiqua*. 11). Mainz, 87–102.
- Jöhrens G. 2009. Funde aus Milet XXVII. Amphorenstempel aus den Grabungen in Milet 1899–2007 // *AA*. 1, 205–235.
- Jöhrens G. 2014. Funde aus Milet XXIX. Amphorenstempel aus den Grabungen in Milet 1899–2007, 2. Teil // *AA*. 2, 177–219.
- Καντζια Χ. 1994. Ένα κεραμικό ἐργαστήριο ἀμφορέων τοῦ πρώτου μισοῦ τοῦ 4ου αἰ. π. Χ. στὴν Κῶ // Γ ἐπιστημονικὴ συνάντηση γιὰ τὴν ἐλληνιστικὴ κεραμική. Χρονολογημένα σύνολα – ἐργαστήρια 24–27 Σεπτεμβρίου 1991 Θεσσαλονίκη. Athen, 323–354
- Lawall M. 2007. Hellenistic stamped amphora handles // *Die Basilika am Staatsmarkt in Ephesos (Forschungen in Ephesos. Bd. IX, 2. 3)*. Wien, 28–57.
- Maiuri A. 1925. Nuova silloge epigrafica di Rodi e Cos. Firenze, 272.
- Mommsen H., von Haugwitz M., Jöhrens G. 2010. Herkunftsbestimmung von Amphoren mit gestempelten Henkeln aus den Grabungen von Milet durch Neutronenaktivierungsanalyse // *AA*. 2, 47–60.
- Tzocher Ch. 2024. Anchoring the chronology of amphora stamps from Herakleia Pontica // *Athens University Review of Archaeology*, 99–104.
- Vanderpool E., McCredie J.R., Steinberg A. 1962. Koroni: a Ptolemaic camp on the east coast of Attica // *Hesperia*. 32, 26–61.

Архивные и онлайн материалы

- Придик Е. М., Граков Б. Н. 1957. Корпус керамических клейм Северного Причерноморья (*Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae III (IosPE III)*). Научный Архив ИА РАН. Р-2 № 2175 (Кос).
- Κεραμικές κλειμα Северного Причерноморья. URL: <http://stampsofbosphorus.ru>
- American School of Classical Studies at Athens, Archives, Virginia R. Grace Papers, Box 83, folders 627, 637. URL: <https://www.ascsa.edu.gr/index.php/archives/virginia-grace-finding-aid>
- Centre Alexandrin d'Étude des Amphores. Corpus des matrices des timbres des éponymes et fabricants rhodiens. URL: <http://amphoralex.org/>
- The Lexicon of Greek Personal Names (LGPN). URL: <https://www.lgpn.ox.ac.uk/>

Summary

A.V. Kovalchuk

Koan stamps from rural settlements of the Crimean Azov region

An analysis of the collections of amphora stamps from rural settlements in the Crimean Azov region, dating from the 4th to the 1st centuries BCE, indicates that the import of Kos products into this region began in the mid-4th century BCE. The first stamped amphorae appear in the area during the last quarter of this century.

A comparative study of stamp found at the sites dating to the mid-4th – early (mid) 3rd century BCE and from fortified settlements established around 280–250 BCE reveals a typological evolution in the legend of the stamps. The earlier stamps feature abbreviated names and monograms, while later stamps contain full names carved with preserved case endings. This transition suggests a chronological shift in amphora stamping practices, likely occurring around the 270s BCE.

В. Ю. Кононов, С. А. Кононова
 (ООО «Крымский региональный центр археологических исследований», г. Керчь)

Курганная группа на юго-западной окраине мкрн. «Солдатская слободка» в г. Керчь (предварительный обзор по итогам раскопок 2022 г.)

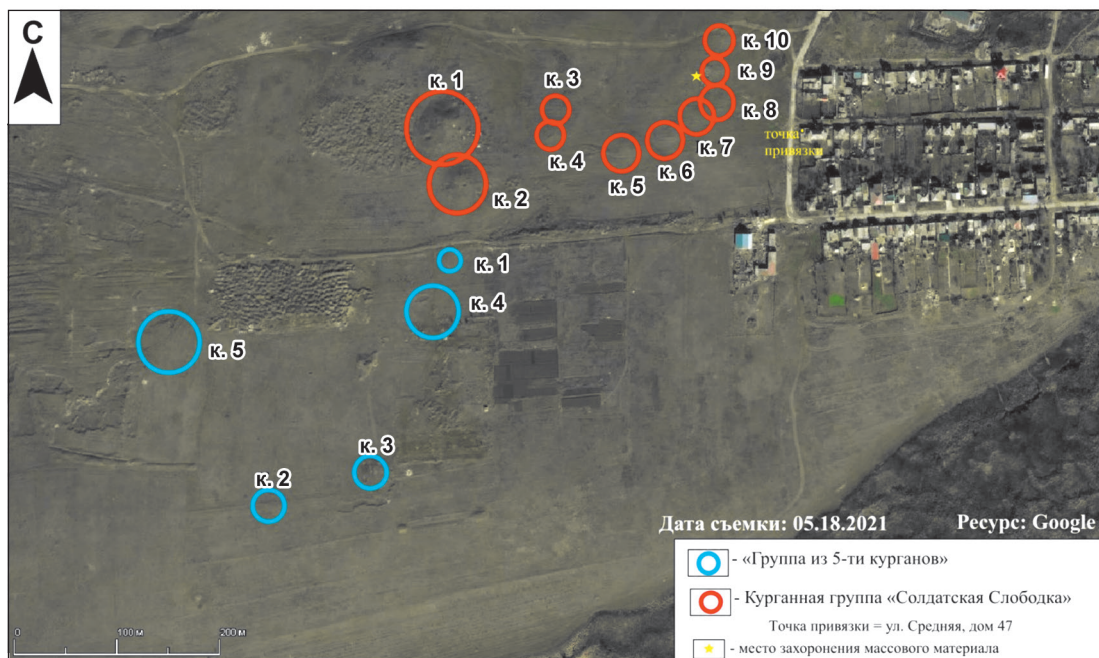
Кратно увеличившийся за последнее десятилетие масштаб новостроечных работ в Керчи способствовал открытию новых и раскопкам ранее известных, внесенных в государственный реестр, но еще не изученных античных памятников. К числу последних относится курганный некрополь, расположенный к юго-западу и западу от мкрн. «Солдатская слободка» в центральной части долины р. Джарджава (рис. 1).

В июне 1960 г. этот район обследовал керченский краевед и археолог-любитель В. В. Веселов. В 0,2 км к западу от застройки он открыл курганный некрополь, на территории которого зафиксировал небольшое скопление керамики эллинистического времени [Веселов 2005, 144, № 135/342.-1]. В его «Сводной ведомости результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг.» он описан следующим образом: «В 150–200 метрах западнее окраины поселка Солдатская Слободка были обнаружены незначительные скопления фрагментов эллинистической посуды. Западнее поселка расположена группа курганов в количестве 6–7 штук. На одном, более крупном кургане, расположено современное кладбище. Фрагменты посуды встречаются как на территории расположения курганов, так и между ними и поселком. При осмотре территории были обнаружены в большом количестве маловыразительные фрагменты стенок сосудов (амфор и кувшинов) и в незначительном количестве ручки амфор из Гераклеи, Фасоса и др. центров производства. По всей вероятности, здесь, на западной окраине Солдатской Слободки, существовало небольшое позднеэллинистическое поселение и более ранний некрополь» [Веселов 2005, 40].

Согласно данным «Государственного реестра недвижимых памятников Украины», на этой территории находилась «Курганная группа из 7-ми насыпей». Однако разведками 2019 и 2022 гг. (А. М. Михайлов и В. Ю. Кононов) в пределах некрополя на левом (северном) берегу р. Джарджава было зафиксировано 15 насыпей, условно разделенных

1

2

Рис. 1. 1 – местоположение «Группы из 5-ти курганов»; 2 – «Курганная группа «Солдатская слободка» и «Группа из 5-ти курганов» на спутниковом снимке

на «Группу из 5-ти курганов» и группу «Солдатская Слободка»¹. Между курганом 1 группы «Солдатская Слободка» (курган с кладбищем) и западной окраиной одноименного микрорайона В.В. Веселов обозначил поселение IV–III вв. до н. э., но шурфовка в 2024 г.² показала отсутствие в этом месте поселенческого культурного слоя, поэтому подъемный материал, собранный В.В. Веселовым, скорее всего, относится к разрушенным объектам курганного некрополя.

В 2022 г. на «Группе из 5-ти курганов» были проведены охранно-спасательные работы. Все они были исследованы «под снос». Удалось установить, что курганы были отсыпаны в IV в. до н. э. над каменными склепами, каменными ящиками и кремациями, сопровождавшимися тризнами. Немногочисленные впускные погребения датировались в пределах IV–III вв. до н. э. и II в. н. э. К сожалению, практически все погребальные комплексы были ограблены в древности и в Новейшее Время, а каменные конструкции полностью или частично разобраны ещё в XIX в. Одна из насыпей прорезана траншеей современных водоводов и окопами периода ВОВ.

Курган № 1 находился в северо-восточной части курганной группы. На момент начала работ насыпь была задернована и покрыта степным разнотравьем; ее диаметр 20 м, высота достигала 1,0 м. В стратиграфических разрезах прослежены три основных слоя: слой дерна – гумусированного суглинка толщиной до 0,25 м; слой курганной насыпи – переотложенного предматерикового суглинка коричневого цвета толщиной до 0,60 м; слой погребенной почвы – предматерикового суглинка серо-коричневого оттенка толщиной до 0,20 м. Помимо них в бровках зафиксированы локальные слои и прослойки, связанные с сооружением и ограблением погребальных комплексов. Материк – глина серо-желтого оттенка с карбонатными включениями, – зафиксирован на глубине 0,40–1,20 м от современной дневной поверхности (рис. 2, 2, 3). При раскопках кургана исследовано 8 погребальных и поминальных объектов: основное погребение (№ 7), ровик (№ 4), 4 тризны (№ 3, 5, 6, 8), компактный развал камней – алтаря или жертвенника (?) (№ 1) и впускное погребение-кенотаф (№ 2) (рис. 2, 1).

Основное погребение обнаружено в северо-западном секторе кургана, в 4,5 м к западу от центра насыпи. Оно представляло собой каменный ящик, ориентированный в направлении СЗ–ЮВ, состоявший из 4-х хорошо обработанных с внутренней стороны прямоугольных известняковых плит (рис. 6, 1, 2). Его внутренние размеры: длина 2,23 м, ширина 1,05 м, высота 1,10 м. Судя по сохранившимся *in situ* обломкам, размеры монолитной плиты перекрытия составляли 2,84×1,44×0,23 м. Размеры ямы под ящик, выкопанной в материковом суглинке: по верхнему краю 2,28×3,10 м, по уровню дна 1,60×2,80 м,

¹ Упомянутое в 1960 г. В.В. Веселовым «современное кладбище... на одном, более крупном кургане» сохранилось и поныне. Оно находится на кургане № 1 курганной группы «Солдатская Слободка», но захоронения на нем уже давно не осуществляют. Наиболее ранние из могил с известняковыми надгробиями в виде плит и крестов могут быть датированы не ранее 1864 г., когда по распоряжению генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена на место нынешнего мкрн. Солдатская Слободка из под стен строящейся Керченской крепости была перенесена стихийно возникшая «Слободка для женатых нижних чинов».

² Разведки с шурфовкой проводились сотрудниками ООО «Крымский региональный центр археологических исследований» в соответствии с Планом научно-исследовательской работы на 2024 год по теме «Локализация на местности объектов археологии, известных по картографическим и историко-архивным данным» на основании ОЛ № P018-00103-00/01383036, выданного на имя Кропачевой Е.П.

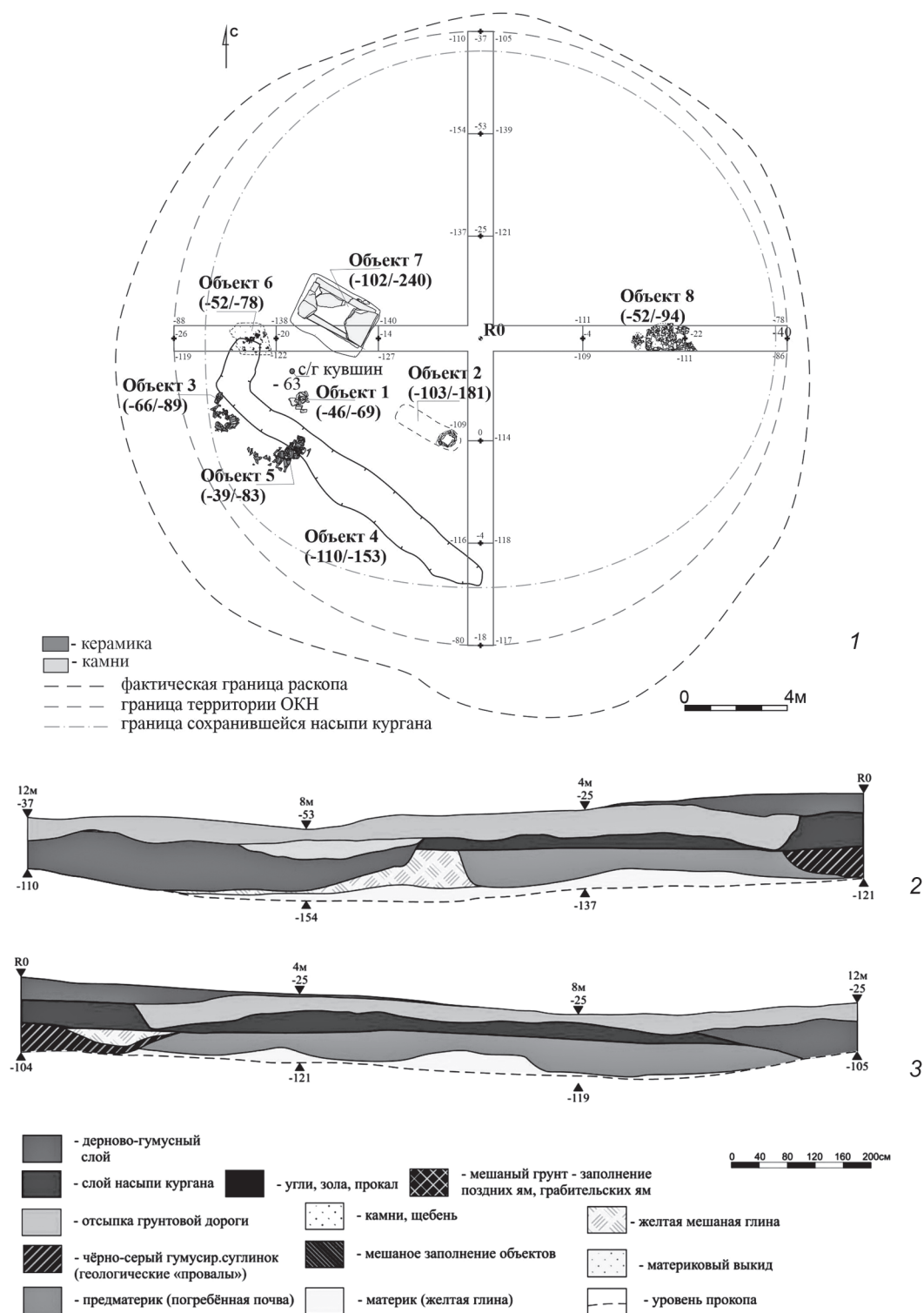

Рис. 2. Курган № 1. 1 – план; 2, 3 – северная бровка, западный и восточный фас

глубина от прослеженного края до 1,08 м. Захоронение было ограблено, в заполнении ящика на разных уровнях обнаружены фрагменты костей взрослого индивида (45–55 лет), а также 10 небольших обломков амфор Фасоса и Гераклеи, кольцевой поддон синопского кувшина, обломок чернолакового краснофигурного кратера с изображением сцен космоса и сцены в гимнасии (рис. 3. 3) [Sparkes, Talcott 1970, 240, pl. 3. 61; Рукавишникова и др. 2022, 165, 170, кат. № 1; Петракова, Букина 2019, 186–187, табл. 21, 22, 112, кат. 38], фрагмент чернолакового арибаллического лекифа с сетчатым орнаментом (рис. 3. 4) и части железных гвоздей (один из них – с остатками древесины, возможно, от деревянного саркофага или помоста). Согласно им основное погребение датируется около середины IV в. до н. э.

В 3 м к югу от него, под слоем дерна (на поверхности насыпи), был выявлен компактный развал необработанных камней размерами 0,79×0,80 м (объект № 1), вероятно, представлявший собой остатки разрушенного алтаря или жертвенника, связанного с основным погребением и тризной (объекты № 5 и 6) (рис. 3. 5), а в 0,80 м к северо-западу от объекта № 1 на той же глубине были найдены фрагментированный сероглиняный кувшин IV в. до н. э. (рис. 3. 6).

Тризна 1 состояла из двух скоплений фрагментов преднамеренно разбитых амфор, находившихся приблизительно на равном удалении (2,40–2,50 м) к западу и югу от развала алтаря-жертвенника (рис. 2. 1) на поверхности курганной насыпи в её юго-западном секторе. Западное скопление (объект № 3) состояло из четырех фрагментированных фасосских (рис. 4. 2–5), двух пепаретских (рис. 4. 7, 8), одной гераклеийской амфоры (рис. 4. 6), а также фрагмента горла амфоры круга Фасоса типа Муригиоль и стенками красноглиняного сосуда, перекрытых прослойкой (0,06–0,15 м) золы и древесных угольков. Клейма на двух ручках амфор Фасоса датируются 350-ми (– серединой 340-х?) гг. до н. э. [Кац 2015, № 2073, 2074 (52–53); Garland 1999, 238], а клеймо на амфоре Гераклеи – 360-ми гг. до н. э. [Кац 2007, 429; Федосеев 2016, 74, № 454] (рис. 4). Южное скопление (объект № 5) включало хиосскую амфору (рис. 5. 8), три фасосских (две из них сильно фрагментированы) (рис. 5. 2, 3), две пепаретских (рис. 5. 6, 7), две гераклеийских амфоры (рис. 5. 4, 5), ножку амфоры неустановленного центра производства и венчик красноглиняного сосуда. Следует особо отметить, что на всех клейменных амфорах Фасоса из обоих скоплений стоит одно и то же клеймо (рис. 4. 2, 3; 5. 2). То же самое справедливо и для амфор Гераклеи (рис. 4. 6; 5. 4, 5). При этом части одних и тех же амфор находились в обоих скоплениях, что и выяснилось при реставрации. Данный факт указывает на единовременное совершение тризны № 1 на поверхности возводимой насыпи у каменного жертвенника, после чего обломки преднамеренно разбитых амфор сбрасывались вниз в южном и западном направлении.

В 2,1–3,8 м к юго-западу от основного погребения в юго-западном секторе кургана на уровне материка зафиксирован ровик Г-образной в плане формы, ориентированный по линии СЗ–ЮВ, с поворотом в северо-западной оконечности под углом 70 градусов в ССВ направлении (рис. 2. 1). Его прослеженная длина до поворота составила 12,20 м, после поворота 1,70 м, ширина в северо-западной части до 1,20 м, в центральной части до 1,30 м, в юго-восточной до 1,0 м, глубина до 0,32 м. Археологических находок в заполнении ровика не обнаружено. Его функциональное назначение осталось неизвестным. Не исключено, что он представлял собой незавершенную составную часть

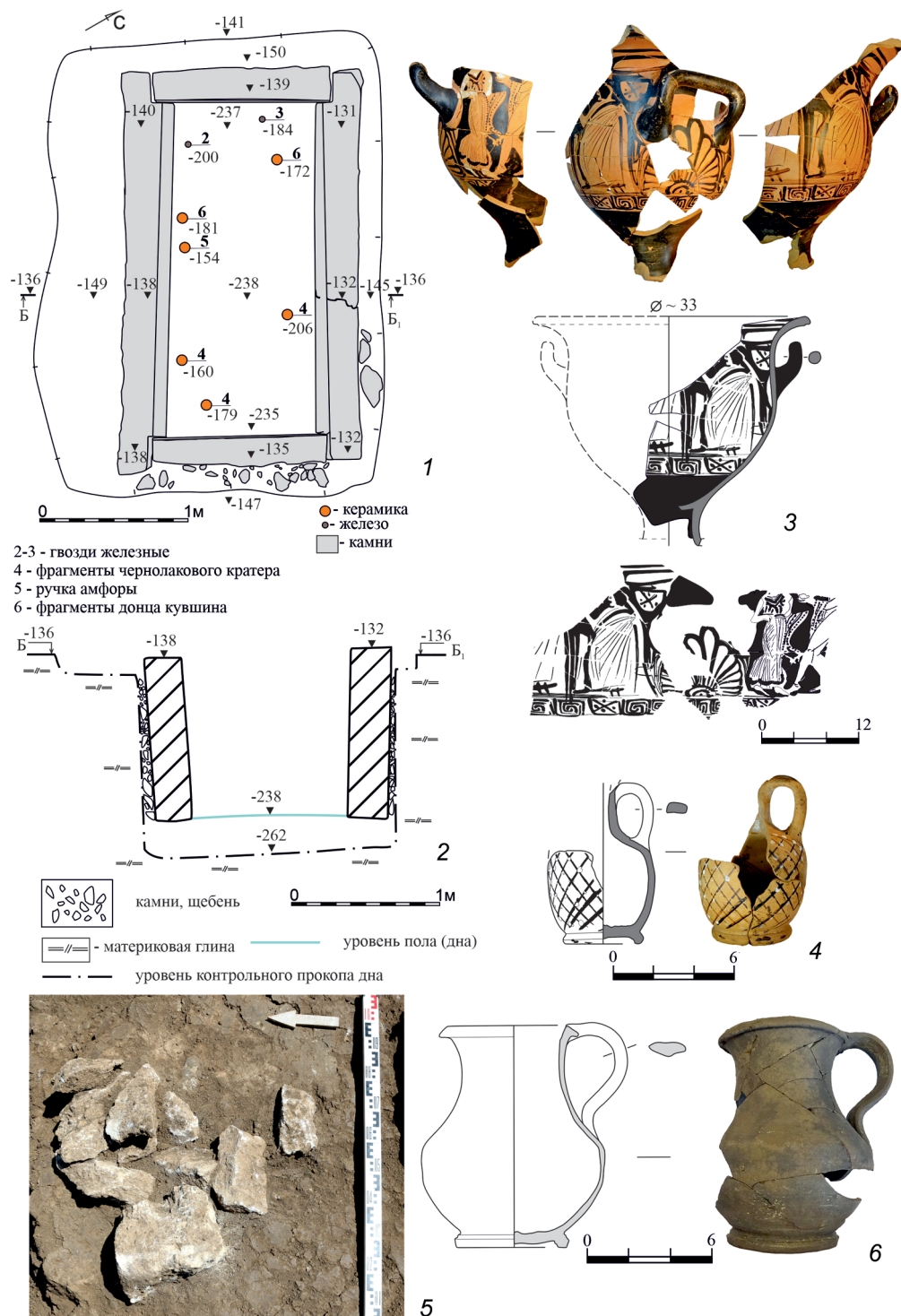

Рис. 3. Курган № 1. Основное погребение (объект № 7): 1 – план; 2 – разрез; 3, 4 – краснофигурные сосуды из заполнения; 5 – Объект № 1. Вид с запада; 6 – сероглиняный кувшин из насыпи кургана

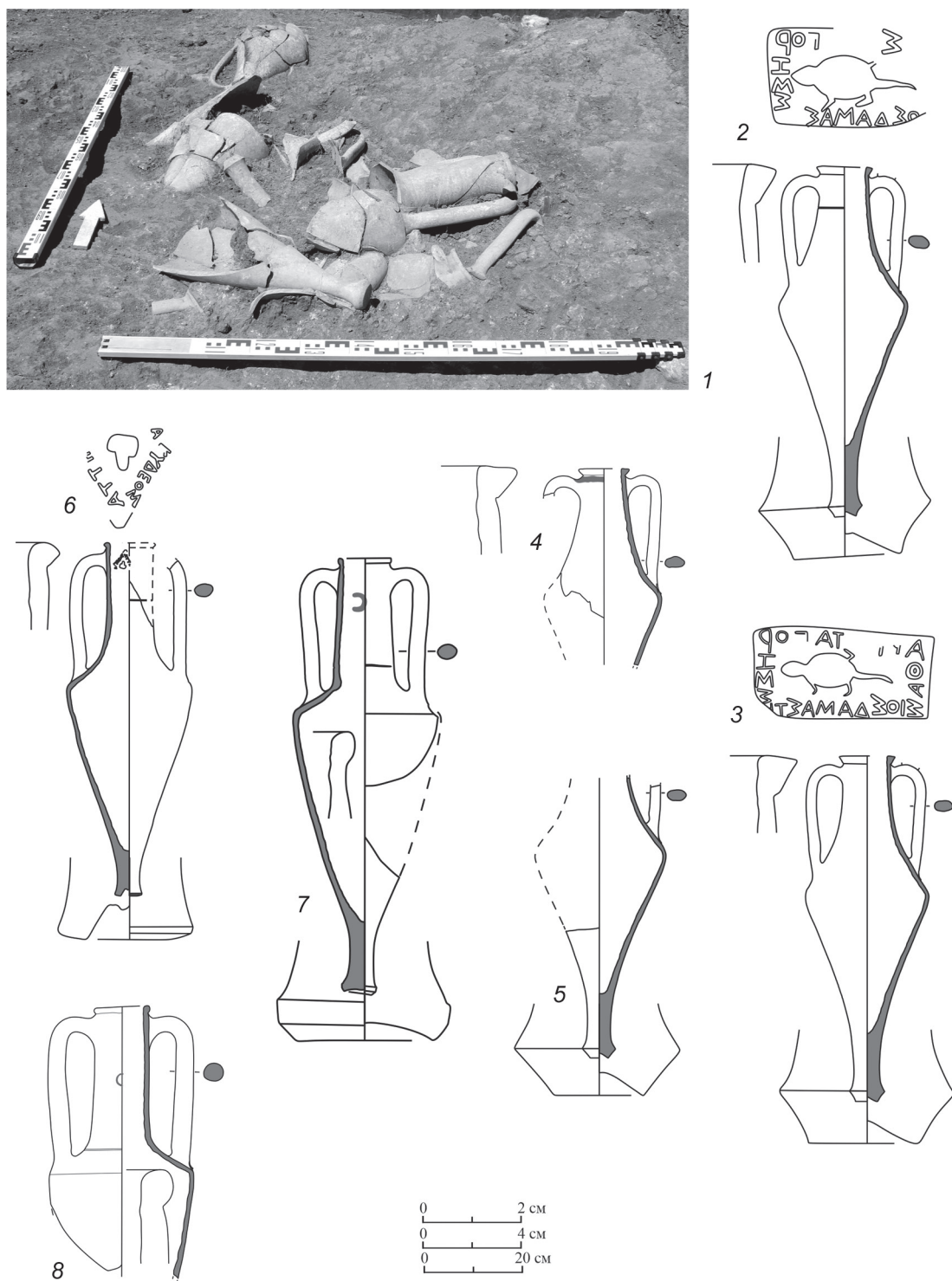

Рис. 4. Курган № 1. 1 – Тризна № 1 (западное скопление), вид с юга;
2–8 – амфоры из заполнения

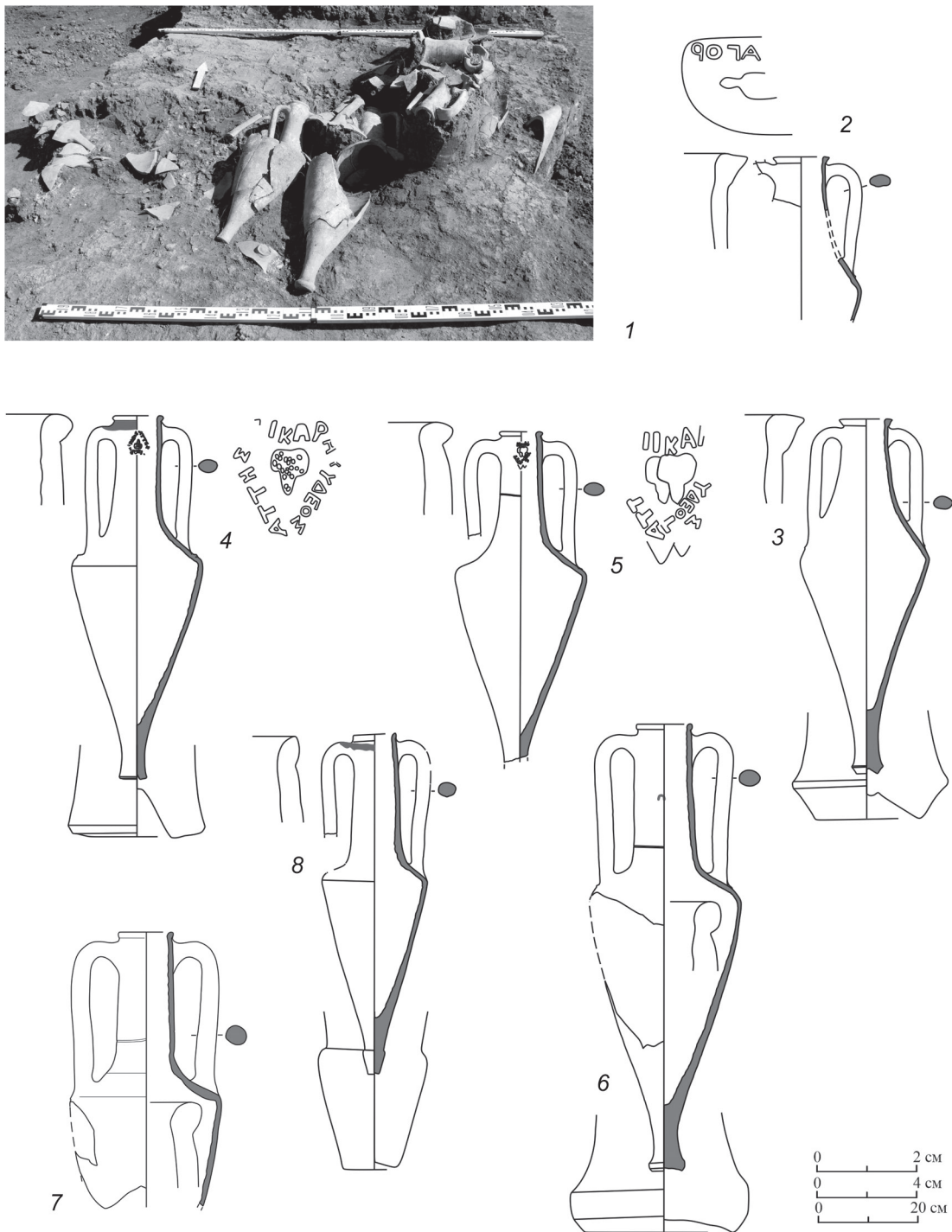

Рис. 5. Курган № 1. 1 – Тризна № 1 (южное скопление), вид с юга;
2–6 – амфоры из заполнения

основного погребального комплекса, от строительства которой отказались еще перед началом отсыпки кургана.

Тризна № 2 (объект № 6), в отличие от тризны № 1, совершенной на поверхности частично отсыпанного кургана, представляла собой остатки кострища, впущенного в насыпь на глубину 0,30–0,40 м. На верхнем уровне оно зачищено в виде площадки прокаленного грунта размерами 1,24×2,50 м с золой, древесными углями и обломками аттических чернолаковых сосудов (рис. 6): кубковидного канфара (рис. 6. 1), чашевидного скифоса, мисок (одна из них – с граффити: МАΛΥΒΨ) (рис. 6. 4–6), одноручных чаш (рис. 6. 7), солонок (рис. 6. 2, 3), гуттуса (рис. 6. 8), а также фрагментом бронзовой пластины и обгоревшими костями мелкого рогатого скота. На нескольких чернолаковых сосудах зафиксировано граффито в виде буквы «Т» (рис. 6. 3, 4, 6, 7). При расчистке нижнего уровня выявлено пятно прокаленного грунта округлой формы. В отложившейся на нем золистой прослойке найдены фрагменты красноглиняного лопадиона, чернолакового сетчатого лекифа и алебастрового алабаstra. Находки из заполнения тризны № 2 позволяют определить время её совершения третьей – четвертой четвертью IV в. до н. э., т.е. спустя несколько десятилетий после совершения центрального погребения. Она может быть связана как с центральным погребением, так и с впускным погребением – кенотафом (объект № 2).

Помимо этих комплексов в юго-западном и восточном секторах кургана обнаружены впускные погребально-поминальные комплексы: погребение-кенотаф и тризна-ритуальная площадка (объект № 8) (рис. 2. 1).

Погребение-кенотаф представляло собой узкую прямоугольную в плане яму с закругленными углами, ориентированную в направлении ЮВ–СЗ. Ее длина 2,72 м, ширина 0,80–0,82 м, глубина 0,69 м. В её юго-восточной части вырублена ступенька высотой 0,46 м. На ней расчищено скопление небольших плоских камней, часть которых установлена вертикально и образуют конструкцию, напоминающую замкнутую трапезиевидную в плане «загородку». Останков погребенного и сопровождающего инвентаря в могиле не оказалось.

Тризна № 3 (объект № 8) зафиксирована в виде аморфной в плане площадки размером 2,46×1,04 м. В юго-западной ее части прослежено золистое пятно 0,44×0,51 м, а в юго-западной и восточной – найдены стенки родосской амфоры, дающие широкую датировку с конца IV по II вв. до н. э.

Курган № 2 находился в южной части курганной группы. На момент начала работ насыпь была задернована и покрыта степным разнотравьем; ее диаметр составлял 30 м, высота достигала 1,0 м. В стратиграфических разрезах прослежены: слой дерна – гумусированный суглинок толщиной 0,16–0,48 м; слой курганной насыпи – переотложенный предматериковый суглинок коричневого оттенка толщиной до 0,72 м и погребенная почва – серо-коричневый предматериковый суглинок толщиной до 0,70 м. Помимо них в бровках зафиксированы локальные прослойки, связанные с сооружением и ограблением погребальных комплексов. Материк – серо-желтая глина с карбонатными включениями – залегал на глубине 0,40–1,04 м от современной поверхности (рис. 7. 2, 3).

При раскопках кургана выявлено два одновременных комплекса: кремационное погребение (объект № 1) и тризна (объект № 2) (рис. 7. 1).

Рис. 6. Курган № 1. Чернотаковые сосуды из тризны № 2

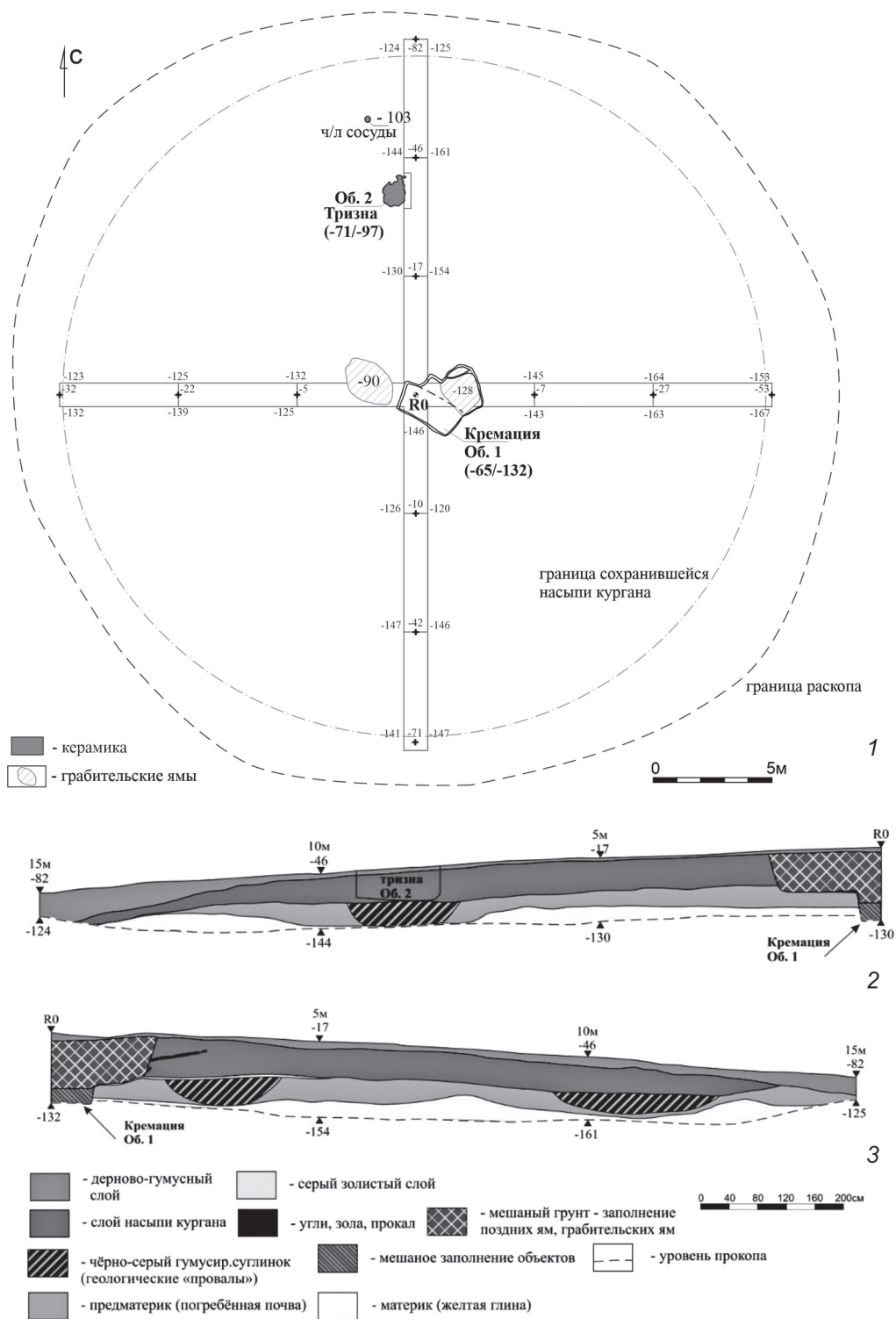

Рис. 7. Курган № 2. 1 – план; 2, 3 – северная бровка, западный и восточный фас

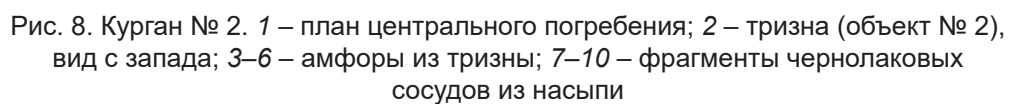
Кремация обнаружена в центральной части кургана на уровне погребенной почвы по аморфному в плане пятну кострища размерами 5,0×5,76 м со следами прокала грунта и пятнами золы с древесными угольками (рис. 7. 1; 8. 1). Ниже, в юго-восточной части костровой площадки, выявлена прямоугольная яма размером 2,66×1,26 м и глубиной до 0,65 м, ориентированная ЮВ–СЗ. Стенки ямы со следами прокала и вкраплением древесных углей вертикальные, слегка сужаются ко дну. Дно ровное, немного понижается к западу (4–7 см). Захоронение прорезано двумя грабительскими ямами. Заполнение непотревоженной ими части представляло собой слой переотложенного коричневого суглинка с древесными угольками, золой и единичными мелкими фрагментами пережженных человеческих костей. Тут найдены немногочисленные стенки амфор, кости крупного рогатого скота (без следов воздействия огня) и фрагменты алебастрового алабастра.

Тризна (объект № 2) выявлена в северо-западном секторе насыпи на уровне погребенной почвы по компактному скоплению фрагментов 4 хиосских амфор четвертой четверти – конца V в. до н. э. [Монахов 2003, 20–21, табл. 9. 2, 6; 11. 1]. Её размеры: 1,28×0,88 м (вытянуто по оси север–юг) (рис. 8. 2–6). В северной части под обломками амфор находился подтреугольный камень 0,50×0,60 м, об который, видимо, они намеренно и разбивались. В 2,5 м к северо-западу от тризны было обнаружено скопление фрагментов чернолаковых сосудов, совокупно датируемых второй половиной V – началом IV вв. до н. э. (рис. 7. 1; 8. 7–10). В целом, комплексы кургана предварительно датируются концом V в. до н. э.

Курган № 3 расположен к северо-востоку от предыдущего. На момент начала работ насыпь была задернована и покрыта степным разнотравьем; ее диаметр составлял 30 м, высота достигала 1,7 м. Сверху в стратиграфических разрезах прослежен слой (до 1,08 м) переотложенной курганной насыпи – рыхлый гумусированный суглинок с комками материковой глины. Ниже залегал слой курганной насыпи, представленный тремя прослойками: переотложенным предматериковым суглинком коричневого цвета толщиной до 1,08 м, переотложенной желтой глиной с комками гумуса толщиной до 0,96 м и гумусированным суглинком с комками глины, зафиксированным в виде отдельного слоя толщиной до 1,16 м и в виде прослоек толщиной до 0,60 м. Ниже зафиксирован слой погребенной почвы – серо-коричневый суглинок толщиной до 0,40 м. Помимо основных слоев в бровках прослежены локальные прослойки, связанные с сооружением склепа, его ограблением и разборкой каменных конструкций. Материк – серо-желтая глина с карбонатными включениями, залегал на глубине 0,40–2,30 м от современной поверхности (рис. 9. 2, 3).

При раскопках кургана выявлены основное погребение (каменный склеп) и впускное погребение № 1 (рис. 9. 1).

Каменный склеп располагался в юго-восточном секторе насыпи. Погребальной камерой он развернут к северо-западу, дромосом – к юго-востоку. Склеп был впущен в материк на глубину 2,10–2,30 м. Размеры ямы под погребальную камеру с дромосом составляли 21,04×5,27 м. Большая часть каменной конструкция была разобрана в XIX в. местными жителями. Судя по сохранившимся частям стен, он состоял из трех конструктивных элементов: погребальной камеры, дромоса и преддромосного пандуса (рис. 10; 14. 2).

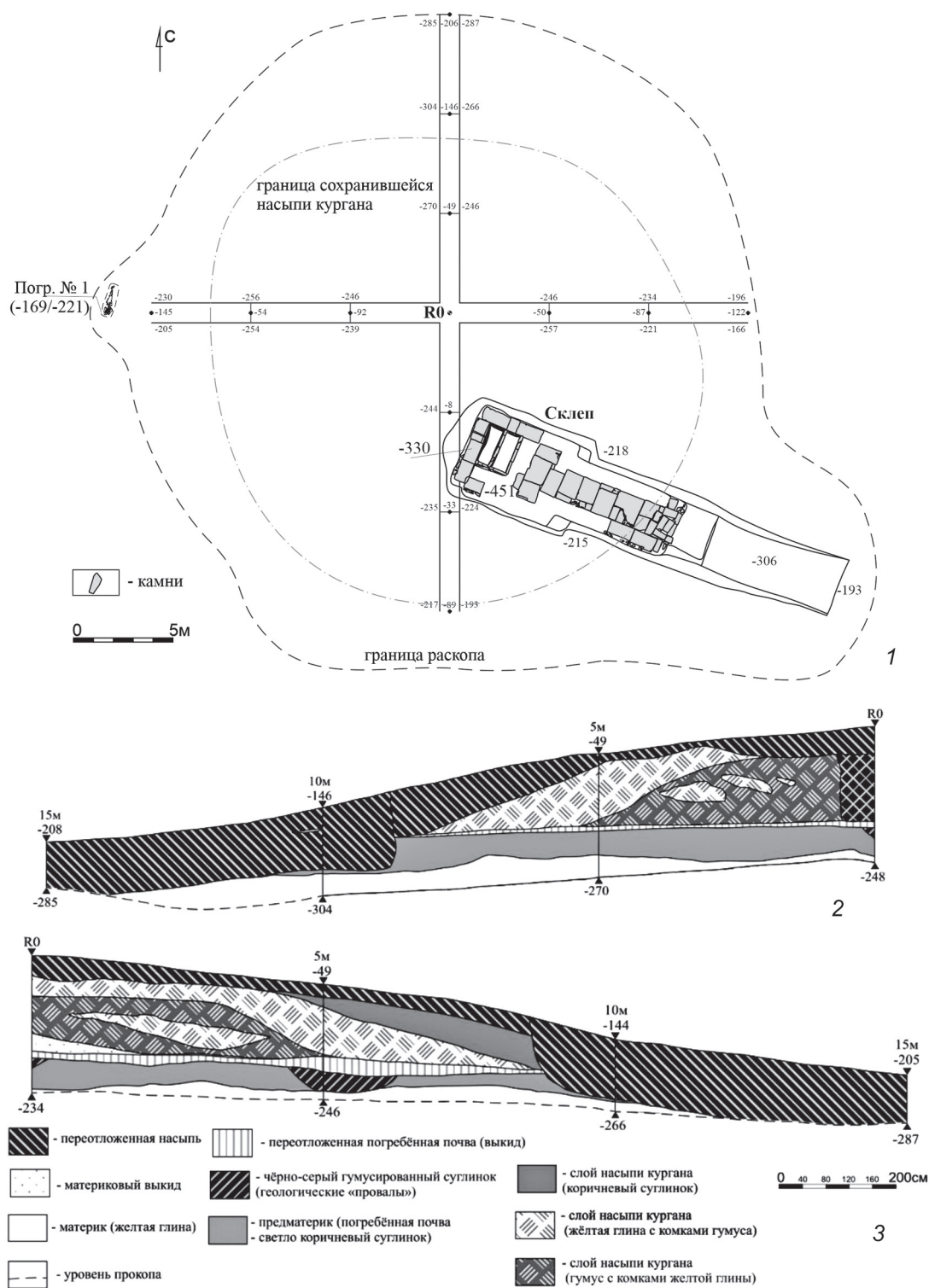

Рис. 9. Курган № 3. 1 – план; 2, 3 – северная бровка, западный и восточный фас

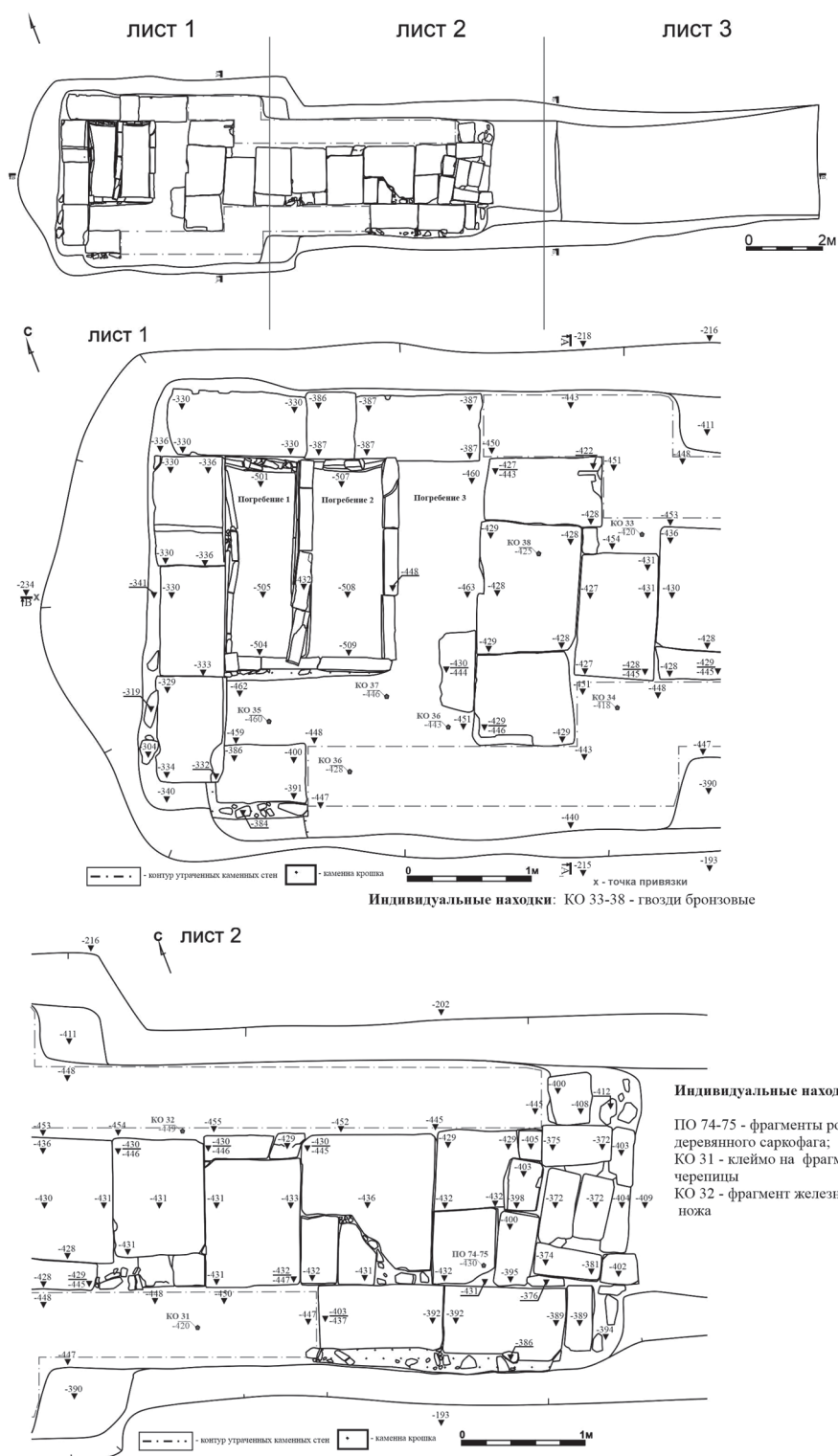

Рис. 10. Курган № 3. Каменный склеп. План

Погребальная камера квадратной в плане. Внутренние ее размеры 3,0×3,0 м, внешние, учитывая толщину прямоугольных и хорошо обработанных блоков (0,50 м), 4,0×4,0 м. Стены сохранились частично. Пол вымощен плитами, из которых сохранились три: две прямоугольные и одна квадратная. Высота погребальной камеры и конструкция ее перекрытия остались неизвестными.

Дромос также был сложен из прямоугольных хорошо обработанных блоков. Частично уцелела лишь его юго-западная стена. Пол вымощен плоскими обработанными известняковыми плитами. У входа в камеру сохранились две каменные ступеньки высотой каждая 0,35 м. Ширина дромоса 1,20 м, длина около 6 м.

Преддромосный пандус, идущий с понижением в сторону дромоса, вырыт в материке; его длина 8,72 м. Перепад высот при этом составлял 2,16 м. В северо-западной части у ступенек устроен «прямо́к» протяженностью 2,0 м по линии СЗ–ЮВ и глубиной 0,25 м с юго-восточной стороны. Перепад высот в его пределах достигает 0,15 м.

Что касается декоративного оформления стен погребальной камеры, его остатков на лицевой поверхности блоков не обнаружено, но в заполнении камеры найден кусочек штукатурки, лицевая сторона которой покрыта красно-коричневой краской. Судя по зафиксированным на уровне пола в погребальной камере и в дромосе фрагментам бронзовых гвоздей (рис. 11. 7–8), а также отпечатков на глине дерева с остатками полихромной росписи черной, рыжей, красной и белой краской в виде пальметт (рис. 11. 1, 2), в камере был установлен деревянный саркофаг, рядом с которым находился погребальный инвентарь: амфоры Хиоса, Менды, Гераклеи и Фасоса, а также чернолаковая посуда, в т. ч. краснофигурная пелика, лекана и сосуды других форм, обломки которых найдены в заполнении погребальной камеры и дромоса (рис. 11. 3–5). Археологический материал позволил датировать сооружение склепа: второй четвертью – серединой IV в. до н. э.

Позднее в северо-западном углу камеры, ниже уровня пола сооружается двухкамерный каменный ящик, перекрытый плитами: погребения № 1 и № 2 (скелеты 2 и 3), который использовали для вторичных захоронений. Еще одно погребение выявлено к востоку от ящика на нивелированной поверхности материковой глины, под плитами вымостки, которые предварительно сняли.

Каменный ящик размерами 1,76×2,20 м и глубиной до 0,77 м ориентирован в направлении СВ–ЮЗ. Стенки сложены из обработанных известняковых блоков прямоугольной формы размерами около 0,15×0,65×0,30 м. Кладка однорядная орфостатная, простая с перевязкой углов без использования связующего раствора. По длинной оси каменный ящик разделен простенком на две камеры.

Камера 1 с внутренними размерами 0,61×1,87 м, устроена в северо-западной части каменного ящика. Перекрытие состояло из трех известняковых плит. Захоронение ограблено. Останки погребенного мужчины возрастом 40–50 лет выявлены в разных местах камеры и на разных уровнях. Вдоль юго-восточной стены зафиксирован частично сохранившийся скелет козы, уложенной на левом боку с согнутыми конечностями, головой на северо-восток (рис. 12. 1, 2), а также фрагменты позднегераклейских амфор второй половины II в. н. э. (рис. 12. 3) вместе с фрагментами амфор Гераклеи, Фасоса, Хиоса, Менды, Лесбоса V–IV вв. до н. э.

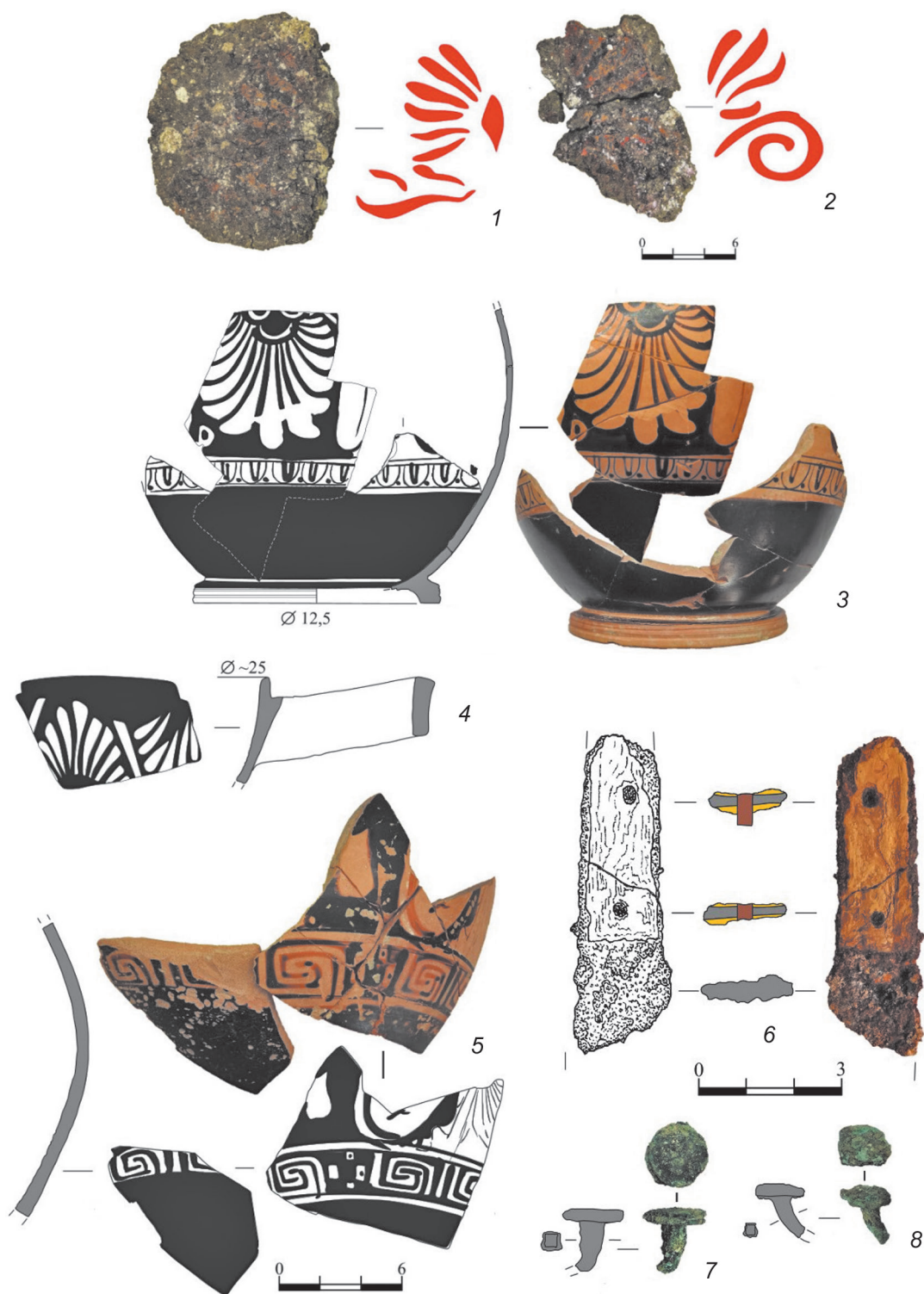

Рис. 11. Курган № 3. Каменный склеп.
Находки из заполнения дромоса и погребальной камеры

Рис. 12. Курган № 3. Каменный склеп. Погребение 1. 1 – план на верхнем уровне; 2 – план на нижнем уровне; 3 – амфора из его заполнения

Камера 2 (Погребение № 2) с внутренними размерами 0,72×1,87 м находилась в юго-восточной части ящика и было перекрыто тремя известняковыми плитами. Так же было ограблено. Останки трех погребенных (мужчины 30–50 лет и двух женщин) выявлены в разных частях камеры и на разных ее уровнях (рис. 13. 1, 2). Помимо костей тут обнаружены обломки железных гвоздей, позднегераклейских амфор II в. н. э. (рис. 13. 3), красноглиняных амфор первых вв. н. э., фрагмент горла чернолакового лекифа IV в. до н. э., тетрахалк Пантикапея 303–283 гг. до н. э. [Анохин 2011, № 1039] (рис. 13. 5), дихалк Пантикапея 320–310 гг. до н. э. [Анохин 2011, № 1024] (рис. 13. 6), железная шарнирная дуговидная фибула с плоской спинкой I–II вв. н. э. [Амброз 1966, 26–27, табл. 4. 20–23] (рис. 13. 4), миниатюрные бронзовые гвоздки с остатками ткани и кости взрослой собаки мелкой породы.

Погребение № 3 зафиксировано на уровне сnivelированной материковой поверхности материковой под плитами вымостки (предварительно убранные) к востоку от каменного ящика. Его размеры: 0,90×1,70 м; глубина от уровня каменного пола погребальной камеры до 0,30 м. Выявлены два захоронения. Первое (женщины 45–55 лет) находилось в частичной анатомической сохранности, но вперемешку с костями индивида № 2 – мужчины старше 25 лет. При расчистке могилы найдены части железных гвоздей, фрагментированная бронзовая игла и окислы тонкой железной пластины (рис. 14. 1). Таким образом, каменный ящик внутри склепа был сооружен в конце IV – начале III в. до н. э. В середине – второй половине II в. н. э., в нем и к востоку от него вновь совершили захоронения.

Что касается погребения № 1, выявленного в 4,8–5,0 м к западу от подошвы кургана под слоем дерна, оно было совершено в яме подпрямоугольной формы, ориентированной в направлении С–Ю. Перекрытие состояло из двух необработанных кусков известняка, уложенных в форме буквы Т по линии СВ–ЮЗ. На дне ямы расчищен скелет человека – индивида 25–35 лет в практически полной анатомической сохранности. Он лежал вытянуто на спине головой на юг с небольшим отклонением к западу. Погребального инвентаря не оказалось, датировать могилу не удалось.

Курган № 4 находится в северо-восточной части курганной группы, южнее кургана № 1. Его поверхность была задернована и покрыта степным разнотравьем; диаметр 40 м, высота 1,5 м. В стратиграфических разрезах прослежены следующие основные слои: слой дерна – гумусированного суглинка с корнями растений толщиной до 0,24 м; слой гумусированного суглинка с бытовым и строительным мусором от построек фермы второй половины XX в. мощностью до 0,60 м; слой курганной насыпи – мешаного предматерикового суглинка коричневого цвета толщиной до 0,70 м; слой погребенной почвы – серо-коричневого суглинка толщиной до 0,20 м. Помимо основных, зафиксированы локальные прослойки, сформировавшиеся при сооружении погребальных сооружений, а также траншеи современных водоводов и окопов периода ВОВ. Материк – серо-желтая глина с карбонатными включениями залегал на глубине 0,40–0,88 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 15. 2, 3).

При раскопках кургана обнаружены основное погребение-кремация (объект № 3), две связанные с ним тризны (объекты № 1 и № 2) и разрушенное впускное погребение (объект № 4) (рис. 15. 1).

Кремационное погребение зафиксировано в центральной части кургана на уровне погребенной почвы по пятну кострища со следами прокала грунта, скоплениям древесных

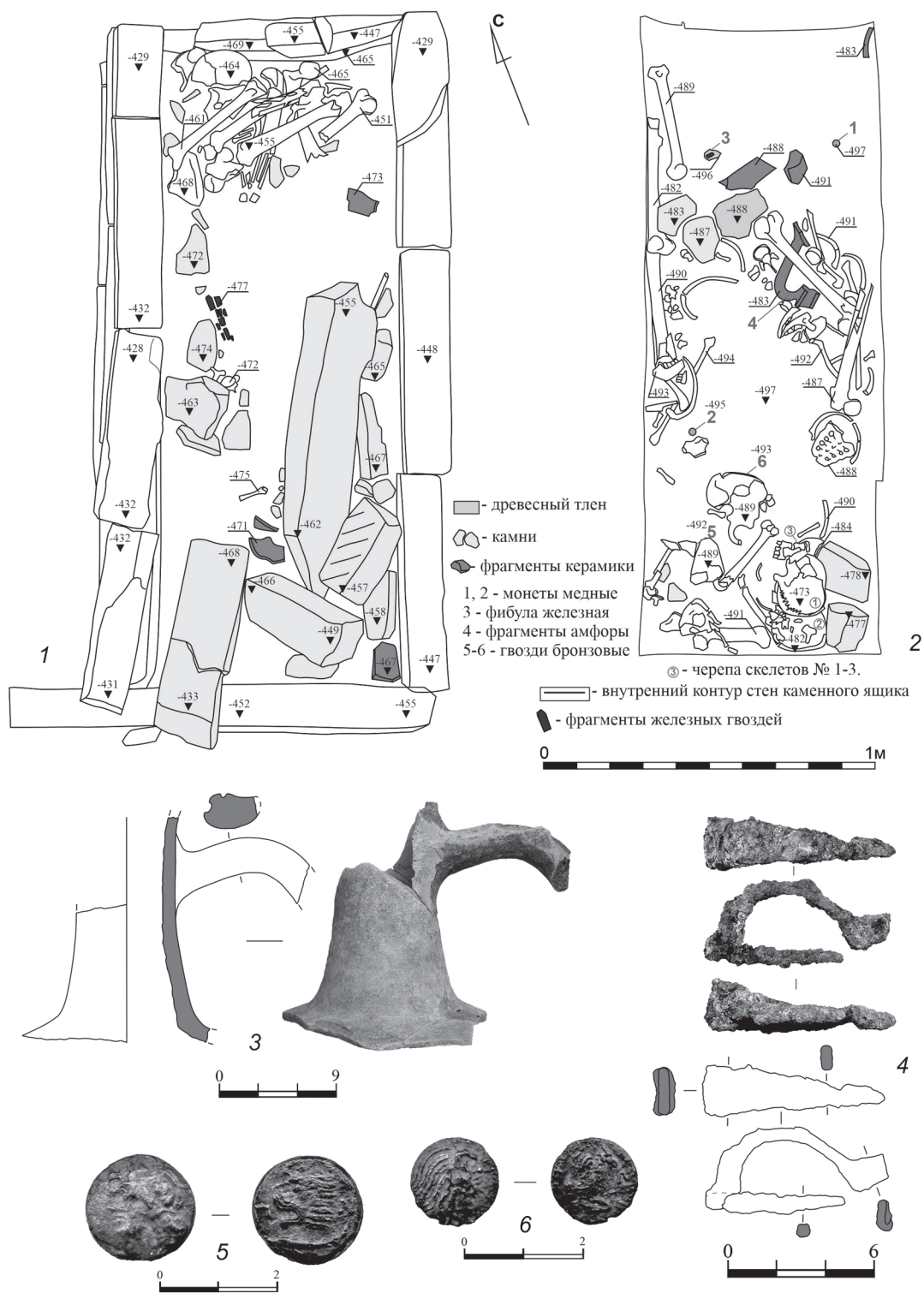

Рис. 13. Курган № 3. Каменный склеп. Погребение 2. 1 – план на верхнем уровне; 2 – план на нижнем уровне; 3–6 – находки из его заполнения

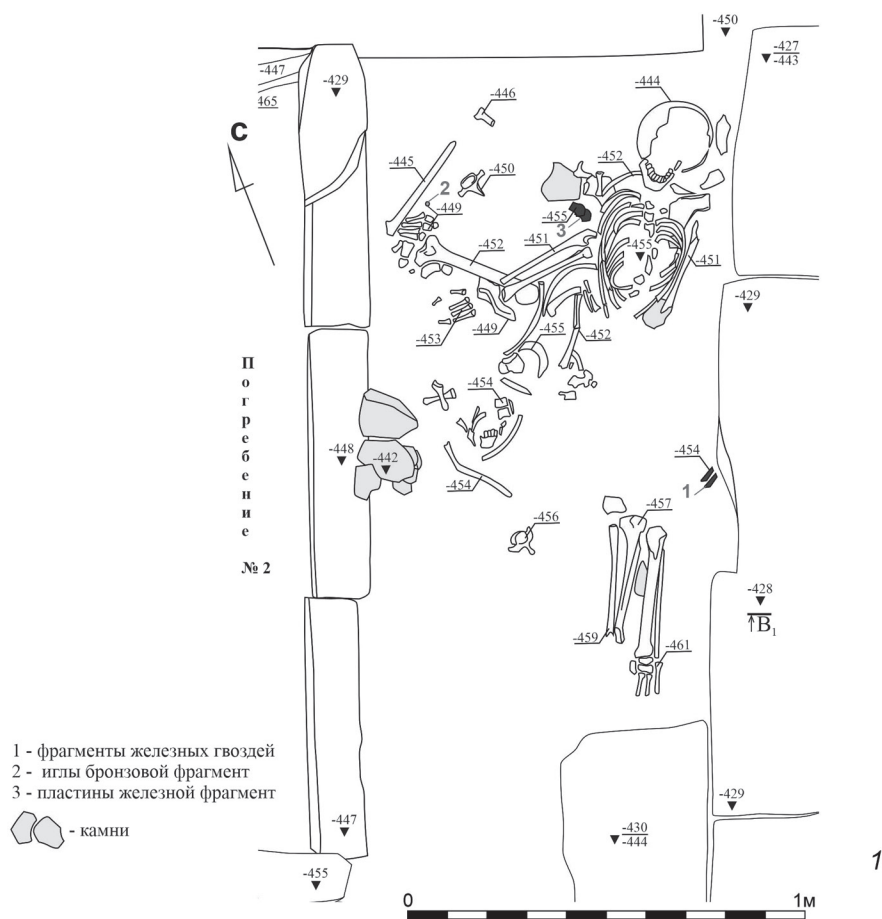

Рис. 14. Курган № 3. Каменный склеп. 1 – план погребения 3;
2 – остатки каменного склепа, вид с юго-востока

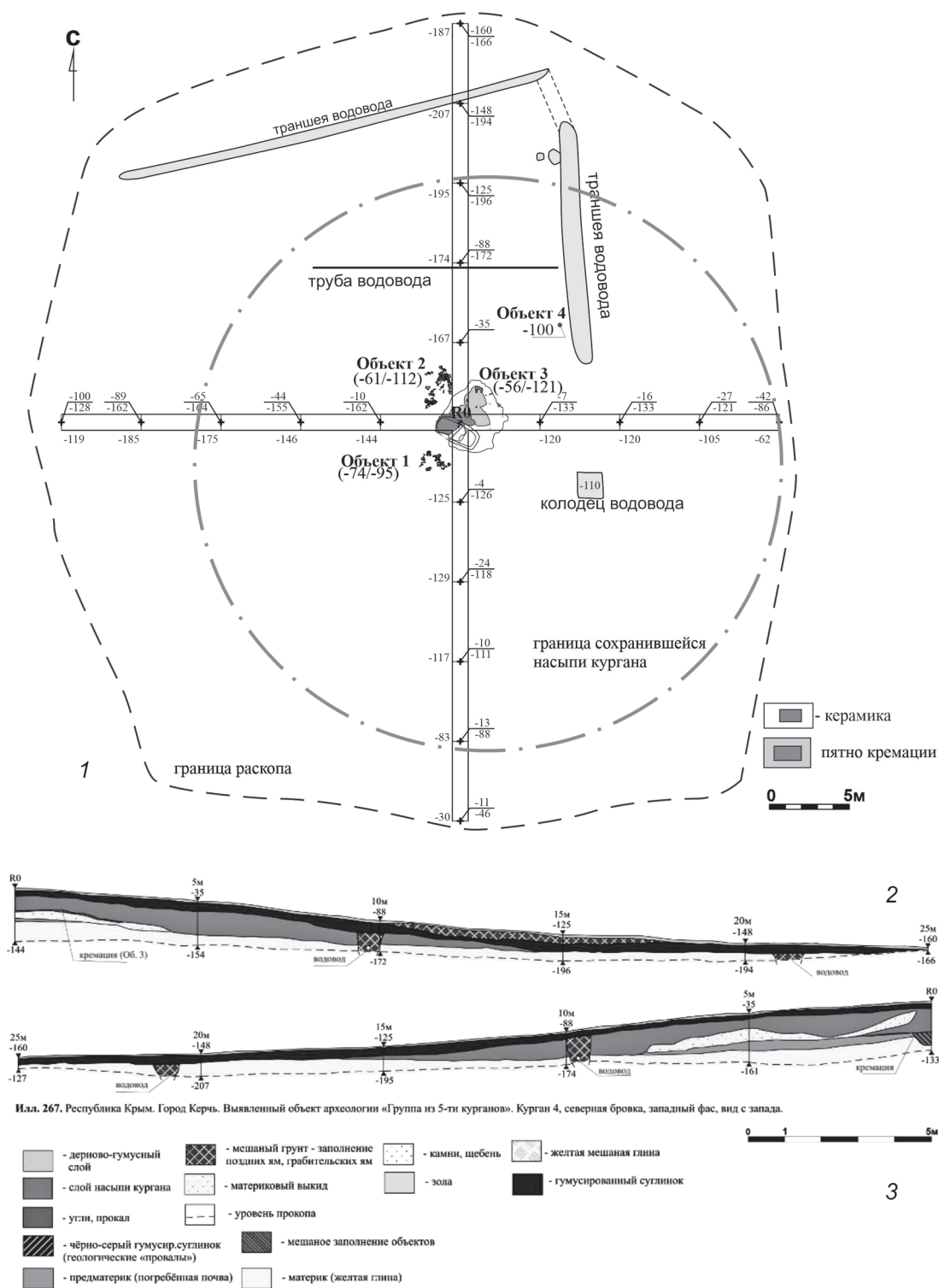

Рис. 15. Курган № 4. 1 – план; 2, 3 – северная бровка, западный и восточный фас

углей и золы. Покойный был кремирован на специально предназначенной для этого площадке рядом с грунтовой ямой, в которую после сожжения был помещен его прах (рис. 18).

Кремационная площадка подпрямоугольной формы размером 3,74×4,38 м и ориентированная углами по сторонам света со следами воздействия высоких температур – прокала грунта до красного и коричневого цвета на толщину 1–3 см прослежена в виде (рис. 18. 1). На ней зафиксировано скопление фрагментов столовых сосудов IV в. до н. э.: красноглиняного рыбного блюда, чернолаковых краснофигурных кратера и пелики, чернолаковых канфара и килика, парфюмерных сосудов IV в. до н. э. (чернолаковых лекифов и алебастровых алабастров) (рис. 18. 6; 19), а также обломков амфор Хиоса IV в. до н. э. У восточной части площадки найдена впущенная по горло в грунт верхняя часть амфоры Фасоса 360–340-х гг. до н. э. с дипинто [Монахов и др. 2022, 88, Th.16], вероятно, использованная в качестве эсхары при совершении тризн (рис. 18. 1, 2).

В юго-западной части площадки расчищена яма 1,40×2,80 м и глубиной до 0,45 м, на стенках и дне которой также фиксировались следы прокала. Юго-западная и восточная части ямы разрушены позднейшим грабительским перекопом. В ее заполнении находились фрагменты книдской амфоры второй четверти IV в. до н. э., фасосской и гераклеийской амфор 370–340-х гг. до н. э. (рис. 18. 3, 4) и отдельные кости погребенного – индивида старше 25 лет – со следами воздействия высоких температур. В придонной части ямы оказались фрагменты железных гвоздей, вероятно, от сгоревших погребальных носилок или ложа. Погребение датируется около середины IV в. до н. э.

Тризна, как и в кургане 1, состояла из двух скоплений преднамеренно разбитых амфор, зафиксированных к юго-западу (объект № 1) и северо-западу (объект № 2) от центрального погребения-кремации.

Объект № 1 (рис. 16. 1–6) находился в 1,7 м к юго-западу от кремации на уровне поверхности погребенной почвы и выявлен по компактному (размерами 1,23×1,98 м) развалу амфор Фасоса (рис. 16. 2–4), Хиоса (рис. 16. 6) и Гераклеи (рис. 16. 5), датируемых в пределах 360–340-х гг. до н. э. В северо-западной части скопления лежала верхняя часть амфоры Фасоса с клеймом, идентичным клеймам из тризны № 1 кургана 1, которое В. И. Кац датировал 350-ми гг. до н. э., а И. Гарлан – серединой 340-х гг. до н. э. [Кац 2015, № 2073, 2074 (52–53); Garlan 1999, 238] (рис. 16. 2).

Объект № 2 зафиксирован у северо-западного края кремационной площадки на уровне поверхности погребенной почвы и представляла собой скопление обломков разбитых амфор Фасоса 360–340-х гг. до н. э. (рис. 16. 8–11) (в том числе – с клеймом, характерным для всех клейменных фасосских амфор из кургана 1 и 4 (рис. 16. 11))³, несколькими фрагментами гераклеийских амфор середины IV в. до н. э. и столовой керамики (рис. 15. 1; 16. 7–11). Практически по всей площади скопления фиксировались обломки чернолаковых сосудов: кубковидного канфара, мисок, солонки, чаш и аска, датируемых в пределах второй-третьей четвертей IV в. до н. э. (рис. 17).

Единственное раскопанное в кургане № 4 впускное погребение (объект № 4) выявлено в северо-восточном его секторе на уровне поверхности погребенной почвы. Оно было разрушено одной из траншей водовода второй половины XX в. Границы и форма могильной

³ Все клейма на амфорах Фасоса из тризн курганов 1 и 4 являются одноштемпельными.

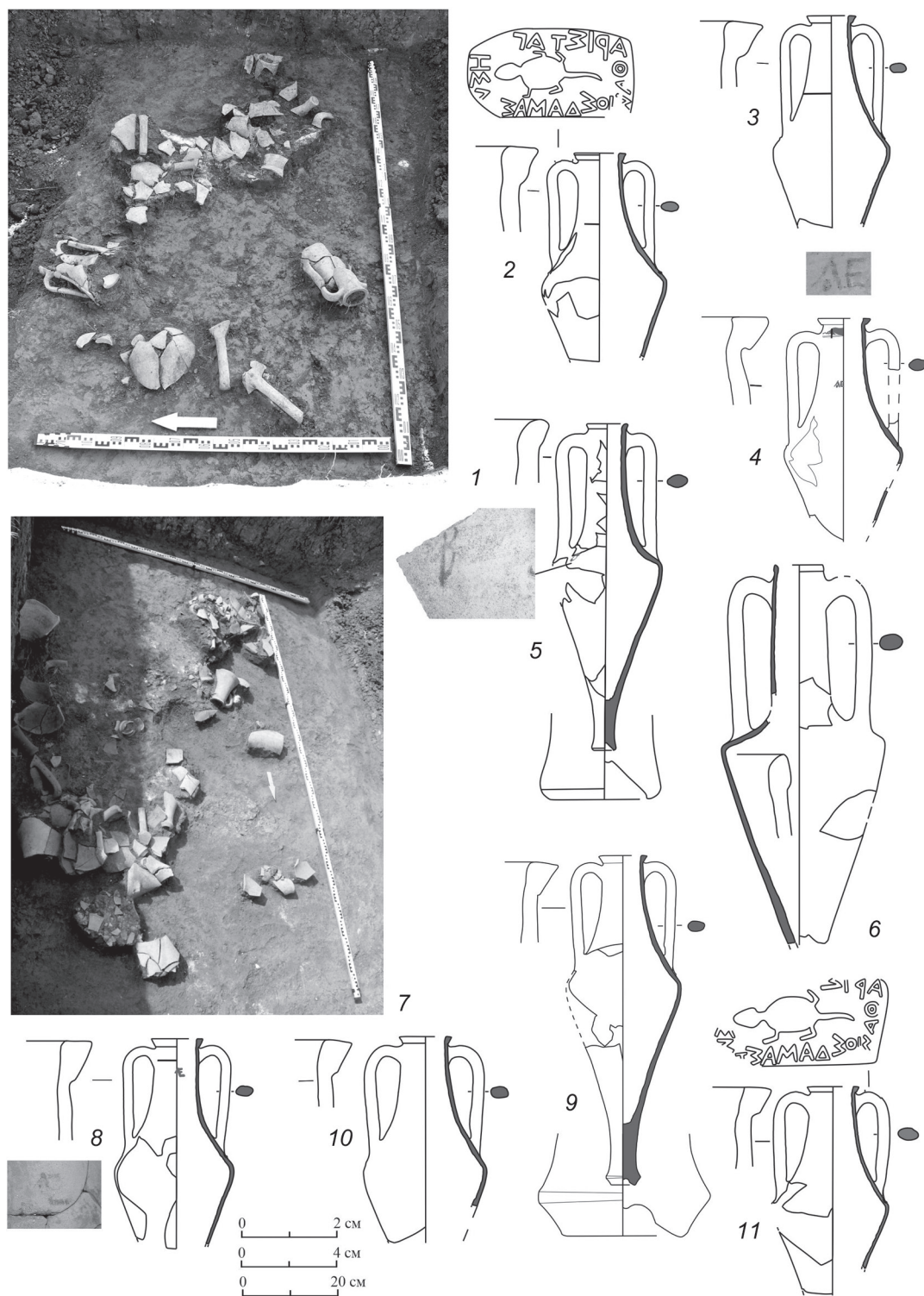

Рис. 16. Курган № 4. 1 – Объект № 1, вид с запада; 2–6 – амфоры объекта № 1;
7 – объект № 2, вид с севера; 8–10 – амфоры из объекта № 2

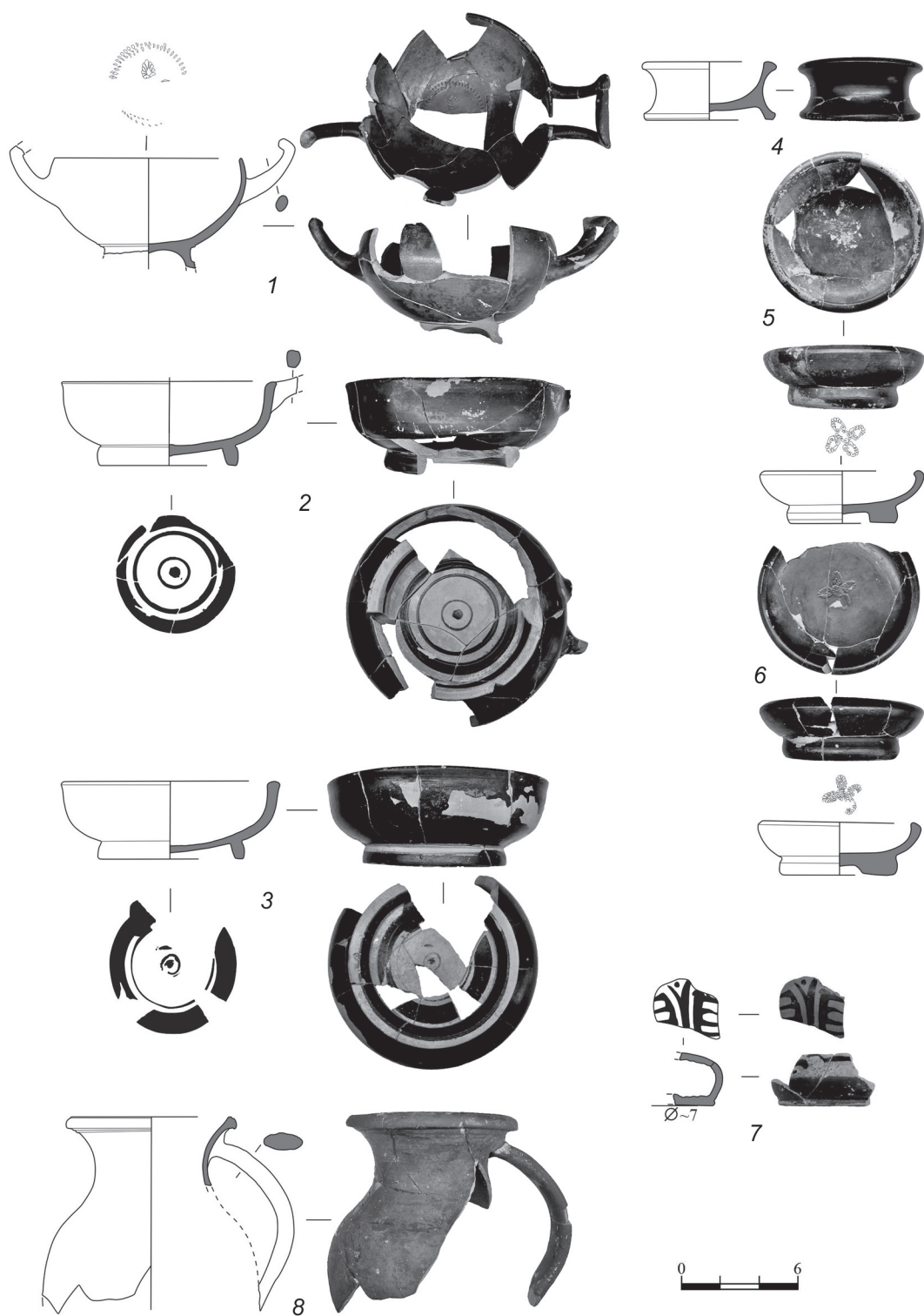

Рис. 17. Курган № 4. Чернлаковая посуда и сероглиняный кувшин из тризны (объект № 2)

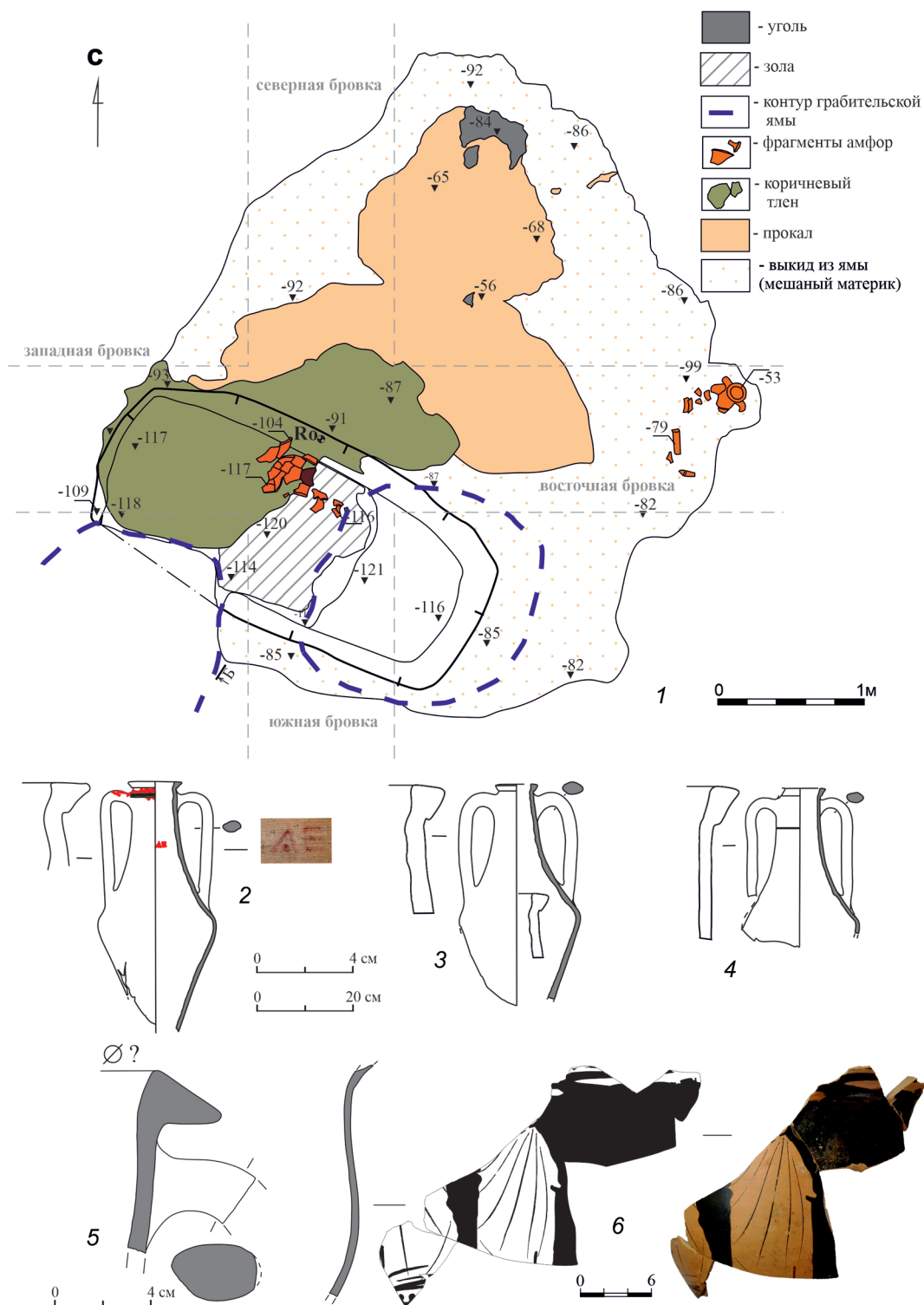

Рис. 18. Курган № 4. 1 – Основное погребение. План; 2 – фасосская амфора с дипинто (эсхара); 3–5 – амфоры из основного погребения

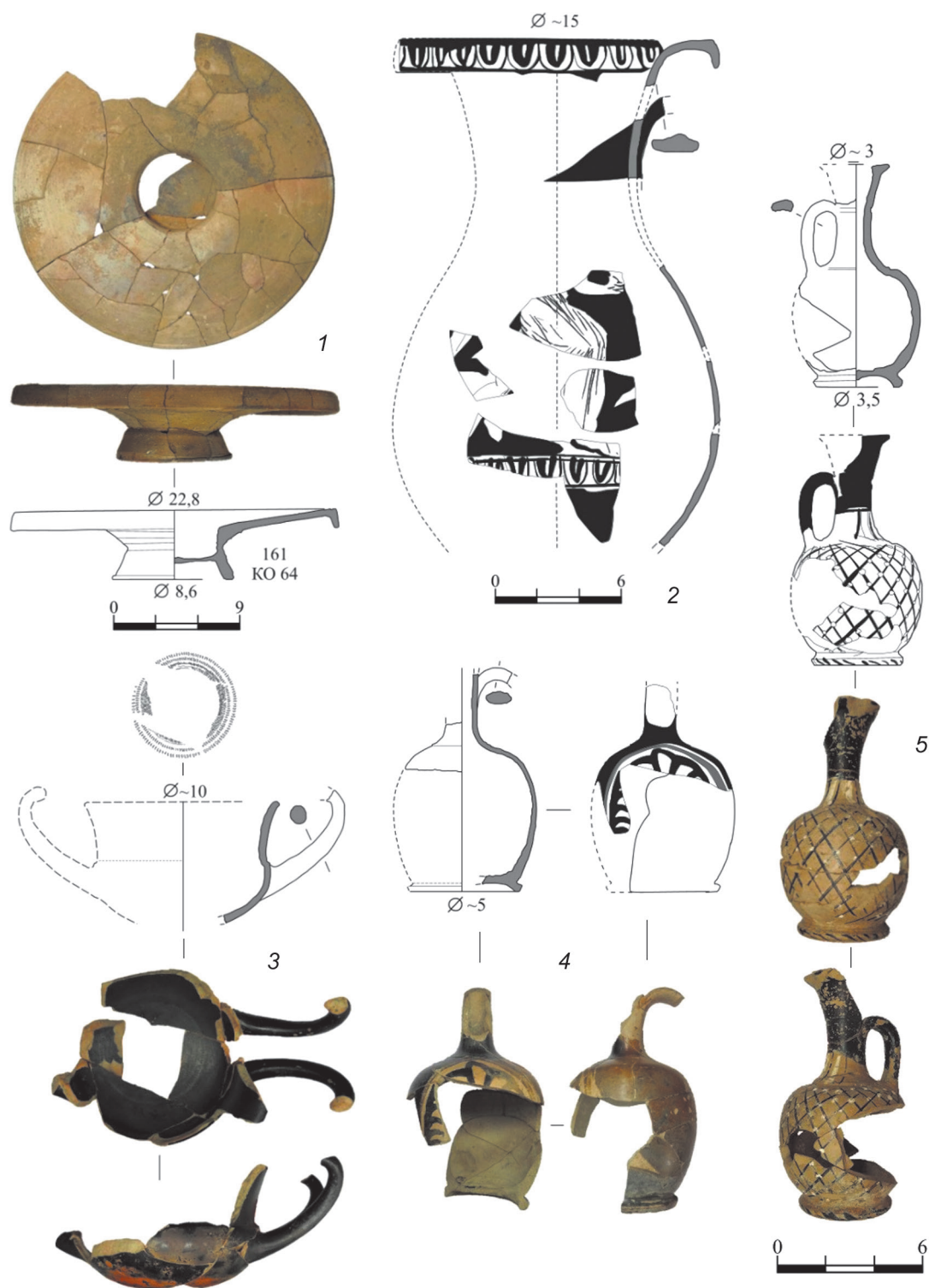

Рис. 19. Курган № 4. Находки из основного погребения

ямы не зафиксированы. У западного края траншеи водовода обнаружен череп ребенка 2–7 лет, а в 0,60 м к юго-западу от него расчищена раздавленная грунтом коричневоглиняная миска на кольцевом поддоне IV в. до н. э. Внутри миски оказались чернолаковый краснофигурный лекиф второй-третьей четвертей IV в. до н. э. и фрагменты костей ног крупного и мелкого рогатого скота, являвшихся остатками заупокойной пищи.

В целом, по итогам работ в кургане № 4 было выявлено 4 погребально-поминальных комплекса. Отсыпан он был над кремационным захоронением в яме (объектом № 3) около середины IV в. до н. э. и сопровождался двумя поминальными тризнами (объектами № 1 и № 2). В третьей четверти IV в. до н. э. в северо-восточной части кургана совершили впускное захоронение ребенка.

Курган № 5 находится примерно в 260 м от кургана № 1. На момент начала раскопок он был задернован и покрыт степным разнотравьем. Его диаметр 60 м, высота 1,0 м. В стратиграфических разрезах прослежены следующие основные слои: дерново-гумусный (гумусированный суглинок) мощностью 0,12–0,76 м; переотложенный слой насыпи – погребенная почва, смешанная с насыпью кургана и с включением известняковых камней от разбора каменного склепа центрального погребения, мощностью до 0,80 м; слой мешаной материковой глины с крупными включениями карбонатов толщиной 0,30 м; слой курганной насыпи – мешанного предматерикового суглинка коричневого цвета с вкраплением гумуса темно-серого оттенка мощностью до 0,76 м; погребенная почва – серо-коричневый суглинок толщиной до 0,20 м. Помимо них были зафиксированы локальные прослойки и линзы. Материк – серо-желтая глина с карбонатными включениями залегал на глубине 0,40–0,80 м от современной дневной поверхности (рис. 20. 2).

При раскопках кургана зафиксированы основное погребение и впускное погребение № 2 (рис. 20. 1).

Основное погребение № 1 находилось в центральной части насыпи с небольшим смещением к северо-западу. Совершено оно в каменном склепе, впущенном в материк. К сожалению, он был полностью разобран в XIX в., к тому же до этого ограблен. Яма под склеп прямоугольная в плане, ориентирована по длинной оси в направлении восток – запад с небольшим отклонением к югу. Её общая длина (с дромосом) до 10,76 м, ширина до 4 м, глубина от уровня материка до дна 1,60 м (рис. 21. 1).

Погребальная камера имела подпрямоугольную в плане форму. Её стены (судя по отпечаткам) были сложены из известняковых блоков. Размеры ямы под камеру (до ступеней дромоса) 6,44×3,80 м, размеры внутреннего пространства (между отпечатками камней на дне) 4,36×2,12 м. К ЮЮВ от камеры в слое перемещенного в XIX в. грунта на уровне материка были выявлены две плоские каменные плиты со следами обработки размерами 0,22×0,76×130 м и 0,24×0,66×1,39 м. По всей видимости, они входили в состав конструкции склепа. В XIX в. их выбрали, но по какой-то причине не вывезли.

С запада к склепу примыкал грунтовый наклонный к востоку дромос. Прослеженная длина до 3,64 м, ширина до 2,56 м, глубина до 1,28 м. На его полу выявлены остатки трех вырубленных в материке ступеней: 1-я шириной 0,84 м и высотой до 0,16 м; 2-я шириной 1,24 м и высотой до 0,12 м; 3-я шириной 0,24 м и высотой до 0,52 м. У третьей грунтовой ступени на дне погребальной камеры сохранились остатки ступени размерами 0,88×2,16 м и высотой до 0,47 м, сложенной из четырех плоских камней, установленных в два ряда.

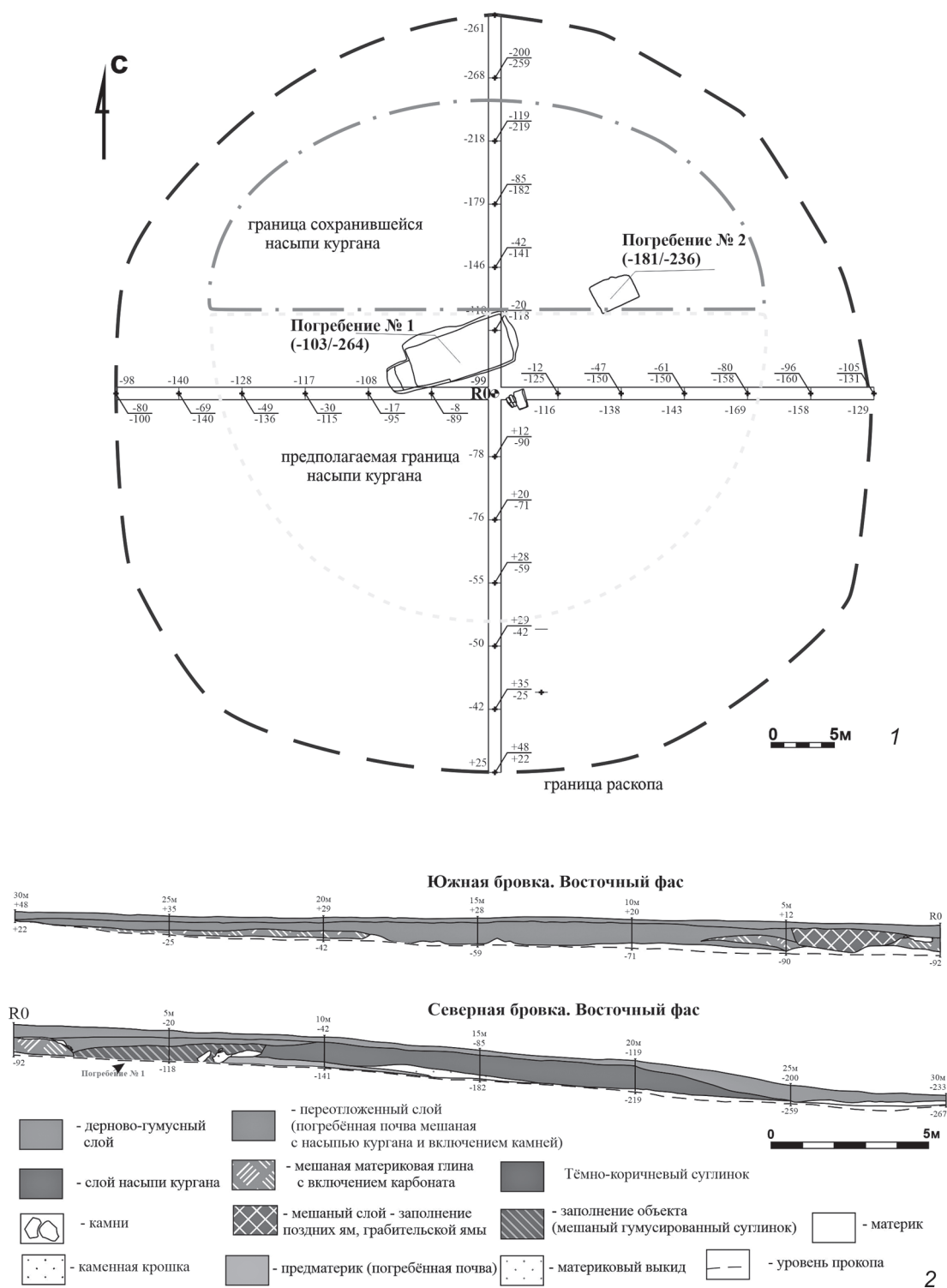

Рис. 20. Курган № 5. 1 – план;
2 – восточный фас южной и северной бровки

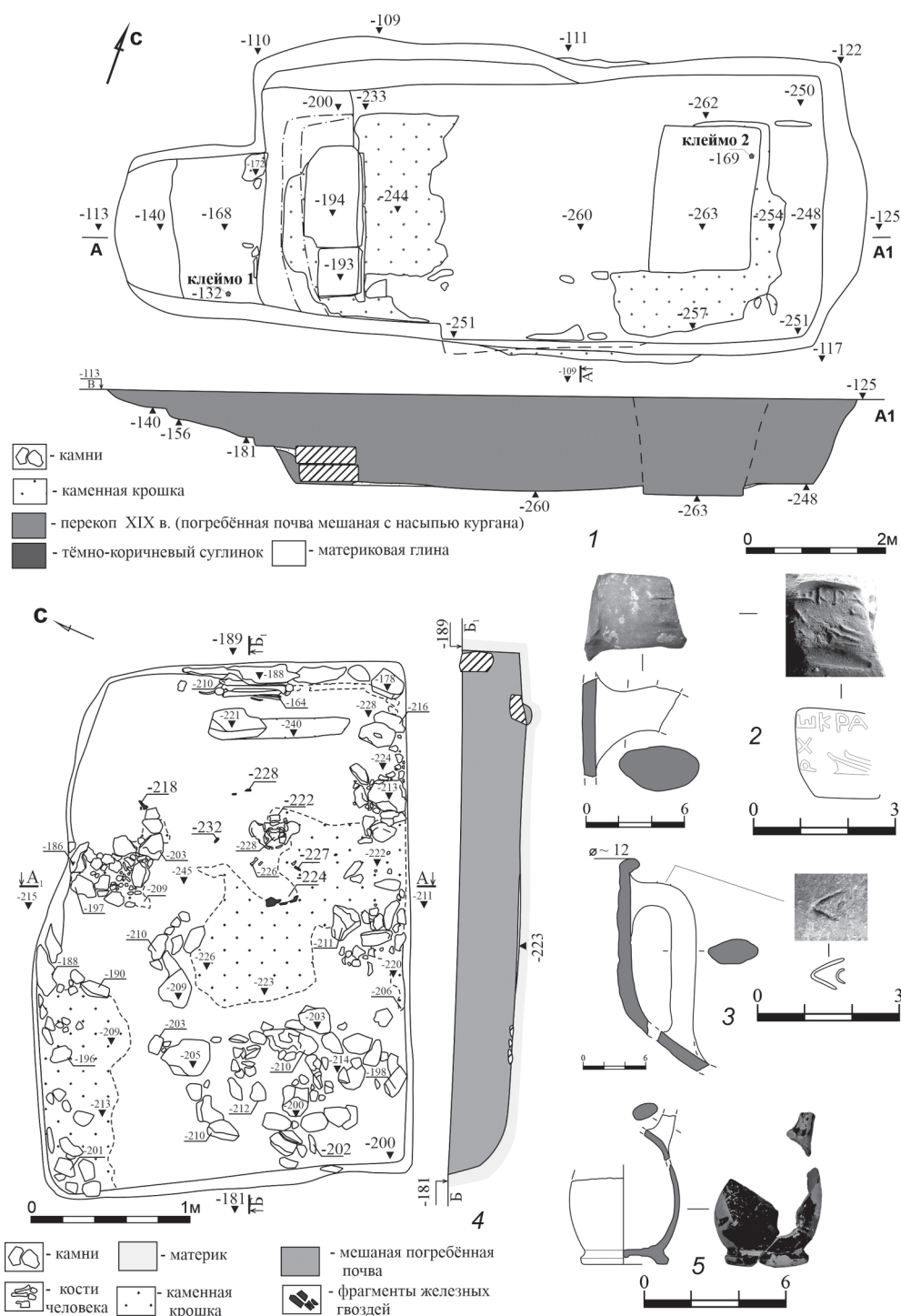

Рис. 21. Курган № 5. 1 – Основное погребение, план и разрез; 2 – фрагмент клейма на ручке кийской амфоры из заполнения склепа; 3 – фрагмент горла мендеевской амфоры с клеймом из заполнения дромоса; 4 – впускное погребение, план верхнего уровня и разрез; 5 – лекиф из впускного погребения

В заполнении грабительского перекопа внутри погребальной камеры и дромоса найдены фрагменты амфор Хиоса, Фасоса, Икоса, Книда, Гераклеи и Синопы второй-третьей четвертей IV вв. до н. э., столовой посуды, включая чернолаковые пелику, лекану и миску IV в. до н. э., фрагмент алабастра и обломки костей взрослого индивида. Клеймо на ручке книдской амфоры позволяет датировать погребение третьей четвертью IV в. до н. э. [Ефремов 2013, 430, № VIII (47–51); Кац 2007, 424] (рис. 21. 2). Помимо материала IV в. до н. э., стоит отметить присутствие в дромосе фрагментов горл амфор Менды последней четверти V в. до н. э. [Монахов 2003, 91, 291, табл. 61. 6] (рис. 21. 3).

Впускное погребение было обнаружено примерно в 7 м от основного по пятну грабительского перекопа. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы, ориентирована по длинной оси в направлении СВ–ЮЗ. Ее размеры по верхнему краю 3,31×2,00–2,33 м; на уровне дна 3,06×2,15 м; глубина от прослеженного края до 0,35 м (рис. 21. 4). Стенки ямы наклонные, сужаются в направлении дна. Скорее всего, ее борта были облицованы бутовым камнем, на что указывают частично уцелевшие участки каменной обкладки в юго-западной части могилы и в ее восточном углу. Судя по одному из участков, сохранившемуся на высоту одного ряда камней, обкладка стен была однослойной, иррегулярной из необработанных мелких и средних камней без связующего раствора. С остатками кладок можно так же связать скопления известняковой крошки и небольших камней, лежавших без всякой системы вдоль стен, которые были прослежены в придонной части ямы и в верхнем уровне ее заполнения.

На дне в центральной части могильной ямы *in situ* зафиксированы остатки древесного тлена и железных гвоздей от погребальных носилок, а также часть скелета погребенного (таз и позвонки поясничного отдела). Крупные кости конечностей были смещены грабителями к восточной стенке ямы. Судя по расположению тазовых костей, погребенный (мужчина 20–30 лет) был уложен в вытянутом положении на спине, головой на восток.

Из остатков погребального инвентаря упомянем фрагменты аттического чернолакового краснофигурного лекифа (рис. 21. 5) и чернолакового аска IV в. до н. э. Исходя из стратиграфии погребения № 2 (впускное), можно сделать вывод, что оно было совершено в пределах третьей – четвертой четвертей IV в. до н. э., спустя немного времени после того как курган был отсыпан.

В целом, выявленные в насыпях «Группы из 5-ти курганов» основные погребальные комплексы можно разделить на четыре типа. В курганах № 2 и № 4 обнаружены кремационные захоронения в сопровождении тризн, датированные концом V – началом IV вв. до н. э. и около середины IV в. до н. э. В кургане № 3 оказался каменный склеп с дромосом, возведенный во второй четверти – середине IV вв. до н. э. В кургане № 1 исследован каменный ящик, датированный около середины IV в. до н. э. В кургане № 5 погребение совершено в третьей четверти IV в. до н. э. в каменном склепе с коротким грунтовым дромосом. Все типы погребальных сооружений находят аналогии в курганах, раскопанных ранее в Керчи и ее окрестностях.

Впускных захоронений в целом оказалось немного. Датируются они между третьей и последней четвертью IV в. до н. э., концом IV – началом III в. до н. э. и серединой – второй половиной II в. н. э. Для некоторых из них дату установить не удалось.

Что касается других курганных групп в долине р. Джарджава, то в северо-восточной ее части, на территории современного мкрн. Марат-2, примерно в 3 км к северо-востоку от курганный группы «Солдатская слободка», один курган был раскопан С. А. Шестаковым в 1977 г. В нем были обнаружены два ограбленных каменных склепа и тризна, датированные амфорами и столовой посудой третьей четвертью IV в. до н. э. [Шестаков 2007а, 171–175; 2007б, 353–357]. В 2017 г. И. В. Рукавишниковой исследовались две насыпи курганный группы «Цементная слободка 1» в восточной оконечности долины р. Джарджава, примерно в 2,5 км к востоку от вышеописанной курганный группы. В них обнаружены каменные склепы IV–III вв. до н. э. [Рукавишникова и др. 2019, 15–39; Егорова, Ильяшенко 2023, 262–280]. Примерно в 1,5 км к востоку от юго-западной окраины мкрн. Солдатская слободка в этом же году И. В. Рукавишниковой исследован крупнейший в долине р. Джарджава курган «Госпитальный», монументальная каменная гробница которого оказалась ограбленной. Уцелевшая керамика из тризн позволила датировать ее IV в. до н. э. [Рукавишникова и др. 2022].

Помимо погребальных комплексов в долине р. Джарджава выявлены и поселенческие объекты. В 1958 и 1960 гг. разведками С. А. Семенова, В. Э. Кунина и В. В. Веселова на окраине пос. Восход (бывш. пос. Джарджава) было открыто поселение IV–III вв. до н. э., названное И. Т. Кругликовой Восход-II [Семенов, Кунин 1962, 257–258; Веселов 2005, 143, № 331]. В 2020 г. в шурфах, заложенных А. В. Зинько по его периметру, были обнаружены фрагменты амфор Гераклеи, Фасоса, Синопы и керамики VIII – первой половины X вв. [Зинько 2021, 62–63]. Еще одно поселение с жилыми и хозяйственными комплексами последней четверти V – первой четверти III вв. до н. э. было открыто в 1989 г. в 1,5 км к востоку юго-западной окраины мкрн. Солдатская слободка в районе бывшего туберкулезного диспансера [Федосеев 1991, 29–31; 1994, 249–250].

Эти античные поселения в долине р. Джарджава, учитывая их относительную бедность, скорее всего, не связаны с рассматриваемым погребальным памятником. Все курганные группы в долине, как и расположенный южнее курганный некрополь Юз-Оба, представляют собой отдельные участки курганного Пантикапейского некрополя.

Список литературы

- Амброз А. К. 1966. Фибулы юга европейской части СССР (САИ Д 1-30). М., 112.
 Анохин В. А. 2011. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев, 328.
 Веселов В. В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. (ДБ. Suppl. II). М., 266.
 Вдовиченко И. И. 2006. Расписная керамика из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича в собрании Национального заповедника Херсонес Таврический // ПИФК. XVI/1, 118–143.

- Вдовиченко И. И., Жесткова Г. И. 2011. Расписная керамика Херсонеса Таврического (Раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера) // *Stratum plus*. 3, 3–111.
- Егорова Т. В., Ильяшенко С. М. 2023. Расписная и чернолаковая керамика из кургана 2 курганной группы «Цементная слободка I» // *АМА*. 21, 262–280.
- Ефремов Н. В. 2013. Керамические клейма позднеклассического-раннеэллинистического Книда. «Протокиндские» клейма и клейма с «носом корабля» // *Вопросы эпиграфики*. VII/1, 405–451.
- Зинько А. В. 2021. Подводные и наземные археологические исследования в Керчи в 2020 году // *ИАКр*. XV. Симферополь, 62–63.
- Кац В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Ч. I. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище, Саратов, 180.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.–Саратов, 352.
- Монахов С. Ю., Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. 2022. Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов, 304.
- Петракова А. Е., Букина А. Г. 2019. Малые коллекции античных ваз в музеях России. Каталог. СПб–Керчь, 568.
- Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. 2019. Курган 4 курганной группы «Цементная слободка 1» в Керчи // *Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.* Т. 1. М., 15–39.
- Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. 2022. Курган Госпитальный (Материалы спасательных археологических исследований. 28). М., 592.
- Рукавишникова И. В., Егорова Т. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф. 2019. Чернолаковые и краснофигурные сосуды из тризновых комплексов кургана «Госпитальный» // *ДБ*. 24, 443–470.
- Семенов С. А., Кунин В. Э. 1962. Разведки на Керченском полуострове // *АИБ*. II. Симферополь, 257–262.
- Федосеев Н. Ф. 1991. Поселение «Госпиталь» // *Проблемы археологии и истории Боспора. К 165-летию основания Керченского музея древностей. Тез. докл. юбилейной конф.* 13–19 октября 1991 г. Керчь, 29–31.
- Федосеев Н. Ф. 1994. Исследования поселения «Госпиталь» // *Археологические исследования в Крыму. 1993 год*. Симферополь, 249–250.
- Шестаков С. А. 2007а. Курган Марат-2 в Керчи // *VIII Таврические научные чтения. Сб. материалов*. Ч. 2. Симферополь, 171–175.
- Шестаков С. А. 2007б. Тризна в кургане Марат-2 в Керчи // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Святынища и сакральные объекты* (Боспорские чтения. VIII). Керчь, 353–357.
- Garlan Y. 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris, 335, XII pls.
- Sparkes B. A., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, 472.

Summary

V.Yu. Kononov, S. A. Kononova

Mound Group on the Southwestern Edge of the "Soldatskaya Slobodka" Microdistrict in the City of Kerch (Preliminary Review Based on the Results of Excavations in 2022)

The article provides a brief overview of the excavation results of a group of burial mounds situated on the edge of Soldatskaya Slobodka microdistrict in Kerch performed in 2022. In total, five barrows have been explored. The main burial complexes are represented by cremations accompanied by funeral repast, a stone crypt with a dromos, a cist and a stone crypt with a short ground dromos. They date from the end of the fifth to the beginning of the fourth centuries BC and the third quarter of the fourth century BC. There were only few secondary burials; they supposedly were committed between the third and fourth quarters of the fourth century BC, in the end of the fourth century or in the beginning of the third century BC and in the second half of the second century AD.

Г. А. Ломтадзе*, С. В. Ольховский**

(* ГМИИ им. А.С. Пушкина, г. Москва;

** Институт археологии РАН, г. Москва)

Амфорная тара второй половины VI – V вв. до н.э. из подводных раскопок у мыса Ак Бурун

В 2015–2017 гг. сотрудники Института археологии РАН провели спасательные археологические раскопки на участках дна Керченской бухты в границах ОАН «Бухта Ак-Бурун» – обширного захоронения донных отложений, перемещенных сюда из Генуэзской гавани Керчи в ходе дноуглубительных работ второй половины 1970-х гг. Иловые массы, отложившиеся в акватории Генуэзской гавани, содержат огромное количество крупных фрагментов античной керамики, оказавшихся там в результате многовековой практики выбрасывания в море с судов и причалов поврежденных товаров и имущества, то есть по сути являются культурным слоем порта Пантикапея.

Хотя в результате указанных причин изъятый культурный слой порта оказался перемешан, а значительная часть целых форм была расхищена со дна в 1990-х – 2010-х гг., его керамический комплекс частично сохранил свою научную значимость и демонстрирует широкий ассортимент товаров, поступавших в Пантикапей на протяжении всей его истории. До 70% массива керамических находок составляют амфоры. Коллекция профильных частей амфор включает изделия практически всех причерноморских и средиземноморских центров, торговавших с Боспором. Подавляющая часть найденных условных сосудов относится к IV–III вв. до н.э., но есть и находки более раннего времени, которым и посвящена настоящая статья.

Следует отметить специфику материалов публикуемой коллекции. Прежде всего, значительная часть находок представлена крупными фрагментами тары, а иногда целыми или археологически целыми формами [Егорова, Ольховский 2023, 268]. Следует учесть, что в ходе подводных работ была изучена лишь малая часть (несколько процентов) от общей площади ОАН «Бухта Ак-Бурун», поэтому приведенная нами статистика может не в полной мере соответствовать изучаемому комплексу в целом. Также оказалось, что в результате длительного пребывания в иле или морской воде глиняное тесто амфор значительно изменило свои характеристики. Большинство черепков в изломе имеют серый цвет, также сменили цвет и примеси, характерные для продукции многих центров. Чаще всего это касается примесей известняка и кальцита. Поэтому при

идентификации сосудов нередко приходилось опираться не на характерный цвет глины и т. п., а на форму профильных частей [Смокотина 2024, 403].

Переходя к описанию амфор, отметим, что находок VI–V вв. до н. э. на раскопанных в 2015–2017 гг. участках дна найдено сравнительно немного, но они составляют представительную выборку, достойную подробного разбора.

Значительная доля обнаруженных амфорных фрагментов является продукцией Хиоса. Самая ранняя из них – ножка амфоры типа «с воронковидным горлом», относящаяся ко второй половине VI в. до н. э. (рис. 1. 5) [Cook, Dupont 1998, 148–149, fig. 23.2 a-c; Монахов 2003, 15–16, табл. 3. 1–2; Bîrzescu 2012, 65–69, Taf. 38, 102; Sezgin 2012, 101–104]. Фрагмент венчика амфоры, покрытый темной лакообразной краской (рис. 1. 3) и одна из ножек амфор (рис. 1. 6) датируются в пределах последней трети VI – начала V в. до н. э. [Монахов 2003, 16–17, табл. 3. 5, 6; 4. 1–5; Bîrzescu 2012, 69–76, Taf. 28–33, 38; Sezgin 2012, 105–114; 133–135]. Вероятно, к фракционному сосуду этого же типа относится небольшая ножка (рис. 1. 7) с неглубокой выемкой [Монахов 2003, 17, табл. 4. 6]. К раннему варианту «развитого пухлогорлого» типа можно отнести горло (рис. 1. 2) со слабовыраженным перехватом в нижней части и уплощенным венчиком [Монахов 2003, 17–18, табл. 5. 1; Bîrzescu 2012, 74–76, Taf. 33–34; Sezgin 2012, 107–114]. Вероятно, ко второй четверти V в. до н. э. можно отнести горло (рис. 1. 1) с более крупным и выраженным венчиком [Монахов 2003, 18, табл. 5. 2–4]. Ближе к середине этого века можно датировать горло хиосской «пухлогорлой» амфоры с хорошо выраженным перехватом в нижней части (рис. 1. 4) [Монахов 2003, 18, табл. 5. 2–4]. К сожалению, представленные в нашей коллекции ножки «пухлогорлых амфор (рис. 1. 8, 9) датируются более широко, в пределах первой половины V в. до н. э. Еще один тип хиосской тары, представленный в публикуемой коллекции – фрагменты «прямогорлых» амфор (рис. 1. 10–13). Хотя их было найдено немного, но они имеют яркие отличительные особенности – горло цилиндрической формы с овальным венчиком и характерные массивные ножки [Монахов 2003, 19–20, табл. 8, 9]. Отметим, что изучаемая коллекция включает почти полную «типологическую линейку» хиосской тары второй половины VI – конца V в. до н. э., за исключением лакуны в третьей четверти V в. до н. э.

Всего несколько ножек амфор в виде низких и широких кольцевых поддонов диаметром от 6 до 8 см относятся к продукции Клазомен (рис. 2. 7–9). Это фрагменты стандартных и широко распространенных в Средиземноморье и Причерноморье пифоидных сосудов второй половины VI – начала V в. до н. э. [Cook, Dupont 1998, 151–156, fig. 23.3b-d, f; Монахов 2003, 52–54, табл. 32. 3, 4; 33. 1–3; Bîrzescu 2012, 101–107, Taf. 41–49; Sezgin 2012, 46–55]. Вероятнее всего, исходя из параметров обломков, наши экземпляры надо относить к последней трети VI в. до н. э.¹

Профильные части амфор «протофасосского» типа представлены горлом и несколькими ножками. Если говорить о горле (рис. 2. 2), то цилиндрическая форма и массивный валикообразный венец позволяют датировать его в пределах второй половины VI в. до н. э. [Монахов 2003, 39–40, табл. 23. 4–6]. К этому же варианту можно отнести и одну из представленных в нашей коллекции ножек (рис. 2. 13). Возможно, несколько позднее,

¹ Диаметры ножек клазоменских амфор конца VI – начала V в. до н. э. не превышают 5–6 см [Монахов 2003, 54].

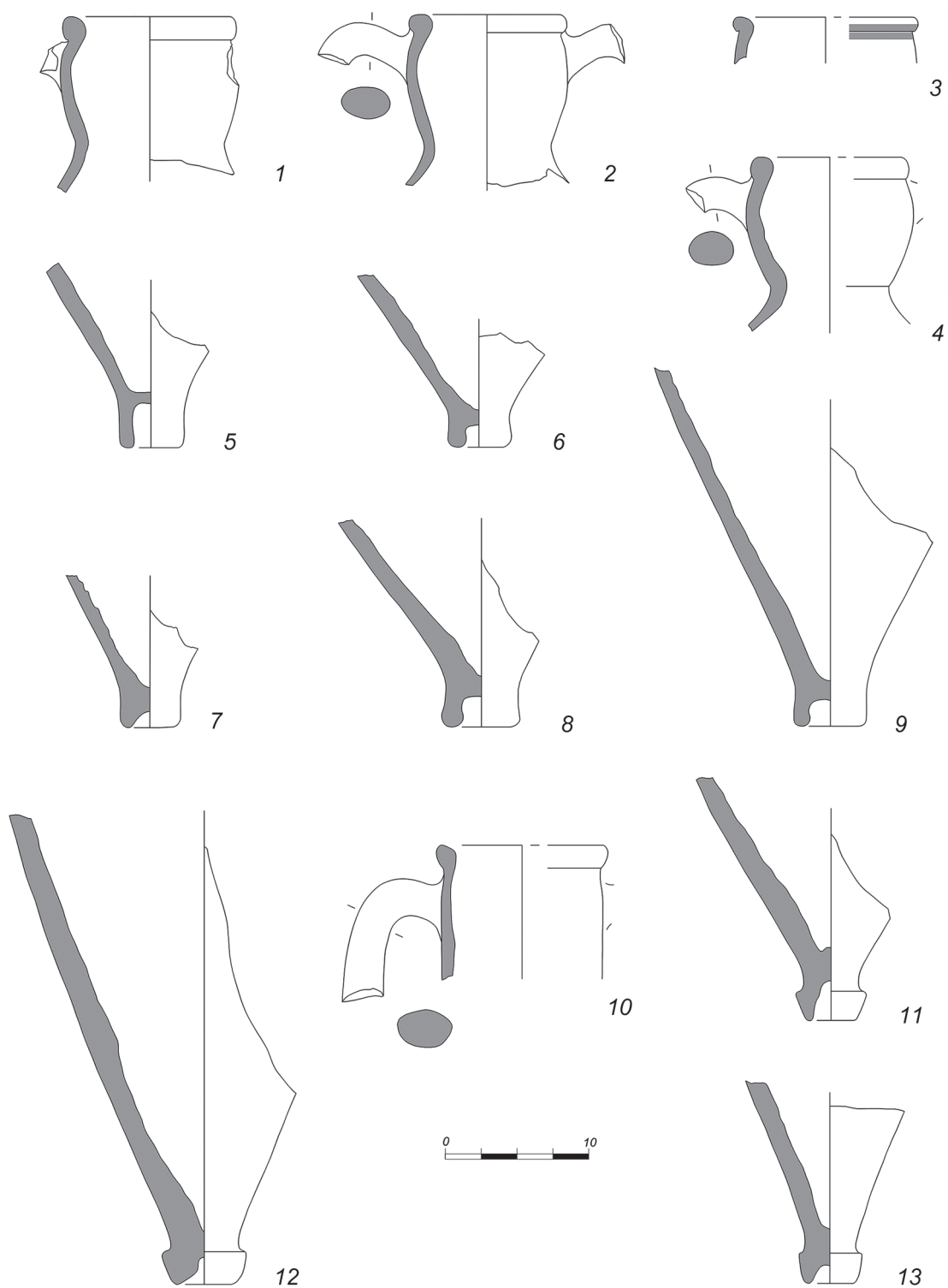

Рис. 1. Фрагменты хиосских амфор

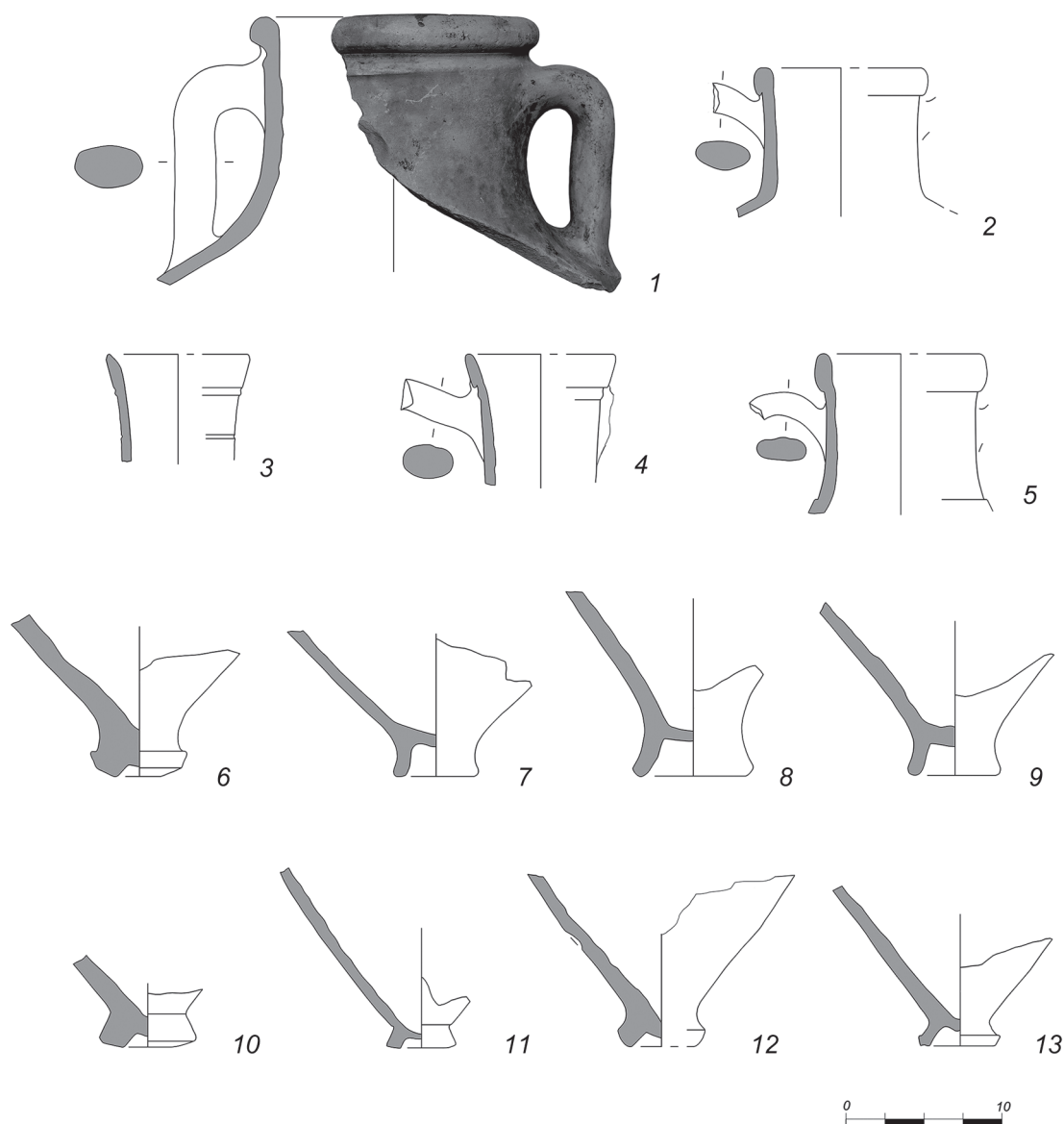

Рис. 2. Фрагменты позднеархаических и раннеклассических амфор.
 1 – Горло амфоры неустановленного центра производства; 2, 6, 13 – амфор
 на сложнопрофилированной ножке; 3, 4, 10, 11 – милетских амфор;
 5, 12 – самосских амфор; 7–9 – клазоменских амфор

концом VI – началом V в. до н. э., исходя из аналогий [Монахов 2003, 40, табл. 24. 1; Ломтадзе 2005, 319–321, рис. 9. № 18], датируется еще одна ножка подобной амфоры (рис. 2. 6).

Особо отметим горло крупной амфоры неизвестного центра производства, которое имеет некоторое внешнее сходство с вышеописанным типом (рис. 2. 1). При этом, нельзя не заметить и явные отличия: массивность горла (восстанавливаемый диаметр около 20 см) и светло-коричневую пористую глину. Аналогии этому фрагменту нам не известны.

Тара Милета и Самоса представлена небольшим количеством экземпляров. Два горла расширяющейся кверху формы с характерным уступом под отогнутым наружу венчиком относятся к милетским амфорам второй половины VI – рубежа VI–V вв. до н.э. (рис. 2. 3, 4) К этому же типу относятся две ножки расширяющейся книзу формы [Cook, Dupont 1998, 174, fig. 23.7a-c; 23.8a, b; Монахов 2003, 32–34, табл. 18; Bîrzescu 2012, 133–140, Taf. 61; Sezgin 2012, 154–159; Толстиков и др. 2017, 56–57] (рис. 2. 10, 11). Самосские амфоры – это фрагменты тары второй половины VI – первой половины V в. до н.э. Это горло цилиндрической формы с уступом в нижней части (рис. 2. 5) и уплощенным венчиком, а также ножка характерной формы в виде низкого и узкого кольцевого поддона (рис. 2. 12) [Монахов 2023, 27, табл. 14, 15; Bîrzescu 2012, 158–161, Taf. 57–61; Sezgin 2012, 137–174; Толстиков и др. 2017, 57–58].

Архаические и раннеклассические варианты амфор из Северной Эгеиды, по большей части произведенные на острове Фасос, в коллекции представлены достаточно широко. Наиболее ранние фрагменты относятся к пифоидным сосудам конца VI – первой половины V в. до н.э. Горло массивной пифоидной амфоры этого времени (рис. 3. 2) находит аналогии в Истрии [Bîrzescu 2012, 167–168, Taf. 65, № 600] и в материалах некрополя Аканфа [Filis 2012, 220, fig. 1a]. Амфоры данного типа известны в северо-причерноморских комплексах 80–70-х годов V в. до н.э. [Монахов 1999, 83–88, табл. 21. 1; 23. 2]. К этим же сосудам можно отнести и низкие расширяющиеся ножки с неглубокими выемками (рис. 3. 7, 8). Позднеархаическим – раннеклассическим временем датируется горло еще одной амфоры (рис. 3. 4), но надо отметить, что его фасосское производство вызывает сомнения [Dupont, Skarlatidou 2012, 259, fig. 20, 21]. Интересна находка части горла фасосской амфоры «с профилированными ручками» (рис. 3. 3). Близкая аналогия известна из раскопок на Таманском п-ове и относится к первой половине V в. до н.э. [Ломтадзе 2010, 470, рис. 14], есть они и в Средиземноморье [Long, Miro, Volpe 1992, 223, fig. 45, no. 3; Filis 2012, 221–222, fig. 2 a, b, d]. Хорошо представлена и фасосская тара второй половины V века (рис. 3. 5, 6, 9–11). Это горла и нижние части сосудов биконической формы с расширяющейся ножкой. Аналогии им широко представлены в материалах античных поселений и некрополей [Монахов 2003, 65–66, табл. 39. 4–6; 40; 41. 1–3; Bîrzescu 2012, 170–172, Taf. 66].

Импорт Лесбоса засвидетельствован как красноглиняными, так и сероглиняными сосудами (рис. 4). Все они относятся к типам, бытовавшим во второй половине VI–V в. до н.э. [Рубан 1990, 14–17, табл. 2; Cook, Dupont 1998, 160–162, fig. 23.4 d–e; 23.5 b–e; Bîrzescu 2005, 52–60, Abb. 2–5; Bîrzescu 2012, 31–35, 40–44; Sezgin 2012, 214–219, 222–228]. Отметим, что фрагменты красноглиняных амфор Лесбоса в нашей коллекции датируются в диапазоне последней четверти VI – начала V в. до н.э. (рис. 4. 4–6), в отличие от сероглиняной тары этого центра (рис. 4. 1–3, 7), самые поздние экземпляры которой относятся к позднеклассическому времени. Рубежом V и IV вв. до н.э., вероятнее всего, датируется тулово сероглиняной лесбосской амфоры с дипинто $\Gamma\Sigma$ на плече (рис. 4. 7). К этому же времени относится и ножка подобного же сосуда (рис. 4. 3). Этот тип лесбосской тары известен в единичных экземплярах как в Причерноморье [Монахов 1999, 145, табл. 50], так и в Средиземноморье [Монахов 2003, 47, табл. 29. 6, 7; Clinkenbeard 1982, 264, pl. 71. 8; Clinkenbeard 1986, fig. 5. 4] и датировка его пока достаточно широка – конец V – середина IV в. до н.э.

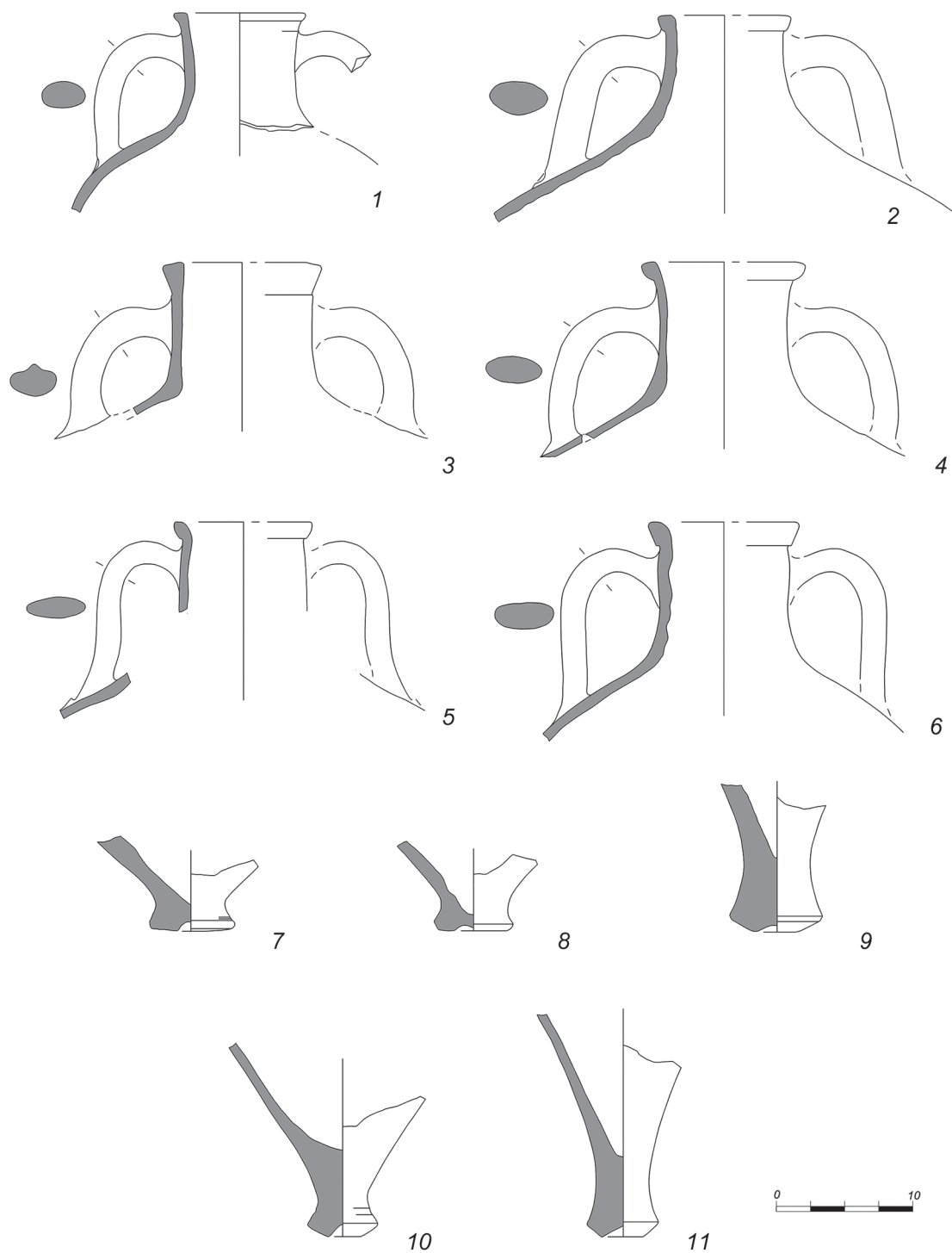

Рис. 3. Фрагменты фасосских амфор

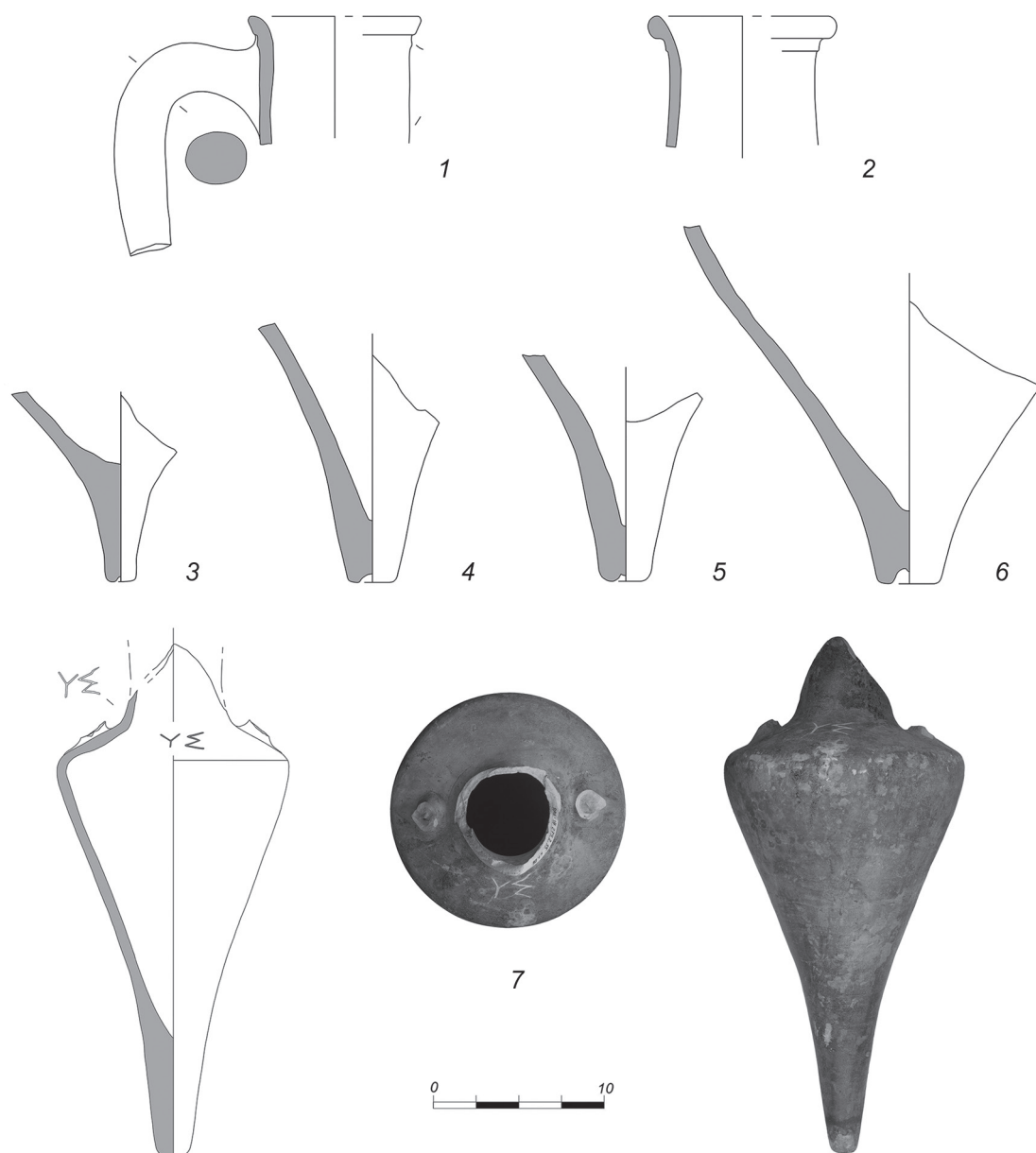

Рис. 4. Фрагменты лесбосских амфор

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что амфорный комплекс второй половины VI–V в. до н.э. из подводных раскопок у мыса Ак-Бурун включает в себя стандартный, хотя и неполный набор типов тары², характерный для Причерноморья позднеархаической и классической эпох. Наибольшим количеством представлены фрагменты хиосских и фасосских амфор.

² Например, практически отсутствует мендейская тара, амфоры «с раздутым горлом» и др. типы, встречающиеся в слоях V в. до н.э.

При сравнении данной коллекции с материалами из «сухопутных» раскопок Пантикапея заметны некоторые отличия, прежде всего, в хронологии. Самая ранняя тара, найденная на акрополе, относится к концу VII – первой четверти VI в. до н. э. [Толстиков и др. 2017, 62]. При этом в коллекции с Ак-Буруна нет амфор, датирующихся ранее второй половины VI в., да и их крайне мало³. Мы объясняем эту особенность тем, что древнейший порт Пантикапея располагался в иной части Керченской бухты, либо культурный слой, отложившийся вокруг древнейшего городского причала, не был поврежден в ходе дноуглубительных работ и по-прежнему сохраняется в Генуэзской гавани.

Список литературы

- Егорова Т. В., Ольховский С. В. 2023. Чернолаковая керамика со штампованным орнаментом из подводных исследований у мыса Ак-Бурун // Дети и взрослые железного века (Stratum plus. 3). СПб–Кишинев–Одесса–Бухарест, 267–287.
- Ломтадзе Г. А. 2005. Амфоры с ножкой в виде сложнопрофилированного кольцевого поддона в собрании Государственного Исторического музея // БИ. VIII, 318–338.
- Ломтадзе Г. А. 2010. Античные комплексы с керамической тарой VI–IV вв. до н. э. поселения Вышестеблиевская 10 // ПИФК. 1, 458–476.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Саратов, 351.
- Ольховский С. В., Степанов А. В. 2016. Подводные археологические исследования на трассе Керченского моста // ТС. 10. Симферополь, 133–141.
- Смокотина А. В. 2024. Позднеримский и ранневизантийский керамический импорт из гавани Пантикапея // Imperium et Barbaricum: стабильность и конфронтация (Stratum plus. 4). СПб–Кишинев–Одесса–Бухарест, 267–287.
- Bîrzescu Iu. 2005. Lesbos rot Amphoren // AM. 120, 45–69.
- Bîrzescu Iu. 2012. Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren (Histria. XV). București, 476.
- Clinkenbeard B. G. 1982. Lesbian Wine and Storage Amphoras. A Progress report on identification // Hesperia. Vol. 51, 248–268.
- Clinkenbeard B. G. 1986. Lesbian and Thasian Wine Amphoras: Questions Concerning Collaboration // BCH. Suppl. XIII, 353–362.
- Cook R. M., Dupont P. 1998. East Greek Pottery. London– New York, 226.
- Sezgin Y. 2012. Arkaik Dönem Ionia Üretimi Ticari Amphoralar. İstanbul, 310.

³ Материалы IV–II вв. до н. э. и раннеримского времени готовятся к публикации. На сегодняшний день, можно сказать, что коллекция фрагментов амфор позднеклассического и эллинистического времени включает в себя сотни профильных фрагментов, не считая клейм.

Summary

G.A. Lomtadze, S.V. Olkhovsky

**Amphora container of the second half of the 6th – 5th centuries BC
from underwater excavations near Cape Ak Burun**

The article is devoted to the publication of ceramic containers of the 6th – 5th centuries BC from excavations of the bottom sections of the Kerch Bay within the boundaries of the Ak-Burun Bay Archaeological Museum – an extensive burial site of bottom sediments moved here from the Genoese harbor of Kerch during dredging operations in the second half of the 1970s. The amphora complex includes a standard, although incomplete set of container types, including vessels from Chios, Thasos, Klazomenae, Miletus, Samos, etc. A significant part of the finds are represented by large fragments of vessels, and sometimes whole or archaeologically intact forms. The earliest of them are dated within the second half of the 6th century BC. Considering that during excavations of the acropolis of Panticapaeum complexes of an earlier period were discovered, it can be assumed that the ancient port of Panticapaeum was located in another part of the Kerch Bay, or the cultural layer deposited around the ancient city pier was not damaged during dredging operations and is still preserved in the Genoese harbor.

А. А. Масленников

(Институт археологии РАН, г. Москва)

Античная поселенческая терминология и некоторые археологические реалии Боспора¹

Тема исторической географии Крыма и Таманского п-ова, как известно, не нова и время от времени появляются очередные более или менее пространные исследования. Из относительно недавних обобщающих и частных работ назовём только монографию В. Г. Зубарева, а также серию публикаций В. П. Яйленко, А. В. Подосинова, С. Р. Тохтасьева, А. А. Завойкина и безвременно ушедшего от нас Н. Ф. Федосеева. В них основным предметом рассмотрения (что, в сущности, правомерно в силу характера наших источников) является античная топонимика или палеогеография. Однако надо заметить, что если привлекаемая при этом археологическая «база» постоянно растёт и открывает (или наоборот – закрывает) возможности в области предполагаемых отождествлений и локализаций, то изыскания по части топонимики, как бы «топчутся на месте», по-прежнему, в значительной степени варьируясь вокруг нескольких прежних гипотез о языковой принадлежности дошедших до нас местных названий (топонимов) (индоарийские, разные иранские, индоиранские, греческие, фракийские, кавказоязычные и какие-то «некие иные»). Что же касается возможной локализации тех или иных древних населённых пунктов этого региона, то считаю совершенно необходимым ещё раз подчеркнуть, что всякая соответствующая интерпретация должна опираться на глубокое знание археологических реалий и личное (визуальное) знакомство с тем или иным районом и памятником при обязательном учёте местной современной и древней географической (в самом широком смысле этого слова) ситуации. Иными словами, время чисто кабинетных штудий на эту тему прошло. Теперь почти каждый может поехать, посмотреть... и ещё раз подумать.

Разумеется, в свете новой информации и нам хотелось бы обратиться к такого рода поискам, предположениям и рассуждениям. Вот, скажем, громадные городища первых веков н. э. в восточной части Крымских предгорий, ставшие известными совсем недавно [Зайцев, Шкрибляк 2017, 139–154]. Чем не повод для возвращения к пассажу Клавдия Птолемея о «городах» в Крыму (Ptol. VI. 2–5)! Вместе с тем, и собственно

¹ Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН по теме: «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии на перекрёстке культур и цивилизаций (НИОКР № 122011200269-4).

поселенческая терминология в дошедших до нас античных письменных источниках (не топонимы, а именно термины) также представляется не безынтересной. Что мы имеем в виду? А вот что. Хорошо известный всем специалистам Свод свидетельств античных авторов о Северном и отчасти Восточном и Западном Причерноморье под редакцией В.В. Латышева (SC) содержит помимо множества названий населённых пунктов также и небольшое, что естественно, количество их соответствующих «определений».

Если кратко, то древнегреческие авторы и более всего Страбон употребляли применительно к собственно Боспорской территории (почти исключительно Восточный Крым, Таманский п-ов а также – устье Дона-Танаиса) следующие термины: город (πόλις/μητρόπολις), городок (πολίχιον), деревня (κώμη), деревенька (κώμιον), эмпорий (ἐμπόριον). Первое из всех приведённых и самое используемое – *полис*, как явствует из любого словаря, многозначно: город, главный город, родной город, главная часть города, совокупность всех граждан и домов, государство, государственное образование, свободное государство, отечество, община. При этом почти что идентичный термин *астио* (ἄστυ) – город, главный город, столица, главная часть города, но иногда и просто населённый пункт² применительно к Северному Причерноморью (в частности Боспору) никем не использовался. Аналогичным образом обстоит дело и с терминами «*фрурион*» (укреплённое поселение, укрепление, крепость) и его латинской аналогией – *castellum*, хотя т. н. батареи Таманского, п-ова, казалось бы, так подходят под него. Между тем, как для Западного и Юго-Восточного Причерноморья, не говоря уже о Южном, они встречаются. Случайность ли это? Или древнегреческие авторы были просто менее осведомлёнными о характере поселенческих структур в интересующем нас регионе Причерноморья? Зададимся вопросом: чувствовали ли все они или их первоисточники вообще некую смысловую разницу между упомянутыми терминами, в том числе и для обозначения местных поселений, так сказать, высшего ранга, сознательно отдавая предпочтение одному из них? Или же это было им как бы «всё равно»?

Несколько по-иному, кажется, обстоит дело с параллельной латинской терминологией. Здесь фиксируются все три городских наименования. *Урбс* (urbs): город, город, окружённый стеной, особый город – Рим, столица, изредка – граждане. *Цивитас* (civitas): город, гражданство, совокупность граждан, община, государство, держава³. И *оппидум* (oppidum): город, загородка, специальная ограда в цирке, огороженный лес, укреплённый посёлок⁴. Относительно последнего, у Павла Диакона находим: oppidum – «укреплённый город», назван так оттого, что предоставляет защиту...»; а также: «oppidum (город) говорили оттого, что люди сносят (*туда*) свои пожитки»⁵. В «Записках» Юлия Цезаря, кстати, *оппидум* – это всегда укреплённый варварский центр, нечто вроде про-тогорода, по-нашему – *городище*. Что же касается Северного Причерноморья и Боспора в частности, то как будто бы никто не любопытствовал: предпочитали те или иные латиноязычные авторы какой-то из этих терминов в зависимости от реального облика

² Вейсман А.Д. Греко-русский словарь. СПб, 1899, 1022 и 210.

³ При этом вспомним: «De civitate Dei», но «Urbi et orbi».

⁴ Ананьев и др. Полный латинский словарь. М., 1862, 876, 170, 576.

⁵ Диакон Павел. Эпитома сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов». М.–СПб, 2018, 216, 223. Перевод А.А. Павлова.

поселения, общего контекста изложения либо иной конкретики или, вовсе не ощущая разницы, употребляли то один, то другой.

В целом, при знакомстве с нашими источниками создаётся впечатление, что термины для поселений городского типа *полис*, в меньшей степени – *урбс*, как и *астю* выражали больший уровень некоей абстракции, а *оппидум* – относительной конкретики. *Цивитас* же в ряде случаев, употреблялся в силу неопределённости сведений, а может быть и сознательно, имея в виду не столько именно характеристику некоего населённого пункта, сколько как бы статус, тип социальной организации его обитателей. В таком случае и перевод «община» таких-то и таких-то был бы наиболее адекватным. Например, у Плиния Старшего находим: «На Таврическом полуострове в городе (*цивитас*) Парасин есть земля, с помощью которой излечиваются любые раны» (Plin. NH. II. 210. Пер. Б. А. Старостина)⁶. Все комментаторы склоняются к тому, что и Плиний, и Клавдий Птолемей (III. 6, 5 – *полис* Пароста) имели в виду район современного Сакского озера с его давно и хорошо известными целебными грязями. Однако, как тоже хорошо известно, в этом районе Крыма именно в I–II вв. н. э., за исключением, пожалуй, Калос Лимена и Керкинитиды [Уженцев 2006, 133; Кутайсов 2004, 132] отсутствуют поселенческие объекты городского уровня. Да и те сильно уступали «сами – себе» в предшествовавшую (V – начало III вв. до н. э.) эпоху. Есть относительно немногочисленные варварские (т. н. позднескифские) поселения, переживающие в это же время этап своей строительно-планировочной деградации и упадка. (Из последних по времени исследований на эту тему сошлёмся на работу: [Антонов 2022, 8, 10–12]). Святилище на Сакской косе [Ланцов 2003] тут явно «не в счёт». Хотя... В таком случае было бы, как представляется, более правильным переводить термин *цивитас*, как: «община», «посёлок» неких парасинцев. Очевидно, с термином *полис* дело обстоит по большей части таким же образом.

Указанное терминологическое «многозначие» может быть всё же и не случайно, ибо как-то отражало главную специфику классического античного общества: двуединство города/поселения, как административно-хозяйственного центра и собственно гражданской общины, дуализм материального и социального, некую идеальную модель общественного устройства [подробнее см.: Кошеленко 1980, 11 сл.]. Ведь хрестоматийно известно, что древнегреческие авторы под словом *полис* предполагали, прежде всего, определённый коллектив полноправных граждан, как им представлялось, наилучшим образом организованное сообщество людей (Hrd. VIII. 61; Thuc. VII. 77, 7; Arist. Pol. I. 1, 1, 1252a). По-другому назвать достаточно компактный и многолюдный населённый пункт, явно отличавшийся от сельского поселения (усадыба, деревня, сторожевая башня/форт), они не могли. Других слов (терминов) для этого просто не было. Даже производные от него (*полиса*) слова, – исходя из размеров и статуса поселения, – появляются в наших источниках по Боспору, кажется, только у Страбона, наиболее осведомлённого о многих местных географических реалиях⁷. В его «Географии» мы встречаем

⁶ Плиний Старший. Естественная история. Т. 1. Античная библиотека. Латинская серия. Т. III. Под ред. А. В. Подосинова. М., 2021.

⁷ Литература об источниках боспорского раздела «Географии» Страбона обширна. Упомянем в данной связи, помимо известной монографии Л. И. Грацианской [1988], одну из последних по времени публикаций: [Подосинов 2015, 235–239].

различные наименования упоминаемых им пунктов (*город, городок, деревня, деревушка, и даже эмпорий, гавань, царская резиденция*).

В сущности, как принято считать, понятие *civitas* идентично *полису*. Помимо всего прочего, это тоже – высшее благо, ценность и источник патриотизма. (Не случайно, первые книги труда Тита Ливия наполнены рассказами о подвигах и доблести древних римлян.) В свете сказанного было бы естественным ожидать, что все упомянутые термины употреблялись по отношению соответствующим географо-демографическим реалиям исключительно греко-римского мира. Для варварского же «пограничья» и тем более «зарубежья» более подходили бы некие другие. Однако, как уже отмечалось, это не так. Но вернёмся на Боспор.

Из отечественных археологов-антиковедов только И.Т. Кругликова более полувека назад представила перечень и динамику трансформаций терминологии местных поселенческих структур [Кругликова 1966, 63–65, 1975, 145 сл.], обратив внимание на то, что некоторые из них – заведомо «городского типа» (Китей, Акра, Мирмекий и некоторые др.), – назывались, вернее, характеризовались то так, то этак, вследствие менявшихся со временем размеров, численности жителей, административного статуса, уровня благоустройства, состава населения и т.п. Иными словами, их терминологическая градация не оставалась неизменной в восприятии современников, как пришлых, так и местных, что и находило отражение (хотя, конечно, далеко не полное и не «синхронное») в надлежащей письменной традиции. Отчасти это археологически подтверждалось уже тогда, отчасти – сегодня. В качестве примера сошлёмся на примеры: город/городок – деревня/деревенька Китей и Акра [Завойкин 2022, 101–110; Соловьёв, Вахонеев, Шенко 2021, 14–16, 152–154].

При этом, как будто бы для ранних латиноязычных источников соответствующая информационная «составляющая» складывалась на основе не только и даже не столько компиляций и привлечения греческих текстов, сколько исходя из реалий «имперской» политико-административной, военной и торговой практик. Так или иначе, но, как уже давно было замечено [Ростовцев 1925, 16–144], наиболее точная и пространная информация античных авторов об интересующем нас регионе относится либо к периоду первознакомства с ним, либо к особо значимым событиям и эпохам, например: митридатovým, а много позже – «готским» войнам и т.п.

Более или менее удачные попытки соотнести те или иные из вышеприведённых терминов с современной типологией местных археологических памятников, в основном сельских поселений, предпринимались после И.Т. Кругликовой неоднократно, в том числе и автором этих строк. Однако, думается, даже с учётом масштабных раскопок и открытий последних десятилетий такие «согласования» нельзя признать окончательными и общепринятыми. Впрочем, нас, в сущности, интересует другое. Безусловно, каждый из античных писателей, историков или географов в реалиях их жизни хорошо представлял себе, что такое привычный им город (маленький, средний или большой) и что такое сельское поселение (усадебное, деревня, укрепление на границе и т.п.) где-нибудь в пределах греко-римского мира. Иными словами, разница в употреблении того или иного из соответствующих терминов, скорее всего, как-то ощущалась в тогдашней бытовой, юридической, языковой и письменной практиках. Иное дело – на краю

или вообще за «чертой» античной Ойкумены. Подобрать должное определение было здесь не всегда возможно в силу, прежде всего, информативной неопределённости. Но, может быть, как мы уже отмечали выше, такой терминологической точности, вернее, определённости вовсе не придавалось значения? Подобно тому, как в зрелом средневековье участники первых крестовых походов каждый встреченный ими крупный город принимали за Иерусалим, грекоязычные авторы, начиная с Геродота (далёкий и загадочный город (*полис*) Гелон – Hdt. IV. 108), для всякого, сколь-либо примечательного, а то и просто известного им населённого пункта на заведомо варварской территории, как правило, использовали термин «полис». А вот дальнейшая градация, уточнения (*городок, деревня, местечко*) касалась почти исключительно освоенных греками территорий, в данном случае на Боспоре Киммерийском и отчасти – по соседству.

Римляне же, кажется, были в этом отношении или более щепетильными, или, скорее, лучше осведомленными. Хотя всё, о чем пойдёт сейчас речь, заставляет выделить в только что написанном предложении слово «кажется». Мы имеем в виду хорошо известный пассаж из «Анналов» Тацита (XII. 15–20), повествующий о военных действиях на заключительном (азиатском) этапе междоусобной войны в Боспорском царстве в середине I в. до н. э. (48/49 гг. н. э.). Последний по времени и самый тщательный разбор этих событий содержится, как и перечень соответствующей использованной литературы, в монографии наших петербургских коллег Ю. А. Виноградова и В. А. Горончаровского, к которой мы и отсылаем читателя [2009, 266–271]. Нового, сколь-либо примечательного фактического (археологического) материала или наблюдений в этой связи, покамест, нет. Да и вряд ли, если, конечно, не «его величество случай», как, скажем, с находками на Гурзуфском седле [Новиченкова 2015], он появится в ближайшем будущем: масштабные «академические» раскопки варварских поселений на предполагаемом театре военных действий (Нижнее и Среднее Прикубанье и Восточное Приазовье) – вообще мероприятие крайне трудозатратное, долговременное и почти наверняка малообещающее в плане музейной ценности находок, а т. н. хоздоговорные работы – эпизодические, кратковременные, территориально непредсказуемые и всегда строго ограниченные «во времени и пространстве». Поэтому позволим себе кратко остановимся лишь на отдельных моментах этого повествования (автор пользовался переводами В. В. Латышева – SC и А. С. Бобовича), вернее их («моментов») возможной интерпретации, относящейся так или иначе к теме настоящей статьи. При этом будем иметь в виду, что соответствующая информация могла попасть к Тациту не напрямую, а через вторые-третьи руки (через одно-два поколения). И таким «рассказчиком» не был сам Митридат VIII или кто-то из его свиты, прозябавших и доживавших в Риме при Клавдии, Нероне и даже немного позже (сам Митридат). Рассказ у Тацита, как сразу заметит читатель, ведётся как бы от некоего участника (причем подчас даже от первого лица, да ещё и в настоящем времени!) событий именно с римской стороны. (Митридат *«узнаёт»* и *«ни во что не ставя ... принимается возмущать; ... прогоняет царя дандаров (дандаридов – dandaridarum) и захватывает его престол (царство); ... они выступают правильным строем; ... боспоранцы, вооружённые (по-нашему, нашим) оружием; ... направляются в земли сираков; ... подступают (окружают) к городу Успе; ... счастье нам изменило... и т. п.*) Возможно, всё это лишь литературный приём Тацита [Дуров

2022, 429–431], но не исключено – ещё живые семейно-корпоративные воспоминания и предания, которые он когда-то слышал⁸. Впрочем, скорее всего, здесь всё же имело место знакомство историка с соответствующими документальными свидетельствами (Акты сената и документы императорской канцелярии, включая донесения с театров военных действий, возможно, мемуары военачальников и политических деятелей, историков и иных интеллектуалов предшествовавшего ему поколения), к которым он, по долгу службы, имел доступ [Гревс 1946, 104, 132, 143, 219; Кнабе 1981, 54, 64–76; Дуров 2022, 423–425]. Вообще говоря, как известно, «Анналы» – самое позднее произведение великого римского историка, написанное (или недописанное) им на вершине его административной карьеры при императоре Трояне, а, возможно, уже при Адриане.

Итак, согласно «генеральной диспозиции» часть союзников нового Боспорского царя Котиса – римляне (несколько когорт легионеров, т.е. вексилляция) и прочие пехотинцы (боспоранцы, «вооружённые по-нашему/нашим оружием» – В.В. Латышев), а также, как следует из заключительной части этого рассказа, «экскурса» о Боспорских событиях (и на что, кажется, никто из писавших на эту тему не обратил внимания) какое-то количество (не меньше когорты) римских же вспомогательных войск (*auxiliarium*) (Тас. *Ann.* XII. 17) должны были заняться осадой городов (*obsidia urbium capessent*) (Тас. *Ann.* XII. 15). Речь, совершенно очевидно, шла о крупных (в одном из них только неких якобы рабов было, опять-таки ж, якобы 10 000!?) и укреплённых (иначе – зачем осада?) населённых пунктах, занятых Митридатом и его союзниками сираками или же принадлежавших изначально последним. Из первых – по ходу военных действий упомянуто Соза/Содза (*Sozam oppidum dandaricae*). Дандары/дандариды – почти наверняка, известные нам по письменным источникам дандарии, как принято, хотя и не всеми⁹, считать, ближайшие на северо-востоке (примерно между реками Кирпили и Низовьем Кубани) [Каменецкий 1989, 333, рис. (карты) 16, 17, 21] меотские¹⁰ или некие отличные от них (иноязычные) соседи Боспора¹¹. Несмотря, а, может быть, и согласно неким союзно-вассальным договорённостям с Боспорскими правителями, они, по-видимому, ещё с IV в. до н. э. сохраняли своих собственных «царей» или даже целую династию.

У Тацита прямо не сказано, что упомянутая Соза/Содза – их столица. Равно как нет и её описания. Но первое – вполне допустимо. Этот «укреплённый, огороженный город» (*oppidum*), прежде захваченный Митридатом, был занят союзниками без боя,

⁸ В отличие от, например, Плиния Старшего, который писал об этой «войне в проливе (Боспор Киммерийский), которая велась в *наш век*» (Plin. *NH* VI. 3). Впрочем, его труды были среди источников Тацита.

⁹ Последний по времени, насколько мне известно, экскурс в данную проблематику, сопровождаемый соответствующим археологическим анализом, содержится в капитальной работе И.С. Каменецкого [2011, 201–210].

¹⁰ Согласно тому же Плинию Старшему, на Восточном побережье Меотиды (Азовского моря) до Танаиса живут именно меоты (Plin. *NH* IV. 88). Все прочие (см. ниже), очевидно, не составляли большинства населения. Разумеется, это вовсе не отменяло в тоже самое время (в I в. н. э.) политического и военного господства над местным населением пришлых кочевников – сарматов. Последние, как известно из других письменных источников, время от времени менялись «ролями». Впрочем, для центральной римской власти, во всяком случае, для римских интеллектуалов и чиновников высшего ранга эпохи рассматриваемых событий, всё это были варвары – «савроматы» (*Sauromatae*), к которым, по словам всё того же Плиния, «...бежал Митридат при императоре Клавдии» (Plin. *NH* VI. 16).

¹¹ Согласно одной из последних версий, все меоты, включая синдов и дандариев, относились к самостоятельной ветви общесарматского или индоиранского языков [см. Куланда 2016, 154–159]. Однако есть и другие точки зрения – индоарии [см. Яйленко 2015, 428–429], что для нас в данном случае не столь важно.

по причине явной симпатии к ним его жителей, но после некоего предшествовавшего этому где-то вооружённого столкновения («враг был отброшен») в самом начале кампании. Вместе с тем фраза Тацита «...было решено овладеть им и оставить в нём гарнизон» (XII. 16) не вполне понятна. Почему «овладеть», если никто, собственно, не сопротивлялся, а, напротив, вроде бы как воспринимал римлян и их союзников как освободителей? Вероятно, более уместным был бы здесь перевод «закрепиться». Но это не суть важно. Важно, что здесь употреблённый термин, как бы соответствовавший неким реалиям.

Затем, войска Котиса и Аквилы, перейдя реку Панду (Panda) (XII. 16), не исключено, пограничную, вступают на территорию враждебных им сираков, «царь» которых Зорсин, «возобновил враждебные действия» на стороне Митридата. Остановимся на этой фразе. И вот почему. Во-первых, из неё как будто бы следует, что Зорсин воевал против римлян и Котиса на первом этапе войны [Виноградов, Горончаровский 2009, 267], а значит теперь нарушил некие соглашения. Отсюда, может быть понятна та жестокость, которую пришлось продемонстрировать римлянам по отношению к его, царя сираков, «подданным» впоследствии (см. ниже). Во-вторых, среди археологов, и это естественно, как бы принято волей-неволей «притягивать» выявленные ими археологические «обстоятельства» к более или менее известным «летописным» событиям. Иногда это имеет свои основания (упомянутые находки на Гурзуфском седле), иногда – вероятность, а случается – и «за уши». Именно так обстоит дело с целым рядом довольно-таки примечательных памятников боспорской хоры. Мы имеем в виду т.н. дома-башни и «батарейки» Таманского п-ова, Синдики и Юго-Восточных районов Боспора (п-ов Абрау и южнее), гибель или временное разрушение которых принято связывать именно с коллизиями рассматриваемых событий. Недавние тщательные изыскания в области их хронологии в целом как бы подтверждают это. «Разрушения середины I в. н. э. зафиксированы на сельских поселениях восточной окраины Боспора, т.е. там, где, согласно Тациту, велись военные действия» [Бонин 2022, 54–55, 57.]¹² Думается, эту фразу надо слегка подправить: не «согласно Тациту», а, так сказать, теоретически, ибо описание первого этапа войны до нас не дошло. Итак, исходя из прямого указания Тацита в самом начале сохранившейся части его рассказа: «...возникла опасность, что Митридат вот-вот вторгнется в Боспорское царство...» (пер. А. С. Бобович) или «...когда это стало известно, и нападение *Митридата* на Боспор ожидалось с часа на час...» (пер. В. В. Латышева) (Тас. Ann. XII, 15), как будто бы явствует, что собственно вторжение-то, благодаря превентивным мерам союзников, и не состоялось. Значит, или археологи ошибаются относительно своих основополагающих методических принципов (датировок), или, повторяю, мы не знаем, как развивались события перед этим, на первом этапе войны (45–48 гг. до н. э.). С учётом всего вышесказанного наиболее вероятен всё-таки общепринятый второй вариант: что-то из укреплений/крепостей, что «помельче», было уничтожено; что-то, что покрупнее («батарейки») – пострадало. Неоднозначна ситуация относительно городов Азиатского Боспора. Судя по имеющимся археологическим данным, Кепы если и не были разрушены, то испытали пагубные последствия военных действий (см. ниже). Прочие – как будто бы избегли «превратностей войны». Хотя... вопросы всё-таки остаются. Но вернёмся к тексту Тацита.

¹² Там же можно ознакомиться с соответствующей библиографией.

Итак, войска союзников после первых успехов переправились через реку Панду. Нам, кроме как у В.П. Яйленко, не удалось найти ни у кого из соответствующих специалистов разъяснения этого гидронима. Очень осторожно он предполагает, что это наименование, как и названия «городов» Соза и Успа – индоарийские [Яйленко 2015, 445]. Впрочем, как это сплошь и рядом бывает с гидронимами, оно (название реки) могло быть древнее живущего на его берегах населения. В этой связи, вроде бы «исконно» автохтонные (древне-кавказоязычные?), связанные с водой изоглоссы, как уже давно отмечалось, в изобилии до сих пор присутствующие в местной Западно-Кавказской гидронимике (Су-Псех, Псоу, Туапсе и т.п.), в данном случае не просматриваются. Но что примечательно, в названии следующего местного, уже точно сиракского «города» Успа (Uspa), таковые (сп-пс), как будто бы наличествуют. (Впрочем, автор – полный дилетант в области исторической лингвистики и вполне может оказаться неправым.)

В вопросе о местонахождении, вернее отождествлении данной «водной артерии» с современными реками и речками среди исследователей тоже нет единства мнений. Теоретически, вернее, как бы логичнее, предположить, что это один из местных водотоков, к северу от современного русла Кубани, впадающий, вернее впадавший некогда в Азовское море (Меотиду) или в один из его лиманов-плавней, и в настоящем столь характерных для Восточного Приазовья¹³. Наши питерские коллеги полагают, что это речка Кирпили [Виноградов, Горнчаровский 2009, 270]. Позволим себе с этим не согласиться. Но и об этом – потом. Впрочем, здесь, главным образом в низовьях этой реки (но не на побережье моря), уже относительно давно было выявлено довольно плотное и большое (более двух десятков) скопление меотских городищ (Кирпиловская группа), как крупных (до 8–10 га), так и совсем небольших, одно время даже заявленных, как своего рода Боспорское пограничье (*лимес*), населённое митридатовскими катойками [Каменецкий 1989, с. 226, рис. (карта) 16, с. 238, рис. (карта) 22, с. 242, рис. (карта) 23; 2011, с. 201–210, 221–229; Шевченко 2013, 4–40; Сапрыкин 2002, 218]. Последовавшие здесь не так давно раскопки показали, что их хронология в целом укладывается между 80-ми годами I в. до н. э. и концом I в. н. э., при том, что уже к середине последнего – большинство городищ приходит в упадок и не по причине военных действий [Шевченко 2013, 41–45]. Кстати, и остатки описанных у Тацита турлучно-земляных укреплений тут нигде не было выявлено.

Тацит прямо не пишет о том, что указанный населённый пункт располагался именно на данной реке (Панде), хотя это и наиболее вероятно. Просто, согласно переводу В.В. Латышева, «перейдя реку, римляне и их союзники окружают город Успу» (*circumveniunt urbem Uspen*). Далее следует описание местоположения и укреплений (расположенного на высоте, укрепленного стенами и рвами и т.п.) этого *urbem*. Из первого (местоположения) следует, что это именно правый берег реки, может быть, мыс, ведь у всех северопричерноморских, в том числе и приазовских рек правый берег выше. Рвы и валы – наиболее распространённый и простой вид полевых укреплений, с которыми римские военные инженеры и боевые командиры-практики были очень хорошо знакомы. Присутствуют они почти что повсеместно и в северопричерноморской, включая

¹³ Устье Кубани/Гипаниса, как известно, время от времени меняет своё расположение, «кочует». Ещё относительно недавно эта река впадала и в Чёрное море посредством обширного лимана, ныне почти обмелевшего. Как обстояло дело во времена описываемых событий – не ясно, вернее – тема особого рассмотрения.

Прикубанье, варварской фортификации. А вот стены, очевидно, поразившие неведомого нам информатора своей убогостью, были сооружены не из камня, а из плетней, заполненных землёй. Зато это описание вполне себе соответствует нашим археологическим данным об оборонительных сооружениях, в том числе и в рассматриваемое время, но... только не в рассматриваемом регионе (Восточное Приазовье), да и во всём Среднем и Нижнем Прикубанье тоже! Всё, что нам на сегодняшний день известно в этом плане – это лишь валы и рвы [Каменецкий 1998, 205; 2011, 221–227; Шевченко 2013, 69; Лимберис, Марченко 2009, 213–221]. Укрепления Краснобатареинного городища (участок внутренней оборонительной комбинированной сырцово-каменной стены) появляются не ранее середины I в. н. э. [Шевченко 2009, 434–437]. Но этот памятник, по-видимому, являлся боспорским форпостом на восточных рубежах¹⁴.

Возвращаясь к Успе, а равно и к рассматриваемой теме, отметим, что здесь употреблён, казалось бы, не вполне подходящий термин (не *oppidum*, а *urbs*). Согласно нашей логике, всё должно было бы быть, скорее, наоборот. И вообще, совершенно не ясно, почему великий историк, использовал два разных термина вроде бы к одинаковым по своей характеристике (укрепления, причем, наверняка одинаковые, присутствовали в обоих случаях) варварским городищам. Попытки локализовать «город» Успу делались неоднократно и в самых, порой неожиданных местах (от Адыгеи до Маныча, Ставропольского нагорья и Среднего Прикубанья и даже Подонья). Был предложен и вариант с одним из городищ упомянутой Кирпиловской группы [Виноградов, Горончаровский 2009, 270]. Однако согласно мнению исследователя памятников этого района Н. Ф. Шевченко, ни одно из них ни в плане хронологии, ни по характеру укреплений, ни по расстоянию до указанного Тацитом «современного» ориентира (река Танаис-Дон) не отвечает этим «требованиям» [Шевченко 2013, 65, 69]. Искать, как он считает, надо севернее, в округе Бейсукского лимана, где качественных разведок пока не проводилось. Обращаясь же к только что упомянутому ориентиру (римское войско остановилось «...tribui itinere afuisse ab amne Tanai contitit» (Тас. Ann. XII. 17) в трёх днях пути до реки Танаиса» (пер. А. С. Бобовича), полагаю, надо заметить следующее. Опираясь на Вегеция, наши предшественники оперировали при этом цифрой примерно в 105–120 км из расчёта 5.9 км в час за 6–7 часов марша римской пехоты [Виноградов, Горончаровский 2009, 270], «попав» при этом в район вышеупомянутых городищ. На самом деле у Вегеция читаем: «Военным шагом в 5 летних часов может быть пройдено 20 миль» (Veget. I. 9)¹⁵, т. е. около 30 км в день. Но труд Вегеция – это, как известно, кабинетные компиляции позднеантичного (первая половина V в. н. э.) дилетанта, а не опыт полководца. Он писал о том, как было бы правильно и хорошо, а не о том, что бывает на самом деле. Такая скорость – благие пожелания. Юлий Аквила и Котис из рассказа Тацита – не Юлий Цезарь, а боспорское ополчение, наверняка, – не его десятый легион... Да и местность незнакомая, противник, скорее всего, не очень силён, цели похода в принципе не вполне ясны, а союзники аорсы – народ

¹⁴ В более раннее время, как полагают, это был или «город» Горгаза, или т. н. замок Арифарна из известного рассказа Диодора Сицилийского о первой известной боспорской междоусобице.

¹⁵ Перевод С. П. Кондратьева (Греческие полиоркетики. Вегетий. Античная библиотека. СПб., 1996).

тоже кочевой и, ... как бы это сказать, не очень надёжный. В общем, вряд ли мы будем далеки от истины, ограничившись 20–25 км марша пехоты в день. Тогда последний перед возвращением привал был сделан километрах в 60–75 от устья Танаиса (район современной ст. Каневской). А это пока, как только что писалось, всё ещё археологически малоизвестный район. К тому же не ясно, продолжалось ли наступление союзников после взятия Успы или же, пока Зорсин «после долгих раздумий» (Тас. Ann. XII. 17) решился на сдачу, они оставались у сожжённой Успы и гор трупов. (Снова к вопросу о её местоположении.) Последний вариант по понятным причинам маловероятен. Не будем касаться убиенных 10 000 якобы «рабов» (servitii). На этот счёт, кажется, среди исследователей существует относительное единство мнений: речь тут идёт не собственно о рабах в античном понимании, а о некоем зависимом (от кочевников сираков?) местном (меотском?) населении, скорее всего, не проживавшем в Успе постоянно, а собравшимся под защиту стен с округи¹⁶. Выдача противнику «лишних ртов» перед или во время осады – дело обычное в античной и не только военной практике. Вспомним хотя бы осаду Алесии Юлием Цезарем¹⁷. В любом случае, если данное количество людей не ошибка информатора (или переписчика текста), то с учётом прочих обитателей Успы, это было очень солидное городище, площадью не менее, чем в несколько десятков га.¹⁸ Так, что ищем...

В заключении этого затянувшегося экскурса-отступления от темы несколько слов о возвращении победителей. Тацит лаконично сообщает о трагическом злоключении римских войск по дороге от Боспора (скорее всего, из Пантикапея) до, по всей видимости, Херсонеса Чёрным морем вдоль горной части Крыма (Тас. Ann. XII. 17). Ничего про плавание по Меотиде в его тексте нет. А ведь он, как отмечалось выше, начал своё повествование именно с описания диспозиции всей операции. А раз так, то участие непосредственно в военных действиях боспорского или римско-херсонесского флота на Азовском море полагаем фантазией. К тому же, всякому, знакомому с характером и спецификой большей части Восточно-Азовского побережья (мелководья, наносы, плавни, мели)¹⁹ ясно, что хотя бы и относительно крупным судам к берегу подойти и в настоящее время весьма проблематично. Вряд ли ситуация при каботажном плавании была кардинально иной в I в. н.э.²⁰ По крайней мере и в средневековье, и позднее,

¹⁶ Традиционный перевод этого слова, в отличие от его интерпретации, ни у кого из комментаторов данного эпизода «Анналов» не вызывал сомнений. Между тем, исходя из самого понятия – смысла этого существительного, соответствующего глагола и производных от них слов, вполне допустим и перевод «невольники» или даже «подвластные», «подчинённые» (Ананьев и др. Полный латинский словарь. М., 1862, 773). Он как бы осторожнее, менее категоричен и оставляет больше возможностей для толкований.

¹⁷ «...Решено удалить из города всех негодных для войны по нездоровью или по годам...» (Caes. De bello Gallico. VII. 78).

¹⁸ Нельзя во всей этой связи не удержаться от приведения результатов приблизительных подсчётов численности населения меотских городищ примерно той же эпохи, предпринятых в своё время И. С. Каменецким. А именно: даже на относительно крупных из них одновременно обитало несколько сот, но не более тысячи человек [Каменецкий, 1998, 205–208].

¹⁹ Сошлёмся при этом на довольно старую, но всё ещё вполне актуальную работу [Зенкович 1958, 163–191].

²⁰ Климат и растительность в Восточном Приазовье в позднем голоцене были примерно такими же, как и современные. При этом чередовались более тёплые и сухие и более холодные и влажные периоды протяжённостью около 500–750 лет. На интересующее нас время приходится заключительная фаза одного из первых периодов [Матишов, Новенко, Красноруцкая 2012, 3].

и сейчас все основные дороги от низовья Кубани до дельты Дона проходят как по суше, так и по морю «по прямой», на известном удалении от соответствующего Азовского побережья.

Итак, наши победители возвращались по суше прежним маршрутом до столицы Боспора, очевидно, не дожидаясь выдачи именитого персонажа, из-за которого «всё и началось». (Эвном, писал Клавдию и ждал ответа, Клавдий думал и сомневался, потом отвечал, потом его решение доставляли адресату, неизвестно куда – в общем, прошло, наверняка, нескольких месяцев.) И только там пересели на корабли. Собственно «генерального сражения» так и не произошло. Царь (вождь) сираков Зорсин как бы «моргнул» и, как считается, варварский мир в Северном Причерноморье «посыпался». Что мы имеем в виду? А то, что практически в каждой из множества посвящённых истории и этно-археологической характеристике этого региона работе вышеописанные военные события считаются рубежом, после которого начался очередной и фактически непрерывный процесс перемещения местных племенных образований в основном в западном направлении. (Что-то вроде репетиции/прелюдии Великого переселения народов.) При этом среди специалистов не утихают споры: кто, откуда и когда конкретно переселялся и какие археологические памятники с кем из этих «народов» конкретно связаны. Взять хотя бы «наших знакомых»: сираков, аорсов, а затем, хронологически почти сразу, и аланов²¹. В любом случае, очевидно, что для догосударственных этно-территориальных (племенных или союзо-племенных) кочевнических образований «дать слабину» – почти всегда означало потерю лидерства или хотя бы равноправия с соседями и, как следствие, контроля над определённой территорией²². В этой же связи, вслед за большинством исследователей, полагаю, что союзники Котиса аорсы обитали в это время не в Западном Приазовье, откуда их надо было переправлять через пролив к театру военных действий [Виноградов, Горончаровский 2009, 269] и куда, якобы, бежал Митридат, а, скорее всего, где-то в Среднем или Верхнем Прикубанье (Предкавказье) к юго- или северо-востоку от сираков. Потом их обоих сменили аланы. Да, отметим, скорее всего, греческое, что довольно-таки любопытно, имя царя аорсов: Эвном²³. Имя его соперника Зорсина либо иранское, либо неясного происхождения [Zgusta 1955, 309]. Что это, признак эллинизации варварской элиты, наподобие синдского царя Гекатея из известной легенды Полиена о Тиргатае (Polyen. VIII. 55)? Но в отличие от синдов – старых и многовековых соседей боспорских греков, аорсы стали таковыми совсем недавно, в I в. до н. э. (Strab. XI. 5, 8) и после описываемых событий, вслед за сираками, как только что писалось, быстро уступили место аланам (Plin. NH. IV. 80, 82). Трудно сказать, насколько этого времени оказалось достаточным для заметного этно-культурного «перерождения» верхушки варварской элиты. Имя предшествовавшего, хотя и не непосредственно, царя нижних (соседних с Боспором) аорсов, согласно Страбону (Strab. XI. 5, 8) – явно иранское, Спадин.

²¹ Литература по этому поводу весьма и весьма обширна. Из самых последних по времени: [Ковалевская 2022].

²² Напротив, Рим и Парфия, как сложившиеся государства, с переменным успехом находились в состоянии войны друг с другом на протяжении нескольких столетий, сохраняясь в целом в рамках свои границ [Бокцианин 1966]. Но это уже – так сказать, геополитика.

²³ Евном – кифаред из Локр – Strab. VI. 9 и спартанский царь – Plut. Lic. I. Имя Эвном есть в КБН № 1282,128 (правда, это уже первая треть III в. н. э.).

В этой связи, если понимать слова Тацита буквально, то Эвنون мог писать Клавдию... и собственноручно (Тас. Апп. XII. 19). Если...

Перипетии этой, так называемой «римско-боспорской» войны (на самом деле римский экспедиционный корпус – вексилляция воевала, по крайней мере, на втором этапе этих военных действий с местными варварами в союзе со всё теми же боспорцами), как отмечалось выше, неоднократно становились предметом разбора целого ряда специалистов. (Напомним, начало этого пассажа из труда Тацита до нас не дошло, но благодаря археологическим открытиям последних лет и, прежде всего, раскопкам Н. И. Винокурова на городище Артезиан в Восточном Крыму, кое-какие предположения на этот счет можно сделать.) Для нас в данном случае было важно сопоставить между собой оба упомянутых населённых пункта. Меотские, а для этого периода (середина I в. н. э.) меото-сарматские городища Прикубанья и Нижнего Подонья в настоящее время более или менее археологически известны, хотя ни одно из них, тем более крупное, полностью не раскопано. Но вот локализация Созы/Содзы и особенно Успы пока, как уже было указано, самая неопределённая. Поэтому хоть как-то обосновать терминологическое «неоднозначие» у Тацита не представляется возможным. А ведь, напомним, речь идёт о двух именно варварских, причём одновременно существовавших городищах, да ещё, не исключено, «столичного ранга». Возможно, наличие укреплений не являлось тут определяющим. Важен был размер, статус и... степень схожести с привычными автору городскими центрами. Стены, валы, башни и прочая фортификация при этом были как бы вторичны.

Ещё более показателен и загадочен в плане рассматриваемой темы следующий, близкий по времени к только что описанному, но уже чисто боспорский пример. Мы имеем в виду пассаж из труда Помпония Мелы (вторая половина I в. н. э.). Фанагория, Гермонасса, Кепы и Киммерий указаны здесь, как *urbs*, а города и городки по другую сторону пролива («киммерийские города») – Феодосия, Пантикапей, Мирмекий, Гермесий и даже Херсонес – *oppida* (Mela. I. 112; II.3). В чём тут была логика, почему этот автор явно «однородные» в нашем представлении пункты в пределах одного региона и даже государства называет по-разному? Вероятно, можно допустить три варианта ответа. Во-первых, Мела составил (переписал) свой текст из двух источников, не помня (не сведя, сделав общей) при этом терминологию. Во-вторых, это разные части (разделы) его труда, написанные не одновременно, и он мог, произвольно выбрав один термин, следовать ему на протяжении всего конкретного пассажа или сюжета. Потом аналогично, но уже с другим термином – в другом месте. Третий вариант объяснения, может быть более сложным, но одновременно и точным. А именно: хорограф был очень хорошо осведомлён относительно всех этих пунктов. То есть, он знал какие из них в близкое ему (или его источникам) время имели укрепления, были обнесены стенами и т.п., а какие фактически нет. Напомним, слово *oppidum* по определению предполагает именно наличие таковых, а речь идёт о времени около середины I в. н. э. Чего же проще: обратимся к археологии, ведь, как уже отмечалось, в последние десятилетия наши знания об упомянутых археологических объектах, заметно продвинулись. Но, к сожалению, далеко не всегда – касательно их фортификации.

Итак, сначала Европейский Боспор. Относительно Феодосии сказать нам практически нечего. Античный город, как известно специалистам-археологам и историкам,

исследован крайне, просто недопустимо слабо. Никаких упоминаний о его укреплениях, тем более в начале римского периода отыскать не удалось. Не всё просто даже и с Пантикапеем – столицей Боспора. То, что некие стены с башнями окружали его, благодаря Поллю Дюбрюксу, вернее – составленным им и его ближайшими по времени (первая треть XIX в.) коллегами планам, известно доподлинно [Дюбрюкс 2010, 273–292; Толстиков 2010, 463–470]. Вот только с их (укреплений) датировкой нет определённости. Отрывочные наблюдения, небольшие случайные раскопки и находки позволяют предположить, что весьма солидные (до 6.5 м толщиной) стены окружали столицу Боспора и в первые века н. э. [Толстиков 1992, 58]. Большого о фортификации этого города именно в рассматриваемое столетие мы сказать пока не можем, но факт её наличия как будто бы налицо.

Не всё ясно и с Мирмекием. Довольно представительные укрепления были у этого городка в эллинистическое время. Но существовали ли они позднее? Имеется уже довольно старое мнение, что их не было вовсе [Виноградов 1992, 115], а жилая застройка состояла из отдельных усадеб, разделённых пустошами. Что же до загадочного Гермесия, то сама локализация его уже долгое время остаётся поводом для споров. Поэтому касаться укреплений отождествляемых с ним памятников не имеет смысла. Тем более, что, в сущности, они и не известны. А вот стены и башни Херсонеса, построенные или функционировавшие в I в. н. э.²⁴, может увидеть каждый, посетивший этот античный центр Северного Причерноморья.

Переместимся по другую сторону пролива. Относительно фортификации Фанагории в интересующее нас время сказать пока как будто бы почти нечего. Практически всё, что нам сегодня известно, относится к предшествовавшему периоду местной истории и было недавно как бы подытожено А. А. Завойкиным: «...в том месте, где в последней трети V в. до н. э., а затем в III–I вв. до н. э. проходили трассы городских стен, новые оборонительные сооружения так и не появились» [Завойкин 2022, 115]. В своё время М. М. Кобылина, ссылаясь на результаты ещё довоенных раскопок, упоминала о «следах крепостной стены» на восточной границе города, кажется, отнесённых ею к III в. н. э. [Кобылина 1956, 69]. Первой четвертью того же века датируется и фрагмент строительной надписи, как будто бы свидетельствующий о постройке или восстановлении оборонительных стен и башен Фанагории [Завойкина 2022, 117–120]. Неужели этот крупнейший после Пантикапея боспорский город после известных «тотальных», включая и все укрепления, разрушений I в. до н. э., [Кобылина 1956, 67] на протяжении более чем двух веков не имел их вовсе? Впрочем, почему бы и нет. В периоды процветания и общей безопасности или, наоборот, полного упадка в возведении таковых не было надобности либо же сил. Могли быть и внутривосточные, внутривосточные причины. Например, недоверие центральной власти (местный, фанагорийский сепаратизм). Каждый год продолжающихся здесь масштабных раскопок может если и не внести ясность, то дать материал, для рассуждений на эту тему.

Что же касается Гермонассы, как будто бы второго по значению города Азиатского Боспора, то о его фортификации вообще ничего не известно. Чуть больше

24 Плиний Старший, не называя, кстати, Херсонес Таврический ни *urbs*, ни *oppidum*, писал, что его окружали стены длиной в 5000 шагов (Plin. NH. IV. 85). Это около 3.7 км, что вполне себе близко к истине.

соответствующая информация относительно Кеп. В своё время Н. И. Сокольский частично раскопал некий оборонительный (?) вал на северном крае этого городища. В купе со следами значительного пожара и разрушений, он определил его, как наскоро построенные укрепления в ходе (на первом этапе) всё той же войны середины I в. н. э. [Кузнецов 1992, 29–31]. Относительно загадочного Киммерия, вообще пока и говорить не о чем.

Не исключено, как только что писалось, что оборонительных сооружений этих городов и городков в указанное время в силу каких-то причин (разрушенные в конце царствования Митридата и потом не восстановленные в виду общей нестабильности или наоборот, местного фактора наподобие «*Rex Romana*», либо нерасположения центральной (царской) власти) действительно какое-то время не существовало. И, следовательно, римский хорограф был прав, назвав их (города) так, как назвал. Во всяком случае, отмеченное соответствие представляется достойным внимания²⁵. Поживём, точнее – покопаем, увидим. Тем не менее, должно тут же отметить, что другой, практически синхронный Помпонию Меле римский источник, Плиний Старший боспорские города и городки по обе стороны пролива – Феодосию, Китей (Киты), Зефирий, Акру, Нимфей, Дио (Тиритаку?), Киммерик, Гермесий, Мирмекий и Гермонассу, Кепы, Стратоклею и Фанагорию – обозначает одинаково: *oppida* (Plin. NH. IV. 85–87; VI. 18). Так что не всё так однозначно, как хотелось бы.

В заключении мы вынуждены признать нашу попытку соотнести «напрямую» современные археологические данные и засвидетельствованную в письменных источниках терминологию поселенческих структур на Боспоре по ряду объективных причин в полной мере успешной. В некоторых случаях терминология как будто бы всё-таки отражает некие реалии. В других – такое сопоставление сделать обоснованным не представляется возможным. Пока. Порой логика выбора того или иного термина тем или иным древним автором нам неведома. Не исключено, что мы вообще преувеличиваем значимость этого фактора. Но не исключено и то, что наш подход к данной теме неверен. И ещё. Слово (термин) «полис», как отмечалось, – абстракция высшего порядка, как бы объединяющая в себе все или большинство признаков поселенческих структур «высшего ранга» (сложности), включая, пусть и не всегда, оборонительные сооружения разной степени совершенства; концентрацию экономической, религиозной и административно-политической функций, а главное – наличие постоянного коллектива, гражданской общины (государственности). Как известно, античность знала полисы, которые не являлись городами, и города, которые не были собственно полисами [Кошеленко 1980, 3–27]. При этом вольно-невольно это понятие (термин) переносился древними авторами и на незнакомые (иноземные, иноэтничные) поселенческие структуры и территории.

С латинскими терминами несколько иначе. Создаётся впечатление, что их отличия были как бы иного рода. И такой же «высокой», как «полис», абстракции «римляне» не знали. Есть определения укрепленных населенных пунктов, есть – городского типа, есть для общины-государства. И есть попытки, в зависимости от обстоятельств или

²⁵ Вообще говоря, автор с немалым удивлением обнаружил, что собственно городская фортификация Боспора в «римское время» для нас – почти что «*terra incognita*». Ну, исключая, естественно, Танаис, Илурад и отчасти Киммерик и Горгиппию. Иное дело – сельская территория. Тут наши знания на сегодняшний день весьма обширны, не говоря уж о полевых (пограничных) укреплениях.

информированности, использовать эти термины применительно к другим этно- культурным регионам. И попытки эти были как вполне адекватными, так и не очень или вообще не поддающимися объяснению. Опять-таки же, пока.

И, наконец, ещё раз о наших, собственно археологических возможностях в связи с со всем сказанным. В научном сообществе хорошо знают, как трудно обосновать археологический критерий города в отличии от просто поселения [Гуляев 2012, 40]. Тем более, если такой объект не раскопан полностью и... нет его терминологической характеристики современниками. А она... – смотри вышенаписанное.

Список литературы

- Антонов Е. Е. 2022. Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма (хронология, синхронизация, домостроительство) // Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М., 20.
- Бокищанин А. Г. 1966. Парфия и Рим. М., 304.
- Бонин А. В. 2022. Хора Боспора в I в. до н. э. – середине II вв. н. э. // РА. 4, 54–59.
- Виноградов Ю. А. 1992. Мирмекий // Г. А. Кошеленко (ред.), Очерки археологии и истории Боспора. М., 99–120.
- Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. 2009. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – середина III в. н. э.). СПб, 350.
- Воскресенский А. П., Подосинов А. В. 2022. Города Боспорского царства в «Географии» Страбона // БФ: Большие и малые города Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 75-летию Е. А. Молева (1947–2021). СПб, 77–85.
- Грацианская Л. И. 1988. «География» Страбона. Проблема источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986 г. М., 6–175.
- Гревс И. М. 1946. Тацит. М.–Л., 250.
- Гуляев В. И. 2012. Тайны древних городов. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 320 с.
- Дуров В. С. 2022. История римской литературы. СПб, 608.
- Дюбрюкс П. 2010. Планы и описания остатков и следов древних городов и поселений, бывших некогда на Боспоре Киммерийском, на Европейском побережье, от входа в пролив до включая гору Опук на Чёрном море. Собр. соч. Т. I. СПб, 728.
- Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. 2017. Горный массив Кубалач, как новый феномен археологии Крыма // Крым в эпоху эллинизма (межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований). Симферополь, 408.
- Завойкин А. А. 2022. Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории VI–I вв. до н. э. // АВ. 35, 105–118.
- Завойкин А. А. 2022. Китей – размышление о малом боспорском городе // ДБ. 27, 101–110.
- Завойкина Н. В. 2023. Новые надписи из раскопок Фанагории // Нуpanis. 4, 107–122.

- Зенкович В. П. 1958. Берега Чёрного и Азовского морей. М., 376.
- Каменецкий И. С. 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время (Археология СССР в 20 томах). М., 224–251.
- Каменецкий И. С. 1998. Меотские городища на Кубани // МАИЭТ. VI, 194–208.
- Каменецкий И. С. 2011. История изучения меотов. М., 384.
- Кнабе Г. С. 1981. Тацит. Время, жизнь, книги. М., 206.
- Кобылина М. М. 1956. Фанагория // МИА. 57, 5–161.
- Ковалевская В. Б. 2022. Геногеография и археология Кавказа – культурогенез алан. Владикавказ, 108.
- Кошеленко Г. А. 1980. Полис и город. К постановке проблемы // ВДИ. 1, 3–27.
- Кузнецов В. Д. 1992. Раскопки в Кечах 1984–1989 // Г. А. Кошеленко (ред.), Очерки археологии и истории Боспора. М., 28–45.
- Куланда С. В. 2016. Языковая принадлежность меотов // Археологическая наука: практика, теория, история. Сб. статей памяти И. С. Каменецкого. М., 154–159.
- Кутайсов В. А. 2004. Керкинитиды в античную эпоху. Киев, 326.
- Ланцов С. Б. 2003. Античное святилище на Западном берегу Крыма. Киев, 120.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2009. Результаты исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Пятая Кубанская археологическая конф. Материалы. Краснодар, 213–221.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. 2010. Сарматы // Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов (ред.), Античное наследие Кубани. I. М., 260–284.
- Матишов Г. Г., Новенко Е. Ю., Красноруцкая К. В. 2012. Изменения климата Приазовья в позднем голоцене // Доклады Академии Наук. 444/3. М., 1–5.
- Новиченкова Н. Г. 2015. Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. Симферополь, 216.
- Подосинов А. В. 2015. К вопросу об источниках Страбона в описании Северного Причерноморья // Д. В. Журавлёв и О. Л. Габелко (ред.), С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М., 235–239.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Л., 624.
- Соловьёв С. Л., Вахонеев В. В., Шенко Л. Г. 2021. Акра – античный город на европейском Боспоре. СПб, 164.
- Толстиков В. П. 1992. Пантикапей – столица Боспора // Г. А. Кошеленко (ред.), Очерки археологии и истории Боспора. М., 45–99.
- Толстиков В. П. 2010. План Поля Дюбрюкса и археология Пантикапея // П. Дюбрюкс Собр. соч. Т. I. М., 463–470.
- Уженцев В. Б. 2006. Эллины и варвары Прекрасной гавани. Симферополь, 248.
- Шевченко Н. Ф. 2009. Краснобатареиное городище. Старые проблемы, новые исследования // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы. Краснодар, 334–337.
- Шевченко Н. Ф. 2013. Племена Восточного Приазовья на рубеже эр. Краснодар, 152.
- Яйленко В. П. 2015. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 19, 386–458.
- Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechischer Stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praha, 468.

Summary

A. A. Maslennikov

**Ancient settlement terminology
and some archaeological realities of the Bosphorus**

The article attempts a source-based analysis of the terms for the settlement structures of the Bosporan state and, partly, its adjacent territories, found in the extant texts of ancient Greek and Latin authors. The two most significant examples (Pomponius Mela and Tacitus) are used to examine their correspondence with modern archaeological data concerning the settlements (cities) mentioned by them. At the same time, the author is inclined to believe that the choice of appropriate terms by ancient historians, geographers or encyclopedists in general did not reflect the literal state (size, meaning, location). one or another of the points mentioned by them. However, sometimes some changes in their "status" were recorded. However, the ambiguity of almost each of these terms, taking into account the latest archaeological research, allows us to choose the most appropriate translation options in each specific case.

М. В. Саблин
(Зоологический институт РАН,
г. Санкт-Петербург)

Фауна поселения Стрелка 2¹

Остеологический материал с античного поселения Стрелка 2 собран во время раскопок 2012–2016 гг. Всего было извлечено 765 костных остатков (табл. 1). Количество неопределимых костей достаточно велико – 62,5%. Это в большинстве своем фрагменты ребер и позвонков млекопитающих. Соотношение мелких и крупных неопределимых костей составило 4/6.

Число определимых костных остатков на поселении составило 287 шт. Все они хорошей сохранности (стадия 1 по А. Беренсмейер [Behrensmeyer 1978]). Такой объем вполне представительен для соответствующей адекватной характеристики (Косинцев и др., 1989). В ряде случаев, в хозяйственных ямах были найдены целые скелеты животных. Чтобы не допустить искажения статистической картины, такого рода остатки при суммировании нами не учитывались. Подсчет минимального количества особей проводился по широко используемой в археозоологических исследованиях методике [Shipman 1981; Klein, Cruz-Urbe 1984; Van Wijngaarden-Bakker 2001]. Погрызы собаки обнаружены на 18 костях домашних копытных, а также одной кости бурого медведя. Следы пребывания в огне зафиксированы лишь на трех фрагментах передней конечности коровы, обнаруженных в яме. Погрызов мышевидных грызунов, а также химических повреждений корневой системой растений на костных остатках не обнаружено.

Доля остатков рыб на поселении незначительна – 2,1% (табл. 1). Необходимо отметить, что в остеологическом материале присутствуют лишь 8 фрагментов панцирей болотной черепахи и 3 раковины моллюска. Очевидно, обитатели Стрелки 2 нечасто посещали окрестные водоемы: берег моря, лимана, реки. Остатки птиц также немногочисленны – всего 2,1% от общего числа костей позвоночных (табл. 1). Зато был обнаружен практически полный скелет домашней курицы: *Gallus gallus* var. *domesticus*.

Всего было выделено 8 видов млекопитающих (табл. 2). Дикие животные представлены зайцем-русаком, бурым медведем и благородным оленем. Охота на них велась, скорее всего, в ближайших окрестностях. Остатки двух зайцев были обнаружены в 2016 г. в одной из ям. От молодой особи возрастом не старше 5 месяцев сохранился практически

¹ Работа была выполнена в рамках госзадания Зоологического института РАН № 125012800908-0.

Таблица 1. Фаунистический материал с поселения Стрелка 2

	Кости	%
Млекопитающие	265	92
Птицы	6	2,1
Рептилии	8	2,8
Рыбы	6	2,1
Моллюски	3	1
Всего	287	100
Неопределимые крупные	287	51,8
Неопределимые мелкие	191	48,2
Всего неопределимые	478	100

Таблица 2. Остатки млекопитающих с поселения Стрелка 2

Виды	Кости	%	Особи
Заяц-русак <i>Lepus europaeus</i>	10	3,8	3
Бурый медведь <i>Ursus arctos</i>	1	0,4	1
Благородный олень <i>Cervus elaphus</i>	3	1,1	1
Собака <i>Canis familiaris</i>	14	5,3	3
Лошадь <i>Equus caballus</i>	25	9,5	4
Свинья <i>Sus domestica</i>	36	13,6	5
Корова <i>Bos taurus</i>	111	42,0	9
Овца/коза <i>Ovis aries/Capra hircus</i>	64	24,2	7
Всего	264	100	33

целый скелет с черепом. Возможно, шкура с тушки была снята, так как отсутствуют когтевые фаланги. Необходимо отметить, что обе бедренные кости сломаны пополам (рис. 1). От полувзрослой особи сохранились лишь 4 кости стопы, включая таранную, пяточную, заплюсневую и плюсневую. Фрагмент плечевой кости медведя происходит из слоя. Остатки благородного оленя представлены обломком нижней челюсти с P₃, а также дистальным диафизом лучевой кости. Оба эти фрагмента также были найдены в слое.

Кости всех основных домашних животных составляя в сумме 94,7% (табл. 2). Два практически полных скелета собак были вновь обнаружены в яме. Совместно были захоронены полувзрослая особь и щенок возрастом не старше 4 месяцев. Следов расчленения по суставам, снятия шкуры на костях и т.п. не выявлено. Групповые захоронения собак фиксировались ранее на Тамани, в частности, на поселении Голубицкая 2 [Журавлев и др. 2020, 114; 2022, 39; Саблин и др., 2022, 46; Sablin, Iltseovich 2020, 499].

Очевидно, что основным направлением деятельности обитателей Стрелки 2 было производящее хозяйство. Разделка свиней, коз, овец и коров, скорее всего, происходила тут же. Следы расчленения туши крупного рогатого скота (порезы и зарубки) были обнаружены на трех фрагментах костей. Различий по анатомическому составу остатков между домашними копытными не выявлено. Вес лошади с поселения Стрелка 2, вычисленный по методике V. Eisenmann [Eisenmann 2000, 94] по дистальному эпифизу пястной кости, обнаруженному в 2013 г. составил 323 кг. Рост коровы, вычисленный по В. И. Цалкину [Цалкин 1960б, 119] по длине пястной и плюсневой костей, обнаруженных в 2016 г.

**Таблица 3. Фаунистический материал с античных поселений
Таманского полуострова**

Поселение	Собака*	Лошадь*	Свинья*	Корова*	Овца/ коза*	Другие звери*	Птица**	Рыба**
Стрелка 2, раскопки 2012-2016 гг.	5,3	9,5	13,6	42	24,2	5,3	2,1	2,1
Голубицкая 2 (Саблин и др., 2022. 47) VI-III вв. до н. э.	8,2	13,7	13,3	37,1	26,6	1,1	1,7	31,1
Гермонасса (Цалкин, 1960а. 103) IV-III вв. до н. э.	2,3	6,6	12,9	35,8	41,6	0,8	нет данных	нет данных
Волна 1 (Каспаров, 2002. 160) IV-III вв. до н. э.	16,8	11,7	16,8	27	27	0,7	2	1,3
Фанагория (Добровольская, 2013. 195) IV-III вв. до н. э.	3,2	8,5	19,8	35,3	31	2,2	1,6	6,1

* % от общего числа костей млекопитающих

** % от общего числа костей позвоночных животных

ещё в одной яме, составил 110 см. Рост овцы с поселения Стрелка 2, вычисленный по В.И. Цалкину [Цалкин 1961, 124] по длине плюсневой кости оказался равен 66 см. Все эти три размерных параметра лежат в пределах, характерных для домашних копытных с античных поселений Северного Причерноморья [Sablin, Iltsevitsh 2020, 500, 501; Саблин и др., 2022, 48, 49]. Кости крупного рогатого скота из культурных слоев Стрелки 2 составили 42% от общего числа костей млекопитающих. Мелкого рогатого скота – 24,2%, свиньи – 13,6%, лошади – 9,5%, собаки – 5,3% (табл. 2). Подобное соотношение остатков домашних животных указывает на оседло-земледельческий образ жизни поселян.

При сравнении с другими античными памятниками Таманского полуострова, на Стрелке 2 практически не практиковалось отсутствуют следы рыболовства. Зато доля остатков диких животных здесь в среднем чуть выше (табл. 3). При этом характерно относительно большое количество остатков свиньи, что предполагает

Рис. 1. Правая и левая бедренные кости молодого зайца-русака. Обе кости сломаны пополам (поселение Стрелка 2, яма 7, кв. 67)

наличие локальных лесных ландшафтов в близлежащей местности [Косинцев, Варов 1989, 147]. Следует отметить, что на всех античных поселениях Таманского полуострова разведение свиней практиковалось довольно активно [Sablin, Iltseovich 2020. 503; Саблин и др., 2022, 49]. Здесь, как и на Голубицкой 2, число костей крупного рогатого скота заметно превышает соответствующий показатель по мелкому рогатому скоту (табл. 3). Это предполагает придомный тип хозяйствования – животные, скорее всего, выпасались в ближайших окрестностях.

Список литературы

- Добровольская Е. В. 2013. Археозоологические особенности Фанагории: скотоводство и охота // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории. 1 (Фанагория. 1). М., 192–205.
- Журавлев Д. В., Саблин М. В., Строков А. А. 2020. О захоронениях собак на поселении Голубицкая 2 // ДБ. 25, 98–122.
- Журавлев Д. В., Батасова А. В., Шлотцауер У. 2022. О системе обороны поселения Голубицкая 2 // АВ. 55, 28–43.
- Каспаров А. К. 2002. Скотоводческое хозяйство поселения Волна 1 // Таманская Старина. 4. СПб, 153–162.
- Косинцев П. А., Варов А. И. 1989. Влияние разных факторов на количество свиньи в стаде древнего населения Восточной Европы // Актуальные проблемы методики Западносибирской археологии. Тез. докл. конф. Новосибирск, 146–147.
- Косинцев П. А., Стефанов В. И., Труфанов А. Я. 1989. Репрезентативный объем остеологической выборки и устойчивость характеристик типа хозяйства и состава стада // Актуальные проблемы методики Западносибирской археологии. Тез. докл. конф. Новосибирск, 138–141.
- Саблин М. В., Иохина И. И., Ильцевич К. Ю. 2022. Фаунистический комплекс поселения Голубицкая 2 // АВ. 37, 42–51.
- Цалкин В. И. 1960а. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. 53. М.–Л., 7–109.
- Цалкин В. И. 1960б. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. Т. 65. Вып. 1. М., 109–126.
- Цалкин В. И. 1961. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. Т. 66. Вып. 5. М., 115–132.
- Behrensmeyer A. K. 1978. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // Paleobiology. 4, 150–162.

- Eisenmann V. 2000. *Equus capensis* (Mammalia, Perissodactyla) from Elandsfontein // *Palaeontologia Africana*. 36, 91–96.
- Klein R.G., Cruz-Urbe K. 1984. The analysis of animal bones from archaeological sites. Chicago, 266.
- Sablin M.V., Iltsevir K.Yu. 2020. Remains of mammals from the Antique settlement of Golubitskaya 2 // *Proceedings of the Zoological Institute RAS*. Vol. 324. No. 4, 497–505.
- Shipman P. 1981. Life history of a fossil. An introduction of taphonomy and paleoecology. Cambridge, 222.
- Van Wijngaarden-Bakker L.H. 2001. Zooarchaeology (Amsterdam Archaeological Centre). Amsterdam., 32.

Summary

M. V. Sablin

Fauna of Strelka 2 settlement

The article presents the results of a study of osteological material from the ancient settlement of Strelka 2 (Krasnodar region, Taman Peninsula, Russia). A total of 287 identifiable bone fragments were identified from cultural layers (excavations 2012–2016). Hunting at Strelka 2 acted only as a supplementary source of food, with wild game animals represented by hares, brown bears, and red deer. Fish and bird remains are a small proportion of the osteological material. The ratio of domestic animal bones from Strelka 2 indicates a settled agricultural lifestyle for its inhabitants, with herds likely grazing nearby. The article compares our findings with data on the fauna of other ancient settlements on the Taman peninsula.

Е. А. Савостина

(Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова, г. Москва)

Вглядываясь в детали... К изучению шедевров торевтики из северочерноморских курганов: традиции и стратегии

В прошлом выпуске «Древностей Боспора» в статье, посвящённой В.Д. Блаватскому [Савостина 2024, 22], зашла речь о Северочерноморской торевтике, по его мнению, заменившей на Боспоре «значение монументальной пластики» [Блаватский 1964, 91]. Вернёмся к этой теме.

Как и многие другие исследователи, В.Д. Блаватский в этом плане мыслил в фарватере идей М.И. Ростовцева¹ [Ростовцев 1925, 415 сл.], усматривая в монетах Левко-на I и преемников творчество боспорских мастеров, явивших свое высокое искусство в начавшейся в IV в. до н. э. чеканке золота [Ростовцев 2002, 83; Блаватский 1964, 67 сл.]. М.И. Ростовцева особенно занимал оригинальный выбор типов для изображений на реверсах – головы бородатого и безбородого Силена и Сатира, «безобразных, но прекрасных и привлекательных своим безобразием» [Ростовцев 2002, 84], а также тонкое, изящное и смелое их исполнение². Основываясь на этих наблюдениях, он решил для себя и вопрос о месте производства других предметов античной торевтики, обнаруженных в курганах Скифии и Боспора. По мнению Ростовцева, найденный в курганах «ряд великолепных предметов идёт из одного центра», и центром их производства мог быть только создавший свою школу Боспор, «так близко стоявший к Скифии и так хорошо знавший ее религию и быт» [Ростовцев 2002, 46]. Здесь нужно уточнить, что речь идет не просто об украшениях, нашивных аппликациях («бляшках») или декоративных полосках убора – небольшие каменные матрицы для их изготовления действительно найдены в боспорских городах, и нет сомнений в том, что художественная обработка металла здесь имела место [Трейстер 1989, 50]. В таком контексте обсуждаются вещи самого высокого класса IV в. до н. э.: чертомлыкская ваза, гребень из кургана Солоха, гривна и сосуды из кургана Куль-Оба и многие другие, – все шедевры. На долгое время

¹ Подробно см. в специальной работе [Савостина 2024а, 12–22]

² В.Д. Блаватский находит сходство изображений на монетах с изображениями на электровом сосуде из Куль-Обы и голов скифов на обкладке горита из Солохи, отмечая их стилистическую близость [Блаватский 1964, 67].

эти высказывания определили направление и характер мысли многих исследователей. Как писала Н.Н. Погребова, оспаривая статью вольнодумной А.П. Манцевич [Манцевич 1950]³, суждение об их боспорском происхождении было высказано во всех работах, включая В.Д. Блаватского, Б.Н. Гракова, В.Ф. Гайдукевича, «и это мнение нужно считать установившимся...» [Погребова 1953, 285]. Положение о том, что драгоценные предметы из скифских курганов были изготовлены боспорскими мастерами, устойчиво и сейчас, когда расширился круг найденных драгоценных вещей [Мозолевский 1979, 214; Алексеев 2003, 247; Бабенко 2013, 450; Русяева 2013, 434; Meyer 2013, 129]⁴. Правда, очень редко, помимо приведенных примеров в нумизматике, оно имеет прямые атрибуционные (стилистические, иконографические либо технологические) подтверждения, и местная «школа», о которой говорил Ростовцев, ещё только начинает вырисовываться в отдельных произведениях торевтики IV в. до н. э., найденных в конце XX – начале XXI в. Своеобразие их изобразительного языка сопоставимо с «боспорским стилем», выявленным в монументальной скульптуре [Савостина 2014, 37 сл.]. Именно потому устоявшиеся до этого мнения все еще рано принять как окончательные, и они по-прежнему достойны быть в фокусе обсуждений.

Принципиально важным для характеристики культурного контекста, сложившегося в Причерноморье, оказался подход М.И. Ростовцева к интерпретации назначения сосудов из скифских курганов и к их декору. Впервые им был отмечен ритуальный характер сосудов из погребений – круглодонных кубков (Куль-Оба), ритонов (Карагодеуашх), а также предложен необычный поворот в прочтении ранее казавшихся бытовыми сценами сюжетов приобщения, предстояния героя божеству [Ростовцев 1913, 10]. Д.С. Раевский назвал этот подход началом новой традиции [Раевский 2006, 24; Meyer 2013, 22]. Так возникла новая система представлений, правил и образцов, в русле которой и другие сюжетные изображения с участием скифов стали разрабатываться как мифологические.

Импульс, заданный Ростовцевым, как и многие зачатки его идей, развивался не сразу. Долгое время преобладала «бытовая и житейская» характеристика сцен, изображенных на драгоценных предметах. В известной статье Б.Н. Гракова переход от одной системы взглядов к другой происходит непосредственно в ходе рассуждений автора. Начав с «бытового значения», он завершает свой текст выводом о том, что сцены на горите из Солохи, гребне, Куль-Обском и воронежском сосудах имеют мифологическое «и может быть даже эпическое начало» [Граков 1950, 8]. Эта тема чрезвычайно эффектно была продолжена Д.С. Раевским [Раевский 2006, 52 сл.], увидевшим в тех сюжетах историю о происхождении скифов, в нескольких вариантах переданную Геродотом (Hdt. IV. 9–10). Более того, Раевский уверенно шагнул дальше и, применив исследовательские методы структурализма, предложил рассматривать скифскую культуру как знаковую систему.

³ А.П. Манцевич, «с хорошо известной скифологам пристрастностью» [Бабенко 2020, 46 сл.] считала пектораль из Толстой Могины фракийской [Манцевич 1980, 97–120], в гребне из Солохи предполагала Амфипольские мастерские [Манцевич 1987, 60].

⁴ Нужно упомянуть и мнение М.В. Скржинской о том, что золотые обкладки горитов из скифских курганов со сценами жизни Ахилла производились в Ольвии, причем, возможно, приезжающими мастерами [Скржинская 1998, 258]. О применении иконографических формул греческой пластики в декоре горитов пишет О.А. Галданова [Галданова 2016].

Подчеркнем, что Б.Н. Граков и Д.С. Раевский заостряли свое внимание на сугубо скифской традиции, воплощенной в греческом «заказе». Как примеры именно *скифской традиции* рассматривает эти памятники большинство скифологов, продолжая развивать идею предложенной Д.С. Раевским космологической модели *скифов* в разных предметах, в том числе в структуре и декоре серебряной амфоры из кургана Чертомлык [Баллонов 1991, 375–377] и, конечно, в пекторали из кургана Толстая Могила, к которой не принято подходить иначе, как со скифским конструктом «языка мифа», – и это еще одно «устойчивое мнение», образующее новую систему представлений [Бабенко, Білан, Полідович 2021].

Для своего времени это было ярко и необычно. Однако можно сказать, что структуралистская линия изучения античной торевтики из скифских курганов, навеянная работами К. Леви-Стросса и Ролана Барта, пережила апогей своих возможностей, разделив судьбу самого направления. Она утратила гибкость в анализе произведений, необходимую беспристрастность в отношении их происхождения, а в понимании значения изображений сконцентрировалась на «скифской» стороне. Ныне доминируют исследования, посвященные проблемам семантики образов и персонажей иранского мира [Бабенко 2020, 49]. Тому пример недавняя работа Ю.Б. Полидовича, посвященная пекторали из Толстой Могилы, где автор виртуозно оперирует методами структурного анализа и трактует сюжеты с изображением людей на верхнем фризе как воплощение иранской мифологемы царской власти [Полидович 2020, 135–149]. Полагаем, разработка этой концепции могла быть ответом на предложение связать верхний фриз пекторали с легендой о происхождении македонской династии [Савостина 2019, 68 сл.]. Из текста Ю.Б. Полидовича это не следует, но по сопутствующим обстоятельствам не исключается. Высказанную им мысль, безусловно, интересно обсудить «на контрасте», поскольку оба царства – Македония и Персия были знамениты своими сокровищами, свидетельствующими не только о могущественной элите, но и сохранении стойких традиций [Drougou 2011, 185]. Во Фракии и Скифии продукция греческих торевтов сочеталась со значительным местным производством и импортом Ахеменидов [Athanasios 2016, 508], что сейчас активно обсуждается и в отношении Боспора [Treister 2010; Виноградов 2019, 6 сл.]. Но как объяснить иранский мотив в украшении? Кто мог сделать его, к какому региону древней культуры отнести его происхождение?

Было бы очень заманчиво сопоставить различные взгляды на уровне сравнительного анализа одной вещи, но, к сожалению, структурная программа далека от погружения в стилистические детали и формальные признаки, по которым можно было бы устанавливать культурное родство. Скажем так: аргументы «македонской» или греческой версии (верна ли, принята она или нет) опирались на исследование самой вещи [Савостина 2019, 71 сл.], на ее стилистические и технологические особенности и детали, аналогии определенного культурного ареала, имеющего подобное производство⁵ [Barr-Sharrar 1982; Tsigarida 2003, 21]. В основе была не концепция, а желание разобраться. Весь ход исследования привел к возможности применения и образного

⁵ Такой подход видим в изучении предметов из Третьего кургана Ак-Бурун Х.С. Робертсом, определившего македонскую традицию в аналогичных изобразительных элементах декора [Roberts 2009, 191]. Его атрибуция была сочувственно воспринята и исследователями всего комплекса [Бутиягин, Виноградов 2014].

восстановления легенды Аргеадов, предков Филиппа II. В «иранской» же версии, при всем уважении к автору, видим умозрительную конструкцию, структурную форму, опирающуюся на концептуальную модель знаменитого предшественника, Д. С. Раевского. Уже в начале изложения интерпретация памятника ясна, к ней не подводят, а сразу «поясняют» каждый элемент предполагаемой знаковой системы, причем, часто произвольно⁶. В то время как конкретные детали – не изобразительные, а, можно сказать, производственные: технология, декор и аналогии стилистическим приемам, – ведут в другом направлении.

Сложно поверить, что изменение атрибуционной судьбы пекторали возможно, хотя и скифологами допускается новый, «не иранский» поворот [Бабенко 2020, 50]⁷. Впрочем, этот памятник будет всегда на острие дискуссии. Что же касается дальнейших исследований продукции золотокузнецов, то необходимость обновления стратегии их изучения очевидна и в других случаях. Как пишет Ю. А. Виноградов, несмотря на хрестоматийность этих памятников, они изучены «довольно поверхностно» и пока не все комплексы опубликованы полностью [Виноградов 2019, 3]. Согласимся с этим утверждением: даже когда эти произведения исследованы чрезвычайно пристально, что-то важное может оставаться «за кадром», вне зоны внимания.

В некоторых случаях необходимо, как в постструктуралистской «деконструкции», разобрать всё на части, чтобы увидеть, каким образом вещи связаны между собой. Здесь приходится снова нарушить устоявшиеся мнения и даже границы сложившейся хронологии – наряду с концептуальным прочтением они также играют роль своеобразных «шор». Это традиционные хронологические оценки и самого произведения, и комплекса, где оно было найдено. Как признают исследователи, такие представления могут быть несколько «плавающими» [Алексеев 2003, 75], но необходимыми для создания системы последовательного распределения объектов и выделения эталонных памятников – как Солоха [Алексеев 2003а, 206, 259]. В то же время эти определения могут восприниматься другими как данность и ограничивать группу сопоставляемых вещей уже на уровне отбора.

Достаточное количество совпадений было замечено в таких курганах как Чертомлык и Куль-Оба, Огуз, Толстая Могила, Носаковский курган IV и даже Солоха⁸ [Алексеев 2003а, 260]. В поисках иконографических соответствий фигуркам конных скифов на аппликациях из Куль-Обы особое внимание было уделено скульптурной группе и фигуре всадника на Солохском гребне [Копейкина, 1986]. Тогда было высказано предположение, что эти драгоценные вещи могли быть сделаны в одной мастерской.

⁶ Каждый компонент здесь должен соответствовать концепции, отчего его вынуждены трактовать свободно, и в этом плане персонаж-«виночерпий» при коровах не удивляет [Полидович 2020, 138]. Это проявило ограниченные возможности метода, и уже следующие за структуралистами исследователи сочли, что структура не может существовать, если ее элементы могут быть объяснены только друг другом (Жак Деррида).

⁷ Благодарю Л. И. Бабенко за понимание. Думаю, дело не только в том, кто «за» и «против» и с кем хотелось бы согласиться, а в достаточности аргументации и в методах исследования. К сожалению, при всей обостренной интуиции и смелости Анастасии Петровны Манцевич ей не достало полновесности доказательств.

⁸ Наиболее тесная связь Чертомлыкского набора аппликаций фиксируется с комплексами Куль-Обы, Огуз, Толстая Могила, Мелитопольский курган, Александропольский курган [Алексеев 1986, 73]. Треугольные бляшки в Чертомлыке, как в Солохе [Манцевич 1987, 67] и Куль-Обе [Копейкина 1986, 155, рис. 34, 35]. Сидящие грифоны: в Солохе обращены влево, в Куль-Обе вправо [Копейкина 1986, 152, рис. 20, 21]

Сближает их, по мнению Л. В. Копейкиной, «почти полная идентичность изображений конного скифа на бляшке и на гребне» [Копейкина, 1986, 38]. М. Ю. Трейстер предложил расширить эту группу, включив в нее не только прорезные и прямоугольные бляшки с изображением всадников из Куль-Обы и гребень из кургана Солоха, но также чашу из Солохи, сосуд из Куль-Обы и некоторые другие произведения, объединив их в «мастерскую С», функционировавшую, по его оценке, с конца V – начала IV в. до н. э. до середины IV в. до н. э. [Treister 2005, 58–59]. Однако самый близкий гребню из Солохи по стилю и трактовке деталей скульптурный фриз серебряной Чертомлыкской амфоры – в своей работе мы связали этого скульптора с Мастером Солохского гребня [Савостина 2001, 285 сл.] – был исключен из его списка по причине «хронологического несоответствия курганов Солоха и Чертомлык» [Treister 2005, 59] и вообще не рассматривался. Так проявился сдерживающий фактор предлагаемых хронологических рамок.

Стоит заметить, что драгоценные вещи нередко подолгу остаются в быту, кроме того, они и в святилищах хранились продолжительное время, а хронология самих курганов, погребений в них, сделанных в разные периоды, а также самих вещей до сих пор является предметом обсуждения⁹ [Алексеев 1991, 121; 2012, 194].

Напомним основные наблюдения, сделанные при сравнении скульптурных фигур скифов на гребне и серебряной амфоре, выявляющие их родство [Савостина 2001, 286, табл. ХLI, рис. 11–16]. Наиболее показательно сопоставление изображения пешего скифа на гребне, без доспеха и шлема (рис. 1), со скифом на фризе амфоры, наклонившимся к коню (рис. 2). Фигуры сравниваемых персонажей разработаны в крупных плоскостях, близки пропорциями¹⁰, постановкой, своеобразной передачей движения (также скиф на фризе слева из пары работающих с лошадью). Характерны их большие головы с полудлинными волосами, зачесанными назад, трактованными широкими прядями. Очевидны совпадения в характеристике основных черт лица, построении лицевого угла, линии лба, прямого крупного носа, небольшой бороды. Их одежда практически одинакова, с отворотом-воротником и орнаментальной полосой на спине (скиф из пары с лонжей)¹¹, за исключением того, что костюм воина на гребне украшен гравировкой, изображающей нашивные аппликации. Наряду с общими приемами, позволяющими идентифицировать его работы, этот Мастер явно обладал более широким арсеналом художественных средств. Возможно, скульптор был связан с работой той мастерской, которую обозначил М. Ю. Трейстер, дополнив предположение Л. В. Копейкиной (прочие части амфоры могли быть изготовлены другими мастерами). Она писала о «почти полной идентичности» бляшек из Куль-Обы с гребнем Мастера [Копейкина, 1986, 38]. Можем добавить сюда еще одну аппликацию всадника, матрица которой могла быть изготовлена им самим [Савостина 2023].

Связь Чертомлыкской амфоры с указанной группой памятников или «мастерской», показанная через работу скульптора в Солохском гребне, представляется значимой,

⁹ На мой взгляд, дата гребня из Солохи несколько занижена [Манцевич 1987, 60; Алексеев 2012, 130] и вполне может быть ограничена IV в. до н. э. [Ростовцев 1925, 440; Meyer 2013, 234].

¹⁰ Фигурки фриза на амфоре крупнее, ок. 6 см, тогда как фигурки на гребне до 4 см.

¹¹ Сапожки-скифики перевязаны ремешком, анаксириды с напуском и одинаковыми диагональными складками.

Рис. 1. Наступающий пеший скиф.
Изображение на гребне из кургана
Солоха. Золото, Гос. Эрмитаж,
Санкт-Петербург

Рис. 2. Скиф, наклонившийся к коню.
Изображение на фризе амфоры
из кургана Чертомлык. Серебро,
позолота, Гос. Эрмитаж, Санкт-Петербург

и мы остановились на ней подробно потому, что в серебряном сосуде есть элемент, способный стать ключом к определению места происхождения амфоры, а значит, и группы.

Не могу вспомнить, ставился ли вопрос таким образом, когда обсуждался тип реальной глиняной амфоры, ставшей прообразом серебряной: яйцевидной формы, с коротким горлом, вертикальными ручками и характерным грибовидным венчиком. Такие амфоры не отождествляются с северочерноморскими центрами, хотя некоторых исследователей этот момент не смущал в предположении боспорского производства серебряного сосуда.

Было много сказано о близости венчика серебряной вазы грибовидному или «двухгранному выступающему» венцу амфоры из кургана Солоха (тип Солоха I неустановленного центра) [Манцевич 1986, 27, 104, кат. 80]. И. Б. Брашинский датировал ее серединой IV в. до н. э.¹² [Брашинский 1980, 26; Алексеев 1991, 122; 2012, 259]. Амфоры, выполненные в металле по образцу глиняных, известны. Все они сохраняют стандарт, соответствующий морфологии типа глиняных амфор¹³. Кстати, параметры серебряной

¹² Еще один пример того, как слагалась хронология кургана [Алексеев 2003а, 259 сл.]: амфора ок. сер. IV в. до н. э. (по Брашинскому), найдена в кургане Солоха в нише с котлами возле погребения мужчины с гребнем [Манцевич 1987, 27].

¹³ Они имеются и в Берлинском собрании, и в Метрополитен музее – аттического типа. В Северном Причерноморье известна случайная находка у с. Песчаное – бронзовая амфора воспроизводит фасосский тип V в. до н. э.

чертомлыкской и глиняной солохской амфор тоже сходны¹⁴. Продолжая эту тему, отметим, что тип серебряной амфоры близок и тем глиняным амфорам, которые исследователи определяют как средиземноморские или греко-италийские [*Olcese* 2010, 24, 43], ок. 350 г. до н. э. («более полнокровные»)¹⁵ и до 300 г. до н. э.

В любом случае, отражая существующие реалии, форма серебряного сосуда даёт возможность предположить хотя бы общее направление, географический регион, с которым можно связать происхождение мастера. И снова это не Боспор: сложно допустить, чтобы «природно-боспорские» торевты воспроизвели в своем изделии непривычный тип сосуда. Естественно, вероятна гипотеза о том, что мастера были приезжими и повторили «свой» вариант винной амфоры в драгоценном парадном сосуде для вина. Но тогда значит, что в мастерских работали приглашенные мастера, что, в принципе, можно предположить и для первых мастеров-чеканщиков золотых монет середины IV в. до н. э., в свое время впечатливших М. И. Ростовцева и В. Д. Блаватского.

Было бы заманчиво проанализировать наборы серебряных сосудов из северочерноморских курганов в сопоставлении орнаментальной части растительного фриза Чертомлыкской амфоры. Нет сомнений, что можно будет увидеть не только совпадающие элементы декора, но и выявить определенную закономерность его построения.

Новые памятники античной скульптуры и торевтики из Северного Причерноморья продолжили примеры литературных сюжетов Геродота о событиях мифопоэтической истории скифов. В золотых предметах из скифских комплексов Передериевой могилы и Ставропольского кургана IV в. до н. э. отразилась уже знакомая по гориту из кургана Солоха тема битвы скифов – молодых и вернувшихся из мидийского похода старых воинов (*Hdt.* IV. 1), а в боспорском скульптурном рельефе в близкой иконографии и стилистических формах проявился неожиданно новый сюжет (трактуемый не всеми исследователями одинаково) о столкновении в степях Причерноморья молодых скифов и амазонок, от которых пошел потом новый народ – савроматы (*Hdt.* IV. 110–112) [*Савостина* 2001, 289]. Последний пример показывает, что «скифский сюжет» Геродота был актуален не только в «заказных» драгоценных вещах, предметах торгового обмена, но и в греческой местной скульптурной традиции. Именно в этих произведениях проступают неизвестные во времена М. И. Ростовцева общие черты сложившегося здесь локального «боспорского стиля» (можно сказать, «большого стиля», той самой «школы», существование которой ожидал Ростовцев), отличающегося художественными особенностями и определенными иконографическими предпочтениями не исключительно в предметах торевтики, но также в монументальной пластике и терракоте [*Савостина* 2023]. Однако эта тема достойна более подробного рассмотрения.

¹⁴ Чертомлык: выс. 70, диам. корпуса 40 см [*Алексеев* 1991, 174, кат. 91], Солоха I: выс. 68, диам. 42, диам. венчика 18 см [*Манцевич* 1987, 104].

¹⁵ Тип V с «псевдотреугольным» венчиком [*Olcese* 2010, Tav.18]. Найдены в Италии и других районах Средиземноморья, а также на землях этрусков в Спине (Национальный археологический музей в Ферраре). Предполагается начало производства Центрально-адриатическим районом, а также Коринфом с V–IV вв. до н. э., продолженное другими странами.

Список литературы

- Алексеев А. Ю. 1986 // Античная торевтика. Л., 64–74.
- Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. 1991. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, 416.
- Алексеев А. Ю. 2003. Гребень из кургана Солоха и скифские цари V–IV веков до н. э. // Археологический сборник. 36, 72–88.
- Алексеев А. Ю. 2003 а. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб, 416.
- Алексеев А. Ю. 2012. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб, 272.
- Бабенко Л. И. 2013. О семантике композиции пекторали из Толстой Могилы // БФ: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб, 449–454.
- Бабенко Л. И. 2020. Восточно-балканские корни пекторали из Толстой Могилы // Дриновский сборник. XIII. София–Харьков, 45–52.
- Бабенко Л. И., Білан Ю. О., Полідович Ю. Б. 2021. Товста Могила: 50 років досліджень. Бібліографічний огляд. Київ, 146.
- Баллонов Ф. Р. 1991. Чертомлыкская серебряная амфора как модель мифопоэтического пространства-времени // А. Ю. Алексеев, В. Ю. Мурзин, Р. Ролле. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев. Приложение 12, 375–377.
- Блаватский В. Д. 1964. Пантикапей. М., 232.
- Брашинский 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 143.
- Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. Курганы на мысе Ак-Бурун // Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. II (БИ. Suppl. 13). Симферополь–Керчь, 2014, 183.
- Виноградов Ю. А. 2019. Традиции и инновации в аристократической культуре Боспора доримской эпохи // БИ. XXXVIII, 3–16.
- Галданова О. А. 2016. Фигуративные изображения в декоре обкладок ножен и горитов из скифских курганов IV века до нашей эры и их иконографические прототипы // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 6, 42–51.
- Граков Б. Н. 1950. Скифский Геракл // КСИИМК. XXXIV, 7–18.
- Копейкина Л. В. 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 28–63.
- Манцевич А. П. 1950. Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. XIII, 226–232.
- Манцевич А. П. 1980. Золотой нагрудник из Толстой Могилы // Thracia Serdicae. V. Sofia, 97–120.
- Манцевич А. П. 1987. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л., 143.
- Мозолевський Б. М. 1979. Товста Могила. Київ, 251.
- Погребова Н. Н. 1953. К вопросу о происхождении шедевров торевтики из скифских курганов (По поводу статей А. П. Манцевич) // СА. XVII, 285–294.
- Полідович Ю. Б. 2020. Иранская мифологема царской власти и пектораль из Толстой Могилы // Археологія і давня історія України. 3 (36), 135–149.

- Раевский Д. С. 2006. Мир скифской культуры. М., 600.
- Ростовцев М. И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. 49, 1–62; 133–140.
- Ростовцев М. И. 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 623.
- Ростовцев М. И. 2002. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918 / 2-е изд. М., 188.
- Русяева М. В. 2013. Сюжеты и стиль эллино-скифской торевтики в контексте развития классического искусства Эллады // БФ: Греки и варвары на евразийском перекрестке. СПб, 434–443.
- Савостина Е. А. 2001. «Боспорский стиль» и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). Монография о памятнике. Т. 2. М., 284–303.
- Савостина Е. А. 2014. Иконография скифской битвы и «боспорский стиль»: новый повод для обсуждения проблемы // ТС. Исторические науки. 6. Симферополь, 32–40.
- Савостина Е. А. 2019. Несколько заметок о пекторали из кургана Толстая Могила: вопросы атрибуции и культурной принадлежности // БИ. XXXIX, 58–88.
- Савостина Е. А. 2022. «Большой стиль» в искусстве Боспора: свидетельства, истоки и развитие // Даниловские чтения. Античность – Средневековье – Ренессанс. Искусство и культура. Сб. 5. ВЕСТНИК РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. М., 14–28.
- Савостина Е. А. 2023. «Поверил я алгеброй гармонию...». Об одном удивительном изделии греческих золотокузнецов: шедевр? // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 1. Ч. 2. М., 169–180.
- Савостина Е. А. 2024. Классик. Памяти антиковеда В. Д. Блаватского // ДБ. 29, 9–25.
- Скржинская М. В. 1998. Скифия глазами эллинов. СПб, 258.
- Трейстер М. Ю. 1989. Матрицы в торевтике Пантикапея IV в. до н. э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конф. памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 48–50.
- Barr-Sharrar B. 1982. Macedonian Metal Vases in Perspective: Some observations on Context and Tradition // Macedonia and Greece in Late Classical and Early Hellenistic Times. Symposium series. I (Studies in the History of Art. 10). Washington 122–139.
- Drougou S. 2011. Macedonian metallurgy: an expression of royalty // Heracles to Alexander the Great. Treasury from the Royal Capital of Macedon, a Hellenic Kingdom in the Age of Democracy. Oxford, 181–192.
- Meyer C. 2013. Greco-Scythian Art and the Birth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity. Oxford, 432.
- Olcese G. 2010. La anfore Greco italiche di Ischia: Archeologia e archeometria. Artigianato ed economia nel Golfo di Napoli. Roma, 477.
- Roberts H. S. 2009. Macedonian craftsmanship in Crimean tombs from late IV century BC to early III century BC // Proceedings of the Danish Institute at Athens. VI, 189–200.
- Sideris A. 2016. Toreutics in Macedonia: confronting Contextual Evidence, Stylistic Analysis and Unprovenanced Objects // Ηράδιν II, Τιμητικός τόμος για τη Στέλλα Δρούγου. Athens, 486–508.

- Stewart A. 1990. Greek sculpture: an exploration. New Haven-London: Vol. I. 380 p., Vol. II. 881 pls.
- Tsigarida 2003. Jewellery from the Geometric Period to Late Antiquity (9th c. BC-4th c. AD) // Greek Jewellery. Athens, 20-23.
- Treister M. 2005. Masters and Workshops of the Jewellery and Toreutics from Fourth-Century Skythian Burial Mounds // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC – first century AD). Exeter, 56-63.
- Treister M. 2010. "Achaemenid" and "Achaemenid – inspired" Goldware and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire Persia // Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers (Black Sea Studies. 11). Aarhus, 223-279.

Summary

E. A. Savostina

Looking into the details...

**To study the masterpieces of Toreutics from the North Black Sea mounds:
traditions and strategies**

The article examines the ways of studying precious objects of Greek work from the North Black Sea mounds, discusses the formation of research methods and interpretive approaches, the formation of tradition and the need for new strategies. Individual examples of toreutic productions demonstrate the vulnerability of some methods of analyzing works, as well as their interpretation.

А. В. Сазанов

(Институт археологии РАН, г. Москва)

«Pontic red slip wares» form 1: типология и хронология

Среди позднеантичной краснолаковой керамики, наиболее популярной в IV – первой половине V в. в Северном Причерноморье, выделяется форма, получившая с начала XXI века определение «Pontic red slip ware» 1 (PRS 1 или PRSW 1)¹. Эти сосуды встречаются практически на каждом памятнике Боспора, где зафиксированы позднеантичные слои или (и) погребальные комплексы. Опубликованы находки из Пантикапея, Фанагории, Тиритаки, Нимфея, Киммерика, Белинского, Китея, Зенонова Херсонеса, Сиреновой бухты, Зеленого мыса, Илурата, Батарейки I, Ильичевки, Кеп, Гермонассы, Танаиса [Domzalski 2021, 57, 58, 64, 65].

Рассматриваемые сосуды имеют солидную историографию.

Впервые краснолаковые миски этой формы были выделены в 1952 г. Т. Н. Книпович на материалах Тиритаки в тип 23а (Т). Исследовательница в соответствии с принятой тогда хронологией комплексов датировала этот тип суммарно III–IV вв. [Книпович 1952, 319, рис. 12. 1]. В 1958 г. Л. Ф. Силантьева отнесла их к своему типу 44 с датировкой конец III–IV в. [Силантьева 1958, рис. 15. 3]. В 1968 г. С. А. Беляев рассматривал эти миски как относящиеся к его группе IB. В плане хронологии всей группы I исследователь отмечал, что эта керамика не могла появиться раньше конца III – начала IV в., ее основная масса относится к IV в., возможно, что какая-то часть бытовала и в V в. [Беляев 1968, 32–34, рис. 1. 3]. В 1981 г. эти сосуды были выделены Т. М. Арсеньевой на материалах Танаиса и датированы в подрисуночной подписи концом IV – началом V в. При этом исследовательница подчеркивала, что если эта форма и появилась на Боспоре в III в. н. э., то только во второй половине или в самом конце его, и существовала, главным образом, в IV в. на всем его протяжении, заходя, возможно, в начало V в. [Арсеньева 1981, 44, 45, рис. 1. 1–3; 1984, 232, табл. CXLVII. 17].

В публикации Ю. Н. Воронова 1983 г. миски из комплексов Абхазии, соответствующие его типу I датированы преимущественно концом IV–VI в., при этом отмечалось,

¹ Определение этих сосудов как понтийских носит предположительный, условный характер, поэтому дается в кавычках. На сегодняшний день в понтийском регионе не обнаружены ни остатки мастерских, ни следы производства, подтверждающие такую локализацию центров изготовления данной группы керамики. Характерна эволюция представлений авторов «понтийской» локализации от утверждения о производстве этих сосудов в юго-западном Крыму до определения центров производства в Северной Анатолии [см. Сазанов 2019].

что аналогичные сосуды в Питиунте датированы IV или концом IV–V вв., а миски этого типа, датируемые IV в., еще не имеют круглого желобка при переходе к днищу. В целом, по мнению исследователя, рассматриваемые миски входят в «группу С» позднеаримской посуды, датируемой в Средиземноморье суммарно V–VII вв., что соответствует ситуации, прослеживаемой на территории Аписии [Воронов 1983, 89–91, рис. 2. 1, 2, 5, 6; 3. 10, 12, 14; 4. 6–8, 10, 13; 5. 7, 18; 6. 1, 2].

В статье А. И. Айбабина 1984 г. рассматриваемые изделия фигурируют как признак 16 хронологической схемы исследователя. А. И. Айбабин отмечает их встречаемость в погребениях как первой, так и второй половины IV–V вв. При этом, по его мнению, наиболее ранние блюда данного типа зафиксированы в материалах Афинской агоры в слоях первой половины IV в., а поздние – с вещами конца V – первой четверти VI в. и первой половины VI в. Как аналогия была указана африканская форма 50 (ARSW 50) [Айбабин 1984, 115, 116]. Эта атрибуция и хронология сохранены и в обобщающей монографии 1990 г. [Айбабин 1990, 16].

В 1985 г. А. Опайт выделил рассматриваемые миски в свой тип IVA, датированный по комплексам Бабадаг-Топрайчиой первой половиной V в., и предположил их понтийское производство [Opait 1985, 155, 159, Abb. 1. 9–11].

В 1987 и 1989 г. А. В. Сазанов отнес эти миски к африканской форме 62B, которую разделил на два варианта в зависимости от формы венчика, завершающегося острым краем (вариант 1) или загнутым внутрь валиком (вариант 2), и датировал их периодом от середины IV до третьей четверти VI в. [Сазанов 1989а; 1989б, 51–53, рис. 4. 14 а–б]. В обобщающих работах по краснолаковой керамике ранневизантийского времени из комплексов Херсонеса и Северного Причерноморья в целом, вышедших в 1991 и 1995 гг., он повторил свою атрибуцию и датировку [Романчук, Сазанов 1991, 35–40; Сазанов 1995, 407, рис. 1. 5].

В монографии 1999 г. А. И. Айбабин определил миски рассматриваемого типа в одном случае как ARSW 50, в другом – как ARSW 62B [Айбабин 1999, 258, 260, табл. XIV. 5; XVII. 7]. Те же самые атрибуции повторены и в монографии 2017 г., написанной совместно с Э. А. Хайрединовой. При этом, по мнению авторов, в Крыму и в Восточном Причерноморье блюда этой формы существовали долгое время. В Херсоне они известны в комплексе второй четверти VI в., в Лучистом – в погребении 7 второй половины VI в. из склепа 100, в Керчи – в слое Д последней четверти VI – третьей четверти VII в., в крепости Цибиллиум – в слоях VI в. [Айбабин, Хайрединова 2017, 106, 107].

В 1996–2000 гг. К. Домжальский, вслед за А. Опайтом, соотнес рассматриваемые миски с понтийской продукцией [Domzalski 1996; 2000; Opait 2004, 75, pl. 54. 4].

В 2002 г. вышла большая статья Т. М. Арсеньевой и К. Домжальского, посвященная позднеантичной краснолаковой керамике Танаиса, в которой данные миски выделены в форму 1 группы Pontic Red Slip Ware, датируемую серединой (возможно раньше) IV – серединой (возможно позднее) V в. [Arsen'eva, Domzalski 2002, 425, 426, fig. 5–7].

В 2007 г. при рассмотрении краснолаковых мисок с территории Абхазии К. Домжальский уточнил типологию и ранее предложенные даты. Были выделены типы PRSW 1A, отнесенный к IV в., переходный PRSW 1A/B, датированный концом IV – началом V – первой половиной V в. и PRSW 1B – поздним IV–V в. [Domzalski 2007, 77, pl. 61. 1].

В 2012 г. А. В. Сазанов пересмотрел свои взгляды на атрибуцию и хронологию сосудов, ранее относимых им к африканской форме 62B, согласившись с их условным определением как формы 1 группы Pontic red slip wares (PRSW 1). Вне всяких сомнений, появление этой формы в начале IV в. и существование ее в первой и второй половинах IV в. Видимо, эти миски производились весь IV в. до начала/первых десятилетий V в. [Сазанов 2012, 137, 138].

В 2014 г. А. В. Смокотина на материалах Керчи выделила редкий вариант 1A с подрезкой на внешней стороне венчика и два промежуточных эволюционных варианта 1A/B1 и 1A/B 2. Хронологические выкладки соответствуют хронологии К. Домжальского [Смокотина 2014, 48].

В 2019 г. А. В. Сазанов подтвердил высказанную им ранее атрибуцию и датировку сосудов PRSW 1 в рамках первых десятилетий IV – первых десятилетий V в. [Сазанов 2019, 236].

Хронология типов PRSW 1 по материалам Тиритаки, предложенная в совместной статье А. В. Смокотиной и К. Домжальского, изданной в 2020 г. следующая. В IV в. в Тиритаку поступали миски формы 1A. В начале V в. их заменили блюда формы 1A/B. После середины V в. эта «вторая генерация» форм PRS, в свою очередь, была вытеснена блюдами формы 1B [Домжальский, Смокотина 2020, 194–195].

Наконец, в 2021 г. увидела свет монография К. Домжальского, посвященная понтийским краснолаковым сосудам позднеримского времени [Domżański 2021]. Это итоговое исследование представляется крайне важным. К безусловным достоинствам работы следует отнести публикацию большого количества мисок PRSW 1; исследование по технологии сосудов; попытки построить эволюционные ряды и хронологию. Отметим также каталог, содержащий размерные характеристики сосудов. В целом эта монография может служить отправной точкой для дальнейших исследований.

Следуя своим более ранним работам, К. Домжальский выделяет типы PRSW 1A, датирующийся, главным образом, IV в., PRSW 1A/B, относящийся к первым трем четвертям V в. и PRSW 1B, датирующийся последней четвертью V – началом VI в. Тип PRSW 1A отличается венчиком с заостренным внутренним краем и толстыми стенками, PRSW 1B имеет валикообразный венчик и заметно более тонкие стенки, промежуточный вариант 1A/B характеризуют «скорее тонкие стенки» и округлая форма венчика. [Domżański 2021, 41, 58]. Нетрудно заметить, что эта типология в целом повторяет предложенную автором данной статьи в 1987–1989 гг.² [Сазанов 1989 а; 1989б, 51–53, рис. 4. 14 а–б].

Вместе с тем монографии К. Домжальского присущ ряд существенных недостатков, заметно влияющих на оценку положений историографического характера, хронологические и типологические выкладки.

С поразительной легкостью К. Домжальский переносит время возобновления Танаиса и поздние слои этого памятника с середины IV – первой половины V в. на начало – третью четверть V в., весьма кратко упоминая даты краснолаковых сосудов с других памятников и длительное хождение монет. При этом дается ссылка на отдельную статью, посвященную этой проблеме, в которой попытка глобального пересмотра хронологии

² Ссылка на эту нашу типологию и ее упоминание в работах К. Домжальского по непонятным причинам отсутствует.

позднего Танаиса занимает, по сути, несколько абзацев. По мнению К. Домжальского, высказанному в этой статье, репертуар форм понтийских сосудов ясно указывает на то, что они импортировались в своем большинстве с конца IV до середины V в., или немного позже. Незначительное число находок PRSW 1A и почти полное отсутствие PRSW 2 форм, типичных для IV в., предполагает, что позднеримское поселение в Танаисе было основано или, по крайней мере, его обитатели установили систематические дальние торговые контакты с Боспором и, вероятно, другими черноморскими центрами не ранее чем в конце IV в., сохраняя их до третьей четверти V в. Как считает К. Домжальский, время основания позднеримского поселения в Танаисе примерно совпадает с окончательным запустением Ольвии, где PRSW 1A и 2 составляли большинство импортных краснолаковых сосудов. На время прекращения существования Танаиса на рубеже третьей и четвертой четвертей V в., по мнению К. Домжальского, указывает и наличие форм LRC 3C/E, штампов групп I, II и формы PRSW 7 [Domžalski 2021a, 32, 33].

К сожалению, стратиграфия и хронология комплексов позднеантичного Танаиса явно остались, несмотря на ссылки, вне поля зрения этого автора. Анализ комплексов полностью отсутствует, что является общей проблемой всей монографии; его заменяют хронологические выкладки по краснолаковой керамике, происходящей из разных слоев и комплексов, в том числе мусорных, содержавших разновременные переотложенные материалы.

В основе предложенного польским исследователем хронологического сдвига для позднеантичных слоев Танаиса лежат материалы с участка XXV.

Краснолаковая миска PRSW 1 B происходит из слоя в кв. 106–108 на этом участке, исследованном в 2007 г. [Арсеньева, Шоль, Матера, Науменко, Ровиньска 2012, fig. 35]. Данный слой, содержащий разновременные материалы от эллинистического до позднеримского времени, охарактеризован авторами раскопок как мусорный переотложенный. Свидетельством позднейших перекопов в этой части вала может служить находка современной пули от карабина [там же, 45, 46]. Соответственно контекст находки не имеет датирующего значения.

Другая миска PRSW 1A/B обнаружена вместе с миской PRSW 3 при исследованиях 2014 г. в верхнем сильно гуммированном горизонте, насыщенном современным мусором [Арсеньева, Ильищенко, Шоль, Матера, Науменко 2016, 125, рис. 7, 8]. О датирующем значении контекста находки говорить тем более не приходится. Третья миска из раскопок того же участка 2012 г. также происходит из мешаного переотложенного слоя, содержавшего разновременный материал от II–I вв. до н. э. до позднеантичного периода [там же, рис. 33].

При этом, в 2012 г. в кв. 107 ниже рассмотренных слоев было обнаружено 11 хозяйственных ям, являвшихся частью большого комплекса разновременных хозяйственных объектов позднеантичного времени, когда на территории города во второй половине IV в. возникло огромное поселение [Науменко 2014, 88]. Эти материалы К. Домжальским не рассматриваются.

Из сказанного ясно, что время прекращения существования Ольвии в конце третьей четверти IV в. и появление большого неукрепленного поселения Танаиса в середине IV в. нельзя синхронизировать.

Таким образом, предложенные польским исследователем передатировки позднеантичных слоев Танаиса лишены каких-либо стратиграфических обоснований.

Согласно современным представлениям, здесь выделяются три строительных периода или фазы. Начало первого приходится на середину IV в., завершение – на конец IV – начало V в. Отметим, что за пределами «танаисского четырехугольника» прослеживается только этот строительный горизонт [Арсеньева, Ильяшенко, Науменко 2010, 19, 21]. Это вообще – основной горизонт позднеантичного Танаиса. Из него и происходит подавляющая часть находок PRSW 1. Второй строительный период относится к концу IV – началу V в. (до 430 гг.), третий – датируется серединой V в. [Науменко 2019, 87].

Утверждение о некорректной датировке слоев Ятруса К. Домжалский обосновывает ссылкой на статью М. Макенсена и положением о недатирующей роли монет (получается, что всех...) в комплексах этого памятника [Domżański 2021, 23, 28]. Однако польскому исследователю осталась неизвестной диссертация П. В. Шувалова, до сих пор являющаяся базовой работой, посвященной синхронизации памятников нижнедунайского лимеса, включая Ятрус. Напомним, что П. В. Шувалов тщательно проанализировал все опубликованные комплексы Ятруса (а не отдельные сосуды из разных контекстов, как это сделал М. Макенсен) и предложил обоснованные корректировки к схеме Б. Бетгера. Согласно поправкам П. В. Шувалова, период А Ятруса заканчивается где-то в районе 360/370 гг. Он синхронизируется с периодом C1 Нове, IVA Тропеума Траяни, II Каллатиса, Rom-B Истрии, В Диногетии. Период В включает часть периода С и обозначается в схеме П. В. Шувалова как период В/С, верхнюю границу которого маркируют монеты 408 г. Период С Б. Бетгера стал периодом D1a П. В. Шувалова, продолжавшимся с 408 по 425 г. (монеты 425 г.). Далее следует период D1b П. В. Шувалова, датирующийся 425–498 гг. Верхняя граница определяется монетами 498 г. В стратиграфии Ятруса четко прослеживаются пожары, происходившие в районе 366/369, 408, 425 и 498 гг. [Шувалов 1989, 15]. Предложенная П. В. Шуваловым схема снимает практически все возражения к периодизации Б. Бетгера и полностью соответствует исторической картине событий, происходивших на Нижнедунайском лимесе в рассматриваемое время. 366–369 гг. отмечены мятежом Прокопия и войнами с готами, около 410 г. происходит вторжение Ульдиса на Балканы, в 499 г. – болгарский набег [Шувалов 1989, 4, 7]. Как мы видим, монеты из слоев и комплексов хорошо иллюстрируют эти события.

С точки зрения типологии, недостатком является отсутствие четких границ в морфологии сосудов между типом PRSW 1A и переходными формами PRSW 1A/B, подписанные содержат «Pontic Red Slip ware form 1A and 1A/B», что не дает возможности точной атрибуции ряда сосудов [Domżański 2021, pls. 2, 4, 5, 6].

Историографическая часть монографии страдает трудно объяснимыми лакунами. Работа в ряде случаев содержит ссылки и дискуссию с исследованиями, положения которых авторами давно пересмотрены. Так, К. Домжалский многократно пишет об ошибочной атрибуции понтийских краснолаковых сосудов как африканских, видимо, не зная о том, что автор этой статьи пересмотрел свое первоначальное мнение 10 лет назад, и, начиная с 2012 г., определяет именно их в качестве условных понтийских форм. Упомянутая выше ключевая работа 2019 г. по хронологии краснолаковой керамики IV–VI вв., включающая и «понтийские» сосуды [Сазанов 2012; 2019], также прошла мимо внимания польского исследователя.

Подводя итог обзору историографии PRSW 1, отметим, что монография К. Домжальского, несомненно, может служить отправным пунктом для дальнейших исследований понтийской краснолаковой керамики позднеримского времени. Также, на наш взгляд, очевидна необходимость детальной разработки типологии и хронологии предложенных типов, их корректировки, определения центра (-ов) производства с целью создания свода этих сосудов.

Краснолаковые миски PRSW 1 мы делим на три типа (a, b, c), отличающиеся оформлением края венчика и профилировкой его задней стенки. Тип *a* характеризует заостренный край, тип *b* имеет застроенный край с уступом на задней части венчика, тип *c* – миски с валикообразным краем. В свою очередь каждый из этих типов распадается на подтипы в зависимости от вариативности венчика. В рамках подтипов выделены размерные варианты, отличающиеся сочетанием диаметра края венчика и высоты сосуда (рис. 1).

В итоге общая номенклатура рассматриваемых изделий выглядит следующим образом: «PRSW 1A-1a», что означает вид понтийских мисок (PRSW) форма 1, тип A, подтип 1, вариант а.

Необходимо отметить, что для корректной классификации мисок PRSW 1 и определения их хронологии, нами использовались либо целые формы, либо крупные фрагменты сосудов, происходящие из надежно датированных комплексов, не содержащих «примеси снизу» или сводящих ее вероятность к минимуму. Речь идет, прежде всего, о находках в погребениях, являющихся закрытыми комплексами. К ним добавлены сосуды из слоя Танаиса середины – второй половины IV в., что исключает «примесь снизу» второй половины III – первой половины IV вв., когда город уже не существовал.

Тип A (рис. 2–7).

Миски подтипов **A1** и **A2** происходят из могил 3 и 136 могильника «Фронтное 3», расположенных в т. н. «поздней части ранней зоны периода 2», входящей в ареал, датируемый монетами 306/309–324/337 гг., что определяет их хронологию в пределах первой половины IV в. (рис. 3. 1, 2) [Суханов, Гавритухин, Нессель 2021, рис. 2. 4, 6].

Миски подтипа **A3** встречены в комплексах первой половины IV в. могильников Озерное III, Фронтное III, Дружное, Килен-балки датирующихся монетами Константина I 306–324, 306–337 гг., Лициния 311–317 гг., Констанция II 340–346 гг. на полке северной стены [Лобода 1977, рис. 5. 10; Айбабин 1990, 176, рис. 2; Храпунов 2002, рис. 151. 1; 2008, 340, 342; Нессель 2003, рис. 2. 7; Демьянчук 2003, 19, 20; Суханов, Гавритухин, Нессель 2021, рис. 2. 8, 10]. Самая поздняя находка происходит из слоя Танаиса второй половины IV в. [Arsen'eva, Domzalski 2002, 453, fig. 5. 2]. Учитывая, что она является единственной в контексте, датируемым после середины IV в., скорее всего, речь должна идти о сосуде, изготовленном в первой половине IV в., но продолжавшим использоваться какой-то промежуток времени в середине – второй половине IV в. Соответственно, миски A3 могут быть датированы первой половиной – серединой IV в. Выделяются три варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 24,5 см. при высоте сосуда 6,3 см, варианта *b* – 25,4–28 см при высоте 4,6–5,6 см, варианта *c* – 29 см при высоте 5,8–6,5 см³ (рис. 3. 2, 3).

³ Здесь и далее даются средние размеры сосудов.

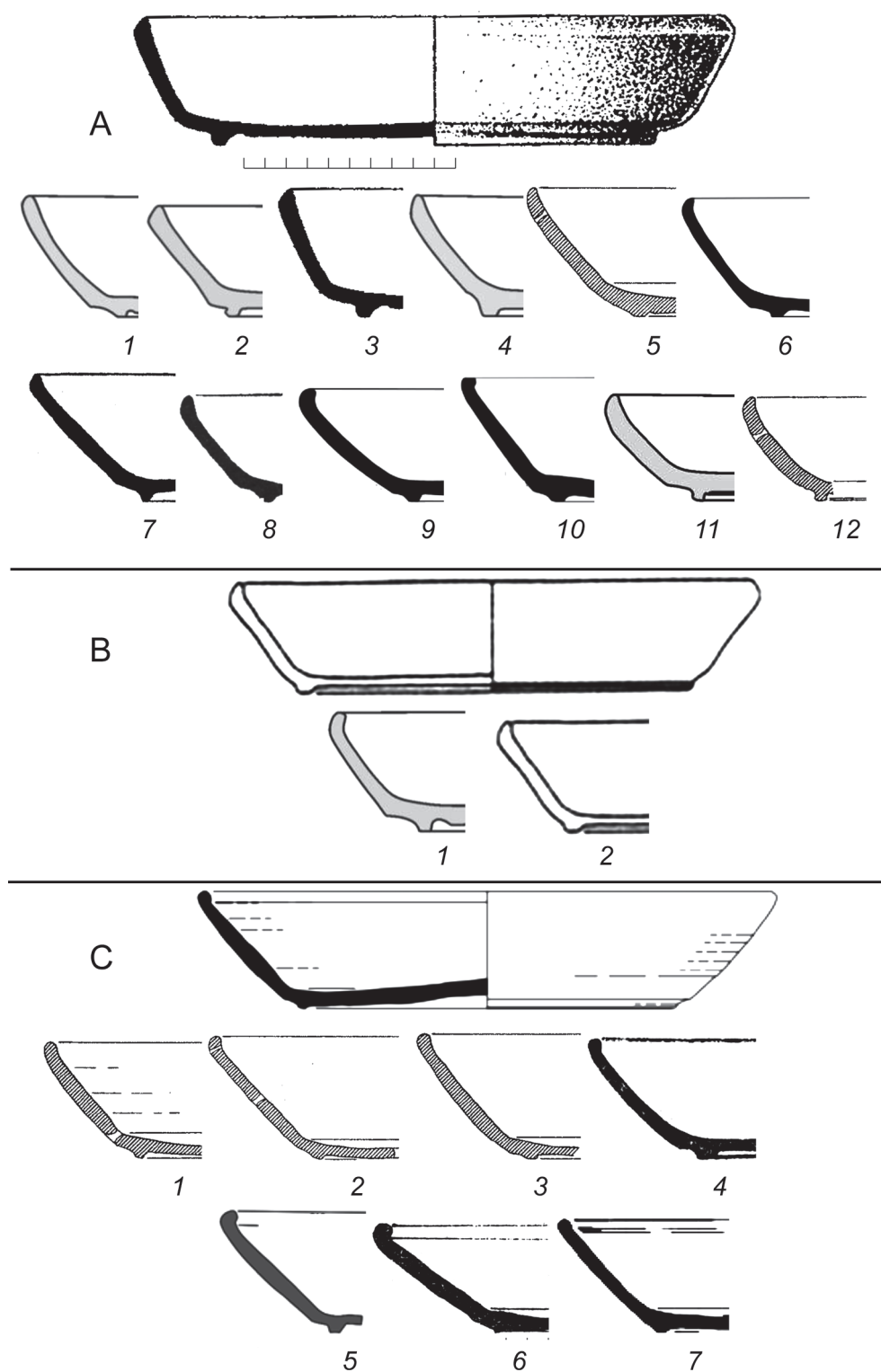

Рис. 1. Общая типология краснолаковых мисок PRSW 1

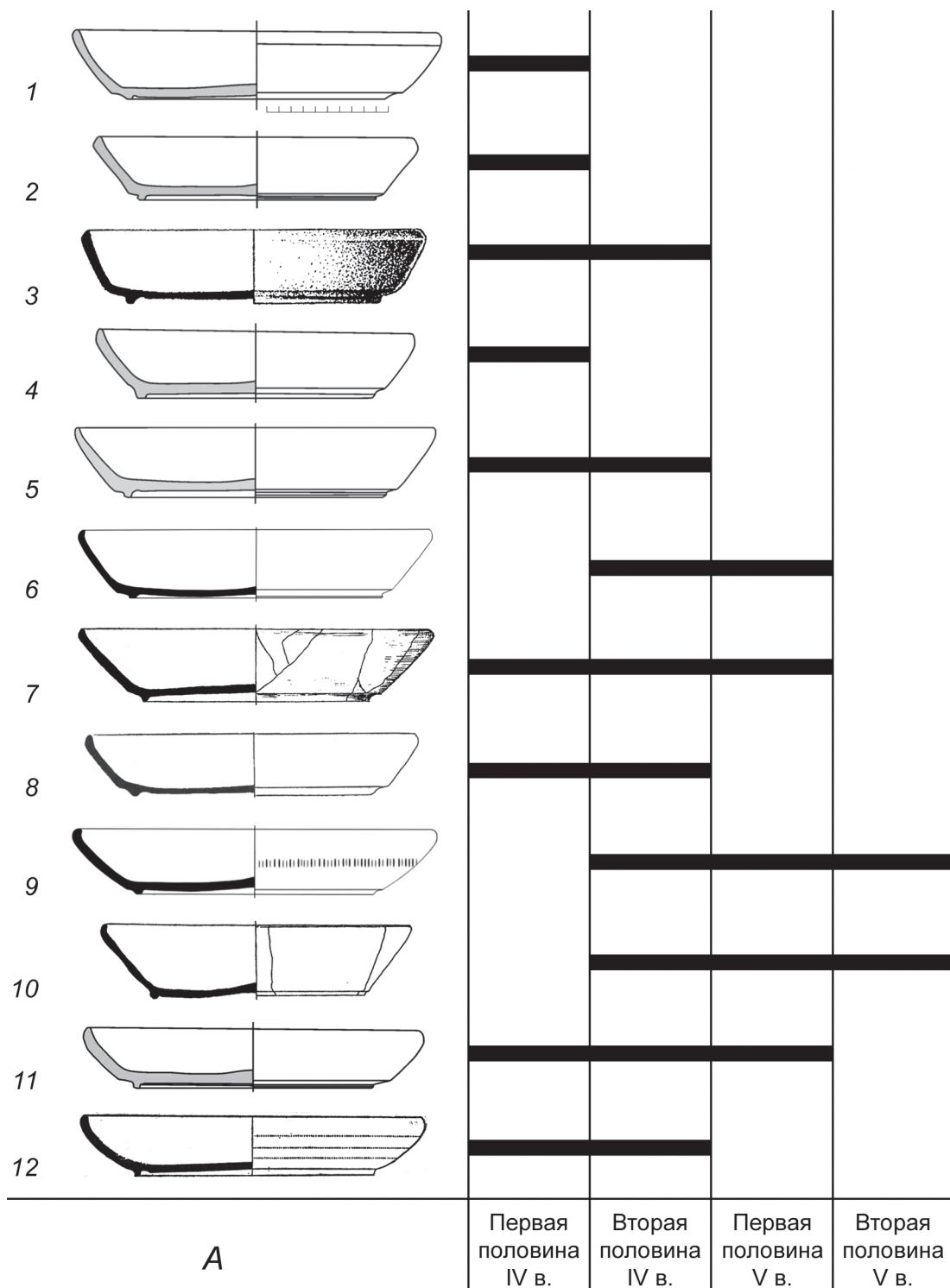

Рис. 2. PRSW 1 А. Типология и хронология

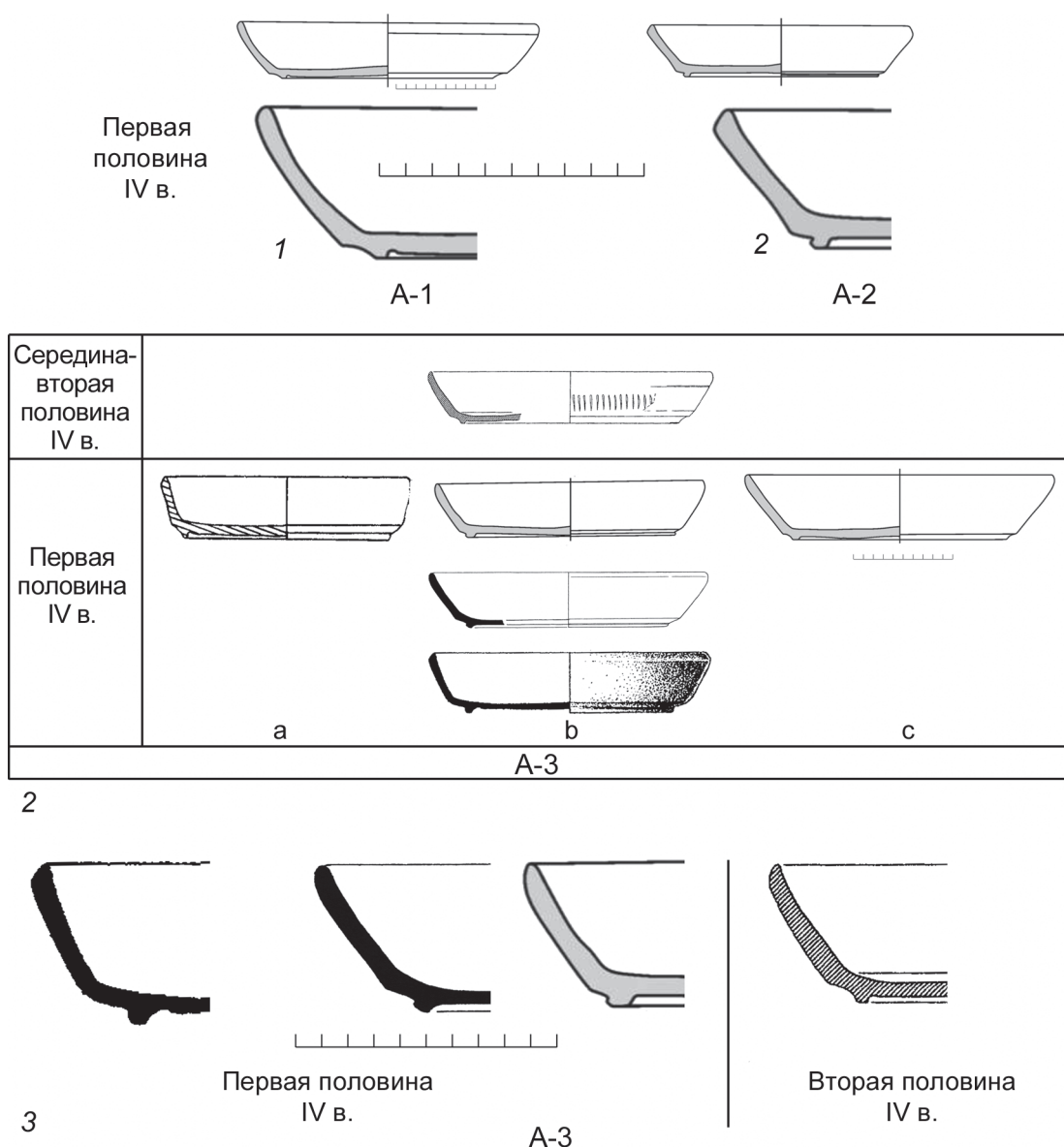

Рис. 3. PRSW 1 A-1 (1), PRSW 1 A-2 (2), PRSW 1 A-3 (3).
Типология и хронология с вариантами

Миска подтипа **A4** обнаружена в могиле 137 могильника «Фронтное 3», относящейся к первой половине IV в. (рис. 4. 1) [Суханов, Гавритухин, Нессель 2021, рис. 2. 7].

Одна миска подтипа **A5** происходит из контекста могилы 177 некрополя Фронтное 3 первой половины IV в., две других – из слоев Ольвии начала – третьей четверти IV в., одна из могильника Огаркой, видимо, третьей четверти IV в., одна – из слоя Танаиса второй половины IV – начала V в. [Суханов, Гавритухин, Нессель 2021, рис. 2. 12; Чуркин, Шкрибляк 2017, 274, рис. 6. 3; Arsen'eva, Domzalski 2002, 453, 454, fig. 6. 16]. Выделяются три варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 25–27 см. при

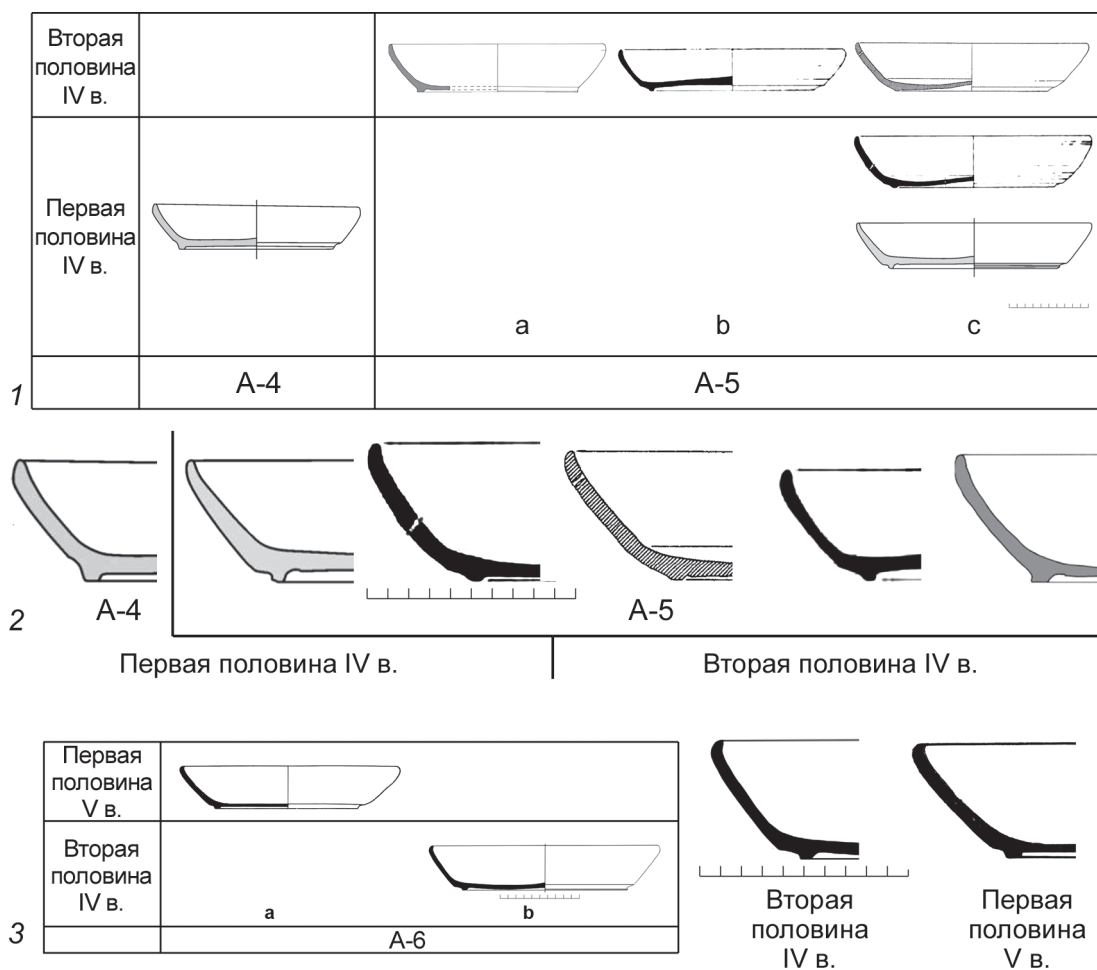

Рис. 4. PRSW 1 A-4 (1), PRSW 1 A-5 (2), PRSW 1 A-6 (3).
Типология и хронология с вариантами

высоте сосуда 6 см, варианта *b* – 28 см при высоте 5,3 см, варианта *c* – 29 см при высоте 5,8–6,5 см (рис. 4. 2).

Одна миска **A6** происходят из контекста второй половины IV в. могильника Алма-лык-Дере (склеп 158), вторая – из могилы 61 могильника Цибилиум-1, относящейся к периоду 380/400–440/450 гг. [Иванова 2009, 31, рис. 3. 15; Voronov 2007, 22, 23, fig. 27. 2; Воронов, Шенкао 1982, рис. 17. 2]⁴. Выделены два варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 26,5 см при высоте сосуда 5,4 см, варианта *b* – 28 см при высоте 5,6 см (рис. 4. 3).

Одна миска **A7** была обнаружена в склепе 22 могильника Черная речка первой половины IV в.; вторая – в восточной нише склепа 3 могильника Килен-балка с самыми

⁴ В статье Ю.Н. Воронова и Н.К. Шенкао могила 61 фигурирует как Цибилиум 1–43 [Воронов, Шенкао 1982, 148, 152, 153].

поздними монетами 340–346 гг.; третья происходит из слоя Танаиса второй половины IV – начала V вв; четвертая – из слоя пожара башни 19 Питиунта первой половины V в.; пятая – из могильника Карши-баир, погребения, видимо, также первой половины V в. [Айбабин 1996, 293, рис. 6. 2; Нессель 2003, рис. 2. 8; Айбабин 1999, табл. XIV. 5; Arsen'eva, Domzalski 2002, 454, fig. 7. 32; Азрба 1985, табл. XXXI. 2; Ушаков, Филиппенко 2008, 287, рис. 3. 4]. Выделены три варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 25,2–26,5 см при высоте сосуда 5,3–6 см, варианта *b* – 28–28,5 см при той же высоте 6 см, варианта *c* – 30 см при высоте 5,5 см (рис. 5. 1).

Три миски **A8** обнаружены в комплексах первой половины IV в.: могиле 3 могильника «Дружное» и в могиле 159 могильника «Фронтное-3» [Храпунов 2002, рис. 69. 7, 8; Суханов, Гавритухин, Нессель 2021, рис. 2. 9]. Выделены два варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 26–27,5 см при высоте сосуда 5–6 см, варианта *b* – 31 см при высоте 6,5 см (рис. 5. 2).

Находки мисок **A9** в комплексах второй половины IV в. представлены слоем «ниже пожарного» в центральной части башни 19 Питиунта, склепом 155 могильника Алмалык-Дере (360/70–400/10 гг.) [Азрба 1985, 36, табл. XXX. 1; Иванова 2009, рис. 3. 14]. Первой половиной V в. датируются комплексы могилы 175 Алмалык-Дере (380/400–480/90 гг.), склепа 54 а могильника «Лучистое» [Иванова 2009, 31, рис. 3. 17, 18; Айбабин, Хайрединова 1998, 276, 277, рис. 7. 9; 2008, рис. 21. 44; 2014, рис. 79. 6]. Периодом от 430 до 470 гг. датируется склеп 184 Алмалык-Дере [Иванова 2009, 32, рис. 4. 20, 21]. Выделены три варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 19,7–19,9 см при высоте сосуда 4,2–4,4 см, варианта *b* – 24,5–25,5 см при высоте 4,4–4,8 см, варианта *c* – 27–28,5 см при высоте 5,5 см (рис. 6).

Миски **A10** были обнаружены в склепе 155 могильника Алмалык-Дере 360/370–400/410 г., склепах 58 могильника Лучистое, 6 могильника Алмалык-Дере, 50 Фанагории относящихся к первой половине V в. [Иванова 2009, 31, рис. 2. 2, 3. 13; Айбабин, Хайрединова 1998, 295, рис. 8. 25; 2014, табл. 91. 3; Сорокина 1971, рис. 6. 2; Строков 2018, 214, рис. 3. 1⁵]. Видимо, также первой половиной V в. датируется миска из могильника Карши-Баир [Ушаков, Филиппенко 2008, 287, рис. 3. 5]. Самая поздняя находка происходит из погребения ВХ-5 в Абхазии, датированного второй половиной V в. [Воронов, Бгажба, Шенкао, Логинов 1990, 28, рис. 23. 6]. Выделены три варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 22–23,5 см при высоте сосуда 4,5–5 см, варианта *b* – 24,5 см при высоте 6 см, варианта *c* – 26,5–28 см при высоте 5,5–6 см (рис. 7. 1).

Миски **A11** происходят из комплексов могилы 171 могильника «Фронтное-3» первой половины IV в., склепа 6 могильника «Красный мак» второй половины IV в., дома AQ фазы 3 Танаиса первой четверти V в. [Суханов, Гавритухин, Нессель 2021, рис. 2. 11; Лобода 2002, 223, рис. 8. 3; Arsen'eva, Domzalski 2002, 453, fig. 5. 8]. Выделены два варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 24 см при высоте сосуда 4,5 см, варианта *b* – 26–30 см. при высоте 5 см (рис. 7. 2).

Одна миска **A12** происходит из склепа 6 могильника Нейзац, датирующие совместные находки представлены краснолаковой чашкой типа Hayes VI первой половины IV в.

⁵ Рисунок этого (?) сосуда в статьях А. А. Строкова и Н. П. Сорокиной абсолютно не совпадают. Мы используем рисунок Н. П. Сорокиной как первичный.

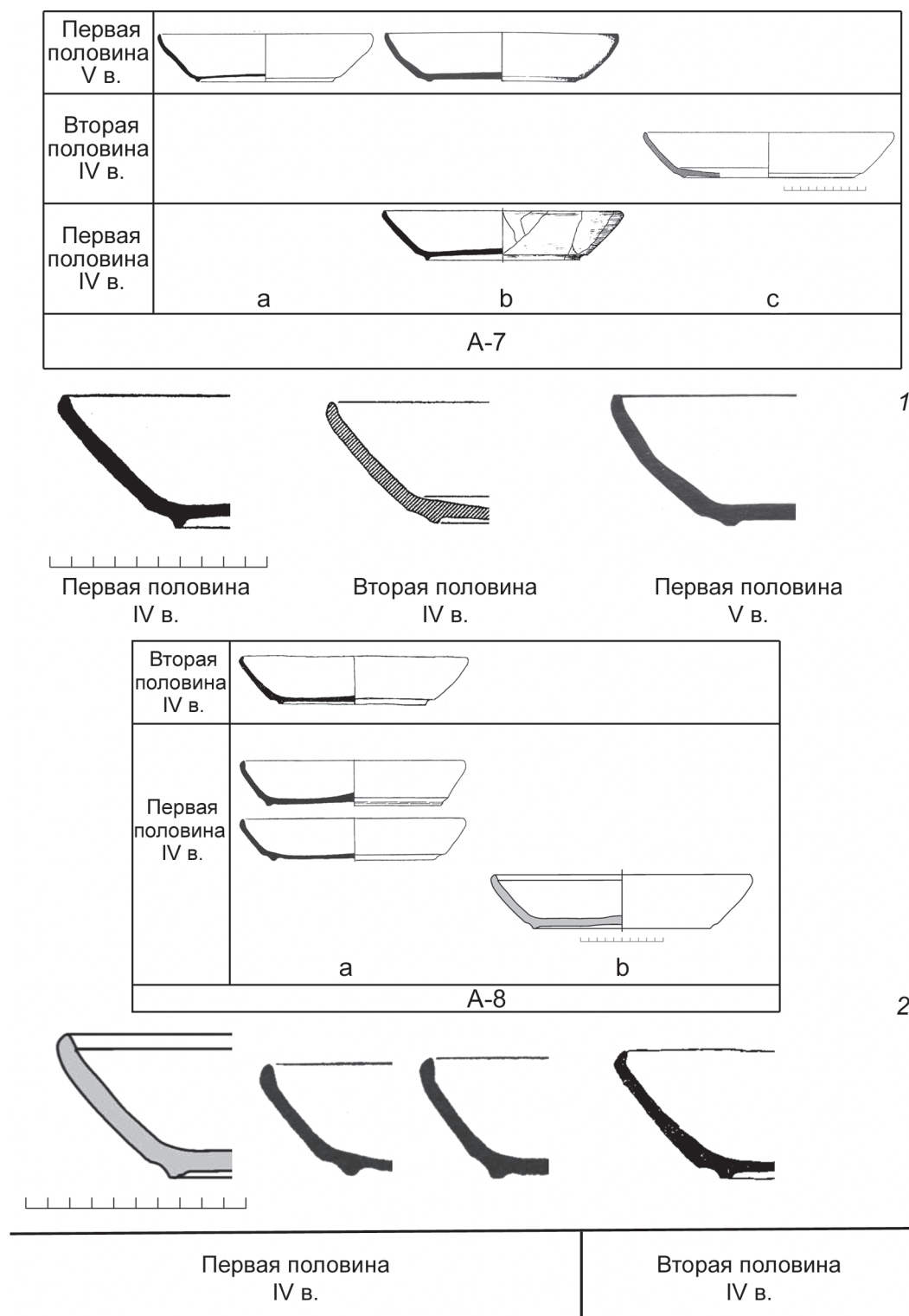

Рис. 5. PRSW 1 A-7 (1), PRSW 1 A-8 (2). Типология и хронология с вариантами

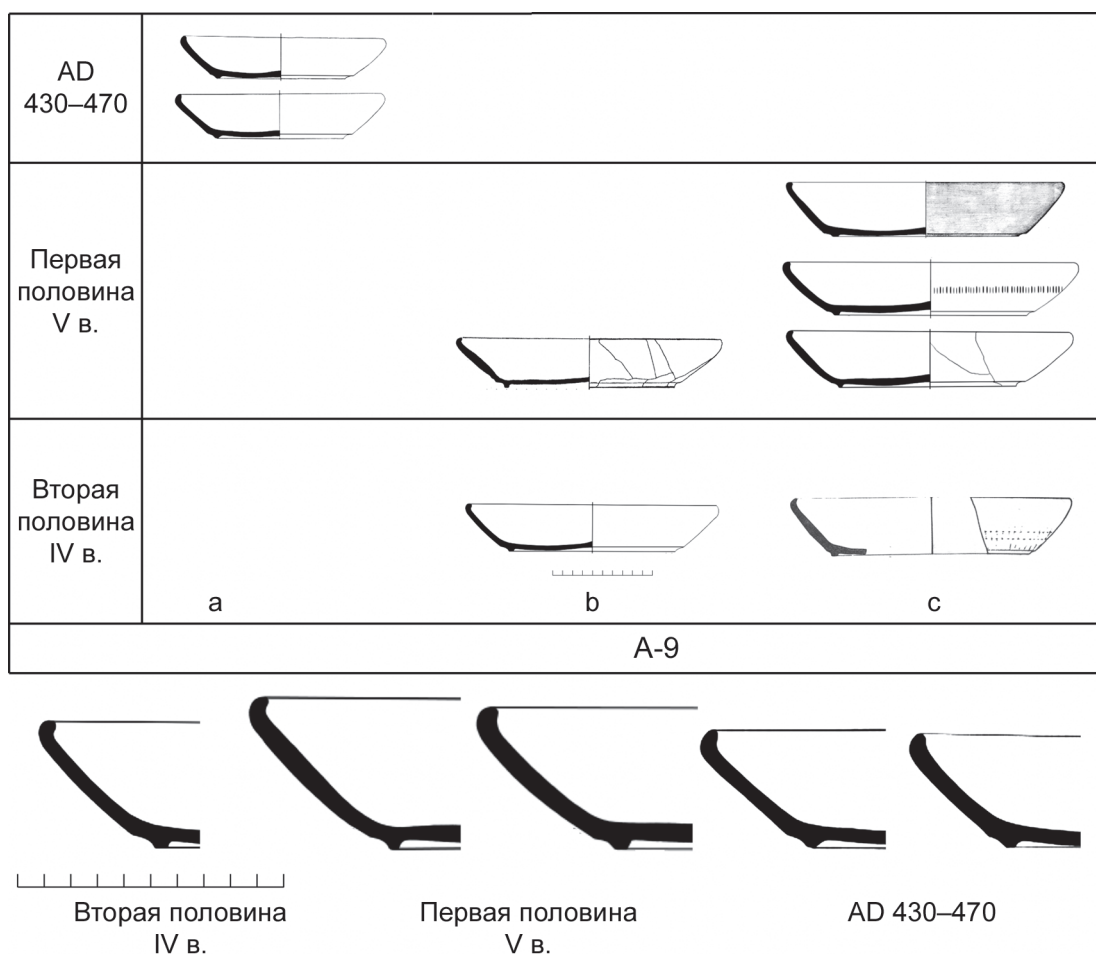

Рис. 6. PRSW 1 A-9. Типология и хронология с вариантами

и краснолаковой миской PRSW 2 а того же времени [Высотская, Махнева 1983, 75–78, рис. 6. 7; Domzalski 2021, 77; Сазанов 2022, 107]. Вторая – обнаружена в могиле 306 того же могильника и, видимо, того же времени [Храпунов 2011, рис. 17. 5]. Третья – происходит из слоя Танаиса второй половины IV/начала V в. [Arsen'eva, Domzalski 2002, 453, fig. 5. 9]. Диаметр края венчика этих сосудов составляет 27,5–28,5 см, высота – 5 см (рис. 7. 3).

Итак, эволюция PRSW 1A схематично выглядит следующим образом (рис. 13. 1).

Тип В (рис. 8).

Миски подтипа **B1** происходят из контекстов первой половины IV в.: могилы 59 с монетами Лициния 308–324 гг. и могилы 178 могильника Фронтное 3 [Храпунов 2002, рис. 147. 3; Суханов, Гавриутхин, Нессель 2021, рис. 2. 13]. Выделены два варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 24 см при высоте сосуда 5 см, варианта *b* – 26 см при высоте 6 см.

Миски **B2** обнаружены в комплексах Батарейки 1 и могильника Килен-балка первой половины IV в. [Сазанов 1999, 225, рис. 1. 9; Нессель 2003, рис. 2. 5, 6]. Отметим, что в первом случае в комплексе была обнаружена монета Радамсада 318/319, во втором – монеты

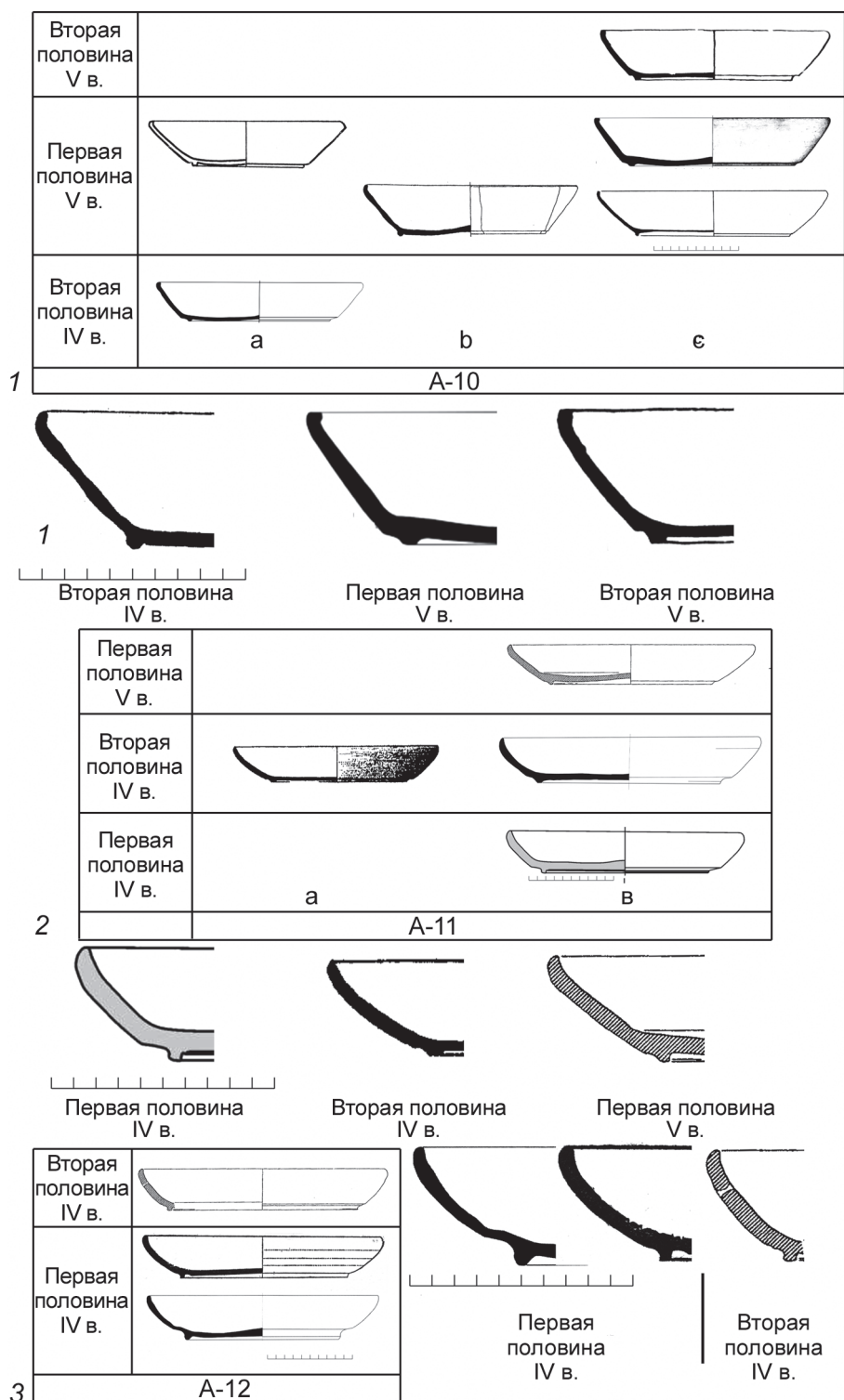

Рис. 7. PRSW 1 A-10 (1), PRSW 1 A-11 (2), PRSW 1 A-12 (3).
Типология и хронология с вариантами

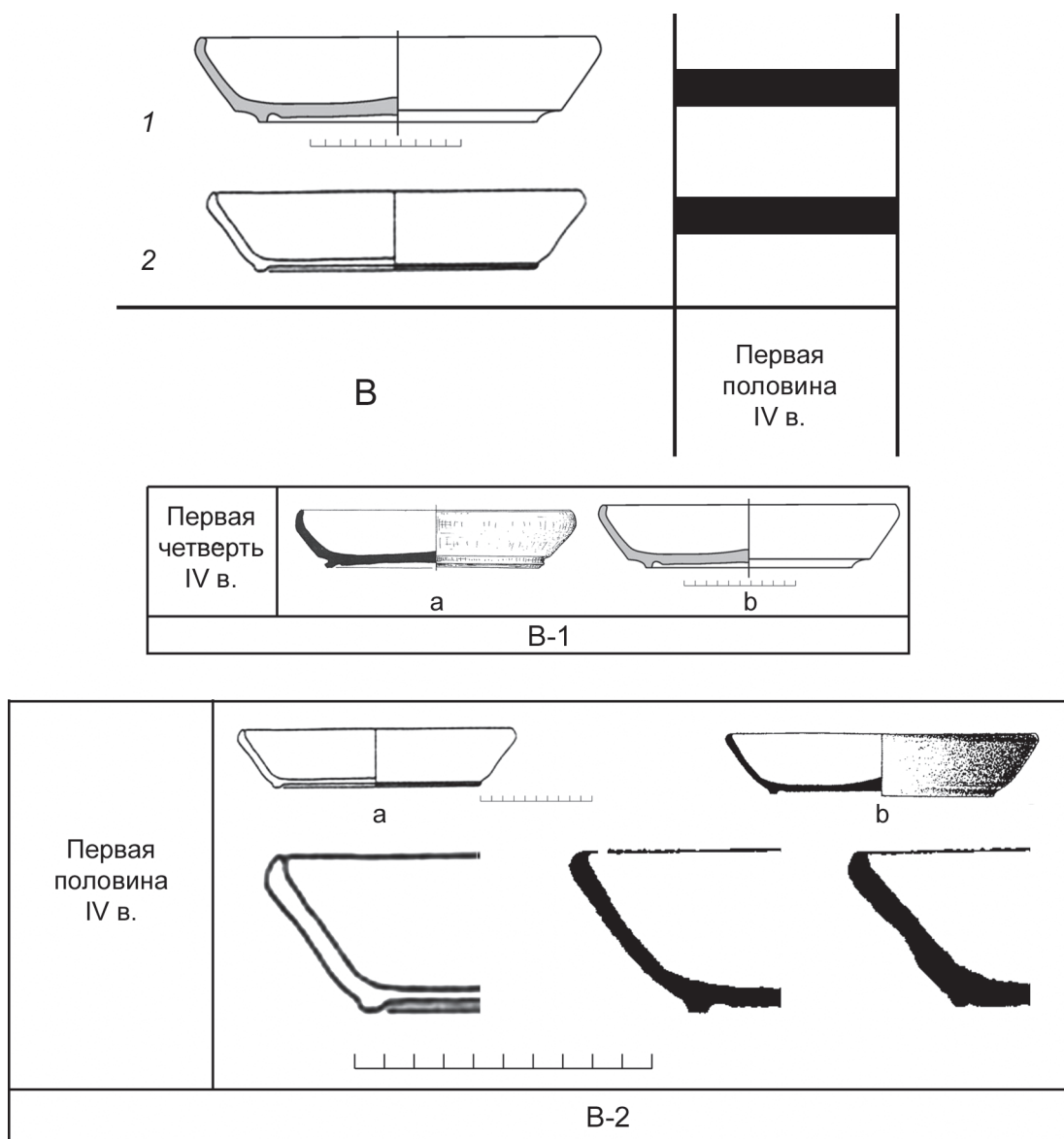

Рис. 8. PRSW 1 В. Типология и хронология с вариантами

от Диоклетиана (284–305 гг.) до Константина I (312–337 г.), что позволяет датировать сосуды этого типа в пределах первой трети IV в. [Сазанов 1999, 225; 2022, 105, прим. 55; Несель 2003, рис. 2. 5]. Выделены два варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 24–25,7 см при высоте сосуда 5–5,3 см, варианта *b* – 27 см при высоте 5,5 см.

Как мы видим, тип **В** может быть датирован в пределах первой половины IV в. Эволюционная схема выглядит следующим образом (рис. 13. 2).

Тип С (рис. 9–12).

Миска подтипа **С1** диаметром края венчика 29 см, высотой 5, 5 см. происходит из слоя второй половины IV – начала V в. (рис. 10. 1) [Arsen'eva, Domzalski 2002, 453,

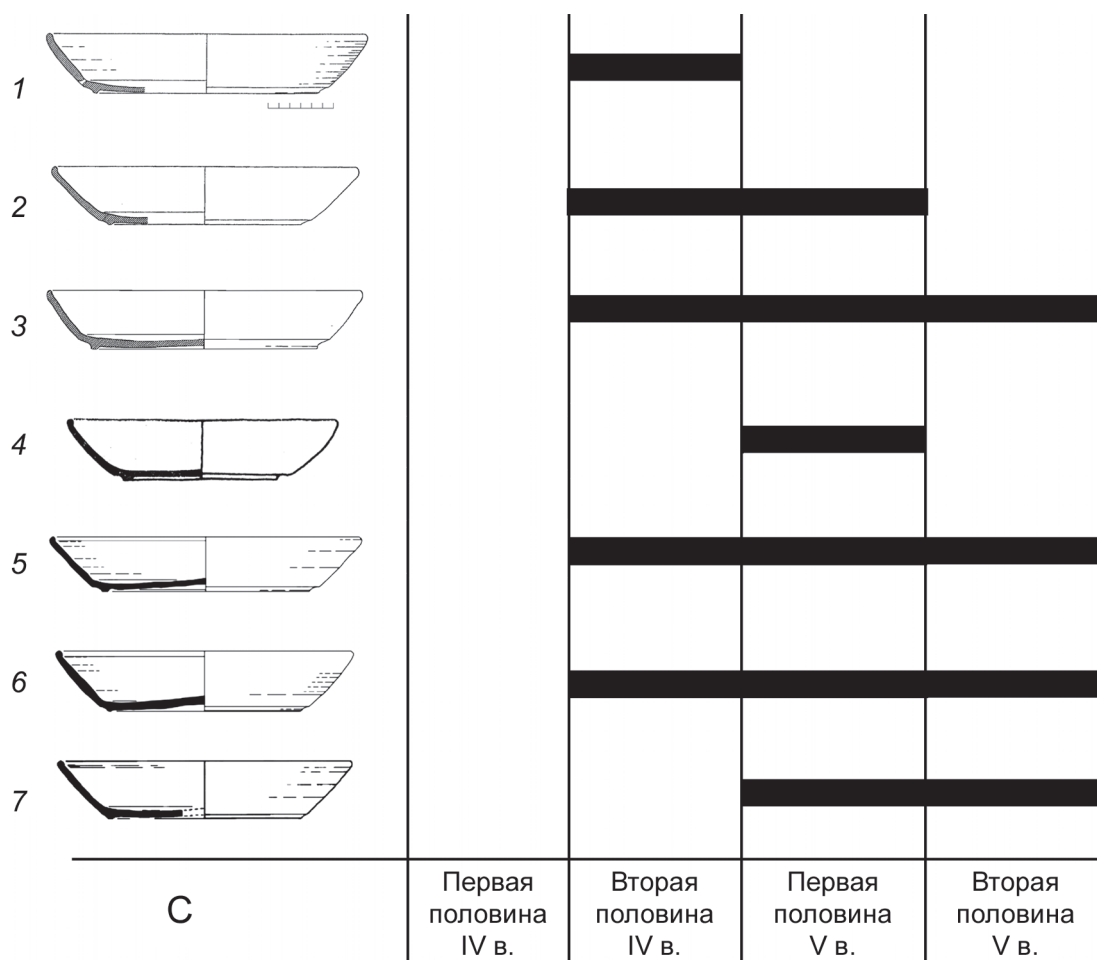

Рис. 9. PRSW 1 С. Типология и хронология

fig. 6. 11]. Миски **С2** диаметром края венчика 28–29 см, высотой 5, 5–6 см обнаружены в слое Танаиса второй половины IV – начала V в. и Бабадага-Топрайчиой первой половины V в., по мнению А. Опайта, «ближе к середине V в.» (рис. 10. 2) [Arsen'eva, Domzalski 2002, 454, fig. 5. 4, 6, 17; Opaiț 1985, Abb. 1. 10⁶]. Миски **С3** диаметром края венчика 26 и 30 см происходят из слоев Танаиса второй половины IV – начала V в. и Муригиоля второй половины V – начала VI вв. Во втором случае сосуд вполне может быть «примесью снизу» (рис. 10. 3) [Arsen'eva, Domzalski 2002, 454, fig. 6. 12, 18, 7. 21; Opaiț 1991, 165, Abb. 44. 303]. Миски **С4** двух вариантов (*a* – диаметр края венчика 24 см, *b* – 28 см обнаружены в контекстах первой половины V в. (рис. 11. 1) [Воронов, Бгажба, Шенкао, Логинов 1990, 28, рис. 22. 3; Bâjnearu 2018, fig. 2. 13].

Ко второй половине IV в. относится миска **С5** из склепа 15 могильника Черная речка [Айбабин 1996, 293, рис. 9. 1], ко второй четверти V в. – из слоя стадии 3В Ульметума [Bâjnearu

⁶ Диаметр венчика в этой статье подобран неверно.

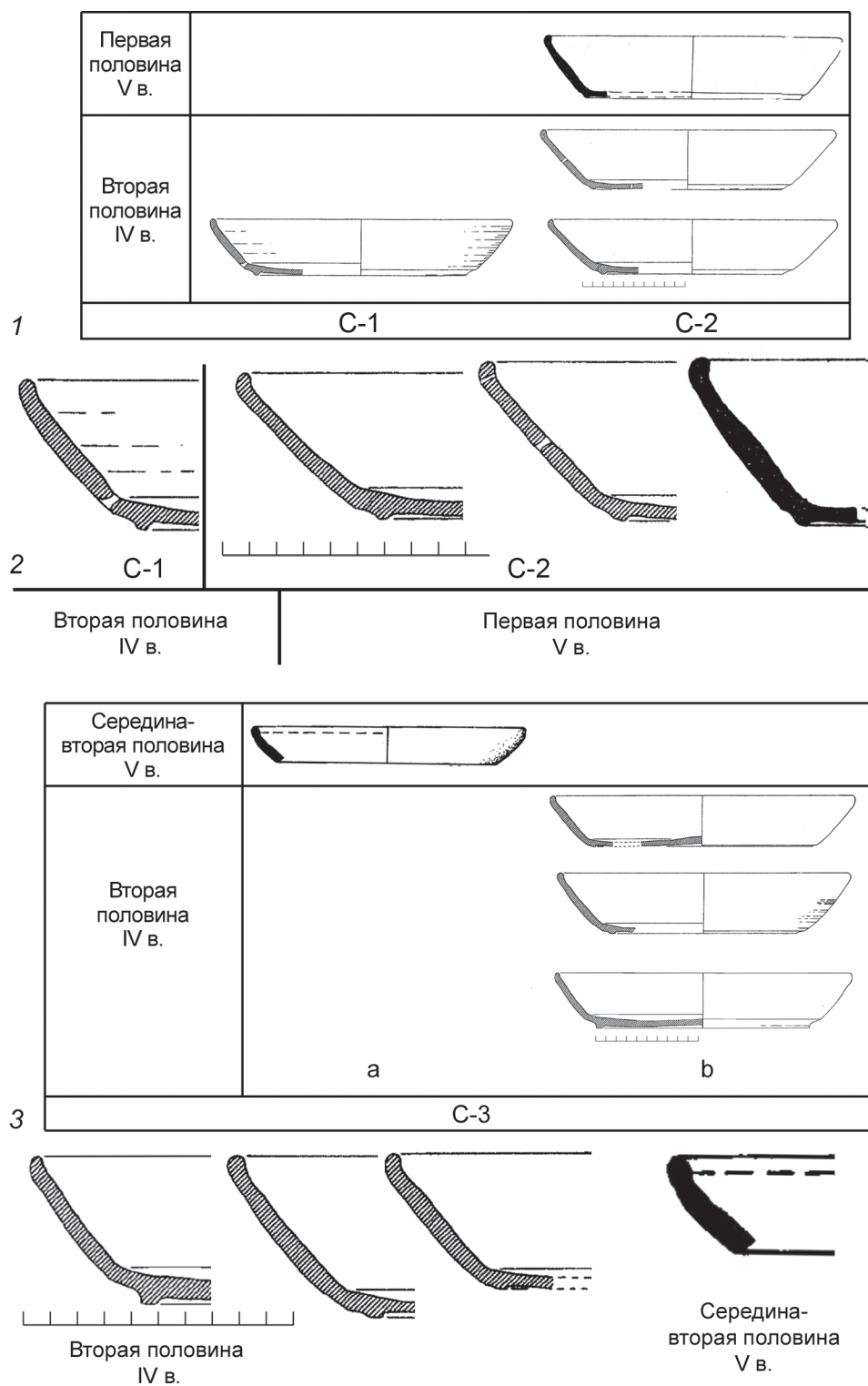

Рис. 10. PRSW 1 C-1 (1), PRSW 1 C-2 (2), PRSW 1 C-3 (3).
Типология и хронология с вариантами

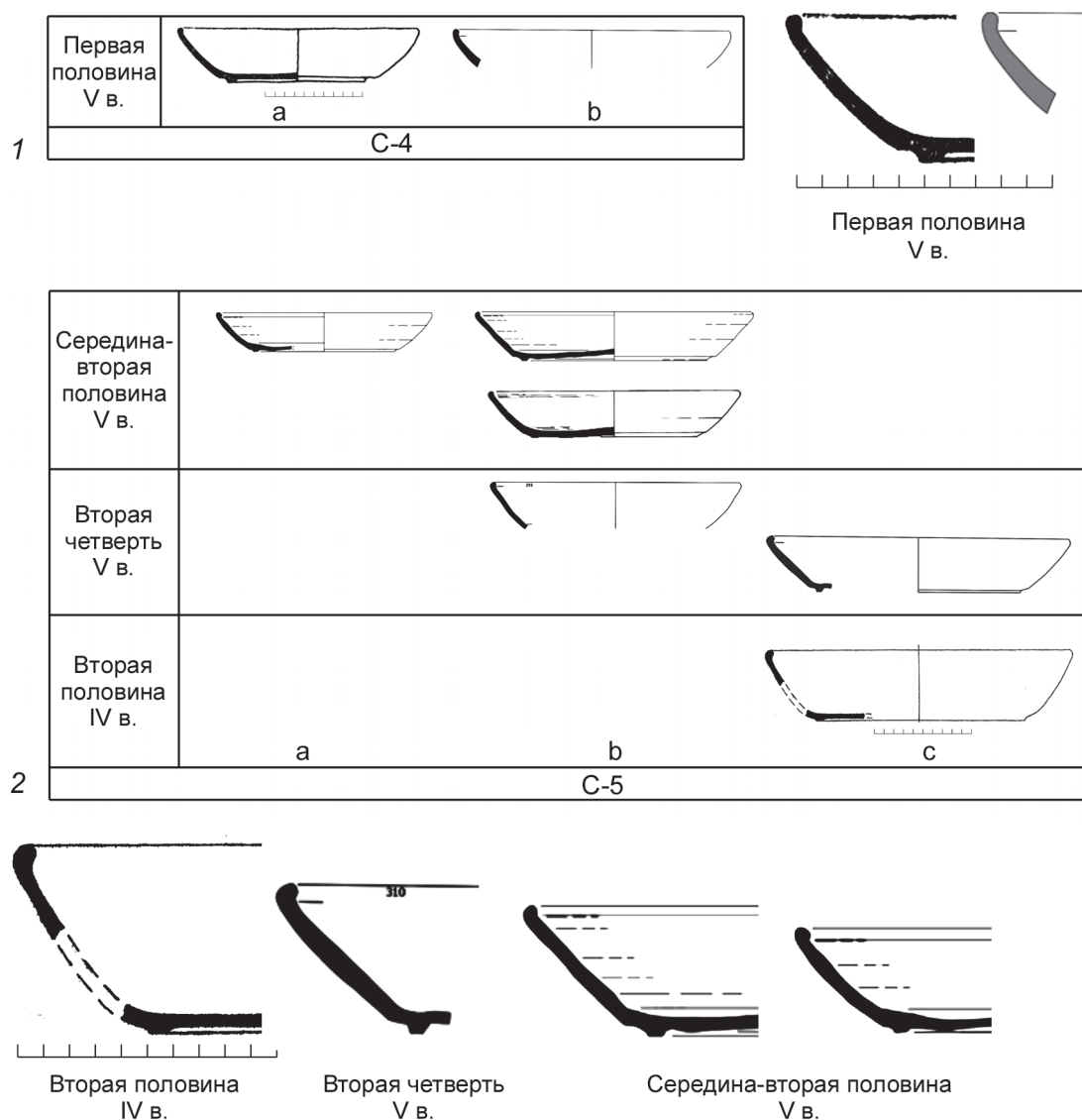

Рис. 11. PRSW 1 C-4 (1), PRSW 1 C-5 (2). Типология и хронология с вариантами

2018, fig. 2. 27], к 435–450 гг. – из закрытого комплекса того же памятника [Băjnearu 2018, fig. 4. 69]. Серединой – второй половиной V в. датируется могила 96 могильника Дюрсо [Могильник Дюрсо 2021, 433, рис. 340; Domžalski 2021, pl. 10. 38] и, видимо, могилы с этими сосудами из некрополя Джруг-Оба [Domžalski 2021, pl. 10. 35, 42]. Выделены три варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 21,5 см при высоте сосуда 4 см, варианта *b* – 24,8–25,5 см при высоте 4,7–5,5 см, варианта *c* – 30–31 см при высоте 6–7 см (рис. 11. 2).

Ко второй половине IV – началу V в. относятся миски C6 из слоя Танаиса, склепа 10 могильника «Красный мак», слоя 7 Муригиоля [Arsen'eva, Domžalski 2002, 455, fig. 5. 1, 7, 32; Лобода 2002, 223, рис. 12. 9; 165; Opaîţ 1991, abb. 44. 301]. Первой половиной – серединой V в. датируются слои с этими мисками в Бабадаг–Топрайчиой [Opaîţ 1985, 155,

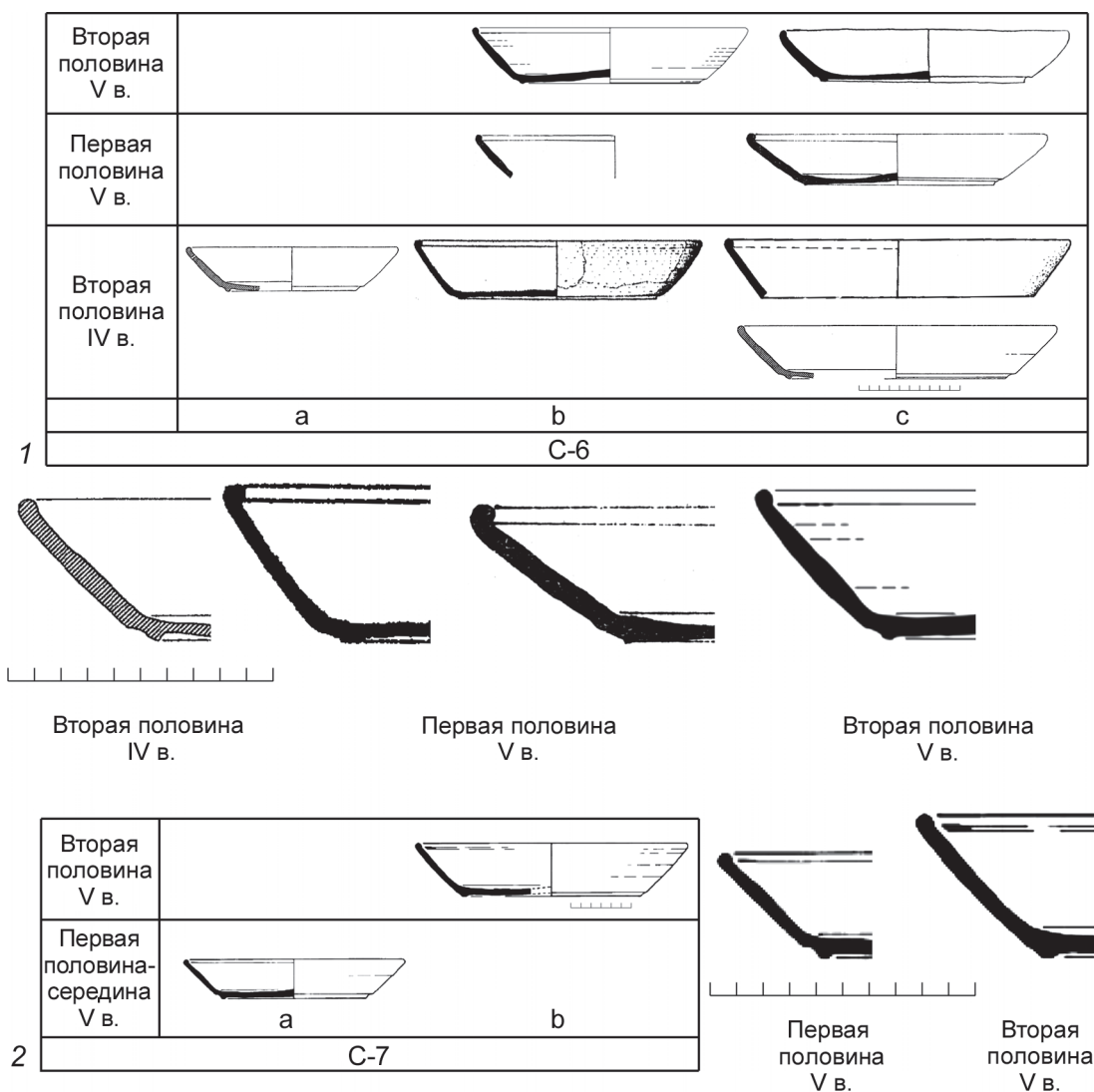

Рис. 12. PRSW 1 C-6 (1), PRSW 1 C-7 (2). Типология и хронология с вариантами

abb. 1. 9, 11; 1991a, pl. 42. 3]. Видимо, тем же временем или чуть позже датируется могила 34 некрополя Джруг-Оба [Domžalski 2021, pl. 10. 39]. Самая поздняя находка происходит из могилы АХ-12 в Абхазии, отнесенной суммарно к VI в. [Воронов, Бгажба, Шенкао, Логинов 1990, 26, рис. 17. 4]. В этом случае, видимо, речь должна идти о раннем сосуде в более позднем комплексе. Выделены три варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 20,5 см при высоте сосуда 4,5 см, варианта *b* – 26,5–27,5 см при высоте 5,5–6 см, варианта *c* – 28,8–31 см при высоте 5–5,5 см (рис. 12. 1).

Миски C7 происходят из комплексов могил 479 и 440 могильника Дюрсо (рис. 12. 2). Более ранняя могила 440, содержащая миску варианта *a*, датируется пряжкой и стеклянным стаканом первой половиной – серединой V в. [Айбабин 1999, табл. XXVII. 130, 170; Cool 1995, fig. 3. 6].

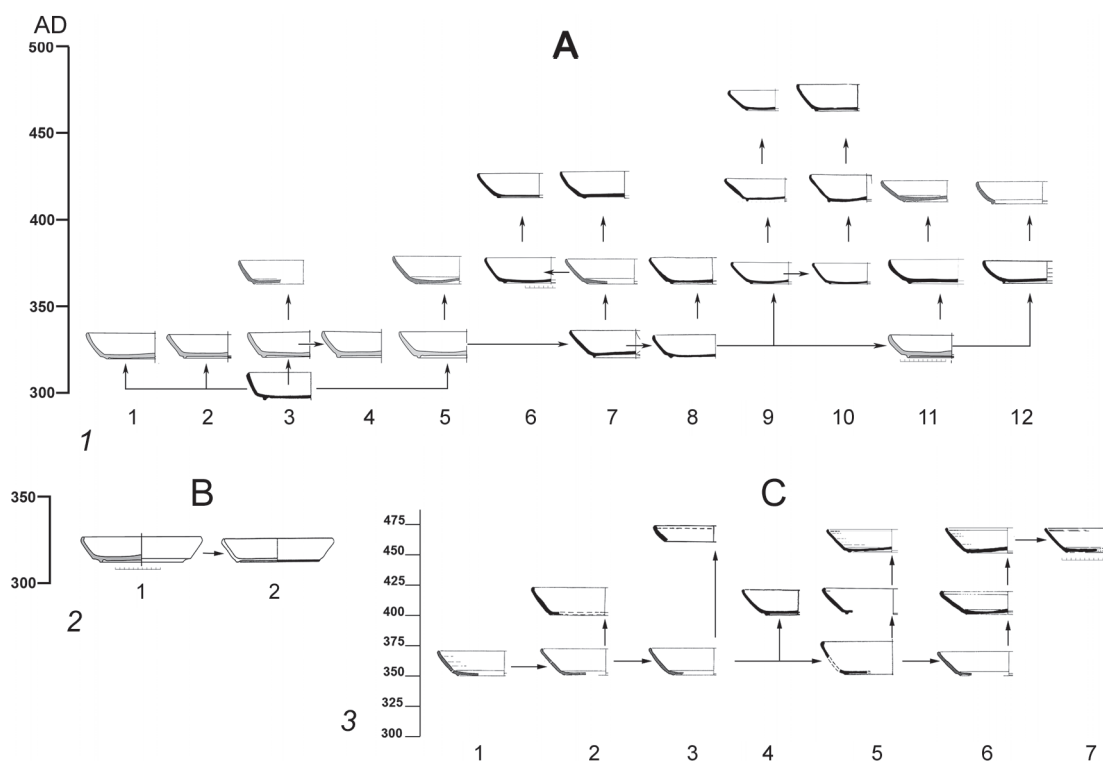

Рис. 13. Эволюционные схемы краснолаковых мисок PRSW A (1), PRSW B (2), PRSW C (3)

Могила 479 датируется пряжками первой половины VI в. [Айбабин 1999, табл. XXVI. 3, XXVII. 169; Айбабин, Хайрединова 2017, рис. 93. 1, 3, 99. 3–5, 8, 105. 6, 10, 108. 2–8, 111. 1, 2, 112. 2, 113. 5], венчиком краснолаковой миски LRC 3 D/E третьей четверти V в. [Hayes 2008, 241, fig. 39. 1274; Reynolds 2011, fig. 2. 24, 5. 62], стеклянным сосудом формы Foy 19 середины/конца V – первой половины VI в. [Foy 1995, 220, pl. 20. 23, 19]. Кроме того, в том же погребении обнаружена краснолаковая миска, имеющая сходство с формой ARSW 94 b начала – середины VI в. [Hayes 2008, 231, 232, fig. 36, 1146]. Как мы видим, погребение датируется в пределах конца V – первой половины VI в., но содержит и фрагмент более ранней миски третьей четверти V в. Это дает основание для датировки миски **C7b** третьей четвертью V – первой половиной VI в. Выделены два варианта. Для варианта *a* характерен диаметр края венчика 21 см при высоте сосуда 4 см, варианта *b* – 26–27 см при высоте 5–5,5 см.

Эволюционная схема PRSW 1 C выглядит следующим образом (рис. 13. 3).

Суммируем приведенные выше хронологические выкладки типов (табл. 1).

Как явствует из таблицы, для первой половины IV в. характерны типы A1, A2, A4, B1, B2, для второй половины IV в. – C1. IV век в целом характеризуют типы A3, A5, A8, A12. Второй половиной IV – первой половиной V в. датируются типы A6, C2; IV – первой половиной V в. – A7, A11. Ко второй половине IV – второй половине V в. могут быть отнесены типы A9, A10, C3, C5, C6, к V веку в целом – C7. Однако эта хронология отражает встречаемость

Таблица 1. Встречаемость PRSW 1 в надежно датированных комплексах

Тип/ подтип	ДАТИРОВКА							
	Первая пол. IV в.	Вторая пол. IV в.	IV век в целом	IV – первая пол. V в.	Вторая пол. IV – первая пол. V в.	Вторая пол. IV – вторая пол. V в.	Первая пол. V в	V век в целом
A-1								
A-2								
A-3								
A-4								
A-5								
A-6								
A-7								
A-8								
A-9								
A-10								
A-11								
A-12								
B-1								
B-2								
C-1								
C-2								
C-3								
C-4								
C-5								
C-6								
C-7								

PRSW 1 в комплексах. Ставить знак равенства между встречаемостью в комплексах и временем производства сосудов, как это делает К. Домжалский, методически неверно. Время бытования сосудов (цикл), зафиксированное комплексами, как правило, шире, зачастую значительно, времени их производства. Цикл включает время начала производства, его рост, пик, окончание после чего следует период выхода из обращения, когда сосуды уже не производятся, но некоторое время используются в быту. Помочь отделить время производства от времени выхода из обращения могут статистические процедуры.

Некоторое уточнение хронологии выпуска сосудов может дать их процентное соотношение по периодам (рис. 14. 1–4). Оговоримся, что исходными данными при подсчете служили целые или более чем на две трети сохранности формы из хорошо датированных, преимущественно закрытых погребальных комплексов. Анализ цикла PRSW 1 показывает, что эти сосуды, несомненно, изготавливались в IV – первой половине V в. Период второй половины V в. представлен втрое меньшим числом экземпляров, что указывает на продолжение бытования какой-то небольшой части сосудов некоторое время после окончания работы мастерских, выпускавших эту продукцию (рис. 14. 1).

Тип А, видимо, производился в IV – первой половине V в. Несколько выбиваются из этой даты тип А9 и А10, Однако заметим, что самые поздние формы А9 которого происходят из контекстов 430–470 гг., что в целом укладывается в первую половину V в.

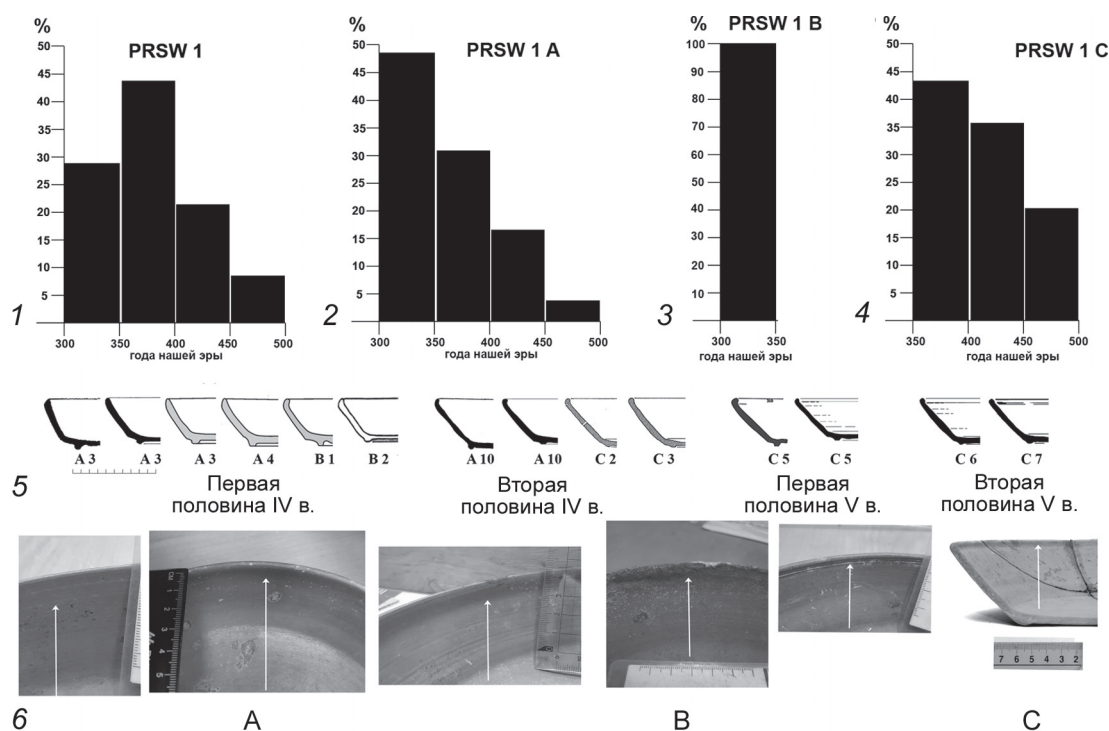

Рис. 14. Гистограммы распределения PRSW 1 (1), PRSW 1 A (2), PRSW 1 B (3), PRSW 1 C (4) по периодам и хронологическая эволюция (5)

Что касается позднего контекста для типа A10, то он вполне может относиться к середине V в. (рис. 14. 2).

Тип B, несомненно, производился в первой половине IV в. (рис. 14. 3), тип C – во второй половине IV – первой половине V в. (рис. 14. 4). Что касается второй половины V в., то здесь, с учетом общего цикла PRSW 1, можно говорить об «оседании» сосудов в комплексах уже после прекращения их производства.

Предполагаемая эволюция венчиков представлена на рисунках. Схематично она выглядит следующим образом: A3–A4–B1–B2–A10–C2–C3–C5–C6–C7 (рис. 14. 5).

В плане эволюционных предшественников PRSW 1 можно согласиться с мнением К. Домжальского, видевшим в качестве таковых: ARSW 50 [Domžalski 2021, 167, fig. 7]. При этом надо иметь ввиду гораздо более схожие с PRSW 1 кипрские миски формы P 12, верхняя дата которых, однако, не выходит за пределы первой половины II в. [Hayes 1991, 40, 41, fig. LXI. 19; LXVI. 23; LXVII. 11; LXIX. 6]. Если будут обнаружены более поздние варианты этой кипрской формы, то эволюционную схему К. Домжальского придется пересмотреть.

Проведенные анализы глин мисок PRSW 1 при отсутствии находок мастерских и сопоставимых аналитических материалов пока не позволяют определить их место производства. Следует исключить Северное, Восточное и Западное Причерноморье. Как один из вероятных сейчас рассматривается район Северной Анатолии, что, однако, требует весомой аргументации [Domžalski 2021, 201]. Ясно лишь, что производство мисок PRSW 1, судя по ареалу находок, обслуживало в основном понтийский регион.

Список литературы

- Айбабин А. И. 1984. Проблемы хронологии могильников Крыма позднеримского периода // СА. 1, 104–122.
- Айбабин А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1, 3–86, 175–241.
- Айбабин А. И. 1996. Население Крыма в середине III–IV вв. // МАИЭТ. V, 90–303.
- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 352.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 1998. Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму // МАИЭТ. VI, 274–311.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2008. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 гг. Симферополь–Керчь, 336.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2014. Могильник у с. Лучистое. Т. 2. Раскопки 1984, 1986, 1991, 1993–1995 гг. Т. II. (БИ. Suppl. 14). Симферополь–Керчь, 400.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2017. Крымские готы страны Дори (середина III–VI в.) Симферополь, 366.
- Агрба З. В. 1985. Археологические раскопки 1981 г. на территории мыса Пицунда // Археологические открытия в Абхазии 1981–1982 гг. Тбилиси, 35–37.
- Арсеньева Т. М. 1981. Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV – начала V в. н. э. // КСИА. 168, 43–47.
- Арсеньева Т. М. 1984. Краснолаковая посуда // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР в 20 томах). М., 231–232.
- Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Науменко С. А. 2010. Археологические исследования и открытия о хронологии Древнего Танаиса // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. 1. М.– Киев, 11–21.
- Арсеньева Т. М., Шоль Т., Матера М., Науменко С. А., Ровиньска А. 2012. Отчет об исследованиях в Танаисе в 2007 году (раскоп XXV) // Światowit. T. VII (XLVIII). Fasc. A, 45–53.
- Арсеньева Т. М., Ильяшенко С. М., Шоль Т., Матера М., Науменко С. А. 2016. Исследования в западном городском районе Танаиса в 2012–2014 гг. (Раскоп XXV) // Novensia. 27, 123–180.
- Беляев С. А. 1968. Краснолаковая керамика Херсонеса IV–VI вв. // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 31–38.
- Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. н. э. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 121–164.
- Воронов Ю. Н. 1983. Краснолаковая посуда Аписилии (V–VI вв. н. э.) // Известия Абхазского института. XII, 88–96.
- Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., Шенкао Н. К., Логинов В. А. 1990. Новые погребения апсильов из окрестностей Цебельды // Археологические открытия в Абхазии 1985. Тбилиси, 24–29.

- Высотская Т. Н., Махнева О. А. 1983. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 66–80.
- Демьянчук С. Г. 2003. Монеты из раскопок могильника в Килен-балке // Одиннадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г. Тез. докл. и сообщ. СПб, 19–20.
- Домжалский К., Смокотина А. В. 2020. Позднеримская и ранневизантийская краснолаковая керамика Тиритаки // МАИЭТ. XXV, 188–223.
- Книпович Т. Н. 1952. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. 25, 289–326.
- Лобода И. И. 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 4, 236–252.
- Лобода И. И. 2002. Раскопки Красномакского могильника в 1983–1984 гг. // МАИЭТ. XI, 192–251.
- Иванова О. С., 2009. Краснолаковая керамика из раскопок могильника в балке Алмалык-Дере (Мангуп) // МАИЭТ. XV, 26–88.
- Могильник Дюрсо 2021. Каталог. Часть I / Под ред. А. А. Малышева (Некрополи Черноморья. VI). М., 448.
- Науменко С. А. 2014. Исследование западного оборонительного рва цитадели Танаиса в 2012 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. 28, 84–96.
- Науменко С. А. 2019. Позднеантичный Танаис и его амфоры // Вестник Танаиса. 5/2, 86–101.
- Нессель В. А. 2003. Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка // ХСб. XII, 107–123.
- Романчук А. И., Сазанов А. В. 1991. Средневековый Херсон. История, стратиграфия, находки. Ч. 1. Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. Свердловск, 80.
- Сазанов А. В. 1989а. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени (хронология некоторых типов) // Проблемы исследований античных городов. Тез. докл. III научных чтений, посвященных памяти В. Д. Блаватского. Москва, январь 1987 г. М., 51–55.
- Сазанов А. В. 1989б. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 4, 41–60.
- Сазанов А. В. 1995. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. IV, 406–433.
- Сазанов А. В. 1999. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. VII, 224–293.
- Сазанов А. В. 2012. Азиатский Боспор в позднеримское время // ISEUM: Сб. статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира. М., 120–181.
- Сазанов А. В. 2019. Джон Волкер Хейс и его «Late Roman Pottery»: 47 ans après // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы III международной научн. конф. Т. 1. Симферополь, 233–241.
- Сазанов А. В. 2022. Амфоры C Snr I: проблемы классификации и хронологии // ПИФК. 1, 90–144.
- Силантьева Л. Ф. 1958. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 85, 283–311.

- Смокотина А. В. 2014. Краснолаковая керамика города Боспора в конце IV – первой половине VII в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 392.
- Сорокина Н. П. 1971. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 4, 85–101.
- Строков А. А. 2018. Склеп эпохи Великого переселения народов из раскопок В. Д. Блаватского в Фанагории // КСИА. 151, 204–216.
- Суханов Е. В., Гавритухин И. О., Нессель В. А. 2021. Краснолаковая керамика второй половины III – начала V вв. н. э. из могильника Фронтное 3 // КСИА. 263, 441–456.
- Ушаков С. В., Филиппенко А. А. 2008. Керамический комплекс могильника Карши-Баир // Херсонесский колокол: Сб. научн. статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности А. Н. Даниленко. Симферополь, 286–296.
- Храпунов И. Н. 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin, 313.
- Храпунов И. Н. 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // И. Н. Храпунов (ред.), Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 13–113.
- Храпунов Н. И. 2008. Монеты из могильника «Дружное» // ПИФК. 21, 336–355.
- Чуркин А. С., Шкрибляк И. И. 2017. Новые позднеантичные некрополи в Центральном Крыму // Stratum plus. 4, 265–293.
- Шувалов П. В. 1989. Этнокультурные процессы на территории Днестро-Дунайского междуречья в середине 1 тыс. н. э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 16.
- Arsen'eva T. M., Domzalski K. 2002. Late Roman Red Slip Pottery from Tanais // Eurasia Antiqua. 8, 415–491.
- Bâjnearu C. 2018. Fine wares from the excavations of the Late Roman fort at Ulmetum (province of Scythia): Chronology of the late 4th and 5th century main contexts // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta. 45, 501–510.
- Cool H. 1995. Glass vessels of the fourth and early fifth century in Roman Britain // Le Verre de l'Antiquité Tardive et du Haut Moyen Age Guiry-en-Vexin: Musée Archéologique Départemental du Val d'Oise, 11–23.
- Domzalski K. 1996. Terra Sigillata from Numphaion. Survey 1994 // Archeologia. XLVII, 95–109.
- Domzalski K. 2000. Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom // Rei Cretariae Romanae Fautorum Acta. 36, 161–168.
- Domzalski K. 2007. La ceramique sigillée romaine tardive en Abkhazie // Kazanski M., Mastykova A. (eds.), Tsibilium. La necropole apside de Tsibilium. L'étude du site. 2, (BAR, International Series S1721), Oxford, 75–77.
- Domzalski K. 2021. Pontic red slip ware. Typology, chronology and distribution of a major group of late roman fine pottery in the Black Sea Region. Warsaw, 221.
- Domzalski K. 2021a. Red slip pottery and Late Roman Tanais in the light of new research // ŚWIATOWIT. Suppl. Series C: Pontica et Caucasia. Vol. II. Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea. Warsaw, 29–34.
- Foy D. 1995. Le verre de la fin du IVe au VIIIe siècle en France méditerranéenne, premier essai de typo-chronologie // La verre de l'antiquité tardive et du haut moyen age. Guiry-en-Vexin, 187–242.
- Hayes J. W. 1991. Paphos III. The Hellenistic and Roman Pottery. Nicosia, 223.

- Hayes J.W. 2008. Roman pottery: The Fine Wares (The Athenian Agora. XXXII). Princeton–New York, 341.
- Opaiț A. 1985. Einige Betrachtungen zur Spättrömischen Keramik mit rotem Überzug // *Dacia*. XXIX/1-2, 153–163.
- Opaiț A. 1991. Ceramica din așezarea și cetatea de la Independența (Murighiol) – secolele VI.e. n. – VII e.n. // *Peuce*. 10. I, 133–182.
- Opaiț A. 1991a. Ceramica // *Peuce*. 10. I, 211–260.
- Opaiț A. 2004. Local and imported ceramics in Roman province of Scythia (4th – 6th centuries AD). Aspects of economic life in the Province of Scythia (BAR. International Series. 1274). Oxford, 180.
- Reynolds P. 2011. Fine Ware from Beirut contexts, c. 450 to c. 600 // *LRFW* 1. Late Roman Fine Wares. Solving Problems of Typology and Chronology: A review of the evidence, debate and new contexts (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery. 1). Oxford, 207–230.
- Voronov Yu. 2007. Tsibilium I. La necropole apside de Tsibilium Les fouilles de 1977–1986. (BAR. International Series. 1721). Oxford, 334.

Summary

A. V. Sazanov

Pontic red clip wares form 1. Typology and chronology

The following study is concerned with typology and chronology of PRSW (PRS) 1 wares.

Three types (a, b, c) are distinguished by rim profiles. In turn, each of these types is subdivided into subtypes. Within the subtypes dimensional variants are defined. As a result, the general nomenclature of the vessels in question is, for example, “PRSW 1 A-1a”, which means Pontic red slip ware (PRSW) form 1, type A, subtype 1, variant a. Examples of these ones from different contexts are quoted. Special attention is paid to chronology.

PRSW A-1, PRSW A-2, PRSW A-4, PRSW B-1, PRSW B-2 come from the first half of 4th century AD contexts. PRSW A-3, PRSW A-5, PRSW A-8, PRSW A-12 are attested in deposits dated both the first and the second half of 4th century AD. PRSW C-1 occurs in context of the second half of the 4th century AD. PRSW A-6 and PRSW C-2 occurred from contexts dated to the second half of the 4th – first half of the 5th, PRSW A-7 and PRSW A-11 – from ones of the 4th – first half of the 5th. The contexts for PRSW A-9, PRSW A-10, PRSW C-3, PRSW C-5, PRSW C-6 may be assigned to the second half of the 4th – second half of the 5th century AD. PRSW C-7 did occur in the contexts dated to the 5th century AD.

However, this chronology reflects the occurrence of PRSW 1 in contexts. It has been established by our recent studies that the lifetime of vessels (cycle), fixed by contexts is usually

wider, often significantly, than the time of their production. The cycle includes the time of the start of production, its growth, peak, ending, followed by a phase-out period when the vessels are no longer produced, but are used for some time in daily life and rituals.

Analysis of the PRSW 1 cycle reveals that these vessels were undoubtedly produced in the 4th – first half of the 5th century AD. We have to stress one important point. Statistics show that the period of the second half of the 5th c. is represented by three times fewer specimens. This suggests that a small number of vessels continued in use for some time after the workshops production had finished (fig. 14.1).

There is some evidence to suggest that PRSW 1-A was produced in 4th – first half of 5th century AD (fig. 14. 2). It can hardly be doubted that PRSW 1-B was manufactured during the first half of the 4th century AD (fig. 14. 3). There is reason to suppose that the production of PRSW 1-C dates back to the second half of the 4th – first half of the 5th century AD. (fig. 14. 4). As for the second half of the 5th c., taking into account the general cycle of PRSW 1, we may argue that the vessels were deposited in contexts after their production had ceased.

С. Ю. Сапрыкин*, Н. И. Винокуров**

(* Московский гос. Университет им. М.В. Ломоносова,
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва;

** Московский Педагогический гос. Университет
им. В.Ф. Семёнова, г. Москва)

Стол-трапеза и греческие надписи из поселения Артезиан на Европейском Боспоре

В 2022 г. на южном теменосе городища Артезиан была обнаружена алтарная платформа с остатками мраморного алтаря, от которого уцелел только однорядный массивный фундамент из больших квадров, ориентированный по сторонам света. Он имел прямоугольную форму и, по-видимому, ступенчатую конструкцию¹ размером 6,25×4,80 м. Перекрывавшие его напластования содержали находки первых веков н. э.: фрагменты калиптера тёмно-бежевой глины, двух соленов коричнево-оранжевой глины, ручки позднегераклейских амфор типа С-Ia рубежа 60-х – 40-х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [Внуков 2006, рис. 1. 167; 2013, 14–25, рис. 3.А], стенки и профильные части позднегераклейских узкогорлых амфор с профилированными ручками типов С-F II (IV в. н. э.), ручки широкогорлых красноглиняных амфор II–III вв. н. э. (тип 80, 83, по И. Б. Зеест), фрагменты средневековой керамики VIII–IX вв. н. э. С восточной стороны этой конструкции находились две более поздние ямы. Первая была заполнена обломками стенок и профильных частей пифосов и мортариев бежевой и коричневой глины, а также амфор красной и светлой глины I–III вв. н. э. Оттуда же происходят и профильные части только что упомянутых позднегераклейских амфор [Внуков 2006, рис. 1. 167; 2013, 14–25, рис. 3.А, 5.А]. В заполнении доминировали фрагменты позднеантичных амфор II–III вв. н. э., встречаются обломки сосудов первых веков н. э., последней четверти I в. н. э. – второй половины III в. н. э. [Внуков 2006, 167; 2013, 30–33, рис. 6.Д].

В центре фундамента алтарной платформы были обнаружены: медная монета Савромата I (93/94–123/124 гг. н. э.), части гранёных калиптеров и античных амфор первых веков н. э., самые ранние из которых принадлежали позднегераклейским типа С-Ia рубежа 60-х – 40-х годов I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. и амфорам типа С-IIIa конца I в. до н. э. – первой трети I в. н. э. [Внуков 2006, 167, рис. 1; 2013, 14–25, рис. 3. А, 24–26, илл. 4.А.]. Наиболее поздними оказались фрагменты узкогорлых

¹ О типологии и устройстве греческих алтарей [Yavis 1949].

позднегераклейских амфор светлой глины типов D-F (III–IV вв. н. э.), красноглиняных амфор II–III вв. н. э., и ножка амфоры красно-оранжевой глины II–III вв. н. э. На уровне основания квадров, чуть выше предматерикового слоя найдена монета Рискупорида III (211/212–228/229 гг. н. э.) [Анохин 1986, №. 648, Фролова 1997, II, табл. XIX. 2–4.].

Наиболее важной находкой является беломраморная плита прямоугольной формы с деталями ионического ордера, слегка оббитая по краям (0,91/0,99×0,43 м, толщина 0,16–0,164 м). Это угловая часть жертвенного стола, украшенного с двух торцевых сторон *овами* и жемчужными поясками, а также с угловой розеткой, высеченными профессиональными мастерами в высоком рельефе по одному шаблону на ложке и тычке плиты (рис. 1). На лицевой ее стороне сохранились слабо заметные следы двух надписей и четко прорезанные буквы N, O (размер букв N – 45×25 мм, O – 25×25 мм). На левой и правой стороне плиты, ближе к торцам, имеются неглубокие подтёски для плотного прилегания двух прямоугольных вертикальных ножек или стоек стола. На оборотной стороне с торцов имеются прямоугольная стыковочная выемка под другую плиту и три глубокие выборки под пироны сложной Т-образной формы размером 0,25×0,085×0,03–0,05 м, 0,145×0,07×0,03–0,108 м с вертикальными углублениями под железные скобы прямоугольного сечения. С торцов в нижнем левом и верхнем правом углах вырезаны метки каменотёсов в виде букв Г (или П?) и В. Размер первой из них 20×25 мм, второй – 35×25 мм. Они могли обозначать азбучную нумерацию 3 и 2. Вся алтарная конструкция была собрана из разобранных более ранней постройки.

В заполнении перекопа обнаружены десятки крупных и около двух сотен мелких и средних обломков других беломраморных плит – остатки карнизов с *овами* на торцевых частях, а на оборотной стороне с вырезами под пироны и метками каменотёсов в виде букв В, Е, Г (П?), несколько десятков крупных, средних и мелких обломков от подобных же карнизов. Буквы-цифры предназначались для правильного сбора алтаря на месте. Плиты, судя по пиронам, скреплялись железными штырями, а щели между ними и пироны заливались свинцом. В конструкцию алтаря входили обломки барельефов и скульптурных композиций.

Алтарь был сооружен не ранее I в. до н. э., а последний этап его функционирования не выходит за пределы конца III в. н. э. В финальной фазе он пережил сильнейшее землетрясение, по-видимому, в 255/275 гг. н. э. мощностью не менее 9–10 баллов. При этом часть торцовых квадров алтаря обрушилась, один угловой с линейной разметкой оказался на дне ямы, угловые северо-западные квадры оторвались от основной кладки алтаря, частично сместившись в западном направлении. Его следы прослежены и на фундаменте южной крепостной стены поздней цитадели, сложенной из больших квадров известняка во времена царя Савромата I. Тем не менее алтарь отремонтировали и использовали какое-то время по назначению. Его фундамент демонтирован не был, камни просто утрамбовывали в щель провала. Алтарь был сооружён за пределами оборонительного рва акрополя. Во внутреннем дворе поздней цитадели располагался близкий по размерам подобный же монументальный прямоугольный алтарь, также ориентированный по линии запад-восток. Не исключено, что на каком-то этапе бытования поздней цитадели алтари были синхронны и оба разрушены упомянутым землетрясением.

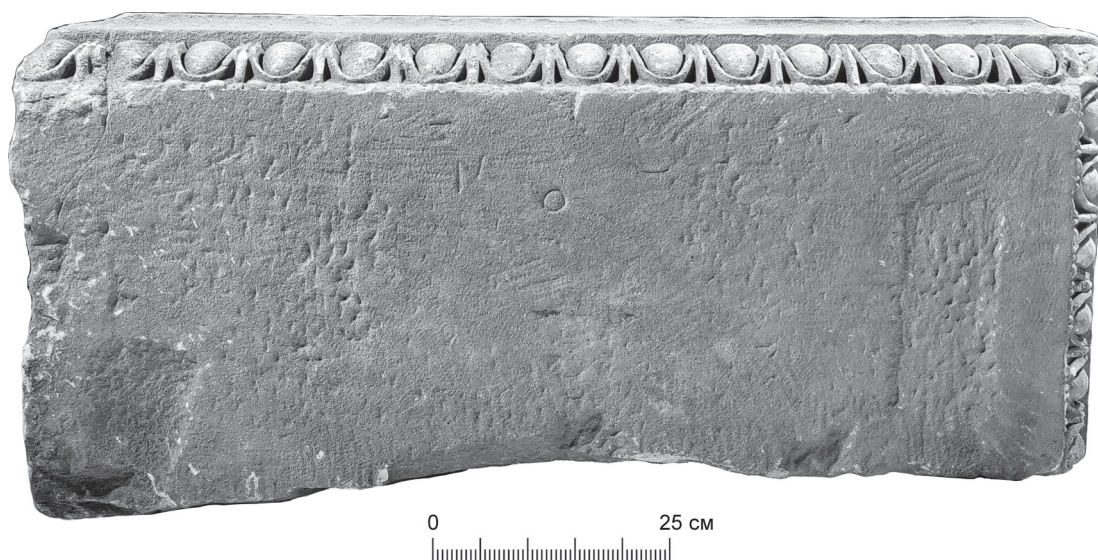

Рис. 1. Лицевая сторона стола-трапезы из Артезиана

В позднеантичное или средневековое время алтарная платформа и пространство вокруг были прорезаны многочисленными неглубокими ямками. Подпорная стена, проходившая южнее алтаря, на каком-то этапе существовала с ним синхронно. Мраморные плиты алтаря были разбиты, их фрагменты находились преимущественно в западинах на месте просевших горловин позднеантичных ям и в перекопах VIII–IX вв.

Стол-трапеза в контексте аналогичных памятников

Наиболее яркая деталь жертвенного стола – его орнаментация (рис. 1). Пояса из *ов* встречаются на алтарях типа найденного в милетском Дельфинионе V в. до н. э. [Schwarzmaier, Scholl, Maischberger 2012, no. 14] и в Делионе (Музей острова Парос [см. Remnant Altar, AM Paros, 1777044. jpg]). Ими украшали храмы: потолок толоса 360–350 гг. до н. э. в Эпидавре [Archontidou-Argyri 1993, 31, 59], капители колонн, антаблементы и рельефы храмов Афины в Приене, Артемиды в Сардах, Артемиды Левкофриены в Магнезии на Меандре [Charbonneaux, Martin, Villard 1970, 24, 25, 38, 39, 285, fig. 17, 18, 35, 306; Schwarzmaier, Scholl, Maischberger 2012, 310, Abb. 17], арку императора Галерия в Салониках [Bandinelli 1970, 305, № 282, 283]. В Северном Причерноморье подобный декор присутствовал на штукатурке стен частных домов и антаблементе храма в Пантикапее [Ростовцев 1913/1914, табл. 40; Крыжицкий 1993, 174; Кузнецов, Толстиков (ред.) 2017, 218, № 3]. *Овы* декорировали роспись купола Казанлыкской гробницы со сценой заgrabной трапезы [Charbonneaux, Martin, Villard 1970, 126, fig. 109–111; Живкова 1976, илл. VIII], знаменитые сидонские саркофаги из Археологического музея в Стамбуле конца V – конца IV в. до н. э. со сценами прощания с умершим («саркофаг сатрапа») и эпизодами битвы греков с варварами («Ликийский саркофаг» и «саркофаг Александра») [Pasinli 2005, 72–79, 85–101]. Декору артезианского стола близко оформление саркофагов первых веков н. э. со сценами битвы греков и амазонок

из фондов Британского музея², а также саркофагов из Веллетри середины II в. н. э. и Салоник середины III в. н. э. [Bandinelli 1970, 46, 301, № 41, 277], римских саркофагов из ГЭ третьей четверти II в. н. э., выполненных в аттическом стиле [Saverkina 1979, Taf. 1–4, 7]. Такой декор использовали на votivных предметах, в частности, на римской терракотовой пластине со сценой жертвоприношения, изображавшей Фавна и двух жриц перед алтарем-жертвенником в окантовке *ov* и розетт [womeninthebible. Net.>bible-archaeology/ancient].

В.П. Толстиков обратил внимание на характер оформления стрелок между *овами* и их расширение кверху, что характерно для I в. н. э., и предположил возможность датирования декора артезианской плиты этим временем. Наиболее близкую ей параллель представляет стол из каррерского мрамора в «дома Корнелия Рифа» в Помпеях, а также помпеянские мраморные прямоугольные столы I в. н. э. из «дома Мелеагра» [Roberto Rive. Casa di Meleagro a Pompei, no. Catalogo 436], из Casa dei Cubicoli Floreali, из «дома Марка Лукреция Фронтона», а также стол-картибул из «дома индийской статуэтки» [Кнабе 1986, 51, рис. 15]. К ним можно добавить стол из Музея Бардини II в. н. э., стол-алтарь, украшенный *овами* по торцам, из синагоги в Риме, прямоугольный стол из частного дома в Геркулануме. Большинство из них стояли на подставках – трапезофорах в виде львиных лап [Richter 1966; Cohon 1985; Moss 1988; Montanari 2007]. Форма, орнаментация столов, как и в случае с орнаментами римских алтарей, заимствованы из декора греческих памятников архитектуры. Х. Кокс Боуверман отмечает, что «большая часть декора – более или менее точная копия работ, которые уже существовали ранее» [Cox Bowerman 1913, 83–85]. На этом основании допустимо предположение, что резчики-каменотесы готовили артезианский стол для вторичного использования и пользовались традициями эллинского декора, характерного для сакральных памятников подобного рода.

Мраморный стол из Артезиана – классический образец греко-римских столов-трапез для жертвоприношений и посвящений богам или героям. По классификации Г. Рихтер он соответствует 1–2 типам столов с тремя или четырьмя ножками-подставками, которые по форме восходят к египетским прототипам. Римские столы такой формы часто копировали эллинистические образцы. Агонистический стол прямоугольной формы запечатлен на афинской бронзовой монете эпохи Августа [Richter 1966, 66–70, fig. 274, 344, 362, 365, 379, 420, 497.]. Такие столы предназначались для выставления всевозможных культовых предметов, даров богам, продуктов для священных пиров или погребальных трапез. Об этом свидетельствуют надгробные³ и посвятельные рельефы⁴,

² Later Greek and Graeco-Roman Reliefs, Decorative and Architectural Sculpture in the British Museum. L., 1904, 315, 336, fig. 42, 49.

³ Ср. рельефы со сценой загробной трапезы из Кастамону в Пафлагонии [Donceel-Voûte 1983, fig. 3–4], из Херсонеса [Борисова 1974, 14–19], на боспорских надгробных рельефах I в. н. э. из Керчи, но столик там, как правило, округлой формы [Гванюва 1962, 88–101], хотя на стеле Агафа из Фанагории 179 г. н. э. он прямоугольный [Иванова 1961, рис. 89].

⁴ На рельефе из Сак перед Гераклом стоит прямоугольный столик-трапеза [Сапрыкин 1978, 45, рис. 1]. На расписном апулийском кратере из музея Таранто прямоугольный стол-трапезу подносят к отдыхающему полулежащему Гераклу [Richter 1966, fig. 344].

в том числе с вакхическими сюжетами⁵. На плафоне гробницы в Казанлыке запечатлен прямоугольный столик-трапеза, на котором лежат хлебцы и прочие приношения [Василиев 1958, рис. 150. 7; Живкова 1976, рис. 1]. Столик-трапеза с витыми ножками, на который поставлены сосуды и пустой столик прямоугольной формы на четырех резных ножках фигурируют в сцене прощания с умершим на фреске боспорского склепа Сорака [Ростовцев 1913/1914, таб. LXV. 4; Виноградов 2017, 279, рис. 150. 7]. Столы прямоугольной формы изготавливались для утилитарных целей и представлены на чернофигурной вазе из Бостона, а на одной апулийской вазе показано, как их использовали для изготовления обуви и переноски продуктов. На росписи стены «Дома Веттиев» в Помпеях на подобном столе с четырьмя рельефными ножками изображены Эроты-сборщики урожая винограда, а на одной из фресок другого помпейского дома на таком же столе Эроты собирают гирлянды; на росписи дома в Геркулануме Эроты делают на нем обувь [Richter 1966, 66–70, fig. 274, 344, 362, 365, 379, 420, 497].

Столы-трапезы применялись в религиозных и культовых обрядах как жертвенники, алтари или для приема сакральной пищи. В перечне жертв богам в Аттике от 430 г. до н. э. трижды упоминается стол в связи с культами Эрота, Ипполита и Афродиты, причем он предназначался Эроту и Ипполиту, а животное приносили в жертву Афродите как главному божеству (IG XIII 255A, l. 4, 10, 14). В надписи IG I³ 234A говорится о предназначении стола-трапезы богине Семеле; известно и о приношениях столов Зевсу Тропею и Гераклу [Sokolowski 1969, 11A, l. 9–10; Jameson 2014, 38–42]. Они использовались для совместных обедов почитателей богов во время проведения ритуальных церемоний, причем организатор церемонии, как правило жрец, заранее готовил и выставлял на стол недорогие приношения и яства для совместных обедов. Такая практика носила название *τραπέζωμα*, когда приношения, выставляемые на столе, представляли собой порции священной пищи, которую следовало принимать возле алтаря в честь бога или обожествленного героя [Gill 1991, 11–23; Ekroth 2002, 129–213; Carbon 2017, 3–4]⁶. В декрете аттических *оргеонов* 306 г. до н. э. говорится, что они приносят жертвы герою в месяце Боздромиионе и некий Диоген должен обеспечить организацию святилища в доме и столы для трапезы (IG II² 2499) [см.: Sokolowski 1969, 47; Ekroth 2002, 129–213; Andrianou 2006, 571–574]. В Афинах и на Делосе этим занимались *косметы* (IG II² 676, 704, 776), в обязанности которых входило ставить на столы приношения, которые получали жрецы (IG V 1. 1390, 3447; XII 2. 72). Исходя из всего сказанного, стол-трапеза из Артезиана, вероятно, предназначался для этих же целей.

Алтари, столы-жертвенники и столы-трапезы для жертвоприношений часто являлись посвященными дарами богам. Например, алтарь, посвященный хиосцами в храм Аполлона в Дельфах, использовался для жертвенного ритуала и одновременно подносился божеству как дар (Hdt. II. 135). Вотивы в виде столов быстро превращались из утилитарных предметов в престижные дары [Neer 2012, 99]. Поэтому посвященные надписи на столах-трапезах нередко встречаются в греко-римском мире, особенно если

⁵ Кентавр и Эроты, рядом прямоугольный столик с яствами, торцы которого украшены рельефным декором [Reinach 1900, 73, fig. 2].

⁶ О священных трапезах в Эритрах в 380–360 гг. до н. э. и о принесении быка Аполлону и Асклепию для трапезы богам см. [Sokolowski 1969, 24]; об аналогичном ритуале в Ларисе см. [Decourt, Tziaphalis 2015, 13–51].

речь шла о подношениях в святилища. В святилище в Левкопетре (Македония) обнаружены три стола с надписями на лицевой поверхности и четыре подставки с надписями [Petsas, Hatzopoulos, Gounaropolou, Paschidis 2000, 76–78]. В Пидне найден votivный стол II в. до н. э. с надписью Ἑλλάς – очевидно, личным именем (ср.: LGPN IV 117; [Missalidou-Despotidou 1997, 41, no. 26]). Столы для приношений – τραπέζοι – чаще всего встречаются на Делосе (ID 1412A, 1417Π, 1428 Π). Там их использовали для организации симпосиев, совместных трапез и как «культовую мебель», поэтому нередко украшали надписями (ID 366A, 104; [Déonna 1934/1938, 16, tab. XVIII; Andrianou 2006a, 243–251]). По мнению Д. Андриану, имена посвятителей в списках инвентарей святилищ показывают, что подобные вещи отдавали туда для сохранения или для демонстрации почитателям во время праздников. Мебель в святилищах использовалась на специальных праздниках, а в обычные дни служила для ежедневных целей, как в частных домах. В качестве примера исследовательница ссылается на эпиграфические памятники с Делоса с упоминанием стола с посвящением сицилийского тирана Гиерона и кровати – посвящения Пирра (ID 1428 Π, l. 48–50; [Andrianou 2006, 571–574]).

Столы-трапезы предназначались и для приема пищи членами религиозных ассоциаций, о чем свидетельствует культовый стол из пентелийского мрамора ок. 400 г. до н. э. из Афин с текстом по краю стола и между тремя овальными вдавлениями на его поверхности. На нем распределяли мясо жертвенного животного среди почитателей богов, в частности, Геракла, так как надпись сохранила имена членов фииаса во главе со жрецом Геракла – главой койнон фииасотов (IG II² 2343 = IG II 986b; [Ascough, Harland, Kloppenborg 2012, 436]). Больше всего столов-трапез, по преимуществу погребальных с надписями, начертанными архаическим шрифтом, найдено на Фере [Deonna 1934, 7, fig. 8. 2; 71, 51. 1; 72, fig. 52. 2]. В Эпидавре в одном из святилищ был обнаружен алтарь-столик кубической формы для жертвоприношений с посвящением Тиманфа [Deonna 1934, 73, fig. 53. 1]. В римскую эпоху посвятельные столы-трапезы продолжали пользоваться популярностью, о чем, например, свидетельствует *mensae* римского времени из храма Сераписа с посвящениями ок. 157 г. н. э. Аполлония Серапису, Исиде, Анубису, Афродите [Déonna 1934/1938, 25]. Из Италии происходит мраморный стол с посвящением meddix tuticus [Presdocimi, Marinetti 2010–2013, 301–304, tab. LV, LVI]. Эти столы могли фигурировать в культе умерших и использовались как алтари. Поэтому у многих из них ножки-подставки покрывались погребальными эпиграммами [Sironen 2016, 7], а сами плоские подпрямоугольные столешницы служили надмогильными плитами [Millis 2007, 359–364].

Мраморные столы с надписями известны и в Северном Причерноморье. Из склепа Эврисивия и Ареты в Ольвии происходит погребальный стол с надписью на торце, в которой говорится, что они подготовили себе памятник при жизни (IOSPE I² 221). На таких столах, сохранявших первоначальное значение жертвенников, стояли приношения героизированному покойнику, символизируя бессмертное существование в потустороннем мире [Ростовцев 1913/1914, 59, 61]⁷. В Пантикапее найден жертвенный стол, поднесенный в святилище с посвящением Сенамотис, дочери царя Скилура

⁷ Ср. греко-этруссские росписи гробниц с изображением столов со стоящими на них сосудами, которые подносились покойнику [Richter 1966, fig. 465, 466].

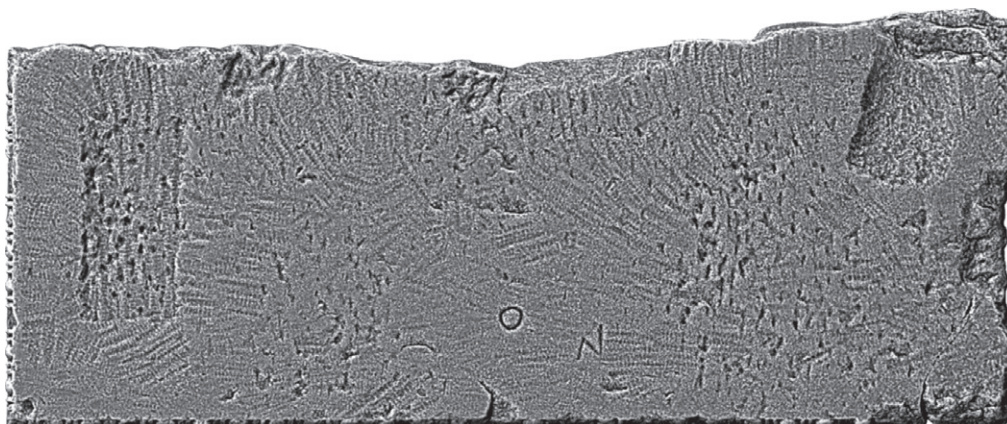

Рис. 2. Лицевая сторона стола в высоком разрешении (переворот на 180°).
Фото Ю.М. Свойского

и жены Гераклида, богине Дитагойе (по другой версии – Зевсу Таготу) за царя Перисада V [Виноградов 1987, 56; Vinogradov 1997, 526–562]⁸. Ко II в. н. э. относится мраморная плита с Темир-горы: первоначально это была крышка стола-трапезы, посвященного неким Стратодемом, сыном Менестрата, Богу Асклепию Сотеру и Еввергету, а позднее ее использовали как надгробие (CIRB 957).

Ранняя надпись

Лицевая поверхность стола из Артезиана выскоблена очень тщательно, очевидно, для намеренного уничтожения надписей. Их сбивали зубилом, оставившим глубокие бороздки, уничтожали заглаживанием и при помощи резца, оставлявшего продольные неглубокие линии. Кое-где плиту просто затирали, что способствовало сохранению контуров букв и их тонких прочерченных линий (рис. 1). По фотографиям путем увеличения плиты, а затем по фото в высоком разрешении и 3D моделям удалось точнее определить буквы, не просматривавшиеся на поверхности стола, что позволило прочесть остатки двух разновременных надписей⁹. Контуры ранней надписи становятся заметными, если перевернуть плиту на 180° (рис. 2). До нас дошло четыре строки текста, причем стк. 1 проходит почти по самому краю скола плиты. При ornamentации ее *овами* в более позднее время первые буквы строк были частично перерезаны декором. В левой части надписи заметна прямоугольная врезка, предназначение которой не вполне ясно. Раннюю надпись (рис. 3) можно реконструировать таким образом:

Βα[σι]λ[εύς] Πατρισάδης βασι-	1
λέως] Λεύκωνος] ἀν[έθηκεν]	2
Ἀπ[ό]λ[λων] <Ι>ατρῶι ἄγ[αλμα]	3
αὐ[τό]ν.	4

⁸ В.П. Яйленко отрицает прочтение в надписи на столе-трапезе имен Перисада V и богини Дитагойи и восстанавливает здесь имя одного из трех последних Перисадов, правивших во II в. до н. э. [Яйленко 2010, 193–198].

⁹ Авторы выражают благодарность за эти фото Ю.М. Свойскому и А.И. Иванчику.

Рис. 3. Прорисовка ранней надписи

Перевод: «Царь Перисад, сын царя Левкона, посвятил Аполлону Врачу этот дар (*вариант:* свою статую?)».

Это посвящение датируется концом III – первой половиной II вв. до н. э. На это указывают некоторая строгость шрифта, слегка приземистая *омега*, лунарная *сигма*, широкая *альфа*, ню с косой гастой, не доходящей до нижнего окончания правой вертикальной гасты [Болтунова, Книпович 1962, 9, табл. II, 4], а главное – упоминание царя Левкона, который правил в конце III в. до н. э. (о нем ниже). На Боспоре посвящения совершали за отдельных лиц (CIRB 54–60, 953, 982, 984, 1046, 1118). Посвящали сакральные предметы (алтари, статуи и т. п.) различным богам. Остатки букв ...Н (и возможная С) в конце имени Перисада позволяют заключить, что он лично посвятил Аполлону Врачу изображение, возможно, его собственное ([ἐ]α[υ]τόν?). Τὸ ἄγαλμα в боспорских эпитафических памятниках обычно трактуют как «статуя» (CIRB 63, 1040, 1134, 1201), однако в первую очередь это «жертвенный дар», «приношение» (LSJ s. v. ἄγαλμα). Посвящение Перисада Аполлону Врачу могло выражаться в постановке ему статуи (ср. CIRB 1040), но плита, скорее всего, являлась столом-жертвенником и была принесена богу – покровителю того, кто сделал посвящение.

Почитание Аполлона Врача засвидетельствовано во многих милетских колониях. В Пантикапее с конца VI–V вв. до н. э. его культ являлся государственным, а затем официальным культом династии Спартокидов [Кузнецов, Толстиков (ред.) 2017, 86]. Об этом свидетельствуют сооружение ему в V в. до н. э. храма на акрополе столицы Боспора [Пичикян 1984, 188; Толстиков, Асташова, Ломтадзе, Самар, Тугушева 2017, 42], граффити [Толстиков 2023, 22, илл. 8. 5, 6] и посвящения, в основном жрецов (CIRB 6, 10, 25, 1044). Аполлону Врачу или просто Аполлону ставили посвящения за родственников (CIRB 1037, 1039 – Гермонасса, 1239 – Танаис, II в. н. э.). Прямым доказательством династического характера культа является посвящение Левкона II, выполнявшего обязанности его жреца (CIRB 25). Царский характер культа подтверждают посвящения Спартокидов в храмы Аполлона в Дельфах и Дидимах (об этом ниже). Посвящение царя Перисада из Артезиана вписывается в череду таких же памятников. Но оно позволяет также уточнить и порядок престолонаследования у Спартокидов во второй половине III – первой половине II в. до н. э., что до сих пор является предметом научных споров.

Автором этой посвятельной надписи, скорее всего, был Перисад III, сын царя Левкона II. Он носил имя деда Перисада II, отца Левкона II. Последний известен тем, что

провел монетную реформу. Полиен рассказывает, что, нуждаясь в деньгах, он объявил о планах: начать чекан новой монеты. Для этого каждый должен был принести ему наличные деньги для перечековки, чтобы они остались годными для обращения. После этого он перечеканил их новым штемпелем и повысил стоимость каждой монеты вдвое. В результате казна получила половину из собранных денег и никто из граждан не понес убытка (Polyaen VI. 9). Медные монеты с титулом царя и именем Левкона свидетельствуют, что реформа монетного дела была проведена не Левконом I, архонтом IV в. до н. э., как иногда полагают (SC XI, 3–4, р. 564)¹⁰, а Левконом II – не ранее второй половины III в. до н. э. [Шелов 1953, 31; 1956, 152–158; Gajdukevič 1971, 91; Анохин 1986, 56–58; Молев 1994, 69–72]. Это могло быть связано с прекращением золотой и серебряной чеканки Пантикапея, который продолжал выпуск только медных монет, падавших в весе и цене. Левкон, выпустив более полновесные монеты из меди, уравнивал на рынке терявшую стоимость городскую медь путем приближения ее стоимости к полноценной царской монете и надчеканил ряд медных монет [Зограф 1951, 182]. Это в общих чертах соответствует сообщению Полиена о наличных деньгах граждан, не потерпевших серьезного убытка. Ведь параллельный чекан полисных и царских монет, уравнивавших друг друга, привел к тому, что полисная монета продолжала чеканиться и граждане не потеряли своих денег.

О судьбе Левкона II рассказывается в схолиях к «Ибису» Овидия. Схолиаст передает три версии: Левкон, один из понтийских (=боспорских) царей, убил своего брата Спартока, который хотел совершить прелюбодеяние с его женой; по второй версии он убил брата Спартока из-за совершенного им прелюбодеяния с его женой Алкафоей, после чего Левкон был ею убит; третья версия гласит, что Левкон убил Спартока вследствие любви к его жене Алкафое и когда он хотел совершить с ней прелюбодеяние, то был убит врасплох (Schol. ad Ovidii Ibin. V. 310 = SC II, 1, р. 106). Если отбросить любовный мотив и измены, то эти сообщения объединяет одно – Левкон II убил брата Спартока IV (V), а затем и сам был неожиданно убит. При этом неясно, сделала ли это жена или же кто-то другой. Поэтому схолиаст добавляет, что братоубийца Левкон был убит женой брата. Из схолий следует, что и сам Левкон пал жертвой какого-то заговора, возможно, при участии его супруги или жены брата, что послужило основанием для поздних авторов и схолиаста к Овидию свести это к любовной интриге. Однако все исследователи единодушны: Левкон убил Спартока, легитимного царя и своего брата и незаконно завладел престолом. Так или иначе, но совершенно очевидно, что в середине III в. до н. э. Боспор переживал смуту и внутренние неурядицы в связи с борьбой за власть внутри династии Спартокидов [Латышев 1909, 86–87; Яйленко 1990, 304].

Причину злодеяния Левкона помогает понять эпиграфика. Из надписи CIRB 25 следует, что Левкон, сын Перисада II, отбыв срок жречества, посвятил статую Аполлону Врачу. Следовательно, в правление отца, который был сыном Спартока III, Левкон исполнял должность жреца Аполлона Врача, поскольку, как младший брат прямого наследника трона Спартока IV, не имел прав на власть [Minns 1913, 581; Жебелев 1953, 179; Werner 1955, 428; Gajdukevič 1971, 91; Анохин 1999, 85–88]. Правление царя Спартока IV,

¹⁰ Ср.: Comm. ad Polyaen. Strategemata. Saint-Peterburg, 2002, 480, VI, № 58.

сына Перисада II – прямого наследника отца – подтверждают монеты (о них ниже) и надписи (CIRB 24¹¹; 822). В последней упоминается Спарток, сын Перисада, причем оба не титулованы царями (надпись фрагментирована, поэтому титулы их не исключены). Вполне возможно, что и надпись CIRB 26 принадлежит Спартоку IV, сыну Перисада II¹². Если эти памятники имеют отношение к Спартоку IV, старшему сыну Перисада II, умершего около 240-х гг. до н. э., то его правление приходится на третью четверть III в. до н. э. Более низкий статус по сравнению с царственным старшим братом мог угнетать Левкона. Он воспользовался ситуацией и в результате заговора (а не любовной интриги, о чем упоминает некий автор римского времени, писавший на потребу беллетристическим вкусам римской публики, сведения которого и использовал схолиаст) получил трон и власть. К сожалению годы правления Левкона II точно неизвестны: его царствование предлагается датировать началом второй половины III в. до н. э., третьей четвертью III в. до н. э., 240–230/220 гг. до н. э., концом третьей четверти III в. до н. э. (ок. 225–215 гг. до н. э.) [Werner 1955, 430; Шелов 1960, 212–214; Бикерман 1975, 198; Яйленко 1990, 307; Анохин 1999, 85–87]. Считается, что три типа монет с его царским титулом (рис. 4. 1–3) свидетельствуют о его сравнительно недолгом царствовании, однако попытки датировать его одним годом и даже тремя годами вряд ли справедливы [Яйленко 1990, 304, прим. 162; Шоноу 2019, 213]. Сравнение третьей серии монет Левкона II (овальный щит, копье/короткий меч-акинак) (рис. 4. 3) с тетрадрахмами Лисимаха (овальный щит и меч у трона сидящей Афины), чеканенными до 220 г. до н. э., показывает, что монеты боспорского царя были выпущены не ранее этой даты [Фролова 1999, 315]. В таком случае приход к власти Левкона II следует отодвинуть ко времени ок. 220-х гг. до н. э., а царствование датировать концом третьей и большей частью последней четверти III в. до н. э. (Правление Левкона II могло продолжаться до предпоследней (или последней) декады III в. до н. э. [Молев 1994, 8]).

Исследователи давно обратили внимание, что медные монеты Левкона II с царским титулом выпадают из привычного чекана монет на Боспоре в III в. до н. э. В. А. Анохин подметил, что при Левконе возникли какие-то чрезвычайные обстоятельства, требовавшие расходов. Это могло вызвать изменения в чекане боспорских монет и привело к появлению царской чеканки с целью пополнить казну. Наибольшую близость монетам Левкона представляют монеты Феодосии с изображением головы Афины (как и на монетах Левкона – рис. 4. 2), а также горита и палицы (ср. палицу и лук на обоях Левкона – рис. 4. 1). На синхронных монетах Пантикапея появились головы Сатира

¹¹ Ю. Г. Виноградов относит надпись к Спартоку V, который правил в начале II в. до н. э. [Виноградов 1987, 63]

¹² Надпись CIRB 24 датируют III в. до н. э., надпись CIRB 822 – концом III – началом II в. до н. э., однако их традиционно относят к Спартоку IV, сыну Перисада II [Латышев 1909, 86; Werner 1955, 428; Молев 1994, 8]. Попытка передатировать надпись CIRB 822 как не относящуюся к III в. до н. э. [Яйленко 1990, 306, прим. 168] не совсем справедлива. Ср. [Виноградов 1987, 65, прим. 46]: надпись CIRB 24 не может относиться к середине II в. до н. э. Памятники второй половины II в. до н. э. по шрифту сложно отделить от надписей начала II в. до н. э. [Болтунова, Книпович 1962, 9, табл. II]. На этом основании крайне фрагментированная надпись CIRB 26, которая продатирована «не ранее конца III, скорее первая половина II в. до н. э.» и отнесена к Спартоку V, сыну Перисада? (CIRB 26, р. 32), вполне укладывается в пределы второй половины III в. до н. э. и может относиться к Спартоку IV, сыну Перисада II, как ранее предполагал В. В. Латышев (IOSPE II 308). Неслучайно Н. С. Белова убедительно датировала ее III в. до н. э., но считала упоминаемого в ней Спартока отцом Перисада II, т. е. Спартоком III. Надпись CIRB 822 она также датировала временем Перисада II [Белова 1984, 84].

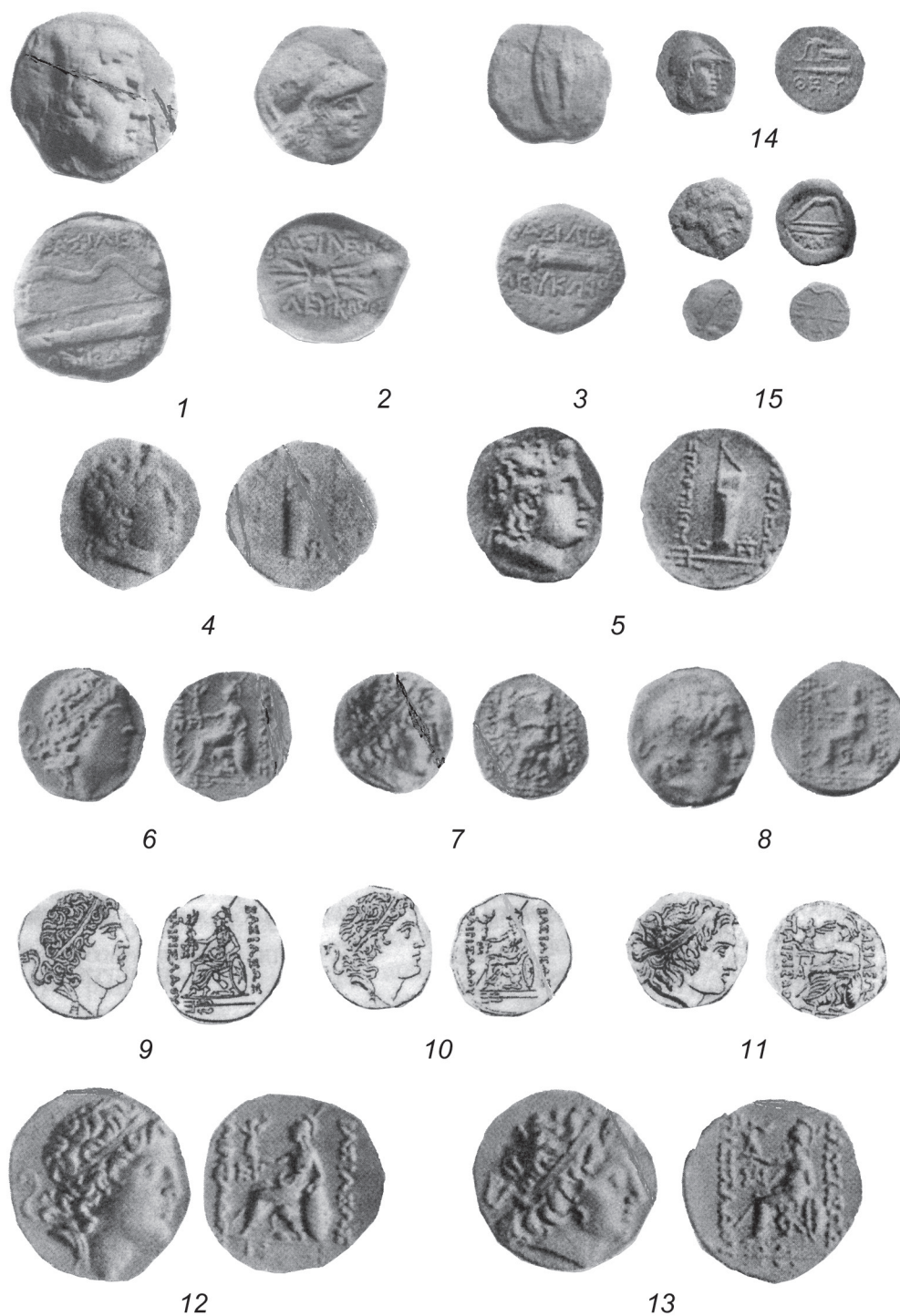

Рис. 4. Монеты Боспора эпохи правления Спартока IV(V), Левкона II, Перисада III: 1–3 – монеты Левкона II; 4, 5 – монеты Спартока IV(V); 6–13 – монеты царя Перисада III

и Аполлона и изображения лука и стрелы. Это, по мнению исследователя, свидетельствовало о каких-то действиях Левкона в отношении Феодосии и поддержке его реформы храмом Аполлона в Пантикапее, где до вхождения во власть он был жрецом [Анохин 1986, 57–58; 1999, 85–87; ср. Шелов 1956, 173]. «Чрезвычайные обстоятельства», косвенно фиксируемые чеканкой монет, могли быть вызваны нелегитимностью прихода к власти Левкона II, который искал поддержку полисных общин Феодосии и Пантикапея, быть может, и других городов, и, очевидно, получил ее. Вот почему, если верить Полиену, Левкон не лишил граждан их доходов, вернув им в результате финансовой реформы потраченные на выход из кризиса деньги.

Если отталкиваться от надписи на артезианском столе-трапезе, то после смерти (убийства?) Левкона II власть досталась его сыну Перисаду III. Родословную боспорских царей после Левкона II подробно раскрывает пантикапейская надпись CIRB 75: «Перисада, Камасарии Аргота. За архонта и царя Перисада, сына царя Перисада, матерелюбивого (Филометора) и царицу Камасарию, дочь Спартока, чадолюбивую, и Аргота, сына Исанфа, супруга царицы Камасарии, посвятили этот памятник Афродите Урании, владычице Апатура, синагог ... и фиаситы...». Еще В. В. Шкорпил установил, что в ней упоминаются Перисад IV Филометор, сын Перисада III, первого мужа царицы Камасарии, дочери Спартока V (IV), первой жены Перисада III, а также Аргот, второй муж Камасарии, возможно, ставший им в годы правления Перисада IV после смерти Перисада III. Перисад III, отец Перисада IV, как полагают, упомянут в гермонасской надписи CIRB 1044: [Βα]σιλεύοντος Παϊρισάδου [τοῦ Π]αϊρισάδου [Шкорпил 1915, 17–19; Comm. ad CIRB 75, p. 85, 1044, p. 604]. Супружество Перисада III и Камасарии подтверждает постановление из Дельф в честь «...царя Перисада и царицы Камасарии, дочери царя Спартока», которые, как и их предки, почитают бога (Аполлона) и человеколюбиво относятся к гражданам (Syll.³ 439 = SEG 1968. 23. № 314). Надпись датируют 160–150 гг. [Homolle 1899, 98; Латышев 1909, 298–302; Граков 1939, 250, № 15], однако Ю. Г. Виноградов справедливо отнес ее к 170-м гг. до н. э. [Виноградов 1987, 62]. В милетском Дидимейоне в 178/177 г. до н. э. в числе посвятителей фигурирует царица Камасария, которая поднесла в храм Аполлона некий золотой предмет, весом 187,5 золотых статеров (CIG II 2855; [Haussoullier 1902, 138; Граков 1939, 266, № 38; Rehm 1958, 273, no. 463; Werner 1955, 425; Günther 1971, 95; Виноградов 1987, 61; Яйленко 1990, 306]). В то же святилище в 176 г. до н. э. пожертвовал золотую фиалу царь Перисад, которого принято считать Перисадом III [Rehm 1958, no. 464; Виноградов 1987, 62]¹³. Из дельфийской и дидимейских надписей следует, что Перисад III, сын Левкона II (согласно надписи из Артезиана) действительно был женат на Камасарии, дочери царя Спартока, получившей титул царицы либо вследствие замужества с Перисадом, наследником Левкона II, либо по наследству от отца

¹³ Ее приписывали одному из более поздних Перисадов и относили посвящение к 154–153 г. до н. э. [Haussoullier 1902, 206, 212 № 5, 6, 8; Латышев 1909, 299; Граков 1939, 267, № 39]. Посвящение могло принадлежать и Перисаду IV, который сделал его в год восшествия на престол после смерти отца Перисада III, поэтому его мать Камасария, вдова Перисада III, посвятила вотив Аполлону годом ранее. Она могла остаться единоличной правительницей Боспора или регентшей их несовершеннолетнего сына Перисада IV. Посвящения Аполлону – покровителю Пантикапея и Боспора – делались Спартокидами в памятные даты, включая приход во власть, как при Левконе II, начавшем чекан монет с символикой Аполлона. Это тем более вероятно, что они были первосвященниками культа Аполлона.

Спартока IV (V), который был царем. Эти документы вместе с надписью *CIRB 75* подтверждают родословную Камасарии и Перисада IV и позволяют высказать предположение, что Камасария вторично вышла замуж за Аргота, скорее всего, будущего царя Крымской Скифии, поскольку царь Перисад III скончался приблизительно в 170-х гг. до н. э. Но произошло это, как показывает надпись *CIRB 75*, уже при совершеннолетнем царе Перисаде IV, поэтому прав Ю.Г. Виноградов, который считал ее поставленной ближе к середине II в. до н. э. Брак Камасарии и Аргота мог состояться приблизительно в 170-х – 150-х гг. до н. э., и тогда смерть Перисада III приходится на начало, либо на конец 170-х гг. до н. э., если посвящение 176 г. до н. э. из Дидим относится к нему. В таком случае брак Перисада III и Камасарии следует отнести к рубежу III–II вв. до н. э. или началу II в. до н. э.

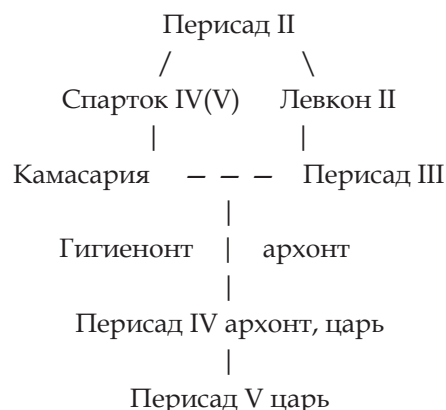
В.В. Латышев отметил, что в дельфийском постановлении Перисад не назван царем и в нем не указано его отчество¹⁴, тогда как его супруга Камасария фигурирует как царица и дочь царя Спартока. Он объяснял это тем, что Перисад III был братом или племянником Спартока V и женился на его дочери Камасарии, поскольку у Спартока не было потомков по мужской линии, и это являлось попыткой укрепить права на престол¹⁵. Такой подход в целом верен, но Левкон II, отец Перисада III, был убит за нелегитимный захват власти и коварное лишение жизни брата Спартока IV, законного царя. Поэтому Камасария, дочь Спартока IV, осталась прямой наследницей царской власти. Перисад, также прямой наследник, но как сын Левкона – узурпатора в глазах окружения Спартокидов и их подданных – имел меньше прав на власть по сравнению с двоюродной сестрой. Однако, поскольку властные полномочия у Спартокидов по правилам престолонаследования передавались по мужской линии, то Перисаду для подтверждения прав на престол и сохранения его за потомками Левкона II следовало взять Камасарию в жены и тем самым сделать свое правление легитимным. В дельфийской надписи, очевидно, довольно ранней, первых лет его правления, он не имеет титула и отчества, так как для «международной общественности» того времени законной наследницей являлась все же его жена. Но это не значит, что у него не было властных полномочий: этому противоречит его имя, стоящее перед именем и титулом Камасарии, и указание, что они оба человеколюбиво относятся к гражданам и почитают бога (Аполлона Дельфийского) также как и их предки Спартокиды.

Обращает на себя внимание, что в дидимейских посвящениях приношения царицы Камасарии от 177 г. до н. э. и царя Перисада от 176 г. до н. э. сделаны по отдельности. Если, как считается, это Перисад III, муж Камасарии, то к 176 г. н. э. он уже обладал царским титулом. Перисаду III принадлежат три выпуска золотых статеров с головой царя и сидящей Афиной Nikeфорой с крылатой Никой, щитом, трезубцем

¹⁴ Отчество и титулатура Перисада III отсутствуют и в надписи *CIRB 1044*, которая, как считается, относится к Перисаду IV, сыну Перисада III и Камасарии.

¹⁵ См. [Латышев 1909, 302; Виноградов 1987, 63]: отец Перисада III не был царем, он был братом Спартока V, поэтому власть наследовала Камасария, его дочь, взявшая в мужья двоюродного брата. Она соправительствовала мужу и их общему сыну Перисаду IV, поэтому настойчиво подчеркивала происхождение от Спартока IV (V) и самостоятельно делала посвящения в Дидимы. Ср. [Werner 1955, 428–430]: после Перисада II правил его сын Спарток IV, которому в 245–215 гг. наследовала его дочь Камасария, но он ошибочно связывает дельфийскую и дидимейскую надписи с Перисадом IV.

и дельфинами между царской титулатурой и его именем (тетрадрахма, приписываемая этому Перисаду, является поддельной). Первый выпуск статеров имеет монограмму ПА, очевидно, Па(нтикапей), два других – монограмму ЕР и Е [Зограф 1951, 184; Шелов 1956, 188; Анохин 1986, 142; Фролова 2007, 89–102: ок. 190 или 180–170 гг. до н. э.], быть может, Ερ(μώνασσα) как обозначение места чекана монет (рис. 4. 6–13). Любопытно, что монограммы ПА и ПАН засвидетельствованы на монетах архонта Гиgienонта и последующих царей Перисада IV и Перисада V, причем на некоторых монетах Перисада IV и Гиgienонта монограммы ПАН тождественны. Перисад IV, начавший править около середины II в. до н. э., в надписи CIRB 75 титулуется архонтом и царем. В надписи CIRB 825, II в. до н. э. упоминается архонт Перисад. Ее близость к надписи CIRB 75 дает право высказать предположение, что это Перисад IV. Косвенно это подтверждается тем, что в первой половине II в. до н. э. началось правление Гиgienонта, носившего титул архонта [Сапрыкин 2020, 355–366]. Если надписи CIRB 75 и 825 принадлежат Перисаду IV, получившему правление после смерти его отца Перисада III в начале или середине второй четверти II в. до н. э., то архонтство Гиgienонта предшествовало приходу во власть Перисада IV и последовало за смертью Перисада III, что подтверждается заимствованием им типологии царских монет Перисада III. Поэтому, когда Перисад IV получил трон, то монограммы ПА и ПАН на его монетах, как на монетах его предшественников, Перисада III и Гиgienонта, напоминали об их чекане в Пантикапее (Гиgienонт, Перисады III и IV) и Гермонассе (Перисад III). Это соответствовало древней традиции, когда Спартокиды начинали править как архонты Боспора и Феодосии – союза греческих полисов во главе с Пантикапеем, где зародилась их тирания и они изначально являлись архонтами. Поэтому Перисад III, согласно дельфийского декрета, не имевший поначалу царского титула, мог вступить в правление как архонт, поскольку его супруга Камасария, законная преемница Спартока IV (V), имела царский титул по наследству от отца. После того как Перисад III стал обладателем титула царя, Камасария осталась царицей, но отныне как супруга законного царя, который для утверждения права единодержца посвятил дар в храм Аполлона Дидимейского отдельно от жены. Последняя годом ранее сделала такое же посвящение по традиции, возможно, как царица-мать наследника Перисада IV. Победная символика на монетах Перисада III, воспринятая Гиgienонтом и последними Перисадами, показывает, что принятие Перисадом III титула царя могло быть результатом какой-то военной победы. В последние годы жизни Перисада III, а, возможно, и после его смерти, к власти был допущен архонт Гиgienонт. После него власть перешла к малолетнему Перисаду IV, сыну Перисада III, который, подобно отцу, а также предшественнику Гиgienонту, начал править как архонт, затем, ближе к середине II в. до н. э., титуловался архонтом и царем, а в третьей четверти II в. до н. э. его уже называли царем без указания на архонтство. При этом он получил прозвище Филометор (тот, кто любит свою мать), так как поначалу правил при регентстве матери Камасарии Чадолубивой (Филотекны). После смерти Перисада III, но в правление Перисада IV, ставшего царем, Камасария из политико-династических соображений вышла замуж за Аргота, царя тавро-скифов, превратив его в союзника Боспора против сарматов. Итак, династическая «карта» поздних Спартокидов выглядит следующим образом:

Итак, надпись на столе-трапезе из Артезиана доказывает передачу власти от Левкона II непосредственно его сыну Перисаду III, прямому наследнику¹⁶. Поэтому предположения о правлении царя Спартока V (VI) между Левконом II и Перисадом III¹⁷ (ок. 200–190 гг. до н. э.) безосновательны. В связи с этим встает вопрос о датировке двух серебряных дидрахм царя Спартока, которые относили к Спартоку V (200–190 гг. до н. э.) либо к Спартоку VI (середина II в. до н. э.) на том основании, что трезубец с дельфинами на реверсе не мог появиться ранее 190-х гг. до н. э., когда его поместили на золотых статерах постлисимаховского типа, выпущенных Византием [Зограф 1951, 185; Шелов 1956, 187; Голенко 1982, 50, 51; Анохин 1986, 142, № 152]¹⁸ (рис. 4. 4, 5). В свете же рассматриваемой надписи вопрос о принадлежности дидрахм Спартоку V отпадает. Тем не менее необходимо отметить, что, если это всё же Спарток VI, то он должен приходиться современником архонту Гигиенонту. Но, в отличие от него, он правил в качестве царя. При этом дидрахма из коллекции Американского нумизматического общества, как доказала Н. А. Фролова [Фролова 2007, 85–89], является подделкой (рис. 4. 5). Значит этому Спартоку принадлежит лишь монета из коллекции ГИМа (рис. 4. 4). Следовательно, его правление было коротким. К тому же тип ее реверса не вписывается в типологию последовательного ряда царских монет Боспора II в. до н. э., в частности, монет Перисадов III–V, и не имеет ничего общего с монетами Гигиенонта. Это позволяет отнести ее к Спартоку IV (V?), брату Левкона II и датировать третьей четвертью III в. до н. э. Это первая царская монета Спартокидов, выпущенная законным царем, в отличие от царской меди узурпатора Левкона II, так как лук в горите и дельфины на ее оборотной стороне совпадают с последовательными выпусками монет Пантикапея 275–210 гг. до н. э. с типами лука, стрелы (рис. 4. 15),

¹⁶ Считать упомянутого в нимфейском граффито Перисата = царем Перисадом III [Яйленко 1990, 304, 305; Анохин 1999, 91] ошибочно, так как трактовка граффито неверная по причине неправильного перевода ср. [Яйленко 1995, 231].

¹⁷ Спартока V (VI), упоминаемого надписью [CIRB 26], считали дядей Перисада III и отцом Камасарии [Латышев 1909, 90–92; Werner 1955, 430; CIRB, p. 832; Gajdukevič 1971, 94, 95; Бикерман 1975, 198; Виноградов 1987, 66; Яйленко 1990, 307; Молев 1994, 22; Анохин 1999, 92]. Эта точка зрения требует корректировки, ибо, как подтверждает публикуемая артезианская надпись, дядей Перисада III и отцом Камасарии в действительности являлся Спарток IV, брат Левкона II. Ссылки на черепичные клейма с именем Спартока как принадлежавшие Спартоку V, неверны, поскольку это клейма Спартока III [Сапрыкин 2020а, 301].

¹⁸ Только Э. Миннз считал, что это Спарток, отец Камасарии [Minns 1913, 586].

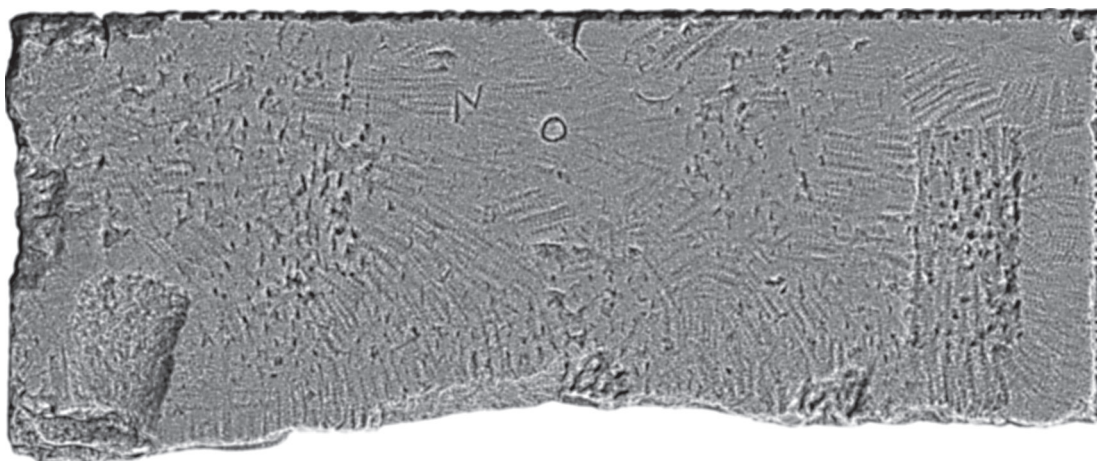

Рис. 5. Лицевая сторона плиты в высоком разрешении.
Фото Ю. М. Свойского

а также дельфина, Феодосии 240–230 гг. до н. э. типа «горит, палица» (рис. 4. 14), Фанагории 220–210 гг. до н. э. с изображением лука и стрелы и последующими монетами Левкона II типа «лук и палица» (рис. 4. 1) [Анохин 1986, 141, 142, № 132, 133, 140, 145–147; Шелов 1956, 217, табл. VI. 67, 70, 72, 73; VII. 76, 86–88 (монеты Пантикапея третьей четверти III – первой половины II вв. до н. э.); IX 110 (Феодосия, третья четверть III в. до н. э.), 112 (Фанагория, II в. до н. э.)]. Несмотря на относительную близость типологии реверса монеты Спартока городским монетам Пантикапея, Фанагории и Феодосии [Зограф 1951, 185, табл. XLII. 26; Шелов 1956, 187, табл. IX. 110, 112], В. А. Анохин убедительно датирует ее 240–230 гг. до н. э. [Анохин 1986, 141, № 137].¹⁹ Типологически она укладывается в пределы конца второй четверти – третью четверть III в. до н. э., когда на престоле Боспора находился Спарток IV, отец Камасарии. Трезубец Посейдона на монете Спартока – это символ Спартокидов, которые вели происхождение от Евмолпа, сына Посейдона, и он вполне уместен на первых их монетах с титулатурой царей.

Поздняя надпись

Эта надпись была сначала заглажена, затем сбита зубилом, но буквы прочитываются по сохранившимся тонким бороздкам от острого предмета, которым они наносились на камень. Сохранились лишь контуры букв, кое-где не совпадающие с ямками от зубила (рис. 1, 5). Текст нанесен в две симметричные колонки (рис. 1, 5, 6) достаточно крупными буквами, характерными для шрифта I в. до н. э. – начала I в. н. э. Их отличает большая строгость и выдержанность линий, выравнивание по строке, а из особенностей – крупная с поперечной короткой линией *тетта*, широкое поле *дельты*, небольшие апексы, *омега* с большим кругом и др. [ср. Болтунова, Книпович 1962, 19, 20]. Надпись из семи строк читается следующим образом (рис. 6):

¹⁹ Городская медь «не имеет типологических точек соприкосновения с монетой царя Спартока» [Анохин 1999, 93].

Διὶ Πολιεῖ	Θέων Ἡρα[ί]ου	1
Ὑπὲρ βασιλέως	[ἀ]νέθη[κ]ε[ν] ἐ[ν] ὑ -	2
Πολέμωνος	νο[ίας] ἐν[κεν]	3
εὐσε[βο]ῦ[ς] καὶ	καὶ εὐ[σε]β[ί]ης	4
βασιλέως	[ε]ὑ[ξά]με[ν]ος	5
Πυθοδωρίδος		6
Φιλομή[τ]ορος		7

Перевод: «Зевсу Полиею. За царя Полемона, благочестивого, и царицу Пифодориду Матерелюбивую Теон, сын Герая, из расположения и почтения посвятил по обету».

Перед нами посвящение стола от некоего Теона в храм или святилище Зевса Полиея (городского), т.е. это дар богу. Стол мог быть выставлен в святилище как «храмовая мебель», поэтому он принадлежал храму и во время празднеств в честь бога почитатели могли использовать его для жертвенной пищи. Как вотив он был использован вторично. Овообразный декор был сделан во второй половине I в. до н. э. специально для этого посвящения, так как надпись Перисада III показывает, что тогда его еще не было. Сохранность надписи оставляет желать лучшего, особенно второй столбец, который дошел в плохом состоянии. Сткк. 2–5 восстанавливаются по аналогии с другими боспорскими надписями: CIRB 14: εὐσεβείας; 122: εἵνεκεν εὐσεβίης; 49: τῆς εὐνοίας ἔνεκεν.

Культ Зевса засвидетельствован на Боспоре неоднократно (CIRB 29, 76, 868, 1021, 1237 и др.), однако его эпитет Πολιεύς встречается впервые²⁰. Культ Зевса Полиея был популярен в различных местах эллинской ойкумены. В Каллатисе он считался охранителем полиса (ISM III. 22), в Истрии ему возвели алтарь (ISM I. 8), а граждане могли возлагать на себя обязанности его жреца, увенчивая себя при этом венком (ISM I. 54. L. 19). В римскую эпоху там даже была коллегия его жрецов (ISM I. 222). В Акраганте граждане приняли решение построить ему храм внутри цитадели (Polyaen. V. 1, 1), в Афинах были организованы праздники в честь Зевса Полиея [Aristoph. Nu. 984], а его святилище открытого типа было построено в 500 г. до н. э. на акрополе к востоку

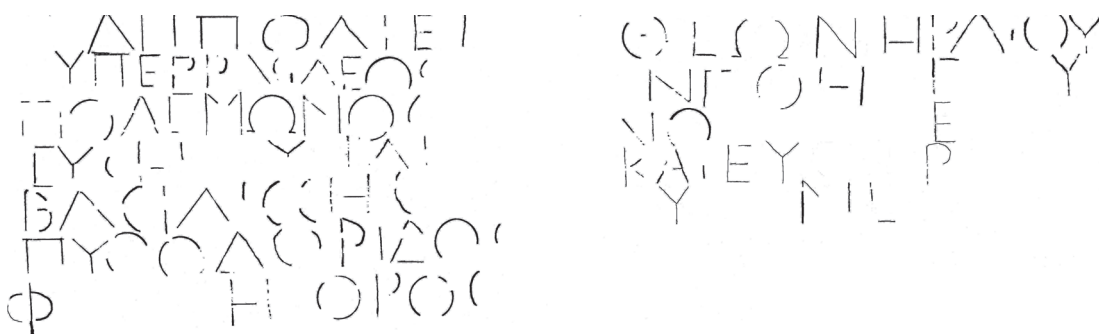

Рис. 6. Прорисовка поздней надписи

²⁰ В Ольвии в римское время засвидетельствован культ Зевса Полиарха (Градоначальника) (IOSPE I². 183), однако он отличается от культа Зевса Полиея – последний считался защитником полиса, а Полиарх выступал как градодержец, покровитель и властитель полиса, хотя имел и апотропеические функции.

от Эрехтейона. Там стояли статуи Зевса: одна изваянная Леохаром, другая представляла Зевса Полиея (Paus. I. 24, 4; 28, 10). Была даже выпущена монета с изображением этого бога [Stevens 1946, 2]. Во время Буфоний ежегодно в празднование Дипилей на алтарь бога для жертвоприношений клали быка и отборную свинью (IA XI. 1; [Hurwitt 2001, 190–202; Lebreton 2015, 85–110]). Существовало поверье, что первым, кто заколол быка в жертву Зевсу Полиею, был жрец Диом (Porphyr. De abstinentia II. 10). На алтарь приносили ячмень, смешанный с пшеницей и оставляли дары без охраны. В Афинах большую помощь в организации культа оказывали богатые семьи и кланы, о чем свидетельствует одна из древнейших надписей – посвящение Зевсу Полиею (IG I. 531; [Jeffery 1948, 95]). Он почитался не только как покровитель города, но и в демах. В священном календаре Торики 440–400 гг. до н. э., одной из местных общин (дема) Аттики, в месяце Боздромионе Зевсу Полиею жертвовали отборную овцу и обжаренного поросенка, при этом жрец должен был организовать завтрак для всех присутствующих (IG I² 256 bis; SEG 26136A; ср. 33. 147; 50. 55; 52. 49; 54. 60; 55. 58). Согласно священному календарю аттического дема Эрхия, для Зевса Полиея предназначалась овца ценой 12 драхм, которую нельзя уносить (SEG 21. 541 = 50. 167; 22. 131; 52. 138; 66. 131; [Sokolowski 1969, no. 18, fr. G]). Алтарь Зевса Полиея стоял и на Делосе, возле которого делосцы поставили статую своего проксена македонца Адмета (IG XI, 4. 665).

На Косе в честь Зевса Полиея устраивали специальные фестивали, о чем жрецы, гиеофилаки, архонты делали предварительные объявления. Священный календарь IV в. до н. э. регулировал правила проведения этих празднеств (Syll.³ 1025): богу, как и в Афинах, жертвовали быка и свинью, и он почитался совместно с Гестией, которой приносили жертвы во время фестиваля [Smith 1973, 21–25; 1973a, 38–47; Buck 1955, 303, no. 108; Sokolowski 1969, no. 157].

Особенно широко Зевса Полиея почитали на Родосе, Линде, Иалиссосе, Камиросе. В так наз. «Хрониках Линда» (B 18, 19, 23, 37; [Higbie 2003, 155–203]) говорится о храме Зевса Полиея, пристроенного ок. 300 г. до н. э. к храму Афины Линдийской (Полиады), о жертвоприношениях и посвящениях Афине Полиаде и Зевсу Полиею, которые по местной храмовой легенде якобы совершали Лаомедонт, Геракл, Минос, община Линда. Сохранились посвящения Зевсу Полиею II в. до н. э. (ILindos II 514), упоминания о жрецах Зевса Полиея из Родосской Переи [Bresson 1991, no. 22, 148] и о жрецах совместного культа Афины Линдии и Зевса Полиея (IGR IV 1142). С конца IV в. до н. э. и в течение эллинистического периода Зевс Полией почитался совместно с Афиной Полиадой (ILindos 56, 83), выступавшей нередко в ипостаси защитницы как Линдия, Иалиссия, Камира (см. IG XIV, 1, 786 = IGR IV 1150). Их совместное почитание сохранялось и в римскую эпоху (IG XII, 1, 57 = IGR IV 1119, 1144). Возникновение храма Зевса Полиея на Родосе относят к VIII в. до н. э., а синойкизм его культа и культа Афины, как и совместное жречество, к III в. до н. э. Философ-стоик Л. Анней Корнут утверждает, что Зевс Полией, Афина Полиада, Зевс Отчий считались защитниками города (L. Annaeus Cornutus 9, 37), что, вероятно, стало основанием для совместного культа Зевса Полиея и Афины Полиады (Линдии и т. п.). С. Пауль и Н. Бадю предполагают, что эпитет Полией/Полиада эксклюзивно ассоциируется с Зевсом и Афиной, почитавшимися в совместном культе, что подчеркивало связь их с полисом и роль как защитников территории города и общины

граждан, и это ярко проявилось в Афинах, на Родосе и Косе [Paul 2013, 313–316; 2015, 3–5; Badoud 2015, 45, 46, 169, 229]. Это был элемент гражданской идентичности в римскую эпоху [Paz de Hoz, Sanches, Molina Valero (eds.) 2016, 11].

В Лидии в почетных и надгробных надписях I–II вв. н. э. из Сард часто встречаются имена жрецов Зевса Полиея, иногда именуемого «наиболее могущественным» (IGR IV 1523; [Buckler, Robinson 1932, cat. 8. 133; 47.4; 48; Petzl 2019, no. 34. 592]. В городе существовал священный праздник Зевса Полиея и Артемиды (IGR IV 1756). В императорскую эпоху Зевса Полиея стали почитать в ипостаси Зевса Лидия как покровителя полиса, превратившегося в защитника всей страны, жрец которого стал эпонимом (*IvPergamon* II 268 = OGIS 437 = IGR IV. 297; [Robert 1960, 344; 1962, 298, not. 2]). В римскую эпоху культ Зевса Полиея стал официальным, связанным с почитанием верховной власти, в частности, римских цезарей. Его жрецы являлись и жрецами культа обожествленных цезарей (IGR IV 958, Самос).

Почитание Зевса Полиея вместе с женскими божествами выражало представления о рождении, победе жизни над смертью и в конечном счете о бессмертии. Это подчеркивало его функцию защитника, что и стало причиной связи культа с властью. Набор предметов, которые приносили или жертвовали Зевсу Полиею, свидетельствует о нем как о покровителе плодородия и богатства. Появление этого культа на Боспоре, в частности на городище Артезиан, характеризует его как поселение городского типа, подпадавшее под понятие «полис» в значении «община»²¹. Там находился храм Зевса, возможно, связанный с верховной властью, а сам бог выступал покровителем общины и окрестных территорий. Стол как предмет культа, по-видимому, использовался жрецами для организации коллективных трапез почитателей бога.

Посвящение стола Зевсу Полиею было сделано за царя Полемона I и царицу Пифодориду. Понтийский царь Полемон I, союзник Марка Антония, обязанный ему царством, прибыл на Боспор в 14 г. до н. э. по решению Октавиана Августа и Агриппы. Склонив к покорности население европейского и, возможно, частично, азиатского Боспора, Полемон по повелению Августа упрочил власть браком с царицей Динамией, законной наследницей престола (Dio Cass. 54, 24. 4). Однако вскоре женился на Пифодориде, дочери Пифодора из Тралл и Антонии, дочери Марка Антония [Strab. XII. 3, 29]. В 9/8 г. до н. э. царь погиб, сражаясь с аспургианами в Синдике [Сапрыкин 1996, 308–319; 2002, 114–122; 2008, 50–52; Thonemann 2004, 144–149]. Пифодорида с тремя детьми осталась вдовой, но сохранила царский титул и власть над всеми доменами мужа (Strab. XI. 2, 11). В 3 г. до н. э. император Август одобрил ее брак с каппадокийским царем Архелаем (Strab. XII. 3, 29; [см. Сапрыкин 1996, 326]). Ко времени ее вдовства относятся надписи Пифодориды из Гермонассы – ее посвящение Ливии, жене императора Августа [Болтунова 1989, 86–91], а также посвящение императору Августу из Пантикапея [Сапрыкин, Федосеев 2009, 138–147], сделанные, по всей видимости, вскоре после гибели супруга. Посвящение Теона из Артезиана появилось раньше, во время совместного правления Полемона I и Пифодориды, о чем сообщает Страбон [XII. 3, 29] и теперь впервые засвидетельствовано в эпиграфических источниках. Таким образом, его следует датировать приблизительно в пределах 14/12–9/8 гг. до н. э.

²¹ Кл. Птолемей называет поселения Восточного Крыма «полисами» (Ptol. III. 6. 5).

В Понте Полемон I титуловался Βασιλέως Πολέμωνος εὐσεβοῦς (*WBR* I², 1, 2, p. 21 no 17, 17a, 18). Это зафиксировано на монетах и в одной из надписей Херсонеса Таврического (*IOSPE* I² 704). В источниках он именуется царь Полемон или просто Полемон, иногда с эпитетом «благочестивый», как, например, в известной надписи из Амфиополя (*SEG* III. 2. 498): Πολέ[μων...]ς εὐσεβῆς πατήρ²². На Боспоре, как видно из публикуемой надписи, его титул включал эпитет «благочестивый», который он носил на протяжении всего царствования. В 26 г. до н. э., перейдя от Антония к Октавиану Августу, он был внесен в списки друзей и союзников Рима (*Dio Cass.* 53. 25. 1–2). Последняя строка первого столбца относится к Пифодориде, где по остаткам букв восстанавливается ее эпитет – Филометора. Он засвидетельствован в надписи под ее статуей в Афинах (*IG* II² 3483 = *IG* III 547), под статуей ее сына Зенона из Смирны (*IGR* IV 1407) и в одном из декретов Кизика в честь ее дочери Антонии Трифены и ее сыновей (*IGR* IV 144). Он выражает любовь и уважение к ее матери Антонии Еввергетиде, благодаря которой она получила в мужа царя Понта и Боспора, а после его смерти стала ключевой фигурой на Римском Востоке.

Посвящение за понтийско-боспорских царственных особ сделано Теоном (Θέων), очевидно, греком. Это имя дважды засвидетельствовано на Боспоре в Танаисе (*CIRB* 1287, 1288 = *LGPN* IV 168), было достаточно популярно в Македонии, Фракии, Малой Азии – Каппадокии, Пафлагонии, Фригии, Писидии, Кибире (*LGPN* V.C. 186) и других местах. Имя Ἡραῖος, патронимик Теона, встречается на Боспоре неоднократно, оно известно в Херсонесе Таврическом, Фракии (*CIRB* 166, 692, 986, 1137 = *LGPN* IV 153), Карии (*LGPN* V.B 184), Афинах (*LGPN* II 204) и других местах, но отсутствует в Каппадокии и Понте. Поэтому Теон, сын Герая, скорее всего, являлся выходцем с Боспора. Учитывая богатое убранство стола, он мог быть как-то связан с Полемоном I. Это особенно знаменательно, так как Полемон I так и не стал у боспорцев популярной фигурой.

Итак, стол-трапеза из Артезиана – важнейший источник по истории Боспора в эллинистическое и раннеимператорское время, к сожалению, сохранившийся очень плохо. После посвящения Перисадом III, сыном царя Левкона II, Аполлону Врачу его декорировали *овами*, затем посвятили в храм или святилище Зевса Полиея за понтийских царей Полемона I и Пифодориду. Позднее он использовался почитателями культа в святилище, а еще позднее служил в качестве алтаря. Литеры В и Г, оставленные каменотесами, могли появиться при переделывании стола в I в. до н. э. После разрушения поселения и, очевидно, храма в результате войны с Митридатом III, стол использовался во внешней алтарной постройке. Надпись сбили, левый край плиты обрезают и тогда же на ее поверхности появились метки N и O. Они сохранились очень отчетливо и имеют глубокие углубления-бороздки, что вряд ли стало бы возможным при нанесении их одновременно с надписями времени Спартокидов и Полемона или ранее.

²² Амфипольская надпись почетная, в ней перечислены члены семьи Полемонидов, в разное время оказавшие благодеяния городу амфиполитян – дети Антонии Трифены, дочери Полемона I и Пифодориды – внуки Полемона I: Котис, царь Малой Армении и части Армении, Полемон II, царь Понта и Киликии, и старший сын Реметалк III, царь Фракии, посаженные на трон Калигулой в 38 г. н. э. Среди них упомянут «Полемон, благочестивый отец», очевидно, Полемон I, их дед (погиб в 9 г. до н. э.) [Сапрыкин 1993, 27–29]. Имена благодетелей разных лет нередко отмечали в более поздних надписях, особенно если это касалось царственных лиц.

Надпись на плите с тамгами

В 2000 г. при исследовании укреплений «Цитадель» на городище Артезиан на глубине 2,78 м на дне оборонительного рва первой половины I в. н. э. была найдена известняковая плита (длина 800×880 мм, ширина 812 мм, толщина 286–310 мм), поверхность которой серьезно повреждена, что отчасти сделано искусственно. Правая половина плиты утрачена, левая – также сбита, но достаточно ровно, очевидно, чтобы вставить ее в некое сооружение, оборотная сторона не обработана. Лицевая поверхность плиты тщательно сглажена, на ней сохранились две греческие монограммы и тамгообразные знаки, коих автор раскопок насчитал 15. Кроме них на плите просматриваются размашистые граффити, которые он посчитал нанесенными грабителями-мародерами. Монограммы и тамги нанесли на плиту в разное время: первоначально появились монограммы и тамги в верхней части камня, вырезанные в один ряд приблизительно по одной линии, их четкие контуры просматриваются очень отчетливо (их сохранилось 6). Позднее чуть ниже появился еще один тамгообразный знак, контуры которого менее четкие. Еще позднее сверху и снизу нанесли еще несколько знаков, они расположены хаотично, их прорезы совсем тонкие, едва заметны и, подчас, различаются с трудом. Совершенно очевидно, что сначала на плиту нанесли вырезанные в один ряд монограммы и тамги, а позднее добавляли другие знаки (рис. 7).

Однако нам бы хотелось прежде всего сконцентрировать внимание на греческой надписи, контуры которой просматриваются ниже линии монограмм и знаков. Она смещена в правую сторону и уходит в облом. Это доказывает, что первоначально плита была больше по размерам, а надпись располагалась в центре. Н. И. Винокуров и М. М. Чореф рассмотрели на камне только несколько букв: ...Α ...ΕΙΤΑΝ / ...Τ и датировали надпись ранее I в. до н. э. По их предположению, знаки на плите были высечены в период постройки или функционирования «Цитадели» городища Артезиан в I в. до н. э. – 46/47 гг. н. э. и все они вместе с монограммами образовывали одну композицию [Винокуров 2004, 79–88; Винокуров, Чореф 2021, 207–217].

Надпись, о которой идет речь, недавно была визуальнo изучена Ф. В. Шеловым-Коведяевым, который разобрал ряд букв и сделал исчерпывающе точные их обмеры, поэтому для ознакомления с техническим описанием литер отсылаем к его статье. Он прочитал следующий текст: ΣΑΥ[ΡΟΜ]Α[Τ]ΗΣ | ΑΜΤ v. ΡΟΙΜΗΤΑΛΚ[Ο]Υ | ΥΙΟΣ ΤΗ[Ν].. ΑΗΝ | [...]ΣΕΝΤΟ. В окончании стк. 4, по его мнению, можно восстановить слово [τύ]λην. В результате чего он предлагает такое чтение и перевод надписи: Σαυ[ρομ]ά[τ]ης | ΑΜΤ Ροιμητάλκ[ο]υ | υἱὸς τῆ[ν] τύ[λ]ην | [ἐνέω]σεντο – «Сав(ром)ат, сын Реметалк(а), вот эти (вор)ота (восста)новили (обновили?) (в год) 341». [Шелов-Коведяев 2023, 85–89]. Очевидно, автор этого прочтения имеет в виду, что Савромат, сын Реметалка, (и еще кто-то) восстановили ворота, иначе форма аориста 3 л. мн. числа не может относиться к одному Савромату. В противном случае следовало бы восстанавливать глагол в форме ἐνέωσαν. Станным выглядит употребление медиальной формы -σεντο = -σαντο – объяснять это локальной особенностью языка или влиянием предыдущего употребления в тексте звука Ε в высшей степени наивно. Точная дата, которая стоит в переводе, почему-то не фигурирует в реконструированном тексте. Предположение, что Савромат, сын Реметалка, принадлежал к клану Аспурга только лишь на основании

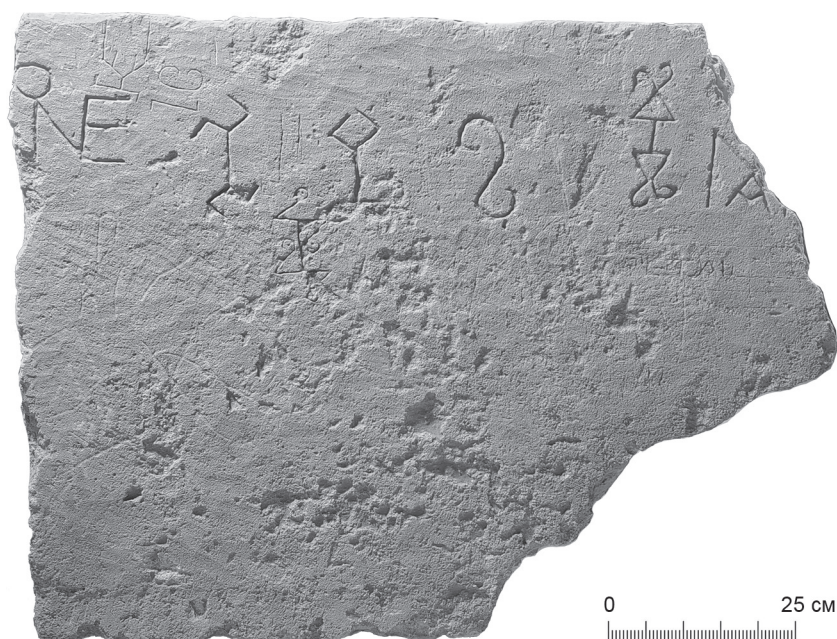

Рис. 7. Плита с тамгами из Артезиана. Фото Н. И. Винокурова

тамги этого царя в верхней части надписи, выглядит натянутым, ведь там выставлены и другие тамги и монограммы²³.

Даже при поверхностном осмотре плиты заметно, что надпись явно нанесли до появления тамг и монограмм и она не имеет ничего общего с тамгообразными знаками и монограммами. Ее тщательно затирали, сбивали, чтобы тамги и две явно греческие монограммы, процарапанные очень тщательно, могли быть заметны для наблюдателей. Прочтение надписи, а это во многом удалось сделать и разобрать сохранившиеся буквы только после фотографирования камня в высоком разрешении с использованием цифровых и 3D технологий (рис. 8), подтверждает данный вывод. Текст ее выглядит следующим образом (рис. 9):

Υπερ βα[σ]ιλέως [βασιλέων]	1
μεγάλο[υ] Φα[ρν]άκο[υ] βασιλέως Μιθ-]	2
ραδά[τ]ου Ε[ὺ]πάτο[ρ]ο[ς] [Διονύσου]	3
Δημή[τρι]ο[ς] Δ[ι]αφάν[ου]	4
ἀνέθη[κεν] ἐ[ὺ]χῆι	5

²³ Убедительная критика восстановления надписи Ф. В. Шеловым-Коведяевым сделана Н. В. Завойкиной [Завойкина 2023, 146–148]. Ее аргументы: прорисовка отсутствует; календарная дата в стк 2 между личным именем и отчеством донатора невозможна, ибо в надписях она всегда стоит в конце текста; в стк. 1 отсутствует место для эпонимной формулы; лигатура *альфы* и *лямбды* в стк. 2 невозможна, на камне видны *тау* и *лямбда*, но лигатуры в палеографии боспорских надписей встречаются не ранее II в. н. э.; фракийское имя Реметалка не увязывается с сарматской тамгой Аспурга, ибо Савромат, фракиец по отцу, не мог иметь родовую тамгу сираков, и имена Савромата и Реметалка не характерны для второй четверти I в. н. э. Исследовательница поддержала первоначальное мнение Н. И. Винокурова о датировке плиты первыми десятилетиями I в. н. э.

Перевод: «За царя (царей) великого Фарнака, (сына царя) Митридата Евпатора (Диониса) Деметрий сын Диафана? (...) посвятил по обету».

Надпись является посвящением, к сожалению, очень плохой сохранности, поэтому ее текст прочитывается с большим трудом. Строчки отделены друг от друга пятью продольными разметочными линиями. Расстояние между ними резчик не всегда выдерживал, поэтому некоторые буквы выходят за их пределы. В некоторых строках сохранились остатки букв в том виде, в каком их нанесли на оригинальную поверхность камня, но в основном это контуры букв в виде тонких линий наконечника резца. Они различимы только на фотографиях с высоким разрешением, правда, не всегда. Имя божества, которому адресован документ, не сохранилось из-за утраты правой стороны плиты. Сткк. 1–3 являются датировочной формулой, которая показывает, что посвящение сделано

Рис. 8. Лицевая сторона плиты с тамгами в высоком разрешении.
Фото Ю. М. Свойского

за «Царя царей великого Фарнака II, сына Митридата Евпатора Диониса». Стк. 4 восстанавливается предположительно: имя дедиканта, возможно, Деметрий, популярный греческий антропоним, в том числе на Боспоре (*CIRB index*, p. 862; ср. *LGPN IV* 93), но оно почти не сохранилось. В его отчестве просматриваются Δ, Φ, менее четкие следы Α и возможно Ν. Вполне допустимо, что это имя Διαφάνης (*LGPN I* 131, Хиос, Родос, Самос; III. А. 124, Спарта; IV 95, Византий; V. А 129, Эолида, Иония; V. С 113, Фригия) или Διαφάντης (*LGPN I* 131, Фасос; V. В 107, Кария, I в. до н. э. – I в. н. э.). Последнее имя довольно редкое, поэтому предпочтительнее первый вариант. Стк. 5: окончание строки

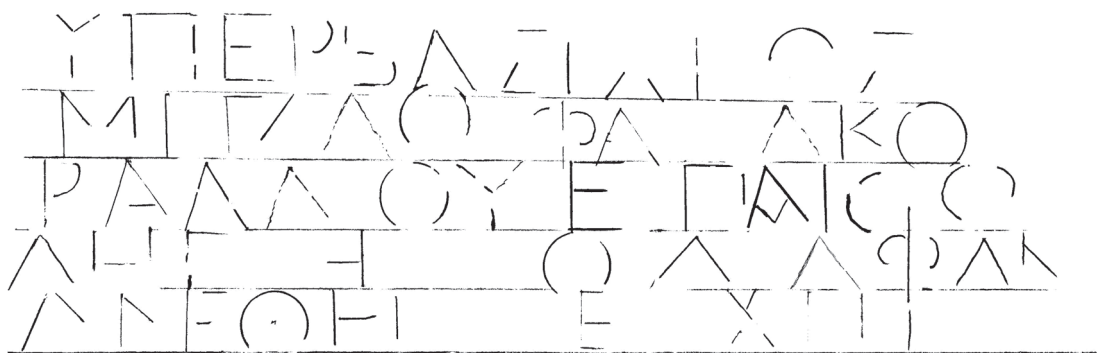

Рис. 9. Прорисовка надписи на плите с тамгами

не просматривается, в связи с чем заметные на камне буквы Ε и Χ (последняя нечеткая) позволяют предложить восстановление εὐχῆι или εὐχίην по аналогии со многими боспорскими посвящениями (CIRB 1283–1285, 1287, 1288).

Наибольшее историческое значение имеет упоминание имени и царской титулатуры Фарнака II. Надписи этого царя происходят в основном с Боспора. В 63 г. до н. э. он возглавил восстание в Пантикапее против своего отца Митридата Евпатора, за что получил от Помпея титул царя и эпитет «друг и союзник римлян» (App. Mithr. 113, 114; Bel. Civ. II. 92). Это вынудило его согласиться с предоставлением свободы и автономии Фанагории за то, что она возглавила восстание против Митридата VI. После этого Фарнак разыгрывал из себя друга Рима и показательно поддерживал политику Помпея. В Гермонассе была найдена посвятельная надпись Аполлону, поставленная за царя Фарнака, друга римлян, жрицей по имени Ма, одноименной понтийско-каппадокийской богине Ма-Беллоне (Павличенко 2007, 304 = SEG 57. 704 = Bull. ep. 2008. 420 = AE 2009. 1224). Отсутствие в ней упоминаний в титулатуре Фарнака, что он сын царя Митридата Евпатора и ахеменидского титула «царь царей», который носил его отец (SEG 37. 668 = [Яйленко 2010, 199–204 = Ballesteros Pastor 1995, 111–117]) и позднее сам Фарнак, а главное – включение в нее указания на дружбу с Римом, свидетельствует, что гермонасская надпись относится к 63 – середине 50-х гг. до н. э., когда Фарнак следовал в фарватере римской политики. Имя Фарнака, друга римлян, условно восстанавливают в посвятельной надписи в честь его дочери царицы Динамии из Танаиса ([Арсеньева, Беттгер, Виноградов 1996, 65]; SEG 45. 1020 = AE 2009. 1225), но уверенно реконструировать в ней имя и титул Динамии сложно. На камне сохранилось [βασιλέ]ως Φαρ[νάκου]²⁴, тогда эпитет «друг римлян» вполне уместен, а надпись можно отнести к первому «проримскому» периоду его правления.

К середине 50-х гг. до н. э., когда обострились отношения Помпея, покровителя Фарнака, и Гая Юлия Цезаря и к 48 г. до н. э. – разгром Помпея цезарианцами при Фарсале – положение Цезаря резко усилилось, Фарнак ужесточил свои отношения с Римом (App. Bel. Civ. II. 88; Suet. Caes. 63; Dio Cass. XLII. 62). В 55/54–51/50 гг. до н. э. он начал чеканить золотые статеры с титулатурой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ, своим портретом и датировкой по понтийской (митридатовой) эре [Анохин 1986, 146, № 216–220; Frolova, Ireland 2002, 33, 34, pl. XVII. 1–16]. Существует предположение, что этот титул перешел к Фарнаку от других царей и династов, правивших на территории бывшей державы Ахеменидов – Армении, Парфии, Мидии Атропатены и не означал отказа от дружбы с римлянами [Golenko, Karyszkowski 1972, 25–38]. На самом деле это демонстрировало неповиновение Риму, отказ от дружественных и союзнических обязательств, апелляцию к недружественной Риму Парфии, ориентацию на митридатские традиции и опору на союзных сарматских царей в связи с курсом на восстановление Панмитридатской державы отца [Сапрыкин 2002, 30–36; Ballesteros Pastor 2017, 297–303; Coşkun 2019, 86–113]. Ради этой, самой главной своей цели, Фарнак возродил, а не взял (или перенял) у кого-то ахеменидский титул «Великий царь царей», который

²⁴ Этот факт отмечен В. П. Яйленко [Яйленко 2010, 211]. Начало надписи можно восстановить как [Υπὲρ βασιλέ] ως Φαρ[νάκου φίλο] | [ρωμαίου εὐνοίας ἀ]ὐτοῦ ἕνεκα | [...].

имел его отец и потому служил раздражителем для римлян, ненавидевших Митридата Евпатора [Hoben 1969, 15; Muccioli 2013, 406–412]. В это время Фарнак осадил и взял Фанагорию, ликвидировав ее автономный статус, подтвержденный Римом (App. Mithr. 120), подчинил дандариев на азиатской стороне Боспора (App. Mithr. 120), для чего ему пришлось даже затопить их область, отведя одно из русел р. Кубань. В результате под его власть перешла вся Восточная Меотида до Танаиса (Strab. XI. 2, 11; 5, 8]. Укрепив тыл на Северном Кавказе, заручившись поддержкой аорсов и сираков [Strab. XI. 5, 8], Фарнак, титулованный уже Великим царем или «царем царей и Сотером», как свидетельствует надпись на архитраве какого-то сооружения с городища Артезиан, силой подчинил некую местность, м.б. город, на Европейском Боспоре и сделал посвящение Зевсу Генарху [Винокуров, Мацнев, Фесенко 2024, 152; Винокуров, Яйленко 2024, 257–297]. В одной из пантикапейских надписей восстанавливается титул и имя «Великий царь царей Фарнак, архонт Боспора, что в Европе, сделал посвящение Зевсу Генарху» (CIRB 29). Возможно, в этой надписи был упомянут Киммерик – городок на Европейском Боспоре, одноименный Киммерию на азиатской стороне, иначе указание на Европу не имело смысла²⁵. На свинцовой пластине, если она не является подделкой, Фарнак поименован «Великим царем царей» [Яйленко 2010, 212–220]. К этому периоду относится посвящение Артемиде самого Фарнака – «Царя царей, великого» (CIRB 28) и появление его титулатуры – «Великий царь Фарнак, происходящий от царя царей Митридата Евпатора Диониса», встречающейся в официальных надписях царицы Динамии (CIRB 31, 979; ср.: Иванчик, Тохтасьев 2009, 96; Яйленко 2010, 208–212).

Подкрепив силой свои позиции на Боспоре, Фарнак отправился в бесславный поход для восстановления державы отца. После поражения от Цезаря в 47 г. до н. э. он вернулся на Боспор с отрядом сарматских всадников и во время марша из Феодосии на Пантикапей был разбит узурпатором Асандром на Керченском полуострове, где и погиб (App. Mithr. 120; App. Bel. Civ. II. 92; Dio Cass. XLII. 48). Изложенное убедительно показывает, что посвящение из Артезиана за царя царей великого Фарнака, сына Митридата Евпатора Диониса, скорее всего, появилось между 55 и 48 гг. до н. э., либо до похода его в Малую Азию, либо во время похода в родовые владения Митридатидов. Вполне возможно, что оно было сделано в одно время с посвящением Фарнаком в Артезиане некоего архитектурного сооружения (портика или алтаря?) Зевсу Генарху. Вряд ли это произошло после поражения Фарнака при Зеле в 47 г. до н. э., так как у власти на Боспоре уже находился Асандр, а Фарнак так и не смог пробиться в столицу своего бывшего царства.

Надписи из Артезиана позволяют выдвинуть вполне вероятное предположение, что на поселении или в его окрестностях находился какой-то храмовый комплекс, где почитались Аполлон Врач и Зевс (в ипостасях Полией и Генарх). Он пользовался покровительством боспорских Спартокидов, Фарнака II и понтийских Полемонидов. В этой связи нельзя обойти значение тамг и монограмм на плите из Артезиана (рис. 7). Она, вероятно, была встроена в какое-то сооружение, скорее всего, в стену храма, поэтому

²⁵ Ср. [Яйленко 2010, 205–207; Vinogradov 1990, 552, no. 580]. Возможное восстановление в свете новых надписей: [Φαρνάκης ὁ βασιλεὺς βασιλέων | μέγας Κιμμερικόν? κ]ατὰ τὴν Εὐρώπην | [κ]ρατῆσας? ἀνέθηκεν] Διὶ Γενάρχῃ – «(Фарнак), царь царей, (великий, подчинив Киммерик?), что в Европе, (сделал посвящение) Зевсу Генарху».

раннюю надпись Фарнака намеренно уничтожили. Понимать монограмму МА в правой части этого ряда тамг как имя Махара, сына Митридата VI [Винокуров, Чореф 2021, 210; Шелов-Коведяев 2023, 85–89], вряд ли правильно. Подобные монограммы не засвидетельствованы на монетах Боспора времени его правления в 80–67 гг. до н. э. На них помещены совершенно другие варианты монограмм, скорее всего, принадлежавшие монетным чиновникам [Frolova, Ireland 2002, 24–31]. Монограмма похожа на многочисленные монограммы на монетах царей и городов Понта [Сапрыкин 1996, 114] и напоминает аббревиатуру личного имени, но вряд ли Махара, которое было вычеркнуто из словника Митридатидов за измену отцу. Прочтение монограммы NE или NEO как имени Неоптолема, стратега и наварха Митридата Евпатора [Винокуров, Чореф 2021, 210], также нереально. В годы Первой Митридатовой войны, в 86 г. до н. э., он был проклят царем и лишен привилегий за измену его брата Архелая и вряд ли его имя оставалось в официальной номенклатуре Понта и Боспора. Сомнительна и расшифровка монограммы как Оуε- (начало имени, т. к. сверху небольшой омикрон над N) [Шелов-Коведяев 2023, 85–89]. Скорее всего, это третья буква аббревиатуры NEO или NEΩ (ср. маленькую O сверху монограммы ΒΑΕ = ΒΑ(ΣΙΛΕΩΣ) ΠΟ(ΛΕΜΩΝΟΣ) Ε(ΥΣΕΒΟΥΣ) на монетах) [Анохин 1986, табл. 40. 39, 41; Frolova, Ireland 2002, 52–59, 63]. Монограмма NE близка монограмме KNE на золотых монетах 8/9 и 9/10 гг. н. э. [Frolova, Ireland 2002, 62, 63]. Аббревиатура NE на артезианской плите может быть дополнена как NE (ΩΚΟΡΟΙ) и могла обозначать храмовладельцев сакрального комплекса в районе поселения Артезиан. Среди них мог быть Аспург (на это указывает его тамга) и некие лица, имена которых скрывают их родовые тамги, в том числе лицо с аббревиатурой МА (далее ряд обрывается).

Список литературы

- Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 179.
- Анохин В. А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев, 253.
- Арсеньева Т. М., Беттгер Б., Виноградов Ю. Г. 1996. Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 3, 54–72.
- Белова Н. С. 1984. Новая надпись из Гермонассы и некоторые замечания о лапидарной эпиграфике Боспора III в. до н. э. // ВДИ. 2, 78–86.
- Бикерман Э. 1975. Хронология древнего мира. М., 334.
- Болтунова А. И., Книпович Т. Н. 1962. Очерк греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 3, 3–31.
- Болтунова А. И. 1989. Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1, 86–91.
- Борисова В. В. 1974. Мраморный рельеф // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев, 14–19.

- Василиев А. 1958. Казанлъшката гробница. София, 82.
- Виноградов Ю. А. 2017. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса. Симферополь, Керчь, 310.
- Виноградов Ю. Г. 1987. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1, 55–88.
- Винокуров Н. И. 1998. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 152.
- Винокуров Н. И. 2004. Плита с монограммами и тамгообразными знаками, найденная при раскопках «Цитадели» городища Артезиан // ДБ. 7, 79–88.
- Винокуров Н. И., Чореф М. М. 2021. К атрибуции символов на плите, найденной при раскопках Цитадели городища Артезиан в 2000 г. // Stratum plus. 6, 207–217.
- Винокуров Н. И., Мацнев Д. В., Фесенко А. В. 2024. Храм Зевса Генарха городища Артезиан: проблема астрономического и пространственного ориентирования // ПИФК. 3, 150–164.
- Винокуров Н. И., Яйленко В. П. 2024. Храм Зевса Генарха с посвятителной надписью царя Фарнака на городище Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 4, 257–297.
- Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. СПб, 320.
- Внуков С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17, 21–54.
- Голенко К. В. 1982. Новая монета царя Спартока // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 50–55.
- Граков, Б. Н. 1939. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 3, 231–317.
- Жебелев С. А. 1953. Северное Причерноморье. М.–Л., 387.
- Живкова Л. 1976. Казанлыкская гробница. М., 78.
- Завойкина Н. В. 2023. Сарматская тамга на медных монетах Аспурга: проблема интерпретации // Нуранис. 5, 132–152.
- Зограф А. Н. 1951. Античные монеты (МИА. 16). М.–Л., 262.
- Иванова А. П. 1961. Скульптура и живопись Боспора. Киев, 150.
- Иванчик А. И., Тохтасьев С. Р. 2009. Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 3, 95–107.
- Кнабе Г. С. 1986. Древний Рим – история и повседневность. М., 206.
- Крыжицкий С. Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 245.
- Кузнецов В. Д., Толстиков В. П. (ред.). 2017. Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 438.
- Латышев В. В. 1909. ПОНТИКА. СПб, 430.
- Молев Е. А. 1994. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 140.
- Павличенко Н. А. 2007. Новая надпись эпохи Фарнака, сына Митридата VI Евпатора, из Гермонассы // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. 2, 304–306.
- Пичикян И. Р. 1984. Малая Азия – Северное Причерноморье. М., 294.
- Ростовцев М. И. 1913/1914. Античная декоративная живопись на юге России. СПб, 537.
- Сапрыкин С. Ю. 1978. О культе Геракла в Херсонесе и Геракле в эпоху эллинизма // СА. 1, 38–52.

- Сапрыкин С. Ю. 1993. Из истории Понтийского царства Полемонидов // ВДИ. 2, 25–49.
- Сапрыкин С. Ю. 1996. Понтийское царство. М., 348.
- Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 271.
- Сапрыкин С. Ю. 2008. *Epigraphica Pontica I*: надпись Полемона из Зелы // ВДИ. 4, 41–54.
- Сапрыкин С. Ю., Федосеев Н. Ф. 2009. *Epigraphica Pontica II*: новая надпись Пифодориды из Пантикапея // ВДИ. 3, 138–147.
- Сапрыкин С. Ю. 2020. Гигиенонт – архонт на Боспоре // АВ. 29, 355–366.
- Сапрыкин С. Ю. 2020а. Боспорское черепичное клеймение. М., 320.
- Толстиков В. П., Асташова Н. С., Ломтадзе Г. А., Самар О. Ю., Тугушева О. В. 2017. Древнейший Пантикапей. От апойкии к полису. М., 400.
- Толстиков В. П. 2023. Археологические свидетельства катастрофы 480–475 гг. до н. э. в Пантикапее. Прощание с одной концепцией? // ПИФК. 3, 9–36.
- Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора. Ч. 2. М., 558.
- Фролова Н. А. 1999. Об изображении щита и меча на одном типе монет царя Левкона II (вторая половина III в. до н. э.) // ПИФК. VII, 310–325.
- Фролова Н. А. 2007. Каталог монет царей династии Спартокидов II в. до н. э. (Гигиенонта, Спартока, Перисадов) // ВДИ. 4, 70–115.
- Шелов Д. Б. 1953. Денежная реформа Левкона II // ВДИ. 1, 30–39.
- Шелов Д. Б. 1956. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н. э. М., 221.
- Шелов Д. Б. 1960. Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. 1, 208–214.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2023. Новое имя в сарматской династии Боспора? // Профессор Евгений Александрович Молев и современные проблемы антиковедения. Нижний Новгород, 79–89.
- Шкорпил В. В. 1915. Боспорские надписи, найденные в 1914 г. // ИАК. 58, 17–27.
- Шонов И. В. 2019. Монетная чеканка правителей Боспора VI–I вв. до н. э. Симферополь, 476.
- Яйленко В. П. 1990. Ольвия и Боспор в эллинистическое время // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 249–309.
- Яйленко В. П. 1995. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 204–272.
- Яйленко В. П. 2010. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 740.
- Andrianou D. 2006: Late Classical and Hellenistic Furniture and Furnishing in the Epigraphical Record // *Hesperia*. 75, 561–584.
- Andrianou D. 2006a: Chairs, Beds, and Tables: Evidence for Furnished Interiors in Hellenistic Greece // *Hesperia*. 75, 219–266.
- Archontidou-Argyri A. 1993. *Epidauros*. Athens, 76.
- Ascoug R. S., Harland P. A., Kloppenborg J. S. 2012. *Associations in the Graeco-Roman World*. A Sourcebook. Berlin, 432.
- Bandinelli B. 1970: *Rome. La fin de l'art antique*. Paris, 463.
- Badoud N. 2015. *Le temps de Rhodes. Une chronologie des inscriptions de la cité fondée sur l'étude de ses institutions*. Munich, 542.
- Ballesteros Pastor L. 1995. Notas sobre una inscripción de Nimfeo en honor de Mithridates Eupátor // *DHA*. 21, 111–117.

- Ballesteros Pastor L. 2017. Pharnakes II and His Title "King of Kings" // *Ancient West and East*. 16, 297–303.
- Bresson A. 1991. Recueil des inscriptions de la Pérée Rhodienne (Pérée intégrée). Paris, 251.
- Buck C. D. 1955 (repr. 1998). *The Greek Dialects*. Chicago, London, 373.
- Buckler W., Robinson D. 1932. *Sardis VII: Greek and Latin Inscriptions. Part I*. Leiden, 368.
- Carbon J.-M. 2017. At the Table of the Gods? Divine Appetites and Animal Sacrifice // *The Center for Hellenic Studies Research Bulletin*. V, 2, 3–14.
- Charbonneaux J., Martin R., Villard F. 1970. *Grèce hellénistique*. Paris, 422.
- Cohon R. 1985. *Greek and Roman Stone Supports with Decorative Reliefs*. Ann Arbor, 534.
- Coşkun A. 2019. The Course of Pharnakes II's Pontic and Bosporan Campaigns in 48/47 BC // *Phoenix*. 73/1–2, 86–113.
- Cox Bowerman H. 1913. *Roman Sacrificial Altars. An Archaeological Study*. Lancaster, 144.
- Decourt J.-C., Tziaphalis A. 2015. Un règlement religieux de la région de Larisa: cultes grecs et "orientaux" // *Kernos*. 28, 13–51.
- Déonna W. 1934/1938. *Le mobilier delien. Exploration archéologique de Délos faite par l'École française d'Athènes*. Paris, 406.
- Déonna W. 1934. *Le mobilier delienne* // *BCH*. 58, 1–90.
- Donceel-Voûte P. 1984. Un banquet funéraire perse en Paphlagonie // *Archéologie et religions de l'Anatolie ancienne*. Louvain-la-Neuve, 101–118.
- Ekroth G. 2002. *The Sacrificial Rituals of Greek Hero-Cults in the Archaic to the Early Hellenistic Periods*. Liege, 432.
- Frolova N., Ireland S. 2002. *The Coinage of the Bosporan Kingdom. From the First Century BC to the Middle of the First Century AD*. Oxford, 94 + LXII pls.
- Gajdukevič V. F. 1971. *Das Bosporanische Reich*. Berlin–Amsterdam, 608.
- Gill D. 1991. *Greek Cult Tables*. Garland, 91.
- Golenko K., Karyszkowski P. 1972. The Gold Coinage of King Pharnaces of the Bosporus // *NC*. 12, 25–38.
- Günther W. 1971. *Das Orakel von Didyma in hellenistischer Zeit*. Tübingen, 135.
- Haussoullier B. 1902. *Etudes sur l'histoire de Milet et du Didymeion*. Paris, X + 323.
- Hoben W. 1969. *Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischen Dynasten in den Machtkämpfen der ausgehenden römischen Republik*. Mainz, 245.
- Homolle T. 1899. *Décret de Delphes pour le roi Paerisadès* // *BCH*. 23, 96.
- Higbie C. 2003. *The Lindian Chronicle and the Greek Creation of the Past*. *Lindian Chronicle*. Oxford, 320.
- Hurwitt J. M. 2001. *The Athenian Acropolis: history, mythology, and archaeology from the Neolithic Era to the present*. Cambridge, XV + 384.
- Iwanowa A. P. 1962. *Das Grabrelief von Bosporus und Chersones* // *Das Altertum*. 8, 2, 88–101.
- Jameson M. H. 2014. *Cults and Rites in Ancient Greece. Essays on Religion and Society*. Cambridge, 362.
- Jeffery L. H. 1948. The Boustrophedon Sacral Inscriptions from the Agora // *Hesperia*. 17/2, 86–111.
- Lebreton S. 2015. Zeus Polieus à Athènes: les Bouphonies et au-delà // *Kernos*. 28, 85–110.
- Millis B. W. 2007. An Inscribed Funerary Monument from Corinth // *Hesperia*. 76, 359–364.

- Minns E. 1913. Scythians and Greeks. Cambridge, XI, 720.
- Missalidou-Despotidou V. 1997. Επιγραφές αρχαίας Μακεδονίας. Thessaloniki, 150.
- Montanari M. 2007. Trapezofori in marmo // Domus di Forum Sempronii: decorazione e arredo. Roma, 117–128.
- Moss C. R. 1988. Roman Marble Tables. Ann Arbor, 1852.
- Muccioli F. 2013. Gli epiteti ufficiali dei re ellenistici. Stuttgart, 562.
- Neer R. 2012. Sacrificing Stones. On Some Sculpture, mostly Athenian // Greek and Roman Animal Sacrifice. Ancient Victims, Modern Observers. Cambridge, 99–150.
- Pasinli A. 2005. Istanbul Archäologisches Museum. Istanbul, 206.
- Paul S. 2013. Cultes et sanctuaires de l'île de Cos. Liege, 440.
- Paul S. 2015. Local Pantheons in Motion: Synoicism and Patron Deities in Hellenistic Rhodes // CHS Research Bulletin. 3, 2, § 3–5.
- Paz de Hoz M., Sanches Hernandez J. P., Molina Valero C. (eds.) 2016. Between Tarhuntas and Zeus Polieus. Cultural Crossroads in the Temples and Cults of Graeco-Roman Anatolia (Colloquia Antiqua 17). Leuven–Paris–Bristol, 249.
- Petsas P. M., Hatzopoulos M. B., Gounaropoulou L., Paschidis P. 2000. Inscriptions du sanctuaire de la Mère des dieux autochthone de Leukopetra // Μελετήματα. 28. Athens, 76–78.
- Petzl G. 2019. Sardis: Greek and Latin Inscriptions. Part II: Finds from 1952 to 2017. Istanbul, 336.
- Presdocimi A. L., Marinetti A. 2010–2013. Rivista di epigrafia italica // Studi etruschi. 76. Ser. 3, 301–304.
- Rehm A. 1958. Didyma II. Berlin, XV + 391.
- Reinach S. 1900. Répertoire de reliefs grecs et romains. Paris, 493.
- Richter G. M. A. 1966. The Furniture of the Greeks, Etruscans and Romans. London, 369.
- Robert L. 1960. Recherches épigraphiques // REA. 62/3–4, 276–361.
- Robert L. 1962. Villes d'Asie Mineure. Paris, 511, 35 ill.
- Saverkina I. I. 1979. Römische Sarkophage in der Ermitage. Berlin, 63, Taf. 1–64.
- Schwarzmaier A., Scholl A., Maischberger M. 2012. Staatliche Museen zu Berlin. Di Antikensammlung. Berlin, 379.
- Sironen E. 2016. Variations of Supports for Verse Inscriptions in Roman Greece // L'épigramme dans tous ses états: épigraphique, littéraires, historiques. Lyon, 7–20.
- Smith D. R. 1973. The Coan Festival of Zeus Polieus // The Classical Journal. 69/1, 21–25.
- Smith D. R. 1973a: The Hieropoioi on Kos // Numen. 20/1, 38–47.
- Sokolowski F. 1969. Lois sacrées de cites grecques. Paris, 369.
- Stevens G. P. 1946. The Northeast Corner of the Parthenon // Hesperia. XV/1, 1–26.
- Thonemann P. J. 2004. Polemo, Son of Polemo (Dio LIX. 12. 2) // EA. 37, 144–149.
- Vinogradov Yu. G. 1997. Pontische Studien. Mainz, 703.
- Vinogradov Yu. G. 1990. Bulletin épigraphique // REG. 103, 552.
- Werner R. 1955. Die Dynastie der Spartokiden // Historia. IV, 412–444.
- Yavis C. G. 1949. Greek Altars. Origin and Typology. Saint-Louis, XXII + 266.

Summary

S. Yu. Saprykin, N. I. Vinokurov

**Table-trapeza and Greek inscriptions from the Artesian settlement
at the European Bosphorus**

The article is a publication of marble table – trapeza (altar) with traces of two Greek inscriptions discovered in 2022, and a Greek inscription on limestone plate found in 2000 (the site of Artesian in the European Bosphorus). The inscriptions and the table were destroyed in course of reconstructions of the site and its sacral complex. The authors describe the sacral complex linked with the table-altar, informing on how it had been discovered, the archaeological context of the find along with a number of analogies to this monument. Special attention is paid to the ornamental decoration of the table which is dated to the early Imperial time. The inscriptions on the table surface belong to different chronological periods – the first one, a dedication to Apollo Iatros by Paerisades III – king of Bosphorus, son of king Leucon II, is dated to the late 3rd – early 2nd c. BC. It allows to precise some details of enthronement and inheritance of power in the Spartocid royal house at that time. It was rubbed off and partly damaged while ornamenting the table on the eve of the 1 c. BC – 1 c. AD. The second inscription is a dedication of a certain Teon to Zeus Polieus for the king of Pontus Polemo I and Queen Pythodoris, his spouse after his former marriage to Queen Dynamis since arriving to Bosphorus in 14 BC. When the settlement was destroyed during the war between Bosphorus and Rome in 45–49 AD, the second inscription was completely damaged and the table became a part of the altar until its ruin in the 3rd c. AD after a strong earthquake. The third inscription regrettably in bad condition was a dedication to unknown deity probably by Demetrius, son of Diaphanes, made in honor of Pharnakes II the Great, son of king Mithridates Eupator Dionysus. It appeared in 55–47 BC when Pharnakes, a former friend of the Romans, changed his policy to be more aggressive towards Rome and took the Achaemenid title “King of kings, the Great” while preparing to restore his father’s Empire by force.

И. Е. Суриков

(Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Что писали (и чего не писали) некоторые ахеменидские подданные о позднеархаическом и раннеклассическом Боспоре

Толчком к написанию этой статьи стало посещение весной 2024 года выставки «Ахеменидский след в Северном Причерноморье», проходившей в Государственном музее Востока. Ее композиционным и смысловым центром являлся знаменитый фрагмент персидской надписи, который автору этих строк довелось видеть еще практически сразу после его находки, в 2016 году, в «недрах» культурного центра «Фанагория». Камень был окружен иранскими и иранизирующими артефактами самых разных эпох (вплоть до парфянских ритонов из Нисы); сопровождающие надписи гласили, как о чем-то твердо установленном и доказанном, о факте вхождения региона Боспора Киммерийского в состав державы Ахеменидов. И нам подумалось: ведь фактически уже сложилась некая «новая ортодоксия», переписана история Греко-персидских войн, в нее введен новый (и весьма значительный) эпизод. А дает ли достаточное основание для столь ответственного заключения изолированный эпиграфический памятник, смысл которого к тому же невнятен (из-за плохой сохранности)?

Интерес к идее о гипотетическом присоединении боспорского региона к Персии периодически проявлялся и ранее (см. полезный историографический обзор в: [Завойкин 2015]), но он необыкновенно обострился именно после того, как был открыт пресловутый фрагмент (editio princeps: [Кузнецов, Никитин 2018]). Объем литературы по этой теме с тех пор стал нарастать, можно сказать, в геометрической прогрессии; эта литература основательно (и критически) освещена в одной из последних по времени работ о надписи – статье В.Д. Кузнецова, существующей в русскоязычном и англоязычном вариантах [Кузнецов 2022; Kuznetsov 2023].

По отношению к находке исследователи разделились, так сказать, на энтузиастов и скептиков. Последние не то чтобы в меньшинстве, – скорее их голоса звучат менее громко и резонансно; не они, так сказать, «делают погоду» на этом исследовательском поле. К их числу принадлежат Э. Шавареби [Shavarebi 2019] Э.В. Рунг и О.Л. Габелко [Рунг, Габелко 2018; Габелко, Рунг 2020], А.С. Балахванцев [Балахванцев 2018], автор этих строк [Суриков 2020]. По их мнению, памятник не является безусловным свидетельством о том, что Боспор был действительно оккупирован Персией. Он мог быть доставлен в Северное

Причерноморье (уже как обломок) из какого-либо другого региона (относительно гипотетических обстоятельств как этой доставки, так и разрушения самой надписи высказывались разнообразные соображения, здесь согласия между участниками дискуссии нет).

Что касается энтузиастов, они уже вполне убеждены, что пресловутое завоевание имело место. К этой группе (которая несравненно более энергично, чем предыдущая, проводит свою точку зрения), кроме В.Д. Кузнецова, должны быть отнесены два известнейших специалиста, которые, к глубокому прискорбию, не столь давно один за другим ушли из жизни, – А. Аврам [Avram 2019; 2022; 2023¹] и Г.Р. Цецхладзе [Tsetskhladze 2018; 2019; 2021; 2023]. Как бы общим памятником им обоим стал коллективный труд – посвященный в основном именно той проблематике, которая рассматривается здесь, сборник статей «Ахемениды, Черное море и далее», который второй из этих исследователей готовил в память о первом, но и сам не дожил до выхода книги; завершать работу над ней пришлось многолетнему сотруднику и неоднократному соавтору Гочи Ревазовича – Дж. Харгрейву [Hargrave 2023]. Некоторые из других авторов этого сборника (Й. Визехефер, М.Ю. Трейстер, Ю.А. Виноградов) тоже склоняются (хотя осторожнее, менее категорично) к признанию возможности персидского владычества над Боспором [Wiesehöfer 2023; Treister 2023; Vinogradov 2023].

В этом «лагере», впрочем, разногласий тоже более чем достаточно. Нет единства мнений даже относительно того, при каком царе надпись была вырезана – при Дарии I или Ксерксе I. Ныне вариант с Дарием решительно преобладает, однако В.Д. Кузнецов по-прежнему настаивает на «кандидатуре» Ксеркса; в качестве весьма веского аргумента в пользу своей позиции он приводит важный нюанс археологического характера, на котором мы еще остановимся (он, как нам представляется, допускает не одну, а, как минимум, две интерпретации). Само собой разумеется, неодинаковы и точки зрения на более конкретную датировку надписи. Согласно Г.Р. Цецхладзе, она было установлена в 513 г. до н. э. [Tsetskhladze 2023, 20]², согласно А. Авраму – в 492 г. до н. э. [Avram 2022, 101], согласно В.Д. Кузнецову – в 480 г. до н. э. [Кузнецов 2022, 158].

Да и в целом процесс инкорпорирования Боспора в Ахеменидскую державу совершенно по-разному реконструируется теми учеными, которые это инкорпорирование признают. Но, как бы то ни было, все они делают очень далеко идущий вывод о том, что либо в 510-х гг. до н. э., либо около 480 г. до н. э. этот регион на время стал частью Персидского государства. Не можем, однако, не задаться вопросом: если бы такое событие, как покорение одной частей греческого мира «варварами»-персами, действительно состоялось – разве оно не было бы упомянуто в своих сочинениях эллинскими авторами,

¹ Работа, упомянутая последней, – посмертно опубликованная краткая заметка в жанре тезисов, но в ней содержатся весьма интересные соображения касательно «заморских греков» ахеменидских надписей; они требуют специального рассмотрения, и в конце статьи мы к ним вернемся.

² Г.Р. Цецхладзе полагает, что Дарий в ходе знаменитого скифского похода 513 г. до н. э. «прибыл в Фанагорию, где он... воздвиг надпись». Однако А. Авраам еще ранее того отметил, что это совершенно исключено: персидский царь в ходе этой экспедиции двигался по побережью только до Дуная, а затем углубился в степи Скифии [Avram 2022, 82], Фанагория же является приморским городом. Заметим со своей стороны: если бы Дарий, преследуя скифов, действительно дошел даже до Боспора Киммерийского, то он, надо полагать, вернулся бы потом в свою столицу несравненно более коротким путем к востоку от Понта, а не пошел бы длинной дорогой обратно к Дунаю, тем более что его войско испытывало трудности с провиантом.

особенно историками? Речь идет не о какой-то эпохе, совершенно не отраженной в нарративных источниках.

Есть несколько представителей раннего античного историописания, которые были особенно хорошо знакомы с персидскими делами. Во-первых, это, конечно же, Гекатей Милетский, в конце VI в. до н. э. создавший первую периегезу (Περὶ ἡγέσις Γῆς). Характерный факт: когда в 500 г. до н. э. лидеры ионийцев во главе с Аристагором, собравшись в Милете, решали вопрос о том, поднять ли восстание против чужеземного владычества, приглашенный на совет Гекатей пытался отговорить их от реализации этого замысла, «перечислив все подвластные Дарию народности (καταλέγων τὰ τε ἔθνη πάντα τῶν ἥρχε Δαρείος)» (Herod. V. 36). Из этого вытекает, что он их знал, причем именно *все*, как ясно сказано в свидетельстве.

Далее, следует упомянуть трех историков, которые до Геродота написали труды, специально посвященные проблематике, связанной с Ахеменидской державой и даже озаглавленные Περσικά, что можно перевести как «Персидские дела». Это Дионисий Милетский, Харон Лампсакский и Гелланик Лесбосский [Balcer 1987, 25]. Особенно пристально наблюдал за тем, что происходит в Персии, первый из перечисленных авторов³: после «Персидских дел» он выпустил еще и их продолжение – трактат «События после Дария» в пяти (!) книгах. Близок к ним Ксанф Лидийский (см. о нем: [Mehl 2004]), в «Лидийских делах» которого приводились обильные данные не только о Лидии как таковой, но и о Персии. Завершает эту плеяду, естественно, сам Геродот Галикарнаский. Только труд последнего дошел до нас полностью, а наследие остальных сохранилось только фрагментарно (оно проанализировано автором этих строк в [Суриков 2025]).

Заметим, что все вышеперечисленные авторы на протяжении части своих биографий являлись персидскими подданными. Гекатей стал таковым в молодости в результате завоевания Ионии Гарпагом, а остальные родились в этом подданстве⁴. Иными словами, с тем, что происходило в Ахеменидской державе, которая была *их собственным государством*, они были хорошо знакомы (да и сам характер их деятельности, понятно, обязывал их к такому знакомству).

Часть вышеназванных ранних историков (между прочим, некоторые из них одновременно были и географами) касалась в своих произведениях также тех или иных проблем, связанных с Причерноморьем и, в частности, с Боспором Киммерийским. Правда, упоминаний такого рода мы не имеем во фрагментах Дионисия, Харона и Ксанфа. А вот во фрагментах Гекатея и Гелланика некоторое количество информации о Боспоре имеется. Мы не столь давно рассмотрели ее, сведя воедино [Суриков 2022]; дублировать

³ Об интереснейшей фигуре Дионисия Милетского, почти полная утрата наследия которого особенно болезненна, см. едва ли не единственную в мировом антиковедении специальную работу [Суриков 2021].

⁴ Дионисий Милетский родился в 510-х гг. до н. э., когда его город входил в состав Ахеменидской державы. Время рождения Харона Лампсакского (он был моложе) не удастся установить с такой же степенью точности, но, во всяком случае, Лампсак до достаточно позднего времени находился под персидским контролем: еще в 465 г. до н. э. Артаксеркс I предоставил его на «кормление» бежавшему к его двору афинскому полководцу Фемистоклу (Thuc. I. 138. 5). Гелланик Лесбосский (Митиленский) родился в 496 г. до н. э. (Gell. XV. 23), когда шло Ионийское восстание; Лесбос участвовал в нем и, таким образом, в тот момент персам не подчинялся, но уже вскоре был приведен к покорности. О Ксанфе Лидийском – греке из Сард – и говорить не приходится. Наконец, персидское подданство Геродота при рождении оговаривается в большинстве монографических исследований об «отце истории» (например: [Myres 1953, 1]).

ее здесь не будем, просто отослав читателя к соответствующей статье. Но, хорошо зная этот материал, возьмемся категорично утверждать: в соответствующих пассажах милетянина и лесбосца нет *ни малейшего намека* на то, что Боспор когда-либо принадлежал Ахеменидам. Притом, например, об оккупации персами Фракии Гекатей хорошо знал и это знание продемонстрировал; в частности, в одном месте фракийского раздела его периегезы упоминается «Бориза, город персов» (Hecat. FGrHist. 1. F166; в связи с этим пассажем см.: [Vasilev 2016]).

Нам могут возразить: имея от автора только фрагменты, нельзя использовать *argumentum ex silentio*. Однако, повторим, есть ведь еще и Геродот – его «История» целиком в нашем распоряжении, и притом ее *главная* тема – экспансия Ахеменидской державы, вызвавшая в конечном счете Греко-персидские войны. Отсутствие упоминания об одном из важных эпизодов этой экспансии, притом имеющем прямое отношение к греческому миру (если такой эпизод имел место) было бы непростительным упущением со стороны великого историка, которое заставило бы поставить под сомнение саму его профессиональную компетентность.

Нужно сказать, что у Геродота Боспор Киммерийский вообще почти не фигурирует (единичные исключения: Herod. IV. 12; IV. 28; IV. 100), что в свое время побудило Т.В. Блаватскую выдвинуть экзотическую теорию «тенденциозного умолчания» [Блаватская 1959, 49 слл.]. В действительности дело, конечно, в том труд историка имел, повторим, определенную тему, и говорить о регионе, к этой теме не имевшем абсолютно никакого отношения, у автора просто не было резона. А между тем он с большей или меньшей степенью подробности пишет буквально обо всех странах, где персы осуществляли захваты, – от Киренаики до Западной Индии. Боспора в этом списке нет, что, надо полагать, не случайно.

И, между прочим, у Геродота молчанием дело не ограничивается. Он приводит хорошо известное свидетельство: «Даже колхи и их соседи до Кавказского хребта (до этих пор ведь простирается персидская держава, области же к северу от Кавказа уже не подчинены персам) налагают на себя подати в виде добровольных даров» (Herod. III. 97). Даже не очень ясно, что могут противопоставить сторонники теории, разбираемой нами, этим словам, прямым и недвусмысленным: τὰ δὲ πρὸς βορέην ἄνεμον τοῦ Καυκάσιος Περσέων οὐδὲν ἔτι φροντίζει. Что они припишут Геродоту: грубое невежество или злонамеренную ложь? Для столь серьезных обвинений требуется какая-то доказательная база.

Историк, обратив внимание, употребляет настоящее время, то есть имеет в виду ту ситуацию, которая имела место на момент написания им этих строк. Когда именно они писались – в точности, конечно, определить нельзя. Геродот уже работал над «Историей», как минимум, в 440-х гг. до н. э. (известно о его публичных чтениях в Афинах в этом десятилетии), а, с другой стороны, в этом труде упоминаются некоторые события времен начала Пелопоннесской войны. На этом основании делается вывод, что Геродот скончался (судя по всем признакам, не успев завершить дело своей жизни [Гаспаров 1997, 483–489]) в первой половине 420-х гг. до н. э. [Meister 1998, 470], каковой вывод, видимо, полностью соответствует действительности. Правда, в последние несколько десятилетий выдвигались ревизионистские гипотезы, согласно которым Геродот был еще жив и писал в 410-х гг. до н. э. [Fornara 1971] или даже в самом конце V в. до н. э.

[Irwin 2021], но они совершенно не выглядят обоснованными. Впрочем, эти нюансы сейчас для нас не столь уж и принципиальны. Важно другое: согласно «отцу истории», как в ту эпоху, в которую он писал, так и в ту эпоху, о которой он писал, Кавказ был северной границей ахеменидского проникновения.

Боспорский регион также иногда появляется у Геродота под именем Понта. В связи с этим напомним еще один очень знаменитый (и особенно известный нашим историкам Северного Причерноморья) пассаж: «В Абидосе Ксеркс увидел, как проходили через Геллеспонт корабли с грузом зерна из Понта на Эгину и Пелопоннес. Приближенные царя, заметив, что это вражеские корабли (ὥς ἐπύθοντο πολέμια εἶναι τὰ πλοῖα), хотели их захватить и смотрели на царя, ожидая его повеления. На вопрос Ксеркса, куда плывут эти корабли с грузом, приближенные отвечали: «К твоим врагам, владыка (ἐς τοὺς σοὺς πολέμιοις, ὃ δέσποτα), с грузом хлеба». Тогда Ксеркс сказал им: «Разве и мы не плывем туда же, куда и они, и не везем с собой хлеб и остальное продовольствие? Какой же вред от того, что эти люди доставляют нам хлеб?» (Herod. VII. 147).

Адресаты данной хлебной поставки определены советниками царя как «враги» с полным основанием: на момент похода был уже создан Эллинский союз [Kienast 2003], основу которого составляли пелопоннесские полисы; входила в него и Эгина (Herod. VII. 145). В точно такой же мере названы «вражескими» и суда, которые везут им зерно «из Понта», то есть, по всей видимости, с Боспора Киммерийского, жители которого как отправители товара врагам тоже оказываются врагами. Перед нами очередной аргумент, свидетельствующий против того, что боспориты в 480 г. до н. э. являлись персидскими подданными.

Кого противопоставляют Геродоту сторонники теории об ахеменидском завоевании Боспора? Ктесия Книдского, у которого есть краткое упоминание (в передаче патриарха Фотия) морского похода Ариарамна, сатрапа Каппадокии при Дарии I, на скифов, якобы имевшего место перед скифской экспедицией самого Дария (Ctes. FGrHist. 688. F13. 20). В данной связи следует сказать следующее. Во-первых, в отличие от Геродота, Ктесий не был современником Греко-персидских войн, а жил намного позже, и совершенно непонятно, откуда он мог почерпнуть эту информацию. Во-вторых, репутация Ктесия как ученого-историка крайне низка (ниже просто некуда), справедливо сказано о нем: «Независимо от того, каковы были источники Ктесия и методы, использовавшиеся Фотием при сокращении его труда, во всем повествовании о войнах (Греко-персидских – И. С.) содержится чрезвычайно мало того, что могло бы быть правдой, и нет вообще ничего, свидетельствующего о стремлении автора к истине и тщательному исследованию фактов. Вместо этого мы обнаруживаем все, что обычно связывается с Ктесием, – безумные данные о численности армий, неузнаваемых персонажей, упрощения, удивительную путаницу, хронологию, которая сбивает с толку, некоторую меру анахронизма и определенную степень пристрастности, а как результат – качество, являющееся специфической чертой поздних рассказов об этих войнах, и стремление к сенсационному, которое начинается отнюдь не с Эфора. Оно присутствует уже у Ктесия» [Bigwood 1978, 36].

Кстати, приведем соответствующее место из книдского историка: «... Дарий приказывает Ариарамну, сатрапу Каппадокии, переправиться к скифам и взять в плен мужчин и женщин. А тот, переправившись на 30 пентеконтерах, взял их в плен. Захватил

он и Марсагета, брата царя скифов, найдя его заключенным в оковы и подвергнутым дурному обращению его собственным братом». Даже при полном доверии к Ктесию из этого сообщения нельзя сделать вывод (если оставаться на почве фактов, а не прибегать к недопустимым натяжкам) о персидском завоевании Боспора Киммерийского. Ни о чем подобном в нем даже отдаленно не говорится.

Что касается Ктесия, поставим «вопрос ребром». Этот автор дает альтернативную по сравнению с геродотовской версией персидской и греческой истории конца VI – начала V в. до н. э., практически ни в чем не схожую с той, которая принадлежит его галикарнасскому коллеге. Что же, мы должны предпочесть эту версию книднина? Если уж мы принимаем такое решение, то мы должны проявить последовательность и предпочесть ее *целиком*, а не отчасти, не «в чем-то». Ибо нет ничего более методологически порочного, чем выборочный подход к свидетельствам, когда принимаются те из них, которые согласуются с отстаиваемой гипотезой, а те, которые не укладываются в нее, – отбрасываются. Такой подход *ad libitum* вопиюще субъективен.

Итак, если мы придаем источниковедческую значимость сообщениям Ктесия Книдского, то нам придется признать, что после упомянутой выше экспедиции Ариарамна события разворачивались следующим образом: «Скифарб же, царь скифов, разгневавшись, написал Дарию оскорбительное письмо, и Дарий ответил ему таким же. Дарий, собрав войско в 80 мириад и соорудив мосты через Боспор и Истр, переправился к скифам, проделав этот путь за 15 дней. Враждующие стороны послали друг другу луки; скифские оказались мощнее, и поэтому Дарий, обратившись в бегство, перешел через мосты и спешно разобрал их еще до переправы всего войска. И оставленные в Европе восемь мириад были перебиты Скифарбом. Дарий же, перейдя через мост, сжег дома и святилища халкедонян, поскольку они пытались разобрать бывшие около них мосты и уничтожили алтарь, который Дарий, переправившись, соорудил во имя Зевса Переправного. А Датис, возвращаясь из Понта и командуя мидийским флотом, опустошал острова и Элладу. В Марафоне же встречает его Мильтиад и побеждает варваров, причем гибнет и сам Датис; и его тело не было выдано персам, хотя они и просили об этом. А Дарий, возвратившись в страну персов, принес жертвы и проболев 30 дней, умирает, прожив 72 года, процарствовав же 31 год... Воцаряется сын Дария Ксеркс... Так вот, Ксеркс идет походом на эллинов – и за то, что калхедоняне, как уже было сказано, попытались разобрать мост, и за то, что они разрушили алтарь, который установил Дарий, и за то, что афиняне убили Датиса и не выдали его тело... Ксеркс же, собрав персидское войско без колесниц – восемьдесят мириад, – а также тысячу триер, двинулся на Элладу, построив мост в Абидосе. А лакедемонянин Демарат уже ранее пришел к нему, сопровождал его при переправе и отговаривал от нападения на Лакедемон. Ксеркс же атакует при Фермопилах Леонида, полководца лакедемонян, отрядом Артапана, в котором было десять тысяч; и персидские полчища были перебиты, в то время как у лакедемонян пало двое или трое. Затем он приказывает идти в атаку двадцати тысячам, но и они терпят поражение. Затем их бьют плетями, чтобы они лучше воевали, а они, побитые, еще раз проигрывают. На следующий же день он приказывает сражаться пятидесяти тысячам; когда и они ничего не добились, тогда он прекратил военные действия. А там присутствовали с войском фессалиец Форак и влиятельные

трахиняне Каллиад и Тимаферн. Ксеркс, призвав и их, и Демарата, и эфесянина Гегия, узнал от них, что лакедемонян не одолеть, если не окружить их. Персидское войско в четыре мириады прошло труднопроходимыми местами, причем вели его двое трахинян, и оказалось в тылу у лакедемонян; те, будучи окружены, мужественно сражались и все погибли. Ксеркс же вновь посылает на платейцев войско численностью 12 мириад, предводителем над ним поставив Мардония; а теми, кто натравил Ксеркса на платейцев, были фиванцы. Против персов выступает лакедемонянин Павсаний, имея с собой триста спартиатов, тысячу периеков и шесть тысяч воинов из других городов; персидское войско терпит полное поражение, а Мардоний, будучи ранен, обращается в бегство. Этот Мардоний послан Ксерксом разграбить святилище Аполлона и там, говорит Ктесий, погибает, когда выпал крупный град; Ксеркс о нем чрезвычайно скорбел. Ксеркс же стремится к самим Афинам, и афиняне, укомплектовав экипажами сто десять триер, бегут на Саламин. И Ксеркс обнаруживает город пустым и сжигает его, кроме акрополя: ведь некоторое количество людей, оставшись на нем, еще сражалось. Когда они ночью, наконец, бежали, был сожжен и акрополь. Ксеркс, придя оттуда в самое узкое место Аттики (называется оно Гераклием), стал насыпать дамбу по направлению к Саламину, рассчитывая переправиться на него сухим путем. По совету афинянина Фемистокла и Аристиды приглашают лучников с Крита, и они прибывают. Затем происходит морское сражение между персами и эллинами, причем персы имели более тысячи кораблей (командиром над ними был Оноф), а эллины – семьсот. Эллыны побеждают и уничтожают пятьсот персидских судов, а Ксеркс обращается в бегство, опять благодаря совету и уловке Аристиды и Фемистокла. Во всех же остальных битвах погибло двенадцать мириад персов. Ксеркс, переправившись в Азию и устремляясь в Сарды, отправлял Мегабиза разграбить святилище в Дельфах; когда же тот стал отказываться, отправляется туда евнух Матак (возможно, имя испорчено – И. С.), набравшийся наглости против Аполлона и намеревающийся всё разграбить. И вот, сделав это, он вернулся к Ксерксу» (Ctes. FGrHist. 688. F13. 20–31).

Здесь перед нами по-своему целостная картина, но кто из исследователей решится принять ее? Отметим главные, принципиальные расхождения между Ктесием и Геродотом. 1) У Ктесия, в отличие от Геродота, ничего не сказано об Ионийском восстании, положившем начало Греко-персидским войнам, и в результате сам этот конфликт оказывается каким-то немотивированным. 2) У Ктесия Датис отправляется на Афины из Понта (по контексту – сразу после скифской экспедиции Дария, которая, как бы ее ни датировать, проходила в 510-х гг. до н. э.), в то время как у Геродота – значительно позже и не из Понта, а из Киликии (Herod. VI. 95), что во всех отношениях вероятнее. 3) У Ктесия Датис гибнет при Марафоне (причем месть за него становится для Ксеркса важным мотивом похода на Грецию в 480 г. до н. э.), а у Геродота – остается в живых (Herod. VI. 118). 4) У Ктесия Платейская битва происходит сразу после прорыва персов через Фермопилы и ранее Саламинского морского сражения; тут, как говорится, комментарии излишни. 5) У Ктесия силы Павсания при Платеях исчислены так: 300 спартиатов (видимо, путаница с Фермопилами), 1000 периеков и 6000 воинов из других городов, помимо Спарты. Геродот приводит очень детальные численные данные (Herod. IX. 28–30), из которых видно, что общая численность армии Эллинского союза

составляла 110 тысяч человек, спартиатов в ней было 5000 и периеков – тоже 5000. 6) У Ктесия Мардоний в Платейской битве лишь ранен, у Геродота же убит (Herod. IX. 63). 7) У Ктесия Мардоний позже гибнет от града при попытке захватить святилище Аполлона в Дельфах; у Геродота говорится (Herod. VIII. 35–39) об этой операции персов (и о сопутствовавших ей природных катаклизмах, среди которых, однако, града нет), при этом она поставлена в правильный хронологический контекст (после Фермопил, до Саламина и Платей), а Мардоний в связи с ней вообще не упоминается. 8) У Ктесия при Саламине численность греческих судов обозначена несуразной цифрой 700, у Геродота их 380 (Herod. VIII. 82). 9) У Ктесия Саламинская битва оказывается последней в ахеменидской кампании в Греции; у Геродота, как уже отмечалось выше, за ней следует Платейское сражение. 10) У Ктесия Ксеркс, уже потерпев поражение и будучи изгнан из Европы, отправляет в Грецию новую экспедицию под командованием некоего евнуха со специальной целью разграбить Дельфийское святилище, и это успешно осуществляется; у Геродота подобная абсурдная акция, понятно, отсутствует.

Итак, если кто-то хочет признать историчность похода Ариарамна, фигурирующего у Ктесия (и только у него!), то он должен, сказав «а», сказать и «б», то есть согласиться с тем, что назревание и ход Греко-персидских войн корректнее изложил именно этот писатель, а не Геродот. Иными словами, что не было Ионийского восстания, что Платейская битва произошла раньше Саламинской, что в ней участвовали 300 спартиатов, что Мардоний в ней не погиб... Ибо, повторим, выхватить из пространного свидетельства, в корне и насквозь некорректного, одну детальку (поход Ариарамна), объявить ее правдивой и основывать на ней далеко идущие построения – совершенно недопустимо. Даже странно, что мы вынуждены объяснять такие элементарные вещи опытным, квалифицированным коллегам⁵.

* * *

Мы попытались показать, почему не выдерживает критики точка зрения о персидском завоевании Боспора Киммерийского в 510-х гг. до н. э., приверженцы которой прибегают к помощи такого, мягко говоря, более чем сомнительного союзника, как Ктесий.

⁵ Плохо, что «Персидские дела» Ктесия пока не переведены на русский (надо бы восполнить это упущение) и поэтому целиком этот трактат (то, что от него сохранилось) наши антиковеды в основном не читали. Такое чтение очень поучительно, оно дает полное понятие о том, что Ктесий не заслуживает доверия. Один современный исследователь [Meyer 2018] дает несколько более высокую оценку рассказу Ктесия об афинской экспедиции в Египет в конце 460-х – 450-х гг. до н. э. (Ctes. FGrHist. 688. F14. 36–39). Здесь нужно оговорить, что Геродот до этой фазы вооруженного конфликта между эллинами и Ахеменидской державой в своем повествовании не дошел, Фукидид же дает упомянутый эпизод лишь в предельно конспективном изложении (Thuc. I. 104, 109–110). Так что сравнивать Ктесиев пассаж, в общем-то, почти и не с чем. Но допустим даже, что здесь он действительно сохранил какие-то крупницы истины. Даже ученый, отстаивающий эту точку зрения, в конце своей статьи вынужден признать, что в данном случае перед нами редчайшее, экстраординарное исключение, а в целом книдский историк критикуется за вымыслы совершенно справедливо [Meyer 2018, 57]. Другой пример. В эпитоме Фотия «Персидские дела» Ктесия завершаются перечнем переходов на «Царской дороге» (Ctes. FGrHist. 688. F33). Это вроде бы выглядит признаком научного метода. Но то, что в трактате действительно содержался такой перечень, да еще в качестве «последнего аккорда» труда, недавно было поставлено под серьезное сомнение: «Трудно представить, чтобы такой красочный автор, как Ктесий, закончил свою работу прозаическим списком расстояний» [Almagor 2020, 161]. Соответственно, здесь предполагается чья-то интерполяция, ко Ктесию отношения не имеющая [Almagor 2020, 164].

Скажем еще несколько слов о том, почему особенно маловероятным представляется поход Ксеркса на Боспор в 480 г. до н. э. Благодаря Геродоту, мы прекрасно осведомлены, чем занимался Ксеркс на протяжении этого года: вторжением в Грецию, столь детально описанным у «отца истории». Одно из двух: или мы полностью отрицаем достоверность его рассказа об этой кампании (но в таком случае лучше вообще отказаться от изучения истории этих лет, потому что мы не сможем надежно установить в ней ровно ничего), или же придется признать, что в 480 г. до н. э. просто не обнаруживается хронологического отрезка, на протяжении которого Ксеркс ходил бы в Северное Причерноморье.

В том, что нападение персов на Грецию имело место именно в 480 г. до н. э., а не в каком-либо другом, сомневаться не приходится: это однозначно проистекает из базового синхронизма древнегреческой истории, установленного как раз Геродотом [Momigliano 1990, 38]. На языке того времени он звучал следующим образом: шестой год после смерти персидского царя Дария I соответствует году архонства Каллиада в Афинах. Переводя это в современные научные формулировки, получаем: поход Ксеркса на Грецию и морское сражение при Саламине состоялись именно в 480 г. до н. э. От этого синхронизма отталкивались впоследствии все историки – как античные, так и последующих эпох; он сохраняет всю свою силу и по сей день.

Итак, если есть год, в который гипотетическое ахеменидское завоевание Боспора заведомо не могло произойти, – это как раз тот самый год. Мы допускаем, конечно, что В.Д. Кузнецов, уверенно ставящий в составленной им хронологической таблице [Кузнецов 2022, 158] дату «480 г. до н. э.» при данном событии, имеет в виду дату *приблизительную* (т.е. 480 г. до н. э. плюс-минус, скажем, 1–2 года). Но и тогда всё равно ничего не выходит. На протяжении года-двух перед вторжением в Грецию Ксеркс усиленно занимался его подготовкой. Она тоже подробно обрисована у Геродота. Указываемая историком численность персидской армии, безусловно, несоразмерно завышена, с чем согласны все [Hignett 1963, 355; Welwei 1999, 52–53; Eder 2000, 609]. Однако, полагаем, не случайно на греков эта невиданная армия произвела совершенно подавляющее впечатление, породила легенды о том, как воины Ксеркса выпивали целые реки и т.п. (Herod. VII. 21). Царь явно сделал всё возможное, чтобы бросить на греческое направление максимум сил, какой только имелся в его распоряжении. И распылять эти силы, отделяя часть их для операции в Понте только потому, что этого хочется некоторым современным исследователям, он, конечно, не стал бы.

Ну, а после того, как персы потерпели в Греции поражение, речь о такой операции и вовсе идти не могла. В Греко-персидских войнах в 479 г. до н. э. произошел коренной перелом, стратегическая инициатива перешла к грекам, они стали атакующей стороной. Персам теперь приходилось обороняться, а не думать о новых территориальных приобретениях; напротив, в новых условиях их противники отбирали у них город за городом.

Остановимся теперь на том археологическом аргументе, который побуждает В.Д. Кузнецова и поныне решительно высказываться за то, что фанагорийская надпись принадлежит Ксерксу, а не Дарию, в то время как остальные коллеги уже сделали выбор в пользу последнего. Их понять можно: имя Дария в сохранившемся фрагменте надписи действительно читается, а вот все попытки прочесть в ней имя Ксеркса результатов не дали. Но можно понять и В.Д. Кузнецова, который подходит к вопросу с позиций

практикующего археолога, указывая, что именно археологический контекст, в котором был найден фрагмент, должен исключать время Дария [Кузнецов 2022, 147–156].

Контекст этот является следующим: «один закрытый комплекс, в котором обнаружена надпись, находится поверх другого, более раннего, связанного с другой катастрофой. Каждый из них имеет свою дату гибели» [Кузнецов 2022, 156]. Исходя из даты закрытия нижнего комплекса, в нем «могли находиться только те предметы, которые относятся ко времени 480–470 гг. до н. э. и раньше» [Кузнецов 2022, 148]. Иными словами, если бы надпись была установлена в Фанагории при Дарии, она попала бы именно в этот нижний комплекс. В верхний комплекс, который в 470-х гг. до н. э. закрыл собой нижний, а позже (около 440 г. до н. э.) и сам закрылся, она попасть никак не могла бы, поскольку этот второй комплекс начал формироваться тогда, когда Дария уже не было в живых. А тем не менее надпись парадоксальным образом обнаружена именно в нем.

Аргументация, представленная В.Д. Кузнецовым, действительно совершенно безупречна в археологическом плане. Надпись, установленная в Фанагории при Дарии, не могла бы оказаться в закрытом комплексе времен Ксеркса (и позднее). Владимир Дмитриевич делает из этого однозначное заключение: значит, она не является памятником времен Дария. А между тем возможен и альтернативный вывод: а если просто памятник времен Дария оказался не в своем контексте? Это как раз могло произойти в том случае, если надпись в Фанагории никогда не устанавливалась, а фрагмент происходит из другого места (как и было ранее предположено рядом антиковедов – Э. Шавареби, Э.В. Рунгом и О.Л. Габелко, автором этих строк) и был привезен на Боспор Киммерийский (в качестве одного из так называемых «блуждающих камней») позже. Причем именно значительно позже, после 470-х гг. до н. э. Этот ответ на вопрос, как нам представляется, ничуть не хуже позволяет найти выход из ситуации.

В заключение остановимся на наблюдениях А. Аврама [Avram 2023], касающихся упоминаний «заморских яванов» в ахеменидских надписях. «Яванами» (или «йауна»), как известно, в Персии (и в целом на Востоке) называли греков. Обычно (и, как представляется, вполне оправданно) это связывают с тем, что первыми греками, с которыми познакомились люди Востока были ионийцы (что логично, поскольку они по ареалу обитания действительно являлись самыми восточными из всех греков), которые называли себя, собственно, «ионами» (Ἴωνες), или – еще точнее, с учетом фонетики их диалекта – «иаонами» (Ἰάωνες). Правда, Мартин Бернал, в своей нашедшей «Черной Афине» выступивший горячим поборником «афроазиатских корней античной цивилизации», высказывался (уже начиная с первого тома этого увесистого издания [Bernal 1987]) в том духе, что всё обстояло как раз наоборот: это-де ионийцы приняли свое самоназвание с Востока. Однако отношение к концепции Бернала в кругу ученых является крайне неоднозначным: наряду с горячими энтузиастами у нее существуют и достаточно принципиальные критики (например, в критических тонах написана статья [Hall 1992]).

Однако вернемся к основной нити изложения. Наблюдения А. Аврама сводятся к следующему: в надписи DPe, относящейся к 518–513 гг. до н. э., т. е. ко времени даже еще до скифской экспедиции, «заморские яваны» уже фигурируют. Далее они появляются в надписи DSe (513/512 г. до н. э.) и в надписи XPh (486–480 гг. до н. э.). Исследователь вполне убежден, что «заморские яваны» во всех этих случаях – не кто иные, как

греки Северного Понта, выступающие, таким образом, в роли персидских подданных. Однако и здесь всё не так просто: предложенный Аврамом вариант – не единственный, возможны и другие.

Во-первых, под «заморскими яванами» могут иметься в виду греки островных полисов Эгеиды: они по отношению к Азиатскому материку тоже ведь находились «за морем». Про этих островитян Геродот пишет так: «После покорения Гарпагом материковых ионийцев островные ионийцы, устранившись подобной же участи, добровольно подчинились Киру (σφέας αὐτοὺς ἔδοσαν Κύρῳ)» (Herod. I. 179). Таким образом, они стали ахеменидскими подданными несколько позже, чем их собратья на материке, но все-таки тоже еще в царствование Кира.

Во-вторых, Ахемениды еще до Греко-персидских войн считали подвластными себе и некоторые города Балканской Греции, которые для них уж точно были «заморскими». Самый известный пример – Афины. В 506 г. до н. э. этим полисом из опасений перед проявлявшей враждебность к нему Спартой была предпринята попытка установления союзных отношений с Персией (Herod. V. 73); в последней это было воспринято как вступление в подданство, и персидские цари с того момента воспринимали Афины как регион их государства (см. известную статью Ф. Шахермайра «Афины как город Великого царя», переизданную в: [Schachermeyr 1974, 75–84]), что в их глазах давало им предлог для вмешательства в афинские дела. Инцидент с Афинами, правда, имел место позже установки вышеупомянутых надписей Дария с упоминанием «заморских яванов». Но ведь какие-то полисы Греции могли присягнуть на верность персам, то есть дать «землю и воду» (об этом дипломатическом ритуале см.: [Rung 2015]), и раньше. Если об этом нет свидетельств в имеющихся в нашем распоряжении источниках, то в данном случае *argumentum ex silentio* не имеет силы: как все прекрасно знают, источниковая база для рассматриваемого исторического периода отнюдь не является исчерпывающей, в ней есть более чем значительные пробелы.

* * *

Тематика данной статьи по мере ее написания претерпела некоторые изменения в сторону расширения по сравнению с первоначальным авторским замыслом: возникла необходимость не только рассмотреть релевантные данные греческих авторов, являвшихся персидскими подданными, но и привести ряд других доводов, говорящих против гипотезы о персидском завоевании Боспора Киммерийского (в конце VI в. до н. э., в конце V в. до н. э. или когда бы то ни было). Всё же мы решили не менять название, данное статье при начале работы над ней, пусть даже теперь оно и оказывается теперь несколько «маскирующим».

P.S. В совсем недавней работе (ставшей нам известной уже после окончания данной статьи) такой авторитетнейший и опытнейший археолог-классик (можно сказать, патриарх профессии), как В. П. Толстиков, не вступая в прямую дискуссию со сторонниками «ахеменидской» гипотезы (которая ему, разумеется, известна), тем не менее ответственно говорит [Толстиков 2024, 443], что разрушения, имевшие место в Пантикапее около 480 г. до н. э., связаны с нападением скифов (то есть отнюдь не персов).

Список литературы

- Балахванцев А. С. 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы международной научной конференции. Часть 1 / Под ред. В. Ю. Зуева, В. А. Хршановского. СПб., 61–65.
- Блаватская Т. В. 1959. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 160.
- Габелко О. Л., Рунг Э. В. 2020. Византий и Калхедон во время скифского похода Дария I // Аристей. 21, 139–155.
- Гаспаров М. Л. 1997. Избранные труды. Т. 1: О поэтах. М., 664.
- Завойкин А. А. 2015. Ахемениды и Боспор (историографический аспект проблемы) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1 (47), 240–261.
- Кузнецов В. Д. Ксеркс и Понт (Персидская надпись из Фанагории) // Нуранис. 4. 141–161.
- Кузнецов В. Д., Никитин А. Б. 2018. Древнеперсидская надпись из Фанагории // Фанагория. 6, 154–159.
- Рунг Э. В., Габелко О. Л. 2018. Скифский поход Дария I и древнеперсидская надпись из Фанагории // Вестник древней истории. 78/4, 847–869.
- Суриков И. Е. 2020. Несколько слов к вопросу о происхождении фрагмента древнеперсидской надписи, найденного в Фанагории // Древности Боспора. 25, 376–383.
- Суриков И. Е. 2021. Забытый историк Дионисий Милетский // Метаморфозы истории. 20, 20–35.
- Суриков И. Е. 2022. Данные древнейших греческих историков о регионе Боспора Киммерийского // Древности Боспора. 27, 282–297.
- Суриков И. Е. 2025. «Праотцы истории»: Древнейшие представители античной исторической науки. Т. 2: Персоналии. СПб., 672.
- Толстиков В. П. 2024. Храма Аполлона на акрополе Пантикапея. Новые материалы к воссозданию облика и истории // ДБ. 29, 437–474.
- Almagor E. 2020. The Royal Road from Herodotus to Xenophon (via Ctesias) // Aršāma and his World: The Bodleian Letters in Context / Ed. by C. J. Tuplin, J. Ma. Vol. III: Aršāma's World. Oxford, 147–185.
- Avram A. 2019. Remarques sur l'inscription achéménide de Phanagoria // East-West Dialogue: Individual and Society through Ages / Ed. by R. G. Tatomir. Bucharest, 15–24.
- Avram A. 2022. 519 BC: Persians Occupy the North Pontic Coast // Connecting the Ancient West and East: Studies Presented to Prof. Gocha R. Tsetskhladze / Ed. by J. Boardman, J. Hargrave, A. Avram, A. Podossinov. Leuven; Paris; Bristol, 75–108.
- Avram A. 2023. The Date of Some Achaemenid Royal Inscriptions and the Question of the Greeks "beyond the Sea" // The Achaemenids, the Black Sea and Beyond: New Evidence and Studies. A Volume Dedicated to the Memory of Prof. Alexandru Avram / Ed. by G. R. Tsetskhladze. Leuven, 197.

- Balcer J. M. 1987. Herodotus and Bisitun: Problems in Ancient Persian Historiography. Stuttgart, 166.
- Bernal M. 1987. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. Vol. 1: The Fabrication of Ancient Greece, 1785–1985. New Brunswick, XXXIII, 626.
- Bigwood J. M. 1978. Ctesias as Historian of the Persian Wars // *Phoenix*. 32/1, 19–41.
- Eder W. Perserkriege // *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike* / Ed. by H. Cancik, H. Schneider. Bd. 9: Or – Poi. Stuttgart; Weimar, 605–610.
- Fornara C. W. 1971. Evidence for the Date of Herodotus' Publication // *Journal of Hellenic Studies*. 91, 25–34.
- Hall E. 1992. When is a Myth not a Myth? Bernal's "Ancient Model" // *Arethusa*. 25/1, 181–201.
- Hargrave J. 2023. Preface // *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond: New Evidence and Studies. A Volume Dedicated to the Memory of Prof. Alexandru Avram* / Ed. by G. R. Tsatskheladze. Leuven, VII–IX.
- Hignett C. 1963. Xerxes' Invasion of Greece. Oxford, 496.
- Irwin E. 2021. Date of Composition // *The Herodotus Encyclopedia* / Ed. by C. Baron. Vol. 1 (A–D). Hoboken, 409–412.
- Kienast D. 2003. Der Hellenenbund von 481 v. Chr. // *Chiron*. 23, 43–77.
- Kuznetsov V. D. 2023. Xerxes and Pontus (An Old Persian Inscription from Phanagoria) // *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond: New Evidence and Studies. A Volume Dedicated to the Memory of Prof. Alexandru Avram* / Ed. by G. R. Tsatskheladze. Leuven, 59–84.
- Mehl A. 2004. Herodotus and Xanthus of Sardis Compared // *The World of Herodotus* / Ed. by V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 337–348.
- Meister K. 1998. Herodotos [1] // *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike* / Ed. by H. Cancik, H. Schneider. Bd. 5: Gru – Iug. Stuttgart; Weimar, 469–475.
- Meyer E. 2018. The Athenian Expedition to Egypt and the Value of Ctesias // *Phoenix*. 72/1–2, 43–61.
- Momigliano A. 1990. The Classical Foundations of Modern Historiography. Berkeley, 162.
- Myres J. L. 1953. Herodotus Father of History. Oxford, VIII, 317.
- Rung E. 2015. The Language of the Achaemenid Imperial Diplomacy towards the Greeks: The Meaning of Earth and Water // *Klio*. 97/2, 503–515.
- Schachermeyr F. 1974. Forschungen und Betrachtungen zur griechischen und römischen Geschichte. Wien, 456.
- Shavarebi E. 2019. An Inscription of Darius I from Phanagoria (DFa): Preliminary Report of a Work in Progress // *Arta*. 005, 1–15.
- Treister M. Gold Appliqués in the Achaemenid Style from the Baksy Kurgan in the Eastern Crimea // *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond: New Evidence and Studies. A Volume Dedicated to the Memory of Prof. Alexandru Avram* / Ed. by G. R. Tsatskheladze. Leuven, 117–140.
- Tsatskheladze G. R. 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': The Great King and the Cimmerian Bosphorus // *EYΔAIMΩN: Studies in Honour of Jan Bouzek* / Ed. by P. Pavúk, V. Klontza-Jaklová, A. Harding. Prague, 467–490.
- Tsatskheladze G. R. 2019. An Achaemenid Inscription from Phanagoria: Extending the Boundaries of Empire // *Ancient West and East*. 18, 113–151.

- Tsetskhladze G.R.* 2021. The Northern Black Sea // *A Companion to the Achaemenid Persian Empire* / Ed. by B. Jacobs, R. Rollinger. Vol. 1. Hoboken, 657–670.
- Tsetskhladze G.R.* 2023. The Achaemenid Impact on the Greek Cities and Local Peoples of the Northern Pontus // *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond: New Evidence and Studies. A Volume Dedicated to the Memory of Prof. Alexandru Avram* / Ed. by G.R. Tsetskhladze. Leuven, 1–27.
- Vasilev M.I.* 2016. Βόρυζα πόλις Ποντική // *The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches: Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity Held in Thessaloniki, 18–20 September 2015* / Ed. by M. Manolidakis. Oxford, 99–118.
- Vinogradov Y.A.* 2023. Achaemenid Elements in the Elite Culture of the Cimmerian Bosphorus // *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond: New Evidence and Studies. A Volume Dedicated to the Memory of Prof. Alexandru Avram* / Ed. by G.R. Tsetskhladze. Leuven, 99–115.
- Welwei K.-W.* 1999. Das klassische Athen: Demokratie und Machtpolitik im 5. und 4. Jahrhundert. Darmstadt, 468.
- Wiesehöfer J.* 2023. Xenophantos, the Spartocids and the Achaemenid-Persian Reach // *The Achaemenids, the Black Sea and Beyond: New Evidence and Studies. A Volume Dedicated to the Memory of Prof. Alexandru Avram* / Ed. by G.R. Tsetskhladze. Leuven, 89–98.

Summary

I.E. Surikov

What some Achaemenid subjects wrote (and did not write) on Late Archaic and Early Classical Bosphorus

The hypothesis of the Achaemenid conquest of the Cimmerian Bosphorus has become especially popular since the discovery of a fragmentary Old Persian inscription in Phanagoria. But the conquest in question, nevertheless, by no means can be considered a fact beyond any doubt. There are too few solid arguments for its sake (Ctesias' evidence on some Ariaramnes' expedition to Scythia is of little reliability and of little use), and there are a number of mighty arguments *contra*. Early Greek historians who wrote on the Persian affairs (many of them lived in the Persian Empire and were Achaemenid subjects) give not a slightest hint that Bosphorus was ever a part of that Empire. And one of them – Herodotus – states explicitly that the Persian power did not spread north of the Caucasus.

М. Ю. Трейстер*, Н. И. Сударев**

(* Независимый исследователь, г. Бонн;

** Институт археологии РАН, г. Москва)

Серебряные спиралевидные украшения Азиатского Боспора¹

Спиралевидные подвески появляются не позднее VII в. до н. э. в Ионии и на островах Эгейского моря и получают широкое распространение в архаический и классический период вплоть до IV в. до н. э. [Hadaczek 1903, 12–16; Robinson 1941, 90–91; Laffineur 1978, 139–146; Higgins 1980, 126–127; Philipp 1981, 115–116; Deppert-Lippitz 1985, 124, 129–130; Despini 1996, 31–32; Castor 2008, 10–11; Pülz 2009, 86–87, Taf. 22; Koukoulidou et alii 2017, 225–226, 253, notes 214–216]. Не исключение и Северное Причерноморье. Остановимся на одном из вариантов таких подвесок – серебряных спиралевидных украшениях Азиатского Боспора с накладными наконечниками и манжетами, которые рассматриваются в контексте аналогичных украшений из золота и серебра, найденных там же, а также во Фракии и Македонии, Малой Азии и Южной Италии. Одновременно рассмотрим близкую группы украшений, которые имеют в плане омеговидную форму с окончаниями, отогнутыми наружу и цельнолитые серебряные и бронзовые спиралевидные украшения.

Спиралевидные украшения Северного Причерноморья с накладными наконечниками и манжетами

Небольшая группа спиралевидных украшений из золота (вариант I, по классификации П. Ф. Силантьевой) датируется первой половиной V в. до н. э. и происходит из некрополей Ольвии и Пантикапея. Их концы оформлены в виде пирамидок зерни, а манжеты – поперечными валиками² [Силантьева 1976, 124–125, рис. 2].

Значительно шире представлены золотые и серебряные спиралевидные подвески с наконечниками из накладных пластинок с филигранным декором и пирамидками

¹ Н.И. Сударевым подготовлен раздел о хронологии комплексов с подвесками с Таманского п-ова, каталожная часть – подготовлена совместно, остальная часть статьи написана М.Ю. Трейстером.

Н.И. Сударевым исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 23-18-00196 «Комплексные исследования нового городского некрополя архаического и классического времени Волна 1 на территории Азиатского Боспора»).

² См. одну из ольвийских подвесок также: Силантьева 1976, 124, рис. 2. б = Cat. Amsterdam 2004, 68, fig. 41; Калашиник 2014, 18, справа. Подвеску из Керчи ГЭ.П. 1911.3: Силантьева 1976, 124, рис. 2. в = Тарасова 2005, 516, рис. 1. 3.

из шариков зерни (манжеты по нижнему краю имеют треугольные выступы, украшенные напаянной зернью) (вариант II, по классификации П. Ф. Силантьевой). Они получают довольно большое распространение в середине V – середине IV в. до н. э., преимущественно на Боспоре [Силантьева 1976, 123; *Cat. Bloomington* 1995, 95], где представлены находками из курганного и грунтового некрополя Пантикапея [Силантьева 1976, 126, рис. 3. б; 127, № 4; 135, прим. 25; 127, рис. 5; 128, № 10, 11; 136, прим. 34, 35; *Cat. Amsterdam* 2004, 37, fig. 13; Калашиник 2014, 82–83], курганного некрополя Фанагории [Прушевская 1955, 337, 338, рис. 19; Силантьева 1976, 126, рис. 3. а, № 2 (Т. 1852.6); 126, рис. 3. в; 127, № 6, прим. 28 (Т. 1852.36); 126, рис. 4. а; 127, № 7 (ФА.1869.1); Тарасова 2005, 516, рис. 1. 4–5; Горончаровский 2016, 93, рис. 2. 5, 6; 95], а также курганного и грунтового некрополя Гермонассы [Силантьева 1976, 126, рис. 4. в; 128 (Т. 1870.46), № 9; 128–129, рис. 6. а; № 12, 136, note 38 (Т. 1874.5): бронзовые, обтянутые золотым листом; 129, рис. 6. б. № 13, 136, прим. 39 (Т. 1868.21)]. Вероятно, также из Северного Причерноморья (предположительно из Крыма) происходят височные подвески, хранящиеся в Берлине [Greifenhagen 1970, 43, Nr. 6, 7, Taf. 20; Platz-Horster 2001, 55–56, Nr. 33].

Аналогичные бронзовые подвески, обтянутые золотым листом, были найдены: в кургане № 3 на Павловском мысу в окрестностях Керчи, раскопанном А. Б. Ашиком в 1842 г. [Силантьева 1976, 128, № 10, рис. 5; 7. д (вариант III); *Cat. Malibu* 2007, 168, no. 70; Калашиник 2014, 82–83]; в районе ушей погребенной в каменной гробнице на г. Митридат, открытой А. Е. Люценко в 1854 г. [Силантьева 1976, 126–127, № 4, рис. 3. б; Williams, Ogden 1994, 152, no. 93 (ок. 400 г. до н. э.)]; на груди воина, погребенного в Семибратнем кургане № 6 [Силантьева 1976, 126, рис. 4. б; 128, № 8; 135, прим. 30; Тарасова 2005, 516, рис. 1. 6; Горончаровский 2016, 91, 93, рис. 2. 4] и в погребении № 4 кургана, раскопанного в 1869 г. Нимфее [Vickers 1979, 10, 42, pl. 11c; 2002, 36–37, pl. 12; Higgins 1980, 126, pl. 24c; Despini 1996, 87, no. 55, 221; *Cat. London* 2017, 288–289, no. 196]. Кроме того такие подвески с манжетами, украшенными спиралевидным декором, хранятся в Провиденсе [Hackens 1976, 58–60, no. 18; *Cat. Providence* 1983, 58–59, no. 11].

*Спиралевидные украшения Фракии и Македонии, Малой Азии и Южной Италии
с накладными наконечниками и манжетами*

За пределами Северного Причерноморья находки таких золотых височных подвесок известны во Фракии (Арабаджийска могила [Филов 1932–1933, 259, рис. 45. 1–2; 262, № 6; Filow 1934, 131, Abb. 155. 1, 2; 133, Nr. 6; Deppert-Lippitz 1985, 124, 129, Abb. 80; *Cat. Montreal* 1987, 153, no. 214; *Cat. Venice* 1989, 211, no. 178/3; Тонкова 2002, 495, рис. 1. 6; 498; *Cat. Bonn* 2004, 158, 161, Nr. 213e; *Cat. Basel* 2007, 188, Nr. 127e]); в Восточной Македонии и Западной Фракии, где золотые и серебряные подвески с накладными окончаниями [Babritsa 1970, 75, πίν. 111. β; 1971, 122, πίν. 159. α; 1983, 25, πίν. 29. β–γ; Tsatsopoulou 1990, 588, εικ. 11, слева; Piopoulou 2015, 120–121, εικ. 202–204], а также с манжетами, украшенными поперечными валиками (не накладными) [*Cat. Thessaloniki* 1997, 108, no. 96], в довольно значительном количестве (три пары золотых и десять экземпляров серебряных) происходят из некрополей Эгейской Месембрии-Зони (Эврос в Македонии), а также о. Фасоса [Sgorou, Agelarakis 2001, 340, fig. 21; 354, no. 32] и Самофракии [Dusenberry 1998, 960–962, S35-2; S37-2, S38-2, S57-8, S69-2; XS-367; Ilieva 2020, 134, 135, fig. 6. 5]. Аналогичная серебряная подвеска

происходит из раскопок Пидны [Cat. Thessaloniki 2007, 28, no. 5; Besios 2010, 178; Chatzi 2019, 36, fig. 27], а пара – из некрополя Аканфа (экспонируются в Музее Полигираса).

В некрополе Самофракии серебряные цельнолитые спиралевидные украшения, концы которых оформлены бусинами и валиками, известны в погребениях последней четверти VI – рубежа VI–V вв. до н. э. [Dusenberry 1998, 102–105, 121–125, 135]. Подобные украшения, но в бронзе, происходят из погребений некрополя Олинфа конца V – первой половины IV в. до н. э. [Robinson 1941, 88–91, nos. 307–314, pl. XVIII], а серебряные – из Халкидики, попали в Афинский Национальный Музей через коллекции Э. Стататос [Amandry 1953, 53–55, nos. 137–140, fig. 29. 9, pl. 24]³. Вероятно, также из Македонии происходят золотые и серебряные подвески из той же коллекции [Amandry 1963, 198–199, nos. 113–118, figs. 103–104, pl. XXX; Despini 1996, 88, 221, no. 56], которые отличаются оформлением наверший: вместо пирамидок, украшенных зернью, – пирамидки, образованные крупными шариками, украшенными мелкими шариками. Выделяются они и оформлением манжетов, украшенных противостоящими треугольниками из зерни, подобным оформлению украшений их Эгейской Месембрии. Пара аналогичных золотых подвесок хранится в коллекции Э. Боровски [Cat. Baltimore 1995, 177, no. 31; Cat. Jerusalem 2001, 80, no. 92], пара, предположительно из Пелопоннеса, в коллекции П. Канеллопулоса [Laffineur 1980, 374–375, no. 49, fig. 48], еще одна – из коллекции Б. Берри – в Блумингтоне [Cat. Bloomington 1995, 94–95, no. 21B]. Подобные же одиночные подвески из золота с аналогичными окончаниями хранятся в Лувре [Coche de la Ferté 1956, 58, pl. XVI. 2] и в Далласе [Deppe-Lippitz 1996, 69, no. 40; 131], а из серебра, приобретенная в Константинополе, в коллекции Нелидова [Pollak 1903, 74–75, no. 211, pl. X]. Близкое оформление окончаний в форме пирамидок из крупных шариков, дополнительно украшенных мелкими шариками, представлено на золотых украшениях из погребения позднеархаического – раннеклассического времени некрополя Ялиса на Родосе. Они выделяются тем, что в основании пирамидок имеется отогнутый наружу контурный край из полосы ионийского киматия, а манжеты оформлены *bead-and-reel* [Clara Rhodos III, 1929, 199, 200, no. 7, fig. 195]. Что же касается окончаний в форме пирамидок, образованных крупными шариками, в свою очередь, украшенными мелкими шариками зерни, то здесь очевидна связь с оформлением более ранних спиралевидных украшений Родоса VII в. до н. э. [Hoffmann, von Claer 1968, 95–96, Nr. 62; Laffineur 1978, 140–141, 235, no. 217, pl. XIV. 2].

Малая Азия и Кипр. Подвеска из золота или электра была найдена при раскопках «Львиной гробницы» в Ксанфе в Ликии [Demargne 1958, 32–33, pl. IV, below; Ergil 1983, 17, no. 11; Williams, Ogden 1994, 95; Meriçboyu 2001, 112–113, fig. 2; Dili 2011, 76–77, fig. 24], датирующейся ок. 540 г. до н. э. [Zahle 1975, 93; Seyer 2016, 78; 2020, 221–223]. Пара таких серебряных подвесок в собрании Б. Берри [Cat. Bloomington 1995, 93, no. 21A] может также происходить из-за пределов Северного Причерноморья, вероятно, из Восточного Средиземноморья, что косвенно подтверждается находкой пары золотых височных подвесок в погребении IV в. до н. э. некрополя Мариона на о. Кипр [Pieridis 1971, 31, pl. XX. 9]. У некоторых подвесок, в частности у находок из Ксанфа, Ким (бронзовый сердечник, обтянутый золотым листом) [Marshall 1911, 165–166, nos. 1585, 1586; Higgins 1980, 126,

³ См. также аналогичные серебряные подвески из частной коллекции: Naumann 1980, 35, Nr. 52, Taf. 11.

pl. 25e; Williams, Ogden 1994, 95, no. 47; Despini 1996, 32, 87, 221, no. 54, Williams 1996, 118, fig. 1; https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1877-0910-56; https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1877-0910-57] в Малой Азии, и Мариона у подвесок из коллекции Б. Берри, а также у одной из серебряных подвесок на аукционе в Базеле [Marshall 1911, 178, no. 1651, pl. XXX; Münzen und Medaillen 1970, 8–9, Nr. 8] помимо окончаний, пирамидальный выступ с зернью украшает и нижнюю часть спирали.

В отличие от изделий из Фракии и Македонии, находки из Малой Азии и Кипра имеют окончания в форме пирамидок из мелкой зерни – с этой точки зрения они близки подвескам из Северного Причерноморья⁴. В то же время, среди находок с территории Боспора или Ольвии [Cat. Amsterdam 2004, 68, fig. 41 нет примеров подвесок, у которых пирамидальный выступ с зернью украшал бы и нижнюю часть спирали. Напротив, за пределами Северного Причерноморья не встречаются достоверные находки подвесок с манжетами, украшенными спиралевидным декором, который, вероятнее всего, является признаком, характерным для изделий боспорских мастерских.

На Кипре получили распространение и спиралевидные украшения с окончаниями в форме головок львов или грифонов [Pieridis 1971, 29–30, pl. XIX; Deppert-Lippitz 1985, 151–152, Abb. 101; Laffineur 1986, 47, no. 230, figs. 56, 57; 1992, 9, pl. II; Williams, Ogden 1994, 237–239, nos. 171–174; Picón 2007, 251, 463, no. 292; Kaba 2016, 227, fig. 3].

Южная Италия. Происходящие из некрополя Тарента золотые спиралевидные украшения отличаются тем, что их окончания выполнены в форме женских головок [Cat. Baltimore 1979, 82–83, no. 254; Cat. Milan 1984, 138–140 (T. Schojer), 178–181, nos. 103–105; Berge, Alexander 1985, 28, nos. 55–56; Guzzo 1993, 89, 248–249, тип III; Williams, Ogden 1994, 212, no. 145; Уильямс, Огден 1995, 212, № 145; Cat. London 1994, no. 161; Kat. Berlin 1996, Nr. 161; Deppert-Lippitz 1996, 69, no. 43; 132: Cat. Trieste 2002, 249, no. 84.2] или головок баранов [Münzen und Medaillen 1970, 8–9, Nr. 10; Deppert-Lippitz 1985, 151–152, Abb. 102; 1996, 69, no. 41; 131–132]. В тех случаях, когда известен контекст, они происходят из комплексов, датирующихся в рамках второй половины IV – начала III в. до н. э.

Цельнолитые серебряные и бронзовые спиралевидные украшения Северного Причерноморья

Цельнолитые подвески аналогичной формы с пирамидальными окончаниями изготавливались также из серебра или бронзы (тип Ш, по классификации Н. В. Тарасовой [Тарасова 2005, 517–520]). Каталог (впрочем, неполный даже на момент публикации⁵) находок таких подвесок (преимущественно, бронзовых) в Греции как в святилищах, так и в некрополях был опубликован А. Кастор [Castor 2008, 10–12]⁶.

⁴ Пирамидки из зерни (из серебра) украшают и концы спиралевидного украшения из бронзы неизвестного происхождения, центральная часть дужки которого украшена напаянными розетками: Naumann 1980, 35, Nr. 51, Taf. 11. Напаянной розеткой украшена и дужка серебряного спиралевидного украшения из Эгейской Месембрии: Iliopoulou 2015, 120, еик. 202.

⁵ Не учтены, например, две пары серебряных спиралевидных украшений из раскопок 1911–1914 гг. некрополя Хале в Локриде [Walker, Goldman 1915, 425, fig. 2, внизу], которые датируют второй половиной V в. до н. э. [Walker, Goldman 1915, 426] или последней четвертью V в. до н. э. [Goldman, Jones 1942, 370].

⁶ См. также новую находку бронзовой [Koukoulidou et alii 2017, 209–211, fig. 60] и многочисленных серебряных [Koukoulidou et alii 2017, 225–226, figs. 93–98] подвесок в святилище на Китносе.

Новые находки бронзовой [Koukoulidou et alii 2017, 209–211, fig. 60] и многочисленных серебряных [Koukoulidou et alii 2017, 225–226, figs. 93–98] подвесок происходят из раскопок святилища на Китносе. Среди последних имеются образцы с накладными окончаниями с манжетами, украшенными как поперечными валиками [Koukoulidou et alii 2017, 225, fig. 94], так и напаянными отдельными шариками зерни [Koukoulidou et alii 2017, 225, fig. 95]; при этом окончания в форме пирамидок зерни встречаются редко [Koukoulidou et alii 2017, 225, figs. 95, 97]. Как правило, окончания гладкие, в форме пирамидок с одним шариком на конце. Нет ни одного примера находки подвесок с манжетами, украшенными спиралевидным декором. Новые находки серебряных и бронзовых спиралевидных подвесок происходят и из некрополей античных центров Западного Причерноморья: Севтополиса [Огенова-Маринова 1984, 177–178, № 108–109, рис. 3], Аполлонии [Hermay et alii 2010, 255, nos. M5; pl. 126. b (ок. 380 г. до н. э.); Chacheva 2015, 4, fig. 1, E5; 12, no. E5; 2016, 146, fig. 7, 5] и Месембрии [Кат. София 2021, 130, no. 100, 213 (color pl.) (из погребения № 1001 второй половины IV в. до н. э.)]. Аналогичные бронзовые подвески, предположительно происходящие из Македонии, хранятся в Мюнхене [Zahlhaas 1991, 35–36, Nr. 7, Abb. 4].

Находки таких серебряных подвесок зафиксированы в погребениях некрополей Ольвии [Cat. Amsterdam 2004, 69, fig. 42], Керкинитицы [Кутайсов, Ланцов 1989а, 4; 1989б, 2, рис. 1. 7], Панского [Stolba, Rogov 2012, 327, 332, K16–17, pls. 68, 71], Боспора Европейского⁷ и Азиатского⁸ [Венцова 2013, 117]. Пара серебряных [Kakhidze 2007, 222, fig. 62. 7] и пара бронзовых [Kakhidze 2007, 222, fig. 13. 11] украшений происходят из погребений V в. до н. э. греческого некрополя Пичвнари в Аджарии.

Многочисленные бронзовые спиралевидные подвески широко представлены находками из варварских VI – первой половины III вв. до н. э. могильников Западного и Восточного Крыма. Они были найдены в значительном количестве и в могильниках района Анапы – Новороссийска. Встречаются в большом количестве и в погребениях IV в. до н. э. меотов Прикубанья. Обзор этих находок представлен нами в публикации украшений из могильника Батырский 1 в окрестностях Новороссийска [Трейстер и др. 2025, 5–38].

Центры производства

Очевидно, что выделяется несколько регионов с концентрацией рассматриваемых находок. Во-первых, это Фракия (преимущественно побережье Эгейского моря), а также острова Самофракия, Фасос, и Македония. При этом в некрополе Самофракии серебряные цельнолитые спиралевидные украшения, концы которых оформлены бусинами

⁷ Пантикапей, могила 26/1903 [Шкорпил 1905, 8–9; могила 42/1907: Шкорпил 1910, 22–23]. – Нимфей, надежно датированные V в. до н. э. погребения [Грач 1999, 59, погребение A83, № 5; 96, погребение B11, № 1, рис. 39]. В погребении A107 некрополя Нимфея две бронзовые подвески рассматриваемого типа [Грач 1999, 63–64, № 1, табл. 63. 4] были найдены вместе с медной монетой Пантикапея 330–315 гг. до н. э. [Грач 1999, 64, № 5, табл. 63, 3] (отнесение самого погребения ко II в. до н. э., безусловно, ошибочное).

⁸ Курганный некрополь у ст. Сенной, 1855 г. [Герц 1870, 114; Застрожная 2014, 477; 2019, 56; Трейстер 2015, 18]. – Некрополь у м. Панагия [Коровина 1962, 305]. – Тирамба, могилы 4/1959, 7/1959, 9/1961 [Коровина 1968, 73, 81, рис. 33. слева и справа внизу]; могилы 136/1968, 144 и 145/1969 [Коровина 1987, 12, 17, 19, рис. 14, справа внизу]. – Некрополь у м. Тузла: могилы 73 (28), 109 (64), 123 (78)/1911 [Сорокина 1957, 24, 59, прим. 53]. – Западный некрополь Гермонассы [2008 г., погребение № 3: Ковальчук и др. 2010, 100, рис. 4, 3; 2012 г. раскоп V, кв. 2, погребение № 62 с краснофигурным squat лекифом. К. О. 13]. – Могильник «Батырский-1» в районе Новороссийска [Трейстер и др. 2025].

и валиками, происходят из погребений последней четверти VI – рубежа VI–V вв. до н. э. С другой стороны, находки бронзовых украшений из Олинфа свидетельствуют, что этот тип употреблялся вплоть до первой половины IV в. до н. э. Наряду с цельнолитыми спиралевидными украшениями известны и образцы из серебра и золота с накладными окончаниями в форме пирамидок, образованных крупными шариками, в свою очередь, украшенными мелкими шариками зерни, и манжетами, в частности, из некрополя Эгейской Месембрии. Особенности оформления окончаний указывают на связь с более ранними украшениями родосской школы второй половины VII в. до н. э.

Во-вторых, это сравнительно малочисленные украшения из Малой Азии и с Кипра, которые объединяет использование в качестве окончаний и дополнительных украшений дужки, четырехгранных пирамидок из зерни. Если исходить из датировки «Львиной гробницы» в Ксанфе, здесь такие украшения появляются не позднее середины VI в. до н. э. В третьей четверти V в. до н. э. они изображаются в ушах Афродиты на монетах правившего в Центральной Ликии династа Тетхивейби (см. ниже) и используются вплоть до IV в. до н. э.

В-третьих, это золотые украшения с окончаниями в форме женских головок и головок баранов из Южной Италии. Хотя находки с известным контекстом происходят из погребений некрополя Тарента второй половины IV – начала III в. до н. э., изображения таких украшений в ушах Аретузы в монетной чеканке Сиракуз (см. ниже) позволяют предполагать их распространение здесь не позднее последней четверти V в. до н. э.

В-четвертых, это украшения из Северного Причерноморья: Ольвии и, преимущественно, Боспора. Их связь с малоазийской группой подчеркивается использованием в качестве окончаний четырехгранных пирамидок из зерни. Небольшая группа датируется еще первой половиной V в. до н. э., их манжеты оформлены поперечными валиками. Значительно шире представлены золотые или серебряные спиралевидные подвески с наконечниками из накладных пластинок с филигранным декором, которые получают сравнительно широкое распространение в середине V – середине IV в. до н. э.

Отличие в оформлении, прежде всего, окончаний украшений является наряду с картографированием находок важным доказательством того, что в указанных регионах существовало их собственное изготовление

Гипотеза об производстве цельнолитых украшений в боспорских мастерских находит подтверждение находкой литейной формы в Нимфее [Силантьева 1976, 133, рис. 8; 134; *Treytser* 1992, 75, рис. 5. 4; 79–80; *Kam. Sm. Петербург* 1995, 261, рис. 2; *Cat. Amsterdam* 2004, 35, fig. 10; *Cat. Malibu* 2007, 58, 59, fig. 73a; *Калашиник* 2014, 18, внизу слева]. Также очевидно, что их отливали в разных центрах, о чем свидетельствует и форма для отливки таких подвесок, найденная в Истрии [Soja 1962, 139, fig. 12. 3; *Końkówna* 1980, 144–145, pl. XIX. 3]. Есть все основания предполагать, что бронзовые и серебряные подвески рассматриваемого типа даже на Боспоре могли изготавливаться в течение относительно продолжительного времени: в V – начале III в. до н. э.

Если сопоставить оформление манжетов подвески, отливавшейся в форме из Нимфея, с реальными находками, то очевидно, что в этой форме отливались подвески, манжеты которых были выполнены очень аккуратно и представляли собой ряд из трех округлых бусин, разделенных узкими дисками (так наз. *bead and reel pattern*). Сами же

пирамидальные окончания заканчивались правильными шариками. В реальности манжеты большинства бронзовых и серебряных подвесок выполнены значительно проще – они оформлены поперечными насечками или канавками. Более-менее близкое нимфейской форме оформление манжетов и окончаний представлено на бронзовой подвеске из погребения № 3/2016 раскопа 4 поселения Виноградный-7 [Сударев 2017, т. 2, 14–15, рис. 1915–1916] и паре подвесок, найденных на том же раскопе [Сударев 2017, т. 2, 163–164, рис. 3148, 3161] (с той разницей, что бусины разделены не одним, а двумя дисками), а также бронзовой подвеске из погребения № 151 некрополя у хут. Рассвет, которое датируют второй половиной VI–V в. до н. э. [Крушкол, Новичихин 2010, 181–182, рис. 204, № 2; Новичихин 2010, 229, рис. 227]. (Вряд ли эта датировка может быть убедительной, так как кроме подвески из этого разрушенного погребения происходит только красноглиняный кувшин, который, как отмечает автор, «близок сосудам конца V–IV вв. до н. э. могильника в Лобановой Щели» [Крушкол, Новичихин 2010, 181–182, рис. 204, № 1; Новичихин 2010, 217, рис. 222]). Соответственно, скорее можно говорить о том, что это подвеска датируется IV в. до н. э.

*Серебряные спиралевидные украшения Азиатского Боспора
с накладными наконечниками и манжетами*

Комплексы.

Волна 1⁹. Погребение 27. Совершено в простой могильной яме овальной формы. Костяк¹⁰ лежал вытянуто на спине, головой на юго-восток. Инвентарь, за исключением амфоровидной бронзовой подвески и двух пряслиц, находился слева от костяка, вдоль левой ноги. Подвеска найдена в районе шеи, а пряслица – тазовых костей. Остальной инвентарь состоял из спиралевидной подвески, чернолаковой солонки и арибаллического лекифа, лежавших слева от бедренной кости; чернолакового кубка и красноглиняной ойнохой – слева от костяка в районе стоп. Датировка: конец V в. до н. э. [Цокур и др. 2022а, 43].

Погребение 54. Совершено в аналогичной яме. Костяк¹¹ лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Инвентарь, кроме украшений, был расположен слева от ног костяка. В районе правого плеча была обнаружена спиралевидная подвеска. Вторая такая же располагалась между ног. Остальной инвентарь состоял из чернолаковой солонки, фрагментированного арибаллического лекифа со следами белой краски и бронзового перстня, лежавших компактно, слева от бедренных костей покойной. Ниже от уровня коленей до стопы: миниатюрная сероглиняная миска, кувшин красноглиняный и сероглиняный закрытый сосуд. Посуда раздавлена и полностью не восстанавливается.

Наиболее важной для датировки комплекса является чернолаковая солонка¹² [Цокур и др. 2022а, 68], которая относится к 330–320 гг. до н. э.

⁹ Инвентарь из погребений некрополя Волна 1 разбирался нами подробнее ранее [см. Цокур и др. 2022].

¹⁰ Женщина 20–25 лет.

¹¹ Женщины 25–40 лет.

¹² «Неглубокие миски с выпукло-вогнутым профилем», по классификации Б. Спаркса и Л. Талкотт [Sparkes, Talcott 1970, 130–131].

Погребение 114. Совершено в прямоугольной могильной яме со скругленными углами. Костяк взрослой женщины лежал головой на северо-восток, вытянуто на спине.

Инвентарь располагался слева от костяка. За головой обнаружена бронзовая игла. В районе черепа – набор предметов, вероятно, связанный с украшениями головного убора [Цокур и др. 2022а, 134–138]. В него входили пять спиралевидных бронзовых подвесок в виде незамкнутых колец¹³, колец, заходящих концами друг на друга и подвески в 2,5 оборота с серебряными насадками в виде виноградной грозди на обоих концах. В районе шеи находилась подвеска из желтого металла в виде головы льва с петлей для подвешивания. Дата погребения: последняя четверть V в. до н. э.

Погребение 133 совершено в аналогичной могиле. В нём находилось 4 костяка. Самой последней была похоронена женщина (костяк 2), лежавшая «вытянуто на спине», головой на восток. Инвентарь в основном располагался вдоль южной стенки ямы. Так как это стандартное положение для него в погребениях некрополя Волна 1, то разделить этот материал по отдельным индивидам довольно сложно. С большой долей вероятности к костяку 2 относится ожерелье из 21 бронзовой бусины, солонка, перстень бронзовый, зеркало бронзовое и три (?) спиралевидные подвески, а также, возможно, красноглиняная миска и находившийся под ней нож. Остальные предметы точно распределить не представляется возможным. Помимо указанных – здесь встречено 6 арибаллических лекифов (4 с пальметтами и два сетчатых), одна миниатюрная красноглиняная ольпочка, миниатюрная чернолаковая ольпа, красноглиняный кувшин, фрагмент бронзовой иглы и пастовая бусина. Самый поздний материал должен относиться к костяку 2.

Находки отсюда уже подробно рассматривались [Цокур и др. 2022b, 17–25]. В целом вещи датируются второй-третьей четвертями IV в. до н. э. При повторном изучении данных предметов мы особо остановились на солонке 1 кампанского производства, так как она довольно уверенно связана с находками спиралевидных подвесок. Ей есть близкие параллели в Ольвии [Chechulina 2024, 315, pl. 64. 1258], которые датируются 350–325 гг. до н. э. [Chechulina 2024, 225]. Каннелированные солонки не характерны для Аттики, но довольно регулярно встречаются среди продукции Южной Италии [Morel 1994, 51, 182, no. 2544] и датируются третьей четвертью IV в. до н. э. [Elliott 1998, 690; Palmentola 2007, 507, 508, tav. 43. i]. Этой датировке не противоречит и остальной материал из погребения. Арибаллические лекифы с пальметтами 1, 2, 7 и 8 датируются 340–330 гг. до н. э. [Kotitsa 2019, 214, 219, 221, ек. 1а, 2γ, 2η, 4]. Наиболее вероятной датой последнего погребения в этой могиле, таким образом, являются 340–330 гг. до н. э.

Погребение 140–29, вероятно, представляло собой сырцовый склеп с входом с восточной стороны [Цокур и др. 2022b, 75–81]. Здесь совершено три последовательных захоронения. Костяк первого принадлежал женщине. С этим погребением связана пара сосудов, лежавших перевернуто: миниатюрная чернолаковая мисочка и кубкообразное блюдо на ножке, спиралевидные подвески, бусы, свинцовое пряслице и пара сосудов, расположенная в ногах – амфора и ойнохоя. Усыпальница датируется второй-третьей

¹³ Одна из них находилась не в районе черепа, а рядом с кистью левой руки и, возможно, являлась простым кольцом.

четвертьями V в. до н. э. Остановимся на самых ранних вещах, связанных с костяком 1, к которому относятся и спиралевидные подвески.

По амфоре на сложнопрофилированной ножке («протофасосской») пятой серии [Монахов 2003, 41, табл. 26; 2020, 135, NA.7] и чернолаковой миниатюрной миске [Sparkes, Talcott 1970, 134, 296, fig. 9. 849] он датируется 475–450 гг. до н. э. Вероятно, самой ранней вещью является кубкообразное блюдо на высокой ножке, которое относится к концу VI в. до н. э. – 480 г. до н. э. [Буйских 2013, 139, № 9.215]. Этим же временем датируется и ионийский кольцевой аск [Цокур и др. 2022b, 81]. Таким образом, дата наиболее раннего погребения: начало второй четверти V в. до н. э.

Погребение 140–31 представляло собой прямоугольную яму с закругленными углами, содержавшую два костяка. Первый лежал вытянуто на спине, головой на восток. Костяк 2 был перемещен. Спиралевидная подвеска найдена у черепа костяка № 1. Кроме подвески у его правой руки найдено керамическое пряслице, а рядом – чернолаковая солонка. Справа, в районе живота, лежал арибаллический лекиф с сетчатым орнаментом. Слева, в районе левой голени стояла красноглиняная миска. Судя по положению инвентаря, он весь принадлежал последней погребенной.

Солонка по материалам Афинской агоры, Фасоса и Ольвии относится к 375–325 гг. до н. э. [Sparkes, Talcott 1970, 302, fig. 9. 936–938; Blondé 2007, 56, pl. 27. 2–5; Chechulina 2024, 223]. Этой датировке не противоречит и остальной материал из погребения [Цокур и др. 2022b, 85].

Погребение 140–42 – вновь яма с закругленными углами. В погребении вытянуто, на спине, головой на северо-восток лежал костяк женщины 25–40 лет.

Инвентарь был расположен между южной стенкой ямы и левой стороной костяка. Слева от черепа находилась бронзовая игла, у локтевой кости – красноглиняное блюдо на высокой ножке, между костей таза – накладка на конец спиралевидной подвески, у костей голени – миска лепная, красноглиняный килик и ойнохоя.

Блюдо на высокой ножке со следами полосатой окраски [Цокур и др. 2022b, 99]. Наиболее близкая аналогия происходит из погребения 50 некрополя Артющенко и датируется 470–460 гг. до н. э.¹⁴

Килик двуручный красноглиняный. Практически идентичный сосуд происходит из погребений 593/2018 (раскопки И. В. Цокур) и 574/2017–2018 (раскопки Р. А. Мимохода). Оба погребения уверенно датируются второй четвертью-серединой V в. до н. э.

Юго-восточный некрополь Фанагории. Курган № 3/2012, погребение № 1 представляло собой сырцовый ящик. Погребенная лежала вытянуто на спине, головой на запад. Погребальный инвентарь располагался справа, вдоль южной стенки. Справа от черепа найдена спиралевидная подвеска из серебра плохого качества или бронзы (рис. 1. 1), там же лежал на боку ч/л лекиф (рис. 1. 2); рядом с ним – миниатюрная чернолаковая мисочка (рис. 1. 3). В ногах на боку – раздавленный чернолаковый скифос (рис. 1. 4).

Миниатюрная мисочка относится к сосудам с загнутым внутрь краем на кольцевом поддоне [Sparkes, Talcott 1970, 134; Егорова 2017, 79]. Из материалов Афинской агоры наиболее близкие аналогии: № 861, 862 и 867, 868 [Sparkes, Talcott 1970, 297–298],

¹⁴ Благодарим С. В. Кашаева за любезную консультацию и возможность ознакомиться с материалом.

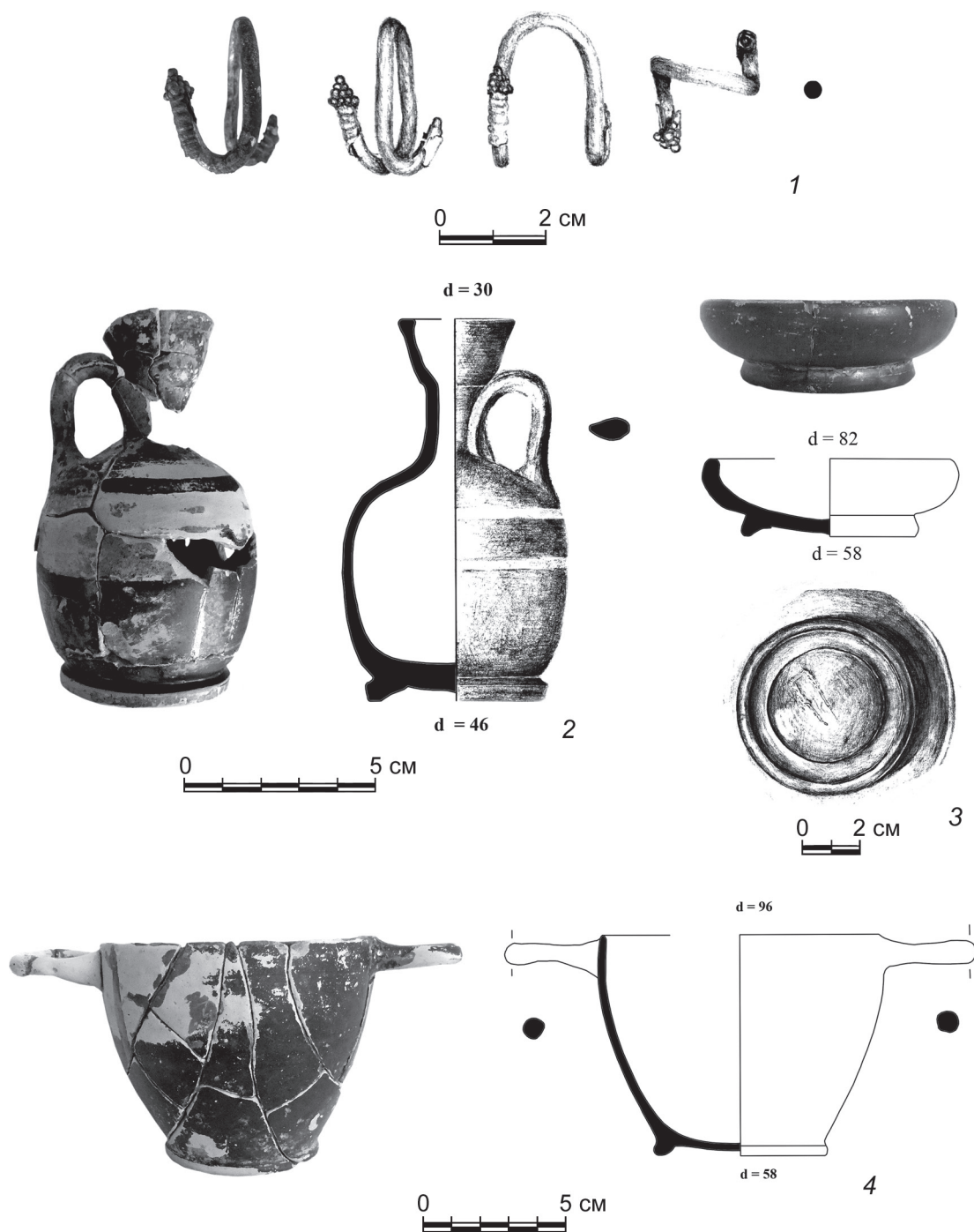

Рис. 1. Фанагория, юго-восточный некрополь, 2012, курган № 3, погребение № 1.
 Находки из погребения: 1 – спиралевидная подвеска; 2 – лекиф чернотокый;
 3 – мисочка миниатюрная чернотокая; 4 – скифос чернотокый.
 Фото и рисунки В. Ю. Кононова

а по материалам Ольвии – № 1121, 1122 [Chechulina 2024, 219]. Такие сосуды датируются около 430 г. до н. э.

Лекиф арибалический, чернолаковый относится к сосудам с узорами (patterned). Наиболее близкие аналогии датируются около 430–425 г. до н. э. [Sparkes, Talcott 1970, 154, nos. 1123–1128; Schlörb-Vierneisel 1966, 48–50; Цокур и др. 2022а, 126, 140–141; 2022b, 59].

Скифос чернолаковый аттического типа (Attic type). Датировка: 420 годы до н. э. [Sparkes, Talcott 1970, 259, no. 346; Chechulina 2024, 174]. Таким образом, дата данного погребения – не позже только что указанной.

Курган 1/2012, погребение № 12 представляет собой сырцовую могилу, содержащую вытянутое, на спине женское захоронение.

В ногах стояла амфора (рис. 2. 1), на уровне левой голени – чернолаковые блюдо на ножке (рис. 2. 2) и скифос (рис. 2. 3), на уровне правого плеча – чернолаковая солонка (рис. 2. 4) и бронзовое зеркало (рис. 2. 8). Справа от черепа, у височной кости, была расчищена серебряная спиралевидная подвеска (рис. 2. 5). Под кистью правой руки найден бронзовый перстень (рис. 2. 6). При разборе погребения – глиняное пряслице (рис. 2. 9) и вторая спиралевидная подвеска (рис. 2. 5).

Амфора на сложнопрофилированной ножке датируется первой половиной V в. до н. э. [Монахов 2003, 41–42; Монахов и др. 2020, 135, НА.7].

Аналогия блюду на высокой ножке – сосуд в погребении 140–45 (второй четверти V в. до н. э.) некрополя Волна 1 [Цокур и др. 2022b, 102–103].

Скифос чернолаковый датируется 470–450 гг. до н. э. [Sparkes, Talcott 1970, 259, 387, 392, no. 340].

Солонка чернолаковая относится к миниатюрным мискам с загнутым внутрь краем на кольцевом поддоне, ранним и массивным и датируется около середины V в. до н. э. [Sparkes, Talcott 1970, 134, 297, 384, 390, 394, no. 860].

Таким образом, дата погребения: вторая четверть V в. до н. э.

Раскоп II, погребение № 29. Совершено в могильной яме трапециевидной формы. вытянуто на спине, головой на восток.

Справа, у нижней челюсти, находилась спиралевидная подвеска (рис. 3. 1). У западной стенки ямы, на уровне левого бедра, стояла чернолаковая миниатюрная мисочка (рис. 3. 2). Слева от стоп – красноглиняный киаф без ручки (рис. 3. 3) и лепной горшочек (рис. 3. 4), рядом – костяная ворворка (рис. 3. 6). В области шеи и под черепом найдены 5 бляшек с изображением женской головы, возможно, Медузы, из золота (рис. 3. 5). Под нижней челюстью находилась медная монета (рис. 3. 7) и бляшка – пуговица из белого металла (рис. 3. 8).

Датировка погребения определяется по монете: Av. голова безбородого сатира вправо – Rv. ΠΑΝΤΙ, лук в горите, медь [Анохин 1986, № 113], 314–310 г. до н. э. Этой дате не противоречит и хронология миниатюрной мисочки [Sparkes, Talcott 1970, 134; Chechulina 2024, 93].

Артющенко-2, погребение № 6. Грунтовая яма с перекрытием. Костяк молодой женщины 15–20 лет лежал на спине вытянуто, головой на восток.

Инвентарь: чаша-скифос чернофигурный, зеркало бронзовое, лекиф цилиндрический, колечко бронзовое, блюдо на ножке чернолаковое, ойнохоя красноглиняная,

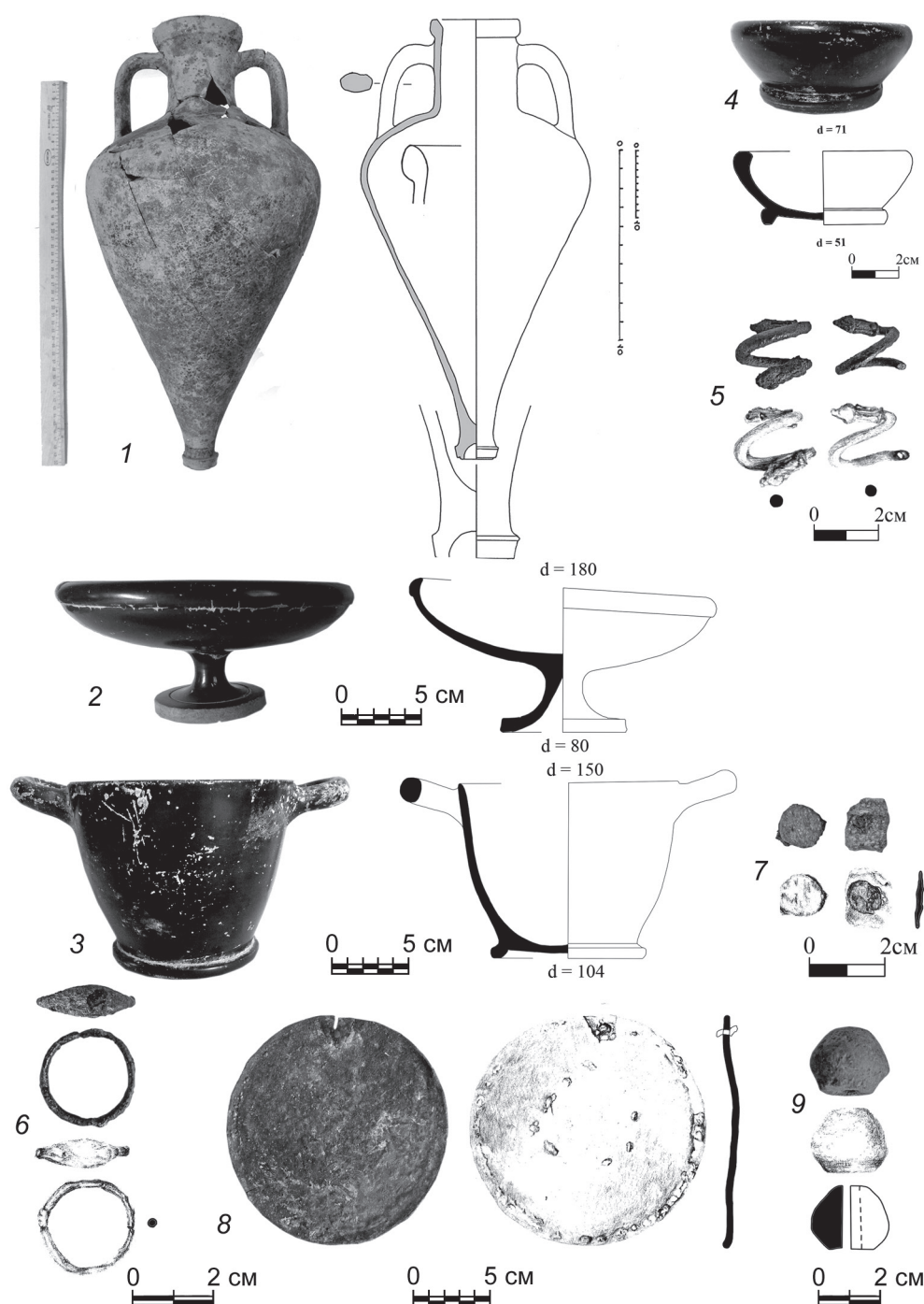

Рис. 2. Фанагория, юго-восточный некрополь, 2012, раскоп II, курган 1, погребение № 12. Находки из погребения: 1 – амфора на сложнопрофилированной ножке; 2 – блюдо на ножке чернолаковое; 3 – скифос чернолаковый; 4 – мисочка миниатюрная чернолаковая; 5 – спиралевидная подвеска; 6 – перстень бронзовый; 7 – предметы бронзовые; 8 – зеркало бронзовое; 9 – пряслице глиняное. Фото и рисунки В. Ю. Кононова

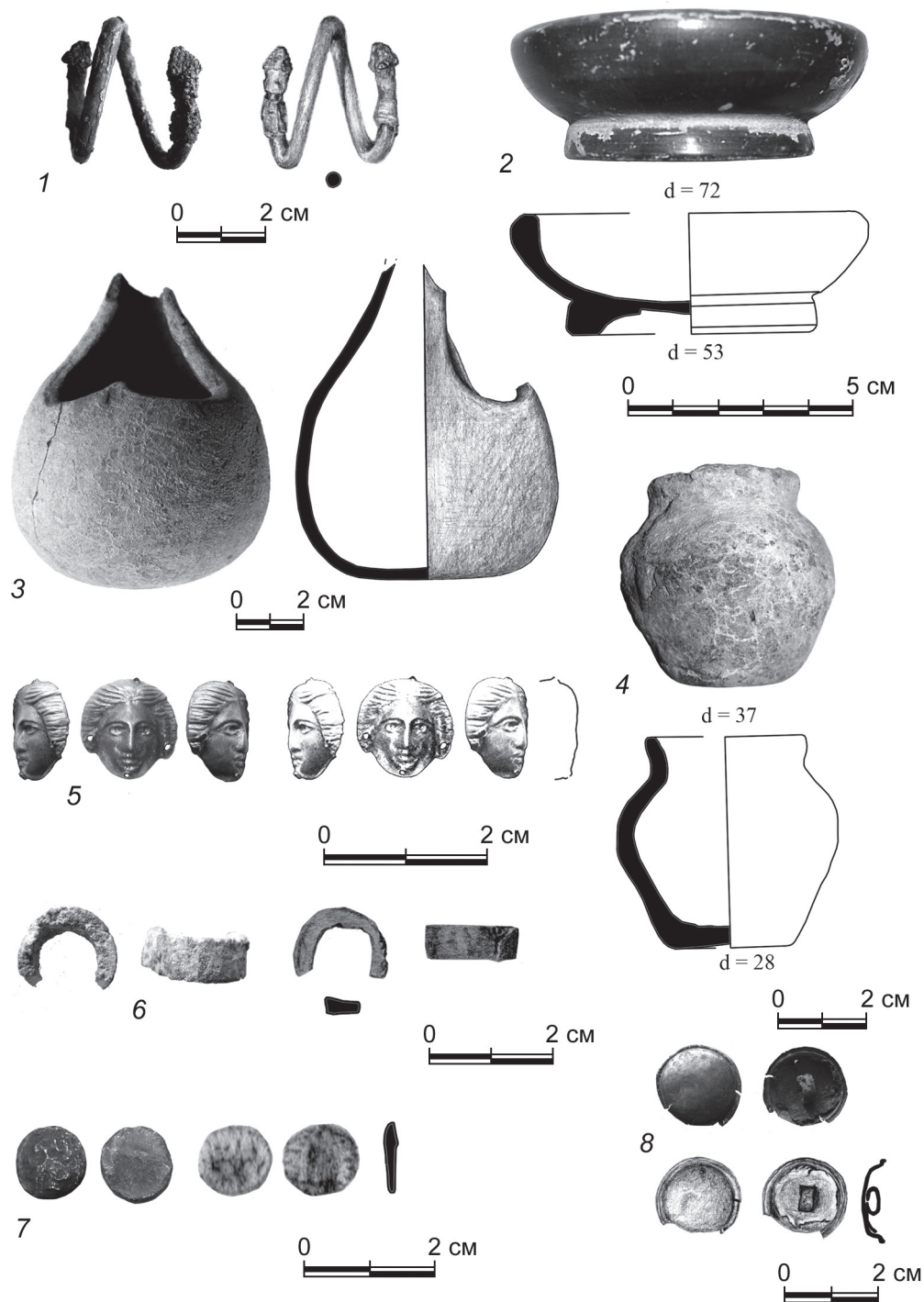

Рис. 3. Фанагория, юго-восточный некрополь, 2012, раскоп II, погребение № 29. Находки из погребения: 1 – спиралевидная подвеска; 2 – мисочка миниатюрная чернолаковая; 3 – красноглиняный киаф (без ручки); 4 – горшочек лепной; 5 – бляшка с изображением женской головы (Медузы?) золотая; 6 – ворворка костяная; 7 – монета бронзовая; 8 – бляшка/пуговица серебряная. Фото и рисунки В. Ю. Кононова

подвески спиральные, серебряные, 2 шт., костяные пластинки, 3 шт., бусина пастовая. Под чернолаковым киликом находилось еще несколько предметов: небольшой расписной скифос, стеклянный амфориск, бронзовая иголка и деталь игольницы. Бусины серебряные 6 шт. встречены в разных местах погребения.

Погребение было неоднократно опубликовано [Кашаев 2009, 194–197; 2021, 206–208] и датировано второй четвертью V в. до н. э.

Особенности украшений. Публикуя спиралевидные подвески Боспора, П. Ф. Силантьева уделила особое внимание находкам из золота или с бронзовой основой, обтянутой золотом, лишь мимоходом отмечая, что известны и серебряные подвески, происходящие из ранних раскопок в Керчи [Силантьева 1976, 133, рис. 9; 134]. Рассматриваемые в этой статье не цельнолитые серебряные подвески, а образцы, выполненные в той же технике, с отдельно изготовленными наконечниками форме пирамидок зерни и манжеты, в том числе и с филигранным спиралевидным декором, дают представление о более дешевом варианте спиралевидных украшений, который получил распространение также как и приведённые Силантьевой украшения, начиная со второй четверти V в. до н. э.

Не менее 25 комплектов и одиночных украшений этого типа происходят из раскопок некрополя Волна 1. К сожалению, значительная часть из них была найдена в сильно корродированном виде и с утраченными окончаниями. В некоторых случаях ясно, что на концах украшений были пирамидки из шариков зерни (погребения № 360, 376, 380, 404, 574, 583, 588, 623, 658) или, возможно, полусферические колпачки (погребение № 522).

Изредка можно дать более точные определения. Так, серебряные подвески из некрополей Фанагории и Волна 1 с накладными окончаниями, манжетами, украшенными поперечными валиками, и навершиями в виде пирамидок из шариков зерни (кат. № 1–3, рис. 4. 1–3) находят параллели среди золотых подвесок варианта I, по классификации Силантьевой, первой половины V в. до н. э. из Ольвии и Боспора [Силантьева 1976, 124–125, рис. 2]. Подвески из датированного второй половиной V в. до н. э. погребения № 27 (кат. № 6, рис. 5. 1) и погребения № 318/2017 (кат. № 8) некрополя Волна 1 могут быть скорее (точное определение невозможно, так декор центральной части манжет утрачен) отнесены к варианту II (манжеты между филигранными спиралями украшены шариками зерни) [Силантьева 1976, 124–128, рис. 3, 4; 7. а, в]. Подвеска из Вышестеблиевской 14 (кат. № 9, рис. 5. 3) по форме манжетов с треугольными выступами, украшенными напаянной зернью, близки подвескам варианта IV, по классификации П. Ф. Силантьевой, датированными первой половиной IV в. до н. э. [Силантьева 1976, 128–132, рис. 6; 7. ж–з]. При этом они отличаются тем, что треугольные выступы с зернью отделены от основной части манжетов не филигранной косичкой, а поясом ионийского киматия. Необычны подвески из двух комплексов некрополя Волна 1 – с накладными окончаниями, манжетами, украшенными поперечными валиками, и навершиями в виде полусфер (кат. № 4, 5, рис. 4. 4, 5). Аналогии им в золоте нам не известны. Подобное серебряное украшение происходит из раскопок Эгейской Месембрии [Babritsa 1970, 75, πιν. 111. β].

Назначение спиралевидных украшений. Предполагают, что эти украшения использовались в качестве височных подвесок и могли подвешиваться к ушам на шнурках [Силантьева 1976, 130; Кашаев 2009, 219; Stolba, Rogov 2012, 327] или серег [Williams 1996, 118; Castor 2008, 10–12; Koukoulidou et alii 2017, 225–226; Papaevangelou-Genakos 2017, 83–84],

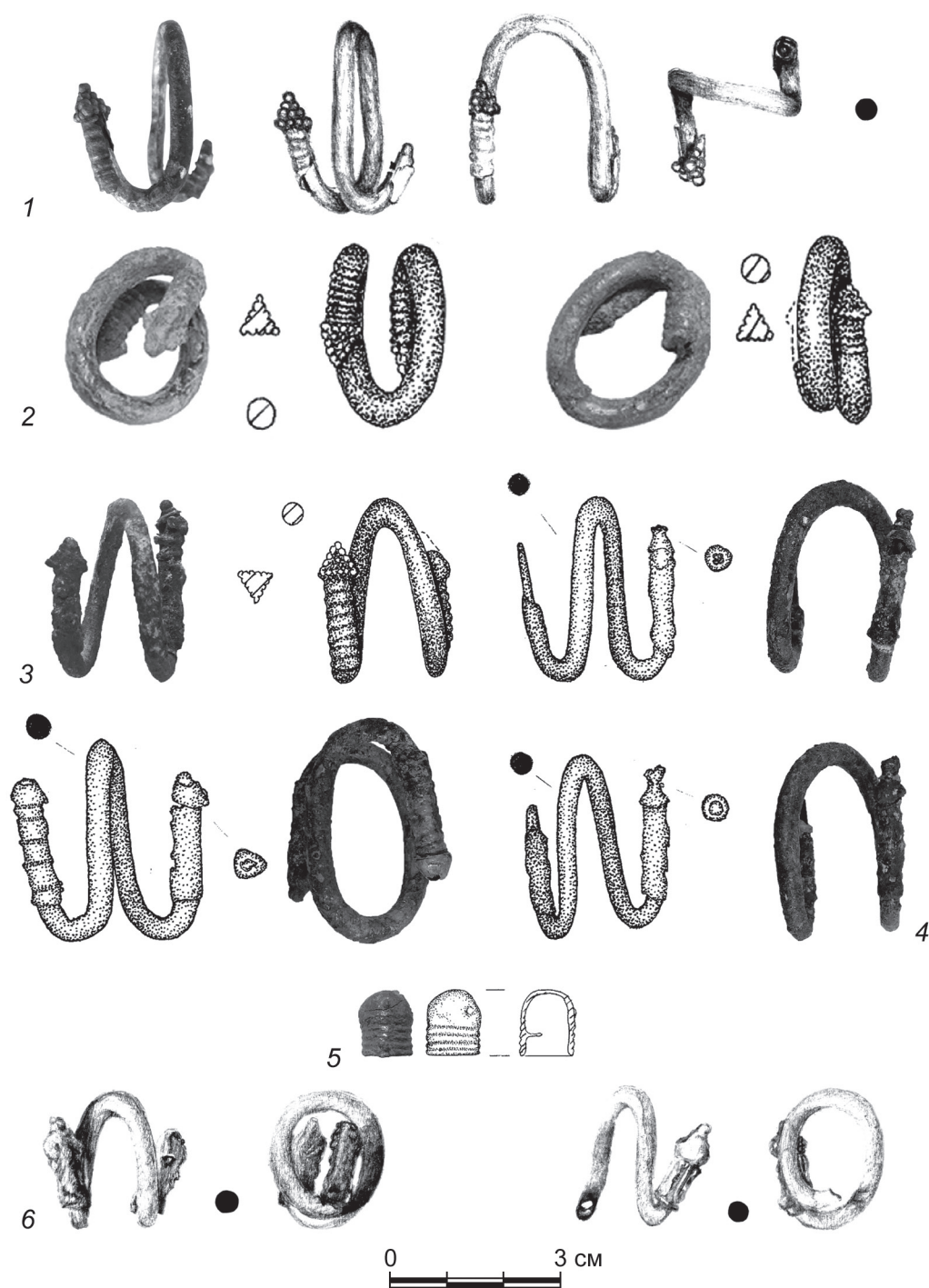

Рис. 4. Серебряные спиралевидные украшения Азиатского Боспора. 1, 6 – Фанагория, юго-восточный некрополь, 2012; 2–5 – некрополь Волна-1. 1 – курган № 3, погребение № 1; 2 – погребение № 140–29; 3 – погребение № 140–31; 4 – погребение № 133; 5 – погребение № 140–42; 6 – раскоп II, курган 1, погребение № 12. Фото и рисунки В. Ю. Кононова (1, 6) и И. В. Цокур (2–5)

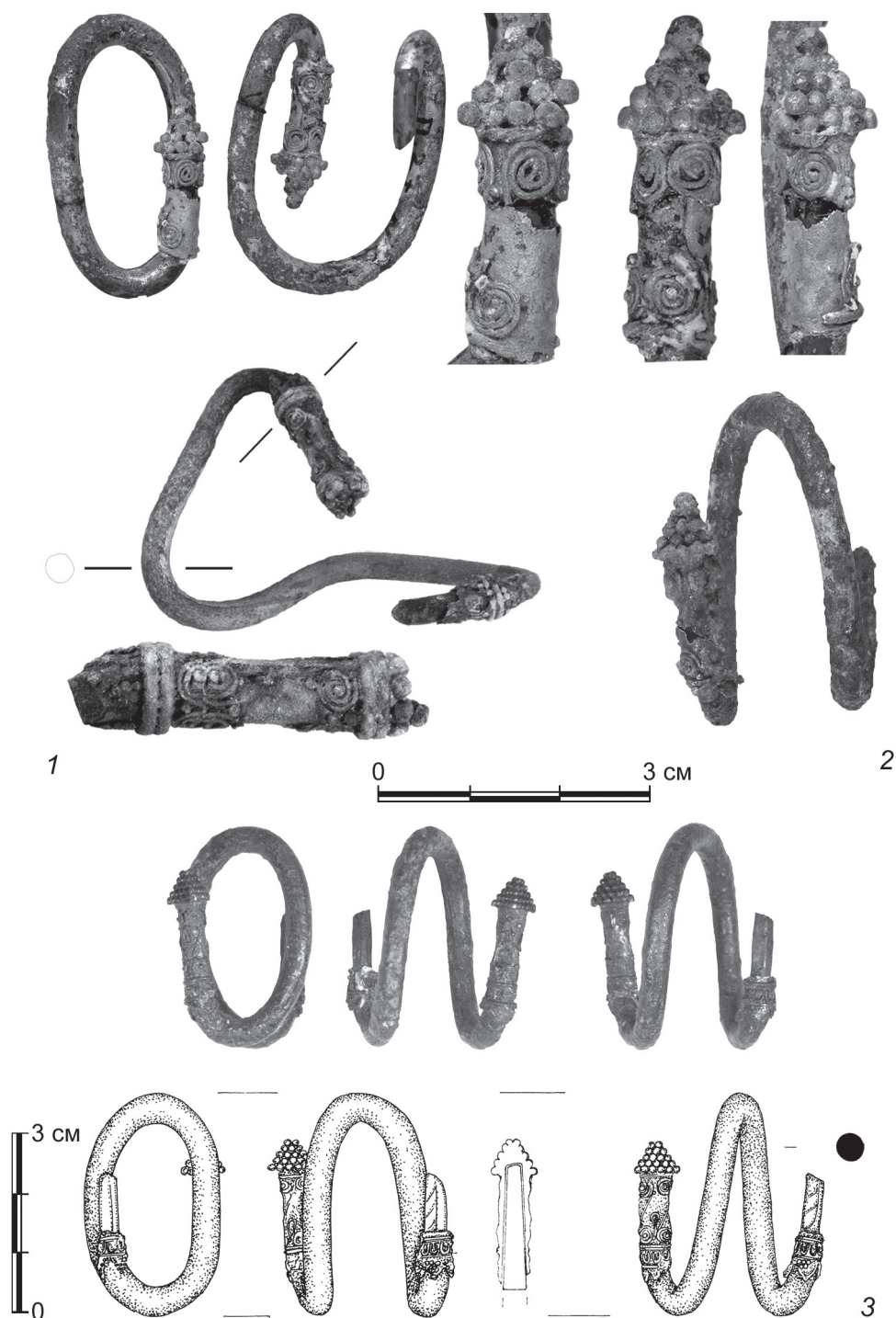

Рис. 5. Серебряные спиралевидные украшения из некрополей: Волна-1.
1 – погребение № 27; 2 – погребение № 54. Фото И. В. Цокур; 3 – Вышестеблиевская 14,
слой, № 49. Фото и рисунки И. Н. Наумова и Е. Г. Зубарева

или подвесок-серег [Cat. Bloomington 1995, 95]. Высказывались и точки зрения о возможном использовании их в качестве серег и височных подвесок [Robinson 1941, 89–90; Dusenbery 1998, 960]. Б. Депперт-Липпиз определяла их как *Ohrspirale* [Deppert-Lippitz 1985, 150, 152]. С. В. Кашаев предлагает еще один возможный вариант. Учитывая, что их находят по одной или парами, скорее в районе плеч, они могли скреплять или собрать в складки ткань в зависимости от фасона одежды [Кашаев 2009, 219].

Точка зрения о том, что рассматриваемые украшения являлись серьгами, опирается на изображение таковых в чеканке Ликий и Южной Италии второй половины V в. до н. э. Так, спиралевидные украшения с окончаниями в форме пирамидок и пирамидками на дужках изображены, как уже было указано, на серебряных статерах правившего в Центральной Ликий династа Тетхивейби (Teththiweibi), датирующихся ок. 450–430 гг. до н. э. [Hadaczek 1903, 13–14, figs. 20, 21; Marshall 1911, 176, fig. 55; Robinson 1941, 90; Cat. Providence 1983, 59, fig. 4; Williams, Ogden 1994, 34, fig. 30; Уильямс, Огден 1995, 34, рис. 30; Williams 1996, 118; Pülz 2009, 87; <http://www.asiaminorcoins.com/gallery/displayimage.php?pid=6440>; <https://www.acsearch.info/search.html?id=11452870>. <https://www.acsearch.info/search.html?id=8934169>]¹⁵ или, согласно новейшей хронологии, ок. 435–430/25 гг. до н. э. [Kagan 2021, 31, table 2]. Более того, очевидно, что такие серьги изображены и на статерах других ликийских династов, правивших в последней трети V в. до н. э.

На серебряной тетрадрахме Сиракуз с изображением Аретузы ок. 415–400 гг. до н. э. изображена спиралевидная серьга, но с окончаниями в форме головок барана, дрот которой как будто бы также проходит через мочку уха [Deppert-Lippitz 1985, 151, Abb. 103; Williams, Ogden 1994, 201, fig. 58; Уильямс, Огден 1995, 201, рис. 58; Berthold 2008, 179, 337–341, Nr. 20, 23–25, 29–31, 33; 344–345, Nr. 41–45; Castor 2008, 11, fig. 10; Papaevangelou-Genakos 2017, 83–84, pl. 30. 10. https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1946-0101-1403; https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1946-0101-1375]. Аналогичным же образом к мочке уха крепятся и омеговидные подвески, изображенные на голове Аретузы, на тетрадрахмах Сиракуз, датируемых ок. 415–410 гг. до н. э. [Deppert-Lippitz 1985, 150, Abb. 99, 100; Ritter 2002, 38, Taf. 2. 8; Berthold 2008, 336–339, Nr. 15–19, 21, 26 Papaevangelou-Genakos 2017, 83–84, pl. 32. 21, 22].

В вазописи изображения омеговидных серег известны и в более раннее время. Омеговидная серьга закреплена в мочке уха обнаженной девушки, представленной на тондо краснофигурного аттического килика вазописца Дуриса в Музее Метрополитен, датируемого ок. 470 г. до н. э. [Richter 1953, 87, 228, pl. 68d; Beazley 1963, 441, 1653, no. 186, Add. 1, 425–447; <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/251398>]¹⁶. В качестве еще одного примера, Э. Дазенбери [Dusenbery 1998, 960] упоминает более раннее изображение на чернофигурном стамносе вазописца Мичигана ок. 520–500 гг. до н. э. в Вюрцбурге (L 328) [Beazley Archive Pottery Database 301904; Beazley 1963, 343.2, 1971, 156; <https://www.beazley.ox.ac.uk/record/58EE5E7C-A1ED-4FEA-9535-7EDFE435029B> (с литературой)].

¹⁵ Типы: Babelon 1910, 330, pl. XCVIII. 17; SNG von Aulock 10, Nr. 4161; Kraay, Hirmer 1966, 362, no. 651, pl. 190; Jenkins, Castro Hipolito 1989, 95, no. 790, pl. LXXV; Papaevangelou-Genakos 2017, 83, note 39; Müller 2018, 13–17, figs. 10–11, 13 с лит.; Kagan 2021, 38, fig. 10. a–b.

¹⁶ На это обращено внимание Dusenbery 1998, 960.

Соответственно, во-первых, есть основания рассматривать спиралевидные подвески именно как серьги, во-вторых, изображения на монетах подтверждают их распространение во второй половине V в. до н. э. Для IV в. до н. э. известно только изображение спиралевидных украшений на бронзовых монетах Лампсака [Papaevangelou-Genakos 2017, 84, note 41].

* * *

Итак, высказанное еще П. Ф. Силантьевой предположение о том, что найденные на Боспоре золотые и бронзовые обтянутые золотом спиралевидные украшения, вероятнее всего, и изготавливались на Боспоре, находит подтверждение, как в результате анализа особенностей этих украшений, которые со второй половины VI по IV вв. до н. э. получили распространение в различных областях античного мира, так и в том, что на Боспоре со второй четверти V в. до н. э. бытуют аналогичные украшения из серебра, выполненные в той же технике – с накладными манжетами, украшенными поперечными валиками или филигранным декором, и с окончаниями в форме четырехгранных пирамидок из мелкой зерни. Есть основания предполагать, что в качестве прототипов таковых могли выступать спиралевидные украшения из Ликии, хотя там лишь одна подвеска происходит из раннего комплекса ок. 540 г. до н. э. За исключением находок на Боспоре и в Ольвии, только украшения из Малой Азии и Кипра имеют подобным образом исполненные окончания.

Наиболее ранние примеры золотых спиралевидных украшений с манжетами с поперечными валиками в Ольвии и на Боспоре датируются в целом первой половиной V в. до н. э. Не позднее второй четверти столетия появляются и подвески с манжетами, украшенными спиралевидным декором. После публикации находок с территории Азиатского Боспора, очевидно, что они были чрезвычайно популярны и изготавливались не только в золоте, но и в серебре. Уже в V в. до н. э. появляется упрощенный, цельнолитой вариант таких подвесок, отливавшихся в формах типа найденной в Нимфее. Такие подвески делались не только в серебре, бронзе, но и в золоте и получили широкое распространение как на Боспоре, так и среди варварского населения Восточного Крыма, Синдики и Прикубанья. В начале III в. до н. э. они выходят из моды.

Каталог

Серебряные подвески с накладными окончаниями, манжетами, украшенными поперечными валиками, и навершиями в виде пирамидок из шариков зерни

1. Юго-восточный некрополь Фанагории, курган № 3/2012, погребение № 1. Женское погребение конца V в. до н. э. Лит.: Сударев, Иванов 2023, 139, рис. 7. 1. Сенной, «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория». Рис. 4. 1.
2. Волна 1, погребение № 140–29. Три костяка. Дата погребения: вторая-третья четверти V в. до н. э. [Цокур и др. 2022б, 75–81, илл. 390–395]. Пара подвесок в 2,5 оборота. Диаметр подвески – 2,5 см, диаметр дрота – 0,5 см. Лит.: Цокур и др. 2022б, 80, илл. 395, 5, 6. Таманский музейный комплекс¹⁷. Рис. 4. 2.

¹⁷ Филиал ГБУК КК «КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына».

3. Волна 1, погребение № 140–31. Дата погребения: первая половина IV в. до н. э. [Цокур и др. 2022б, 83–85, илл. 398, 399]. Подвеска в 2,5 оборота. Диаметр подвески – 3,5 см, диаметр дрота – 0,4 см. Лит.: Цокур и др. 2022б, 84, илл. 399. 4. Таманский музейный комплекс. Рис. 4. 3.

*Серебряные подвески с накладными окончаниями, манжетами,
украшенными поперечными валиками, и навершиями в виде полусфер*

4. Волна 1, погребение № 133. Предварительная датировка: Дата погребения: вторая–третья четверти IV в. до н. э. [Цокур и др. 2022б, 17–25, илл. 291–297]. Три спиралевидные подвески в 2,5 оборота. Диаметр дрота – 0,35 см. Лит.: Цокур и др. 2022б, 19, илл. 294. 5–7. Таманский музейный комплекс. Рис. 4. 4.
5. Волна 1, погребение № 140–42. Предварительная датировка первая половина V в. до н. э. [Цокур и др. 2022б, 98–99, илл. 422, 423]. Отдельная находка окончания в виде цилиндра с поперечными валиками и с округлым завершением. Длина – 1,2 см, диаметр – 0,9 см. Лит.: Цокур и др. 2022б, 99, илл. 423. 6. Таманский музейный комплекс. Рис. 4. 5.

*Серебряные подвески с накладными окончаниями, манжетами,
украшенными филигранными спиралевидным декором, и навершиями
в виде пирамидок из шариков зерни*

6. Волна 1, погребение № 27. Дата погребения: вторая половина V в. до н. э. [Цокур и др. 2022а, 41–44, илл. 72–74]. На одном конце подвески сохранилось серебряное навершие в виде пирамидки из зерни с пластинчатым манжетом, украшенным напаянным спиралевидным декором. Диаметр дрота – 0,5 см. Лит.: Цокур и др. 2022а, 43, илл. 74. 5. Таманский музейный комплекс. Рис. 5. 1.
7. Волна 1, погребение № 54. Предварительная датировка – конец V в. до н. э. – первая половина IV в. до н. э. [Цокур и др. 2022а, 67–69, илл. 130, 131]. Пара подвесок в 1,5 оборота, на обоих концах были серебряные навершия в виде пирамидки из зерни с пластинчатым манжетом, украшенным напаянным спиралевидным декором. Диаметр дрота – 0,5–0,6 см. Одно из наверший у каждой из подвесок утрачено, второе у одной из подвесок – сохранилось не полностью. Лит.: Цокур и др. 2022а, 68, 69, илл. 131. 6–7. Таманский музейный комплекс. Рис. 5. 2.
8. Волна 1, погребение № 318/2017. Дата погребения: 375–350 гг. до н. э. Подвеска в 1,5 оборота, на обоих концах были серебряные навершия в виде пирамидки из зерни с пластинчатым манжетом, украшенным напаянным спиралевидным декором. Размер = 4,1 x 2,9 см, диаметр дрота – 0,3 см. Лит.: Мимоход и др. 2018а, 133, рис. 13. 2; 2018б, 226, рис. 10. 2. Сенной, «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория».
9. Вышестеблиевская 14, слой, № 49. Не опубликована¹⁸. Таманский музейный комплекс. Рис. 5. 3.

¹⁸ Авторы благодарят автора раскопок И. Н. Наумова за возможность использовать данную подвеску в работе.

10. Юго-восточный некрополь Фанагории, раскоп II, курган 1, погребение № 12 второй четверти V в. до н. э. Лит.: *Сударев, Иванов* 2023, 141, рис. 16. 5. Сенной, «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория».
11. Декор манжетов не ясен. Артющенко-2, погребение № 6 [*Кашиев* 2007, 214; 2009, 195, № 7; 219, рис. 6. 10; 2021, 207, № 7, рис. 1. 5 (погребение № 6 второй четверти V в. до н. э.)] – серебряные, явно накладные манжеты, окончания в форме гладких пирамидок; Таманский музейный комплекс.
12. Волна 1, погребение № 114. Предварительная датировка – вторая половина V в. до н. э. [*Цокур* и др. 2022а, 134–138, илл. 251–253]. Подвеска в 2,5 оборота. Диаметр дрота – 0,6 см. Лит.: *Цокур* и др. 2022а, 136–137, илл. 253. 3. Таманский музейный комплекс.
13. Фанагория, раскоп II, погребение № 29. Лит.: *Сударев, Мимоход* 2019, 436, рис. 664¹⁹. Сенной, «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Фанагория».

Список литературы

- Алексеева* Е. М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 143.
- Анохин* В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев. 184.
- Венцова* М. И. 2013. Украшения в грунтовых некрополях Боспора VI–II вв. до н. э. // *Донецкий археологічний збірник*. 17, 115–131.
- Герц* К. К. 1876. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 г. М., 152.
- Горончаровский* В. А. 2016. Элитное погребение в 6-м Семибратнем кургане: К интерпретации комплекса // *Записки ИИМК*. 13, 90–98.
- Грач* Н. Л. 1999. Некрополь Нимфея. СПб, 328.
- Дашевская* О. Д. 1978. Первые исследования Кульчукского некрополя // *СА*. 3, 199–215.
- Дмитриев* А. В., *Малышев* А. А. 1999. Могильник VI–II вв. до н. э. в устье Лобановой щели // *Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея)*. 5. Армавир–Москва, 17–51.
- Егорова* Т. В. 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 253.
- Егорова* Т. В., *Сударев* Н. И., *Берлизов* А. Н. 2025. Миниатюрные миски и солонки в погребальном обряде некрополя Волна 1 // *Stratum plus* (в печати).
- Застрожнова* Е. Г. 2014. Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К. Р. Бегичева) // *БИ*. XXX, 469–481.

¹⁹ Место находки ошибочно указано «Некрополь Виноградный 7».

- Застрожнова Е. Г. 2019. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII – середина XX в.). М.–СПб, 308.
- Калашиник Ю. П. 2014. Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья. СПб, 278.
- Кат. София 2021. П. Пенкова, Р. Караманова-Златкова (ред.), Време, материя и дух. Реставрацията в Националния Археологически институт с музей при Българската академия на науките / Time, Matter and Spirit. The Conservation in the National Archaeological Institute with Museum at the Bulgarian Academy of Sciences (Национален археологически музей Каталози / National Archaeological Museum Catalogues. Suppl. 2). София, 256.
- Кашиаев С. В. 2009. Некрополь Артющенко-2 // БИ. 22, 188–267.
- Кашиаев С. В. 2021. Комплексы со стеклянными сосудами из раскопок некрополя Артющенко-2 // БИ. 42, 206–223.
- Ковальчук А. В., Крайнева А. А., Сударев Н. И., Чевелев О. Д. 2010. Раскопки западного некрополя Гермонассы в 2008 году // А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин (ред.), СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.–Киев, 97–100.
- Коровина А. К. 1962. Некрополь около мыса Панагии // АИБ. II. Симферополь, 301–313.
- Коровина А. К. 1968. Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 годы // СГМИИ. 4, 54–84.
- Коровина А. К. 1987. Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. 8, 3–70.
- Корпусова В. М. 1972. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. 6, 41–55.
- Крушкол Ю. С., Новичихин А. М. 2010. Описание погребальных комплексов. Каталог // А. А. Мальшев (ред.), Население архаической Синдики (Некрополи Черноморья. III). М., 21–191.
- Кутайсов В. А. 2011. Курганный некрополь Калос Лимена. Киев, 240.
- Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. 1989а. Некрополь античной Керкинитиды. История и итоги изучения. Киев, 44.
- Кутайсов В. А., Ланцов С. Б. 1989б. Некрополь античной Керкинитиды. Каталог погребений. Киев, 36.
- Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. 2018а. Исследования грунтового некрополя Волна 1 в 2017 г. // А. Н. Коваленко (ред.), Причерноморье в античное и раннесредневековое время. II. К 70-летию проф. В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 120–144.
- Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. 2018б. Некрополь Волна1 (2017 г.) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017 года (Материалы спасательных археологических исследований. 25). М., 220–231.
- Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.–Саратов, 352.
- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Толстиков В. П., Чурекова Н. Б. 2020. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов, 218.

- Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Федосеев Н. Ф., Чурекова Н. Б. 2016. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь, Саратов, 222.
- Новичихин А. М. 2010. Погребальный инвентарь некрополя у хутора Рассвет // А. А. Малышев (ред.), Население архаической Синдики (Некрополи Черноморья. III). М., 204–234.
- Огенова-Маринова Л. 1984. Дребни находки, теракоти, скульптура // Д. П. Димитров, М. Чичикова, А. Балканска, Л. Огенова-Маринова. Севтополис. Т. I. Быт и культура. София, 159–227.
- Прушевская Е. О. 1955. Художественная обработка металла (торевтика) // В. Ф. Гайдукевич, М. И. Максимова (ред.), Античные города Северного Причерноморья. Т. 1. М.–Л., 325–355.
- Романченко Н. Ф. 1907. Раскопки в окрестностях Евпатории // ИАК. 25, 172–187.
- Силантьева П. Ф. 1976. Спиралевидные подвески Боспора // ТГЭ. 17, 123–137.
- Сорокина Н. П. 1957. Тузлинский некрополь (Тр. ГИМ. 26). М., 63.
- Сударев Н. И. 2017. Отчёт об археологических раскопках в 2016 году «На территории выявленного объекта археологического наследия поселения Виноградный-7 (IV–I вв. до н. э.) в зоне строительства подъезда от автомобильной дороги М-25 Новороссийск – Керченский пролив к г. Керчь и сухогрузному району морского порта Тамань на участке км 0 – км 42 в рамках реконструкции участков автомобильной дороги Новороссийск – Керченский пролив (на Симферополь) в Темрюкском районе Краснодарского края». Архив Института археологии РАН. Р-1, №??.
- Сударев Н. И., Иванов А. В. 2023. Некоторые итоги исследования Юго-Восточного некрополя Фанагории // Западный Кавказ в контексте контактов культур, народов и цивилизаций. Материалы научно-практической конф., Анапа, 25–28 сентября 2023 г. (Анфимовские чтения. XI). Краснодар, 134–160.
- Сударев Н. И., Мимоход А. В. 2019. Некрополи Азиатского Боспора и погребальные обряды // В. Д. Кузнецов (ред.), Древности Тамани. Тамань, 428–449.
- Тарасова Н. В. 2005. Об одной группе височных подвесок раннего железного века из Северного Причерноморья // В. И. Гуляев (ред.), Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М., 515–520.
- Тонкова М. 2002. Аристократични накитни украси от V в. пр. Хр. в Тракия // Р. Гичева, К. Рабаджиев (ред.), Питѳ. Изследвания в чест на проф. Иван Маразов / *Studia in honorem prof. Ivani Marazov*. София, 494–505.
- Трейстер М. Ю. 1988. Бронзолитейное ремесло Боспора VI–V вв. до н. э. // *Eirene*. XXV, 45–67.
- Трейстер М. Ю. 1992. Бронзолитейное ремесло Боспора // СГМИИ. 10, 66–110.
- Трейстер М. Ю. 2010. Исследование бронзовых украшений из могильника у хут. Рассвет // А. А. Малышев (ред.), Население архаической Синдики (Некрополи Черноморья. III). М., 235–238.
- Трейстер М. Ю. 2015. История находок золотых украшений в Фанагории во второй половине 19 – первой трети 20 в. // М. Ю. Трейстер (ред.), Золото Фанагории (Фанагория. 2), М., 16–22.

- Трейстер М. Ю., Винокуров, Н. И. 2023. Золотые и серебряные подвески-лунницы из слоя пожара 46/47 гг. н. э. ранней цитадели городища Артезиан в Восточном Крыму // ПИФК. 3, 112–128.
- Трейстер М. Ю., Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В. 2024. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из могильника «Батырский 1» в районе Новороссийска // МАИ-АСП. 16, 234–288.
- Трейстер М. Ю., Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В. 2025. Серебряные и бронзовые украшения из могильника IV–III вв. до н. э. «Батырский 1» в окрестностях Новороссийска // ПИФК. 1, 5–38.
- Уильямс Д., Огден Д. 1995. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н. э. СПб, 272.
- Филов Б. 1932–1933. Новооткрыти тракийски гробници отъ Дуванлии // ИБАИ. VII, 217–276.
- Фурманська А. І. 1958. Ливарні форми з розкопок Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. VIII, 40–60.
- Цокур И. В., Сударев Н. И., Шаров О. В. 2022a–b. Волна 1. Некрополь архаического – эллинистического периодов на Таманском полуострове. В двух частях (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1–2). М., 400; 368.
- Шишилов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. 2013. Раскопки грунтового могильника раннего железного века «Лобанова Щель» в 2005–2006 гг. // А. Г. Крохмаль (ред.), Биоразнообразие государственного природного заповедника «Утриш». Научные труды. Т. 1. Анапа, 294–330.
- Шишилов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. 2018. Каменный склеп раннего железного века из грунтового могильника Заря-2 у ст. Натухаевской г. Новороссийска // Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международн. археологической конф., г. Анапа, 30 мая – 1 июня 2018 г. (Анфимовские чтения. VIII). Краснодар, 339–347.
- Шишилов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В. 2021. Исследования могильника раннего железного века «Лобанова Щель» в (по итогам раскопок 2007 и 2009 гг.) // О. Н. Быхалова (ред.), Наземные и морские экосистемы полуострова Абрау: история, состояние, охрана. Научные труды. Т. 5. Анапа, 285–295.
- Шишилов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П. 2007. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки. Исследования и материалы. 5. Новороссийск, 4–19.
- Шкорпил В. В. 1905. Отчет о раскопках в Керчи и окрестностях в 1903 г. // ИАК. 17, 1–76.
- Шкорпил В. В. 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // ИАК. 35, 12–47.
- Amandry P. 1953. Collection Hélène Stathatos. I. Les Bijoux antiques. Strasbourg, 148.
- Amandry P. 1963. Collection Hélène Stathatos. III. Objets antiques et byzantins. Strasbourg, 300.
- Babelon E. 1910. Traité des monnaies grecques et romaines; 2e Partie. Traité des monnaies grecques et romaines. Deuxième partie, Description historique. Tome II. Paris, 1560.
- Babritsa A. K. 1970. Ανασκαφαι Μεσημβρίας Θράκης // Πρακτικά της Αρχαιολογικής Εταιρείας (1972), 65–75.

- Babritsa A.K. 1971. Ανασκαφαι Μεσημβρίας Θράκης // Πρακτικά της Αρχαιολογικής Εταιρείας (1973), 119–123.
- Babritsa A.K. 1983. Ανασκαφαι Μεσημβρίας // Πρακτικά της Αρχαιολογικής Εταιρείας. Α (1986), 20–26.
- Beazley J.D. 1963. Attic Red-figure Vase-painters, Vols. 1–2. 2nd ed. Oxford, 2036.
- Berge L., Alexander K. 1985. Ancient Gold Work and Jewelry from Chicago Collections // Ancient World. XI/1–2, 3–32.
- Besios, M. 2010. Πιερίδων στέφανος. Πύδνα, Μεθώνη και οι αρχαιότητες της βόρειας Πιερίας. Katerini, 336.
- Blondé F. 2007. Les céramiques d'usage quotidien à Thasos au IVe siècle avant J.C. (Études Thasiennes. XX). Athens, 206.
- Castor A. 2008. Archaic Greek Earrings: An Interim Survey // AA. 1, 1–34.
- Cat. Amsterdam 2004. Kalashnik Yu. Greek Gold. From the Treasure Rooms of the Hermitage. Zwolle, 127.
- Cat. Baltimore 1979. Jewelry. Ancient to Modern. A Studio Book. Baltimore, 255.
- Cat. Baltimore 1995. E. Reeder, Pandora. Women in Classical Greece. Baltimore–Princeton, 431.
- Cat. Bloomington 1995. Rudolph W. A Golden Legacy. Ancient Jewelry from the Burton Y. Berry Collection at the Indiana University Art Museum. Bloomington, Indianapolis, 332.
- Cat. Jerusalem 2001. Bernheimer G.M. Glories of Ancient Greece. Vases and Jewelry from the Borowski Collection. Jerusalem, 99.
- Cat. London 1994. Ortiz G. In Pursuit of the Absolute. Art of the Ancient World from the George Ortiz Collection. London, 280 nos.
- Cat. London 2017. St John Simpson, Pankova S. (eds.), The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia. London, 368.
- Cat. Malibu 2007. A. A. Trofimova (ed.), Greeks on the Black Sea. Ancient Art from the Hermitage. Los Angeles, 307.
- Cat. Montreal 1987. Gold of the Thracian Horsemen. Treasures from Bulgaria. Montreal, 320.
- Cat. Providence 1983. T. Hackens, R. Winkes (eds.), Gold Jewelry. Craft, Style and Meaning from Mycenae to Constantinople (Aurifex 5). Louvain-la-Neuve, 227.
- Cat. Thessaloniki 1997. Greek Jewellery. 6000 Years of Tradition. Athens, 455.
- Cat. Thessaloniki 2007. D. Grammenos (ed.), Ο χρυσός των Μακεδόνων. Από την έκθεση του Αρχαιολογικού Μουσείου Θεσσαλονίκης. Thessaloniki, 338.
- Cat. Trieste 2002. A. Giunilia-Mair, M. Rubinich (eds.), Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia. Trieste, 302.
- Cat. Venice 1989. Traci. Arte e cultura nelle terre di Bulgaria dalle origini alla tarda romanità. Venezia, Palazzo Ducale, 13 Maggio 1989–30 novembre 1989. Milano, 340.
- Chacheva M. 2015. Trinkets for the Afterlife: Personal Ornaments from Graves of Children in the Necropolis of Apollonia Pontica // ABulg. XIX/1, 1–21.
- Chacheva M. 2016. Adornments or amulets? Personal ornaments of Apollonian children in Pontic context // M. Manoledakis (ed.), The Black Sea in the Light of New Archaeological Data and Theoretical Approaches. Proceedings of the 2nd International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 18–20 September 2015. Oxford, 139–152.

- Chatzi I. 2019. Types of earrings in the cemeteries of Macedonia (Archaic through Hellenistic periods). Thesis. Thessaloniki, 52.
- Chechulina I. 2024. From Athens to Olbia Pontica: the Artistry of Black-glazed ware. Kyiv, 356.
- Clara Rhodos III. Jacopi G. Scavi nella necropoli di Jalisso, 1924–1928. Bergamo, 302.
- Coche de la Ferté E. 1956. Les bijoux antiques. Paris, 121.
- Coja M. 1962. L'artisanat à Histria du VIe au Ier siècle avant notre ère // *Dacia* N.S. 6, 115–138.
- Damyantov M. 2017. Pottery assemblage of the ritual fireplaces in the necropolis of Apollonia Pontica (Excavations in 2005) // P. Kiyashkina, M. Damyanov, A. Bozhkova, P. Delev (eds.), Proceedings of international conference 'Ancient Greek Necropolises Along the Black Sea Coast', Nessabar, October 4–7, 2012 (Nessebar. IV). Veliko Tarnovo, 86–100.
- Demargne P. 1958. Fouilles de Xanthos. 1. Paris, 132.
- Deppert-Lippitz B. 1985. Griechischer Goldschmuck. Mainz, 322.
- Deppert-Lippitz B. 1996. Ancient Gold Jewellery at the Dallas Museum of Art. Dallas, 150.
- Despini Ai. 1996. Greek Art. Ancient Gold Jewellery. Athens, 292.
- Dili Ş. 2011. Anadolu'da Antik Çağ Altın ve Gümüş Takı Buluntuları: Araştırmaların Aşaması Hakkında Bir Değerlendirme. Master's thesis, Dokuz Eylül Üniversitesi, İzmir, 153.
- Dusenbery E. B. 1998. The Necropoleis (Samothrace. XI). Princeton, 1252.
- Elliott M. 1998. Black-glazed Pottery // J. C. Carter (ed.), The Chora of Metaponto: The Necropoleis. Austin, 757–769.
- Ergil T. 1983. Kıpeler / Earrings. The Earring Catalogue of the Istanbul Archaeological Museum. Istanbul, 71.
- Filow B. 1934. Die Grabhügelnekropole bei Duvanlij in Südbulgarien. Sofia, 242.
- Goldman H., Jones F. 1942. Terracottas from the Necropolis of Halae // *Hesperia*. 11/4, 365–421.
- Greifenhagen A. 1970–1975. Schmuckarbeiten in Edelmetall. I–II. Berlin, 100; 140.
- Guzzo P. G. 1993. Oreficerie dalla Magna Grecia. Taranto, 340.
- Hackens T. 1976. Catalogue of the Classical Collection. Classical Jewelry. Museum of Art, Rhode Island. School of Design. Providence, 159.
- Hadaczek K. 1903. Der Ohrschmuck der Griechen und der Etrusker (Abhandlungen des archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien. 14/1). Wien, 84.
- Hermay A., Panayotova K., Baralis A., Damyanov M., Riapov A. 2010. Apollonia du Pont (Sozopol). La nécropole de Kalfata (Ve–IIIe s. av. J.–C.). Fouilles franco-bulgares (2002–2004) (Bibliothèque d'Archéologie Méditerranéenne et Africaine. 5). Paris, 299.
- Higgins R. A. 1980. Greek and Roman Jewellery. 2nd ed. London, 243.
- Hoffmann H., von Claer V. 1968. Antiker Gold- und Silberschmuck: Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg. Mainz, 246.
- Jenkins G. K., Castro Hipolito M. 1989. A Catalogue of the Calouste Gulbenkian Collection of Greek Coins. Pt. II. Greece to East. Lisbon, 200.
- Ilieva P. 2020. The South Necropolis of Samothrace: *Topos Hieros* or an Ordinary Cemetery? // *Ancient West & East*. 19, 123–144.
- Iliopoulou S. 2015. Αρχαία Ζώνη IIIa. Το Νεκροταφείο. Ταφικά έθιμα και πρακτικές. Κομοτηνή, 183.
- Kaba H. 2016. Rich in Life and Death. Gold and Silver Finds from a 4th Century Tomb in Soloi // H. Kaba, L. Summerer (eds.), The Northern Face of Cyprus. New Studies in Cypriot Archaeology and Art History. Istanbul, 225–242.

- Kagan J. 2021. Return to Xanthos. New Numismatic Light on the Harpagid Dynasty of Western Lycia // A.R. Meadows, U. Wartenberg (eds), *Presbeus: Studies in Ancient Coinage Presented to Richard Ashton*. New York, 25–64.
- Kakhidze A. 2007. The Classical World in the Eastern Black Sea Area. The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari (Pichvnari II). Batumi, Oxford, 408.
- Kat. Basel 2007. I. Zanoni (Hrsg.), *Die alten Zivilisationen Bulgariens. Das Gold der Thraker*. Basel, 268.
- Kat. Berlin 1996. *Faszination der Antike. The George Ortiz Collection*. Berlin, 500.
- Kotkówna S. 1980. Remarques sur les sources archéologiques antiques relatives a la production d'orfèvrerie sur les rivages septentrionaux et occident de la Mer Noire // T. Hackens (ed.), *Études sur l'orfèvrerie antique. Studies in Ancient Jewelry (Publication d'histoire de l'art et d'archéologie de l'Université Catholique de Louvain. XIV. Aurifex 1)*. Louvain-la-Neuve, 106–154.
- Kotitsa Z. 2019. Εργαστήρια και χρονολόγηση των αρυβαλλοειδών ληκύθων με ανθέμιο από το βόρειο νεκροταφείο της Πύδνας // Ν. Ακαμάτης, Α. Βουβουλής, Α. Λαφτσιδής, Ν. Πουλακάκης (Επ.), Τῷ διδασκάλῳ. Τιμητικός τόμος για τον καθηγητή Ιωάννη Ακαμάτη. Θεσσαλονίκη, 209–223.
- Koukoulidou Ch., Mazarakis-Ainian A., Theodoropoulou T., Touloumtzidou A., Varvarinou-Vai D., Zimi E., Papadopoulou Z. 2017. Small finds from the sanctuary of Kythnos // A. Mazarakis-Ainian (ed.), *Les sanctuaires archaïques des Cyclades*. Rennes, 193–256.
- Kraay C.M., Hirmer M. 1966. *Greek Coins*. New York, 396.
- Laffineur R. 1978. *L'orfèvrerie rhodienne orientalisante*. Paris, 266.
- Laffineur R. 1986. *L'orfèvrerie* // R. Laffineur (ed.), *Amathonte III. Testimonia 3 (Études Chypriote. VII)*. Paris, 7–133.
- Laffineur R. 1992. *Bijoux et Orfèvrerie* // V. Karageorghis, O. Picard, Chr. Tytgat (eds.), *La Necropole D'Amathonte Tombes 113–367. VI. Bijoux, Armes, Verre, Astragales et Coquillages, Squelettes (Etudes Chypriotes. XIV)*. Nicosie, 1–42.
- Marshall F.H. 1911. *Catalogue of the Jewellery, Greek, Etruscan and Roman, in the Departments of Antiquities, British Museum*. London, 400.
- Meriçboyu Y. A. 2001. *Antikçağ' de Anadolu takilari*. Istanbul, 255.
- Morel J-P. 1981. *Céramique campanienne: les formes*. Rome, 690.
- Münzen und Medaillen* 1970. *Werke antiker Goldschmiedekunst. Münzen und Medaillen AG* Basel. Sonderliste M. September 1970. Basel, 53.
- Naumann F. 1980. *Staatliche Kunstsammlungen Kassel. Antiker Schmuck*. Kassel, 92.
- Palmentola P. 2007. *Ceramica a vernice nera. Coppe ioniche* // E.M. De Juliis (ed.), Rutigliano I. *La necropoli di contrada Purgatorio. Scavo 1978. (Catalogo del Museo Nazionale Archeologico di Taranto. II, 2)*. Taranto, 463–523.
- Papaevangeliou-Genakos C. 2017. The depictions of jewellery on coins // K. Liampi, C. Papaevangeliou-Genakos, D. Plantzos (eds.), *Coinage / Jewellery. Uses-Interactions-Symbolisms from antiquity to the present. International conference proceedings, Ios, 26–28 June 2009 (Kerma. 4)*. Athens, 79–102.
- Philipp H. 1981. *Bronzeschmuck aus Olympia (Olympische Forschungen. XIII)*. Berlin, 403.
- Picón C.A. 2007. *Art of the Classical World in the Metropolitan Museum of Art: Greece, Cyprus, Etruria, Rome*. New York, 508.

- Pierides A. 1971. Jewellery in the Cyprus Museum. Nicosia, 59.
- Platz-Horster G. 2001. Altes Museum. Antiker Goldschmuck. Eine Auswahl der ausgestellten Werken. Berlin, 95.
- Pollak L. 1903. Klassisch-Antike Goldschmiedearbeiten im Besitze Sr. exc. des Herrn von Ne-lidow in Rom. Leipzig, 197.
- Pülz A. M. 2009. Die Goldfunde aus dem Artemision von Ephesos (Forschungen in Ephesos. 12/5). Wien, 376.
- Richter G. M. A. 1953. *Handbook of the Greek Collection*. Cambridge, Mass., 322.
- Robinson D. M. 1941. Metal and Minor Miscellaneous Finds (Olynthus. X). Baltimore-London, 593.
- Rotroff S. I. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton, 574.
- Schlörb-Vierneisel B. 1966. Eridanos-Nekropole I: Gräber und Opferstellen hS 1-204 // AM. 81, 4-111.
- Seyer M. 2016. Zum Löwengrab von Xanthos // F. Blakolmer, M. Seyer, H. D. Szemethy (Hrsg.), *Angekommen auf Ithaka*, Festgabe für Jürgen Borchhardt zum 80. Geburtstag. Wien, 67-82.
- Seyer M. 2020. Pillar Tombs and the Achaemenid Rule in Lycia // A. Dahlén (ed.), *Achaemenid Anatolia: Persian presence and impact in the Western satrapies 546-330 BCE*. Proceedings of an International Symposium at the Swedish Research Institute in Istanbul, 7-8 September 2017 (Boreas. Uppsala Studies in Ancient Mediterranean and Near Eastern Civilizations. 37). Uppsala, 217-247.
- Sparkes B. A., Talcott L. 1970. Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B. C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, 500.
- Stolba V., Rogov E. 2012. Panskoye I. The Necropolis (Panskoye. 2). Aarhus, 414.
- Tonkova M. 1997. Traditions and Aegean Influences on the Jewellery of Thracia in Early Hellenistic Times // ABulg. 1/2, 18-31.
- Tonkova M. 1998. Les ateliers d'orfèvres de luxe en Thrace: méthodes de localisation // Topoi. 8/2, 749-764.
- Tonkova M. 1999. L'orfèvrerie en Thrace aux Ve - IVe s. av. J.-C. Gisements d'or et d'argent, ateliers, parures // Ch. Koukouli-Chrysanthaki, A. Muller, Str. Papadopoulos (eds.), *Thasos. Matières premières et technologie de la préhistoire à nos jours*. Actes du Colloque International. Thasos, Liménaria, 26-29/9/1995. Athènes-Paris, 185-194.
- Tonkova M. 2000-2001. Classical Jewellery in Thrace: Origins and Development, Archaeological Contexts // Talanta. XXXII-XXXIII (2002), 277-288.
- Tsatsopoulou T. 1990. Η ανασκαφική έρευνα στην αρχαία Μεσημβρία κατά το 1990 // AEMΘ. 4/1, 587-594.
- Vickers M. 1979. Scythian Treasures in Oxford. Oxford, 56.
- Vickers M. 2002. Scythian and Thracian Antiquities. Oxford, 80.
- Walker A. L., Goldman H. 1915. Report on Excavations at Halae of Locris // AJA. 19/4, 418-437.
- Williams D. 1996. The Kyme Treasure // A. Calinescu (ed.), *Ancient Jewellery and Archaeology*. Bloomington-Indianapolis, 117-129.
- Williams D., Ogden J. 1994. Greek Gold. Jewellery of the Classical World. London, 256.

- Zahle J. 1975. Archaic Tumulus Tombs in Central Lykia (Phellos) // *Acta Archaeologica*. 46, 77–94.
- Zahlhaas G. 1991. Ein makedonischer Grabfund und verwandte Bronzen aus Makedonien // *Spurensuche. Festschrift für Hans-Jörg Kellner zum 70. Geburtstag (Kataloge Prähistorischen Staatssammlung München. 3)*. Kallmünz, 31–54.

Summary

M.Y. Treister, N.I. Sudarev

Silver Spiral-shaped Ornaments of the Asian Bosphorus

The article is devoted to the publication of spiral ornaments of the Asian Bosphorus with applied tips and cuffs of the 5th century BC, which are considered in the context of similar gold and silver ornaments found in the North Pontic region, Thrace and Macedonia, Asia Minor and Southern Italy. Solid cast silver and bronze spiral ornaments of the Northern Black Sea area are analyzed in detail, and the centers of production of the ornaments with applied endings and cuffs of the 6th–4th centuries BC are discussed, as well as the function of the ornaments. They were shown both on the black- and red-figure vases of *ca.* 520–470 BC as well as on coins of Lycia and Sicily of the second half of the 5th century BC as earrings, not as temple pendants which is often argued. The assumption that the gold and bronze spiral ornaments covered with gold found in the Bosphorus were most likely made in the Bosphorus is confirmed. There is reason to believe that the spiral ornaments from Lycia could have served as prototypes of such ornaments. The earliest examples of gold spiral ornaments with cuffs with transverse ridges in Olbia and the Bosphorus are generally dated to the first half of the 5th century BC. Ornaments with cuffs decorated with spiral decoration also appeared no later than the second quarter of the century. Obviously, they were extremely popular and were made not only in gold, but also in silver. As early as the 5th century BC, a simplified, single-piece version of such pendants appeared, cast in molds like the one found in Nymphaion. Such pendants were cast not only in silver and bronze, but also in gold, and were widely distributed both in the Bosphorus and among the barbarian population of the Eastern Crimea, Sindika and the Kuban region, until the beginning of the 3rd century BC, when they went out of fashion.

The article is accompanied by a catalogue of silver spiral ornaments of the Asian Bosphorus with applied tips and cuffs.

Ф. В. Шелов-Коведяев

(Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва;
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва)

De titulis Bosporanis et viciniis IX

101. О надписи на перекрестье кинжала. В 2018 г. А. В. Белоусов опубликовал четырёхстрочную надпись на парадном кинжале из княжеского сарматского погребения у села Косика в Нижнем Поволжье [Белоусов, Трейстер 2018, 110–117]. Она выполнена в пуансонной технике и расположена на примыкающей к клинку нижней горизонтальной части гарды (рис. 1. 1, 2). Автор так увидел:

НΛΣ
ΒΙΩΝΟCΧΡΥCΟΧΩΝΠΑΡΕΚΤΟΥΔΕΒΑΧΧΙΟΥ
ΤΟΔΙΑCΤΑΘΕΝΥΠΟΓΑΪΟΥΕΓΛΟΓΙCΤΟΥΧΡΥCΙ
ΟΥΚΑΛΟΥ +НΣС

прочитал:

НΛΣ'
Βίωνος χρυσοχόων, παρὲκ τοῦδε, Βαχχίου,
τὸ διασταθὲν ὑπὸ Γαΐου ἐγλογιστοῦ χρυσί-
ου καλοῦ (δραχμῶν) ἡ' (ὀβολῶν) □ (ἡμιωβελίου)

и перевёл – «238 (год). (Работа? корпорации) золотых дел мастеров во главе с Бионом, кроме него, (также) Бакхием. Установленный эклогистом Гаем (вес) хорошего золота 8 драхм, два обولا, половина обولا» – текст.

До аутопсии артефакта в фондах Астраханского историко-археологического музея (номер хранения: ГОИАМЗ, инв. № 35539) я воздержусь от окончательных выводов. Однако уже теперь, – ибо, как показывает опыт (см. пуансонную же надпись на бронзовом котле из погребения в кургане у хутора Базки Волгоградской области [Шелов-Коведяев 2022, 319–320; 2023, 436–438]), изучение А. В. Белоусовым предметов *de visu* не гарантирует его от промахов, – приходится констатировать некоторые несоответствия его суждений реальному положению дел.

Прежде всего, после имени Бакхия надо ставить точку, т.к. стк. 2 содержит законченную мысль. Во-вторых, χρυσοχόων (от ὁ χρυσοχόος – в привычном понимании «ювелир»: см. Bull. ép., passim) – есть стандартный *gen. partitivus* (если угодно, в его разновидности *genitivus generis*) «из ювелиров». В-третьих, παρὲκ имеет значение «кроме» в смысле «за исключением, помимо», – в эпиграфике в том числе (LSJ s. v.).

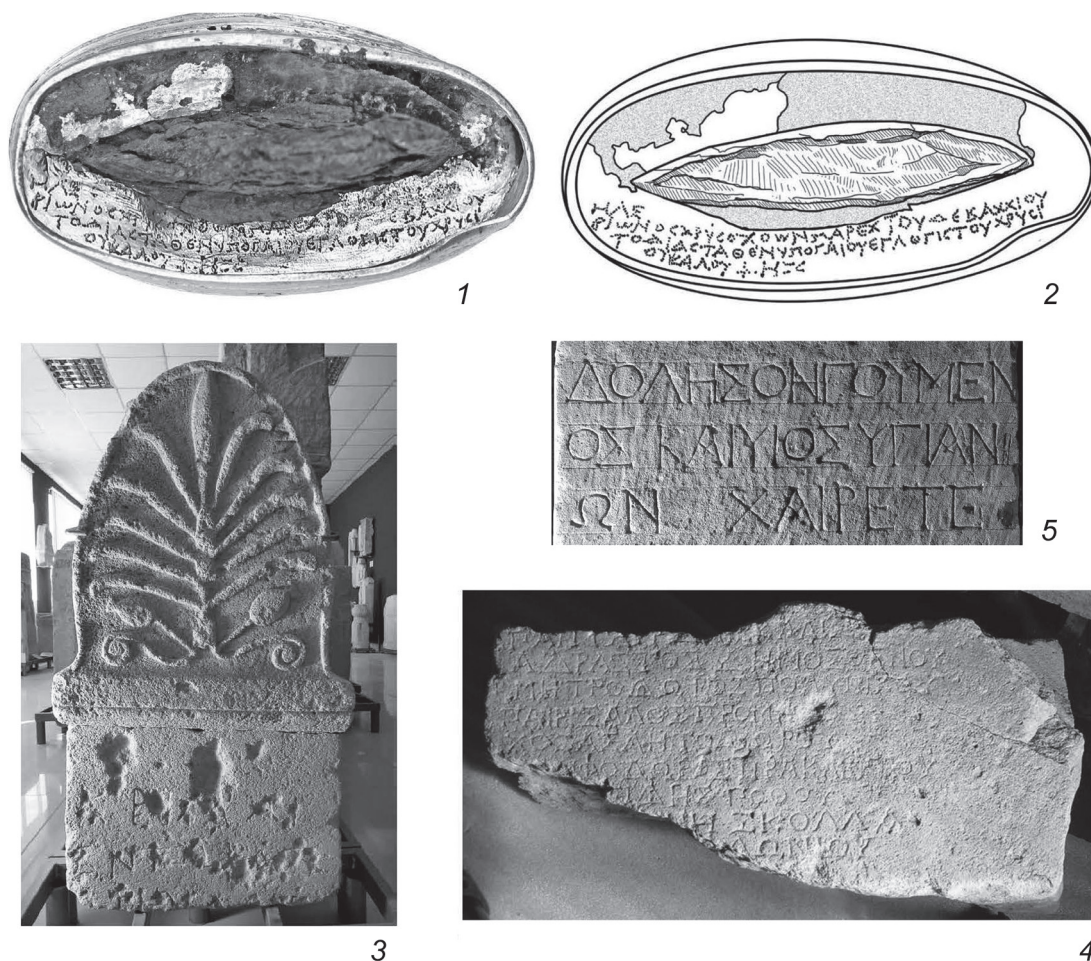

Рис. 1. 1, 2 – Надпись на кинжале из сарматского погребения у села Косика, по: Белоусов, Трейстер 2018 (1 – фото; 2 – прорисовка); 3 – эпитафия со 2-й Митридатской улицы в Керчи, по: Бехтер, Кучеревская 2019; 4 – список имён из раскопок Мирмекия в 2015 г., по: Бехтер, Бутягин 2017; 5 – надпись КБН 450, по: Бехтер 2024

Всё сказанное даёт: « (Работа) Биона, из ювелиров, помимо Бакхия». Смысл (Бион сделал работу, – возможно, квалификационную – самостоятельно, без наставника, о чём гордо и заявляет) разительно отличается от того, что (вне связи с греческим текстом) был предложен публикатором.

Между тем, и он уводит в сторону неуместного тут литературного жанра. Поэтому приходится обратить внимание на то, что *каппа*, судя по стк. 4, выходила из-под руки накалывавшего слова совсем не так, как она увиделась А. В. Белоусову после литер ПАРЕ в стк. 2. Более того, во второй строчке не исключена *дельта* с последующим *ро*. Что даёт возможность – *сугубо предварительно* – прочесть её, наоборот, исходя из работы Бакхия под руководством Биона: Βίωνος χρυσοκόων, παρέδρου δὲ Βαχχίου (« (Работа) Биона, из ювелиров, с помощью Бакхия»). Ведь лексема ὁ παρέδρος значит (включая эпиграфику: LSJ s. v.) «ассистент, помощник». В данном случае, как вариант, можно иметь в виду, что Бакхий – ученик или подмастерье мастера Биона.

В свою очередь, τὸ διασταθῆν (буде то впрямь присутствует на металле) должно соответствовать стандартному глагольному значению διίστημι «выделять, отделять» (LSJ s. v.). Поскольку эклогист, как неоднократно подчёркивал Луи Робер (см. Bull. ép. 52, 87, p. 157; 76, 667 etc.), был финансовым чиновником, ответственным за контроль над выделением/распределением средств и/или ценностей.

В результате в сткк. 3–4 было бы написано «выделено (sc. на изготовление вещи. – Ф.Ш-К) Гаем эклогистом доброго золота и т.д.». Что избавило бы от необходимости придумывать [см. Белоусов, Трейстер 2018, 117] некий налоговый платёж (?), для которого, якобы, был предназначен кинжал явно представительского вида.

Но решающие выводы требуют, конечно же, очного ознакомления с артефактом, которое я надеюсь провести в скором времени. После чего вернусь к рассмотрению поставленных вопросов.

102. Об эпитафии 1978 года со 2-й Митридатской улицы в Керчи (результаты обследования камня). Выполняю обещание, данное в 29 томе Древностей Боспора. Изучение стелы КЛ-1465 *de visu* принесло свой плод¹.

После испорченного сколами и выветриванием в сткк. 2–3 χ/ωρίωι в стк. 3 проступают (рис. 1. 3) верхние части – треугольной буквы, а за ней вертикали, ещё двух отдельно стоящих треугольников, верхний обрывок вертикали *эпсилон* и *ню*. Вместе они дают известную со времён Гомера формулу (*курсивом в греческом я показываю частично сохранившиеся литеры*) Ἀῖδα' (i. e. Ἀῖδαο – с регулярной элизией конечного краткого [ο]) εἶν.

В целом выходит – κεῖμαι/ἐν τῷ δὲ χ/ωρίωι Ἀῖδα' εἶν (κτλ). Завершаться стих должен был оборотом, означающим нахождение/пребывание в пределах властителя царства мёртвых. Например, – δόμοις (ἐόν): наподобие εἶν Ἀῖδαο δόμοισιν (Od. IV 834) или περ ἐόν (ср. εἶν Ἀῖδός περ ἐόν: II. XXIV 593). То есть, примерно, следующее – «в крепости этой лежу, пребывая в Аида пределах», – призванное точно назвать местá пребывания физических останков и бессмертной души покойника. Подробную аргументацию см. в моей статье в сборнике АМА за 1925 год.

103. О поминальном (?) списке из раскопок Мирмекия в 2015 г. Не менее поучительным оказалось и очное ознакомление с именным перечнем КЛ-2709, изданным А. П. Бехтер [Бехтер, Бутягин 2017, 978–990] (рис. 1. 4). Выяснилось, что, хотя одно место буквы здесь колеблется, в среднем, в районе 18 мм (лишь в стк. 4 оно занимает 15 мм), разброс его значений весьма велик. Так, в имени Метродора (стк. 3) – 19 мм, Адраста (стк. 2: литеры выделяются своим размером во всей линейке) – 19.3 мм, а в КОΛΛΑ (стк. 8) – и вовсе 22 мм. Поэтому периодически встречающиеся *vasat* между именами и отчествами и даже внутри антропонимов, – как правило, равные 15 мм (в стк. 3–10 мм) – не мешают распределению текста, к которому пришёл издатель.

Впрочем, её чтения (как и мои предварительные [Шелов-Коведяев 2024, 477]) получили в ходе аутопсии некоторые уточнения. В стк. 1 читается: Πανταλέ[ων] Ἀμκαλι[ο]ς[.]Σ (?). Патронимик Панталеона приносит, по-видимому, новообразование от известной основы αμυκλ- (со вставным [α] [см. Wachter 1991, 49–80]), различные производные от которой

¹ Сердечно благодарю генерального директора Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника Т. В. Умрихину за разрешение работать с надписями и директора Керченского лапидария Н. Л. Кучеревскую за созданные ею прекрасные условия моей работы.

рассыпаны по всем томам LGPN. К сожалению, точную форму этого *потен* установить бесспорно пока невозможно.

В стк. 4 после ЛИ Перисала начертано ΠΡΟΜΗ[.]ΟΥ. Две пропавшие буквы позволяют восстанавливать Προμη[θέ]ου от ΑΗ Προμηтей (LGPN I s. v. etc.), следующего 2-му склонению (ср. Δημοσθένου в стк. 2), что не противоречит [см. Бехтер, Бутягин 2017, 980] датировке надписи рубежом эр.

В стк. 6 отчество Нимфодора читается: Ἡρακλείνου (возможно, новое). В конце стк. 7 стоит Νόθου (Νόθος LGPN II, IIIA s. v.; ср. Νόθων LGPN I s. v.). В стк. 8, благодаря тому что *vacat* между *этой* и *сигмой* незначителен (см. выше), не вызывает сомнения словоделение [—]νης Κόλλα. Наконец, по нижнему краю просматривается окончание стк. 10: ΝΙΟΥ. В целом выходит:

	Πανταλέ[ων] Ἀμυκ<α>λίσ[εω]ς (?)
	Ἄδραστος ν Δημοσθένου
	Μητρόδωρος ν Πολυνίκου
	Παρίσαλος Προμη[θέ]ου (?)
5	Χόσας Λητοδ ν ὤρου
	[Νυ]μφόδωρος Ἡρακλείνου
	[. . . (ca 5) . . .]ίδης Νόθου
	[. . . (ca 6) . . .]νη ν ζ Κόλλα
	[ὁ δεῖνα Ποσει]δωνίου
10	[ὁ δεῖνα - - - - -]νίου

Монументальность плиты говорит, скорее, в пользу списка жертвователей на некое строительство (возможно, даже – в два столбца). Хотя, если думать вместе с А. П. Бехтер о надписи фиаса, не исключён и поминальный характер документа: ведь нижний край камня скраден изломом, и в пропавшей части стелы могло быть довольно места для формулировки μνήμης χάριν.

104. Снова о КБН 450. Недавно вновь вспыхнула острая полемика между А. П. Бехтер [2024, 70–72] и В. П. Яйленко [2019, 125–126, прим. 13] вокруг впервые опубликованного А. И. Болтуновой [Болтунова 1963, 98–99, № 5] и переосмысленного относительно недавно [Бехтер 2013, 9–13] надгробия из собрания И. К. Суручана, хранящегося в ХКМ (рис. 1. 5). Во-первых, *лямбда*, ошибочно показанная вместо *дельты* в начале открывающего его женского имени, – повторенная в КБН пометка первоиздания, не стоящая того, чтобы ею терзаться более полувека спустя.

Во-вторых, ничто не заставляет читать вместе с А. П. Бехтер Δόλης ὁ Ἡγούμενος. Потому что, в-третьих, *ню* окончания имени Долесон и *эта* старта ЛИ Гегумена явственно даны в лигатуре, что отметила уже А. И. Болтунова; а это значит, что в восприятии потомства родители, как и должно быть, были единым целым; отразить такую мысль на письме, не поставив жену на первое место, было невозможно: *сигма* окончания имени мужа и *дельта* начала ЛИ его (следуя надписи, – в полном смысле слова) супруги полноразмерно не переплетаются.

В-четвёртых, Δόλησον, поэтому, была-таки матерью Гигиэнонта. Следовательно, в-пятых, логичнее всего прочесть надпись так: Δόλησον, Ἡγούμενος καὶ υἱὸς Ὑγια(ι)νων – 2 *vacat* – χαίρετε. То есть, видеть в ней памятник родителей и их сына, что отражает рельеф (см. КБН-Альбом 450), где композиционно объединены трое усопших (отец на коне, мать перед ним

традиционно на втором месте – образ уравнивает текст – и их отпрыск между ними), поставленный изображёнными над текстом ещё тремя персонажами: сыновьями покойных и братьями Гигизонта, стоящими отдельно справа от женской фигуры.

105. Об остраконе из раскопок Мирмекия 1986 года. Только что А. П. Бехтер [Бехтер 2024, 64–70, 72] издала любопытное граффито (рис. 2. 6) – Φίλσκοϛ ὁ μάχϛοϛ. Она справедливо указала на то, что впереди имени Филиска могло находиться ещё нечто, тогда как расположение на черепке слова μάχϛοϛ (с размещением последнего слога под вторым) предполагает, скорее всего, что на нём высказывание и заканчивалось.

Одной из возможных его интерпретаций она считает его нанесение на крепившуюся к мешку бирку, отверстие которой пропало в изломе вместе с левой половиной *φι* в имени упомянутого лица. В этой связи она привела интересные данные о боспорянах на службе в птолемеевском Египте, где лексема μάχϛοϛ обозначала принадлежность к военному сословию (ср. LSJ s. v.: Геродот, папирусы). Для приоритетности этого объяснения хотелось бы видеть анализ возможности такого же словоупотребления и на Боспоре.

В отсутствие такого исследования мне симпатичнее другая версия исследовательницы – об ироничном высказывании в адрес Филиска. Она приводит в качестве аналогии к μάχϛοϛ русскую идиому *Аника-воин*. Я бы добавил сюда и более расхожие эпитеты, например, – «вояка, задира, забияка» и т. п., поскольку *прилагательное* μάχϛοϛ (LSJ s. v.) означает «сделанный, годный для войны».

Тогда перед нами может быть окончание несохранившейся развёрнутой, может быть, даже стихотворной (?) сатирической тирады. Единственно, на что мне ещё хотелось бы обратить внимание А. П.: публикуемые ею самой письма на свинце и другие документы из Мирмекия могли бы избавить её от повторенных ею и тут [Бехтер 2024, 70] сомнений в том, что тот был самостоятельным полисом.

106–113. О надписях с северо-восточной окраины городища Горгиппия. В прошлом году Н. В. Завойкина [Завойкина, Новичихин 2024, 184–211] опубликовала новую серию надписей, найденных в Анапе в разные сезоны. Большей частью, обрывков совсем незначительных.

В этой связи вспоминаются десятки раз повторенные в Bulletin épigraphique призывы Луи Робера: не перегружать даже корпусные издания такого рода обломками, если их не предлагается объединять с другими такими же в какой-нибудь общий контекст. Кроме того, более 80-ти процентов представленного собрания заслуживают быть отражены исключительно маюскулами (как правильно сделано лишь в ряде случаев – см. № 2A, 8–10, 14–21, 27, 40, 41): настолько они неинформативны. Наконец, хотелось бы, чтобы в будущем фрагменты были расположены друг за другом по мере убывания текстового объёма, а не вразнобой.

107. Там же [Завойкина, Новичихин 2024, 185–187, № 1] Н. В. Завойкина публикует (рис. 2. 7) части 4-х строк, находящиеся, как она считает, у правого края мраморной плиты: ΑΣΕΙΤΑΙ/ΓΩΓΟΝΜΟΙ/ΠΑΠΑΚΑΙΦΡΟΝ/.ΕΙΝΟΝΕΠΑΦΡΟ, которые читает –

[Θ]ιασεῖται οἱ περὶ ἱρέ]α Σετα[ν]
[- - - - - καὶ συνα]γωγὸν Μοι-
[ρόδωρον - - - Π]άλα καὶ φρον-
[τιστῆν - - - - -]εῖνον Ἐπαφρο-
[δείτου]...

Рис. 2. 6 – Граффито Филиска из Мирмекия; 7 – список фиаситов из Горгиппии, по: Завойкина, Новичихин 2024; 8 – начало надписи фиаса из Горгиппии; 9 – фрагменты имён из Горгиппии; 10 – фрагменты имён из Горгиппии; 11 – фрагменты имён из Горгиппии (6 – по: Бехтер 2024; 7–11 – по: Завойкина, Новичихин 2024)

Однако, судя по взаимному расположению букв, справа они в край не упираются. Поэтому строки, по-видимому, должны быть рассчитаны иначе. Тем более, что в стк. 1 позволительно восстанавливать [- - - θι]ασεῖτα [ι οἱ περὶ - - -]. А коли Π]άλα, как предлагает издательница, есть имя деда синагога, то оно должно, согласно традициям надписей боспорских фиасов, предваряться членом τοῦ. Тогда на патронимик Мойродора (?) в предложенной ею реконструкции пространства не остаётся вовсе.

108. Там же [188–189, № 3] (рис. 2. 8) другие четыре строчки – ΥΣΕΤ/ΣΕΤΗΟΙ/ΑΓΩΓΟΝ/ΟΝΦΑΡ – прочитаны Н. В. Завойкиной как:

[φιλοκαῖσα]-
[ρος καὶ φιλωμαίου, εὐσεβο]ῦς ἔτ[ους]
[..., μηνὸς ----- θια]σεῖτ {η} <αἱ> οἱ
[περὶ ἱερέα ----- καὶ συν]αγωγὸν
[- ----- καὶ φροντιστὴν -----]ον Φαρ-
[νάκου?]...,

что создаёт ту же проблему с расчётом строки. При подходе издателя места для ЛИ жреца, синагога и фронтиса оказывается маловато.

Надо отметить также раннее написание дифтонга αἱ через η. А. И. Доватур [Доватур 1965, 802] фиксировал этот процесс на Боспоре в IV–V вв. При этом, что сама эта к тому времени уже давно произносилась как *ита*, такая графика может свидетельствовать о локальных особенностях артикуляции, приведшей αἱ к трансформации не в [e], но в [i].

109. Там же [189–190, № 5] (рис. 2. 9) неясно, почему окончание ΝΩΝΟΣ дополняется именно до Ксенона, хотя в боспорской эпиграфике возможны и иные варианты (см. LGPN IV).

110. Там же [190, № 6] (рис. 2. 10) лучше было бы оставить одни маюскулы, ибо словоделение в ΣΑΜ может проходить и между *альфой* и *мю*, которые, в таком случае, принадлежат разным антропонимам.

111. Там же [193, № 11] (рис. 2. 11) в стк. 1, кроме Эхина, допустимы Αἵσχ[ρων], Αἵσχ[ρίων] κτλ. В стк. 3 ΑΣΦΑ может быть началом ΑΗ. Оттого здесь было бы лучше избегать восстановлений.

112. Там же [199, № 24] (рис. 3. 12) маюскулы ΥΣΙΑ могли бы (ибо иллюзию апекса перед *сигмой* создаёт скол на камне) точно также принадлежать ЛИ Ο]ῦσία и т. п.

113. Там же [201, № 25] (рис. 3. 13) то же можно сказать о двух наклонных линиях со стёртой между ними перекадиной и последующими литерами ΙΑΣ: тут есть вероятность имени Αἴας (см. LGPN passim).

114. Об испытаниях одной строительной надписью из Танаиса. Год назад [Бейлин, Яйленко 2024, 205–207] возобновилась дискуссия между нашими знатоками боспорского иудаизма, спровоцированная сильно травмированной танаисской мраморной доской (ср. [Иванчик 2020, 943–953]). Ранее над нею работал Ю. Г. Виноградов [там же, 948, лемма].

А. И. Иванчик пишет, что в папке Юрия Германовича с материалами по Танаису, переданной вдовой учёного Т. А. Виноградовой в Санкт-Петербургский филиал

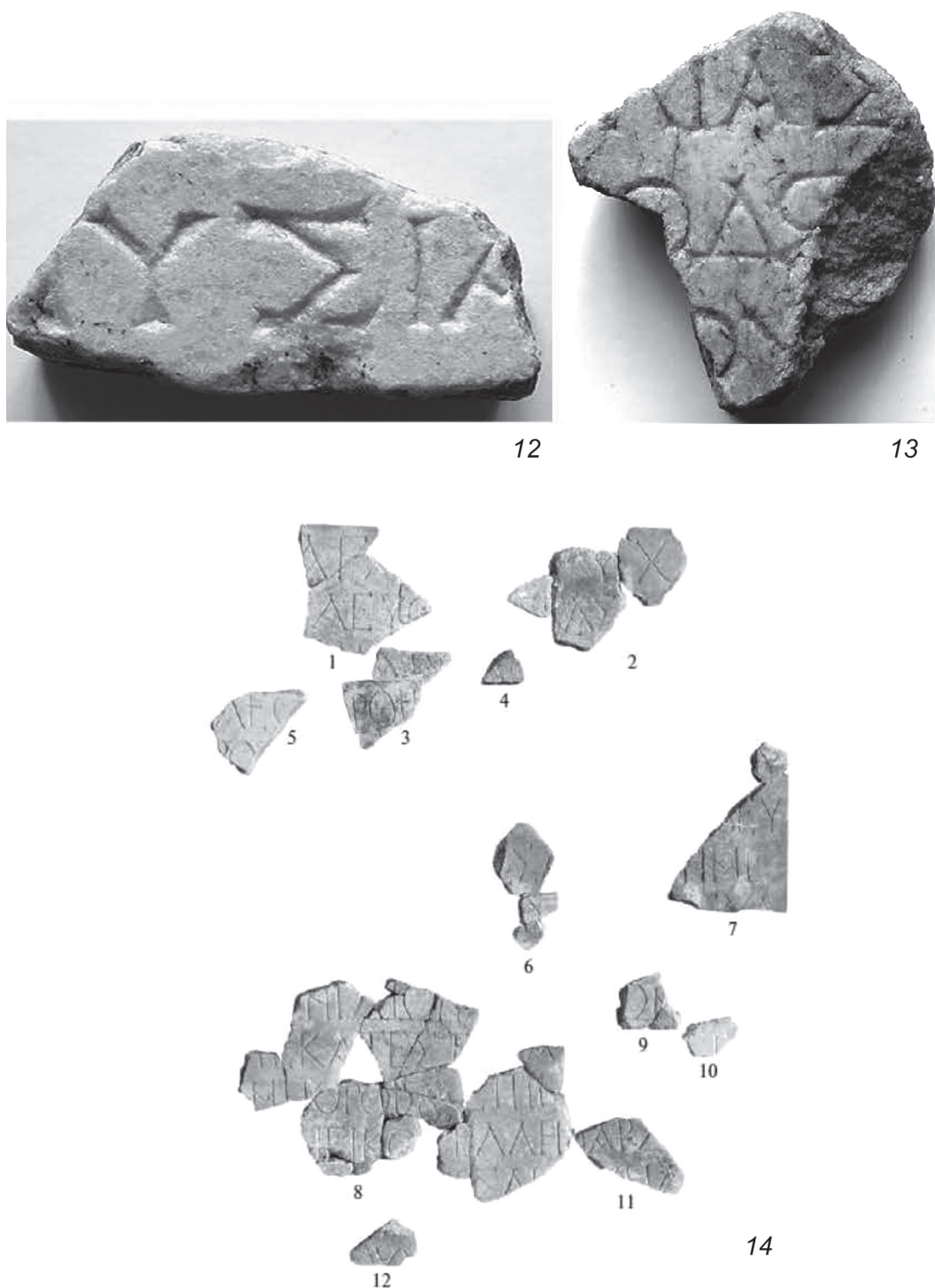

Рис. 3. 12 – Имя Усиа (?) в надписи из Горгии; 13 – имя Аякс (?) в надписи из Горгии; 14 – строительная надпись из Танаиса (12, 13 – по: Завойкина, Новичихин 2024; 14 – по: Иванчик 2020)

Архива РАН, он ознакомился с фотографиями и реконструкцией памятника [там же, 946; ср. *Иванчик, Тохтасьев* 2019, 994–995]. До этого же ему не удалось обнаружить ничего, с ним связанного, в той части архива эпитафиста, которая попала в ВДИ [*Иванчик, Тохтасьев* 2019, 994]. Это правда, что бумаги отца А. Ю. Виноградов отдал в редакцию журнала без должного описания. Но, хотя А. И. Иванчик лучше обходится с архивным наследием учёного, чем свойственно И. А. Макарову (который просто использует рукописи Ю. Г. Виноградова в своих интересах: см. об этом мои заметки в выпусках Херсонесского Сборника последних лет), и ему, судя по характеру его возражений Ю. Г., было известно нечто большее, чем он упоминает.

К рассмотрению всего документа я вернусь в другой раз. Теперь же сосредоточусь на пункте, по которому с предшественником скрестил шпаги А. И. Иванчик (а с ним, в свою очередь, сразился В. П. Яйленко), и на котором А. И. основывает свои суждения о существовании в Танаисе еврейской общины.

В частично сохранившейся стк. 14 (фр. 8 и 11; рис. 3. 14) надписи, которую Ю. Г. Виноградов не успел издать, он читал [- - - Α]ρσάκ[ο]ν, Ἰλ[- - -]. А. И. Иванчик же [*Иванчик* 2020, 947] предложил: [- - -]Ρ Σαμ[ο]νίλ[ο]ν - - -].

В принципе, *ρο* перед ΣΑΜ могло бы принадлежать окончанию еврейского имени (например, Ἐλέζαρ). Размер лакуны это позволяет, а такую передачу ЛИ Елеазар греческим языком см. в LGPN I и т. д. Мог бы получиться носитель иудейских *ποτίμν*. Впрочем, так же выглядела бы и транскрипция патронимика Самвел – с армянской коннотацией.

В. П. Яйленко, со своей стороны, обратил внимание на то, что после ΣΑ ничто не вынуждает видеть именно *мю* [Бейлин, Яйленко 2024, 205]. Так как я в конце 1990-х помогал моему учителю компоновать фотографии (крупного масштаба) данной надписи, могу подтвердить, что за верхний обрывок правой вертикали *мю* А. И. Иванчик принял изъём камня. Так что *каппа*, по верхнему усiku которой прошёл излом, имеет преимущество.

Но главное – лакуна перед *ипсилоном* слишком велика для того, чтобы быть заполненной единственным *омикроном* (даже в самом крупном – втором в стк. 12 – его исполнении). Отсюда восстановление имени Самуила совершенно невозможно.

Те же соображения не позволяют принять и вариант [Α]ρσάκ[ο]ν. Почти идеальный генитив Αρσακοῦ (LGPN VC s. v.) не проходит ввиду отсутствия *мю*. Остаётся упомянутое [Бейлин, Яйленко 2024, 205] В. П. Яйленко [Α]ρσακ[ι]ο[ν] (LGPN VA s. v.) – с той же основой, но иным окончанием. Оно засвидетельствовано в Прусиаде на Гипии и – при условии широкого начертания *омикрона* и *ипсилон* (ср. их вид на фр. 12) – решает проблему. Очевидно, надо разом согласиться и с А. И. Иванчиком [*Иванчик* 2020, 951] «иудеи в Танаисе прямо не засвидетельствованы», и с В. П. Яйленко [Бейлин, Яйленко 2024, 207], отрицающим наличие надёжных эпитафических свидетельств о существовании в Танаисе еврейской общины.

115. О пределах возможностей языковых экспериментов. Во втором выпуске журнала ПИФК за 2024 год В. Д. Кузнецов [Кузнецов 2024, 31–55] в остро полемической форме ответил на также весьма arrogantные высказывания С. А. Коваленко в свой адрес. Попутно он коснулся атрибуции надписи ΣΙΝΔΩΝ на знаменитых монетах с этой

легендой, отстаивая мысль об их эмиссии объединением (вероятно, во главе с Фанагорией) полисов Азиатского Боспора.

Он не придал, по-видимому, большого значения тому, что два столь разных – но одинаково профессионально владеющих древнегреческим языком автора – как я (чуть раньше, т. к. эта интерпретация представлена в автореферате моей диссертации 1983 г.; развита в книге [Шелов-Коведяев 1985, 125–128]) и С.Р. Тохтасьев (чуть позже [Тохтасьев 2001, 63–79]: со ссылками на свои работы, начиная с 1980-х годов) – независимо и практически одновременно пришли к одному и тому же выводу: монеты, подписанные ΣΙΝΔΩΝ, выпускались от имени синдских царей и для них (подобно чеканке одрисов и проч.). Да и того, что это решение было принято таким непревзойдённым во многом нумизматом, как Д. Б. Шелов (придерживавшимся до того иного взгляда), тоже не стоило бы сбрасывать со счетов.

Настаивая на своём, В.Д. Кузнецов предлагает считать, что ΣΙΝΔΩΝ было некой аббревиатурой. Чего, самого по себе, исключить, конечно же, нельзя. Но он предлагает в качестве полной формы генитива ΣΙΝΔΩΝ (ΩΝ) от им. пад. мн. ч. ΣΙΝΔΩΝΟΙ.

Увы! Если смотреть на неё, как на передачу средствами греческого языка лат. Sindones, то это оказываются те же синды с их же, опять-таки, монетой. Если же не возводить ΣΙΝΔΩΝΟΙ к Sindones, то с морфологической, прежде всего, да и с фонетической стороны ΣΙΝΔΩΝΟΙ может означать только одно: «принадлежащие синдам». То есть, чекан, всё равно, подчёркивал бы собственность синдов – только в иной нюансировке.

Что, безусловно, объясняло бы «освободительные» порывы Сатира и Левкона, обращённые на таманский берег. Но сама мысль о подконтрольности эллинских апоекий Азиатского Боспора синдам представляется мне слишком революционной.

Что же до сокращения [Кузнецов 2024, 42–43] от Σινδικὸν κοινόν «Синдский союз», не говоря уж о Σινδικὰ ἔθνη «синдские племена» (даже в коренных греческих землях ἔθνη отражало принадлежность к разным этнолингвистическим группам внутри эллинов), то оно, во-первых, куда ярче чисто грамматически возвращало бы нас на те же круги синдской валюты, но – не союза полисов Синдики. Во-вторых, и аббревиатура от Σινδικὸν/Σινδικὰ другая – ΣΙΝΔΙ/ΣΙΝΔΙΚ. К сожалению, гипотеза В.Д. Кузнецова не находит себе опоры в языковом материале.

Заодно хочется снова предостеречь историков и археологов, не владеющих греческим языком, от перевода (для «удобства» или краткости) термина ἄρχων, использовавшегося ранними Спартокидами, как «архонт». У боспорских тиранов это – не субстантив, но (как было мною давно доказано, и принято в литературе) – причастие «правлящий». Что в очередной раз было блестяще подтверждено, как раз, посвящением Теопротида из Нимфея, на которое обильно (с. 37 и др.) ссылается В.Д. Кузнецов.

Буде дело обстояло бы иначе, вышло бы, что Левкон в этом вотиве – «архонт» всей Синдики, включая и покорённых синдов (!?). На самом же деле, он сообщает о себе, что он «правлящий» (= правитель) Боспора, Феодосии и Синдики. Где две последние выделены особо как недавно приобретённые важнейшие части державы.

116. О третьем упоминании Герака Понтикова. В 2024 г. С.Ю. Сапрыкин [Сапрыкин 2024, 334–347] дал серию эпиграфических заметок, которые возвращают к вопросу о непродуктивности работы исключительно по фотографиям, – даже если они высокого

качества. В частности, он публикует [там же, 334–340] фрагмент мрамора, случайно найденного, как ему сообщили, в районе Второго кресла горы Митридат в Керчи и хранящего в частной коллекции в Краснодаре (рис. 4. 15).

Несмотря на то, что *сигмы* тут *всюду* четырёхчастные, он вдруг восстанавливает в стк. 3 у её правого скола прямоугольную форму литеры. А ведь отходящая под прямым углом от ножки *rho* плоская верхняя линия его петли на две графемы впереди, а также в стк. 4, говорит о том, что и в данном случае в излом уходит тоже *rho*, нижнее завершение полукружья которого уничтожено затёртостью по краю облома. Кажущаяся же неровность спинки буквы есть результат оптического эффекта фотографии.

Выходит, С. Ю. Сапрыкин не распознал имя хорошо уже известного по двум памятникам (КБН 1053 и [Pavlichenko, Fedoseev 2018, 315–336; Шелов-Коведяев 2021, 755–766]) Герака Понтикова, начальника службы переводчиков с аланского языка при боспорском дворе: [- - -]Ἡρακῆ Ποντικοῦ ἀρχερ[μηνέως Ἀλανῶν - - -]. Это вторая за последнее время встреча с ним в боспорских документах и третья, начиная с 1911 года, когда впервые увидела свет будущая КБН 1053. Всё говорит не только о его высоком положении в царской администрации, но и, – поскольку есть все основания считать новую надпись, как и две предыдущие, строительной, – о богатстве вельможи, многократно участвовавшего в финансировании крупных (судя по целому перечню ЛИ в новом фрагменте) проектов.

Из графических особенностей надо отметить в сткк. 1–2 регулярное начертание окончания род. пад. м. р. 2 скл. через ω (вм. ου), характерное для первых веков по Р. Х. [см. Доватур 1965, 801, § 4.6; ср. 812, § 2.5]. В сочетании в одном тексте написания без различия в такой позиции ου и ω также нет ничего необычного (ср. [там же, 801, § 4.2.]).

В итоге я так читаю сткк. 2–4:

[- - - - -]ω (gen.) Σενέκω, Ἀτο[τεως - - - - -]
 [- - -]Ἡρακῆ Ποντικοῦ ἀρχερ[μηνέως Ἀλανῶν,]
 [- - - - -]. . ἀρχοντ[ος - - - - -]

«(на средства - - - - - имярек)а Сенекова, Ато(та - - -, - - -, Герака Понтикова нач(альника службы аланских переводчиков), - - - - архонт(а - - -)»; к вариантам генитива имени Атота см. именной индекс в КБН; *омикрон* в конце стк. 4 затёрт, как и нижний сегмент петли *rho* в стк. 3 и перемычка *альфы* в стк. 2; появление после Герака должности архонта может свидетельствовать о том, что надпись датируется тем периодом правления Савромата II, когда он, как было мной недавно установлено, был лишён Римом царского достоинства.

Если сведения о месте находки верны, то появляется бесспорное (фрагмент из урочища Кыз-Аул принадлежал расположенному поблизости трофею [Шелов-Коведяев 2021, 761]) свидетельство о деятельности Герака в Пантикапее. Впрочем, коллекционеры (особенно при их территориальной близости к источнику своих приобретений) чаще склонны скрывать истинное происхождение своих сокровищ. А потому новый фрагмент (поскольку он попал к хозяину в Краснодарском крае), скорее всего, как и КБН 1053, говорит о гераковой активности на Азиатском Боспоре.

117. О гирьке из Пантикапея. Рядом с предыдущим артефактом С. Ю. Сапрыкин [Сапрыкин 2024, 340–343] издал свинцовую гирю (рис. 4. 16). По его мнению, надпись, удостоверяющая её стандарт, следует читать: ἀγο[ρανομ]/οὐν[των]/Τιμέ[ου]/Ρύθμου/Ετικ[ράτου]/Π Α Ν.

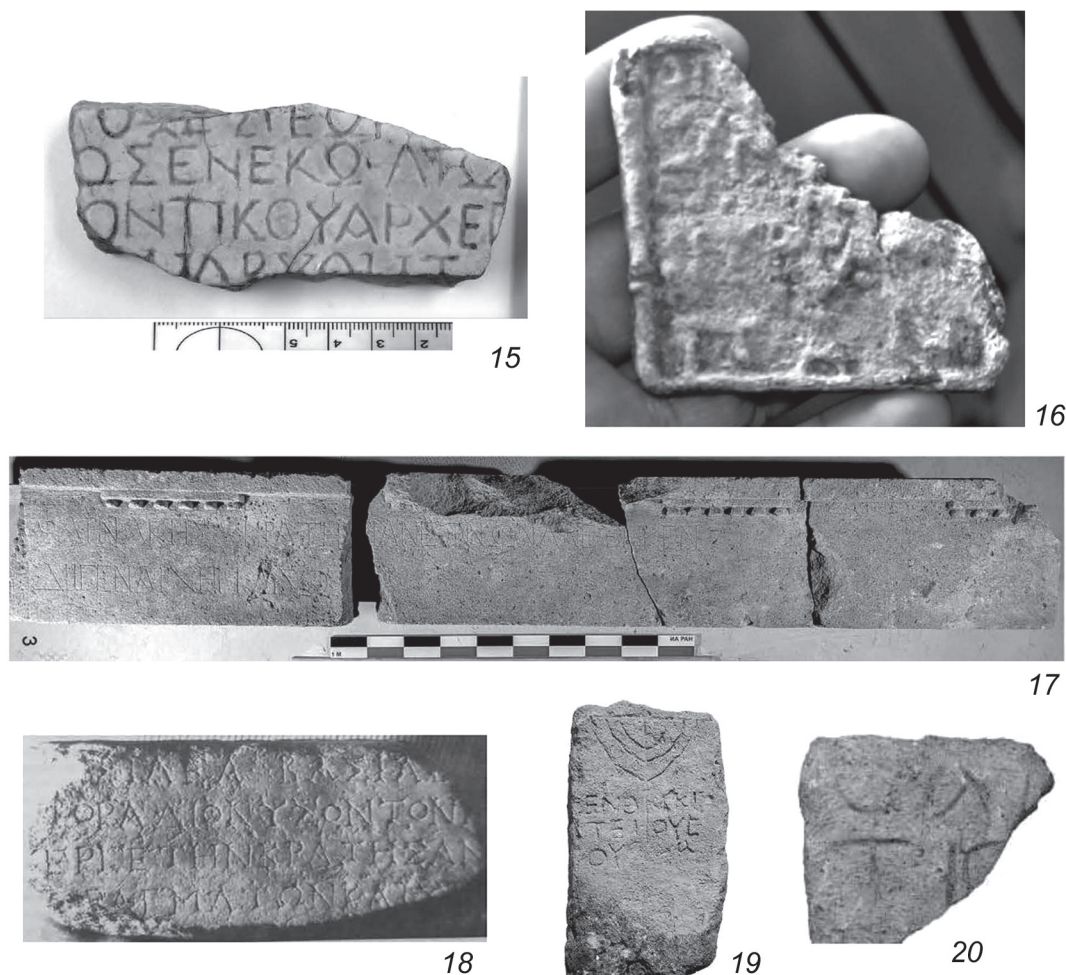

Рис. 4. 15 – третья надпись Герака Понтикова; 16 – свинцовая гирька; 17 – вотив Фарнака Зевсу с городища Артезиан; 18 – надпись в честь Митридата Евпатора; 19 – надгробие Йошуа с Павловского мыса; 20 – надгробие Самбатиона с Павловского мыса (15, 16 – по: Сапрыкин 2024; 17 – по: Винокуров, Яйленко 2024; 18 – по: Яйленко 2010; 19, 20 – по: Бейлин, Яйленко 2024)

Но если имя Эпикрата на металле фиксируется надёжно, то для Ритма там вовсе нет места, а присутствие Тимея (ибо, судя по всему, интервалы между строками в конце клейма весьма значительны) – сомнительно. Я бы предпочёл:

ἀγο[ρανομ]-
οὖν[τος]
Ἐλκ[ράτου]
ΠΑΝ.

118. О танаисских документах. Стоит ли после этого удивляться тому, что ничто из того, что С. Ю. Сапрыкин [там же, 343–345] усмотрел на фотографии опубликованного мною фрагмента из Танаиса [Шелов-Коведяев 2019, 342–355], не подтверждается её изучением *de visu*, которое я проводил неоднократно.

Замечу лишь, что в пылу полемики мой критик смешивает в одно и взбалтывает то, что я пишу о новой надписи и давно известной, пространной КБН 1257 (где, вопреки С.Ю., нет пресбевта). Из-за чего может создаться впечатление, будто я делаю выводы о визите боспорского царя в Танаис на основании обломка с остатками четырёх строк текста. К тому же оппонент напрасно проигнорировал приведённые мною примеры двойных датировок из боспорского материала.

119. О КБН 29. В 1985 году С.Ю. Сапрыкин [Сапрыкин 1985, 63–86] (ср. рецензию Ю.Г. Виноградова в Bull. ép. 90, 580) пересмотрел принадлежащее В.В. Латышеву восстановление посвящения, предположительно Фарнака (недавно допущение нашло своё подтверждение, см. ниже № 120), Зевсу Генарху. Он правильно обратил внимание на то, что мэтр отечественной греческой эпиграфики неверно разместил текст на мраморе. И это позволило ему предложить собственные дополнения: [Φαρνάκης? μέγας βασιλεὺς βασιλέων / ὑποτάξας βαρβάρους τοὺς κ]ατὰ τὴν Εὐρώπην / [καὶ τὴν Ἀσίαν (?) ἀνέθηκε] Διὶ Γενάρχηι.

В самом деле, третья строка вотива не может располагаться по центру относительно двух первых: её финальные литеры почти совпадают с окончаниями сткк. 1–2 (см. КБН-Альбом 29). Кроме того, необходимо учесть *vasat* по 2 м.б. в титуле монарха (стк. 1) и после *κατά* (стк. 2).

Судя по всему, такой же интервал предварял имя Зевса в стк. 3: знаки в ней стоят очень плотно, но перед *дельтой* эта тенденция нарушена. Не исключено, что в пропавшей части надписи были и иные *vasat*, например, в титулатуре.

Между тем, и собственные расчёты С.Ю. Сапрыкина неточны: лакуна в начале стк. 2 в его исполнении оказывается переполненной на 4–5 букв относительно стк. 1 и не менее чем на 5 – относительно стк. 3. Более точной (в скобках указан объём лакуны с учётом *йот*) видится учитывающая наличие *vasat* (в том числе, вероятных, в лакунах) реконструкция:

лакуна	текст
19 (18,5)	[Φαρνάκης μέγας βασιλεὺς βασιλέων
20	[κρατητῆς βαρβάρων τῶν κ]ατὰ τὴν Εὐρώπην
19 (18)	[καὶ τὴν Ἀσίαν (?) ἀνέθηκεν] Διὶ Γενάρχηι

κρατητῆς «властитель» (ср. лексику применительно к Митридату и Фарнаку в памятниках, которым посвящены заметки 120 и 121) лучше отвечает идее С.Ю. Сапрыкина – Фарнак опирался, в основном, на варварские племена Боспора, – чем *ὑποτάξας* «подчинив», что говорило бы о конфликтах наследника понтийского царя с аборигенами.

120. О посвящении Фарнака из раскопок городища Артезиан в 2023 году. В четвёртом номере журнала ПИФК за прошлый год В.П. Яйленко [Винокуров, Яйленко 2024, 231–271] опубликовал найденный в закладе при раскопках Артезиана вотив Фарнака на архитраве храма (рис. 4. 17). Он сделал правильные выводы о том, что (1) стк. 2 должна была находиться примерно ниже середины стк. 1 (т.к. открывающая стк. 2 *дельта* стоит прямо под *фи* в имени Фарнака в стк. 1), а значит (2) три последние литеры стк. 2 необходимо помещались строго ниже окончания слова, начинающегося на ΚΡΑΤΗ, и (3) размер текста перед ЛИ Фарнака в стк. 1 был симметричен таковому во второй части строки после границы знака, совпадающего с завершением стк. 2.

Вот только моя аутопсия надписи im Felde августом 2023 года показала, что впереди имени Фарнака в стк. 1 находится обширный *vasat*, аналогичный тому, что обрамляет его и в конце, а не *po*, как может показаться по фотографии. Кроме того, перед PANEONQN по излому внизу стк. 1 прочитывается нижняя часть наклонной линии.

Исходя из принципа расчёта длины строки, верно предложенного В.П. Яйленко, получаем – поскольку PANEONQN ἀνέθηκεν даёт 16 полноценных букв, – что перед ЛИ Фарнака пропало примерно столько же. Как раз достаточно для формулы βασιλεὺς βασιλέων (16 (15 – с учётом двух *iota*) м.б.): не забудем, что сам Фарнак логично выделен с обеих сторон большими *vasat*.

Важно понять, что скрывается за PANEONQN. Как и В.П. Яйленко, я тут ожидаю топоним. В его отождествлении помогает Птолемей, в Географии которого (Ptol. Geogr. III 5, 4) находим мыс (ἄκρον) Ἀγάρων и устье (ἐκβολαί) (реки) Ἀγάρων. Правда, их принято искать на северном берегу Меотиды. Но, учитывая представления о ней во времена Птолемея как о вытянутой в широтном направлении строго с запада на восток, не будет большим грехом счесть подобные их локализации несущественной аберрацией.

В пользу такого выбора говорит имя Ἀγάρος из знаменитой новеллы Диодора о расправе сына Перисада I Эвмела над семьями и приближёнными Сатира II и Притана после поражения и гибели обоих его братьев в военном противостоянии с ним в ходе разразившейся между ними по его вине борьбы за престолонаследие после смерти их отца, правившего многие десятилетия (Diod. XX 24, 3). Согласно сообщению историка, из всех, на кого обрушились репрессии, спастись удалось только юному сыну Сатира II Перисаду, бежавшему к скифскому царю Агару.

Последнего обычно логично считают не владыкой всех скифов, но вождём одного из их близко расположенных, признававших власть боспорских тиранов (почему Перисад Сатиров и стремительно к нему ускакал (ἐξήλθεύσας, букв.: «выскакал»): вряд ли без сменных – в силу спешки – коней он мог уйти за Перекоп) и/или союзных им племён Керченского полуострова. Что объясняло бы и практически идентичные антропониму ТН – мыса и реки, протекавшей (в период и после дважды накрывших Восточный Крым в 2021 году страшных залповых ливней она вновь проявила себя) у городища в древности. Показательно также отвечающее всему сказанному встреченное во второй артезианской эпитафии женское ЛИ, наиболее правдоподобно (см. [Винокуров, Яйленко 2022, 41]) выглядящее как Ἀγάρ(ο)ν.

Раз так, то наследственные владения Агара вполне могли располагаться в районе нынешнего поселения Артезиан. За такое предложение говорят и выразительные тюркские (вероятно, как часто бывает, калькирующие предшествующие местные названия) топонимы по соседству с ним – Хытай/Китай («укрепление»: совр. Либкнехтовка) и Аджи-Бай (где Аджи вполне могло получиться не только из не слишком понятного в данном контексте тюрк. *haji/haci*, но и из трансформации ир. *Ag-, а «бай» = «вождь, хозяин, господин, государь»: совр. Новоотрадное).

Согласно словоупотреблению греческого языка, удел такого, условно говоря, князя – независимо от его реального статуса (который, судя по тому, что на него положился-таки член правящей династии и вероятный претендент на престол, был, всё же, высоким) – именовался «царским»: τὰ βασιλεία (plur. neutr.). А полное (отсылающее

к личности наследника отчины) его название, в данном случае, звучало, соответственно, – τὰ Ἀγάρα (βασιλεία).

Ничего существенно не меняет в этой картине и гипотетическая альтернатива, согласно которой источник Диодора (или он сам) переименовал сообщение боспорской хроники о том, что беглец вырвался «в Агарскую землю» (εἰς Ἀγάραν), привычно посчитав, что территория поименована по её хозяину, и превратив ΤН Ἀγάρα, созвучный иным региональным именам, в антропоним Ἀγαρός. Ведь и она выявляет древнее наименование одной из ландшафтных зон близ Керчи.

Наконец, исходя из семантики АН, переданного Диодором (возможно, от ир. *ā-garH¹ «славить, прославлять»: см. (с литературой) [Кулланда 2016: 42, Ἀγαρός]), его можно считать не индивидуальным, но родовым именем: (скифы) «славные» либо «славящие» (своего верховного бога войны в образе акинака: Hdt. IV 62). В этой связи снова укажу на красноречивые топонимы в округе Артезиана: нынешнее Золотое было Чегене («драгоценное»), Бабчикская балка – Карамской (карам значит «щедрость» и «святость»), Державино – Аджи-Эли (где об Аджи см. выше, а эли – «возвышенный»). Характерно, что, какую опцию здесь ни выбрать, все они однозначно подтверждают, что далеко неслучайно орда Агара стала опорой боспорского режима.

По-видимому, и урочище, в котором был расположен объект (ставка предводителя (?): ср. старое название села на месте современного Багерово – Курулу, «священное место», «место сбора» в тюркских языках) на месте городища Артезиан, аналогично звалось Ἀγάρα. Арийскую этимологию «агарских» топонимов Крыма укрепляет название города Ἀγάρα, локализуемого Птолемеем (Ptol. Geogr. VII 1, 67) на территории современного Пакистана, издревле заселённого иранскими племенами (не путать с семитским Ἀγάρρα в Сузиане – Ptol. Geogr. VI 3, 5). Отсюда уже *боспорская крепость* получила своё наименование – Ἀγάρα Νέον (sc. τεῖχος): «(крепость) Новая Агара» (по-гречески τεῖχος, «форт», – слово среднего рода). От этого ΤН регулярно образуется этникон Ἀγαρνεόνος: применительно к обитателям посада (gen. pl.) – Ἀγαρνεωνῶν.

КРАТН стк. 1 уместно, как предложил В.П. Яйленко, разворачивать в кратήσας «овладев» (LSJ s.v. I 3). Либо в кратητής «властитель» (LSJ s.v.). Выходит: [Βασιλεὺς βασιλέων] Φαρνάκης кратή[σας (vel кратη[τής] Ἀγ)αρνεωνῶν ἀνέθηκεν / Διὶ Γενάρχηι καὶ Σωτ[ήρι] «Царь царей Фарнак, покорив (vel повелитель) агаранеонян, воздвиг Зевсу Родоначальнику и Спасителю».

В первом случае памятник свидетельствовал бы о борьбе Фарнака за утверждение своей власти, полученной им от римлян в награду за измену отцу – Митридату VI Эпатору. Ведь гарнизон крепости, размещённый последним в северном пограничье полуострова в Агаранеоне, мог, в отличие от сына, хранить верность своему господину.

Наконец, информативны сами эпikleзы Зевса – Родоначальник и Спаситель. Вторая перекликается не только с возможными обстоятельствами, предшествовавшими постройке храма, но и с точно известной (см. КБН) традицией почитания Спартокидами Зевса Сотера. Налицо аллюзия Фарнака на преемственность его власти от природных боспорских владык.

Что до Генарха, то второе его явление, связанное с Фарнаком (первое отражает, по мнению В.В. Латышева, КБН 29: см. выше), может свидетельствовать о том, что божество

выступает тут в ипостаси Зевса-Гелиоса, тождественного Митре. Ведь известно, что, как титул «царь царей» был унаследован эллинистическими монархами, а затем и различными династиями Малой Азии от Ахеменидов (см. Bull. ép. 90, 589: с литературой), так и Митра, согласно иранской мифологии, был создан Ахурамаздой. Цари же Персии тоже считали Ахурамазду источником/родоначальником своей власти. То есть, почитание Фарнаком Зевса с эпитетом Генарх, видимо, отсылает и к персидскому наследству. Тем самым, он, похоже, хочет показать, что он продолжает в одном лице традиции обеих держав. Что, в свою очередь, вполне укладывается в рамки наследования Митридатовой политики.

121. О надписи на постаменте статуи в честь Митридата Эвпатора из Нимфея.

В связи с восстановлением глагольной формы κρατή[σας] в *агаранеоновском* посвящении В.П. Яйленко упоминает почётный вотив на базе для скульптуры из Нимфея, который неоднократно публиковался, начиная с 1980 года (рис. 4. 18). В первом издании [Молев 1980, 43] он был прочитан: [Β]ασιλέα νας. βασιλέ[ων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]/τορα Διόνυσον τὸν Ν[υμφαῖτων τοῦ δήμου εὐ]/εργέτην κρατήσαν[τα τῶν ἐν πάσῃ Ταυρικῇ/π]ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[έρ -].

Затем к нему обратился В.П. Яйленко [Яйленко 1985, 617–619, 657–659]. У него сначала получилось: [Β]ασιλέα νας. βασιλέ[ων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]/τορα Διόνυσον τὸν Ν[υμφαῖτων σωτήρα καὶ εὐ]/εργέτην κρατήσαν [τα Σκυθῶν, ὑπὲρ τῶν αὐτοῦ π]/ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[έρ e. g. εὐνοίας πρὸς Νυμφαίτας]. Свою версию выдвинул Ю.Г. Виноградов (Bull. ép. 90, 589):

[Β]ασιλέα ν βασιλέ[ων ν Μιθραδάτην Εὐπά]-
τορα Διόνυσον τὸν ἐ[αυτοῦ/-τῆς/-τῶν σωτήρα καὶ εὐ]-
εργέτην κρατήσαν[τα τῶν ἐν Βοσπόρῳ vel Βοσπόρου]
πραγμ<ά>των καὶ ὑπ[οτάξαντα τοὺς βαρβάρους ?].

Е. А. Молев в 1999 году [Молев 1999, 86–87] попытался объединить разные подходы – свой, В.П. Яйленко и Ю.Г. Виноградова:

[Β]ασιλέα νας. βασιλέ[ων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]-
τορα Διόνυσον τὸν Ν[υμφαῖτων τοῦ δήμου εὐ]-
εργέτην κρατήσαν[τα τῶν ἐν Βοσπόρῳ]
[π]ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[οτάξαντα Σκύθας καὶ ...].

Наконец, в 2010-м В.П. Яйленко [Яйленко 2010, 201] представил свой итоговый на сегодня вариант, учитывающий понимание Ю.Г. Виноградова:

[β]ασιλέα νας. βασιλέ[ων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]-
τορα Διόνυσον τὸν ἐ[αὐτῶν ? σωτήρα καὶ εὐ]-
εργέτην κρατήσαν[τα e.g. Σκυθῶν διὰ μεγάλων π]-
ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[οτάξαντα Ταύρους, Νυμφαῖται ?].

Столь бурная современная жизнь небольшого древнего документа заслуживает сугубого внимания, ибо каждый из названных авторов внёс в его понимание свой особый вклад. Мне представляется, что на основе всех версий, и опираясь на камень, можно придти к интегрированному видению памятника, учитывающему три обстоятельства.

Во-первых, начиная с 1982 г., вторую *альфу* в слове *πραγμάτων* (стк. 4) все напрасно заключали в круглые либо угловые скобки, т. к. ломаная перемычка в ней не пропущена, но просто вытерта. Во-вторых, места для *ни*, как отметили Ю. Г. Виноградов и воспринявший его мнение в 1999 г. Е. А. Молев, в начале того же слова в лакуне вполне достаточно, а значит нет никакой нужды переносить его в конец стк. 3. В-третьих, облик литеры у правого излома в стк. 2 ничем не напоминает *эпсилон*.

В итоге наиболее непротиворечивой выглядит следующая реконструкция:

текст	длина строки	лакуна
[β]ασιλέα ν βασιλέ[ων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]-	35 (33,5)	21 (20,5)
τορα Διόνυσον, τὸν Ν[υμφαῖτων σωτήρα καὶ εὖ]-	35 (33,5)	19 (18)
εργέτην, κρατήσαν[τα τῶν ἐν Βοσπόρῳ]	30 (29,5)	15 (14,5)
[π]ραγμάτων καὶ ὑπ[οτάξαντα Σκύθας καὶ Ταύρ]-	35 (34)	21 (20,5)
[ους κτλ.]		

Перевод: царя цар(ей великого Митридата Эва)тора Диониса, н(имфаитов спасителя и бл)агодетеля, превозмогше(го на Боспоре с)муты и пр(иведшего в повиновение скифов и тавров ...).

Комментарий. Буквы в стк. 3 (особенно *эпсилон*, *эта*, *ню*, *ро*) зримо крупнее: что, с одной стороны указывает на то, что было для нимфейцев главным, а с другой, – объясняет меньшее количество графем в данной строчке. К *πράγματα* «беда, несчастье, недовольство» ср. LSJ s. v. III 5 (in. pl., in bad sense, trouble, annoyance). Налицо краткое изложение обстоятельств, совпадающее с подробной информацией Диофантова декрета (IosPE I²352).

122–123. Об иудейских надгробиях близ Павловского мыса. В прошлом году В. П. Яйленко продолжил публиковать [Бейлин, Яйленко 2024, 183–211] греко-иудейские эпитафии (не все они сопровождаются фотографиями), происходящие из раскопок Д. В. Бейлина в окрестностях Пантикапея. Под № 15 [там же, 185–187] он представил стелу из ракушечника с изображением меноры и надписью (рис. 4. 19), которую он увидел и интерпретировал так: ἐνθα κῆ | τε Ἰουδς | Οὐσαμ «здесь покойтсЯ Иут Усам».

Мне представляется рискованным предполагать, что две *сигмы* были начертаны рядом (и одной рукой) двумя разными способами: квадратным и лунарным. Кроме того, единственная ясно видная буква в конце стк. 3 – *альфа*, между которой и *ипсилоном* наблюдаются нарушения поверхности камня. А ЛИ Иут передавалось греческим письмом, по аналогии с женским Ἰουτή, – Ἰουτος: принято считать, что это – испорченное лат. Юст (см. Bull. ép. 61, 810; 92, 506; 2000, 597). Поэтому правильнее, по-видимому, здесь будет читать, не разбивая литеры на две группы, – Ἰουσοῦα: разделённый изображением меноры на две части (как выше κῆ | τε) вариант написания еврейского имени Josua, где [ō] передано через ou (ср. Ἰωσοῦας LGPN VC s. v.).

123. Под № 16 [там же, 187–188] дан небольшой треугольный фрагмент с обрывками двух строк (рис. 4. 20). Издатель предпочитает читать Σαμ[ουήλ e. g. Χρησ]/τίω[νος].

На мой взгляд, правильнее его второе предположение, связанное с АН Σαμβατίων. Действительно, ничто не препятствует чтению Σαμ[βα]/τίω[v vel Σαμ[βα]/τίω[νος].

124. Об интерпретации написания Ἀρχαιανακτίδαι. В 2024 г. В. П. Яйленко [Яйленко 2024, 498] кратко вернулся к своим аргументам о лесбосском происхождении «Археанактидов»

(подробности см. [Яйленко 2017, 417–426]). Он исходит из гипотезы о том, что они пришли к власти в Пантикапее, опираясь на свою базу на таманском берегу, где лишь о Гермонассе имеется единичное сведение об эолийском участии в её колонизации (о Фанагории такой вывод делается из растяжения $\alpha > \omega$ в первом слоге её названия у Арриана, Дионисия Периегета и его комментатора Евстафия [Яйленко 2024, 501–519]: притом, что и у них у всех, как пишет сам В.П., был, очевидно, всего один общий источник).

Отдавая должное остроумным построениям автора, я не могу, к сожалению, с ним согласиться. Мне не хватает объяснения того, *почему*, вопреки узусу лесбосского диалекта, группа $-\alpha\alpha-$ не стянулась в $-\alpha-$ и не дала, в результате, – Ἀρχαῖνακτίδα .

Список литературы

- Бейлин Д.В., Яйленко В.П. 2024. Иудейские эпитафии из некрополя близ Павловского мыса в окрестности Пантикапея // ПИФК. 4, 183–211.
- Белоусов А.В., Трейстер М.Ю. 2018. Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье // Аристей. 18, 92–128.
- Бехтер А.П. 2013. Предварительные замечания к IosPE II²: Эпиграфические памятники из фондов Херсонского краеведческого музея // ВДИ. 1, 9–20.
- Бехтер А.П., Бутягин А.М. 2017. Новый памятник лапидарной эпиграфики из Мирмекии // ВДИ. 4, 978–990.
- Бехтер А.П., Кучеревская Н.Л. 2019. Неизданный памятник из Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника (КЛ-1465) // СА. 8, 220–229.
- Бехтер А.П. 2024. ΦΙΛΙΣΚΟΣ Ο ΜΑΧΙΜΟΣ (к интерпретации одного мирмекийского граффито) // ПИФК. 1, 64–75.
- Болтунова А.И. 1963. Неизданные надгробия в фондах Керченского и Херсонского музеев // НЭ. 4, 95–102.
- Винокуров Н.И., Яйленко В.П. 2024. Храм Зевса Генарха с посвятительной надписью царя Фарнака на городище Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 4, 231–271.
- Доватур А.И. 1965. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН. М.–Л., 797–831.
- Завойкина Н.В., Новичихин А.М. 2024. Надписи с северо-восточной окраины городища Горгиппия // ДБ. 29, 184–211.
- Иванчик А.И., Тохтасьев С.Р. 2019. Рельеф с посвящением фиаса из Танаиса // ВДИ. 4, 992–1008.
- Иванчик А.И. 2020. Строительная надпись из Танаиса: еще раз к вопросу о еврейской общине в Танаисе // ВДИ. 4, 943–953.
- Кузнецов В.Д. 2024. Синдика и её монета // ПИФК. 2, 31–55.

- Молев Е. А. 1980. О пропонтийской ориентации боспорян в период подчинения Боспора Понту // Проблемы античной истории и классической филологии. Труды Всесоюзной научной конф. Харьков, 43–44.
- Молев Е. А. 1999. О времени установки статуи Митридата Евпатора в Нимфее // Античный мир. Материалы научной конф. Белгород, 85–91.
- Сапрыкин С. Ю. 1985. Традиции Митридата в политике Боспора на рубеже нашей эры I: Эпоха Фарнака и Асандра // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 63–86.
- Сапрыкин С. Ю. 2024. Epigraphica Regni Bosporani II // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. 3, 334–347.
- Тохтасьев С. Р. 2001. Еще раз о синдских монетах и синдском царстве // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. I. СПб, 63–79.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 1985. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. (Древнейшие государства на территории СССР. 1984 г.). М., 5–187.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2019. Двусторонняя надпись из станицы Недвиговской: Танаис, танаиты, эмпорий и Эмпорий в письменных источниках // АМА. 19, 342–355.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2021. De titulis Bosporanis et viciniis III: Боспор и Рим в начале III в. н. э. // ВДИ. 3, 755–766.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2022. De titulis Bosporanis et viciniis VI // ДБ. 27, 315–335.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2023. De titulis Bosporanis et viciniis VII // ДБ. 28, 433–454.
- Шелов-Коведяев Ф. В. 2024. De titulis Bosporanis et viciniis VIII // ДБ. 29, 475–496.
- Яйленко В. П. 1985. Новые эпиграфические данные о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 617–627.
- Яйленко В. П. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 2010, 1–740.
- Яйленко В. П. 2017. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; ещё раз о легендах монет Феодосии, Нимфея // ДБ. 21, 398–440.
- Яйленко В. П. 2019. Эпиграфические заметки I // БИ. 39, 117–209.
- Яйленко В. П. 2024. Лесбосские эолийцы на Тамани: каталог свидетельств и вопросы основания Гермонассы да Фанагории // ДБ. 29, 497–535.
- Pavlichenko N., Fedoseev N. 2018: A new inscription of Herakas, son of Pontikos, ΑΡΧΕΡΜΗΝΕΥΣ ΑΛΑΝΩΝ // Hyperboreus. 2, 315–336.
- Wachter R. 1991. Abbreviated Writing // Kadmos. XXX, 49–80.

Summary

F. V. Shelov-Kovedyayev
De titulis Bosporanis et viciniis IX

The article continues a series of notes on previously published Bosporan inscriptions. On the crosshair of the ceremonial dagger from the kurgan in the Lower Volga region (No. 101), it is suggested to read «(Work) by Bion, from goldsmiths, with the help of Bakkhios. Highlighted by Gaius Eklogistos of good gold –». Epitaph, found in 1978 (No. 102), says κείμει/ ἐν τῷ δὲ χ/ωρίῳ Ἀῖδα' ἐν – “in fortress this lie, being in the range of Hades”. In the list (No. 103) are restored the following names: Πανταλέ[ων] Ἀμυκ<α>λίσι[εω]ς (?), Προμη[θέ]ου (?), Ἡρακλείνου, Νόθου, Κόλλα. The correct reading of CIRB 450 (No. 104) looks like this: Δόλησον, Ἡγούμενος καὶ υἱὸς Ὑγια(ι)νων – 2 vacat – χαίρετε. It is preferable to see satirical content in the ostrakon Φίλισκος ὁ μάχιμος (No. 105). No. 106-113 urges to calculate line sizes more precisely and not overload the publications with microscopic fragments that do not carry significant information. In one building inscription from Tanais (No. 114), it is proposed to read not the name of Arsakes or Samuel, but of [Ἀ]ρσακ[ί]ου. No. 115 warns against linguistic experiments with the legend ΣΙΝΔΩΝ on the coins. In No. 116 was identified a third document mentioning Herakas son of Pontikos, head of the service of translators from the Alan language at the Bosporan Kingdom's court. No. 117 makes adjustments to the inscription on the lead weight. No. 118 indicates errors when working with photos. No. 119 clarifies the reading of CIRB 29 proposed by a precursor. No. 120 gives an accurate reading of Pharnaces' votive, found on the site of Artezian in 2023: [Βασιλεὺς βασιλέων] Φαρνάκης κρατῆ[σας (vel κρατη[τῆς] Ἀγ)αρανεονῶν ἀνέθηκεν / Διὶ Γενάρχηι καὶ Σωτ[ῆρι]. No. 121 presents the adjusted reconstruction of the inscription on the pedestal of the statue from Nymphaeum: [β]ασιλέα ν βασιλέ[ων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]/τορα Διόνυσον, τὸν Ν[υμφαῖτων σωτῆρα καὶ εὐ]/εργέτην, κρατήσαν[τα τῶν ἐν Βοσπόρῳ]/[π]ραγμάτων καὶ ὑπ[οτάξαντα Σκύθας καὶ Ταύρους κτλ.]. In the Jewish tombstones, it is suggested to read Ἰουσουα (No. 122) and to prefer Sambation (No. 123). No. 124 contains doubts about the accuracy of the Lesbian attribution of Ἀρχιαννακτίδαι.

В. П. Яйленко

(Независимый исследователь, г. Москва)

Согдийские фактории раннесредневекового Боспора как часть великого согдийского торгового пути по данным топонимики и письменных источников (и отдельно об острове Тамань)

*1. Предисловие. Общий контекст вопроса о согдийских
торговых факториях VII–IX вв. в Восточной Европе*

В 1985 г. тезисно, в 2023 г. in toto мы опубликовали результаты своей разработки иранской и в особенности восточноиранской гидронимии на юге Восточной Европы в середине – второй половине I тыс. н. э. Таковы имена Среднего Буга у Константина Багрянородного (X в.) Κοῦβοῖ (к хотаносак. kuva «холм») и устья Днепра Кошо армянской географии VII в. «Ашхарацуйц» (= согд. kišā «рот, клюв», топонимически *«устье реки»). Появление их в Побужье и Поднепровье увязали с миграцией сюда в VI в. из Восточного Туркестана, Тохаристана/Бактрии, Согда восточноиранских компонентов аварской орды, именно вархонитов и кучагиров историков VI–VII вв. Менандра, Феофилакта Симокатты. Предварительно установили иранское происхождение названий рек Кубань и Южный Буг Κοῦβις, Κῶβις, Κοβήν у византийских историков VI–X вв. (к среднеиранской форме типа среднеперс. kōf, парф. kōf «гора») [Яйленко 1985, 81–84; 2023, 353–379]. В новой работе значительно расширили ареал поисков иранской и в особенности восточноиранской хотаносакской да согдийской гидро-, топонимии второй пол. I тыс. н. э. на огромной территории Среднего Приднепровья. Появление хотаносакских названий связываем с днепровскими аvaraми VI–VIII вв., которые мигрировали в числе прочего из Тохаристана, где к ним могли присоединиться и соседние саки, и хотанские. Наличие согдийской топонимии в Среднем Приднепровье, Крыму, на Северном Кавказе связано с характерным для согдийцев выведением торговых факторий за сотни и тысячи километров от Согда. В связи с этим вновь обратим внимание на согдийское наименование низовья Днепра, собственно, Днепровско-Бугского лимана Кишā. Согдийцы торговый народ, а при устье Днепра начало/конец большого торгового пути «из варяг в греки». Выявляем в Среднем Приднепровье согдийские названия городов Самбатас (одно из названий древнейшего Киева), Чърниговъ, Каневъ, возможно, хотаносакское Киевъ. В Крыму известен торговый порт с согдийским названием – Судак, его византийское имя Σουδαία известно с VIII в. И в земле северокавказских

алан была область Σουῦδία (у писателя VIII в. Елифания). Связав эти три факта, получаем основания для реконструкции торгового маршрута согдов из Средней Азии через Северный Кавказ в Крым и далее на Днепр как важный торговый путь «из варяг в греки». Стало быть, из Согда купцы направлялись в Дагестан, оттуда через Тамань в Крым, откуда по морю достигали Днепро-Бугского лимана, где начало/конец означенного пути «из варяг в греки». Одна из наших задач – выявление промежуточных согдийских топонимических следов, которые указывали бы на присутствие согдийских факторий в Крыму и на Тамани – это названия городов Керчь, Тматоракань, Санабатис, возможно, Ардава (Феодосия), (полу)острова Тамань¹. В дополнение возрождаем имя забытого городка Асандрион на Керченском полуострове.

2. Согдийские названия городов Восточного Крыма

1. Сугдея (Судак). У имени Сугдея согдийская этимология: его византийская форма Σουῦδαία отражает раннесогд. Sugda-/Suguda- «Согд» (из древнеиран. *suxta- «сожженный», согд. suḡd- «жечь, гореть»). Существование поселения на месте Судака удостоверено раскопанными укреплениями и застройкой, начиная с VI в. Не позднее VII в. оно именовалось Σουῦδαία, на что указывает слегка испорченная в рукописной традиции форма Sugdabon у Равеннского анонима (ок. 700 г.)². Форма Σουῦδαία есть в житии местного святого VIII в. Стефана Сурожского³. По археологическим данным, Судак с VI в. был вполне византийским городом (лит. большая), о чем свидетельствует, в частности, обилие греческих таможенных печатей, однако появление у него по меньшей мере с VII в. (при Sugdabon Равеннского анонима) согдийского названия указывает на активную роль факториальной деятельности согдийских купцов в становлении города. В частности, тут найдены торговые свинцовые печати из Сасанидского Ирана и Закавказья (материалы раскопок И. А. Баранова), что вполне может быть связано с согдийской торговлей, которая шла из Согда преимущественно через Южный Прикаспий, т. е. через иранский Табаристан, в Дагестан (об этом ниже, § 5), оттуда на Тамань и в Восточный Крым⁴.

2. Керчь. Древнерусское имя Керчи Кърчевъ (впервые упомянуто в надписи на Тматороканском камне 1068 г.) еще не нашло приемлемого объяснения⁵. На наш взгляд, оно

¹ Данная статья – часть нашего большого исследования о западном торговом пути согдов, о днепровских хотаносаках в аварской орде, об иранском происхождении ядра аваров, об иранской стране VI–VIII вв. Арсания в Среднем Приднепровье. Представление о тематике и структуре этого исследования дают заголовки его параграфов: 1. Prolegomena: иранские и восточноиранские гидронимы Среднего Приднепровья. 2. Согдийские названия городов Восточного Крыма и Тамани. 3. Согдийские купцы на пути «из варяг в греки». 4. Восточноиранские названия городов Чернигов, Киев, Самбатас (Киев), Канев. 5. Группа гидронимов Северской земли Хоробра и днепровские авары. 6. Иранское название «страны» у русов Арсания арабской географии IX–X вв. и локализация ее в Среднем Приднепровье. Упомянутые §§ 5, 6 будут опубликованы в вып. 10 за 2025 г. издаваемого Институтом востоковедения РАН сборника статей «Древность: историческое знание и специфика источника». §§ 1, 4 в ПИФК'е, 2025 г. Здесь публикуем §§ 2, 3. Всю работу планируем вывесить в Сети.

² Полагаем, Sugdabon – это слегка подпорченное выражение Sugda bon(a) «богатая Сугдея».

³ [Васильевский 1915, 73]. Обзор письменных известий о ранней Сугдее там же, с. CLVI сл.

⁴ Далее о согдийском Судак в интересующем нас аспекте [Vaissière 2005, 242–248; Яйленко 2023, 365–367].

⁵ В. А. Никонов [1966, 188–189], М. Фасмер [1967, 225–226], М. Т. Янко [1973, 73], А. С. Стрижак [Етим. словник 1985, 76], А. В. Подосинов [1997, 155–156] изложили имеющиеся этимологии: к слав. къркъ «горло» (А. И. Соболевский, он имел в виду Керченский пролив); к *корчевать* (Б. Унбегаун, поддержал В. П. Нерознак [1983: 84–

согдийское – к *kuč*/*kurč* «убежище, защита». Его *u*/*ur* произошло из слогового *r*, как и авест. *kərəduš* того же значения [Лившиц, Хромов 1981, 385, 400]. Авест. *ə* – звук типа редуцированного др.рус. *ѣ*; это краткое согд. *u* тоже могло быть неустойчивым, с рефлексами вроде древней презентации слогового *r* в *ər*, продолженной язгулямским языком, либо как *ɤr* в ишкашимском [Эдельман 1986, 75]. Отсюда и корневое редуцированное *ɤ* древнерусской передачи Кърчевъ, где согдийская основа *kuč* (**kərč*) оформлена топонимическим псевдосуффиксом *-евъ*. Что наша этимология верна, указывает древнейшая форма названия города – Корчъ в житии Стефана Сурожского VIII в., без русского окончания *-евъ*⁶. Вообще, форма Корчевъ с этим окончанием крайне редка (3 упоминания в летописях да Тматороканский камень [Етим. словарь 1985, 76]). Также арабские передачи (с X в.) имени Керчи дают одну основу, без *-евъ*: *Karkh* Ибн Русте, *Krš* Абульфеды, *Kardj* Байбарса, *Karz* персидской географии X в. «Худуд ал-‘галам», *Krc* еврейско-хазарской переписки X в. [Marquart 1903, 506–507; Бартольд 1965, 458; Swoboda 1977, 92]⁷. Таково и русское Керчь с XVIII в. Самая характерная особенность Керчи (античного Пантикапея, византийского Боспора) – гора Митридат, господствующая над местностью и морем, она не только естественное убежище, но и искусственное: после готских и гуннских погромов III–IV вв. тут были развалины строений античного времени. Поэтому Корчъ действительно *kuč* – «убежище, укрепление». Предлагавшиеся этимологии имени Керчи неубедительны по причине своей отвлеченности от конкретики города, тогда как наше объяснение исходит из главной его топографической реалии.

3. Санабатис. Вопрос об этом портовом городке на Керченском полуострове между Акрой и портом Асандрион у Тобечикского озера начнем издали – с одного из названий Киева, ибо отсюда топонимическая логика перенесет нас в Восточный Крым. Византийский император Константин Багрянородный сообщает в главе 9 трактата «Об управлении империей», написанного в 948–952 гг.: весной славяне сплавливают свои лодки по Днепру и собираются «у крепости Киев, называемой Самбатас» (*ἐπὶ τὸ κάστρον*

87]; но известно, что лес был тут существенно сведен еще в античное время); к др. рус. *крьчъ* – обозначению кузнечного дела (В. И. Абаев; но археологические следы ничтожны); адыг. *керк-жъ* «черкесская» (Дж. Коков; есть несколько адыгских личных имен в надписях античного Пантикапея, но в средневековом городе никаких адыгских следов нет). А. В. Подосинов [1997, 158 сл.] развил идею Ю. А. Кулаковского, что имя Керчи происходит от упомянутого Равеннским Анонимом города *Carleon* в Восточном Крыму. С развитием а > о проблем нет, но отсутствие буквы, передающей в латинице звук *ч* (им могло бы быть лат. *c*), препятствует данной гипотезе. А. В. Подосинов нашел хорошее подкрепление в известии византийского историка XV в. Леонтия Халкондила, что пленных черкесов, мингрелов, сармат отводят «на Боспор в город Кареон». Далее он апеллирует к переименованиям в конце I в. до н. э. города Фанагория в Агриппию, а Пантикапея в Кесарею, полагая, что из *Caesarea* произошла форма *Carleon*. Идентификацию Пантикапея и Цезареи поддерживает большинство специалистов, но в наших воззрениях этот аргумент не работает, поскольку в Цезарею была переименована Гермонасса, античная предтеча Тматоракани [Яйленко 2010, 283–287]). В итоге, по нашему мнению, Керчь не Кареон.

⁶ Греческий протограф жития составлен в 70-х гг. VIII в., в дальнейшем оно разрасталось, в частности, включен эпизод с походом русского князя Бравлина в конце VIII – начале IX в. из Новгорода в Крым, где он захватил земли от Херсонеса до Корчева, в т. ч. Сугдею: «плѣни отъ Корсоуны и до Корча» [Васильевский 1915, 95]. Отсутствие в русском памятнике суффиксации *-евъ* может быть объяснено только тем, что это название нерусское. Поскольку речь ведется о руссах («ратъ велика роусскаа изъ Новаграда»), обоснованно считается, что это один из первых набегов русов-варягов на Крым.

⁷ Как видно, каждый писатель передавал средствами своего языка согдийское *č*. В арабском и еврейском этой аффрикаты нет, в среднеперсидском есть, так что *z* в *Karz* «Худуд» скорее всего связано с формой названия в источнике, которым пользовался автор этой персидской географии, составленной в Хорасане.

τὸ Κιοῦβα τὸ ἐπονομαζόμενον Σαμβατάς). Стало быть, у Киева было в X в. также название Самбатас. Его объясняли по-разному – из славянского, скандинавского, еврейского, венгерского, арабского и пр., в литературе два десятка гипотез, но всё это – архивный материал, ибо каждую из них последующие исследователи отводили более или менее обоснованной критикой⁸. Хотя работа с этим названием не из простых, рискнем подать и свой голос. Из выражения Константина «крепость Киев, именуемая Самбатас» можно заключить, что Σαμβατάς включает в себя понятие «крепость» (на это обратил внимание Ю.Д. Бруцкус [1924, 19–20]). Иначе говоря, Киев и (или) Самбатас – иноязычные слова-названия со значением «крепость», либо что-то вроде этого. Имея сие в виду, обратим внимание на созвучное название городка Sanabatin в Восточном Крыму между Акрой (Асра) и городком Asandi на черноморском побережье западнее Керчи в «Космографии» Равеннского Анонима (VIII, 3), составленной ок. 700 г.⁹ Возводим оба названия к согд. zamb- «берег» + dys- «строить, укреплять» = *Zambadys- «укрепленный берег, прибрежное укрепление» (далее увидим, что и у Тмутаракани было такое же по смыслу название). Его компоненты – согд. zamb- «берег»¹⁰ + dys- «строить» (при хотаносак. dās «нагромождать», хорезм. gr-dys «чинить стену», др.перс. dida-, авест. daēza, парф., сред.-неперс. diz «крепость» и пр.)¹¹. Этой этимологии соответствует прибрежное расположение и Киева и Санабатиса. Равеннский аноним указал, что заимствовал свой перечень городов прежнего Боспорского царства у Либания; если это греческий ритор IV в. н. э., то тут он переводил в латиницу греческие топонимы¹². Поэтому Sanabatin – греческий вин. падеж (в этом же падеже соседние топонимы Ichigin, Theaginem), а nom. будет Sanabatis¹³.

4. Ардава. Согласно «Периплу Черного моря» VI в. н. э., город Феодосия ныне зовется аланским именем Ἀρδάβδα, что означает «Семибожий». По В.И. Абаеву [1990, 89–90, 110], это осет. *авд-ард* «семь богов» (греч. β фонетически = v); *ард* (др. перс. arta, авест. aša-vahišta «наилучшее божество») у осетин в бытовом употреблении значит «клятва». Если учесть, что у осет. *ард* значения «божество» нет, и по смыслу это продолжение авест. аша- «истина, право, порядок», то такая этимология названия Ἀρδάβδα проблематична. Между тем, также в согдийском avd (a) «семь» и (как раз в композитах) *art- = осет. *ард* [Абаев 1958, 61], поэтому, при наличии еще трех согдийских поселков в Восточном Крыму и отсутствии там в VI в. н. э. аланско-осетинских, скорее возможна

⁸ Собранны в комментариях к двум русским переводам трактата [Латышев, Малицкий 1934, 52–54; Constantine Porphyrogenitus 1962, 32–33; Константин Багрянородный 1989, 315; Толстой 1997, 407–409].

⁹ [Ravennatis Cosmographia 1860, 172; Подосинов 2002, 193]. Полагаем, Asandi – это Asandrión, портовый городок у Тобечикского озера (выскажемся об этом в другой работе в «Херсонесском Сб.» 2025 г.), здесь же и Санабатис.

¹⁰ Согд. znp, маних. zmb-, хр. zmp/samb- «берег» [Лившиц, Хромов 1981, 419].

¹¹ [Лившиц 2010, 185]. Альтернатива m/n присутствует уже в согдийском источнике; к соответствию иран. (в т. ч. согд.) z – греч. σ ср. согд. prdyz «рай» (авест. pairi.daēza «окруженный валом, стенами; укрепленный» > греч. παράδεισος «огражденный сад, парк» [Ibid., 193]).

¹² Поскольку у греческого ритора IV в. н. э. Либания нет известного нам географического сочинения, видимо, это другой соименный географ. См. об источниках Равенната [Подосинов 2002, 166–169].

¹³ Наличие в перечне Равенната топонимов в именит. и вин. падежах означает, что у Либания был не просто список названий, а с комментариями. В Σαμβατάς i-огласовка ассимилирована двумя предшествующими а. Неударное соединительное а Sanabatis сократилось в Σαμβατάς, оказавшись между двумя губными, т. е. Σαμβατάς < *Σαμ/ναβατάς = Sanabatis.

принадлежность Ардавды (из согд. *arta-avda) к согдийским факториям. А в «Перипле» город назван аланским потому, что греки римского времени и раннего средневековья хорошо знали алан Северного Причерноморья, но не знали там родственных им согдов.

3. Согдийские Тмуторакань, Тамань

1. Тмуторакань. Такой же конкретно ландшафтный характер, что и в имени Керчи, видим в названии города на Тамани, напротив нее, Тмуторакань. Полагаем, и оно согдийского происхождения. Поскольку в X–XI вв. им владели черниговские да киевские князья, упоминание его в летописях применительно к событиям этого времени часто, форма названия ровная, различается лишь огласовкой двух слогов, фонетически естественной для древнерусского: Тмуторакань, Тмуторокань, Тмуторокань, Тмуторокань. Предлагавшиеся этимологии однообразны и мало аргументированы¹⁴. Мы видим здесь сложение трех согдийских основ: tam- «ад», ātar «огонь», kan(ḍh) «город», в целом *tam-ātar-kan(ḍh) «город огня преисподней»¹⁵. Самая приметная физиографическая особенность Таманского полуострова (тогда он был островом, см. Приложение) – многочисленные сопки, это малые вулканы, и в наше время порой приходящие в действие с извержениями огня, пепла, воды, грязи; очевидцы с XVIII в. оставили впечатляющие описания извержений. Крупнейшая на Таманском полуострове, поныне действующая,

¹⁴ Их собрали М. Фасмер [1973, 65–66], А. С. Стрижак [Етим. словарь 1985, 162], в основном личное имя, включающее сан или должность таркан, либо иное сложение с ним: личное имя половецкого князя Темуртархана (А. Смирнов; *Temirtarkan Ф. Е. Корша); др. тюрк. Tamıantarkan «таможня тархана» (И. Маркварт; критики интересовались, куда подевалось ү?). По самой распространенной этимологии (М. Фасмер, К. Г. Менгес и мн. др.), в основе два высоких тюркских сана *таман* и *тархан* – *tamantarhan; поскольку для топонима это странная конструкция, К. Г. Менгес [1979, 155–156] предположил, что в его составе присутствовало еще тюркское или персидское слово *город* – *Taman-Tarhan balyūy/šahry/ordusi. Добавим мнение И. Г. Добродомова [1973, 131–133], который вслед за К. Г. Менгесом [1979, 151] исходил из предположения, что в начальной части названия Тмуторокань Тьму- заключено название нового времени Тамань, ибо в русском языке -ан- перед следующим согласным изменялось в носовой гласный -о-, позднее перешедший в -у-, так что в имени города было еще утраченное н: т – м – н – т – р – к – н. Конструкция моего старшего друга, выдающегося тюрколога и слависта, увы, недавно скончавшегося, фонетически безукоризненна, однако ей противоречит греческая передача VIII в. Ταμάταρχα, тоже без этого -н-, и объяснение Игоря Георгиевича, что он был выпущен из-за сходства с окончанием вин. падежа -у, как и в конце названия, вряд ли работает, поскольку догадка о сходстве с окончанием вин. падежа недоказуема. В конечном счете и он видел в имени Тмуторокань два тюркских должностных термина *таман* и *тархан*, так что полученное им в основе *Тамань* тоже происходит от должностного сана. Все это, однако, странно для топонима. К примеру, неясное название города Астрахань имеет в источниках несколько вариаций, в том числе Хаджи-Тархан, где первое означает «паломник», по существу, почетный религиозный сан, второе тоже сан или он же в своем очень позднем значении как слово *таркан* «свободный от феодальных повинностей» [Никонов 1966, 34; Поспелов 2003, 64]. Заметим, однако, что эти вариации возникали именно вследствие общей непонятности топонима, как народно-этимологического свойства догадки. Чуть ниже мы покажем, что оснований для реконструкции -н- в исходе основы Тьму- вовсе нет. Так же странно для топонима и усмотренное Г. Вернадским в Тьму- слово *тьма*, т. е. заимствованное из монгольского *tumen* «10 тысяч» воинов, не говоря уж о том, что табор такой орды занял бы едва ли не половину (полу)острова.

¹⁵ Русское -кань предполагает наличие согд. kanḍh «город» с элидированным конечным -ḍh; в иранских языках он, как правило, сохраняется, примеры утраты редки – парфянское kân [Лившиц 2010: 198], мунджанское kan. Однако путешественник XIII в. Марко Поло [1955, 77, 78, 270] дал формы имен на -канд-, кенд без конечного -ḍh-, th: Sanmarcan (Самарканд), у области Яркенд три имени – Яркан, Шаркан, Каркан (см. и [Бартольд 1964, 318, прим.]). Марко двигался на Каракорум через Иран, Балх, Кашгар, Яркенд, Хотан и понятно, что он передавал устные формы названий – так, как слышал в живой речи. Впрочем, если верна мысль П. Хорна, что пехлевийское xān, xānak «дом, здание», новоперс. xān, xāne, (добавим тадж. *хона*) принадлежат к этимону *kan- «копать» [Horn 1893, 103], откуда и kanth-, то это xān можно усматривать и в -кань имени Тмуторакань, также в названии города Канев (о нем в § 4 полного варианта нашей работы).

Карабетова сопка расположена рядом с Тмутораканью (в 4 км от станицы Тамань), она и дала имя городу. Сейчас ее большие извержения происходят раз в 15–20 лет, огонь вздымается на несколько десятков метров, из жерла изливаются сильные грязевые потоки, по всей округе звучит жутковатый подземный гул¹⁶. В античное время извержения таманских сопки были мифологизированы в предание о местном божестве Афродите Апатуре¹⁷. Поблизости, на горе Бориса и Глеба, располагался с V в. до н. э. поселок с ее святилищем *Алáтuруv*, имя которого мы произвели из иранского: *ap-ātr-* (*apātur*) «вода – огонь», олицетворение сопочных извержений [Яйленко 2017в, 834–835]. Как видно, представление о преисподней (подземная пещера рассказа Страбона) да огне отразилось в имени местного поселка Апатур, посему иранская топонимическая традиция, связанная с таманскими действующими сопками, давняя, отражена в античном топониме, так что ее продолжает наша согдийская этимология названия Тмуторакань. Добавляет картину огненной Тамани и тем самым аргументацию нашей согдийской этимологии сообщение Константина Багрянородного (*De adm. imperii*, 53): «вне крепости Таматарха есть много источников, дающих нефть».

В греческой передаче имя города *Ταμάταρχα* присутствует в *Notitia episcopatum* первой пол. VIII в., у Порфириогенета. Она почти целиком соответствует нашему согд. **tam-ātar-kan*(*dh*), прежде всего в передаче его *a*-, *ā*- огласовок, поэтому у-, о- огласовки русск. Тмуторакань обязаны внутренней переработке в русском узусе. По норме, иран. *a* передается русскими *a*, *ъ* (развитие *ъ* с XII в. *o* и *o*), иран. *ā* через рус. *a*¹⁸. В форме Тмуторакань согд. *ā* передано по норме через первое *a*, тогда как ее *y*, *o* не соответствуют норме. Скорее всего рус. Тмуторакань – полукалька согдийского топонима, первая основа которого дана в переводе на русский: *tam-* «ад» (вполне вероятны и те значения, что представлены в младоавест. *tamah* «темнота, тьма, мрак» [Bartholomae 1904, 648–649]; общеиранская форма **tamah-*) переведено на русский словом *тьма*, у которого те же значения «мрак, темнота, преисподняя, ад» [Виноградова 1984, 86–87]¹⁹. К примеру, слово *два* в сложениях получает окончание *-у* (двурогий, двуличный и пр., через *-oe-*?), так и Тьма- обернулась в Тьму-²⁰.

¹⁶ Высота сопки 152 м, на вершине кратерное плато примерно 850 × 1500 м, на нем два кратера с водой, булькающей весной и осенью, диаметр одного ок. 100 м, другого ок. 50 м. Она стоит в начале 20-километровой сопочной гряды. У юго-восточного склона Карабетки грязевые озера диаметром ок. 10 м с булькающей водой. Из отзыва туриста о характере местности при Карабетовой сопке: Фантастические ландшафты завораживают, они напоминают лунные пейзажи (ресурс: Керчане на Карабетовой сопке, *kerch.com.ru*). Имя тюркское – «черный склон», это засохшая грязь извержений, не зарастающая травой.

¹⁷ Когда на нее напали здесь сексуально озабоченные гиганты, она обманом завлекала поодиночке вглубь пещеры, где их убивал Геракл (*Strab.* XI. 1, 10). Их борьбой объяснялось сотрясение и извержения сопки.

¹⁸ Эта норма устанавливается по древнерусским заимствованиям из среднеперсидского. Др.рус. *блвѣнь*, *блвѣнь*, *болвѣнь* «статуя, идол, кумир, обрубок» [Словарь РЯ 1975, 277] – заимствование из среднеперс. *rahlavān*, и краткое перс. *a* передано русским *ъ* (его развитие с XII в. *o* и *o*), перс. *ā* – через рус. *a*. Передача перс. *ā* через рус. *a* стабильна: из среднеперс. *dūstkām*/n др.рус. *стакан*; классич. перс. *bāzār* > др.рус. *базар* и т.д. Другие примеры показывают передачу краткого перс. *a* русским *a*. Такова древнерусская мера длины *аршин* < среднеперс. *arīšn* «локоть» [Абдалтаджеддини 2015, 55–56, 118, 126 etc.].

¹⁹ Русскую переработку названия Тмуторакань усмотрел К.Г. Менгес [1979, 151, 156]: в др.рус. Тьму- скрывался носовой звук (**тьма-*), т. е. Тамань; «древнерусская форма также указывает на наличие русской народной этимологии».

²⁰ Греческая фиксация *Ταμάταρχα* VIII в., русская Тмуторакань (в упомянутых разновидностях) 988 г. (наделение князем Владимиром своих сыновей уделами), так что по времени они вполне сравнимы в своем соот-

В «Слове о полку Игореве» упомянут «Тмутораканьскый блъвань», он остается загадкой, ясно лишь, что это какое-то заметное изображение, статуя в городе. Поскольку оно не сохранилось, можно лишь строить догадки²¹. Добавим и свою в связи с выявлением согдийцев в Тмуторакани. Часть их исповедовала буддизм, и в Согде было достаточно монументальных статуй Будды VI–VIII вв. высотой 6–11 м [Пугаченкова, Ремпель 1982, 82–91]. Такая вполне могла быть и в Тмуторакани на участке согдийской фактории, а когда город стал в IX–X вв. русским, статуя не могла не поразить их как чудо, потому и сохранилась память о ней в русской историко-литературной традиции²².

Для нашей согдики интересен и контекст с «Тмутораканьскым блъваномъ». Выступление Игоря в поход сопровождалось неблагоприятными знаменами – солнце тьмою заслонилось (затмение), ночью разразилась гроза, разбудившая птиц, и «свистъ звѣринъ вѣста. Дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влѣзѣ, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тмутораканьскый блъвань». Ввиду упоминания двух крымских торговых городов (Корсунь, Сурож) и прилегающей Тмуторакани, этим Поморьем может быть только Приазовье и черноморское побережье Крыма. Волга тоже крупный торговый путь, шедший не только в страны Прикаспия, но и в византийское Причерноморье (в Херсон, Константинополь). По существу, тут в «Слове» дан торговый итинерарий [ср. Новосельцев 1990, 115], из него выбивается лишь Посулье. Считается, что это область по реке Сула, где проходило русско-половецкое пограничье [Виноградова 1973, 168]. Однако такая трактовка не соответствует торговой сути остальных упомянутых пунктов и Посулье не вписывается в естественный итинерарий Волга – (азовское) Поморье – Сурож – Корсунь – Тмуторакань, так как лежит далеко в стороне. Обратим внимание, что первые издатели читали «по Сулию», это Сулию – дат. падеж (как и Поморию), ном. Сулие. Мы видели, что в Восточном Крыму и на прилегающей Тамани 4–5 согдийских факторий – Σουδαία, Sanabatis, Ардабда (?), Кърчъ, Тмуторакань, они расположены компактно: по дороге от Сугдеи до Тмуторакани всего 150 км. У побывавшего в 630 г. в Согде китайского паломника Сюань Цзана сия страна названа Сули – это китайская передача согд. *sūlik* «согдийский» ~ «страна

ношении с согдийским источником. На месте неясного русского -у второго слога в греческом стоит должная альфа; на месте рус. о третьего слога (из согд. а) в греческом это а присутствует. Как видно, в передаче первых трех слогов согдийского источника греческая фиксация точнее русской. Видимо, она точнее и в трактовке следующего Р, которое не образует слога; в русском здесь -ра-, что вполне объясняется законом открытого слога. Утрату в исходе греческой передачи -ха конечного согд. п можно объяснить его удаленной позицией от ударения (о русском исходе -канъ мы уже вели речь: это отражение согд. kap(ḥh) с утраченным исходом -ḥh). В дальнейшем сократился и первый слог имени Ταύταρχα – Матраха, Матрага, Матриха у византийских и арабских писателей и на итальянских портоланах XIV–XVI вв.

²¹ Их собрал О. В. Творогов [Энциклопедия «Слова» 1995, 132–134]. 1. Каменный истукан типа половецких «баб» (Н. И. Надеждин; однако это надгробные камни, тогда как болван «Слова» городская статуя). 2. Пограничный столб в виде болвана (Д. В. Айналов; но у нас нет сведений о таких погранстолбах в Причерноморье). 3. Маяк со статуей наверху (Г. Ф. Корзухина); два таких были в Горном Крыму византийского и турецкого времени между Гурзуфом и Алуштой: Малый Ламбад – нынешний поселок Кипарисное, Большой Ламбад на горной гряде за ним [Яйленко 2017а, 21], третий маяк был в Херсоне («Хроника» Феофана под 704/705 г.); хотя неизвестно, были ли на них статуи, это мнение вполне возможно.

²² Å proros: в шведском средневековом торговом центре Лиллэ найдена бронзовая статуэтка Будды IX–X вв., возможно, среднеазиатского происхождения [Даркевич 1976, 159].

согдийцев»²³. И в персидских заимствованиях согд. d/δ передается через l, отсюда название согдийцев и их страны в персидских источниках Sul, Suli, арабских Ṣul. Изложенное дает основание предполагать, что Сулие – наименование «Согдийской страны» от Сурожа до Тмудоракани. Это тем более так, что такое значение имеет согдийское название Сурожа у Порфириогенета: Σουδαία < согд. Suṛda «Согд», «страна согдийцев»²⁴. При таком понимании образуется логичный перечень пунктов торгового итинерария (в дат. падежах): «Вльзѣ, и Поморию, и по Сулию – и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тмудораканьскый блъванъ». Названы области (Поморие, Сулие), города (Сурож, Корсунь) и олицетворение города Тмудоракань – стоящая в нем известная тогда статуя.

2. Другие названия Тмудоракани – Томи, Самкуш, Тамань. Русское название (полу)острова Тамань появляется в XVI в., это турецкое время²⁵. Объяснений его мало, в основном они неудачны²⁶. Но в греческих источниках зафиксирован в начале VIII в. топоним Τόμιν – в рассказе историка этого столетия Феофана под 704/705 г. о маршруте передвижения ссыльного императора Юстиниана II: из таманского города Фанагория он прибыл εἰς Τόμιν («в Томи»), где сел на корабль и приплыл в Херсон, миновав на крымском побережье порты Ассады и Символ(он)²⁷. Так как император отплыл из Фанагории, Τόμιν не может быть именем полуострова, это Таматарха-Тмудоракань²⁸. Как сказано, по мысли М. Фасмера, К.Г. Менгеса, И.Г. Добродомова, оно происходит из первой части названия города Тмудоракань: анлаут Тъму- < taman-. Однако наличию здесь -н- противоречит греческая передача имени Тмудоракань VIII в. Ταμάταρχα без него, кроме того, греческий предлог εἰς требует вин. падежа, так что при асс. Τόμιν ном. будет Τόμιν. У современника Феофана Никифора в этом же рассказе дана форма Τόμιν (cod. L Τομῖν), в латинском переводе Феофановой «Хронографии» Анастасия in Men [Чичуров 1980, 126, 155]. Все эти варианты указывают на исходный именит. падеж

²³ На среднеиранском и новом этапах переход d > l свойствен персидскому, афганскому, мунджанскому и прочим языкам [Лившиц, Хромов 1981, 406; Эдельман 1986, 169–170], в согдийском своего l не было, так что формы имени согдийцев и Согда сул(и), сулик (из Suṛda, Suṛdaka) – персидские заимствования. Впрочем, некоторые специалисты считают, что переход d > l свойствен согдийскому [Haussig 1953, 370; Бартольд 1963, 190, 454, 550; Грантовский 1975, 90] и Сули Сюань Цзана – передача согд. sūlik «согдийцы».

²⁴ Сулие при sūlik выказывает элидированное конечное -k. Таково название Судак и на каталонской карте XIV в. Sodaia; напротив, сохранили это -k названия Судак Surdak арабского путешественника того же столетия Ибн-Батуты и Soldachia Марко Поло, ср. [Васильевский 1915, CLVI].

²⁵ Как и в античное время, Тамань в средние века была то островом, то полуостровом, см. ниже Приложение.

²⁶ Собрали В.А. Никонов [1966, 406], М. Фасмер [1973, 17]. 1. Турецкая парафраза черкесского *темен* «болото» (К.Ф. Ган, поддержал Е.М. Поспелов [2003, 279]); но болотистость не характерна для самого полуострова, таковыми бывали прилегающие с юга и востока Цукурский, Кизилташский да Ахтанизовский лиманы. 2. От личного имени Таман, в основе которого тюрк. *таман* «высокое звание, сан»; выше мы отметили, что для топонимического узуса это мало подходяще. 3. А.И. Соболевский связывал с названием Азовского моря Temarunda у Плиния, однако оно, как показал О.Н. Трубачев, древнего индоарийского происхождения, Тамань же поздний топоним.

²⁷ [Чичуров 1980, 39 – греческий текст, 63 – перевод, 126 – комм.].

²⁸ От незнания таманских историко-топонимических реалий старые зарубежные комментаторы понимали под Τόμιν город Томи в Румынии, однако непоследовательность такого маршрута (например, И.С. Чичуров резонно заметил, что бегство императора из Фанагории в Томи, затем появление в крымском Херсоне не имеет смысла) привела специалистов к мысли, что это Таматарха-Тмудоракань – Н.Я. Марра [1935, 182], за ним А. Грегуара, А.В. Гадлю и др. [Чхаидзе 2007, 142, лит.]. Еще раньше Ю.А. Кулаковский [2004, 240] (первое издание 1915 г.) осторожно выразился: «приморское селение Томи».

Тόμη (Тόμη то же самое, ибо фонетическое значение буквы *эта* i)²⁹. Ввиду отсутствия *-н-* в исходе первой основы названий Ταμάταρχα и Τόμη столь ученую и потому популярную гипотезу о тюркском *taman* в первой основе имени Тьмутаракань надлежит сдать в архив. А чистая их основа Таμ-, Τόμ-³⁰ в точности соответствует анлауту нашей согдийской этимологии **tam-ātar-kan(δh)* «город огня преисподней», так что Τόμη(η) суть передача согдийского *tam-* «преисподняя»³¹. Ясно, что это элемент разговорного языка жителей города, который всегда стремится к экономии произносимых звуков. Поскольку мы имеем дело с фактом живой речи, сошлюсь на живой пример: будучи в Дюссельдорфе, я слышал от местных жителей только краткую форму *Düs* (подобных примеров *тьма*).

Таким образом, греческие авторы VIII в. зафиксировали реально употреблявшуюся в Таматархе-Тмутаракани VII – XII/XIII вв. местную краткую разговорную форму названия Τόμη(η)³². Коль она дожила до XII–XIII вв., можно обосновать появление в XVI в. название полуострова Тамань происхождением его от Τόμη(η): это согд. *tam-* «ад, преисподняя», оформленное суффиксом *-ān*³³. Таким образом, согдийское не только имя Тмутаракани, но и Тамани – из **tamān* «адский *остров*», что логично, поскольку, этимологизируя название Тмутаракань как согд. **tam-ātar-kan(δh)* «город огня преисподней», мы апеллировали к основной физиографической характеристике полуострова – пылающим сопкам, сотрясающим его поверхность во время извержений. Фонетическое соответствие полное³⁴. Такая же трансформация произошла и с поздним средневековым названием Тмутаракани Матраха (напомним, это сокращенная форма греческого названия сего города Ταμάταρχα): на итальянских портоланах XIV–XVI вв. Матраха – название Таманского полуострова в целом³⁵.

²⁹ У Анастасия пом. Tome, так как его in Men (начальное То- при переписке утрачено) тоже вин. падеж: в передаче греческих слов допускалась в аккузативе наряду с лат. *-m* греческая флексия *-n* [Эрну 1950, 42].

³⁰ Разница в огласовке обязана губному *m*, перед и после которого *a* могло огубляться в *o* (как, например, в греческих передачах иранских личных имен на античном Боспоре с иран. *kāma-* «желание»: Καμασαρίη, Κομοσαρίη, Καμαρσάκης, Κομορσάκης [Zgusta 1955, 104–105; БЭН 75, 689, 1015, 1088]).

³¹ Греческие слова, личные имена, названия могут оканчиваться только на гласные, сонанты *v*, *p*, согласную *ς* и двойные согласные *ξ*, *ψ*. На *-μ* греческие слова и пр. оканчиваются только позиционно: конечное *v* перед губной следующего слова огубляется в *μ*. Все личные имена и названия на *-μ*, встречающиеся в греческих источниках иностранные, главным образом египетские да еврейские [Hansen 1958, 91–92]. Поэтому логично счесть, что в греческом узусе к основе Тоμ- добавили букву *эта* для уподобления многим греческим названиям на *-μη* [Ib., 55–56].

³² В Центральной Азии согдийские купцы вели торговлю и при монголах, но в отдаленном Крыму, видимо, это было уже нерентабельно.

³³ По происхождению это иранский патронимический суффикс *-āna-*, употребительный и в топонимике: к примеру, содержится в древнеперсидском имени северо-восточной области Ирана Гурган Varkāna, с сокращением конечного *-a* в его среднеперсидской форме Gurgān. В согдийском функции сего суффикса сократились до образования существительных и прилагательных от именных основ, например, *gangān* «цветной» [Лившиц, Хромов 1981, 436, № 13]. Есть примеры передачи русским *у* и иранского *-ap-*, т. е. с кратким *a*, например, в гидрониме Хоропутъ < **hara-panta* «текущая дорога» (К. Мошинский, принял О. Н. Трубачев [2009, 27 и далее]).

³⁴ Как показано выше, краткое перс. *a* передавалось древнерусскими *ъ*, *a*, перс. *ā* через *a*, отсюда *tamān* > Тамань. Ее конечное *-ь*, при *-n* согдийского этимона – русский продукт: в заимствованиях из новоперсидского обычные пары типа *сердар* – *сердарь*, *Нахичеван* – *Нахичевань* и пр.

³⁵ По фото у И. В. Волкова [2016]: рис. 6, 8–11, 13 – карты 1367 г., начала XV в., 1436, 1450, 1452, 1469 гг.

Согласно армянской географии VII в. «Ашхарацуиц» [Патканов 1883, 24, 29], к северу от рек Вардан (Кубань) и Псевхрос (Адагум?³⁶) обитают тюркские и болгарские народы, имена которых происходят от названий рек: «Купи-булгар, Дучи-булкар». Купи – раннесредневековое имя Кубани Куфис [Яйленко 2023, 356–360], так что Купи-булгар – «булгары, живущие на реке Кубань» в Приазовье. Мы исследовали надпись V в. из Гермонассы КБН 1099 и заключили, что 9 упомянутых в ней личных имен болгарские (еще 3 иранских), так что Купи-булкар жили на Тамани и ближнем южном русле обширной Кубанской дельты³⁷. Название Дучи вовсе непонятное, И. Маркварт удачно исправил на Кучи, так что Кучи-булкар – «булгары, живущие на реке Кучи». Река с таким названием и стоящий на ней соименный город (упоминается в источниках с VI–VII в., Kūšā у лексиколога XI в. Махмуда Кашгари) поныне находятся в Восточном Туркестане (ее тюркское имя Эшкэ-баши-су, приток Тарима). Это согдийское название, к kū/ūša «рот, клюв», топонимически «*устье», сей согдийский этимон мы опознали и в имени главной реки Сарматии Кошо «Ашхарацуица», сиречь Днепро-Бугского лимана и Нижнего Днепра³⁸. Стало быть, и в «*Кучи-булкар» река Кучи согдийская. По значению «устье» это Кубань, и коль на Тамани согдийцы да при ней устье Пересыпского русла Кубани, Кучи (Kū/ūša) – ее согдийское имя. Согдийская гидронимия дельты Кубани дает основание думать, что из Дагестана, с горной границы нижнего течения реки Сулак, где мы локализуем город Σουῦδία писателя VIII в. Епифания, согдийские караваны шли по югу Ставропольской возвышенности до Невинномысска, где начинается равнинное течение Кубани и сплавливались по воде до Тамани, а из Тматораканского порта в Керчь.

У Тматорокани было и другое имя: Smkrс еврейско-хазарской переписки X в., Smkarš Ибн Факиха (арабский географ начала X в., частью использовавший сочинение Хордадбега, написанное до 885 г.) [Swoboda 1977, 92; Новосельцев 1990, 11, 132–133]³⁹. Происхождение его неизвестно, мы же обратим внимание на сходство консонантной основы sm с zamb- «берег» в согдийском имени восточнокрымского поселка Sanabatis (из двух соседних губных вторая отпала), а krc – с согд. kurč «убежище» в древнейшей фиксации имени Керчи Корчъ (см. выше); вместе они образуют парный по смыслу с Sanabatis топоним «прибрежное убежище». И в имени Керчи Krc еврейско-хазарской переписки X в., и в Krš арабского географа Абульфеды (1273–1331) представлены эти же передачи согд. č через те же евр. с и араб. š, что и в Smkrс да Smkarš, это подтверждение присутствия в последних согдийского kurč. Интуитивно связь хазарских (в еврейской передаче) названий Тматоракани и Керчи уловил незабвенный А.П. Новосельцев [1990, 133]: «Возможно, что Самкерцем у хазар назывались населенные пункты по обе стороны

³⁶ Река Псевхрос известна Птолемию (Geogr. V, 8) как Ψυχρός «Холодная», находящаяся южнее Бат – Новороссийска, скорее всего это левый частично горный (потому и «Холодная») приток Кубани Адагум.

³⁷ [Яйленко 2010, 426–476]. Ведем речь о южном русле дельты Кубани потому, что имя Кофис имеет значение «Горная/Холмистая» река (из иран. kaufa, kōfa «гора, холм»), а такая местность лишь при Черноморском русле; основное русло тоже идет по такой местности километров 50 до ст. Варениковской.

³⁸ [Яйленко 2023, 360–362]. По Э.М. Мурзаеву [1974, 292], имя города восходит к новоиран. коса «поселок, улица», имя реки к согд. qosa «рот, клюв», топонимически «*устье». Как обычно, река и стоящий на ней город соименны, поэтому не только название города восходит, как минимум, до XI в., но и реки

³⁹ Попытка А.В. Мошина связать это название с Керчью безосновательна, ибо в той же еврейско-хазарской переписке наряду с Smkrс упоминается Krc – Керчь [Swoboda 1977, 92].

Керченского пролива». Наличие двух согдийских имен у города на Тамани не удивительно, к примеру, у города в Согде, одно время бывшего столицей, их сменилось друг за другом три – Кеш, Согд, Шахрисябз (последнее таджикское). Так и таманский город мог иметь сначала одно согдийское имя, со временем и другое; сначала был один квартал, затем появился другой. Еще проще объяснить наличие двух имен хронологически – поначалу у согдийского квартала было одно наименование, через какое-то время иное.

4. Тьмутаракань и Керчь как торговые центры VIII–IX вв.

Итого согдийских факторий в Восточном Крыму 3–4 (Судак, Санабатис, Керчь, возможно, Ардавда), с Тьмутараканью их 4–5; если Ардавда согдийское имя, она древнейшая фактория согдов в Крыму – VI в. (по упоминанию в «Перипле» этого столетия), остальные следует относить скорее к VII–VIII вв., времени наибольшего подъема согдийской международной торговли.

Теперь поясним соотношение топонимики и политики: в какой мере названные города можно считать согдийскими? – Ни в какой, ибо политически они никогда таковыми не были: в VII–IX вв. пребывали под властью византийцев да хазар, которые то враждовали, то находили взаимоприемлемый *modus vivendi*, что явствует, к примеру, из матримониальных связей их правителей⁴⁰. Лишь Тьмутаракань была в VII – начале IX вв. хазарским владением (в VII–VIII вв. здесь сидел тудун, наместник кагана, а в VII в. и в Керчи); при Игоре и до конца XII в. он был русским, затем снова византийским. Здесь издавна обитало греческое и русское население, но в основном хазарское да адыгское [Гадлю 1988, 198], так что можно вести речь лишь о согдийской торговой фактории⁴¹. Даже в Восточном Туркестане, Монголии, Семиречье, где согды основывали города с нуля, преобладало местное население, а политическая власть была у правителей области или страны; эти города нужны были согдам лишь в интересах торговли [Бартольд 1963, 190–191]. Они удовлетворялись своим торговым кварталом или местностью для рынка; этнические кварталы в городах – обычная восточная традиция (ср. [Иб., 195–196, 208], в том числе о кёшках – замках, жилищах купцов). В Центральной Азии наряду с местными названиями городов употреблялись и согдийские их наименования. Так, у семиреченского селения с тюркским названием Беклиг было также согдийское имя Семекна. Но были и города лишь с согдийским именем – Новакет, Керминкет [Иб., 36–37, 191]. Согдийская торговля имела настолько важное значение для местного тюркского населения Семиречья, что оно воспринимало от согдов язык и культуру: по Махмуду Кашгарскому (XI в.), население Баласагуна, Тараза, Сайрама говорит по-тюркски и по-согдийски; согды же восприняли тюркскую одежду [Иб., 454–455].

⁴⁰ Юстиниан II (685–695, 705–711) во время ссылки в Херсон женился на дочери хазарского кагана Феодоре, затем вернул себе власть в Константинополе; император Лев Исавр устроил в 732 г. в знак союзнических отношений с Хазарией брак своего сына Константина V с другой принцессой, ставшей в крещении Ириной. В конце VII в. в Керчи сидел хазарский наместник, но хазарские власти ни в коей мере не мешали сооружению там через несколько десятилетий христианской церкви. Периоды зависимости Тьмутаракани от Византии указывают находки в ней печатей византийских наместников, сидевших в Херсоне, но курировавших ее и Сугдею, также византийских гирек [Чхаидзе 2008, 242–253].

⁴¹ Археологическая картина Тьмутаракани [Чхаидзе 2007, 141–142].

Тмуторокань–Таматарха была центром международной торговли: по известию географа первой половины XII в. ал-Идриси, заимствованному из источника X–XI вв., «Матраха большой город со множеством жителей, с процветающими округами. В нем имеются рынки и собираются ярмарки, посещаемые людьми из самых дальних и соседних стран и из ближайших округов»⁴². Ибн Хордадбех, писавший до 885 г., рассказывает о торговле русов-купцов: они один из разделов славян, возят меха белок, чернобурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Румскому (Черному) морю, и берет с них десятину румский властелин (etc.) [Захедер 1967, 84–85; Новосельцев 2000, 291–292]. По ряду признаков это состояние 40-х гг. IX в. [Васильевский 1915, СІХ–СХХІІІ]. Ибн Факих (начало X в.), использовавший сочинение Ибн Хордадбега, после слов «и платит десятину владельцу ар-Рума» добавляет: «затем идут по морю к самкушу-иудею, а затем... к славянам»⁴³. Поскольку не говорится о пребывании этих купцов в Византии, а лишь о плавании по Румскому морю и упомянут хазарский Самкуш, речь у Хордадбега/Ибн Факиха шла о плавании русов-купцов в Херсон, где сидел византийский наместник и была таможня для сбора податей; была она и в Сугдее-Судаке, так что подать могла собираться и тут; следующий пункт плавания русов Самкуш-Тмуторокань. А далее Хордадбех говорит о плавании русов по Танаису-Дону с переходом в низовье Волги – в хазарскую столицу Хамлидж, там с них тоже берут торговую десятину и оттуда они плывут по Джурджанскому (Каспийскому) морю, пристают к берегу, где хотят; иногда они перевозят свои товары из Джурджана на верблюдах в Багдад [Захедер 1967, 85; Новосельцев 2000, 291]. Как видно, то, о чем писал Идриси (Матраха город с портом и ярмаркой, на которую приезжают торговцы из окружающих краев и очень отдаленных), раскрывается рассказом Хордадбега/Ибн Факиха, так что действительно сведения Идриси восходят к IX – началу X вв., и уже тогда Тмуторокань была задействована в близкой и дальней торговле, в том числе русов. Материальным подтверждением сих письменных свидетельств являются хорошо представленные византийские монеты VI–XI вв. из Таматархи-Тмуторакани, также Фанагории и других центров Тамани, куфические монеты с VIII в. (самый ранний найденный в Тмуторакани аббасидский дирхем датируется 807 г.), русские X–XI вв. [Чхаидзе 2008, 234–239; Абрамзон, Остапенко, Сударев 2018, 6–31; Абрамзон, Кузнецов, Остапенко 2020, 37–45; Абрамзон 2023, 9–15].

Хордадбех пишет о пушнине и мечах как товарах русов, однако номенклатура их была шире, о чем можно судить по рассказу писателя XIII в. Ибн Асира о торговле в Сугдее: «Это город кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их» [Якобсон 1964, 78–79]. Упоминание Хазарского моря, при том, что в XIII в. хазар не было там уже 3 столетия, указывает,

⁴² [Бейлис 1984, 212, прим. 27]. Как сказано, Матраха, Матрага – сокращение от Таматарха.

⁴³ [Хордадбех 1986, 22–23]. Сочинение Хордадбега дошло до нас в сокращении, но Ибн Факих пользовался полным его текстом. Здесь Самкуш-иудей – это хазарская Тмуторокань; хазар называли иудеями по причине исповедания их верхушкой иудаизма; также потому, что в Хазарии было много еврейских торговцев, стало быть, были они и в Тмуторакани (здесь найдены надгробия хазарского времени с семисвечниками). В указанном пассаже брeвиария Хордадбега Самкуш не упомянут, но наличие его у Ибн Факиха, как сказано, пользовавшегося полным текстом предшественника, убеждает в упоминании там и Самкуша-Тмуторакани.

что Ибн Асир заимствовал данное сообщение из источника не позднее IX в. По словам путешественника XIII в. Рубрука, в Судак «пристают все купцы, как едущие из Турции (т. е. Малой Азии) и желающие направиться в северные страны, так и едущие обратно из Руси да северных стран и желающие переправиться в Турцию. Они привозят горностаев, белок и другие драгоценные меха; другие привозят ткани из хлопчатой бумаги, бумазею, шелковые ткани и душистые коренья» [Иб., 79]. Когда арабские авторы пишут о купцах дальней торговли, употребляют термин ар-рахданийя, это персидское слово *rāḫdān* «знающий пути» [Бартольд 1966, 346].

*5. Из Согда в Киев: великая согдийская торговая артерия via Азербайджан,
Северный Кавказ, Боспор, днепровский путь «из варяг в греки»*

Основная статья торговли согдов шелк, они развозили его на несколько тысяч километров. С V в. они включились в созданный китайцами Великий шелковый путь и основательно активизировали его, создавая торговые фактории в Семиречье, Восточном Туркестане, в отдаленных Монголии, Ордосе, Китае. На этой трассе они достигли доминирующего положения. Даже в отдаленных более чем на 4 тыс. км Чаньане и Лояне согдийские купцы создали кварталы со своими лавками [Исамитдинов 2019, 20–22]. В VI–VII вв. Согд входил в состав Тюркского каганата, владыки которого поощряли торговую деятельность согдов, так как получали от этого свой барыш. Тюрко-согдийское сосуществование было вынужденным, но согдийские торговцы воспользовались им для получения дополнительных возможностей в торговле на огромных пространствах, покоренных тюрками. Согды умело встроились в связи Тюркского каганата с Византией, Танской империей, Сасанидским Ираном: придав им преимущественно торговый характер, стали играть в них ведущую роль [Маликов 2015, 76–77]. Значительное место занимала и торговля по водному Волжскому пути с Булгаром, крупнейшим городом Европы того времени, откуда они вывозили, как и все прочие купцы, шкурки соболей, лисиц да иной живности в шубах, доставляемые торговыми сношениями булгар с малыми народами Севера. В первой половине VIII в. Согд, как и прочие государства Средней Азии, завоеван арабами; в экономическом плане отношения с ними были сложнее, нежели с тюрками Каганата, но в конечном счете установился более или менее приемлемый взаимовыгодный *modus commercii* [Vaissière 2005, 268–273]. Клады куфических монет, зарытые до 833 г. [Даркевич 1976, 145, табл. 50–II], показывают, что в пору наибольшего расцвета своей торговой деятельности в VII–VIII вв. согдийцы установили связи и с отдаленной периферией – Подоньем и особенно Левобережьем Среднего Днепра, где они тоже получали в обмен на шелк, среднеазиатские да североиранские произведения художественного ремесла и прочее, в т. ч. те же драгоценные шкурки.

Передвижение согдийских купцов из Дагестана в Крым, естественно, шло через Тамань и Керчь, где обычное место переправы с Кавказа в Таврику, так что основание ими торговых колоний в Тмуторокани и Керчи, в месте встречи Азии и Европы, можно сказать, было неизбежным. О торговом значении Керчи сообщал, в частности, арабский энциклопедист второй половины IX – начала X в. Ибн Русте: мадьяры (они обитали в степном междуречье Южного Буга, Днепра и Дона [Яйленко 2017б, 34–35]), пленив славян, доставляют их к пристани Румской земли (т. е. Византии), называемой Карх (Керчь),

где отдают грекам пленников, а взамен получают ковры, парчу и другие греческие товары [Захедер 1967, 55]. Надо полагать, что внедрение согдов в Тмудоракань, Корчъ, Санабатис, Сугдею проходило в VII–VIII вв., в пору расцвета согдийской торговой колонизации⁴⁴. В качестве параллели упомянем и позднейшее основательное присутствие иранцев в Крыму, о котором свидетельствует составленный там в начале XIV в. Codex Cumanicus – тюркский да иранский разговорник, вобравший классический и разговорный персидский язык XIII в. [Monchi-Zadeh 1969]. Разговорники появляются там, где спрос на них широк и актуален, ср. составление в Хотане VII–X вв. китайско- и санскритско-хотаносакского разговорников, тюркско-хотаносакского словаря.

Еще раз напомним, что согдийцы выводили свои торговые фактории за сотни и тысячи километров от Согда⁴⁵. Ввиду ценности упомянутых товаров, шедших из Руси – пленников и пленниц, драгоценной пушнины, приносивших огромный барыш, вслед за Крымом логично последовало освоение ими важной торговой артерии Восточной Европы – пути «из варяг в греки», шедшего из Византии в Скандинавию и обратно по Днепру. На это указывает наша согдийская этимология названия одного из киевских холмов Σαμβατάς⁴⁶. Но не только она. Согласно армянской географии VII в. «Ашхарацуиц», 13 рек Сарматии сливаются в единый поток, текущий в Понт, одна из них называется Борисфен (это Днепр), другая Кошо, к имени которой мы усмотрели параллель в Восточном Туркестане – нынешние город да реку Кочо, и сочли сию группу названий согдийской: Кūšā (при будд. kwc'kh, маних. kwc' = kū/ūšā «рот, клюв», топографически *«устье») [Яйленко 2023, 360–363]⁴⁷. Тогда мы связали возникновение этого согдийского имени Днепро-Бугского лимана с миграциями иранских племен IV–VI вв. из Центральной Азии в составе аварской орды [Ib., 367–368], но теперь, выявив основательное присутствие согдийских торговых факторий в Восточном Крыму и параллель одному из них на территории Киева Σαμβατάς как свидетельство освоения согдами важнейшей торговой артерии Восточной Европы – пути «из варяг в греки», находим более адекватное объяснение согдийскому имени Днепро-Бугского лимана Кūšā: оно возникло потому, что тут начиналось/завершалось плавание по главной артерии упомянутого «пути» – Днепру. Константин Багрянородный, говоря о плавании русов «из России в Константинополь» (De adm. imperii, 9), сообщает: миновав пороги, они высаживаются для отдыха на острове св. Эферия, находящемся при устье Днепра, оттуда плывут морем в столицу Византии. Реально это нынешний обширный Днепро-Бугский лиман, а «остров» – Кинбурнский п-ов (тогда остров⁴⁸). Порфиригенет умолчал, что

⁴⁴ В III–V вв. Крым да Тамань опустошали рейды готов и гуннов, так что возобновление городов приходится на VI–VII вв., существенный рост наблюдается с VIII–IX вв., и коль у них появились согдийские названия, участие согдов в этом процессе было существенным, как далее покажем, главным образом в VIII–IX вв.

⁴⁵ См. общий очерк согдийской торговли с обширной литературой [Vaissiere 2005].

⁴⁶ В поддержку сказанного упомянем, что в Киеве и древнем Белгороде близ него найдены кости верблюдов [Кропоткин 1973, 230, прим. 28].

⁴⁷ Коль одна река Борисфен–Днепр, то Кочо мы сочли Бугом, что ошибочно: поскольку говорится о слиянии рек и kū/ūšā имеет значение *«устье, река» (сие явствует из такого же наименования реки и города на ней в Восточном Туркестане), это Днепро-Бугский лиман и нижнее течение обеих рек.

⁴⁸ Его разрезала Протока Днепра, остатки русла которой до сих пор видны на Кинбурне. Это показывает и запись так наз. продолжателя «Хронографии» Феофана под 904, 941 гг. «Росы, называемые также дромитами»,

русы отправлялись отсюда также в Западный Крым, о чем свидетельствуют тамошние варяжские названия на карте Г. Меркатора 1569 г. (нижеследующие подробности [Яйленко 2017а, 56, карта на с. 87]). Тут перед Каланчакским лиманом (Каркинитский залив) показан остров *Rossa*, т.е. «остров россов», п-ов Тарханкут именуется *Rossofar* («Перевоз/переправа россов», к гот. *farjan*, др. норвеж. *ferja*, швед. *färja* «перевоз, переправа»), севернее показано селение *Varangito* (это греч. **Βαράγγιτον* «Варяжское селение»). Все это – топонимические следы прочной торговой деятельности тут киевских россов-варягов, плывших с Днепра через Кинбурн в Крым – Херсон, Судак и далее⁴⁹. Соответственно, во встречном направлении двигались согдийские купцы из своих факторий на Керченском полуострове.

Торговый путь согдийцев и других среднеазиатских купцов через Гурган, Табаристан, Гилян, Азербайджан, Грузию или Аланию/Дагестан, Тамань, Крым и вверх по Днепру установлен по находкам предметов восточного импорта в междуречье Среднего Днепра – Средней и нижней Волги [Даркевич 1976, 145, тб. 50-I, II]. Таким образом, выявленный нами по топонимическим и письменным данным путь согдийской торговли имеет и археологическое подкрепление, так что резюмируем: из Согда он шел через Гурган, Табаристан, Гилян в Дагестан/Аланию с факторией VIII в. *Σουγδία*, далее на Тамань/Тьмутаракань, в Восточный Крым, оттуда к устью Днепро-Бугского лимана и далее вверх до Киева и Чернигова⁵⁰. Уже в VII в. в Крыму, где византийский Херсон был очагом коммерческой деятельности греков и русов, согды могли познакомиться с ценными, потому прибыльными, товарами русов – пушниной, невольниками, невольницами, мечами. Это стало для них основанием для налаживания пути к ним на Среднее Приднепровье через Тамань, Керченский полуостров, Днепро-Бугский лиман, Днепр посредством обычного для них устройства факторий.

Приложение

Еще раз о Тамани как (полу)острове (о критике И. Е. Сурикова)

Выше мы не раз констатировали, что Тамань (полу)остров. Островом она была в античное время, включая данные авторов IV–VI вв. н. э. [Яйленко 2023а]. От интересных нам VI–X вв. н. э. данных об этом нет, есть известие Киевского патерика, сложившегося к XII в., именно «Жития Феодосия», о ссылке в 1061 г. летописца Никона на «остров

ибо *δρμόος* располагался на Кинбурне [Карышковский 1960, 46]. Поэтому неверна частая идентификация о-ва св. Эферия с островом Березань близ Очакова.

⁴⁹ Писатель XII в. Идриси упоминает город Русия в Крыму [Новосельцев 2000, 309], это остров *Rossa* или *Rossofar*. Русско-греческий договор 945 г., который был возобновлением договора 911 г., наряду с официальными Киевской Руси, почти сплошь норманнами, подписали и «купец (= купцы) Адунь, Адулбь, Игтивлад, Олебь, Фрутань» и другие носители варяжских имен.

⁵⁰ От Согда через Гурган, Мазандеран до Гиляна ок. 1600 км. От Гиляна до Тамани ок. 2100–2300 км, от Тамани/Керчи до Киева ок. 1500 км. Итого от Согда до Киева примерно 5,5 тыс. км. Понятно, что караван не преодолевал это расстояние – была сеть перевалочных пунктов-факторий и караваны шли от одного до другого. Для сравнения: на Востоке от Согда до отдаленнейших факторий в китайских столицах Чанъань да Лоян свыше 4 тыс. км. Эти тысячные расстояния преодолевал не караван, а товары – их перегружали в очередной фактории на местный караван, который шел до следующего перевалочного пункта.

Тмutorоканьскими»⁵¹. По заключению И. В. Волкова [2016, 9 и рис. 18], была Тамань островом и в позднем средневековье. Хотя на большинстве использованных им итальянских портоланов (это карты с указанием портов) XIV–XVI вв. показан только Кизилташский лиман [Ib., рис. 1 сл.], так что Тамань – полуостров, на некоторых она остров⁵². Видимо, это отражает реальную ситуацию, ибо Кубань выносит в дельту огромное количество ила, который забивает дельтовые протоки и даже русла так, что напор воды образует другие стоки. И в XVII в. Тамань остров, как явствует из описания ее у префекта Каффы 1624–1634 гг. д`Асколи: «Построенная генуэзцами она (крепость турецкого времени на месте Тмutorакани)... помещается на острове, и называется островом в начале Черкасии, обойти который можно в один день по морю и двум рекам» [*Северный Кавказ* 2006, 56]. Эвлия Челеби, дважды побывавший тут в середине XVII в., писал о 5 островах, упомянул он и «остров Таман» (Книга путешествий, II, 111). И. В. Волков сделал раскладку этих островов на местности, добавив и свои аргументы по данным портоланов XIV–XVI вв. Первый остров называется Таман (на его рис. 18 он обозначен цифрой I), второй Адахун (обозначен цифрой II), это Фонтал, с XVIII в. поныне восточная часть Таманского полуострова. Но на карте Черного моря Г. Делиля 1720 г. Тамань отделена от материка двумя протоками Кубани и огромным болотом [Волков 2016, рис. 20], потому она пока еще остров. У нас нет данных о Тамани как острове или полуострове в интересующих нас здесь VII–X вв., но нет и оснований считать, что по сравнению с позднеантичной эпохой, когда островной характер Тамани подтверждали историк IV в. Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 30), Орфическая «Аргонавтика» IV–V вв. (ст. 1050–1056), грамматик VI в. Присциан [Яйленко 2023а, 463, прим.], ситуация сильно изменилась. Все же, видимо, показ Тамани островом и полуостровом на портоланах XIV–XVI вв. означает, что и в VII–X вв. ситуация была такой же.

* * *

Пользуемся случаем отреагировать на критику И. Е. Суриковым [2024, 425–436] моего анализа античной письменной традиции о Тамани как острове [Яйленко 2023а, 455–464]. Разумеется, любую критику следует приветствовать, поскольку она либо уточняет точку зрения автора, либо оказывается ошибочной, что убеждает в правильности его положений. Коротко говоря, я рассмотрел основной блок известий античных источников об этом, чтобы, во-первых, выяснить формирования античной письменной традиции об 1–2 островах, дабы располагать более или менее определенной хронологией ее данных о них; во-вторых, извлечь из этих данных представление о физиографическом облике русла, отделявшего остров от материка, и его преобразованиях в ходе времён.

Наиболее раннее известие об островах привел милетский географ позднего VI – раннего V вв. до н. э. Гекатей. Далее следует группа авторов II–I вв. до н. э. – II в. н. э.: Псевдо-Скимн, Страбон, Мела, Плиний, Дионисий Периегет; завершают традицию Стефан

⁵¹ [Котляр 2002, 115]. Н. Ф. Котляру как специалисту по Древней Руси (подчеркнем, хорошему специалисту), к сожалению, неизвестны данные, что Тамань была островом, поэтому он удивляется, как она могла быть так аттестована в Патерике.

⁵² По фотографиям в статье И. В. Волкова [2016]: рис. 7 (атлас А. Креско 1375 г.), 11 (Анонимная карта ок. 1450 г.), 12 (карта мира Фра Мауро 1460 г. – лишь тонкий перешеек соединяет Тамань с материком).

Византиец да Евстафий. Важно отметить, что Мела, Дионисий, Стефан пользовались в числе прочих и раннеионийскими источниками, так что их сообщения отражают ситуацию V–IV вв. до н. э. В результате заключил, что традиция о Тамани как острове цельная – в ней нет внутренних противоречий, и прочная – известия идут от VI–V вв. до н. э. вплоть до позднеантичного времени. Она развивалась в ходе времен – от простой констатации наличия 2 островов у Гекатея и далее 1–2 островов (данные писателей V–IV вв. Гиппократ, либо Эфора или Тимонакта у Мелы) до подробного описания положения и физиографии острова у Псевдо-Скимна, Страбона, известия которых почерпнуты у авторов периплов II в. до н. э. Артемидора и Деметрия Каллатийца.

Поскольку критик уделил основное внимание критике моей трактовки данных Гекатея, целиком изложу, что писал о них (с. 456). «Гекатею известны «остров Фанагора» и «остров Гермонасса» (apud St. Byz., s. nn. Ταυρίκη и Ἐρμόνασσα = Necataios, fr. 208, 212 Jacoby): «Город Фанагория, названный по Фанагору, как сообщает Гекатей в книге «Азия»: «остров Фанагора и Фанагория» (fr. 212); «Гермонасса маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония» (fr. 208)⁵³. Это ясное указание на то, что Таманский полуостров, на котором располагаются Фанагория да Гермонасса, был по меньшей мере в VI–V вв. поделен на два острова. Но в выписке Стефана из Гекатея не говорится чем разделяются два острова. Эту лакуну восполняет известие географа I в. н. э. Мелы (Chorogr. I, 112 = SC 2, p. 118) о двух рукавах Кораканды (Кубани); его сведения о населении и географии Северного Причерноморья восходят к данным писателей V–III вв. Гиппократ, Эфора, Тимонакта» [Яйленко 2013, 184–186].

Далее у меня идет детальный анализ подробных сведений Мелы, Псевдо-Скимна, Страбона о Тамани как острове. К сожалению, И. Е. Суриков проявил недостаточную добросовестность в изложении моих материалов, приписывая мне то, чего нет. Он пишет (с. 426), что развитие античной традиции о Таманском острове В. П. Яйленко рассмотрел подробно, выстроил детальную схему, «однако здание это рушится, как только к нему прикоснешься, поскольку в нем, мягко выражаясь, непрочен (а строго говоря – просто не существует, заменен иллюзией) «краеугольный камень», т. е. тот базовый исходный тезис, на котором зиждется вся конструкция. Тезис этот сформулирован следующим образом: «Гекатею известны «остров Фанагора» и «остров Гермонасса». Иными словами, во времена ... <Гекатея> уж два-то острова в дельте Кубани точно существовали». Выше я кратко изложил смысл и содержание своей концепции, нигде не писал и не подразумевал, что данные Гекатея составляют ее «краеугольный камень», «базовый исходный тезис, на котором зиждется вся конструкция». Попросту говоря, Гекатею я уделил 9 строк на с. 456, весь остальной текст до с. 464 посвящен детальному разбору главным образом известий Псевдо-Скимна да Страбона, которые дали подробное описание островного характера Тамани. Применительно к ним как раз и были бы точны слова И. Е. Сурикова о «краеугольном камне», но он намеренно подменяет акценты, дабы своей критикой сказанного мною о Гекатее показать ошибочность концепции в целом (если у меня о Гекатее 9 строк, то критик распространяется об этом на с. 426–429!).

⁵³ Подразумеваемые в переводе слова даются курсивом.

Посмотрим, насколько точны его суждения о данных Гекатея, которые извлечены из *Ethnica* Стефана Византийца. Отметив, что изданию его фрагментов Феликсом Якоби (fr. 208, 212) свойственна специфика – он дает их с контекстом Стефана, и это важный нюанс, И.Е. Суриков привел оба фрагмента Гекатея с греческим текстом по Ф. Якоби и своим переводом⁵⁴. Сам по себе это был бы методически хороший шаг вперед, да только все это давно уже есть в нашей литературе. Заметка Стефана о Гермонассе существует в компендиуме *Scythica et Caucasica* и в усеченном виде в качестве фрагмента Гекатея (с переводом В.В. Латышева), и в полном виде как текст Стефана, с переводом П.И. Прозорова [SC 1893, 2, 259]. А с контекстом дан сей фрагмент Гекатея в переиздании «Скифии и Кавказики» [Латышев 1947, 300–301], с дополнениями перевода В.В. Латышева С.П. Кондратьевым: «Гермонасса: маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония... Менипп в “Перипле двух Понтов” называет ее местечком Трапезунта; Гекатей и Феопомп говорят, что это город» (выпущен малозначимый небольшой текст, дадим его ниже). Также фрагмент о Фанагории дан и в слегка усеченном виде (опущена ничего не значащая для нашей темы подробность о фанагорийском эмпории), и полном [SC 1893, 2, 268]: «Город Фанагория, названный по Фанагору, как сообщает Гекатей в книге “Азия”: «остров Фанагора и Фанагория»; «Фанагория – город, названный от имени Фанагора, как говорит Гекатей в описании Азии. Остров называется Фанагорой и Фанагорией; есть еще торжище Фанагории <мн. число. – В.Я.>, среднего рода». Посему претензия критика на новаторский подход обязана или незнанию отечественной литературы, или игнорированию ее, то и другое не *comme il faut*.

Как явствует из заголовка полемической статьи И.Е. Сурикова («Таманский п-ов как “два острова”, или о чем не говорит Гекатей») существо его критики направлено в основном против моего тезиса о Тамани как двух островах в сих фрагментах Гекатея. Их тексты мы уже привели, и сообщение об острове Фанагоре определенно принадлежит Гекатею – оно короткое и содержит его имя (fr. 161 Klausen, 164 Müller, 212 Jacoby), тем не менее, критик поставил его авторство под сомнение. Он дал полный текст фрагмента по Ф. Якоби, т.е. с концом заметки Стефана, где упоминается эмпорий Фанагории (мн. число), ничего не значащий для обсуждаемой темы об острове: *Φαναγόρεια πόλις ἀπὸ Φαναγόρου, ὡς Ἑκαταῖος Ἀσίαι. ἡ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια. ἔστι καὶ ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια οὐδέτερος*, с переводом «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в «Азии». Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории, [название которого склоняется] по среднему роду». Критик отмечает (с. 428), что тут ссылка на Гекатея «дана только в связи с происхождением названия города Фанагории. Дальнейшая часть статьи Стефана может опираться тоже на Гекатея, но вполне может на него и не опираться». Так как другие писатели в заметке не упомянуты, И.Е. Суриков допускает, что «происхождение информации об острове Фанагоре из Гекатеева труда если не безусловно, то хотя бы вероятно». Это рассуждение призвано, что называется, хотя бы навести тень на плетень. Сие возможно благодаря точке после *Ἀσίαι* в тексте

⁵⁴ Первым издателем фрагментов Гекатея был Р. Клаузен [Klausen 1831, № 161, 197], вторым К. Мюллер [Müller 1841, р. 11, 13, № 164, 197], оба ограничивались существом текста, потому они у них краткие.

Ф. Якоби. Но тут другие издатели ставят колон – Р. Клаузен (fr. 161), К. Мюллер (fr. 164), В. В. Латышев [SC 1893, 2], что в корне меняет смысл: «Город Фанагория, названный по Фанагору, как сообщает Гекатей в книге «Азия»: «остров Фанагора и Фанагория» (пер. В. В. Латышева)⁵⁵. Поскольку существует одна и другая пунктуация, мнение И. Е. Сурикова вроде бы возможное как один из двух вариантов. Однако есть и другие указания в пользу авторства Гекатея, которые устраняют саму возможность дилеммы. Во-первых, как указал еще Р. Клаузен, это ионийский характер названия острова Φαναγόρη (аттическая форма Φαναγόρα у того же Стефана, s. n. Ταυρική [Klausen 1831, p. 90; Pape, Benseler 1884, 1598])⁵⁶. Во-вторых, сохранился также фрагмент Гекатея о святилище Апатур ([Jacoby 1995, fr. 211] = Steph. Byz., s. n. Απάτουρον): τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερὸν ἐν Φαναγορ<ε>ΐαι, Στράβων ἰα΄ ... “Ἐκαταῖος δὲ κόλπον οἶδε τὸν Ἀπάτουρον ἐν τῇ Ἀσίᾳ «Святилище Афродиты в Фанагории, упоминает Страбон в 12-й книге <2, 10> ... Гекатей же знает этот Апатур как залив в книге “Азия”» (пер. мой). Упоминание в обоих фрагментах книги Гекатея «Азия» и залива при Фанагории, и острова Фанагория ясно свидетельствует в пользу постановки колона после Ἀσίαι. Такое заключение логично и по смыслу: коль Гекатей знает залив при Фанагории, то и νῆσος Φαναγόρη, при котором плещется сей залив, известен ему наверняка. Ergo, попытка И. Е. Сурикова оспорить принадлежность Гекатею свидетельства об острове Φαναγόρη вовсе безосновательна.

Важнейшую роль в развенчании моей концепции И. Е. Суриков отвел разбору фрагмента о Гермонассе; поскольку далее поведем речь о трактовке его содержания, а оно неоднозначно, вот полный текст заметки Стефана по новейшему изданию [Stephanus Byzantium 2011, p. 162, fr. 123]: Ἑρμώνασσα: νῆσος μικρά, πόλιν ἔχουσα, ἐν τῇ Κιμμερίῳ Βοσπόρῳ, Ἰώνων ἄποικον, ὡς ὁ Περικλητῆς (v. 552–553). αὐτὴν ὁ Σκύμνος (fr. 4 Gisinger) καὶ Ἑρμώνειαν καλεῖ. Στράβων ἐν ζ΄ <VII, 3, 16> Ἑρμώνακτος κόμην φησί. Μένιππος δὲ χωρίον Τραπεζοῦντος ἐν Περίπλῳ τῶν δύο πόντων (fr. 21 Diller = GGM 1, p. 572, fr. 1). Ἐκαταῖος (FGrHist 1 E 208) δὲ καὶ Θεόπομπος (FGrHist 115 F 370) πόλιν αὐτὴν φασιν. ἀπὸ Ἑρμώνασσης τὸ ἐθνικὸν Ἑρμωνάσσαϊος ἢ Ἑρμωνάσιος ὡς Συρακόσσιος «Гермонасса – малый остров с городом на Киммерийском Боспоре, колония ионян, как свидетельствует Дионисий Перигет. Ее Скимн называет и Германией. Страбон в 7-й книге говорит о деревне Гермонакта. Менипп же упоминает местечко Гермонасса в “Перипле двух морей”. А Гекатей же и Феопомп говорят, что она город. От Гермонассы этникон гермонасит или гермонасец, как сиракузец» (пер. мой). Ф. Якоби [Jacoby 1995, fr. 208] дал его почти целиком как

⁵⁵ А в извлечениях из Стефана поставлена точка [SC 1893, 268], поскольку переводчик П. И. Прозоров использовал издание А. Майнеке. В. В. Латышев в Scythica et Caucasia давал тексты Гекатея по К. Мюллеру, порой слегка редактируя их.

⁵⁶ Форма Φαναγόρη не просто ионийская, а весьма примечательная для вопроса об имени ойкиста города Φαναγόρης. В другой статье И. Е. Суриков попытался умертвить его, производя имя города от не существующей эпиклеси Аполлона Φαναγόρης, а никогда не существовавшую народноэтимологическую жену ойкиста Гермонассу, напротив, воскресил, потому сполна получил за сочинение топонимических басен [Яйленко 2016, 511 сл.; 2017в, 329 сл.]. В опубликованном Н. В. Завойкиной фанагорийском граффито 540–520-х гг. с ΦΑΝΑΓΡ в стк. 1 он отказался видеть имя ойкиста, сочтя названием города, что очередная его ошибка, ибо в граффити топонимы фигурируют крайне редко [Яйленко 2024, 523–524]. Теперь добавим в пользу реальности ойкиста Фанагора и пример с именем острова Φαναγόρη – оно произведено напрямую от личного имени Φαναγόρης, с сокращением окончания суффикса -ης для соответствия жен. роду слова νῆσος, как, например, мессенцы производили название своего города Φάρις от имени мифического ойкиста Φάρης [Pape, Benseler 1884, 1601, s. n. Φάρις, 1613, s. n. Φηραί].

текст Гекатея – от начала и до слов *πόλιν αὐτὴν φασί*. Перевод его И. Е. Суриковым таков: «Гермонасса. Маленький остров в Киммерийском Боспоре, на котором – город, колония ионийцев, как пишет Перизгет. А Скимн называет его также Гермонией. Страбон в 7-й книге упоминает деревню Гермонакта».⁵⁷ Менипп же говорит о местечке такого названия, принадлежащем Трапезунту, в «Перипле двух Понтов». Но Гекатей и Феопомп называют эту Гермонассу городом».⁵⁸ По мнению И. Е. Сурикова (с. 426–428), относить сей отрывок к числу боспорских фрагментов Гекатея «неправомерно», ибо «совершенно очевидно, что ссылка на Гекатея дана в заметке Стефана только в связи со второй, малоазийской Гермонассой». Иначе говоря, он считал, что во фр. 208 речь идет не о боспорской Гермонассе, но о соименном трапезунтском местечке Мениппа. Он и не подозревает, что так считал еще Р. Клаузен, но затем трактовка эволюционировала.

Р. Клаузен ограничил сей фрагмент Гекатея (его № 197) выпиской двух фраз из обширной заметки Стефана: *Ἐρμόνασσα, χωρίον Τραπεζοῦντος ... Ἐκαταῖος δὲ καὶ Θεόπομπος πόλιν αὐτὴν φασί* «Гермонасса, местечко близ Трапезунта ... Гекатей же и Феопомп называют ее городом» (пер. мой), и поместил его среди городов области Понт. Занес туда Гермонассу и К. Мюллер (фр. 197), но напрасно, ибо к тексту Клаузена сам же сделал через запятую после *φασί* важное добавление – *ἀπὸ Ἐρμονάσσης*, т. е. он считал, что текст Гекатея заканчивается этими словами: «... Гекатей же и Феопомп называют ее городом, по имени Гермонассы». Концовка об этниконе (названии жителей города) при этом чтении будет такова: *τὸ ἐθνικὸν Ἐρμονάσσαῖος* κтл. Если А. Майнеке в издании «Этники» Стефана 1849 г. и за ним последние ее издатели ставили точку после *φασί*, отнеся тем самым слова *ἀπὸ Ἐρμονάσσης* к заключительной фразе, обычной у Стефана, о формах этникона, то К. Мюллер соединил их с предыдущим текстом.⁵⁹ И это оправдано, поскольку у Стефана заключительная часть об этниконах обычно начинается словом (*τὸ*) *ἐθνικόν*, вовсе не предложением *ἀπὸ*, как показывает подборка примеров.⁶⁰ Представленная подборка достаточно репрезентативна и бесспорно свидетельствует в пользу

⁵⁷ Передаем курсивом текст, отсутствующий в переводе В. В. Латышева – С. П. Кондратьева издания 1947 г.

⁵⁸ Здесь лишь отметим, что вышеизложенный перевод В. В. Латышева – С. П. Кондратьева точнее, ибо ближе к греческому подлиннику. В первой фразе греческого текста нет «на котором» перевода И. Е. Сурикова; «в Киммерийском Боспоре» писали ученые XIX в., с тех пор принято «на Киммерийском Боспоре». Его «А Скимн» неточность, ибо в греческом тексте отсутствует противопоставление Скимна Перизгету, надо дать просто «Скимн». 3–4 слова *Μένιππος δὲ χωρίον Τραπεζοῦντος* И. Е. Суриков перевел пространно «Менипп же говорит о местечке такого названия, принадлежащем Трапезунту»; ср. емкое и точное «Менипп называет ее местечком Трапезунта» В. В. Латышева – С. П. Кондратьева. Последняя фраза фрагмента *Ἐκαταῖος δὲ καὶ Θεόπομπος πόλιν αὐτὴν φασί* уж вовсе неряшлива в переводе И. Е. Сурикова: «Но Гекатей и Феопомп называют эту Гермонассу городом». У В. В. Латышева – С. П. Кондратьева точно: «Гекатей и Феопомп говорят, что это город».

⁵⁹ Как сказано, переводчик текстов Стефана в *Scythica et Caucasica* П. И. Прозоров пользовался текстом А. Майнеке, потому так и у него.

⁶⁰ Ограничусь примерами из нашего региона времен Российской империи, т. е. включая Кавказ и прилегающую часть области Понт – *Scythica et Caucasica*, р. 254–256, 258, 260–264, 265–270: Ээя, Амиргон, аорсы, Апатур, о-в Арея, Ахиллов бег, Горгиппия, Гогарена, Феодосия, Кавказ, Корокондама, Кремы, Красса, Никоний, Нимфей, Патрасий, область Понт, Пиенис, Рипея, Стамена, Тамирака, Трафа, Тиенида, Гипанис, Фанагория, Фарнакия, Фасис, Херсонес, Хойрады, Олинна. Подобно этому (*τὸ ἐθνικόν* множество фраз об этниконах начинается словами (*τὸ*) *θηλικόν* (женский род), (*τὸ*) *κτηρικόν* «притяжательное», *οἱ οἰκήτορες* «жители», *ὁ πολίτης* «житель» и пр. А предлог *ἀπὸ* во фразах об этниконе и нечаст и стоит внутри предложения, а не начинается его (Ib., р. 256, 261–262, 264, 267–269): борисфениты, Кавказ, колхидский Китей меоты, Пантикапей, Тиенида, Тира, Фанагория, Фарнакия, филиры.

чтения К. Мюллера (... Ἐκαταῖος δὲ καὶ Θεόπομπος πόλιν αὐτὴν φασίν, ἀπὸ Ἑρμωνάσσης «... Гекатей же и Феопомп называют ее городом, по имени Гермонассы»), и потому в этом фрагменте Гекатея безусловно, подразумевается город на Тамани, поскольку именно с ним связано предание о жене ойкиста Гермонассе⁶¹. Непоследовательность К. Мюллера исправил В. В. Латышев, который повторил его текст фрагмента, но поместил, куда следует – как рассказ о таманском городе Гермонасса.

Не зная всего этого, И. Е. Суриков дал свою аргументацию (с. 428): в заметке Стефана четко отличаются друг от друга две Гермонассы, а Гекатей отделен от упомянутого Стефаном острова Гермонасса авторами от II в. до н. э. по II в. н. э. – Дионисием Периегетом, Скимном, Страбоном, Мениппом. Эти доводы удивляют своей нелогичностью, иначе говоря, они вовсе не причем, ибо ни присутствие в заметке Стефана двух Гермонасс, ни ряд упоминаемых авторов никак не могут свидетельствовать, что заметка относится к трапезунтской Гермонассе. Это было бы так, если б он привлек свидетельство об ее островном положении, но такового нет⁶². Как видно из приведенных данных Страбона, Арриана, Птолемея, это мелкое поселение, некогда с портом, тогда как таманская Гермонасса многократно фигурирует в источниках, потому они не сравнимы друг с другом по значению города⁶³. Ввиду одного этого обстоятельства и без упомянутого добавления ἀπὸ Ἑρμωνάσσης не подлежит сомнению, что в конце рассматриваемого фрагмента – Ἐκαταῖος δὲ καὶ Θεόπομπος πόλιν αὐτὴν φασίν «Гекатей же и Феопомп называют ее (sc. Гермонассу) городом» – имеется в виду таманский полис.

Сложнее ситуация с объединением начала сей заметки Стефана, где говорится о Гермонассе как «малом острове», и концом, где упомянут Гекатей, назвавший ее городом. Как сказано, Ф. Якоби [*Jacoby* 1995, fr. 208] дал заметку Стефана о Гермонассе почти целиком как текст Гекатея – от начала и до слов πόλιν αὐτὴν φασίν. В отдельном томе дал комментарии к фр. 208 [*Jacoby* 1995a, 358], но этого вопроса не поднимал. Сравнительно с текстом фрагмента Ф. Якоби более продвинут текст редакторов переиздания «Скифики и Кавказики» [*Латышев* 1947, 301]⁶⁴, которые акцентировали связь начала и конца заметки Стефана выпуском почти всего промежуточного изложения: «Гермонасса: маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония... Менипп в “Перипле двух Понтов” называет ее местечком Трапезунта; Гекатей и Феопомп говорят, что это город». Поскольку в примечании Л. А. Ельницкий указал, что местечко Трапезунта тут не причем, сей фрагмент Гекатея у них по существу состоит из двух фраз:

⁶¹ Это изложенная Аррианом байка, будто сей боспорский город получил название по имени Гермонассы, жены ойкиста Семандра, правившей после его смерти (Byth., fr. 55 Roos). Детальный разбор фрагмента см. [Яйленко 2016, 511–523; 2017а, 400–404, 414; 2017в, 327–328; 2024, 506–508]. В этих статьях 2016–2017 гг. дана также критика непрофессиональных домыслов И. Е. Сурикова о происхождении топонимов Гермонасса, Фанагория.

⁶² Подбор источников об этой Гермонассе в области Понт [*Pape, Benseler* 1884, 388]. Ее упоминают Страбон (XII, 3, 17: незначительное поселение, расположенное на заливе, неподалеку Трапезунт); Арриан (Per. Ponti Eux. 16, 6: раньше там была гавань); Птолемей (V, 6, 4) только упоминает ее.

⁶³ По той же сводке [*Pape, Benseler* 1884, 388]: о таманской Гермонассе различные сведения дают Страбон, Скимн, Арриан, Дионисий Периегет, Евстафий, Птолемей, Аммиан Марцеллин; Стефан трижды упоминает ее – наряду с рассматриваемой заметкой также при названиях Ταυρικὴ и Ψησοί.

⁶⁴ Книга Ф. Якоби 1955 г. – перепечатка прижизненного издания 1957 г., которое в свою очередь является слегка улучшенным изданием 1923 г.

«Гермонасса: маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония... Гекатей и Феопомп говорят, что это город». В самом деле, коль Гекатею известны остров Φαναγόρη и город Фанагория (fr. 161 Kl., 164 Mül., 212 Jas.; см. выше), то и во фрагменте о Гермонассе, которую он знает как город, упомянутый без ссылки на автора «остров Гермонасса» определенно принадлежит ему же.

Мне важно отметить, что независимо от авторства сообщения заметки Стефана об острове Гермонасса, она действительно была островом: коль Гекатей называет Фанагорию островом, то одно это означает, что другие города Тамани тоже находятся на острове; и коль ему известна Гермонасса, то она расположена на другом, нежели Фанагория, острове. Таким образом, был Гекатей автором присутствующего в начале заметки Стефана известия об острове Гермонасса, или не был, Тамань представляла собой в его время два острова. Это географическая реальность, и коль Гекатей знает остров и город Фанагорию, залив Апатур при ней, коль в заметке о Гермонассе Стефан указывает, что ему известен город Гермонасса, то упомянутый в начале сей заметки «остров Гермонасса» неизбежно взят у него же. Что это так, показывает дальнейшая античная традиция.

Тот же Стефан пишет в заметке Ταυρικὴ следующее: «Таврика – большой и очень замечательный остров, имеющий много народов и своим положением запирающий кругом Меотийское озеро; неподалеку от него лежит небольшой остров Алопекия. К Таврике прилегают два острова – Фанагория и Гермонасса (τῇ δὲ Ταυρικῇ δὴο παράκεινται νῆσοι, Φαναγόρα καὶ Ἑρμόνασσα). Говорят, что там Осирис, запрягши быков, вспахал землю, и от этой-то пары быков получил имя народ»⁶⁵. По наблюдению А. Майнеке, текст от первого слова по фразе об островах Фанагория и Гермонасса включительно Стефан выписал из сочинения какого-то использованного им автора [Stephanus Byzantius 1849, 607, adnot.]. А издательницы «Этники» Стефана М. Биллербек и А. Нойман-Хартман привели в качестве аналогии комментарий Евстафия к стиху 306 Дионисия Периегета [Stephanus Byzantius 2016, p. 272, fr. 51, lemma]: «Племя же тавров получило название, говорят, от животного – вола, так как там Осирис, запрягши вола, пахал землю. У них есть большой и замечательный остров Таврический или Меотийский, к которому прилежит и Фанагория, и Гермонасса, как сказано будет далее»; действительно, комментируя затем ст. 549, Евстафий пишет пространней о них: «Внутри Меотийского озера «утвержден обширный остров»⁶⁶, называемый Таврикой, на котором лежат города Файнагора и Гермонасса, колонизованные ионянами под предводительством некоего Файнагора и Гермона, по имени которых и названы эти места, etc.»⁶⁷. Это комментарий к стт. 306–307, 549–553 Дионисия Периегета, где читаем: к северу от Истра обитает множество народов вплоть до Меотийского озера, среди них «тавры, населяющие крутой, узкий и длинный Бег Ахилла и далее живущие до устья самого озера.. Если же пройти прямо через Киммерийский Боспор, встретится другой обширнейший остров, который

⁶⁵ Перевод П. И. Prozорова [SC 1893, 266]. Греческий текст ключевой для обсуждаемой темы фразы об островах Фанагория и Гермонасса ясный, разночтений нет [Stephanus Byzantius 2016, p. 272, fr. 51].

⁶⁶ Это цитата из стт. 550–551 Дионисия.

⁶⁷ Перевод И. П. Цветкова [SC 1893, 195–196, 198]. Упомянув ойкистов-эпонимов Файнагора и Гермона, Евстафий привел далее уже упомянутое мною свидетельство Арриана о них же, только ойкист Гермонассы Семандр, жена его Гермонасса.

лежит внутри Меотийского озера на правой стороне, на нем Файнагора и прекрасно построенная Гермонасса, в которых живут выходцы из Ионийской земли»⁶⁸.

Как видно, параллелизм заметки Стефана о Таврике, с одной стороны, и Дионисия да Евстафия с другой, бесспорен и это означает, что известия сих трех авторов восходят к одному источнику⁶⁹. А его происхождение аттестуют редкие формы Φαίναγώρα и Φαίναγώρας с растяжением α в αι, которое свойственно лесбосскому субдиалекту эолийского языка, и что это так, свидетельствует упоминание их Евстафием как раз в контексте с рассказом Арриана об основании Гермонассы эолянами да ионийцами, более того, часть рукописей Арриана тоже дает эти растяженные формы. Я подробно разработал этот вопрос и заключил, что изложенные сведения Арриана да Евстафия восходят через Эфора к какому-то лесбосскому историку IV–III в. до н. э., который в свою очередь позаимствовал их у Гекатея или Гелланика, скорее у последнего, поскольку тот был главным поставщиком сведений об основаниях городов для других писателей [Яйленко 2024, 498–499, 501–504]. Счел возможной и модификацию сей версии [Ib., 503; Яйленко 2016, 401–405, 410–413]: поскольку этот фрагмент Арриана восходит к Эфору, а тот пользовался данными Гекатея и Гелланика, элементы лесбосской фонетики означают, что предание об основании Фанагории и Гермонассы дошло до Арриана прямо или опосредованно через лесбосского историка IV–III в. до н. э., который пересказал сведения Эфора, тем самым Гекатея и Гелланика. Что предпочтительнее надо отдать все же Гекатею, свидетельствует следующее. Поскольку известие Стефана (s.n. Ταυρικῇ) об островах Фанагория и Гермонасса находит соответствие в его же выписках из Гекатея о Фанагории как острове и городе (fr. 212 Jас.), также о Гермонассе как городе (fr. 208 Jас.), то тем самым присутствующее здесь же, но без ссылки на автора, известие о Гермонассе как «малом острове» тоже взято у Гекатея. Есть и другое подтверждение этого вывода. Поэт и географ XII в. Никифор Влеммид следовал в своей «Сокращенной географии» Перизегету и идущей от него традиции: «Прямо при входе в Киммерийский Боспор внутри Меотийского озера есть один огромнейший остров в правой стороне и Фанагора, и Гермонасса, которые пользуются большой славой у мореплавателей» (SC 1893, 292), но если у Перизегета дана лесбосская форма Φαίναγώρα, то Влеммид сохранил ионийскую – Φαναγόρη, каковая и должна быть у Гекатея. Гелланик, как и положено логографу, тоже писал на ионийском языке, но упоминания о Фанагории или Гермонассе, тем более о них как островах, в его дошедшем до нас обширном наследии нет [Jacoby 1995, p. 104–152, fr. 1–202]; вообще, сведения Гелланика о Северном Причерноморье и Боспоре единичны да скудны (всего 9 фрагментов), ни один город ему неизвестен [Латышев 1947, 315–316]⁷⁰. А что традиция Дионисия Перизегета восходит к V в., указывает его аттестация Гермонассы как εὐκτίτος

⁶⁸ [Dionysius Periegetes 1828, p. 23, 34], в приведенном тексте разночтений нет. Перевод И. П. Цветкова [SC 1893, 181–183].

⁶⁹ При небольшом расхождении по интересующему нас вопросу: Стефан пишет о двух островах – с Фанагорией и Гермонассой, Дионисий да Евстафий говорят об одном большом острове с этими городами.

⁷⁰ Исследуя источники сведений Псевдо-Скимна об основании ионийских городов в Черноморье, я полагал, что они восходят к Гелланику, у которого было соответствующее сочинение Κτίσεις, основанное на данных Дионисия Милетского [Яйленко 2012, 492–496; 2017а, 178–183]; поскольку Боспор описан Пс.-Скимном по Эфору и периплу Деметрия Каллатийца, теперь больше склоняюсь к мысли, что сведения этих обоих о городах Боспора скорее восходят к данным Гекатея.

«благоустроенная»: копавшие город И. Б. Зеест, С. И. Финогенова отметили материальную его успешность в VI–V вв. и упадок с IV в. до н. э. (подробности и лит. [Яйленко 2024, 511–512]). Традицию о двух островах сохранил также историк IV в. н. э. Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 30): по правую сторону Пантикапейского (т. е. Боспорского) пролива «лежат острова Фанагор и Гермонасса, обстроенные стараниями греков» (пер. SC 1906, 327); слова об их обустройстве греками (*studio constructae Graecorum*) выказывают принадлежность к рассказу Перизгета об этом [Ермолова 1999, 339–341, лит.], стало быть, тоже восходят к Гекатею.

Наконец, пожалуй, самое существенное. В раннее время более или менее подробные сведения о географии Боспора дошли до нас только от Гекатея. Авторы V–IV вв., как Эсхил или Пиндар, просто упоминают пролив Боспор Киммерийский, реку Танаис, озеро Меотиды. Даже Геродоту (IV. 28) известна лишь одна географическая подробность – зимой пролив замерзает, а Аристотель (Met. I. 14, 29) знает, что из-за речных наносов побережье Меотиды мелководное. Только с началом эллинистической эпохи вновь после Гекатея появляются сведения о географии Боспора, поначалу единичные и отрывочные. Писавший ок. 338–335 гг. Скилак Кариандский (fr. 68) упоминает города Феодосию, Китей, Нимфей, Пантикапей, Мирмекий да расстояния от Бараньего лба до Пантикапея и от него до устья Меотиды. Автор второй половины III в. Филостефан (De fluv. fr. 26) упоминает холодную воду некой боспорской реки, а Полибий (ок. 205 – ок. 123) рассуждает о заносах Меотиды речным илом. Аттический писатель второй половины II в. Аполлодор впервые после Гекатея упоминает Гермонассу (De terrae, fr. 120). Только с «Землеописания» поэта II или I в. до н. э. Псевдо-Скимна появляются вполне подробные описания географии Боспора.

В результате резюмируем: все изложенные свидетельства об островах Фанагория да Гермонасса восходят к Гекатею, это идущая от его данных традиция⁷¹.

Полученным результатом дезавуируется итоговый вывод И. Е. Сурикова [2024, 434]: «Если традиция о двух островах вообще не является плодом недоразумения, она зафиксирована *только* для поздней античности (Аммиан Марцеллин, Стефан)... с полной ясностью можно констатировать, что от Гекатея Милетского – автора действительно раннего – никаких свидетельств о двух островах, вопреки В. П. Яйленко, мы не имеем. И это главное, что нам хотелось бы сказать в данной заметке». Для этого вывода критик

⁷¹ Выше, уяснив параллелизм заметок Стефана о Таврике, с одной стороны, и данных Дионисия да Евстафия с другой, я отметил небольшое расхождение сих двух сторон: Стефан пишет о двух островах – с Фанагорией и Гермонассой, Дионисий да Евстафий говорят об одном большом острове с этими городами. Расхождение это обязано и реальному сокращению двух островов в один, и развитию литературной традиции. В самом деле, авторы II/I вв. до н. э. – I в. н. э. Псевдо-Скимн и Страбон, подробно описавшие дельту Кубани, говорят об одном острове и указывают сопутствующие физиографические процессы – заболачивание местности и пр.; об этом сообщает и Мела, использовавший данные одного из писателей IV–III вв. – Гиппократа, Эфора или Тимонакта [Яйленко 2023, 456–463]. А у писателей I–V вв. н. э. это уже развитие литературной традиции: о Дионисии Перизгете, Стефане Византийском, Евстафии и их источниках мы уже вели речь. Чуть раньше Дионисия писал об этом Плиний: (IV, 87): на Боспоре Киммерийском «лежат города Гермисий и Мирмекий, а внутри остров Алопека»; так как у Плиния нет известия об острове Алопека при устье Танаиса, он или его источник ошибочно перенес название Алопека на Таманский остров. Эту ошибочную традицию подхватил и грамматик V–VI вв. Присциан (Perieg. 561–566 = SC 1906, 438): на правой стороне Меотиды стоит тяжкой громадой остров – широкая Алопекия, за ним некогда населили Фанагору и Гермонассу ионийцы [Яйленко 2023, 463].

должен был провести такую же источниковедческую работу, какую я провел здесь. А без нее его критика поверхностна, как обычно у него, она плод плохо обоснованных умозаключений, движимых не столько интересами дела, сколько желанием похвалиться на критическом поприще. Единственный положительный результат его «полемиической заметки» вижу в том, что она дала мне повод разобраться в традиции Гекатея, чего я не сделал в статье 2023 г. о Таманском острове. Однако, добавь я туда это Приложение, ее вообще не взяли бы в «Древности Боспора» из-за неприемлемо большого объема.

Критик дает повод даже повеселиться. Много внимания я уделил анализу подробных данных поэта-географа II или I в. до н. э. Псевдо-Скимна о дельте Кубани, которую он в соответствии с античной традицией называет Танаисом [Яйленко 2023, 459, 462–463]. И. Е. Сурикову сия традиция вовсе неизвестна (ее вскрыл Ф. Якоби в комментарии к фр. 195 Гекатея [Jacoby 1995a, p. 353; Куклина 1985, 95, 134, 145–147, 190–191]), поэтому он назвал мои рассуждения о рукавах Кубани у Пс.-Скимна «основанными на недоразумении», поскольку де у Псевдо-Скимна этот Танаис Дон. Вот перевод И. Е. Суриковым его стт. 871–873: «И имеет Танаис два устья; к Меотиде упомянутой бежит он и к Боспору Киммерийскому». Он не задается себе вопросом – как может Танаис-Дон бежать к Боспору Киммерийскому, или хотя бы поинтересоваться, как это объясняли ученые мужи. Уровень его знания боспорских реалий тот же, что у некоторых позднесредневековых картографов Западной Европы, которые направляли Танаис-Дон напрямик к Черному морю [Денисов 2023, 484–485].

Список литературы

- Абаев В. И. 1958. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л., 1, 981.
- Абаев В. И. 1990. Избранные труды. Владикавказ, 639.
- Абдалтаджедини Н. 2015. Иранизмы в мемуарах, дневниках, письмах А. С. Грибоедова и А. П. Ермолова. СПб. (диссертация; электронная версия: Abdaltadjedini.dissert.pdf).
- Абрамзон М. Г., Остапенко С. Н., Сударев Н. И. 2018. Раннесредневековые монеты на торговом пути через Фанагорию (находки 2015–2017 гг.) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории. 3 (Фанагория. 6). М., 6–34.
- Абрамзон М. Г. 2023. Византийские монеты из Фанагории (раскопки 2015–2022 гг.) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях (Боспорские чтения. XXIV). Симферополь–Керчь, 9–15.
- Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д., Остапенко С. Н. 2020. Раннесредневековые монеты из случайных находок в Кепях // Нуранис. 2, 37–45.

- Бартольд В. В. 1963, 1964, 1965, 1966. Сочинения. М.: II/1, 1020; II/2, 657; III, 711; VI, 785.
- Бейлис В. М. 1984. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 г. М., 208–228.
- Бруцкус Ю. Д. 1924. Письмо хазарского еврея от X в. Берлин, 46.
- Васильевский В. Г. 1915. Труды. 3. Петроград, CCLXXXVIII+122 с.
- Виноградова В. Л. 1973, 1984. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». 4. Л., 234; 6, 278.
- Волков И. В. 2016. О локализации итальянской фактории Копы на месте средневекового Темрюка (Часть 2) // Журнал Института Наследия. 2 (Электронный ресурс, режим доступа: cyberleninka.ru/article).
- Гадло А. В. 1988. К истории Тмутороканского княжества во второй половине XI в. // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 194–213.
- Грантовский Э. А. 1975. О восточноиранских языках кушанского ареала // Б. Г. Гафуров и др. (ред.), Центральная Азия в кушанскую эпоху. 2. М., 76–92.
- Даркевич В. П. 1976. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М., 199.
- Денисов А. О. 2023. Отображение античных реалий в регионе Чёрного моря на средневековых картах // ДГВЕ. 2023 г., 471–501.
- Добродомов И. Г. 1973. Тмуторокань и Тамань // Русская речь. 5, 129–133.
- Ермолова И. Е. 1999. Аммиан Марцеллин и античная традиция о Северном Причерноморье // ДГВЕ. 1996–1997 г. М., 336–347.
- Етим. словник 1985. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі / Под. ред. О. С. Стрижака. Київ, 1985, 254.
- Заходер Б. Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. 2. М., 212.
- Исамитдинов Ж. Б. 2019. Согдийцы-колонизаторы на трассе Великого шелкового пути // Ученые записки Худжандского гос. Университета. Гуманитарные науки. 3 (60), 19–26.
- Карышковский П. О. 1960. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // Византийский временник. 17, 39–51.
- Константин Багрянородный 1989. Об управлении империей. Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 496.
- Котляр Н. Ф. 2002. «Остров Тмутороканьский» // ДГВЕ 2002, 115–117.
- Кропоткин В. В. 1973. Караванные пути в Восточной Европе // Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин (ред.), Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 226–230.
- Куклина И. В. 1985. Этногеография Скифии. Л., 206.
- Кулаковский Ю. А. 2004. История Византии. СПб, 3, 350.
- Латышев В. В. 1947. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1, 280–316.
- Латышев В. В., Малицкий Н. В. 1934. Сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством» (ИГАИМК. 91). М.–Л., 72.
- Лившиц В. А. 2010. Парфянская ономастика. СПб, 399.
- Лившиц В. А., Хромов А. Л. 1981. Согдийский язык // В. С. Расторгуева (ред.), Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 347–514.

- Маликов А. 2015. Тюрко-согдийские связи и взаимовлияния в оазисах Центральной Азии // Согдийский сборник. 2. Saarbrücken, 73–87.
- Марко Поло 1955. Книга Марко Поло. Перевод И. П. Минаева, редакция И. П. Магидовича. М., 376.
- Марр Н. Я. 1935. Избранные работы. V. Л., 666.
- Менгес К. Г. 1979. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 266.
- Мурзаев Э. М. 1974. Очерки топонимики. М., 372.
- Нерознак В. П. 1983. Названия древнерусских городов. М., 207.
- Никонов В. А. 1966. Краткий топонимический словарь. М., 509.
- Новосельцев А. П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 263.
- Новосельцев А. П. 2020. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГВЕ 1998, 264–323 (переиздание статьи 1965 г.).
- Патканов К. П. 1883. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. Часть 226, 21–32.
- Подосинов А. В. 1997. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир и Византия. Харьков, 155–171.
- Подосинов А. В. 2002. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 487.
- Поспелов Е. М. 2003. Географические названия России. М., 349.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. 1982. Очерки искусства Средней Азии. М., 288.
- Северный Кавказ 2006. Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. Сб. материалов. Издание подготовил В. М. Аталиков. Нальчик, 392.
- Словарь РЯ 1975. Словарь русского языка XI–XVII вв. 1. М., 371.
- Суриков И. Е. 2024. Таманский п-ов как «два острова», или о чем не говорит Гекатей (по-лемическая заметка) // ДБ. 29, 425–436.
- Толстой Н. И. 1997. Избранные труды. 1. М., 520.
- Трубачев О. Н. 2009. Труды по этимологии. 4. М., 692.
- Фасмер М. 1967, 1973. Этимологический словарь русского языка. М.: 2, 671; 4, 855.
- Хордадбех 1986. Книга путей и стран. Пер., комм. Н. Валихановой. Баку, 426.
- Чичуров И. С. 1980. Византийские исторические сочинения. М., 215.
- Чхаидзе В. Н. 2007. Гермонасса – Томы – Таматарха // АВ. 14, 141–144.
- Чхаидзе В. Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 328.
- Эдельман Д. И. 1986. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. М., 232.
- Энциклопедия «Слова» 1995. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». 1 / Под ред. О. В. Творогова. СПб, 276.
- Эрну А. 1950. Историческая морфология латинского языка. М., 319.
- Яйленко В. П. 1985. Восточноиранская гуннская гидронимия Украины и Северного Кавказа // Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на исторических факультетах. Тез. докл. Всесоюзной конф. Даугавпилс, 81–84.
- Яйленко В. П. 2010. Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М., 739.

- Яйленко В.П. 2012. Источниковедческий анализ известий Псевдо-Скимна об основании городов Понта // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Проблемы урбанизации. Керчь, 489–496.
- Яйленко В.П. 2013. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., 347.
- Яйленко В.П. 2015. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 19, 386–458.
- Яйленко В.П. 2016. Источниковедение известий Эсхина о Гилоне и Арриана об ойкистах Фанагоре, Гермоне // ДБ. 20, 501–526.
- Яйленко В.П. 2017. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии, Нимфея // ДБ. 21, 398–440.
- Яйленко В.П. 2017а. Топонимика античного Крыма // БИ. 35, 3–88.
- Яйленко В.П. 2017б. Древнейшая этническая история укров по данным ономастики и письменных источников (Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Suppl. 3). Тюмень–Нижевартовск, 76.
- Яйленко В.П. 2017в. История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э. СПб, 1023.
- Яйленко В.П. 2023. Восточноиранские наименования Южного Буга и Кубани середины I тыс. н. э. // Древность: историческое знание и специфика источника. 9. М., 353–379.
- Яйленко В.П. 2023а. Античная географическая традиция о фанагорийском острове и попытка коррекции ее буром // ДБ. 28, 455–495.
- Якобсон А.Л. 1964. Средневековый Крым. М.–Л., 232.
- Янко М.Т. 1973. Топонімічний словник-довідник Української РСР. Київ, 179.
- Bartholomae Chr. 1904. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1999.
- Constantine Porphyrogenitus 1962. De administrando imperii. Vol. II. B. J. Jenkins. Commentary. London, 240.
- Dionysius Periegetes 1828. Geographi Graeci minores. Vol. I. Dionysius Periegetes Graece et Latine. Ex recensione G. Bernhardy. Lipsiae, 1074.
- Hansen B. 1958. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin, 320.
- Haussig H. 1953. Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker // Byzantion. 23, 272–462.
- Horn P. 1893. Grundriss der neupersischen Etymologie. Strassburg, 386.
- Jacoby F. 1995. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 1 A, Text. Leiden, 375.
- Jacoby F. 1995а. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 1 A, Kommentar. Leiden, 253.
- Klausen R. 1831. Hecataei Milesii fragmenta. Berolini, 324.
- Marquart J. 1903. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 557.
- Monchi-Zadeh D. 1969. Das Persische im Codex Cumanicus. Uppsala, 219.
- Müller C. 1841. Fragmenta historicorum Graecorum. I. Parisiis, 856.
- Pape W., Benseler G. E. 1884. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1710.
- Ravennatis Anonymi Cosmographia 1860. Ed. M. Pinder, G. Parthey. Berolini, 674.
- Stephanus Byzantius 1849. Stephani Byzantii Ethnorum quae supersunt. I. Ex recensione A. Meinekii. Berolini, 818.
- Stephanus Byzantius 2011, 2016. Stephani Byzantii Ethnica. Ed. M. Billerbeck, Ch. Zubler. Berolini: Vol. I, 342. Id. Ed. M. Billerbeck, A. Neumann-Hartmann; Vol. IV, 387.

- Swoboda W. 1977. Tmutorokań // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 6, 91–96.
 Vaissière É. 2005. Sogdian traders. Leiden, 406.
 Zgusta L. 1955. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 467.

Summary

V. P. Yailenko

The Sogdian factories on the Early Middle Ages Bosphorus as a part of the Great Sogdian trade road after toponymic and written sources

The author continues to investigate Iranian and especially East-Iranian toponymy, particularly hydronymy, of the South-Eastern Europe in the early Middle Ages. He has previously revealed East-Iranian origin of the South Bug and the Kuban river-names from the VI century AD Κοῦφης (< type of the Middle Persian, Parthian kōf “mount” etc.), also of the Middle Bug name by Constantine Porphyrogenitus (the X century) Κοῦβοῦ (= Khotan Saka kuva-, kuvo- “hill”) and of the Dnieper – Bug estuary Kočo in Armenian the VII century geography “Ashxarhats’ oys” (= sogd. kŭčā “mouth, beak” → “river issue”) [Yailenko 2023, 353–379]. He has now continued this work and prepared a vast investigation, where revealed the Iranian and East-Iranian hydronymy in the Middle Dnieper area – Psel, Tyasmin, Ros’, Rossava, Ruda, Rut/Rot, Khorobra and the city names Kyev, Sambatas, Khorivitsa, Chernigov, Kanev. Here he publishes the next part of the investigation, where sizes up the Sogdian origin of 4–5 city names in the Eastern Crimea. To a long ago established Sogdian city name Σουγδαία, he adds the names Korch (now Kerch) (sogd. kurč- “refuge, fortification”), Sanabatis (sogd. *Zambadys- “fortified coast”, “coastal fortification”), possibly Theodosia-Ἀρδάβδα (sogd. ard-avda- “seven gods”), also Tmutorokan’ on the Taman insula (*tam-ātar-kan(ōh) “city of nether world fire”). He points out an equivalence of the names Sanabatis and Σαμβατάς (Kiev fortress by Porphyrogenitus) and historically connects them with the Sogdian name of the Dnieper – Bug estuary Kŭčā: as it is a beginning/an end of the important trade route “from the Varangians to the Greeks”, he concludes that these city names belong to the Sogdian factories on the route from Sogdiana to the Middle Dnieper Russia via Taman and Eastern Crimean factories. The Sogdian toponymy depicts the points of that Great Sogdian trade road, which goes from Sogdiana to Gurgan, Tabaristan, Azerbaijan, Alania/Dagestan (a settlement Σουγδαία is known here in the VIII century, also the river name Sulak “the Sogdian river”), from there to Tmutorokan’ city on Taman insula, then via East Crimean factories to the Dnieper estuary and along the river to its middle basin, where the cities names Kanev, Sambatas (Kiev hill settlement), Chernigov are of Sogdian origin. The Arab and Byzantine sources tell us

about Crimean Σουγδαία (now Sudak city) and Matracha/Tamataarcha/Tmutorakan' as big trade centers. The author adds to the article the supplement "Once again about Taman' as (pen)insula", where have gathered the early medieval sources on this subject. The author has previously investigated an ancient tradition on Taman' as island, it goes to Hecataios (fr. 208, 212 Jac.): at the VI–V centuries BC the Taman' consists of two islands, then according Pseudo-Skimnus, Strabo it becomes one island [Yailenko 2023a, 455–464]. But I. E. Surikov [2024, 425–436] has criticized all it: the statement on "little island Hermonassa" in fr. 208 is far from Hecataios' name. The author made long source study and shows, that this statement belongs to Hecataios, the critic is wrong.

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ	– Артезианская Археологическая Экспедиция МПГУ
АВ	– Археологические вести. ИИМК. СПб
АИБ	– Археология и история Боспора
АМА	– Античный мир и археология. Саратов
АН	– антропоним
АО	– Археологические Открытия. М.
АП	– Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	– Археологический Сборник Государственного Эрмитажа. Л. / СПб
БИ	– Боспорские исследования. Керчь–Симферополь.
БС	– Боспорский сборник. М.
БФ	– Боспорский феномен. Материалы международной конференции. СПб
ВДИ	– Вестник древней истории
ГБУ РК	– Государственное Бюджетное Учреждение Республики Крым
ГМИИ	– Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
ГОИАМЗ	– Государственный Областной Историко-Археологический Музей-Заповедник (г. Астрахань)
ДБ	– Древности Боспора. М.
ДГВЕ	– Древнейшие Государства Восточной Европы. М.
Древности Восточного Крыма	– Древности Восточного Крыма. Киев, 1970
ЗООИД	– Записки Одесского Общества Истории и Древностей
ИАК	– Известия Императорской Археологической Комиссии
ИАКр.	– История и Археология Крыма. Симферополь
ИБАИ	– Известия на Българския Археологически Институт. София
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории Материальной Культуры. М.–Л.
ИИМК РАН	– Институт Истории Материальной Культуры Российской Академии Наук
КБН	– Корпус Боспорских Надписей. М.– Л. 1965
КИКЗ	– Керченский Историко-Культурный Заповедник
КЛ	– Керченский Лапидарий
КРС	– Крупный Рогатый Скот
КСИА	– Краткие Сообщения Института Археологии РАН. М.
КСИИМК	– Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры. М.–Л.
ЛИ	– Личное Имя

м.б.	– место буквы
МАИАСП	– Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Причерноморья
МАИЭТ	– Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии. Симферополь
МАР	– Материалы по Археологии России. СПб/Пгр.
МИА	– Материалы и Исследования по Археологии СССР
МПГУ	– Московский Педагогический Государственный Университет
МРС	– Мелкий Рогатый Скот
Население архаической Синдики	– А.А. Малышев (ред.), Население архаической Синдики по материалам некрополя у хутора Рассвет (Некрополи Черноморья. III). М., 2010
НЭ	– Нумизматика и Эпиграфика
ОАК	– Отчет императорской Археологической Комиссии. СПб
ПИФК	– Проблемы Истории, Филологии, Культуры. М.–Магнитогорск–Новосибирск
РА	– Российская Археология
РАН	– Российская Академия Наук
РК	– Республика Крым
СА	– Советская Археология
САИ	– Свод Археологических Источников
СГМИИ	– Сообщения Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А.С. Пушкина
стк., сткк.	– строка, строки
СЭ	– Советская Этнография. М.
Тр.ГИМ	– Труды Государственного Исторического Музея
Тр.ГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
ТС	– Таврические студии
Фанагория	– В.Д. Кузнецов (ред.), Результаты археологических исследований. М., 2013–
ХКМ	– Херсонский Краеведческий Музей
ХСб	– Херсонесский Сборник. Севастополь
АА	– Archäologischer Anzeiger
ABulg	– Archaeologia Bulgarica
АЕ	– L' année épigraphique
АМ	– Athenische Mitteilungen
BAR	– British Archaeological Reports
BCH	– Bulletin de Correspondance Hellénique
BSA	– Annual of British School at Athens
Bull. ép.	– Bulletin épigraphique
ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden

CHS	– Center of Historical Sciences
CIG	– Corpus inscriptionum Graecarum
CIRB	– Corpus Inscriptionum Regni Bosporani = КБН
CVA	– Corpus Vasorum Antiquorum
DHA	– Dialogues d’histoire ancienne
EA	– Epigraphica anatolica
EAD	– Exploration Archéologique de Délos
Hypanis	– Труды отдела классической археологии ИА РАН. М.
i.e.	– id est
IA	– Inscriptiones Atticae
ID	– Inscriptions de Délos
IG	– Inscriptiones Graecae
IGR	– Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes / Ed. R. Cagnat. Paris, 1901–1927
ILindos	– Lindos. Fouilles et recherches 1902–1914. 2. Inscriptions. Ed. C. Blinkenberg. 2 vol. B., 1941
IOSPE	– Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
ISM	– Inscriptions grecques et latines de Scythie Mineure
LGPN	– Lexicon of Greek Personal Names
LSJ	– Greek-English Lexicon. Ed. H.G. Liddell, R. Scott, H.S. Jones. Oxford, 1961
NC	– The Numismatic Chronicle
No	– number
Nr	– Nummer
OGIS	– Orientis Graeci Inscriptiones Selectae. Ed. W. Dittenberger. Leipzig, 1903–1905
REA	– Revue des Études Anciennes
REG	– Revue des Études Grecques
s.v.	– specta verbum
SA	– Scripta Antiqua
SC 1893, 1906	– Латышев В.В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб: I/1; II/2
sc.	– scilicet
SEG	– Supplementum Epigraphicum Graecum
SNG von Aulock 10	– O. Morkholm, Sylloge Nummorum Graecorum Deutschland
Syll.	– Sylloge Inscriptionum Graecarum. Ed. W. Dittenberger. Lipsiae, 1915–1924
v	– vacat
WBR	– Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil général des monnaies grecques d’Asie Mineure. Paris, 1925
AEMΘ	– Το Αρχαιολογικό Έργο στη Μακεδονία και στη Θράκη

Правила и рекомендации по оформлению рукописей

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей, выравнивание по левому краю). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Объем рукописи не более 1,5 авт. листов с учетом объема иллюстраций (из расчета: текст – 1 авт. л. = 40 000 знаков с пробелами; рисунки – 1 авт. л. = 8 полосам (страницам)). Объем иллюстраций не должен превышать объем текстовой части. Допустимые отклонения определяются в индивидуальном порядке по согласованию с редколлегией ежегодника.

3. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках (*курсивом*) указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле!) прилагаются:

а) Список литературы, оформленный по правилам (см. ниже);

б) Список сокращений, использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–24 ДБ; новые сокращения вводить в том лишь случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);

в) Перечень Подписей под рисунками;

г) Резюме – до 1 страницы текста на русском (обязательно) и (желательно) на английском языках. Убедительная просьба – излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) – сопровождать их *принятой в литературе* транслитерацией.

д) Макет статьи обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 7)¹, и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 6).

4. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках – на литературу внутри текста (например: [*Масленников 1997, 107*, рис. 3. 1, 5–7]); ссылки на древних авторов даются в *круглых* скобках (*Strab.* XI. 2, 3–5); текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем – по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация примечаний – автоматическая, сплошная, арабскими цифрами²).

В ссылке на литературу в квадратных скобках указываются следующие элементы библиографического описания: [Фамилия *<курсивом>*, и далее без знаков препинания] год

¹ Таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками.

² Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автора тому или иному лицу за содействие.

издания, номера страниц <без «с.»>, рисунок (рис.) или иллюстрация (илл.), или таблица (табл.); например: [Паромов 1999, 209, рис. 1. 2, 4–7; 3. 4, 5]. Обращаем внимание на то, что номер рисунка (таблицы) отделяется от номеров внутри рисунка (таблицы) *точкой*, а сами внутренние номера выделяются курсивом и разделены *запятymi*. Просим Вас не забывать после запятой или точки ставить пробел.

5. Библиографическое описание в списке литературы. Используемая в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем – на иностранном. Каждое наименование выделяется³ абзацем (формат – выступ), например:

Балахванцев А. С. 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб, 61–65.

Брашинский И. Б. 1984. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 240.

Завойкин А. А. 1992. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. 204, 84–88.

Зеест И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83)⁴. М., 187.

Кобылина М. М. 1972. Раскопки в Фанагории в 1972 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4805.

Кобылина М. М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 2, 51–61.

Кузнецов В. Д. 2018. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 (Фанагория. Т. 4). М., 117–135.

Boulter C. 1953. Pottery from the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 22. No. 2, 59–115 + 21–41 pls.

Tsetsikhladze G. R. 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': the Great King and the Cimmerian Bosphorus // ΕΥΔΑΙΜΩΝ. Studies in honour of Jan Bouzek (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis. Vol. XVIII). Prague–Brno, 467–490.

После *фамилии автора* (курсивом) и его инициалов указывается год издания и далее: Название работы, затем *через точку* – Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) – *через //* Название сборника. Номер тома/выпуска (для серийных изданий – журналов, ежегодников и т. п.). Место издания и (*через запятую*), номера/кол-во страниц (статьи/монографии). Если серийное издание обозначено *общепринятым сокращением* (КСИА, МИА, СА и т. д.), место издания не пишется⁵. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание: Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1-11. Ч. III; ...Т. I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

6. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта *Times New Roman*. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются

³ Но не отделяется абзацем!

⁴ Обращаем внимание: в монографиях ссылка на серию, в которой она опубликована, дается в скобках после названия.

⁵ Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.

в стандартном наборе *Word*, например – *Symbol*, необходимо в тексте статьи отметить красным шрифтом и/или «маркером» те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, приложить файлы соответствующих шрифтов. *Греческий текст* рекомендуется писать в *Unicod* (шрифты *Hellenica.Reg* или *Greek* допустимы, ранние версии этих шрифтов обязательно предоставляются).

7. Иллюстративный материал. К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации в электронном виде. Требования к электронному варианту: 1) предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с высоким разрешением, не ниже 300 dpi)⁶; 2) рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате *TIFF* с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); 3) таблицы, сформированные в *PhotoShop*, сохранять в формате *tiff* (не сливая слои).

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна в том случае, когда это необходимо по замыслу автора (изображения комплекса находок, совмещение фото- и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т.д.). Прочий иллюстративный материал (напр., видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять *только* как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты полосы не превышают 212×145 мм, включая и подрисуночные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и/или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисуночные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (см. п. 2д).

Обязательно сопровождайте присланную статью указанием своего адреса, телефона и E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и в процессе подготовки рукописи к печати и своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: *bospor@inbox.ru*; тел.: (095) 124–35–88.

Редколлегия

⁶ С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

Древности Боспора. Том 30

научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В.Б. Степанов

Подписано в печать 19.05.2025. Формат 60×84/8
Уч.-изд. л. 49,9. Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Амирит»
410004 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88, литер У
Тел.: 8-8452-24-86-33 / 8-800-700-86-33
E-mail: 248633a@mail.ru

ISBN 978-5-94375-468-5

9 785943 754685